

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
и мени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 г.

2 0 1 4 Том 20

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

**№ 1
январь – февраль**

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
appears since 1995.

2 0 1 4 Volume 20

BASIC ISSUE

**# 1
January - February**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

РАССАДИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
ректор КГУ им. Н.А.Некрасова, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АКАЕВ ОЛЕГ ПАВЛОВИЧ

доктор технических наук, профессор

БАСОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

БЕЛКИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ

доктор технических наук, профессор

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор исторических наук, профессор

БУЛДАКОВ СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ГИБАЛО НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент

ДЕНИСОВ АРТЕМ РУФИМОВИЧ

доктор технических наук, доцент

ЕДОШИНА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА

доктор культурологии, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ЗАХАРОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ

профессор, заслуженный деятель искусств РФ

ЛЕБЕДЕВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ

доктор биологических наук, профессор

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МУРАТКИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА

доктор филологических наук, профессор

НАУМОВ АЛЕКСАНДР РУДОЛЬФОВИЧ

кандидат химических наук, доцент

СИРОТИНА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА

доктор биологических наук, доцент

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”
(GENERAL ISSUE)**

EDITOR IN CHIEF

NIKOLAY MIKHAYLOVICH RASSADIN
Nekrasov Kostroma State University Rector, Professor,
Russian higher school honoured worker

DEPUTY EDITOR IN CHIEF

ANATOLIY GRIGOR'YEVICH KIRPICHNIK
Candidate of psychological sciences, Professor

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNAD'YEVNA ANDREYEVA
Candidate of philological sciences

THE EDITORIAL BOARD

OLEG PAVLOVICH AKAYEV

Doctor of technical sciences, Professor

NIKOLAY FYODOROVICH BASOV

Doctor of pedagogic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

PAVEL NIKOLAYEVICH BELKIN

Doctor of technical sciences, Professor

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV

Doctor historical of sciences, Professor

SERGEY KONSTANTINOVICH BULDAKOV

Doctor of philosophic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

NIKOLAY PETROVICH GIBALO

Doctor of economic sciences, Professor,
honoured scientist of Russia

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV

Doctor of juridical sciences, associate professor

ARTYOM RUFIMOVICH DENISOV

Doctor of technical sciences, associate professor

IRINA ANATOL'YEVNA YEDOSHINA

Doctor of Culture, Professor,
Russian higher school honoured worker

ANDREY IVANOVICH ZAKHAROV

Professor, honoured art worker of Russia

VLADIMIR PAVLOVICH LEBEDEV

Doctor of biological sciences, Professor

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV

Doctor of philological sciences, Professor,
honoured scientist of Russia

YEKATERINA LEONIDOVNA MURATKINA

Doctor of philological sciences, Professor

ALEKSANDR RUDOL'FOVICH NAUMOV

Candidate of chemical sciences, associate professor

MARINA VALER'YEVNA SIROTINA

Doctor of biological sciences, associate professor

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор экономических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ТИМОНИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

ТРАВИН ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор технических наук, профессор

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, доцент

ФЕТИСКИН НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

АЛИЕВ УРАК ЖОЛМУРЗАЕВИЧ
доктор экономических наук, профессор, вице-президент образовательной корпорации «Туран-Астана», действительный член (академик) Академии философии хозяйства
г. Астана, Казахстан

ДИКУСАР АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН Молдовы
г. Кишинёв, Молдова

КВЯТКОВСКА АННА
доктор психологических наук, Институт психологии польской Академии наук
г. Варшава, Польша

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет (Сорбонна)

КУМБРУК КРИСТЕЛЬ
доктор психологии, профессор Высшей школы
г. Оснабрюк (Германия)

ЛЕМЕЩЕНКО ПЁТР СЕРГЕЕВИЧ
доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

ТАРАСЕВИЧ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ
доктор экономических наук, профессор, Национальная металлургическая академия Украины,
г. Днепропетровск, Украина

ШТРАССЕР ГЕРТ
кандидат философских наук, профессор Высшей школы г. Дармштадт, Германия

ALEKSANDR IVANOVICH SUBETTO
Doctor of economic sciences, Doctor of philosophic sciences, Professor, honoured scientist of Russia

ANDREY IVANOVICH TIMONIN
Doctor of pedagogic sciences, Professor, Russian higher school honoured worker

GEORGIY MIKHAYLOVICH TRAVIN
Doctor of technical sciences, Professor

IRINA YUR'YEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of philological sciences, associate professor

NIKOLAY PETROVICH FETISKIN
Doctor of psychological sciences, Professor, Russian higher school honoured worker

VASILIIY VLADIMIROVICH CHEKMARYOV
Doctor of economic sciences, Professor, honoured scientist of Russia

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of juridical sciences, Professor

**THE EDITORIAL BOARD
FOREIGN MEMBERS**

URAK ZHOLMURZAYEVICH ALIYEV
Doctor of economic sciences, Professor, full member (academician) of Management Philosophy Academy, City of Astana, Kazakhstan

ALEXANDRU DICUSAR
Doctor of chemical sciences, Professor, corresponding member of Academy of Sciences of Moldova, City of Chişinău, Moldova

ANNA KWIATKOWSKA
Doctor of psychological sciences, Psychology Institute of Academy of Sciences of Poland, City of Warsaw, Poland

PHILIPPE COMTE
Professor, expert in modern Russian language and culture among the foreigners, Pantheon Sorbonne, City of Paris, France

KRISTELL KUMBRUCK
Doctor of Psychology, Professor of Higher School, City of Osnabrück, Germany

PYOTR SYARGEYEVICH LYAMESHCHANKA
Doctor of economic sciences, Professor, Belarusian State University, City of Minsk, Belarus

VIKTOR MYKOLAYOVICH TARASEVYCH
Doctor of economic sciences, Professor, Metallurgic Academy of the Nation of the Ukraine, City of Dnipropetrovsk, the Ukraine

GERT STRASSER
Candidate of philosophic sciences, Professor of Higher School, City of Darmstadt, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

- 7 **Белихов А.Б., Леготин Д.Л., Сухов А.К.**
Моделирование распространения атмосферных загрязнений с помощью системы SILAM
- 11 **Кудрявцев Б.Ю.**
Оптимизация распределения толщины пластины в задаче панельного флаттера
- 14 **Лапко Е.Ю., Лапко И.В.**
Особенности методических подходов к разработке способов пробоподготовки объектов окружающей среды
- 19 **Сальников Е.В., Михайлюк И.Г., Спирин Н.Н., Кузьмин Ф.А.**
Особенности механорецепции у людей и животных в зависимости от возраста, пола и наличия патологии
- 22 **Тошчакова Г.Г.**
Многолетняя динамика количества осадков на территории Костромской области

СИСТЕМОТЕХНИКА

- 29 **Привалов А.В., Коврижных А.А., Травин Г.М.**
Методы и модели адаптации льноперерабатывающего оборудования под производство тканей из конопли

ИСТОРИЯ

- 32 **Гулин А.О.**
Организация медицинской и социальной помощи больным и раненым воинам в начале Первой мировой войны (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Часть 1
- 36 **Зверев К.А.**
Православная церковь в независимой Эстонии
- 39 **Кабатов С.А.**
Зооморфные украшения Костромского Поволжья
- 52 **Мухачев Н.В.**
Регулирование виноторговли в верхневолжских губерниях в середине XIX – начале XX века
- 55 **Наградов И.С.**
Григорий Клементьевич Горбунов – промышленник, благотворитель, старовер
- 57 **Назария С.М.**
Борьба за власть в Бессарабии в конце 1917 года и призвание в край румынских интервентов
- 60 **Перескоков Л.В.**
«Он такой легковверный...»: штрихи к портрету великого князя Михаила Александровича
- 65 **Почивалова Е.И., Балдин К.Е.**
Предпосылки создания высшей школы на территории Владимирской губернии
- 69 **Сазонов Д.И.**
Реформа приходского управления Русской Православной Церкви, принятая на Поместном соборе 1961 года, и ее последствия
- 74 **Флейман Е.А., Шипилов А.Д.**
Костромское научное общество по изучению местного края (1912–1930)

ЭКОНОМИКА

- 81 **Дмитриев И.В., Брагина З.В.**
Ресурсы управления защитой населения и объектов экономики от пожаров

CONTENTS

NATURAL SCIENCE

- 7 **Belikhov A.B., Legotin D.L., Sukhov A.K.**
Computer simulation of atmospheric pollutants diffusion by SILAM system
- 11 **Kudryavtsev B.Yu.**
Plate thickness' distribution optimization for panel flutter case
- 14 **Lapko Y.Yu., Lapko I.V.**
Features of methodological approaches to the development of methods of sample preparation of environmental objects
- 19 **Sal'nikov Y.V., Mikhaylyuk I.G., Spirin N.N., Kuz'min F.A.**
Features of mechanoreception in people and animals depending on age, sex and pathology
- 22 **Toshchakova G.G.**
Assessment of climatic changes in precipitation on the territory of Kostroma Region

SYSTEM ENGINEERING

- 29 **Privalov A.V., Kovrizhnykh A.A., Travin G.M.**
Methods and models of adaptation of the lnooperabatyvayushchy equipment under production of fabrics from hemp

HISTORY

- 32 **Gulin A.O.**
The organization of health and social care of sick and wounded warriors in the first months of World War I (on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces). Part 1
- 36 **Zverev K.A.**
Orthodox church in independent Estonia
- 39 **Kabatov S.A.**
Zoomorphic decorations Kostroma Povolzhye
- 52 **Mukhachyov N.V.**
Wine trade regulating in the Upper Volga provinces in the middle of the 19th—20th centuries
- 55 **Nagradov I.S.**
Grigoriy Klement'yevich Gorbunov – industrialist and philanthropist, Old Believer
- 57 **Nazaria S.M.**
Power play in Bessarabia in late 1917 and calling Romanian interventionists into the land
- 60 **Pereskokov L.V.**
« - He is so credulous... » Traits for historical portrait of the Grand Duke Mikhail Alexandrovich
- 65 **Pochivalova Ye.I., Baldin K.Ye.**
Preconditions of creation higher school in Vladimir Province
- 69 **Sazonov D.I.**
Vestry reform of the Russian Orthodox Church adopted by the Local Council of 1961 and its consequences
- 74 **Fleyman Ye.A., Shipilov A.D.,**
Kostroma scientific community on learning local land (1912—1930)

ECONOMY

- 81 **Dmitriyev I.V., Bragina Z.V.**
Control resources of protection of population and objects of economy from fires

- 86 **Маньковский В.А.**
Агропромышленный комплекс и пространственное распределение экономических ресурсов
- 92 **Пономаренко Е.В., Брагина З.В.**
Единая информационная среда ДОСААФ России как резерв эффективного управления
- 97 **Субетто А.И., Чекмарев В.В.**
Экономическая наука:
день завтрашний, или раздетая до крови
- 102 **Курова Г.М.**
Взаимосвязь конкурентоспособности и показателей развития партнерства
- 107 **Чекмарев В.В.**
Синергия экономики и культуры в контексте рыночной конкуренции

ФИЛОСОФИЯ

- 112 **Арутюнян К.С.**
Социальная интеграция как путь преодоления социального кризиса современности
- 115 **Букин Д.Н.**
К вопросу о существовании объектов математики
- 118 **Калуст'янц Ж.С.**
Формирование основных аспектов идентичности в современном мире: личностных и социальных
- 122 **Козырев М.С.**
Историческое развитие идеологии
- 126 **Рыбина Л.Б.**
Проблема общественного идеала в философии С.Л. Франка и В.С. Соловьева

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 129 **Баталова Т.П.**
Мотивы деспотизма и жертвенности в поэзии Н.А. Некрасова 1840-х годов
- 132 **Белопахова О.В.**
Мотивы баллады Ф. Шиллера «Путь в плавыльню» в романе «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева
- 134 **Дреева Д.М., Мильдзихова А.К.**
Свободные ритмы XX – начала XXI века как адекватная форма отражения изменившегося образа мира в сознании художника слова (на примере анализа стихотворений Х.М. Энценсберга «Wortbildungslehre» и «Sommergedicht»)
- 138 **Коптелова Н.Г.**
«Святая кровь» З.Н. Гиппиус и «Снегурочка» А.Н. Островского
- 142 **Позднякова Е.А.**
О жанровом своеобразии пьес А.П. Чехова
- 146 **Тезина В.А.**
У истоков формирования драматургического таланта Ф.М. Достоевского и А.Н. Островского
- 149 **Тихомиров В.В.**
«Петербургский сборник», изданный Н.А. Некрасовым (1846), в контексте русской критики и журналистики 1840-х годов
- 154 **Ращевская Е.П.**
«Сквозящий реализм» Даниила Андреева: традиции и новаторство
- 159 **Устинов А.В.**
Творчество Д.Л. Мордовцева в русской критике 1850-х – 1900-х годов

- 86 **Man'kovskiy V.A.**
Agricultural sector and economic resources spatial distribution
- 92 **Ponomarenko Ye.V., Bragina Z.V.**
Unified information environment of DOSAAF of Russia as an effective management reserve
- 97 **Subetto A.I., Chekmaryov V.V.**
Economic science:
morrow, or bloodily clad
- 102 **Kurova G.M.**
Interrelation of competitiveness and indices of development of partnership
- 107 **Chekmaryov V.V.**
Synergy of economy and culture in the context of market competition

PHILOSOPHY

- 112 **Arutyunyan K.S.**
Social integration as a way to overcome the social crisis of modernity
- 115 **Bukin D.N.**
On mathematics objects existence
- 118 **Kalust'yants Zh.S.**
Formation of the modern world's basic identity aspects: personal and social ones
- 122 **Kozyrev M.S.**
Ideology historical development
- 126 **Rybina L.B.**
The problem of the civil society ideal in the philosophy of Semyon Frank and Vladimir Solovyov

SCIENCE OF LITERATURE

- 129 **Batalova T.P.**
Motifs of despotism and sacrifice in poetry Nikolay Nekrasov 1840s
- 132 **Belopukhova O.V.**
Motifs of Schiller's „Ballad of Fridolin” in Ivan Turgenev's novel “A house of gentlefolk”
- 134 **Dreyeva D.K., Mil'dzikhova A.K.**
Free rhythms of the 20th — early 21st centuries as adequate form of reflection of shifted view of world in consciousness of a word artist (on the example of analysis of poems «Word Formation» and «Spring Poem» by Hans Enzensberger)
- 138 **Koptelova N.G.**
«Saintly Blood» by Zinaida Gippius and «The Snow Maiden» by Alexander Ostrovsky
- 142 **Pozdnyakova Ye.A.**
On genre originality of the plays by Anton Chekhov
- 146 **Tezina V.A.**
At F.M. Dostoyevsky's and A.N. Ostrovsky's dramaturgical talent formation background
- 149 **Tikhomirov V.V.**
Petersburg Anthology (1846), published by Nikolai Nekrasov, in the context of Russian criticism and journalism of 1840s
- 154 **Rashchevskaya Ye.P.**
Daniil Andreyev's «transparent realism»: tradition and innovation
- 159 **Ustinov A.V.**
Russian criticism reflection of Daniil Mordovtsev (1831—1905) art and scientific creativity

- 165 **Хриптулова Т.Н.**
Концепт «дурак» в поэзии Н.И. Тряпкина
- 168 **Котлов А.К.**
«Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» Олега Павлова: метафизика художественного пространства (Статья первая)

ЛИНГВИСТИКА

- 173 **Ачаева М.С.**
Словообразовательная и семантическая структура отаждективных дериватов в русском и английском языках (на материале словообразовательного гнезда с вершиной «высокий»)
- 176 **Дмитриева А.А.**
Семантическое поле «семья» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской
- 179 **Никора Е.В.**
О грамматическом статусе ядерных средств выражения повторности действия в английском языке
- 182 **Новоселова М.А.**
Особенности употребления эмотивно окрашенных фразеологических оборотов в детской литературе
- 185 **Хохлова И.В.**
Метафоры в миграционном дискурсе Германии (на примере сообщений о беженцах в период «Арабской весны»)
- 188 **Чельшев С.А.**
Речевое воздействие заголовков печатных изданий (на примере прессы Костромской области)

СОЦИОЛОГИЯ

- 191 **Марков А.А.**
Некоторые вопросы современного развития постиндустриального общества

ПОЛИТОЛОГИЯ

- 196 **Зайцев А.В.**
Костромские «зеленые» vs Костромская АЭС: хроника конфликта регионального масштаба
- 201 **Чепиль В.Т.**
К вопросу о методологии изучения межнациональных отношений в курсе политологии
- 204 **Чепиль В.В.**
Обращение к зарубежному опыту как необходимое условие построения эффективной системы местного самоуправления в России

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- 208 **Громова А.Е.**
Укорененность пространства в фильме А.А. Тарковского «Зеркало» и философских идеях П.А. Флоренского
- 211 **Иванов Д.И.**
Воспринимающее сознание слушателя-зрителя как конститутивный компонент структуры синтетической языковой личности
- 214 **Полосин Н.Н.**
Культурная антропология и теория межкультурных коммуникаций
- 218 **Шикина А.Н.**
Культурфилософия романтизма
- 222 **SUMMARY**
- 229 **ТРЕБОВАНИЯ
К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

- 165 **Khriptulova T.N.**
Concept «fool» in Nikolai Tryapkin's poetry
- 168 **Kotlov A.K.**
«Karaganda ninth-day Requiem» by Oleg Pavlov: artistic medium metaphysics

LINGUISTICS

- 173 **Achayeva M.S.**
Derivational and semantic structure of adjectival derivatives in the Russian and the English languages (based on a family of words with the top "high")
- 176 **Dmitriyeva A.A.**
"The semantic field "Family" in "Memoirs" by Anna Dostoevskaya
- 179 **Nikora Ye.V.**
About the grammatical status of core means of expressing repetition of action in the English language
- 182 **Novosyolova M.A.**
The features of the usage of the Russian phrasebooks with the emotional meaning in children literature
- 185 **Khokhlova I.V.**
Metaphors in the migration discourse of Germany (demonstrated on press reports about refugees at the time of „Arab spring”)
- 188 **Chelyshev S.A.**
The speech influence of headings of Kostroma printing editions

SOCIOLOGY

- 191 **Markov A.A.**
Some issues of the modern development of postindustrial society

POLITICAL SCIENCE

- 196 **Zaytsev A.V.**
Kostroma «greens» vs. Kostroma nuclear power plant: a chronicle of the conflict on a regional scale
- 201 **Chepil' V.T.**
On the question of methodology of study of the international relations in the course of politology
- 204 **Chepil' V.V.**
The using of foreign experience as the necessary condition for the building of the most effective system of local government in Russia

CULTURE SCIENCE. ART SCIENCE.

- 208 **Gromova A.Ye.**
Spatial inculcation in the film “Mirror” by Andrei Tarkovsky and P. A. Florensky's philosophical ideas
- 211 **Ivanov D.I.**
Perceiving cognition of listener and spectator as a constituent element of the structure of synthetic language personality
- 214 **Polosin N.N.**
Cultural anthropology and the theory of intercultural communication
- 218 **Shikina A.N.**
Romanticism culturphilosophy
- 222 **SUMMARY**
- 229 **REQUIREMENTS
TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS**

Белихов Александр Борисович

кандидат технических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
abb@ksu.edu.ru

Леготин Денис Леонидович

кандидат физико-математических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
dll@ksu.edu.ru

Сухов Андрей Константинович

кандидат физико-математических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
suhov_andrei@mail.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АТМОСФЕРНЫХ ЗАГРЯЗНЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ СИСТЕМЫ SILAM

В работе рассмотрены процессы переноса химически инертной пыли, образовавшейся в результате природных пожаров и антропогенных выбросов, с атмосферными массами территории Костромской области и их влияние на загрязнение воздуха региона. В качестве расчетного периода принимался июль-август 2010 года. Математическое моделирование проводилось в системе SILAM 5.2 с использованием баз данных, представленных Финским метеорологическим институтом.

Ключевые слова: компьютерное моделирование, метеорологические данные, загрязнение атмосферы, химически инертная пыль.

Введение

Компьютерный пакет программ SILAM [1] широко используется для исследования влияния лесных пожаров, извержений вулканов, а также иных природных и техногенных катастроф на загрязнение атмосферы. Расчетная схема основана на модели Лагранжа-Эйлера, которая описана в [2] и может быть задана следующим образом:

$$\langle c(r, t) \rangle = \iint_{-\infty}^{\infty} p(r, t | r', t') S(r', t') dr' dt',$$

где: $\langle c(r, t) \rangle$ – средняя концентрация загрязняющего вещества в точке с координатой r , в момент времени t ; $S(r', t')$ – определяет источник выброса; $p(r, t | r', t')$ – функция вероятности перехода от точки и времени (r', t') к точке и времени (r, t) .

Система компьютерного моделирования распространения атмосферных примесей SILAM (Suomalainen Ilman-eräpuhtauksien Leviämis – ja Annoslaskenta Malli), разработанная Финским метеорологическим институтом, представляет собой современный мощный инструмент моделирования распространения в атмосфере газовых примесей, пыли, радионуклидов, разноразмерных аэрозолей и природных аллергенов. Дисперсность аэрозольных частиц может варьироваться в широких пределах.

Природные пожары сильно влияют на углеродный цикл земной биосферы и представляют собой значительный источник выбросов в атмосферу оксидов азота (NO_x), летучих органических веществ (VOC, SVOC), оксидов углерода (CO_x), оксида серы (SO_2) и метана (CH_4). Указанные выбросы вносят

серьезный вклад в глобальный круговорот веществ [3]. Поэтому актуальность данного типа задач не вызывает сомнений.

Исходные данные и параметры моделирования

Распространение продуктов горения от природных пожаров, в числе прочих факторов, определяется динамикой состояния атмосферы в рассматриваемый промежуток времени. Поэтому для моделирования задач подобного типа важной составляющей являются архивные или прогнозные метеорологические данные, описывающие динамику воздушных масс.

При моделировании могут быть использованы архивные метеорологические базы данных. Численные модели прогноза погоды и архивные данные наблюдений доступны в хранилищах Европейского центра ETEX [4], HIRLAM [5] и ECMWF [6]. Общедоступными являются также метеорологические данные, размещенные на сервере National Weather Source (США, компьютерная модель GFS) [7].

Большинство европейских метеорологических служб в качестве базовой модели использует расчет прогноза погоды, выполненный для всего Северного полушария на суперкомпьютерах Met Office в Великобритании (компьютерная модель UKMET). Результаты расчетов упаковываются в двоичные GRIB-файлы. Формат сжатых данных GRIB (GRIdded Binary) используется в настоящее время в геофизике и метеорологии для обмена данными между метеослужбами большинства государств мира. Исходные данные для расчета прогноза со-

бираются к 00 и 12 часов по Всемирному координированному времени (UTC) [8].

GRIB-файл представляет собой массив значений метеорологических параметров в узлах регулярной сетки, то есть в определённых точках пространства. Эти данные могут иметь различное разрешение по широте и долготе. Часто используется широтно-долготная сетка с шагом 0.56° по широте и 0.83° по долготе. Моделирование позволяет получать прогноз погоды на ближайшие 144 часа с временным шагом 6 часов («утро», «день», «вечер» и «ночь») [9]. Модель GFS имеет пространственное разрешение 0.5° по широте и 0.5° по долготу на 144 часа с тем же временным шагом [8].

Альтернативным источником прогноза погоды является NOGAPS – прогноз погоды для ВМФ США. Со второй половины 2012 года стали доступными данные глобальной компьютерной модели GEM (Канада). Модель GEM имеет пространственное разрешение 0.6° по широте и 0.6° по долготу на 144 часа, временной шаг – 3 часа [8].

Метеорологические данные в файлах формата GRIB содержат информацию об атмосферном давлении на поверхности, скорости ветра на высоте 10 метров над землей, порывах ветра, температуре воздуха, относительной влажности, точке росы на высоте два метра над землей, общем количестве осадков, общем облачном покрытии, глубине снежного покрова, значении потенциальной энергии конвекции (CAPE) на уровне земли, возможности ливней и града [10].

Другими важными составляющими для моделирования в системе SILAM являются характеристики источников эмиссии загрязняющих веществ, к которым относятся их координаты, мощность и период действия.

Одной из глобальных баз данных природных и антропогенных источников загрязнений является база данных ЕМЕП [11]. В ней представлены данные по западной и центральной части Европы и отсутствуют данные по значительной части Российской Федерации. Другими базами данных являются GEIA, CGEIC, RETRO, EDGAR, TNO-GEMS и PAREST MEGAPOLI. Единого международного стандарта по сбору, хранению и обработке данных мониторинга загрязнения окружающей среды в настоящее время не существует.

Задание параметров моделирования

Для моделирования последствий выброса необходимо описать источники загрязнений в текстовом файле. Иногда данные, представленные в глобальных базах, нуждаются в уточнении. В частности, как показали М. Пранк, М. Софиев, М. Каасик и др., по состоянию на 2010 год, в базе ЕМЕП были представлены существенно искаженные данные по источникам загрязнений на Кольском полуострове [12].

С помощью постпроцессора, входящего в пакет SILAM, либо с помощью свободного программного пакета Open GRADS [13] (Grid Analysis and Display System – Система анализа и отображения на сетках) результаты моделирования могут быть визуализированы. Визуализация возможна на любой момент времени, входящий в интервал прогнозирования. Правильность предсказаний загрязнений атмосферы определяется несколькими факторами, в частности точностью задания характеристик источников и прогноза погоды (скорость и направление ветра, влажность).

Система SILAM позволяет моделировать распространение значительного количества химических веществ и их смесей с различными типами взаимодействий между ними [1]. Вещество или смесь веществ, распространяющиеся с воздушными массами, получили название «коктейль». Каждый «коктейль» различается в зависимости от своего состава, физических и химических свойств его компонентов. В зависимости от химических и физических превращений, которые «коктейль» может претерпеть, его называют:

PASSIVE – пассивный, рассматривается перенос и осаждение веществ, без рассмотрения химических реакций (например, пыль, вулканический пепел). Используется для решения обратной задачи («backwards» mode), где источником служат данные с сайтов о загрязнении окружающей среды, а результатом является оценка вероятности нахождения источника загрязнений в определенном географическом месте.

PM_GENERAL – общий для взвешенных частиц, аналогичен пассивному, но этот тип используется для решения прямой задачи («forwards» mode).

DMAT_SULPHUR – учитывается перенос и осаждение оксидов серы SO_2 и SO_4 (SO_x).

ACID_BASIC – учитывается перенос и осаждение неорганических химических соединений, выбросов угарного газа (CO), оксидов азота (NO_x), оксидов серы (SO_x) и аммиака (NH_3).

CB4 – учитывается перенос и осаждение органических и неорганических соединений, выбросов угарного газа (CO), летучих органических веществ (NMVOC) и оксидов азота NO_x .

RADIOACTIVE – перенос и осаждение радиоактивных веществ.

Система SILAM позволяет пользователям подключать собственные файлы, описывающие источники загрязнений. Фрагмент файла описания источника загрязнений выглядит следующим образом:

```
source_name = KSM # именованная область
source_sector_name = S1 # именованный сектор
release_rate_unit = ton/yr # единица измерения
интенсивности выбросов
.....
hour_in_day_index = .75 .75 .75 .75 .75 .75 1.25
1.25 1.25 1.25 1.25 1.25 1.25 1.25 1.25 1.25 1.25
```

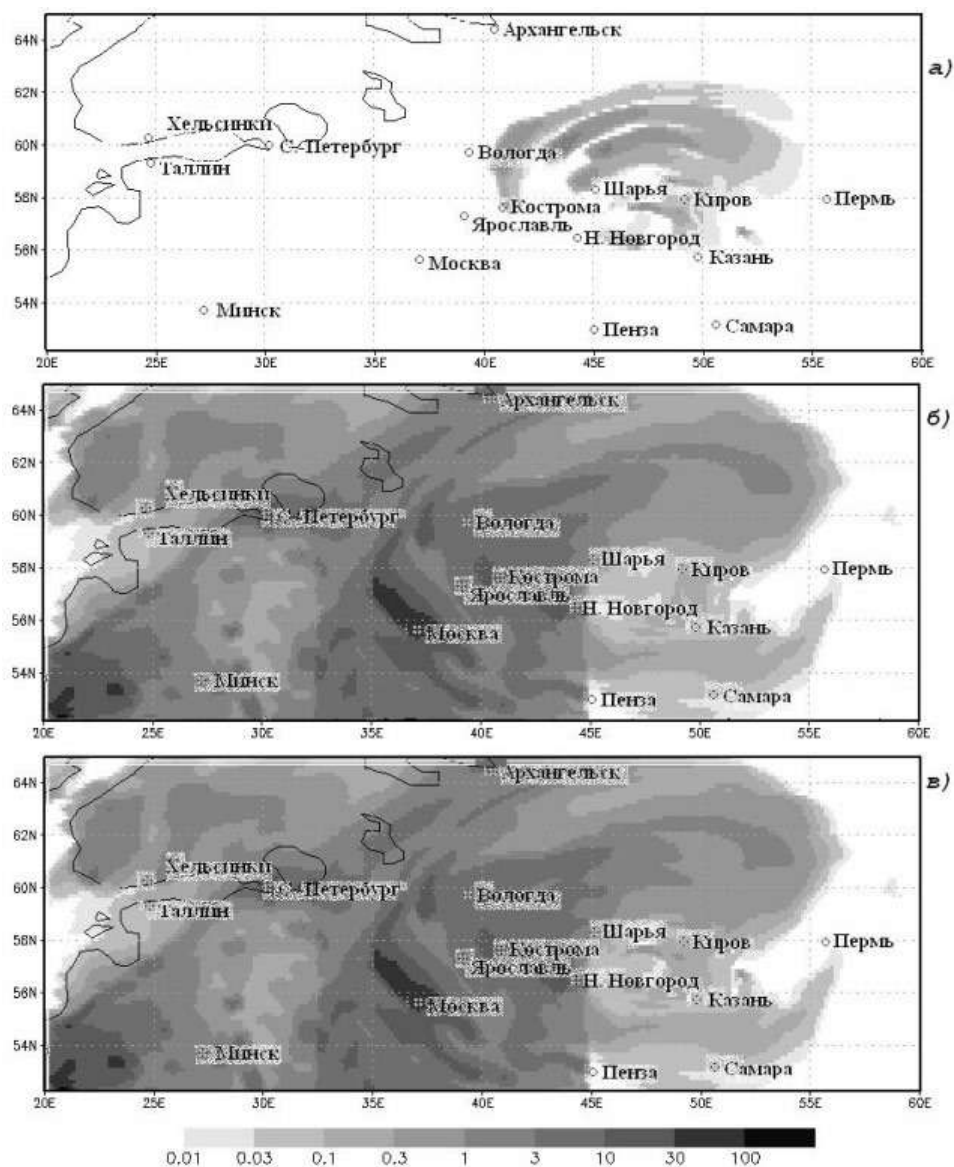

Рис. 1. Влияние модельных источников выбросов на загрязнение атмосферы 09.08.2010 г.

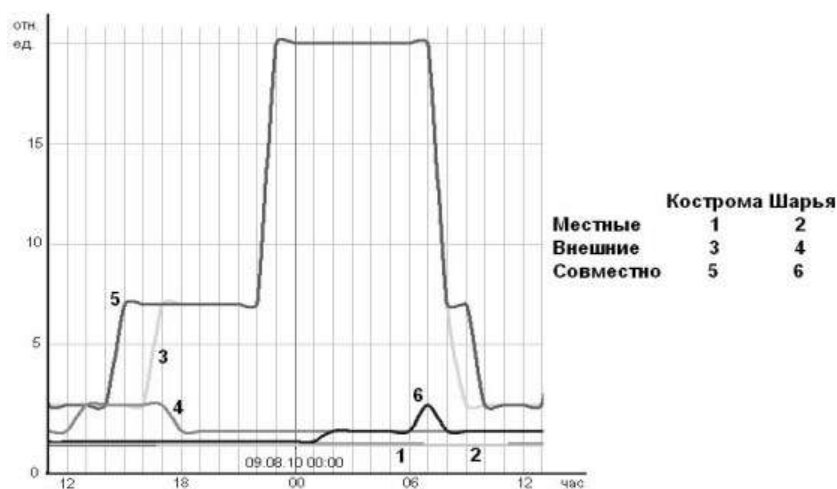

Рис. 2. Динамика загрязнения атмосферы в г. Костроме и г. Шарье при учете местных и внешних источников 09.08.2010 г.

1.25 .75 .75 .75 .75 .75 .75 # вклад часа в сутках на интенсивность выброса

day_in_week_index = 1.0 1.0 1.0 1.0 1.0 1.0 1.0 # вклад каждого дня в течение недели

month_in_year_index = 1.0898929 1.0351666 1.0658479 1.0115271 0.9600534 0.9134358 0.9280313 0.9314573 1.0032640 1.0680023 1.0071975 0.9861255 # вклад месяца в течение года

.....
par_str = 1999 12 25 0 0 0. 1. 1. 10. PM_COARSE # начало действия источника

par_str = 2020 1 1 0 0 0. 1. 1. 10. PM_COARSE # окончание действия источника

coordinate_of_values = GEOGRAPHICAL # географические координаты источников загрязнения и интенсивность выбросов, тонн в год

val = 47.02 58.97 1.38432 # Боговарово

val = 46.77 58.93 0.738302 # Вохма

.....

END_AREA_SOURCE_2

Результаты моделирования

Особенностью большинства европейских архивов по источникам атмосферных загрязнений является отсутствие данных по территориям, расположенным восточнее 45° ELn. Костромской регион расположен на краю области прогнозирования, а его северо-восточные районы (Шарьинский, Поназыревский, Павинский, Вохомский, Октябрьский) – за ее пределами.

Ввиду недоступности достоверных данных об источниках природных и антропогенных загрязнений восточнее 45 меридиана, были рассмотрены модельные источники, расположенные на северо-востоке Костромской области, в приграничных районах Вологодской, Нижегородской и Кировской областей. Интенсивность этих источников определялась: для антропогенных выбросов – плотностью населения, для источников природных очагов задымления – наличием лесов и торфяных болот. В качестве расчетного периода был выбран временной интервал с 1 июля по 20 августа 2010 года, так как в этот период на территории европейской части РФ наблюдалась аномальная засуха.

Визуализация архивных метеоданных за указанный период наглядно показала, что характерной особенностью циркуляции воздушных масс в Костромской области было преобладание юго-западного ветра. Это позволяет оценить влияние источников западнее 45 градуса восточной долготы (45° ELn) на экологическую ситуацию в Костромской области.

Результаты моделирования в виде карты распространения загрязнений представлены на рисунке 1. Приведено распределение загрязнений 09.08.2010 г., поскольку максимальное влияние источников химически пассивной пыли (включая золу и сажу) на прилегающие территории отмечено в указанное

время. Рассмотрены три случая. В первом случае (рис. 1а) рассмотрено влияние заданных источников загрязнений, расположенных на северо-востоке Костромской области и сопредельных территориях, на европейскую часть РФ и соседние государства Европы. Во втором случае (рис. 1б) рассматривалось влияние источников загрязнений, расположенных западнее Костромской области, без «модельных» источников. И в третьем случае (рис. 1в) – влияние источников, расположенных западнее Костромской области, совместно с «модельными» источниками.

Динамика уровня загрязнений в течение всего расчетного времени представлена в виде графика на рисунке 2 для каждого из трех случаев.

Заключение и выводы

Влияние выбросов источников химически пассивной пыли (включая золу и сажу) на прилегающие к Костромской области территории, как можно видеть из рис. 1, ограничено дальностью 700 км от эпицентров загрязнений.

Уровень загрязнения воздуха в г. Шарье почти всегда существенно ниже, чем в г. Костроме (рис. 2), что можно объяснить удаленностью города от крупных промышленных центров.

Из рис. 1–2 видно, что источники пылевых загрязнений, расположенные западнее 45° ELn, практически не влияют на уровень загрязнения воздуха в г. Костроме, но сильно влияют на уровень загрязнения воздуха в г. Шарье, что можно объяснить оседанием пыли на поверхность земли на ограниченном расстоянии от эпицентров.

Моделирование показало, что наблюдается отклонение от аддитивности при совместном влиянии европейских и местных источников загрязнения атмосферы химически инертной пылью. Это можно объяснить турбулентными атмосферными потоками, приводящими к перераспределению концентрации пыли по высоте.

Библиографический список

1. System for integrated modelling of atmospheric composition / Mikhail Sofiev, Marje Prank, Pilvi Siljamo, Joana Soares, Julius Vira, Tuula Summanen, Ari Karppinen // FMI [Электронный ресурс FMI]. – Режим доступа: <http://silam.fmi.fi>.
2. Современные компьютерные модели распространения загрязняющих веществ в атмосфере / А.Б. Белихов, Д.Л. Леготин, А.К. Сухов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 1. – Т. 19. – С. 14–19.
3. Берлянд М.Е. Прогноз и регулирование загрязнения атмосферы. – Л.: Гидрометеиздат, 1985. – 272 с.
4. Sofiev M. A dispersion modelling system SILAM and its evaluation against ETEX data / M. Sofiev, P. Siljamo, I. Valkama, M. Ilvonen, J. Kukkonen //

Atmospheric Environment. – 2006. – № 40. – P. 674–685.

5. High Resolution Limited Area Model [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hirlam.org>.

6. The European Centre for Medium-Range Weather Forecasts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecmwf.int/about>.

7. National Weather Service – Internet Weather Source. Comment on the NWS Information Activity Policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://weather.noaa.gov>.

8. Официальный сайт гидрометеорологического центра Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pogoda.by>.

9. Numerical weather prediction models UKMET [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meteocentre.com>.

10. GRIB File Viewer – Weather data visualization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zygrib.org/index.php?page=abstract_ru.

11. Co-operative Program for Monitoring and Evaluation of the Long-range Transmission of Air Pollutants in Europe. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.emep.int>.

12. A refinement of the emission data for Kola Peninsula based on inverse dispersion modeling / M. Prank, M. Sofiev, H.A.C. Denier van der Gon, M. Kaasik, T.M. Ruuskanen and J. Kukkonen // Atmospheric Chemistry & Physics. – 2010. – №10. – P. 10849–10865.

13. Grid Analysis and Display System (GrADS) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grads.iges.org/grads>.

УДК 533

Кудрявцев Борис Юрьевич

кандидат физико-математических наук
Московский государственный машиностроительный университет
abit7@yandex.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТОЛЩИНЫ ПЛАСТИНЫ В ЗАДАЧЕ ПАНЕЛЬНОГО ФЛАТТЕРА

С применением поршневой теории исследована устойчивость прямоугольной пластины переменной толщины, находящейся в потоке газа. Предложен вариант решения задачи оптимизации распределения толщины. С использованием метода Галеркина в двучленном приближении найдена критическая скорость, проведен параметрический анализ.

Ключевые слова: флаттер, сверхзвуковой поток газа, пластина переменной толщины, устойчивость.

Задача о флаттере пластины постоянной толщины изучена достаточно подробно как с использованием линейной поршневой теории, так и в случае некоторых других новых постановок [1–6]. При этом работ, где исследовалась бы устойчивость в потоке газа пластины переменной толщины или жесткости, не так много, и исследована в них, как правило, только бесконечная полоса [7]. Исключение составляют статьи [8; 9], в которых рассмотрена конечная пластина, составляющая часть поверхности тонкого клина. В предлагаемой работе представлено исследование задачи линейного флаттера прямоугольной пластины переменной толщины в рамках линейной поршневой теории. Предложен вариант решения задачи оптимизации распределения толщины для повышения устойчивости.

Рассмотрим прямоугольную пластину длины l_1 и ширины l_2 с шарнирно опертыми краями. В прямоугольной системе координат пластина занимает область $\{0 \leq x \leq l_1, 0 \leq y \leq l_2\}$, ось ОХ направлена по стороне длины l_1 . Пластина обтекается сверхзвуковым потоком газа. Вектор скорости потока лежит в плоскости пластины, угол между

ним и осью ОХ обозначим через θ . Толщина пластины будет переменной величиной $h = h_0 + \delta \cdot f(x, y)$, где $f(x, y)$ – дважды непрерывно дифференцируемая функция, а δ – малый параметр. Тогда цилиндрическую жесткость с точностью до малых высшего порядка можно записать так:

$$D \approx \frac{E}{12(1-\nu^2)} (h_0^3 + 3h_0^2 \delta f(x, y)) = D_0(1 + \varepsilon f(x, y)),$$

где $D_0 = \frac{Eh_0^3}{12(1-\nu^2)}$, $\varepsilon = \frac{3\delta}{h_0}$, E – модуль Юнга, ν – коэффициент Пуассона материала пластины. Согласно [6] линейное уравнение колебаний будет иметь вид

$$\begin{aligned} & \varepsilon \left(\frac{\partial^2 f}{\partial x^2} \frac{\partial^2 w}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 f}{\partial y^2} \frac{\partial^2 w}{\partial y^2} + \nu \frac{\partial^2 f}{\partial x^2} \frac{\partial^2 w}{\partial y^2} + \nu \frac{\partial^2 f}{\partial y^2} \frac{\partial^2 w}{\partial x^2} + \right. \\ & + 2(1-\nu) \frac{\partial^2 f}{\partial x \partial y} \frac{\partial^2 w}{\partial x \partial y} + 2 \frac{\partial f}{\partial x} \left(\frac{\partial^3 w}{\partial x^3} + \nu \frac{\partial^3 w}{\partial x \partial y^2} \right) + \\ & + 2 \frac{\partial f}{\partial y} \left(\frac{\partial^3 w}{\partial y^3} + \nu \frac{\partial^3 w}{\partial x^2 \partial y} \right) + 2(1-\nu) \left(\frac{\partial f}{\partial x} \frac{\partial^3 w}{\partial x \partial y^2} + \frac{\partial f}{\partial y} \frac{\partial^3 w}{\partial x^2 \partial y} \right) \Bigg) \\ & + (1 + \varepsilon f) \Delta^2 w + \frac{\kappa p}{D_0} \left(\frac{1}{c_0} \frac{\partial w}{\partial t} + M \cos \theta \frac{\partial w}{\partial x} + M \sin \theta \frac{\partial w}{\partial y} \right) = 0 \end{aligned}$$

$$+\frac{\rho h_0}{D_0}\left(1+\frac{\varepsilon}{3}f\right)\frac{\partial^2 w}{\partial t^2}=0$$

с соответствующими граничными условиями, где p и c_0 – давление и скорость звука в покоящемся газе, w – прогибы пластины, ρ – плотность материала, κ – показатель политропы, v – скорость потока, число Маха $M = \frac{v}{c_0}$.

Пусть функция f может быть представлена в виде

$$f(x, y) = f_1(x) + f_2(y),$$

где $f_1(x)$ и $f_2(y)$ – симметричные относительно соответствующих середин сторон пластины функции, удовлетворяющие условиям:

$$\int_0^{1/s} f_1(x) dx = 0, \quad \int_0^1 f_2(y) dy = 0. \quad (1)$$

Решения будем искать в классе функций

$$w = \exp(i\omega t)(c_1 \sin \pi s x \sin \pi y + c_2 \sin 2\pi s x \sin \pi y), \\ c_1, c_2 \in R.$$

Критическую скорость потока v_{ed} будем находить как наименьшую скорость v , при которой комплексная частота ω переходит в правую полуплоскость. Проведя процедуру Бубнова-Галеркина, получим систему двух уравнений с двумя неизвестными. Условие существования нетривиального решения составляет характеристическое уравнение, содержащее ω и M . Переходу от устойчивого состояния к неустойчивому будет соответствовать чисто мнимое значение ω . Приравняв к нулю действительные и мнимые части уравнения, получим с точностью до слагаемых первого порядка малости относительно δ выражение для нахождения $M_{ed} = v_{ed} / c_0$:

$$M_{ed}^2 = M_0^2 + \varepsilon M_1 \int_0^{1/s} f_1(x) \sin^2 \pi s x dx + \\ + \varepsilon M_2 \int_0^{1/s} f_1(x) \sin^2 2\pi s x dx + \varepsilon M_3 \int_0^1 f_2(y) \sin^2 \pi y dy.$$

Задача оптимизации состоит в том, чтобы определить такую функцию f , при которой M_{ed} принимает наибольшее значение при некоторых дополнительных ограничениях. В качестве ограничений, следуя [10], возьмем условия (1) и

$$\int_0^{1/s} (f_1'(x))^2 dx \leq C, \quad \int_0^1 (f_2'(y))^2 dy \leq C.$$

Первые условия означают постоянство перпендикулярного сечения пластины при фиксированной другой координате, вторые – что решение задачи ищется в классе гладких функций.

Функция Лагранжа рассматриваемой задачи имеет вид:

$$L(f) = f_1(x) \sin^2 \pi s x + \lambda_1 f_1(x) \sin^2 2\pi s x + \\ + \lambda_2 (f_1'(x))^2 + \lambda_3 f_1(x) + \lambda_4 f_2(y) \sin^2 \pi y + \\ + \lambda_5 (f_2'(y))^2 + \lambda_6 f_2(y),$$

где λ_i – неопределенные множители. Из условий стационарности получаем систему уравнений

$$\sin^2 \pi s x + \lambda_1 \sin^2 2\pi s x - 2\lambda_2 f_1''(x) + \lambda_3 = 0,$$

$$\lambda_4 \sin^2 \pi y + \lambda_6 - 2\lambda_5 f_2''(y) = 0,$$

из которой находим

$$f_1(x) = \eta_1 + \eta_2 x + \frac{\lambda_1 + 2\lambda_3 + 1}{8\lambda_2} x^2 + \frac{\cos 2\pi s x}{16\pi^2 s^2 \lambda_2} + \frac{\lambda_1 \cos 4\pi s x}{64\pi^2 s^2 \lambda_2},$$

$$f_2(y) = \mu_1 + \mu_2 y + \frac{2\lambda_6 + \lambda_4}{8\lambda_5} y^2 + \frac{\lambda_4 \cos 2\pi y}{16\pi^2 \lambda_5}.$$

$$\text{Обозначим } \eta_3 = \frac{\lambda_1 + 2\lambda_3 + 1}{8\lambda_2}, \quad \mu_3 = \frac{2\lambda_6 + \lambda_4}{8\lambda_5} \text{ и при-}$$

$$\text{мем условия нормировки } 16\pi^2 s^2 \lambda_2 = 1, \quad \frac{16\pi^2 \lambda_5}{\lambda_4} = 1.$$

Тогда

$$f_1(x) = \eta_1 + \eta_2 x + \eta_3 x^2 + \cos 2\pi s x + \frac{\lambda_1 \cos 4\pi s x}{4},$$

$$f_2(y) = \mu_1 + \mu_2 y + \mu_3 y^2 + \cos 2\pi y.$$

Параметры η_i и μ_i находятся из граничных условий и ограничения (1).

Учитывая симметричность функций $f_1(x)$ и $f_2(y)$, положим:

$$f_1'(0) = \psi, \quad f_1'(1/s) = -\psi, \quad f_2'(0) = \gamma, \quad f_2'(1) = -\gamma.$$

Из (1) получаем:

$$\mu_1 = -\frac{\gamma}{6}, \quad \mu_2 = \gamma, \quad \mu_3 = -\gamma.$$

Окончательно будем иметь

$$f_1(x) = -\frac{\psi}{6s^2} + \psi x - \psi s x^2 + \cos 2\pi s x + \frac{\lambda_1}{4} \cos 4\pi s x,$$

$$f_2(y) = -\frac{\gamma}{6} + \gamma y(1-y) + \cos 2\pi y.$$

При этом для достижения эффекта оптимизации знак δ нужно выбирать в зависимости от коэффициентов M_i .

В качестве примера рассмотрим стальную пластину, находящуюся в потоке воздуха, при следующих значениях параметров:

$$p = 10^5 \text{ дин/см}^2, \quad \kappa = 1,4, \quad \dot{n}_0 = 330 \text{ э/с},$$

$$E = 2 \cdot 10^{11} \text{ дин/см}^2, \quad \rho = 8 \cdot 10^3 \text{ г/см}^3, \quad \nu = 0,3,$$

$$h_0 = 0,001 \text{ э}, \quad l_2 / h_0 = 250.$$

Функцию f возьмем в виде:

Таблица 1

Значения критической скорости для квадратной пластины

Параметры уравнения	$\varepsilon = 0,01$	$\varepsilon = -0,01$
$m = n = 0, \lambda_1 = 0, \psi = 0, \gamma = 0$	3,23	3,23
$m = n = 1, \lambda_1 = 0, \psi = 0, \gamma = 0$	3,19	3,26
$m = n = 1, \lambda_1 = 0, \psi = 12, \gamma = 12$	3,20	3,25
$m = n = 1, \lambda_1 = 0, \psi = -12, \gamma = -12$	3,18	3,28
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = 0, \gamma = 0$	3,17	3,29
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = -12, \gamma = -12$	3,16	3,30
$m = n = 0, \lambda_1 = 4, \psi = -12, \gamma = -12$	3,19	3,26
$m = n = 1, \lambda_1 = -4, \psi = -12, \gamma = -12$	3,20	3,26
$m = n = 1, \lambda_1 = -4, \psi = 12, \gamma = 12$	3,22	3,24
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = 0, \gamma = -12$	3,16	3,30
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = -12, \gamma = 0$	3,17	3,29
$m = n = 1, \lambda_1 = 0, \psi = 0, \gamma = -12$	3,18	3,27
$m = n = 1, \lambda_1 = 0, \psi = -12, \gamma = 0$	3,19	3,27

Таблица 2

Значения критической скорости для удлиненной вдоль потока пластины

Параметры уравнения	$\varepsilon = 0,03$	$\varepsilon = -0,03$
$m = n = 0, \lambda_1 = 0, \psi = 0, \gamma = 0$	1,32	1,32
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = -12, \gamma = -12$	1,28	1,38
$m = n = 1, \lambda_1 = -4, \psi = -12, \gamma = -12$	1,29	1,34
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = 12, \gamma = 12$	1,29	1,35
$m = n = 1, \lambda_1 = -4, \psi = 12, \gamma = 12$	1,31	1,33
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = 12, \gamma = -12$	1,28	1,36
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = -12, \gamma = 12$	1,29	1,36

Таблица 3

Значения критической скорости для удлиненной поперек потока пластины

Параметры уравнения	$\varepsilon = 0,01$	$\varepsilon = -0,01$
$m = n = 0, \lambda_1 = 0, \psi = 0, \gamma = 0$	2,72	2,72
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = -12, \gamma = -12$	2,64	2,80
$m = n = 1, \lambda_1 = -4, \psi = -12, \gamma = -12$	2,69	2,75
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = 12, \gamma = 12$	2,67	2,76
$m = n = 1, \lambda_1 = -4, \psi = 12, \gamma = 12$	2,72	2,71
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = 12, \gamma = -12$	2,64	2,79
$m = n = 1, \lambda_1 = 4, \psi = -12, \gamma = 12$	2,66	2,77

$$f(x, y) = -\frac{\psi}{6s^2} + \psi x - \psi s x^2 + m \cos 2\pi s x + \\ + \frac{\lambda_1}{4} \cos 4\pi s x - \frac{\gamma}{6} + \gamma y(1-y) + n \cos 2\pi y.$$

Результаты вычислений критической скорости содержатся в таблицах. В таблице 1 – для квадратной пластины ($s = 1, \theta = 0$), в таблице 2 – для удли-

ненной вдоль потока ($s = 2/3, \theta = 0$), в таблице 3 – для удлиненной поперек потока ($s = 2/3, \theta = \pi/2$).

Из таблиц видно, что критическая скорость достигает экстремальных значений для функций f полученного выше вида (значения коэффициентов ψ, γ , и λ_1 могут варьироваться и выбираются с учетом требования достаточно малого изменения тол-

щины). Как и отмечалось ранее [8], утолщение к центру увеличивает критическую скорость, а к краям – понижает устойчивость. Концентрация материала пластины вдоль стороны, параллельной потоку, играет большую роль, чем вдоль перпендикулярной к нему. Наибольшую и наименьшую величину критическая скорость во всех случаях достигает при одинаковых минимальных и максимальных значениях ε_1 и ε_2 соответственно. Удлинение пластины поперек потока усиливает эффект изменения толщины, а вдоль – смягчает. Неравномерное распределение материала вдоль одной стороны не оказывает заметного влияния на зависимость критической скорости от изменения толщины вдоль другой стороны.

Библиографический список

1. Алгазин С.Д., Кийко И.А. Флаттер пластин и оболочек. – М.: Наука, 2006. – 248 с.
2. Кудрявцев Б.Ю. Флаттер упругой полосы // Депонир. в ВИНТИ. – 1994. – № 3059-В94.
3. Кудрявцев Б.Ю. Нелинейные аэроупругие колебания пластины // Проблемы машиностроения и надежности машин. – 2004 – № 4 – С. 16–19.
4. Кийко И.А., Показеев В.В. Колебания и устойчивость вязкоупругой полосы в потоке газа // Докл. РАН. – 2005. – Т. 401. – №3. – С. 342–344.
5. Кудрявцев Б.Ю. Флаттер упругой пластины, находящейся в потоке газа, при умеренных сверхзвуковых скоростях // Известия ТулГУ, сер. Матем., мех., информатика. – 2005. – Т.11 – С.99–102.
6. Кийко И.А., Кудрявцев Б.Ю. Флаттер прямоугольной панели, составляющей часть поверхности тонкого клина // Вестн. МГУ. Сер. 1: Мат. Мех. – 2011. – № 2. – С. 59–62.
7. Кийко И.А., Кудрявцев Б.Ю. Флаттер упругой полосы переменной жесткости // Депонир. в ВИНТИ. – 1997. – № 1103-В97.
8. Кудрявцев Б.Ю. Задача о флаттере пластины переменной толщины в уточненной и дополненной постановке // Известия МГТУ МАМИ. – 2011. – № 1. – С. 231–234.
9. Кадыров А.К. Флаттер пластины переменной жесткости // Изв. ТулГУ. Сер. Мат., мех., инф. – 2007. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 76–81.
10. Брадусь А.С., Картвелишвили В.М. Приближенные аналитические решения в задачах оптимизации устойчивости и частот колебаний упругих тонкостенных конструкций // Изв. АН СССР, МТТ. – 1981. – № 6. – С. 110–139.

УДК 543.544

Лапко Евгений Юрьевич

кандидат химических наук

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко
y_lapko@mail.ru

Лапко Ирина Викторовна

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко
i_lapko@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К РАЗРАБОТКЕ СПОСОБОВ ПРОБОПОДГОТОВКИ ОБЪЕКТОВ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Авторами проведен анализ существующих подходов к разработке способов пробоподготовки образцов объектов окружающей среды для проведения количественного химического анализа с использованием методов хроматографии.

Ключевые слова: методический подход, пробоподготовка, газохроматографические методы анализа.

Результаты точного и тщательного анализа теряют всякий смысл в случае неправильного отбора пробы и неверной ее подготовки для выполнения анализа. Поэтому важно, чтобы в результате пробоотбора проба была не только представительной и достаточной для анализа, но и защищенной от любых случайных воздействий, вызывающих неконтролируемые изменения в ней определяемого вещества.

Аналитическая процедура определения компонентов в образцах различного агрегатного состояния включает предварительную обработку образца, связанную с необходимостью концентрирования анализируемых веществ и сокращения компонентного состава пробы. Это необходимо учиты-

вать при подборе методов и пробоотборных устройств, при этом желательно совмещение функций пробоотбора и концентрирования, хранения и транспортировки проб.

Основным требованием к отбору пробы является ее достаточная представительность относительно объекта исследования. Информация, полученная от пробы, должна быть математически точным отражением информации, заложенной в объекте исследования.

В настоящее время используется методический подход к разработке способов пробоподготовки образцов объектов окружающей среды при проведении их количественного химического анализа, основанный на установлении физико-химических

свойств аналитов, определяющих возможность их выделения из природных матриц, с дальнейшим подбором методов и условий анализа. Также используется методический подход, суть которого заключается в выделении и направленном изменении свойств анализируемых соединений для их последующего анализа с использованием заранее выбранного оборудования [1, с. 175–183].

Реализация представленных методических подходов предполагает выполнение одного общего этапа – выделения анализируемых соединений из сложных многокомпонентных матриц (вода, почва).

Рассмотрим основные методы, используемые при выделении в процессе пробоподготовки соединений из объектов окружающей среды на примере воды.

Для выделения органических соединений в зависимости от их физико-химических свойств (полярности, гидрофильности, летучести и т.п.) из водных матриц широко применяются три различных метода [2, с. 565–586]. В их основе лежит упаривание водных проб, экстрагирование в органический растворитель, концентрирование на сорбентах, парофазный анализ.

Анализ достоинств и недостатков вышеперечисленных методов показывает, что упаривание водных проб является достаточно универсальным методом, позволяющим проводить пробоподготовку соединений, обладающих низким давлением насыщенного пара, высокомолекулярных и соединений, имеющих полярные функциональные группы и обладающих в силу этого повышенной растворимостью в воде [3, с. 31–32]. Однако недостатками данного метода являются необходимость упаривания пробы досуха, часто сопровождающаяся уносом вещества и протеканием различных побочных реакций, а также концентрирование примесей, входящих в состав пробы, некоторые из которых могут либо мешать дальнейшему определению, либо усложнять дальнейшую пробоподготовку. Все это негативно сказывается на достоверности полученных результатов. Необходимо также отметить, что различные комбинации аналитических приемов, используемых при пробоподготовке, в случае применения метода упаривания при анализе высокополярных соединений будут приводить к значительному увеличению общего времени анализа.

Жидкостная экстракция наиболее часто используется для группового разделения полярных веществ от неполярных и полярных веществ на кислые, основные и нейтральные.

Второй тип разделения известен давно и с успехом применялся при анализе лекарственных препаратов, а также в судебной медицине и до сих пор составляет основу многих современных аналитических методик, в том числе при проведении процедур пробоподготовки в рамках проведения межлабораторных экспериментов по определению токсич-

ных химикатов Списков 1–3 Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении.

Очень часто жидкостную экстракцию проводят несколько раз при различных величинах pH. Так, если определяемое вещество является кислотой, то его можно перевести в подходящий (органический) растворитель экстракцией из подкисленного водного раствора, а затем снова в водную фазу – путем экстракции щелочным водным раствором. Из последнего определяемый следовый компонент кислой природы с целью его очистки можно перевести (после подкисления) в другой органический растворитель и т. д. Такой метод чередования экстракций из кислой и щелочной сред довольно часто предлагается в современной литературе.

В случае метода экстракции соединений, имеющих нечетко выраженные гидрофобные (липофильные) свойства, используются два основных приема:

– «вытеснение» анализируемых соединений в гидрофильный органический растворитель при добавлении в раствор неорганических электролитов [4, с. 33–36]. Сущность данного метода заключается в направленном изменении свойств воды в водных растворах органических соединений под действием электролитов. Органические растворители (низшие спирты, циклические эфиры, амиды, амины, карбоновые кислоты и сульфоксиды), полностью смешивающиеся с водой под действием больших количеств электролитов, могут быть превращены в экстрагенты [5, с. 1058–1065];

– экстракция в гидрофобный растворитель. Данный метод достаточно прост и может быть использован после предварительного выявления зависимостей коэффициентов распределения в системах «водная проба – экстрагент». Необходимо отметить, что основным недостатком данного метода является ограничение его применения в случае низких (не более 0,4) значений коэффициентов распределения [6, с. 162].

Особенно широкое применение при анализе антропогенных загрязнений воды нашел адсорбционный метод отбора проб, основанный на поглощении примесей сорбентами с высокоразвитой поверхностью. Анализируемые вещества собирают в ловушках, содержащих определенное количество сорбента (силикагель, активный уголь, полимерные сорбенты), а затем десорбируют или элюируют [7, с. 272–276].

Выбор сорбента для концентрирования примесей из проб воды производится с учетом его физико-химических свойств и свойств определяемого вещества или класса веществ. Важным достоинством этого метода отбора проб является возможность быстрого количественного поглощения анализируемых примесей из больших объемов водных

проб, что позволяет проводить селективное концентрирование определяемого аналита.

Селективность поглощения определенного класса соединений зависит в первую очередь от типа используемого сорбента. Например, синтетические угли (карбопаки, карбосивы, сферокарбы и др.) по физическим характеристикам похожи на природные угли, однако десорбция сорбированных примесей с них происходит несравненно легче, чем с активного угля. Пористые полимерные сорбенты (порапаки, хромосорбы, полисорбы, тенакс и амберлиты серии XAD) используют для концентрирования полярных органических соединений. Чаще других сорбентов используется хромосорб-102, обладающий наибольшей удельной поверхностью и хорошо извлекающий из воды хлорсодержащие пестициды.

Заслуживает внимания и метод, основанный на равновесном концентрировании, являющийся частным случаем адсорбционных методов и характеризующийся улавливанием и распределением анализируемой примеси в ловушке между твердой фазой и газом (жидкой фазой) в соответствии с соотношением закона распределения вещества в гетерогенной системе.

В сравнении с жидкостной экстракцией, при твердофазной экстракции реализуются более широкие возможности варьирования селективности за счет изменения природы и силы взаимодействия образца, как с сорбентом, так и с элюентом, обеспечивается более высокая степень извлечения определяемых компонентов и воспроизводимость результатов определения.

Как частный случай твердофазной экстракции, существует динамический вариант этого метода, устраняющий необходимость разделения фаз после концентрирования и открывающий возможность автоматизации всего цикла анализа, включая стадию пробоподготовки.

К недостаткам сорбционных методов относятся возможность побочных реакций, труднопрогнозируемое изменение сорбционной емкости ловушек в присутствии компонентов проб окружающей среды, а также сложности, возникающие при извлечении сконцентрированных примесей из реакционной смеси.

Использование газохроматографического парофазного анализа (ГХ ПФА), базирующегося на дискретной или непрерывной газовой экстракции летучих веществ, содержащихся в конденсированных фазах, является одним из наиболее эффективных методов получения информации о природе, составе или состоянии жидких и твердых образцов. Отличительными характеристиками ГХ ПФА являются экспрессность, высокая чувствительность и необычайно широкая область применения при решении как чисто аналитических, так и физико-химических задач. Гибкость методу придает возмож-

ность регулирования его аналитических характеристик путем физического или химического воздействия на гетерогенные системы жидкость – газ и твердое тело – газ с целью направленного изменения межфазных равновесий.

Естественным ограничением метода ГХ ПФА является газообразное состояние или высокая летучесть определяемых веществ. Существует возможность расширения метода путем инициирования образования летучей аналитической формы определяемых веществ в результате химических превращений в анализируемой среде под воздействием на определяемые вещества соответствующих реагентов. Наличие среди компонентов реакционных систем хотя бы одного летучего соединения и (или) веществ, способных к их образованию в результате химических превращений, предопределяет возможность и целесообразность расширения области применения метода ГХ ПФА на широкий круг объектов анализа, таких как объекты окружающей среды и биологические объекты, с целью получения информации об индивидуальном или групповом содержании веществ, отличающихся наличием в составе их молекул однопипных функциональных групп или химических связей, определяющих возможность протекания химических реакций с образованием летучих соединений, а также для получения сведений о кинетике и механизмах различных химических реакций.

Существенным недостатком данного метода является сложность аппаратного оформления, а также непредсказуемость поведения аналитов при повышенных температурах в присутствии множества неизвестных примесных соединений [8, с. 41–66].

Успехи в использовании ВЭЖХ в сочетании с различными типами детекторов заслуживают особого внимания при проведении широкого круга исследований, в том числе при изучении химии окружающей среды, анализе пищевых загрязнений, контроле загрязнений окружающей среды и исследовании экстрактов лекарственных растений. Применение ВЭЖХ с масс-спектрометрией с ионизацией в индуктивно связанной плазме, tandemной масс-спектрометрии позволило пересмотреть требования к пробоподготовке в сторону снижения, в частности к исключению необходимости выделения аналитов из водных проб, а развитие теории размывания хроматографических пиков позволило на практике реализовать эффективность колонок, близкую к теоретической [9, с. 64–79]. Кроме того, универсальность ВЭЖХ позволяет использовать стандартные процедуры концентрирования при проведении пробоподготовки, основанные на жидкость-жидкостной или твердофазной экстракции с достижением более низких значений нижней границы определяемых содержаний аналита и дополнительном снижении потенциальных матричных эффектов [10, с. 101–112].

Рис. 1. Основные этапы методических подходов, используемых при разработке способов количественного химического анализа соединений в пробах объектов окружающей среды

Однако, несмотря на вышеперечисленные достоинства ВЭЖХ, оценивая ограничения в области ее использования, необходимо учитывать высокую стоимость оборудования, а также целый ряд весьма специфических требований, обусловленных особенностями методик на ее основе, например:

- ввиду наполнения хроматографических колонок носителем с малым диаметром частиц, для быстрого разделения пробы необходимо достижение сравнительно высоких объемных скоростей растворителя, сопряженного с созданием в колонке высокого давления;
- большинство детекторов, применяемых в ВЭЖХ, чувствительны к флуктуации потока и давлению элюента;
- процесс хроматографического разделения сопровождается рядом антагонистических эффектов. Так, диспергирование образца в подвижной фазе, приводящее к смешению разделяемых компонентов и снижению максимальной концентрации вещества в элюируемом пике, причем диспергирование наблюдается на всех участках системы от точки ввода пробы до детектора.

При хроматографическом разделении веществ также могут возникнуть осложнения, приводящие к искажению данных количественного анализа: возможно разложение или превращение пробы во время хроматографического процесса или необратимая адсорбция вещества на данной колонке.

Используются также и другие методические подходы к определению соединений в водных матрицах. В некоторых из них анализируемые соединения последовательно переводятся непосредственно в матрице в производные, обладающие более

ярко выраженными аналитическими признаками или более удобными для их выделения физико-химическими свойствами с последующей экстракцией органическим растворителем [11, с. 1501–1509]. При этом наиболее оптимальным, как правило, является проведение дериватизации в двухфазной системе (например, вода – органический растворитель), одна из которых (растворитель) может быть проанализирована газохроматографическими методами.

Основные этапы вышеперечисленных методических подходов представлены на рисунке 1.

Таким образом, все перечисленные методические подходы, за исключением применения высокоэффективной жидкостной хроматографии, используют этап извлечения аналита. Причем, как было показано выше, наиболее универсальным и селективным этапом пробоподготовки, позволяющим при сравнительно несложном аппаратурном оформлении осуществлять выделение и при необходимости концентрирование и дериватизацию является проведение экстракции. Однако даже в случае использования инертных экстрагентов, обладающих высокими степенями извлечения, невозможно предсказать поведение аналитов, возможные направления их взаимодействия с элементами окружающей среды и экстракционных систем, а окончательный выбор способа пробоподготовки аналита будет определяться совокупностью его физических и химических свойств.

Библиографический список

1. Груздев И.В. Определение метилзамещенных фенолов в воде методом газовой хроматографии

с предварительным иодированием / И.В. Груздев, И.М. Кузиванов, И.Г. Зенкевич и др. // Журнал аналитической химии. – 2013. – Т.68. – № 2. – С. 175–183.

2. Крылов В.А. Методы определения органических веществ в воздухе / В.А. Крылов, П.В. Мосягин, Д.А. Михарев и др. // Всероссийский симпозиум «Разделение и концентрирование в аналитической химии и радиохимии»: сб. тр. конференции экстракции III с международным участием. – Краснодар, 2011. – С. 565–586.

3. Демина Н.Э., Буймова Л.Д. Исследование веществ кислого характера методом жидкостной хроматографии // Актуальные вопросы судебной и клинической медицины. – Ханты-Мансийск, 2008. – Вып. 10. – С. 31–32.

4. Коренман Я.И., Маслова Н.В., Суханов П.Т. Особенности экстракции ванилина бинарными смесями гидрофобных растворителей // Химия растительного сырья. – 2007. – № 2. – С. 33–36.

5. Франковский В.А., Кофанов В.И., Лушников Ю.В. Экстракционное разделение и хроматографическое определение некоторых хлор- и фосфорорганических пестицидов в трехфазных системах // Журнал аналитической химии. – 1992. – Т. 47. – Вып. 6. – С. 1058–1065.

6. Маслова Н.В. Экстракционные системы на основе гидрофильных растворителей и полимеров

для определения ванилинов в водных средах и пищевых продуктах: дис. ... канд. хим. наук. – Воронеж, 2011. – 162 с.

7. Шкутина И.В., Стоянова О.Ф., Селемев В.Ф. Сорбционное концентрирование фенобарбитала на анионообменнике MN-200 // Сорбционные и хроматографические процессы. – 2008. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 272–276.

8. Золотов Ю.А. Сорбционное концентрирование микрокомпонентов для целей химического анализа / Ю.А. Золотов, Г.И. Цизин, Е.И. Моросанова и др. // Успехи химии. – 2005. – Т. 74. – № 1. – С. 41–66.

9. Яшин Я.И., Яшин А.Я. Высокоэффективная жидкостная хроматография. Состояние и перспективы // Журнал Рос. хим. об-ва им. Д.И. Менделеева. – 2003. – Т. XLVII. – № 1. – С. 64–79.

10. Чернецова Е.С., Корякова А.Г. Использование высокоэффективной жидкостной хроматографии в сочетании с масс-спектрометрией для исследования новых лекарственных веществ // Масс-спектрометрия. – 2010. – Т. VII. – № 2. – С. 101–112.

11. Косткина М.И., Абдулина И.Н., Витенберг А.Г. Газохроматографическое определение высших жирных кислот в водных средах // Журнал аналитической химии. – 1991. – Т. 46. – Вып. 10. – С. 1501–1509.

УДК 612.8

Сальников Евгений Валентинович

доктор биологических наук
Ярославская государственная медицинская академия
salnikov_evgeny@mail.ru

Михайлюк Игорь Геннадьевич

Ярославская государственная медицинская академия
dr-mig@mail.ru

Спирин Николай Николаевич

доктор медицинских наук
Ярославская государственная медицинская академия
nnsprin@yandex.ru

Кузьмин Федор Андреевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kuzminmedico@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНОРЕЦЕПЦИИ У ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА, ПОЛА И НАЛИЧИЯ ПАТОЛОГИИ

В статье представлены результаты исследования порогов механорецепции у крыс и людей; выявлено статистически значимое повышение порога ощущения легкого прикосновения в старших возрастных группах по сравнению с младшими ($p < 0,05$) как у крыс, так и у людей. В то же время данные возрастные изменения не влияют на диагностику патологии периферической нервной системы.

Ключевые слова: механорецепция, порог, монофиламенты, синдром запястного канала, периферическая нервная система.

Изменения пороговых значений механорецепции отмечаются при многих заболеваниях периферической нервной системы. Кроме того, эти изменения могут наблюдаться в норме при физиологическом старении. Однако литературные данные по степени изменения пороговых значений механорецепции в этом случае противоречивы [1, с. 989; 3, с. 158; 4, с. 744; 5, с. 743; 6, с. 17]. Для того чтобы изучить возрастные и, возможно, гендерные изменения чувствительности, мы провели исследование порога чувства легкого прикосновения у крыс (самцов и самок), здоровых людей и лиц с синдромом запястного канала (мужчин и женщин). В группе здоровых добровольцев, а также лиц с синдромом запястного канала дополнительно исследовались пороги вибрационной чувствительности и одновременного пространственного различения.

Цель нашего исследования – оценка поверхностной чувствительности у крыс, здоровых людей и лиц с синдромом запястного канала для установления характера изменений в зависимости от возраста и наличия поражения периферической нервной системы.

Исследование включило 60 линейных крыс (количество наблюдений в соответствии с количеством обследованных конечностей – 120): 30 самцов и 30 самок в возрасте от 1 года до 3 лет; 30 здоровых добровольцев (количество наблюдений в соответствии с количеством обследованных конечностей – 60): 16 мужчин и 14 женщин в возрасте от 21 до 60 лет ($39,9 \pm 10,9$), а также 10 человек: 5 мужчин и 5 женщин в возрасте от 23 до 59 лет ($42,4 \pm 13,1$) с клинически подтвержденным синдромом запястного канала. В группе лиц с синдромом запястного канала у всех присутствовала боль

с парестезиями или онемением в области запястий или кистей в течение последних трех месяцев, балл по шкале выраженности симптомов Бостонского опросника (Boston Carpal Tunnel Questionnaire, BCTQ) [2, с. 1589–1590] был больше двух ($2,6 \pm 0,16$). У всех пациентов также было электрофизиологическое подтверждение компрессионной невропатии срединного нерва на аппарате Нейро-ЭМГ производства «Нейрософт» (Россия).

У крыс и людей оценивали порог чувства легкого прикосновения при помощи набора монофиламентов Семмес-Вейнштейна производства Patterson Medical (США).

У людей дополнительно оценивался порог одновременного пространственного различения при помощи эстезиометра производства Carolina (США) и порог вибрационной чувствительности при помощи градуированного камертона Рюделя-Сейффера 128 Гц производства KaWe (Германия). В группе здоровых добровольцев оценка проводилась с двух сторон, а в группе больных с синдромом запястного канала – на стороне поражения.

Также во всех случаях проводилось исследование поверхностной чувствительности при помощи мягкой кисти – наиболее широко используемого метода при рутинном неврологическом осмотре.

Процедура исследования выполнялась в полной тишине, при средней температуре воздуха 22°C .

При оценке порога чувства легкого прикосновения у крысы её брали в руку таким образом, чтобы передние лапы свободно свисали, и монофиламент, которым прикасаются к лапе, был вне поля зрения крысы. Обследование начиналось с монофиламента 1,65 (0,008 г), которым производили прикосновение к центру подушечки передней лапы, в случае если после трехкратного прикосновения

Таблица 1

Пороги ощущения легкого прикосновения в различных возрастных группах у крыс (N=120)

Возрастная группа	Пол	Медиана	80% интерпроцентильный размах
1	Самцы	2,36	1,65–2,36
	Самки	2,36	1,65–2,36
2	Самцы	2,36	1,65–2,83
	Самки	2,36	1,65–2,44
3	Самцы	2,44	2,36–2,83
	Самки	2,44	2,36–2,44

оно не ощущалось, то последовательно переходили к следующему монофилamentу. Факт ощущения крысой прикосновения отмечался защитным рефлексом – отдергиванием лапы.

При оценке чувствительности при помощи монофилamentов у людей обследуемый был проинструктирован, что в случае, если он ощутит прикосновение, необходимо сказать об этом, указав локализацию возникших ощущений. Доброволец садился напротив исследователя и клал руку на стол. Далее к ладонной поверхности дистальных фаланг кисти, согласно инструкции производителя, осуществлялось трехкратное прикосновение в течение 1,5 с под углом 90° до небольшого прогиба монофилamentа. В случае если хотя бы одно из этих прикосновений ощущалось, результат считался положительным.

При оценке вибрационной чувствительности обследуемому необходимо было, сидя с закрытыми глазами, сообщить, в какой момент времени он прекратит ощущать вибрацию камертона. В этот момент определялся балл по шкале камертона, который соответствовал порогу вибрационной чувствительности обследуемого.

Двухточечный тест также выполнялся при закрытых глазах испытуемого. При этом бранши эстетизометра устанавливались на расстоянии 1 мм друг от друга, и производилось прикосновение к исследуемому участку кожи продольно оси конечности. Обследуемый должен был назвать, в скольких точках он ощущает прикосновение – в одной или

двух. Расстояние между браншами увеличивалось на 1 мм до тех пор, пока испытуемый не ощущал раздельное прикосновение в двух точках. Это расстояние являлось порогом пространственного различения (дискриминационной чувствительностью).

Порог ощущения легкого прикосновения измерялся в условных единицах, согласно маркировке монофилamentа. Порог вибрационной чувствительности – в баллах, согласно шкале камертона. Порог дискриминационной чувствительности – в миллиметрах. Все полученные данные заносились в протокол.

Затем производилось сравнение полученных порогов тактильной чувствительности у крыс, в группах здоровых лиц и пациентов с синдромом запястного канала, а также исследование связи полученных значений с возрастом обследуемых при помощи статистических методов, используя компьютер IBM Intel Core i3 и программный комплекс Statistica 10.0.

В целях выбора критериев статистической оценки на первом этапе исследовали тип распределения изучаемых признаков. Для этого использовали параметрический Т-тест с критерием Колмогорова-Смирнова (с поправкой Лилефорса). Решение о нормальности распределения принималось при уровне значимости $p > 0,05$ [8, с. 31]. Для полученных результатов рассчитывали медиану и 10-й и 90-й процентиля. Статистическую значимость различий признаков в группах здоровых лиц и больных с синдромом запястного канала оценивали при

Таблица 2

Пороговые показатели механорецепции в группе здоровых лиц в различных возрастных группах (N=60)

Возраст	Пол	Ощущение легкого прикосновения		Вибрационная чувствительность		Дискриминационная чувствительность	
		Медиана	80% интерпроцентильный размах	Медиана	80% интерпроцентильный размах	Медиана	80% интерпроцентильный размах
21-30	М	2,36	1,65-2,44	8,0	7,5-8,0	2,0	2,0-2,5
	Ж	2,36	1,65-2,36	8,0	7,5-8,0	2,0	2,0-2,5
31-40	М	2,36	2,36-2,44	8,0	7,5-8,0	2,0	2,0-2,5
	Ж	2,36	2,36-2,44	8,0	7,5-8,0	2,0	2,0-2,5
41-50	М	2,36	2,36-2,44	8,0	7,0-8,0	2,0	2,0-3,0
	Ж	2,36	2,36-2,44	8,0	7,0-8,0	2,0	2,0-3,0
51-60	М	2,44	2,36-2,83	7,5	7,0-8,0	2,0	2,0-3,0
	Ж	2,44	2,36-2,83	7,5	7,0-8,0	2,0	2,0-3,0

Таблица 3

**Пороговые показатели механорецепции в группе здоровых добровольцев
и лиц с синдромом запястного канала**

Пороговый показатель механоре- цепции	Группа здоровых лиц (N=60)		Группа лиц с СЗК (N=10)		Статистическая значимость различий
	Ме- диана	80% интерпро- центильный размах	Ме- диана	80% интерпро- центильный размах	
ПОЛП	2,36	2,36–2,44	3,22	2,83–3,61	$p<0,001$
ПВЧ	8	7,5–8	6,75	6–7,25	$p<0,001$
ПДЧ	2	2–2,5	2,5	2–3,5	$p<0,05$

Примечание. ПОЛП – порог ощущения легкого прикосновения, определенный при помощи монофиламентов Семмес-Вейнштейна в условных единицах, согласно маркировке монофиламента; ПВЧ – порог вибрационной чувствительности, определенный при помощи камертона Рюделя-Сейффера в баллах шкалы камертона; ПДЧ – порог дискриминационной чувствительности в миллиметрах.

помощи U-критерия Манна-Уитни, различий в возрастных группах – при помощи медианного теста. Статистически значимыми считали различия при $p<0,05$ [9, с. 129–131].

В ходе исследования были получены следующие данные по показателям механорецепции (табл. 1).

После попарного сравнения показателей по возрастным группам определяется статистически значимое ($p<0,05$) повышение порога ощущения легкого прикосновения у крыс возрастом один год, по сравнению с трехлетними крысами. При этом статистически значимых различий между остальными группами не выявлено. Статистически значимых различий чувствительности в зависимости от пола выявлено также не было.

После анализа данных по возрастным группам определяется статистически значимое ($p<0,05$) повышение порога ощущения легкого прикосновения в старшей возрастной группе (51–60 лет) по сравнению с младшей (21–30 лет). Различий по остальным группам и видам чувствительности выявлено не было. Статистически значимых различий чувствительности в зависимости от пола также выявлено не было.

Как видно из таблицы 3, отмечается статистически значимое повышение порога поверхностной ($p<0,001$), вибрационной ($p<0,001$) и дискриминационной чувствительности ($p<0,05$) в группе лиц с синдромом запястного канала, по сравнению с группой здоровых добровольцев.

При проведении исследования поверхностной чувствительности при помощи мягкой кисти каких-либо патологических изменений не отмечалось ни в одной из исследуемых групп. Во всех случаях прикосновение ощущалось.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что, во-первых, гендерные различия пороговых значений механорецепции отсутствуют и у крыс, и у человека, а во-вторых, выявлено статистически значимое возрастное снижение этого вида чувствительности и у крыс, и у человека, что позволяет сделать предположение, что изменение данного вида чувствительности характерно для млекопитающих.

Используемый при рутинном неврологическом осмотре метод проверки поверхностной чувствительности при помощи мягкой кисти [10, с. 122] не позволяет оценить эти изменения, так же как не позволяет выявить начальные стадии некоторых заболеваний периферической нервной системы.

Методом, позволяющим выявить минимальные изменения чувствительности в данных случаях, служит исследование при помощи монофиламентов Семмес-Вейнштейна.

Для выявления патологических процессов также имеет диагностическую ценность оценка порогов вибрационной и дискриминационной чувствительности, что можно использовать в комплексе с исследованием монофиламентами.

Возрастные изменения порогов механорецепции не затрудняют диагностику заболеваний периферической нервной системы, поскольку возрастные изменения невелики по сравнению с патологическими. Все полученные данные в группе здоровых лиц лежат в диапазоне нормальной чувствительности. Так, для порога ощущения легкого прикосновения они находятся в пределах 1,65–2,83; для вибрационной чувствительности – от 7 до 8; для дискриминационной – от 2 до 3 мм. А в группе лиц с синдромом запястного канала – наиболее распространенной формой поражения периферических нервов [7, с. 15] – выходят за эти пределы и составляют: для порога ощущения легкого прикосновения – от 2,83 до 3,61; для вибрационной чувствительности – от 6 до 7,5; для дискриминационной – от 3 до 4 мм.

Библиографический список

1. Hennig E.M., Sterzing T. Sensitivity mapping of the human foot: thresholds at 30 skin locations // Foot Ankle Int. – 2009. – Oct. – № 30 (10). – P. 986–991.
2. Levine D.W., Simmons B.P., Koris M.J. et al. A self-administered questionnaire for the assessment of severity of symptoms and functional status in carpal tunnel syndrome // J Bone Joint Surg Am. – 1993. – Nov. 75(11). – P. 1585–1592.
3. MacDermid J.C., Kramer J.F., Roth J.H. Decision making in detecting abnormal Semmes-

Weinstein monofilament thresholds in carpal tunnel syndrome // J Hand Ther. – 1994. – Jul.-Sep. – № 7(3). – P. 158–162.

4. Marlowe E.S., Bonner F.J. Jr., Berkowitz A.R. Correlation between two-point discrimination and median nerve sensory response // Muscle Nerve. – 1999. – Sep. – № 22(9). – P. 1196–1200.

5. Martina I.S., van Koningsveld R., Schmitz P.I., et al. Measuring vibration threshold with a graduated tuning fork in normal aging and in patients with polyneuropathy. European Inflammatory Neuropathy Cause and Treatment (INCAT) group // J Neurol Neurosurg Psychiatry. – 1998. – Nov. – № 65(5). – P. 743–747.

6. Weinstein S. Fifty years of somatosensory research: from the Semmes-Weinstein monofilaments

to the Weinstein Enhanced Sensory Test // J Hand Ther. – 1993. – Jan-Mar. – № 6(1). – P. 11–22.

7. Агасаров Л. Г., Чузакова Е. А., Марьяновский А. А. К вопросу о диагностике туннельных синдромов рук // Журн. леч. врач. – 1999. – № 1. – С. 15–18.

8. Гланц С. Медико-биологическая статистика. – М.: Практика, 1998. – 459 с.

9. Реброва О.Ю. Статистический анализ медицинских данных. Применение пакета прикладных программ STATISTICA. – М.: МедиаСфера, 2002. – 312 с.

10. Скоромец А.А., Скоромец А.П., Скоромец Т.А. Неврологический статус и его интерпретация. – МЕДпресс-информ, 2010. – 256 с.

УДК 551.5

Тощакова Галина Геннадьевна

*Костромской центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды
(филиал Центрального управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды)
Tgg77@yandex.ru*

МНОГОЛЕТНЯЯ ДИНАМИКА КОЛИЧЕСТВА ОСАДКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Проведены исследования климатических изменений режима увлажнения на территории Костромской области за весь период инструментальных наблюдений современными методами статистики. Установлено, что наиболее равномерным является распределение сумм годовых осадков с наибольшим количеством в центральной и южной частях Костромской области и с наименьшим – на севере, востоке и западе.

Ключевые слова: климатические изменения, режим увлажнения, сумма осадков, модели временных рядов.

Современное изменение климата на нашей планете стало одной из главных проблем современности. Проведенные в Росгидромете исследования показывают, что в настоящее время климатические условия на территории России существенно меняются, и тенденции этих изменений сохраняются в ближайшие 5–10 лет [10]. Подобные выводы подтверждаются результатами исследований других российских ученых, в частности Российской академии наук [1; 6; 12]. Причем можно отметить, что если в целом по планете рост температуры за счет глобального потепления составляет 0,75°C за последние 100 лет, то для России этот рост является одним из наибольших на планете и равен 1,29°C, а для отдельных ее регионов, таких как Западная Сибирь и Забайкалье достигает 1,5°C и 1,65°C соответственно по данным главной геофизической обсерватории им. А.И. Воейкова [7].

Если до сих пор еще непонятны механизмы потепления современного климата на глобальном уровне, то еще сложнее обстоит ситуация на уровне регионов. Поэтому, чтобы с большей достоверностью говорить о климате будущего, необходимо выяснить, что происходит с изменением климатических характеристик в настоящем и не в среднем по земному шару или по России и в отдельных ее

больших частях, непосредственно на той территории, которая рядом с местом проживания. В данном случае таким объектом исследования явилась Костромская область, а в качестве климатического показателя выбраны суммы осадков в связи с тем, что режим увлажнения на региональном уровне изучен недостаточно, по сравнению с другими климатическими характеристиками. Тем более что ряды наблюдений на территории области являются одними из самых продолжительных на территории России, например, в городе Костроме начало инструментальных наблюдений за осадками началось в 1857 году. Математическим инструментом явились три простые модели временных рядов: базовая модель стационарной выборки и две конкурирующие нестационарные модели линейного тренда и ступенчатых изменений, которые отвечают двум разным откликам климатической системы на внешние воздействия или сразу же откликается или с учетом какого-то периода сопротивления этим воздействиям (триггерный механизм).

Методы исследований

При выполнении работы применялись следующие методы:

– статистические критерии Диксона, Смирнова-Граббса, Стьюдента и Фишера для оценки од-

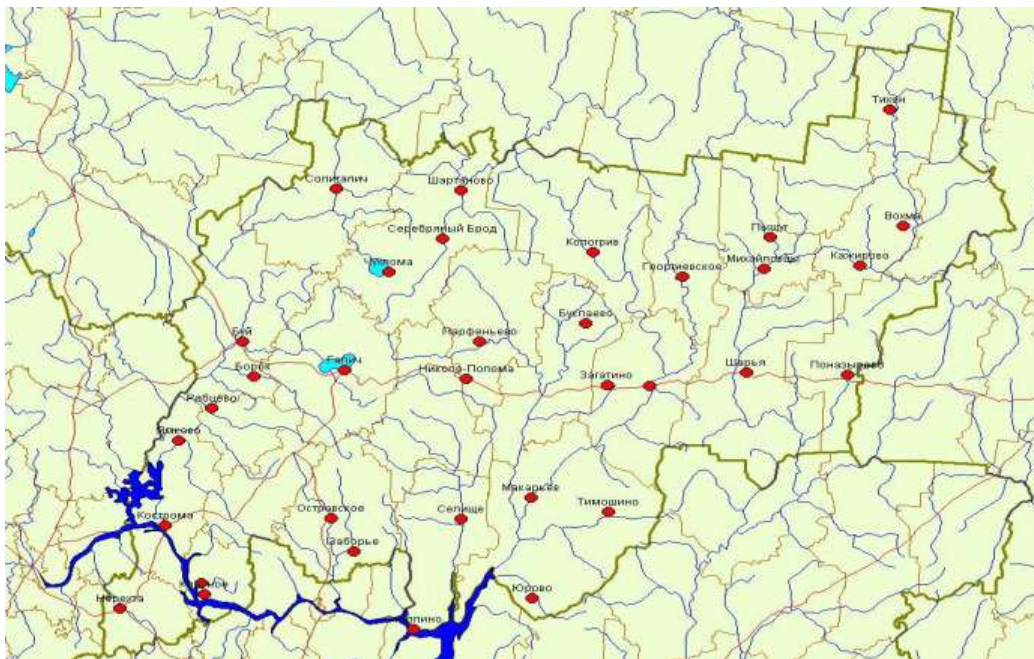

Рис. 1. Схема размещения пунктов наблюдений за осадками на территории Костромской области

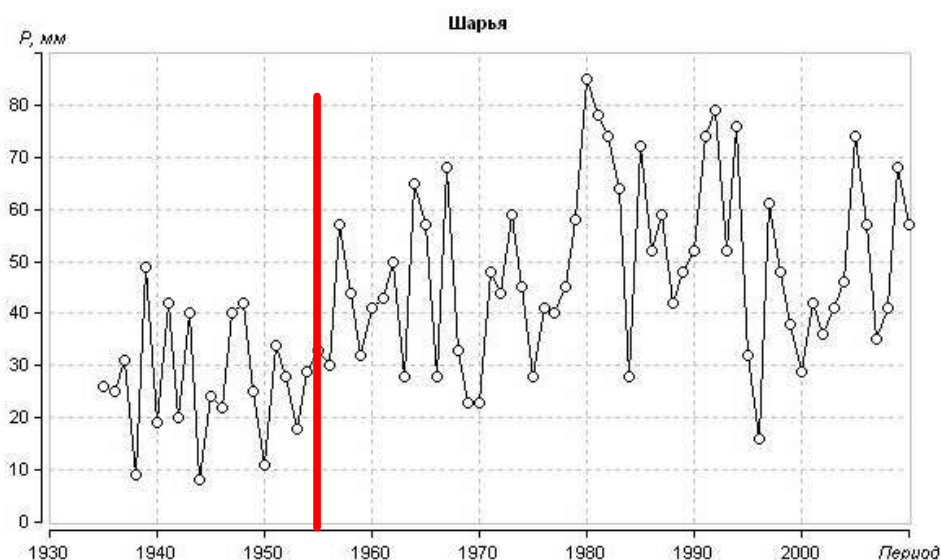

Рис. 2. Неоднородный ряд сумм осадков за декабрь по метеостанции Шарья

нородности экстремумов эмпирических распределений и стационарности средних значений и дисперсий;

- методика восстановления пропусков и приведения непродолжительных временных рядов к многолетнему периоду, основанная на уравнении множественной линейной регрессии между рассматриваемым непродолжительным рядом и более продолжительными рядами в пунктах-аналогах;

- метод оценки эффективности нестационарных моделей по отношению к стационарной, основанный на сравнении остаточных дисперсий моделей; К стандартным характеристикам увлажнения относятся суммы осадков за каждый месяц года и в целом за год. К прикладным климатическим характеристикам режима увлажнения относятся:

- наибольшие в году суммарные месячные осадки;
- наименьшие в году суммарные месячные осадки;
- суммы осадков за зимний сезон;
- суммы осадков за летний сезон;
- суммы осадков за теплую половину года (апрель – октябрь);
- суммы осадков за холодную половину года (ноябрь – март).

Региональная база данных многолетних рядов осадков

За основу формирования региональной базы данных приняты данные месячной дискретности: многолетние ряды сумм месячных осадков, на основе которых были получены суммы осадков за год.

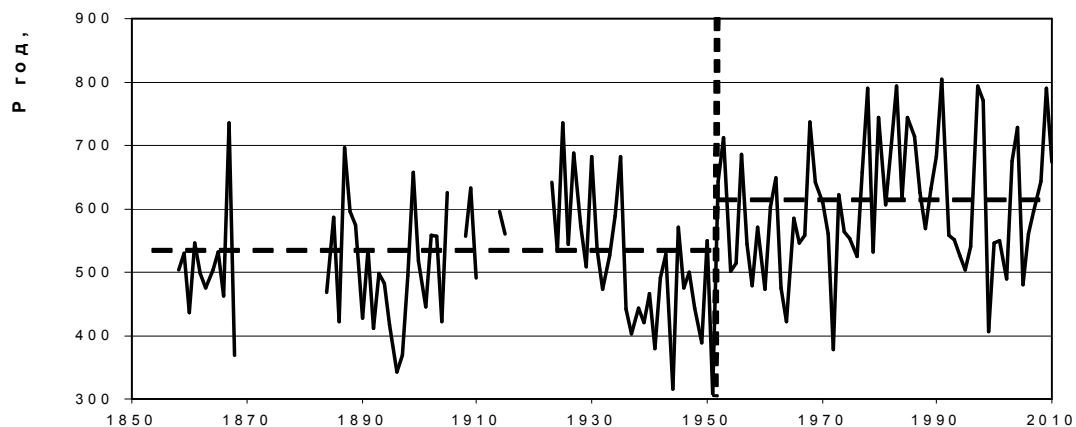

Рис. 3. Хронологический график сумм годовых осадков по метеостанции Костромы

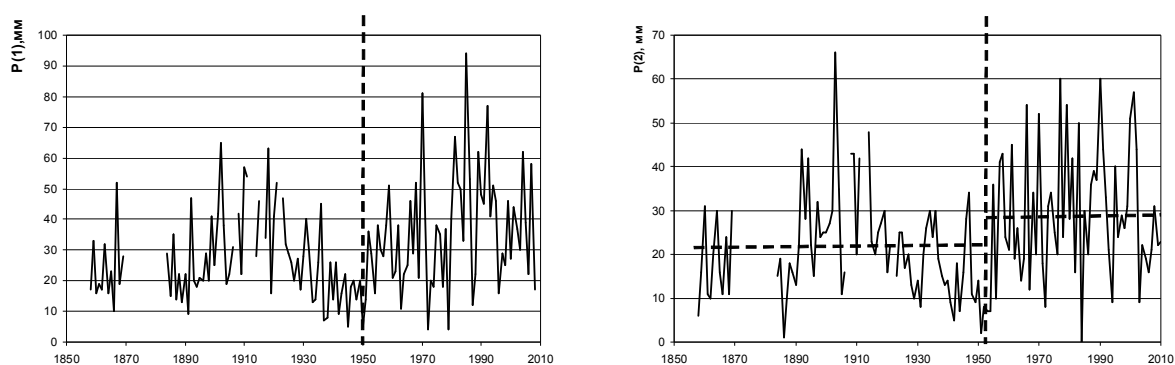

Рис. 4. Неоднородные ряды сумм осадков за январь и февраль по метеостанции Костромы

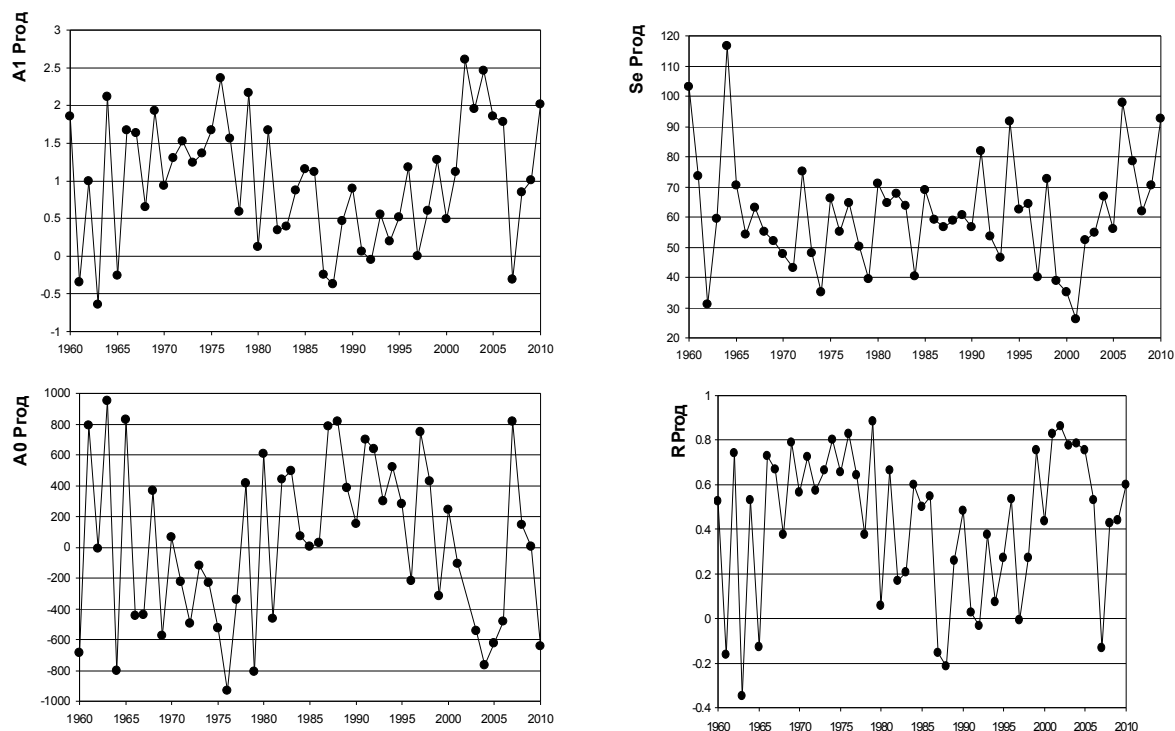

Рис. 5. Коэффициенты и параметры пространственной модели годовых сумм осадков для Костромской области

На территории Костромской области осадки за весь исторический период наблюдались в 34 пунктах. Причем 32 пункта наблюдений действуют по настоящее время, а всего два были закрыты: Нерехта – в 1987 г. и Островское – в 1992 г. Схема размещения метеостанций и постов с наблюдениями за осадками приведена на рисунке 1.

Как следует из рисунка 1, пункты наблюдений размещены достаточно равномерно по территории, что создает условия для эффективного восстановления данных по аналогам и последующего пространственного обобщения результатов анализа.

Период наблюдений на метеорологических станциях составляет 75–100 лет, на гидрологических постах – 20–25 лет.

В 1950–1960-х годах была осуществлена замена регистрирующих приборов для измерения осадков (замена дождемера на осадкомер системы Третьякова). Хотя в данные по осадкам и вносились соответствующие поправки, но они могли не полностью исключить неоднородность, когда по дождемеру данные наблюдений были систематически занижены за счет ветрового выдувания, особенно в холодный период года. Поэтому была осуществлена дополнительная проверка однородности рядов наблюдений во времени по критериям Фишера и Стьюдента [9, 11]. Типичный пример неоднородного ряда осадков за декабрь по метеостанции Шарья приведен на рисунке 2. Из графика видно, что примерно с 1957 г. произошло ступенчатое увеличение среднего многолетнего значения.

Отдельно произведена оценка исторических изменений осадков с середины XIX века по дан-

ным наблюдений в Костроме, где начало регулярных наблюдений относится к 1857 г. Хронологический график годовых сумм осадков по метеостанции Кострома приведен на рисунке 3, из которого следует, что средние многолетние годовые осадки также увеличились ступенчато с начала 1950-х годов.

Графики нестационарных рядов осадков за январь и февраль приведены на рисунке 4.

Результаты оценки однородности рядов осадков во времени полностью совпадают с установленным видом моделей их временных рядов:

– ряды месячных сумм осадков в холодный период года (октябрь – февраль) неоднородны из-за смены регистрирующих приборов в начале 1950-х годов;

– моделью рядов месячных сумм осадков теплого периода с марта по сентябрь является стационарная выборка, также как и рядов осадков за месяцы холодного периода и годовых сумм осадков после приведения их к однородным условиям или рассмотрения периода наблюдений с 1960 г.

В связи с тем, что были установлены квазистационарные периоды для осадков (весь период наблюдений для жидких осадков и период с 1960 г. по настоящее время для твердых осадков), за эти периоды были рассчитаны уточненные нормы осадков или средние многолетние значения осадков для каждой станции и построены их пространственные модели.

Статистические пространственные модели были получены для каждой из 19 характеристик режима осадков, но за разные интервалы времени. Так осадки холодного периода (ноябрь – февраль, мини-

Таблица 1

Нормы (средние многолетние) осадков по метеостанциям Костромской области

Метеостанция	Характеристика осадков									
	P1	P2	P3	P4	P5	P6	P7	P8	P9	P10
Чухлома	38	30	27	32	51	75	77	70	65	57
Кологрив	37	30	31	34	49	71	83	70	59	62
Пыщуг	43	32	30	35	55	77	78	74	59	63
Вохма	39	29	27	31	50	67	75	68	56	55
Буй	40	32	32	37	52	72	79	78	60	61
Галич	41	31	31	36	50	70	71	71	62	61
Николо-Полома	33	27	30	35	53	81	79	68	60	63
Макарьев	47	37	32	38	53	78	87	66	61	65
Шарья	41	31	28	33	52	77	81	65	57	58
Кострома	37	30	26	32	47	67	73	69	62	60
Метеостанция	Характеристика осадков									
	P11	P12	Pгод	Pмакс	Pмин	Pлето	Pзима	Pтп пер.	Pхл пер.	
Чухлома	47	45	618	115	16	222	112	426	188	
Кологрив	45	45	605	116	14	224	111	425	185	
Пыщуг	53	50	651	119	16	226	125	438	213	
Вохма	49	44	610	108	15	210	111	403	189	
Буй	49	46	629	117	16	229	118	435	199	
Галич	48	46	614	110	15	211	118	412	196	
Николо-Полома	45	39	(621)	112	(14)	218	99	422	171	
Макарьев	55	55	676	119	16	231	138	436	226	
Шарья	52	49	637	114	14	223	121	423	201	
Кострома	49	45	610	112	14	209	111	405	187	

Рис. 6. Пространственное распределение норм годовых осадков (в мм)

Рис. 7. Пространственное распределение норм сумм осадков за лето (в мм)

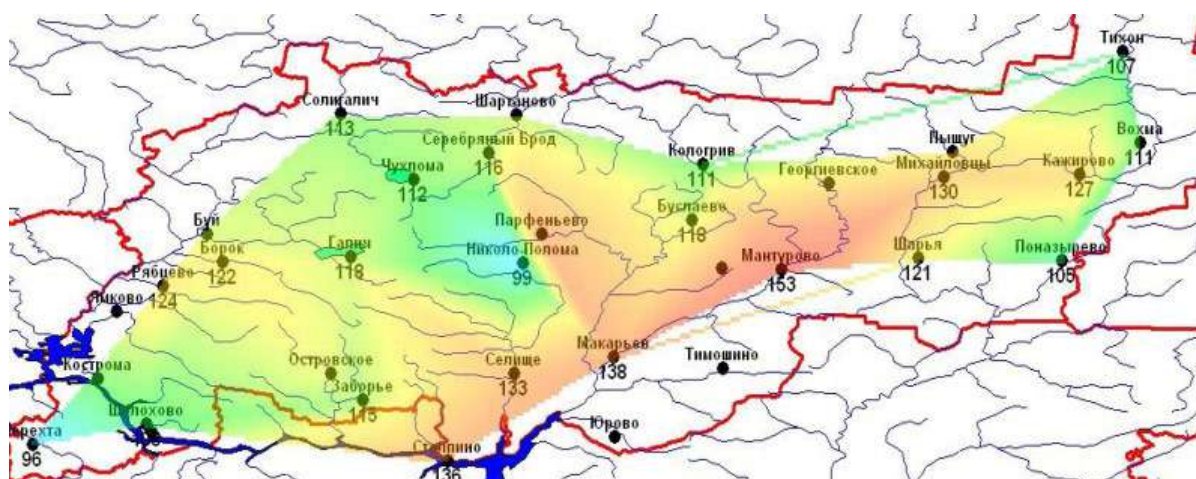

Рис. 8. Пространственное распределение норм сумм осадков за зиму (мм)

мальные в году, зима, холодный период) и годовые были выбраны с 1960 по 2010 гг., чтобы исключить влияние неоднородности за счет смены приборов. Для остальных осадков теплого периода (март – октябрь, наибольшие в году, лето, теплый период года) ряды были выбраны за весь период наблюдения и восстановленных данных. В качестве примера на рисунке 5 приведены хронологические графики коэффициентов A_1 и A_0 , параметра S_E , а также коэффициентов корреляции (R) пространственной модели годовых сумм осадков.

Из рисунков следует, что каких-либо направленных тенденций увеличения или уменьшения рассматриваемых характеристик не наблюдается. Имеют место лишь циклические колебания, причем асинхронные для коэффициентов A_1 и A_0 . Между коэффициентами и параметрами пространственной модели установлены следующие соотношения:

$$A_0 = -652.1A_1 + 652.4, r = 0.989 \quad (1)$$

$$A_1 = 2.289R + 0.0035, r = 0.911, \quad (2)$$

где r – коэффициент корреляции зависимостей между переменными.

Из уравнения (1) следует, что между коэффициентами A_1 и A_0 существует практически функциональная обратная связь, свидетельствующая о том, что чем больше пространственный градиент поля осадков, тем меньше их средние территориальные значения. Иными словами, если в данный год ожидаются большие осадки, то они равномерно распределены по территории и пространственный градиент практически отсутствует, а если осадков в среднем немного, то условия их выпадения по территории области неравномерны: в одних местах наблюдается много осадков, в других – мало, что приводит к увеличению пространственного градиента. Уравнение (2) характеризует тесную линейную взаимосвязь между пространственным градиентом и коэффициентом корреляции уравнения, связывающее среднее многолетнее поле осадков и поле конкретного года. Поэтому, если связь между средним полем и полем данного года высокая, то и градиент будет большой, а параметр S_E , характеризующий внутреннюю неоднородность поля, – маленький. Если же поле осадков данного года имеет большую внутреннюю неоднородность, то тогда и градиент (A_1) маленький и связь со средними многолетними территориальными условиями слабая.

Примеры полученных пространственных закономерностей рассчитанных норм осадков суммарных за год, за лето и зиму приведены на рисунках 6–8.

Из трех пространственных распределений наиболее равномерным является распределение норм годовых осадков (рис. 6) с наибольшими осадками в центральной и южной частях и с наименьшими – на севере, востоке и западе. Нормы годовых осадков изменяются по территории почти на треть: от

572 мм до 724 мм. Крайне неравномерными по территории являются распределения норм летних и зимних осадков. Так летние осадки (рис. 7) минимальны на западе и востоке области, хотя есть локальный минимум в центральной южной части территории. Летние осадки варьируют по территории незначительно, всего на 10–13%: от 206 мм до 234 мм, в среднем составляют 220 мм. Наименьшие зимние осадки наблюдаются в большей степени в западной части территории области (рис. 8), хотя распределены крайне неравномерно, изменяясь от 96 мм до 153 мм, т.е. почти на 60%. Поэтому по территории меньше всего изменяются летние осадки, а больше всего зимние, хотя их пространственные распределения значительно менее однородны по сравнению с распределением годовых осадков.

Анализ и моделирование осадков позволило установить, что их ряды являются практически стационарными, а нестационарность осадков холодного периода года обусловлена сменой регистрирующих приборов в 1950-х годах, на который дополнительно накладывается естественный период снижения осадков в 1940–1950-е годы. Из 646 рядов различных характеристик осадков нестационарные модели имеют место только в 8 случаях или для 1% от общего их числа. Все нестационарности относятся к 4 метеостанциям (Вохма, Макарьев, Нерехта и Кологрив), причем в 4 случаях нестационарные модели имеют место для станции Вохма (твердые и жидкие осадки), а в двух (твердые и годовые) – для станции Макарьев.

Полученные региональные закономерности параметров пространственных моделей осадков свидетельствуют о том, что чем больше средние региональные осадки, тем меньше пространственный градиент и тем меньше внутренняя неоднородность поля.

В целом, проведенное исследование позволило установить что осадки на территории Костромской области пока остаются практически стационарными.

Библиографический список

1. Анисимов О.А., Белолуцкая М.А., Лобанов В.А. Современные изменения климата и природной среды в области высоких широт Северного полушария // Метеорология и гидрология. – 2003. – № 1. – С. 18–30.
2. Богданова Э.Г., Ильин Б.М., Драгомилова И.В. Опыт применения усовершенствованной методики корректировки суточных сумм осадков в различных климатических условиях // Труды ГГО. – Вып. 551. – 2003. – С. 23–50.
3. Груза Г.В., Клещенко Л.К., Ранькова Э.Я. Об изменениях температуры воздуха и осадков на территории СССР за период инструментальных наблюдений // Метеорология и гидрология. – 1977. – № 1. – С. 66–185.

4. Лобанов В.А., Шадурский А.Е. Применение эмпирико-статистических методов для моделирования и анализа климатических изменений // Ученые записки РГГМУ. – 2010. – № 14. – С. 73–88.
5. Малинин В.Н. Статистические методы анализа гидрометеорологической информации: учебник. – СПб.: изд-во РГГМУ, 2008. – 408 с.
6. Мелешко В.П. и др. Возможные антропогенные изменения климата России в XXI веке: оценки по ансамблю климатических моделей // Метеорология и гидрология. – 2004. – № 4. – С. 38–49.
7. Мелешко В.П., Катцов В.М., Мирвис В.М., Говоркова В.А., Павлова Т.В. Климат России в XXI веке. Ч. 1. Новые свидетельства антропогенного воздействия на климат и новые возможности оценки его изменений на территории России // Метеорология и гидрология. – 2008. – № 6. – С. 5–19.
8. Платова Т.В. Климатическая характеристика некоторых показателей экстремальности температуры приземного воздуха и атмосферных осадков на территории России // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2007 – № 1. – С. 38–47.
9. Рекомендации по статистическим методам анализа однородности пространственно-временных колебаний речного стока. – Л.: Гидрометеиздат, 1984. – 78 с.
10. Росгидромет, 2008: Первый оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации.
11. СП 33-101-2003. Определение основных расчетных гидрологических характеристик. – М.: Госстрой России, 2004. – 73 с.
12. Школьник И.М., Мелешко В.П., Катцов В.М. Возможные изменения климата на европейской части России к концу 21 века: расчет с региональной моделью ГТО // Метеорология и гидрология. – 2006. – № 3. – С. 5–16.
13. Lobanov V.A., Lobanova H.V. Trends in cold climate characteristics // Urban Drainage in specific Climates in Cold Climate // IHP-V, Technical Documents in Hydrology. – № 40. – Vol. II. – Paris: UNESCO, 2000. – P. 171–199.
14. Lobanov V.A. Empirical-statistical methodology and methods for modelling and forecasting of climate variability of different temporal scale // Advances in Atmospheric Sciences. – Beijing: Science Press, 2001. – P. 844–863.
15. Lobanov V.A. Application of models of nonstationary processes for hydrological computations // IHP-V, Technical Documents in Hydrology. – № 9. – Paris: UNESCO Publ., 1999. – P. 155–164.

Привалов Александр Васильевич

ОАО «МЭЗ - 1», г. Москва

Коврижных Анастасия Александровна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Травин Георгий Михайлович

доктор технических наук, профессор

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ops@ksu.edu.ru

МЕТОДЫ И МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ ЛЬНОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕГО ОБОРУДОВАНИЯ ПОД ПРОИЗВОДСТВО ТКАНЕЙ ИЗ КОНОПЛИ

Использование оборудования для переработки льна, адаптированного к волокнам конопли, открывает перспективу выпуска новых видов текстильных продуктов. В статье рассматриваются возможные пути и методы такой адаптации, в рамках которых сформированы соответствующие модели и сформулированы возможные реальные приложения моделей к конкретному оборудованию.

Ключевые слова: ненаркосодержащая конопля, оборудование для переработки льна, пути, методы, модели адаптации.

За последние годы в мире интенсивно возрождается интерес к продукции переработки ненаркосодержащей конопли, используемой в различных отраслях от фармацевтики, пищевой промышленности до производства тканей бытового назначения.

Начиная с 2001 г. в Российской Федерации резко возрастает интерес к технической конопле. В соответствии с Государственной программой развития АПК на 2013–2020 г. [1] посевные площади под коноплей в 2020 г. составят 17 тыс. га. На восстановление промышленного коноплеводства потребуется около 10 млрд. рублей, а ежегодный оборот отрасли может достигнуть около 100 млрд. рублей.

В текстильной промышленности к настоящему времени практически отсутствует специализированное оборудование для переработки волокон конопли. С другой стороны конопля, относящаяся к классу лубяных культур, ближе всего по своим свойствам к льну-долгунцу того же класса культур, что наглядно можно увидеть из таблицы 1.

Таким образом, можно утверждать, что для переработки пенькового волокна в технологической

цепочке следует использовать льноперерабатывающее оборудование. В 2012–2013 гг. в ОАО «ЦНИИМАШдеталь» по Государственному контракту выполнялась НИР по разработке технологии переработки волокна конопли в пряжу и пряжи для выпуска ткани с использованием льняного оборудования [2]. Предложена технологическая последовательность и соответствующие средства технологического оснащения, включающие: льночесальную машину Ч-302-Л, раскладочную РП-500-Л, лентоперегоночную ЛПП-500-Л, ленточные машины 3-х переходов ЛЧ-2-Л1, ЛЧ-3-Л1, ЛЧ-4-Л1, ровничную Р-216-Л, аппарат для жидкостной обработки ровницы под давлением АКДН-601-Л, прядильные машины ПМ-88-Л5, ПМ-88-Л8, ПМ-88-Л10, сушильная машина СП-8-Л2.

Вместе с тем в этой же работе рассматривается необходимость адаптации этого оборудования к условиям переработки конопли, поскольку, безусловно, имеются отличия в структуре и свойствах льна и конопли. Адаптация (от латинского adaptatio) означает приспособление к чему-либо, упрощение, которое может осуществляться различными методами.

Таблица 1

Сравнительная характеристика свойств льна-долгунца и конопли

Характеристика, свойства	Лен-долгунец	Конопля среднерусской группы
Высота растения (см)	125	160
Содержание волокна (%)	25	25
Урожайность:		
Семян (ц/га)	5	10
Волокна (ц/га)	15	15
Стеблей (ц/га)	50	60
Длина элементарных волокон (мм)	30	Не менее 25
Крепость волокна (Кгс)	20	20
Гибкость волокна (мм)	60	30
Вегетационный период (дн)	30	Не более 120

В приложении к приспособлению оборудования к другому виду сырья в общем случае возможны следующие варианты методов:

Вариант А – изменение технологических режимов.

Вариант В – изменение технологических параметров настройки.

Вариант С – модернизация узлов оборудования.

Вариант D – разработка специализированной технологической оснастки.

Следует предположить, что все эти методы можно использовать как по отдельности, так и в определенной совокупности. Используя приемы комбинаторики определим количество возможных сочетаний вариантов адаптации

$$C_n^m = \frac{A_n^m}{P_m},$$

где A_n^m – число размещений по m вариантов из n ;

P_m – число перестановок вариантов.

$$C_n^m = \frac{n!}{m!(n-m)!}$$

Очевидно при $m=1$, когда используется только один вариант адаптации их количество 4.

При сочетании по 2 ($m=2$) варианта $C_4^2 = 6$, по 3 ($m=3$) варианта одновременно $C_4^3 = 4$. Естественно, когда при адаптации используются все 4 варианта $C_4^4 = 1$.

В итоге все общее количество возможных сочетаний вариантов подходов к адаптации будет равным 15.

Каждое из возможных сочетаний можно рассматривать как соответствующую модель адаптации оборудования для переработки льна под переработку волокон конопли. Разновидности моделей адаптации отражены в таблице 2.

Таким образом, выделены с теоретических позиций 15 моделей взаимодействия вариантов адаптации отечественного льноперерабатывающего оборудования для переработки волокон конопли. Однако в реальной практике использования этого оборудования под новое другое сырье будут приемлемы не все предложенные варианты. Это определяется конкретным видом оборудования, реализующим конкретный технологический процесс.

Следует учитывать, что не все методы адаптации равнозначны по трудовым и финансовым затратам. Очевидно, что наиболее затратными высту-

пают варианты С и D-модернизация узлов, а также разработка и изготовление специализированно дополняющих средств технологического оснащения (техоснастки).

Действительно, модернизация узлов оборудования предполагает выполнение следующих работ: проектирование узлов и элементов модернизации, организационно-технологическую подготовку их изготовления, собственно изготовление, подготовку оборудования под модернизацию (демонтаж, дефектацию элементов и т.п.), монтаж новых узлов и комплектующих, пуско-наладку оборудования. В этом перечне работ наиболее значимыми по продолжительности и трудозатратам являются: конструкторско-технологическая подготовка модернизации и изготовление узлов модернизации [3].

Примерно такой же перечень работ необходим при оснащении оборудования специализированной технологической оснасткой.

Если рассматривать в качестве основного метода адаптации один из вариантов С или D, то два других при этом (А и В) обязательно окажутся сопутствующими предыдущим, поскольку при использовании другой технологической оснастки, или монтажа другого узла, в безусловном порядке, меняются как минимум некоторые технологические параметры настройки и режимы. Именно такой подход рассмотрен нами в [4] по отношению к льночесальной машине 4-302-Л. Когда ведущим методом адаптации принято использование новой конструкции игльно-планочной гарнитуры, обеспечивающей не только повышение эффективности процесса чесания конопли, но и высокий уровень ремонтпригодности планки. При этом в обязательном порядке предусматривается дополнительно изменение параметров настройки гребенного поля и режимов чесания.

Для других видов оборудования, например, сушилки СП-8-Л2 или аппарата для жидкостной обработки ровницы АКДН-601-Л, целесообразно ограничиться первыми двумя вариантами адаптации – изменение технологических параметров и режимов.

Таким образом, с реальных позиций можно утверждать, что наиболее востребованными будут следующие модели адаптации льноперерабатывающего оборудования под производство пряжи для выпуска бытовых тканей: АВ, АВС, ABD, ABCD.

Библиографический список

1. Государственная программа развития АПК на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ptica-ru.ru/zakon/707-gosprogramma-apk.html>
2. Модернизация технологического оборудования с использованием новых видов технологической оснастки для производства тканей из волокон ненарко-содержащей конопли отчет НИР // ОАО ЦНИИМАШ-деталь № госрегистрации 012010006001. – М., 2012.

Таблица 2

Возможные модели адаптации
льноперерабатывающего оборудования

m=1	m=2	m=3	m=4
A; B; C; D	AB; AC; AD; BC; BD; CD.	ABC; ABD; ACD; BCD.	ABCD

3. *Травин М.М.* Управление надежностью текстильных производств в условиях организационно-технических рисков: дис. ... д-ра техн. наук. – Кострома, 2003. – 305 с.

4. *Кулемкин Ю.В.* Определение путей адапта-

ции льночесальных машин для переработки волокон конопли / Ю.В. Кулемкин, А.В. Привалов, Г.М. Травин // Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ ВОИНАМ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Костромской и Ярославской губерний) Часть 1

В статье рассматриваются вопросы становления системы медицинской и социальной помощи в начале Первой мировой войны (далее – ПМВ) на примерах Костромской и Ярославской губерний.

Ключевые слова: Первая мировая война, эвакуация, госпитали, Всероссийские земский и городской союзы, благотворительность.

Невиданные ранее масштабы боевых действий в ходе начавшейся для России 19 июля 1914 года [23] мировой войны, использование противником новых мощных видов оружия и боеприпасов по-особенному поставили перед российскими военными и гражданскими органами власти проблемы эвакуации, госпитализации, лечения и последующей реабилитации больных и раненых солдат и офицеров русской императорской армии.

Реалии первых дней и месяцев войны показали явную несостоятельность предвоенных планов Военного министерства по организации медицинской помощи раненым, поскольку их число ежемесячно исчислялось не несколькими сотнями и тысячами человек, как предполагалось, а десятками и сотнями тысяч. Всего за период с 22 июля 1914 по 1 мая 1915 года боевые потери действующей армии составили 1 млн. 192 тыс. 102 человека, в том числе по причине ранений и контузий – 612 тыс. 199 человек [42, с. 30].

Тыловые эвакуационные госпитали, находившиеся в ведении командующих внутренними военными округами, оказались неподготовленными к таким объемам работ, о чем было сказано в докладе начальника эвакуационного управления Главного управления Генерального штаба 10 августа 1914 года. Только нераспорядительностью и некомпетентностью должностных лиц можно объяснить тот факт, что через три недели после начала войны «больничных мест для постоянного лечения больных и раненых в распоряжении Военного ведомства не имеется и для открытия их мобилизационным планом не предусмотрено ни необходимых для этого госпиталей, ни личного состава» [1, с. 170]. В мемуарах очевидцев тех далеких событий можно встретить массу примеров бездушного, если не сказать преступного, отношения к раненым в первые недели войны: «16-е авг[уста]. Раненые не эвакуируются, днями лежат на земле, не имеют ни питья, ни пищи» [2, с. 42]; «Всех хуже была подача первой помощи у военного ведомства: не было

ни повозок, ни лошадей, ни перевязочных средств...» [41, с. 96]; «Докторский персонал был недостаточен; самых необходимых медикаментов не было; раненых сваливали на полу товарных вагонов, без медицинского присмотра, и они сотнями умирали в поездах» [35, с. 399].

Альтернативой неорганизованности и неумения военных чиновников наладить дело эвакуации и госпитализации раненых стала деятельность образованных 30 июля и 9 августа 1914 года Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов (ВСГ). Исполнительными органами союзов стали Главные комитеты под председательством кн. Г.Е. Львова и будущего московского городского головы М.В. Челнокова. Первоочередными задачами комитетов стало решение вопросов эвакуации раненых в тыловые губернии, организации лечебных учреждений, подбора и подготовки медицинских кадров, обеспечения госпиталей, лазаретов и больниц медикаментами и оборудованием, «привлекая те силы, которых у правительства не было» [4, с. 54]. Результатом энергичных действий местных органов земских союзов стало оборудование уже к 1 сентября 1914 года 102 тыс. 196 больничных коек для приема раненых [40].

Костромская и Ярославская губернии в числе первых поддержали организацию ВЗС и ВСГ, приняв непосредственное участие в работе Московского съезда уполномоченных губернских земств. На съезде Кострому представляли Б.Н. Зузин и П.В. Калачев, Ярославль – С.М. Леонтьев и Д.Е. Тимрот. Но еще до начала работы съезда Костромским губернским земским собранием на чрезвычайном заседании 28 июля было решено ассигновать 100 тыс. рублей на участие в общеземской организации помощи больным и раненым, позаимствовав эту сумму из пенсионного капитала сроком на 10 лет из 5% годовых [26]. В тот же день Ярославское губернское собрание признало необходимым вступить в общеземскую организацию помощи больным и раненым с выделением на эти цели 100 тыс. рублей и образовать Губернский комитет

с таковым же ассигнованием. Собрание также постановило позаимствовать денежные средства из страхового капитала сроком на 25 лет из 5% годовых [16, л. 143].

В течение августа 1914 года в Костроме, Ярославле и во всех уездных городах велась активная работа по созданию местных комитетов земских союзов, оборудованию свободных и специально освобождаемых помещений как в казенных, так и в частных зданиях под госпитали, по срочному изготовлению постельного и носильного белья для больных и раненых, назначению и обучению медицинских кадров.

О ситуации на местах в губернский комитет направлялись отчеты, в которых сообщалось о принятых чрезвычайными уездными земскими собраниями решениях. Так, Даниловское земство на собрании 3 августа, признав необходимым свое участие в деле помощи больным и раненым, постановило содержать до 1 января 1915 года 20 госпитальных коек для больных и выздоравливающих и 30 – для раненых. Также разрешалось врачам земской больницы открывать курсы сестер милосердия и выделить 10 тыс. рублей на приобретение 150 комплектов нательного белья, одеял, матрацев, полотенец, халатов, хирургических инструментов, продовольствия на 50 человек из расчета 1 рубль на человека в день [17, л. 14–14а]. 7 августа был учрежден Ростовский уездный комитет помощи больным и раненым, которому было поручено организовать госпиталь на 50 коек и, в зависимости от сумм поступивших средств, открыть приюты для выздоравливающих, объединить в комитет учреждения и лиц, желающих организовать собственные лечебные места, провести сбор пожертвований среди населения города и уезда [18, л. 43–45]. 8, 9, 10 и 12 августа состоялись экстренные заседания, соответственно, Рыбинского, Мышкинского, Мологского и Романово-Борисоглебского уездных земских собраний, участники которых также с воодушевлением высказались за вхождение в состав ВЗС и обязались перед губернским комитетом организовать для раненых 25 коек в Рыбинской земской больнице, 30 – в Мышкинской, 100 мест – в больнице Мологского земства и подготовить помещение на 50 кроватей в Романово-Борисоглебске [19, л. 29–31, 40–40 об., 47–51].

Аналогичные доклады поступали и в Костромской губернский комитет помощи больным и раненым воинам. Так, Буйским уездным собранием 1 августа 1914 года было ассигновано на организацию госпиталей и медицинской помощи 5 тыс. рублей, а также принято решение об оборудовании 27 госпитальных коек в одном из отделений городской больницы, 40 коек – в Макаровском училище и 20 – в квартире жены судебного следователя Волошина. На пищевое довольствие планировалось тратить 30–35 копеек в день на человека [13, л. 21–

21 об.]. 11 августа состоялось Кологривское чрезвычайное уездное земское собрание, единогласно постановившее «организовать уездный земский комитет помощи больным и раненым воинам на началах, предложенных Всероссийским Земским Союзом, ассигновав комитету 1000 рублей и предоставив 60 коек в Кологривской, Парфеньевской и Спасской больницах на полном содержании для больных и раненых воинов» [43, с. 35].

В этот период стали появляться результаты проводимой земцами разъяснительной и агитационной работы среди владельцев промышленных предприятий и населения губерний по открытию частных госпиталей и сбору пожертвований на нужды раненых. 13 августа 1914 года в Юрьевецкую городскую управу поступило заявление от г-жи Павловской о желании предоставить свою дачу для размещения 20 раненых с полным содержанием [36]. 15 августа собрание членов Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых ремеслами, вынесло постановление о предоставлении общественной больницы в распоряжение городской управы для размещения больных и раненых [37], служащие акцизного управления на совещании 20 августа решили устроить на процентные вычеты из жалования работников госпиталь на 10 кроватей [38]. По сообщению местной прессы, в Ярославской губернии «Акционерное Общество наследников И.Н. Дунаева» пожертвовало 3 тыс. рублей в пользу Ярославской общины сестер милосердия, «Торговый дом наследников П.А. Сакина» поставил ткацкий товар на сумму более 700 рублей, а прихожане села Никольское Даниловского уезда – 94 аршина холста в пользу местного отделения Красного Креста [5].

Одним из результатов влияния хода боевых действий на ситуацию в тылу стало получение главноначальствующими губерний 16 августа 1914 года телеграммы руководителя ВСГ г. Челнокова о намерении включить Кострому и Ярославль в состав Московского эвакуационного района, с тем чтобы обеспечить планомерность и равномерность распределения больных и раненых по тыловым госпиталям, образованным и содержащимся на средства земств и городов. В телеграмме также отмечалось, что ожидаются большие бои, число раненых в которых может достигать десятков тысяч человек, поэтому подготовленных мест в лечебных учреждениях может не хватить [20, л. 74–74 об.]. Об этом же в своих воспоминаниях пишет и кн. М.В. Голицын, в первые месяцы войны работавший в Московской городской управе и занимавшийся вопросами мобилизации и организации госпитальной сети в городе: «...В моменты крупных боев в Москву иной раз эвакуировали такое количество раненых, что не хватало для них мест» [24, с. 510].

Во второй половине августа 1914 года в губерниях продолжалась организация госпиталей различного назначения и количества коек, сбор доб-

ровольных пожертвований для раненых. В основу работы были положены указания Московского комитета ВСГ об открытии как можно большего числа коек, обеспечении раненых средствами гигиены и хорошим питанием. 22 августа в Ярославле по распоряжению губернатора началась проверка всех казенных зданий на предмет их пригодности для размещения раненых и военнопленных [44]. На очередном заседании Ярославского губернского комитета помощи больным и раненым воинам было решено организовать при хирургическом отделении губернской больницы лазарет на 120 коек [3, с. 12–16]. По состоянию на 16 августа сумма прямых денежных взносов в пользу раненых в Ярославской губернии составила 12 тыс. 81 рубль 15 копеек, а в так называемый «вторичный фонд», состоящий из процентных отчислений с оборотных капиталов торгово-промышленных заведений, — 2 тыс. 488 рублей [6].

Первая партия раненых в Ярославль прибыла 21 августа 1914 года около 11 часов дня. Состав из нескольких вагонов третьего класса на вокзале встречали вице-губернатор В.П. Кисловский, председатель губернской земской управы Д.Е. Тимрот, члены губернского и городского комитетов помощи раненым. Перевозка раненых была осуществлена каретами скорой помощи, частным автомобилем С.Н. Вахрамеева и купеческими экипажами. Тяжелораненые доставлялись в трамвайных вагонах, на площадки которых были постелены матрацы и подушки. 40 человек прибывших были размещены в госпитале при глазной клинике, оборудованном на средства гласного городской думы Г.П. Привалова, остальные — в госпитале при губернской больнице. Корреспондент «Голоса» особо отметил тот факт, что в ответ на слова утешения в свой адрес раненые отвечали: «Опять пойдем, вот только бы скорее нога поджила», и при этом «глаза их блестят удалью и жаждой еще раз сразиться с ненавистным врагом» [7].

В 11 часов вечера 23 августа первый состав с ранеными прибыл в Кострому. Среди встречавших его были губернатор П.П. Стремоухов, городской голова В.А. Шевалдышев, другие высокопоставленные чиновники и, конечно, толпы обывателей. Всего в вагонах санитарного поезда находилось 485 человек, получивших ранения в ходе боев 11–17 августа на Юго-Западном фронте. Определенная сложность в процессе размещения раненых по госпиталю была вызвана тем, что в годы ПМВ железнодорожный вокзал в Костроме находился за Волгой, а значит, требовалась перевозка прибывших через реку на приспособленных пароходах «Костромич» и «Горожанин» [28]. Будет уместным привести здесь выдержку из воспоминаний очевидца событий августа 1914 года — тогдашнего гимназиста-семиклассника Леонида Колгушкина: «Прибывшим раненым тут же дарили гостинцы, цветы

и неизменные иконки..., потом “братья милосердия” несли их до перевозочного парохода... и далее, на городской стороне, до лазарета. Прием раненых в лазаретах также был обставлен с большой пышностью и заботой» [25, с. 148].

Впоследствии прибытие санитарных поездов в губернии происходило регулярно — от одного до трех раз в неделю. Ввиду поступления большого количества раненых государственные и земские учреждения по-прежнему были вынуждены проводить огромный объем работ по ремонту, оборудованию и благоустройству зданий, приспособляемых под госпитали. В газете «Голос» 29 августа было опубликовано «Воззвание Ярославского губернского ВЗС помощи больным и раненым» с призывом к населению губернии брать на содержание легкораненых и выздоравливающих, с тем чтобы освобождающиеся места были использованы для размещения больных и раненых, которым для лечения необходим постоянный контроль медперсонала [8]. 1 сентября Костромской городской голова провел в городской управе совещание по вопросу о раненых. Было решено рассылать легкораненых для поправки в уезды, а больных отдавать на содержание в частные дома при условии, что хозяевами будет дано обязательство доставки их к врачам для осмотра и назначения лечебных процедур [28]. В начале сентября «Костромская жизнь» напечатала объявление о том, что по инициативе губернских отделений ВСГ и ВЗС в помещении Костромской губернской управы открыт сбор пожертвований «вследствие настоятельной и неотложной нужды в средствах для помощи больным и раненым воинам». [29]. Начало месяца ознаменовалось также принятием решения об открытии еще одного лазарета в Костроме на 100 мест в помещениях, отведенных гр-ми И.М. Чумаковым и В.Н. Скалозубовым [30]. В это же время владельцы Романовской мануфактуры в Романово-Борисоглебском уезде Ярославской губернии решили увеличить число коек в открываемом лазарете с 30 до 70 ввиду роста количества поступающих в губернию раненых [9], а 27 сентября на имя Ярославского губернатора гр. Д.Н. Татищева от земского начальника 1-го участка этого же уезда поступило представление о том, что Малаховский волостной сход приговорил ассигновать из запасного капитала 500 рублей на содержание раненых в выделенном на эти цели доме С.И. Смирнова и открыть там лазарет или приют под названием «Лазарет Малаховской волости» [21, л. 94].

Газета «Голос» 10 сентября 1914 года сообщила об открытии в городе Рыбинске в здании технического училища госпиталя на 80 коек [10], а 14 сентября — о подготовке к вводу в эксплуатацию лазарета на 20 мест при «Акционерном обществе А.Н. Вахрамеева» и Пастуховского, Некрасовского и Александровского лазаретов на 155 коек [11].

17 сентября в Костроме состоялось торжественное открытие военных лазаретов № 24 в зданиях духовного училища и Московской гостиницы и № 25 в зданиях дворянского пансиона, духовной семинарии и казармах Пултусского полка. Мероприятие прошло при участии губернатора, губернского предводителя дворянства и градоначальника. Оба заведения были рассчитаны на установку 420 коек каждый. Заведование первым принял на себя доктор К.В. Дримпельман, вторым – врач И.П. Кузнецов [31].

Помимо организации и открытия госпиталей высшим должностным лицам губерний приходилось решать и более мелкие вопросы, такие, например, как заготовка меховых одеял для укрытия раненых в процессе их перевозки через Волгу и дальнейшей транспортировки в госпитали [14, л. 11–12], реализация излишков марлевой ткани, изготавливаемой фабрикой А.Ф. Морокина [15, л. 18–19], проверка состояния казарм Военного ведомства и содержания в них так называемых «слабосильных нижних чинов» [33], закупка 40 тыс. овчинных полушубков для рядовых и 400 романовских полушубков для врачей [22, л. 79].

Проделанная в августе-сентябре 1914 года органами губернской власти и представителями общественности работа по нормализации ситуации с помощью больным и раненым воинам дала свои положительные результаты. Следует отметить, что в целом по России ВСГ оборудовал 24 тыс. 19 госпитальных коек, Московское городское общественное управление – 39 тыс. 96 коек, а ВЗС по состоянию на 1 октября открыл и содержал целую сеть лечебных учреждений, в которых насчитывалось 118 тыс. 954 койки [1, с. 171]. В Ярославской губернии под флагом городского и земского союзов к середине октября было развернуто 2 тыс. 867 коек для раненых, из которых 1 тыс. 354 койки находились на территории Ярославля и размещались в 21 госпитале, принадлежавшем непосредственно городу, земству и частным лицам [34, с. 83]. Сумма добровольных пожертвований ярославцев на нужды комитета помощи раненым составила 56 тыс. 600 рублей [12]. Сводные данные по Костромской губернии на 1 октября 1914 года, к сожалению, отсутствуют. Однако по той интенсивности, с которой поступали в губернию больные и раненые воины в дальнейшем (до 1 тыс. 136 человек в день) [39], можно сделать определенный вывод о том, что вопросы приема и размещения раненых решались в Костроме быстро и качественно. Подтверждением этому выводу служит письмо следующего содержания, опубликованное в газете «Костромская жизнь» 7 сентября 1914 года: «Г-н редактор! Просим поместить наше письмо. Приносим большую благодарность городскому голове Шевалдышеву за посещение и ласковые расспросы каждого раненого. От души благодарим за хороший

уход и обращение с нами всех служащих больницы, начиная с докторов и кончая сиделками... Мы очень рады, что после пролития своей крови, а также после долгих страданий явились в такое место, где к нам относятся с родительским чувством. Благодарим господ костромичей за усердное посещение нас... С благодарностью остаемся. Раненые» [32].

(Продолжение следует)

Библиографический список

1. Асташов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну// Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 169–172.
2. Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. – СПб.: Журнал «Нева»; «Летний сад», 2001. – 320 с.
3. Врачебно-санитарный обзор Ярославской губернии. Вып. IV. – Ярославль. – 1914 г.
4. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). – М.: РОССПЭН, 2003. – 432 с.
5. Голос (Ярославль). – 21 августа 1914 г. – №191.
6. Голос (Ярославль). – 13 августа 1914 г. – №185.
7. Голос (Ярославль). – 22 августа 1914 г. – №192.
8. Голос (Ярославль). – 29 августа 1914 г. – №198.
9. Голос (Ярославль). – 31 августа 1914 г. – №200.
10. Голос (Ярославль). – 9 сентября 1914 г. – №207.
11. Голос (Ярославль). – 14 сентября 1914 г. – №211.
12. Голос (Ярославль). – 2 октября 1914 г. – №226.
13. Государственный Архив Костромской Области (далее – ГАКО). Ф. 143. Оп. 1. Т. 6. Д. 4765.
14. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 9. Д. 12536.
15. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 9. Д. 12536.
16. Государственный Архив Ярославской Области (далее – ГАЯО). Ф. 137. Оп. 1. Д. 4535.
17. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Т. 2. Д. 4618.
18. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Т. 2. Д. 4618.
19. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Т. 2. Д. 4618.
20. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Т. 2. Д. 4618.
21. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 7476.
22. ГАЯО. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4533.
23. Здесь и далее даты приведены по старому стилю.
24. Кн. Голицын М.В. Мои воспоминания (1873–1917). – М.: Русский мир. Жизнь и мысль, 2007. – 768 с.
25. Колгушкин Л.А. Воспоминания // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. – Вып. 5. – Кострома, 2002. – С. 41–158.
26. Костромская жизнь. – 29 июля 1914 г. – №165.
27. Костромская жизнь. – 26 августа 1914 г. – №186.
28. Костромская жизнь. – 3 сентября 1914 г. – №192.
29. Костромская жизнь. – 2 сентября 1914 г. – №191.
30. Костромская жизнь. – 7 сентября 1914 г. – №196.
31. Костромская жизнь. – 18 сентября 1914 г. – №204.
32. Костромская жизнь. – 7 сентября 1914 г. – №196.

33. Костромские губернские ведомости. – 13 сентября 1914 г. – №36.
34. Лозинский Б.Р. Ярославская губернская земская больница. – Ярославль, 2005. – 178 с.
35. Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
36. Поволжский вестник (Кострома). – 13 августа 1914 г. – №2383.
37. Поволжский вестник (Кострома). – 15 августа 1914 г. – №2385.
38. Поволжский вестник (Кострома). – 21 августа 1914 г. – 2389.
39. Поволжский вестник (Кострома). – 28 ноября 1914 г. – №2470.
40. Подсчитано нами по данным: Астахов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. – 1992. – № 6. – С. 171.
41. Родзянко М.В. Крушение империи. – Харьков: Интербук, 1990. – 264 с.
42. Россия в Мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). – М., 1925. – 105 с.
43. Сборник постановлений Кологривского уездного земского собрания Чрезвычайного созыва 27 марта и 11 августа и очередной сессии 27–30 сентября 1914 года. – Кологрив: Типография уездного земства, 1914.
44. Ярославские губернские ведомости. – 1914. – 23 августа.

УДК 94(470+571)

Зверев Кирилл Александрович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
zwerew.kir@yandex.ru

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В НЕЗАВИСИМОЙ ЭСТОНИИ

В статье рассматривается положение Русской православной церкви в Эстонии во взаимосвязи с политическими изменениями в данной стране в 1990-е – 2000-е гг.

Ключевые слова: Эстония, русскоязычное население, Эстонская православная церковь Московского патриархата, Эстонская апостольская православная церковь Константинопольского патриархата.

Связь политики и религии в современном мире несомненна. Это касается и Эстонской Республики, население которой разделено не только по национальному признаку, но и в конфессиональном отношении – даже в рядах православной церкви, к которой принадлежит больше жителей Эстонии, чем к традиционному для эстонцев лютеранству. По данным переписи 2011 г., его исповедует 152 тыс. 237 чел., или 13,6% населения в возрасте старше 15 лет, в то время как православными считают себя 176 тыс. 773 жителя, или 16% от населения Эстонии данной возрастной группы. Среди православных большинство составляют представители русскоязычного населения (134 тыс. 268 чел., или 76%), эстонцы (20 тыс. 585 чел.) составляют 11,6% православных [8].

С начала 1990-х Эстонская православная церковь раскололась на две части: Эстонскую православную церковь Московского патриархата (ЭПЦ МП), которую поддерживает большинство русскоязычных православных, и Эстонскую апостольскую православную церковь Константинопольского патриархата (ЭАПЦ КП), к которой принадлежит большинство православных эстонцев – ЭАПЦ КП.

Для того чтобы понять причины раскола, необходимо обратиться к истории. 10 мая 1920 г. (после подписания Тартуского мирного договора и признания независимости Эстонии) Священный Синод и Высший Церковный Совет Русской Православной Церкви приняли постановление признать автономию Эстонской Православной Церкви.

В сентябре 1922 г. собор Эстонской Апостольской Православной Церкви во главе с митрополитом Таллинским и всея Эстонии Александром (Паулу-сом) принял решение об обращении к Константинопольскому патриарху Мелетию IV с прошением о принятии Православной церкви Эстонии в юрисдикцию Константинопольского патриархата и о даровании ей автокефалии. В своём письме патриарху Мелетию IV митрополит Александр отмечал, что самой главной проблемой для православной церкви Эстонии являются события в России: патриарх был арестован, советская власть поставила под свой контроль церковь, и её уже нельзя было считать «матерью-церковью» [цит. по: 8]. 7 июля 1923 г. патриарх Мелетий IV вручил в Константинополе Томос (грамоту) о принятии Православной церкви Эстонии в юрисдикцию Константинопольского Патриархата как отдельного церковного автономного округа «Эстонская Православная Митрополия».

Впоследствии митрополит Александр писал, что это решение было принято под сильным политическим давлением государственной власти [5, т. 1, с. 550–551; 6]. Косвенным подтверждением этому является письмо латвийского посла в Эстонии Я. Сескиса в Ригу от 23 декабря 1923 г., где отражено отношение правящих кругов Эстонии и Латвии к Русской православной церкви как к «пятой колонне», к «руке Москвы»: «Было бы очень желательным, чтобы Православные Церкви в балтийских странах стали бы национальными, оторванными от Москвы... Президент Эстонии Пятс думает,

что наш Иоанн (архиепископ Рижский и Митавский) не такой уж неуступчивый, его можно будет заинтересовать возможностью занять почётное и материально обеспеченное положение. Правительство должно показать свой интерес в решении этого вопроса и изменить ситуацию» [3, с. 43].

10 ноября 1940 г. (уже после присоединения Эстонии к Советскому Союзу) Синод Эстонской апостольской православной церкви (Эстонской Православной Митрополии) обратился к Патриаршему Местоблюстителю с прошением о восстановлении Эстонской православной церкви в юрисдикции Московского Патриархата. 28 февраля 1941 г. прошение было удовлетворено. Но во время немецкой оккупации (1941–1944) митрополит Александр вновь объявил о выходе из подчинения Московского Патриархата, и в Эстонии сосуществовали две церкви. Следует упомянуть, что часть священников не подчинилась Александру. После освобождения Эстонии 6 марта 1945 г. приходы Эстонской апостольской православной церкви были присоединены к Московскому Патриархату. Митрополит Александр и 23 священника эмигрировали в Швецию, где и основали Синод ЭАПЦ, объединивший православных эстонцев-эмигрантов. В 1961 г. ЭАПЦ прекратила свою деятельность, а её приходы были переданы под юрисдикцию Константинопольской патриархии. В 1978 г. по требованию Русской православной церкви Вселенский Патриархат объявил Томос 1923 г. об учреждении автономной Эстонской Церкви, недействительным.

Ситуация вновь изменилась с провозглашением независимости Эстонии, точнее с приходом к власти националистического правительства Марта Лаара в 1992 г. 11 августа 1993 г. эстонский Департамент по делам религий зарегистрировал восстановленный Синод ЭАПЦ в изгнании как единственного законного правопреемника довоенной Эстонской апостольской православной церкви. Это позволило передать ей в собственность практически всё церковное имущество (храмы, земли, дома и др.). ЭПЦ МП было отказано в регистрации под предлогом того, что её устав не обеспечивает верующим самоуправление, а оставляет эти права исключительно за Московским Патриархом [5, т. 2, с. 215]. В результате эстонские власти отказались считать ЭПЦ МП правопреемницей православной церкви в Эстонии и предложили ей зарегистрироваться в качестве епархии, представляющей подразделение иностранной религиозной организации и не могущей претендовать на правопреемство по отношению к довоенной ЭАПЦ.

Регистрация в предложенной форме фактически означала бы отказ от прав на церковное имущество. ЭПЦ МП не могла принять такие условия и оставалась на полулегальном положении. В 1994 г. 54 (из 83) православных прихода попросили принять их в юрисдикцию Константинопольского Патриарха-

та. 22 февраля 1996 г. Священный Синод Константинопольского Патриархата возобновил действие Томоса 1923 г. и учредил параллельно Эстонской православной церкви Московского Патриархата автономную Церковь под своей юрисдикцией. В коммюнике Верховного Секретариата и Священного Синода Вселенского Патриархата от 22 февраля 1996 г. подчёркивалось, что «Вселенский Патриархат принял это решение *по настоятельной просьбе Эстонского правительства* (курсив мой. — К.З.) и подавляющего большинства эстонских приходов, которые просили принять их под защиту Вселенского Патриархата» [5, т. 2, с. 336]. Под «правительством Эстонии» здесь имеются в виду не только премьер-министры Март Лаар (1992–1994) и Андрес Таранд (1994–1995), которые неоднократно обращались к Константинопольскому Патриарху и принимали делегации от него, но и президент Леннарт Мери, поддержавший их просьбу [1].

ЭПЦ МП после этих событий стали отказывать в регистрации, мотивируя это уже тем, что в Эстонии имеется своя Эстонская Православная Церковь (ЭАПЦ КП). РПЦ продолжала вести переговоры с Константинопольским Патриархом, с правительством Эстонии по поиску компромисса. Российская Федерация также вмешалась в церковные споры: на эстонские товары, ввозимые в РФ, была наложена двойная таможенная пошлина [2, с. 200–215]; а Государственная Дума в 1996 и 2001 гг. принимала заявления о положении православной церкви в Эстонии.

В 1999 г. начался процесс перерегистрации религиозных организаций в Эстонии, и так как ЭПЦ МП была на полулегальном положении и не имела прав на имущество, над её приходами нависла угроза конфискации в пользу ЭАПЦ КП. Чтобы избежать этого, два главных центра Православия в Эстонии – таллинский Александро-Невский кафедральный собор и Пюхтицкий Успенский женский монастырь пришлось в 1999 г. зарегистрировать, придав им ставропигиальный статус, то есть подчинить их не епархии, а непосредственно Московскому Патриарху. Так, согласно своему уставу, зарегистрированному в МВД Эстонии 16 марта 1999 г., Александро-Невский собор был призван совмещать церковноприходскую деятельность и функции официального Представительства Московского Патриархата в Эстонии [1].

Тем временем Русская православная церковь обратилась за помощью в ОБСЕ, в 2001 г. Государственная Дума РФ приняла очередное заявление «О нарушении прав православных верующих в Эстонии», где отмечалось, что «дискриминация Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата и попытки воспрепятствовать её деятельности оскорбляют религиозные чувства и унижают достоинство православных верующих, сеют

Таблица 1

Православная церковь в Эстонии [по: 4; 8; 9]

	Эстонской православной церкви Московского Патриархата	Эстонской апостольской православной церкви Константинопольского Патриархата
Кол-во приходов	31	60
Кол-во священников	45 священников и 13 диаконов	30 священников и 9 диаконов
Кол-во прихожан	Около 100 000	Около 7 000

рознь и порождают конфликт на религиозной почве в эстонском обществе. Подобные действия, имеющие явную политическую подоплёку, тесно связаны с нарушениями прав национальных меньшинств, ограничением использования русского языка и другими проявлениями национализма в Эстонии» [цит. по: 1]. Там же содержалась рекомендация правительству России «воздержаться от проведения визитов в Российскую Федерацию представителей руководства Эстонской Республики и при рассмотрении вопросов развития российско-эстонских торгово-экономических связей учитывать позицию эстонских властей в отношении российских соотечественников, проживающих в Эстонии» [цит. по: 1]. Эстонская церковная проблема в 2001 г. стала наносить всё больший ущерб имиджу Эстонии, привела к снижению интереса российских предпринимателей к экономическому сотрудничеству с эстонским бизнесом, усилилось давление ОБСЕ. В итоге, 17 апреля 2002 г. устав Эстонской православной церкви Московского Патриархата (ЭПЦ МП) был официально зарегистрирован в Министерстве внутренних дел Эстонии, но без признания её прав на исторически и фактически принадлежащее ей имущество, которое юридически было уже передано или находилось в процессе передачи ЭАПЦ КП.

Юридическое решение было найдено в 2002 г., когда правительство Эстонии подписало вместе с обеими православными церквями протоколы о намерениях в отношении церковного имущества. ЭАПЦ отказалась от реализации права собственности в пользу государства в отношении церковных зданий, внесённых в 2002 г. в регистр церквей и приходов Эстонской православной церкви Московского патриархата [7]. Государство же сдало в аренду данное имущество ЭПЦ МП на 50 лет. Главные храмы Таллина, Нарвы арендуются у государства и муниципалитетов Эстонской православной церковью Московского Патриархата. Имущественный спор двух церквей остаётся не решённым до конца. Вместе с тем если Эстонское государство в имущественном споре между церквями заняло сторону ЭАПЦ КП, передав ей большую часть церковного имущества, то власти Таллина выступили на стороне ЭПЦ МП и заручились поддержкой русскоязычных православных верующих.

В целом, в настоящее время большинство православных верующих Эстонии поддерживает ЭПЦ

МП, хотя количество приходов у неё в два раза меньше, чем у ЭАПЦ КП (табл. 1).

(Кстати, в 1992 г., до раскола, в Эстонской православной церкви было 80 приходов.)

Таким образом, в Эстонии государство активно вмешалось в дела церкви и выступило на стороне Эстонской апостольской православной церкви Константинопольского Патриархата, поддерживая принцип правопреемственности. По мнению митрополита Таллинского и Эстонского Корнилия (ЭПЦ МП), это было связано с национализмом и с восприятием Эстонской православной церкви Московского Патриархата как «русской церкви» [4]. По нашему мнению, выбор Эстонского государства в пользу ЭАПЦ КП был связан со стремлением свети к минимуму влияние РПЦ на русскоязычное население страны. Активные действия Русской православной церкви Московского Патриархата совместно с Российской Федерацией и ОБСЕ помешали вытеснению ЭПЦ МП из Эстонии и привели к её официальной регистрации, однако правительственная пропаганда увидела в них подтверждение своего основного тезиса о РПЦ как инструменте государственной политики РФ. Раскол православных верующих по национальному признаку способствовал углублению раскола населения и общества Эстонской республики, обозначив, наряду с национальным и языковым, этноконфессиональный барьер.

Библиографический список

1. *Балашов Н. В.* Мораль и право vs политическая целесообразность? Из истории церковно-государственных отношений в Эстонии // Седмица.RU Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/3614177.html> (дата обращения: 25.10.2013).
2. *Бронштейн М.* На службе национальных интересов Эстонии в Москве // Анатомия независимости: сб. статей / под ред. Р. Григоряна, И. Розенфельда. – Тарту: Kripta, 2004. – С. 200–215.
3. *Гаврилин А. В.* Архипастырский путь Иоанна Гарклавса. Православные латыши: введение во храм. Гл. 1 // Русский мир и Латвия. Seminarium hortus humanitatis: Альм. XXI. – Рига, 2010. – С. 29–50. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/rus_mir_i_lat/2010/01/04.pdf (дата обращения: 24.10.2013).

4. Мудров С. Православие в Эстонии: взгляд двух митрополитов // Православие и мир. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/pravoslavie-v-estonii-vzglyad-dvux-mitropolitov/> (дата обращения: 05.10.2013).

5. Православие в Эстонии: исследования и документы: в 2 т. / под ред. Н.В. Балашова, С.Л. Кравца. – М.: Православная энциклопедия, 2010.

6. Православие в Эстонии // Официальный сайт Эстонской Православной Церкви Московского патриархата. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orthodox.ee/epc/index.php/ru/history-ru/estonian-orthodox-ru> (дата обращения: 05.10.2013).

7. Рингвез Р. История православия в Эстонии // Postimees. – 2013. – 15 июня. [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/1270858/ringo-ringveje-istorija-pravoslavija-v-jestonii> (дата обращения: 06.10.2013).

8. Современное положение // Официальный сайт Эстонской Православной Церкви Московского патриархата. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orthodox.ee/epc/index.php/ru/history-ru/estonian-orthodox-ru> (дата обращения: 05.10.2013).

9. Ajaloolis-kanooniline ülevaade // Eesti Apostlik-Õigeusu Kirik (Историко-канонический обзор // Официальный сайт Эстонской Апостольской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eoc.ee/eeesti-apostlik-oigeusu-kirik/> (дата обращения: 05.10.2013).

УДК 930.26(470+571)

Кабатов Сергей Александрович

кандидат исторических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kabatov74@mail.ru

ЗООМОРФНЫЕ УКРАШЕНИЯ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Цель статьи – представить классификацию зооморфных украшений сельского населения Костромского Поволжья (культура Костромских курганов). Актуальность определяется тем, что основная база источников (археологические памятники – курганные захоронения) по данному направлению в последние десятилетия под воздействием мощного антропогенного фактора и исчезновения носителей духовной культуры безвозвратно уничтожается.

Ключевые слова: финно-угры, славяне, зооморфные украшения, подвеска, конь, уточка, способ изготовления.

Одной из разновидностей украшений сельского населения Костромского Поволжья позднего домонгольского и раннего золотоордынского времени были *зооморфные украшения*. Время бытования зооморфных украшений в землях Руси – более чем 500 лет. Появившись еще в эпоху образования Киевской Руси, они продолжали пользоваться популярностью у местного населения на некоторых территориях вплоть до XV в. Зооморфные украшения распространены на территории всей Восточно-европейской равнины. Выделяются районы наибольшей концентрации культовых изделий, характеризующиеся не только обилием находок, но и наличием в таких районах местных разновидностей подвесок. Юго-восточное Приладжье (найден не менее 160 амулетов); Костромское Поволжье (140 экз.); Суздальское Ополье (73 экз.); северо-запад Новгородской земли (обнаружено 100 зооморфных подвесок и, кроме того, 63 экз. происходят из самого Новгорода). В общей сложности в этих четырех районах сосредоточено 536 изделий, что составляет около 65% известных древнерусских подвесок¹.

Зооморфные украшения принадлежат к числу наиболее ярких элементов средневековой материальной культуры. Они характеризуют уровень развития производства (изделия из кости крайне не многочисленны – менее 2% находок на рассматриваемой территории), раскрывают художественные

и эстетические представления древнего населения обширных территорий Восточной Европы. Концентрация различных типов подвесок в определенных районах позволяет рассматривать их в качестве индикаторов отдельных племенных объединений или областных культур, дает возможность установить центры изготовления зооморфных украшений. Зооморфные изображения характеризуются еще одной весьма характерной особенностью, выделяющей их из круга синхронных археологических древностей. Распространение украшений в виде животных, птиц и рыб непосредственно связано с целой системой идеологических представлений, уходящих своими корнями в глубокую древность. Изображения животных являются своего рода аккумуляторами материальной и духовной культуры средневековых племен, наиболее полно отразившими специфику их культурных особенностей [4, с. 6].

Большинство древнерусских украшений изготовлено из цветных металлов. Основным материалом для производства литых подвесок – медь, главным образом в сплавах с медью или, значительно реже, с серебром. Попадают и изделия из низкопробного серебра с примесью олова. Различна была и техника литья зооморфных подвесок. Их изготавливали в жестких одно- или двухсторонних формах, путем оттиска вещи в глине и последующего литья по оттиску или восковой модели. Техника литья по восковой модели была особенно распро-

транена «в широкой полуславянской, получудской полосе, тянувшейся от Водской поймы к низовьям Клязьмы и Оки» [4, с. 9]. Изготовление по восковой модели сопровождалось утратой формы после первого ее использования. Литью изделия предшествовала кропотливая и длительная лепка модели, во многом носившая индивидуальный характер. Вполне понятно, что такая техника не могла не отразиться на многообразии изделий. Отливка в каменных формах обеспечивала серийный выпуск стандартной продукции, а литье по восковой модели давало широкий простор индивидуальному творчеству, проявляющемуся в деталях изделий и мешающему сведению в типологические ряды.

Период употребления зооморфных украшений укладывается в хронологические рамки X–XIV вв. (обозначенные выше четыре региона также соотносятся с этим временем). Известно несколько находок более раннего (IX–XIII вв.) и позднего (XV в.) времени, но они единичны. Всего зооморфных украшений X–XIV вв., учтенных и исследованных на территории Северо-восточной Руси насчитывается примерно 825 экз., из них 147 подвесок (18% всех учтенных изделий) были найдены на территории Костромского Поволжья. Украшений золотоордынского периода насчитывается 107 экз. (13% всех известных находок Костромской земли) [2, с. 14].

Все рассматриваемые древности можно разделить на 7 групп (классификация предложена Е.А. Рябининым) [4, с. 10]. Классификация производилась в определенной последовательности (рис. 3). На первом этапе за основу группировки был принят материал. Из всех известных украшений была обособлена группа костяных украшений. В эту же группу включено несколько подвесок, изготовленных из цветных металлов, но подражающих костяным оригиналам. Металлические изделия четко подразделяются на пластинчатые, в том числе, рельефные (группы I–V) и полые (группа IV) изображения. Остальные разделены на четыре группы по стилю изображения и сюжету. Группы I–III представлены зооморфными фигурками, развернутыми в боковой плоскости. I группа включает одноглавые птицевидные подвески, III группа – одноглавые изображения животных, II группа – промежуточная, она объединяет все двуглавые амулеты. В группу IV включена небольшая категория рельефных изображений, головы которых обращены вверх и соединены с петлей для подвешивания. Группу VII образуют костяные подвески [4, с. 10].

Костромское Поволжье на данном этапе (рис. 2) представлено не всеми разновидностями приведенной классификации [2, с. 15]. Вариант 2 третьего типа² – 3 экз. (примерно 3%)³ и тип IV⁴ – 2 экз. (примерно 2%) второй группы отмечены в этот период уже слабым распространением. V тип 1 группа⁵, насчитывает 21 украшение (20%) и тип XIX 6 группы⁶ – 55 известных находок (51%). Вариант 3

VII типа⁷, тип VII A⁸ и VIII тип⁹ 2 группы включают в себя 7 (6%), 6 (5%) и 1 зооморфное украшение, соответственно. Тип XIII, группа 3, представлен вариантами 2 (3 экз. (3%)) и 3 (1 экз.). Кроме XIX типа, группа 6, на данной территории, включает в себя известные украшения серии 3а и 6а XX типа (8%), по 4 экз. на серию. Изделия, включающие в себя зооморфные подвески, отнесенные Е.А. Рябининым к типам I, I A, II, и варианты 1 – 1а III типа 1 группы, в Костромском Поволжье начального этапа золотоордынского времени не зафиксированы. Не получили распространение здесь и типы VI, VII (кроме 3 варианта), типы IX и X 2 группы, типы XI, XII, XIII (кроме 2 и 3 вариантов) группы 3. совсем не известны на исследуемой территории группы 4 и 5. Не представлены в этом регионе тип VIII, группа 4 и 7 (костяные изделия) XX типа (исключение серии 3а и 6а).

Группа 1. Пластинчатые изображения одноглавых птиц. Тип III. На территории Костромского Поволжья (рис. 1) найдено 3 подвески этого типа интересующего нас периода и 1 – в Ярославской области. Всего на территории Руси известно 36 таких украшений; не менее восьми обнаружено за ее пределами, в Латвии. Они изготовлены, как правило, из бронзы, но известны и серебряные изделия. Это прорезанные изображения с двумя пластинчатыми лапками; ведущий признак амулетов этого типа – наличие крыла, выделенного уступом в центральной полукруглой прорези фигурки. Наиболее многочисленная серия таких подвесок – изображение фантастической птички с хохолком на голове. Но встречены детали, в которых прослеживается усложнение зооморфного сюжета, появлением признаков, сближающих эти амулеты с изображением коня. На территории Костромской земли распространение получил только вариант 2, который несколько отличается от предшествующих. Вместо птицевидной головы с хохолком появляется массивная конская голова (рис. 4.2). Шея иногда украшена насечками, имитирующими гриву. Вместе с тем, у большинства изображений имеется широкий пластинчатый («птичий») хвост. Выпяченная грудь, две близко расположенные лапки, выступ в прорези в виде крыла – все это указывает на частичное сохранение элементов птицевидного изображения и на несомненную связь этих с амулетами вариантов 1–1а.

Тип IV объединяет серию ажурных птицевидных изображений, снабженных шумящими (лапчатыми) привесками. По нижнему краю амулетов, литых из бронзы, проходит ряд петлевидных выступов. Головка птицы украшена гребнем и завершена острым клювом. Тулово покрыто небольшими сквозными отверстиями (от 15 до 17); лишь в двух случаях ажурные круглые отверстия заменены двумя большими круглыми прорезями (рис. 4. 5–10). На территории Руси найдено 9 таких амуле-

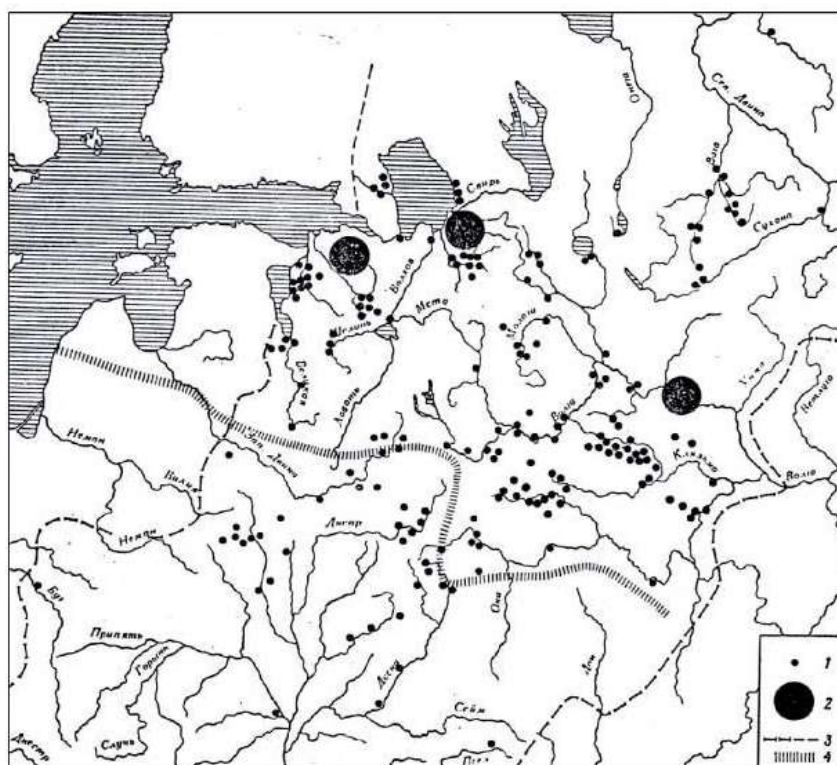

Рис. 1. Распространение зооморфных украшений в землях Древней Руси (по Е.А. Рябину):
1 – места находок, 2 – район концентрации находок, 3 – границы Руси в XII–XIII вв.,
4 – южные границы ареала древней финно-угорской гидронимии (по В.В. Седову)

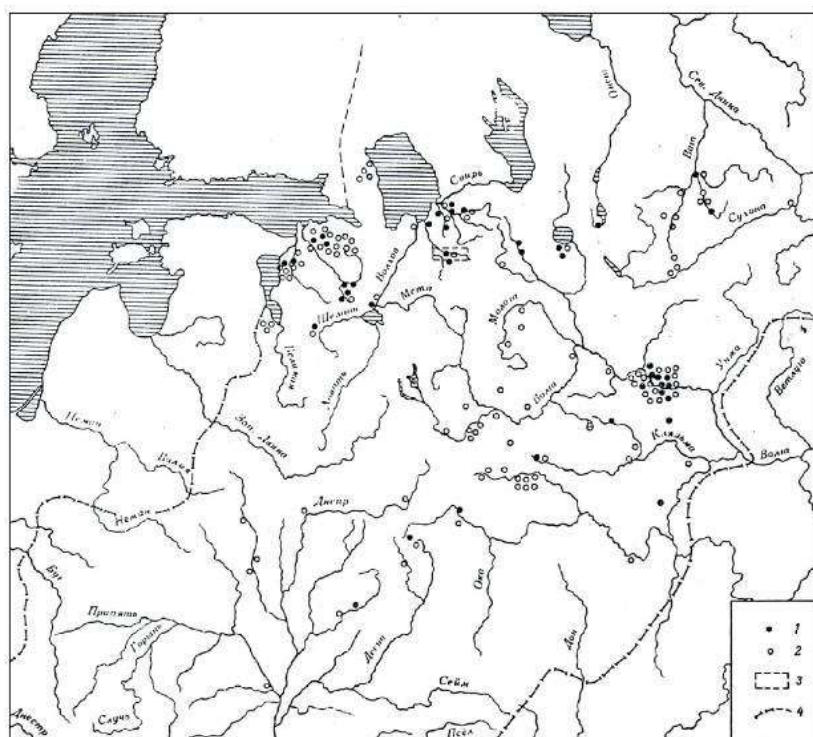

Рис. 2. Зооморфные подвески (по Е.А. Рябину):
1 – XII в., 2 – XII–XIV вв., 3 – районы находок, 4 – границы Руси к XIV в.

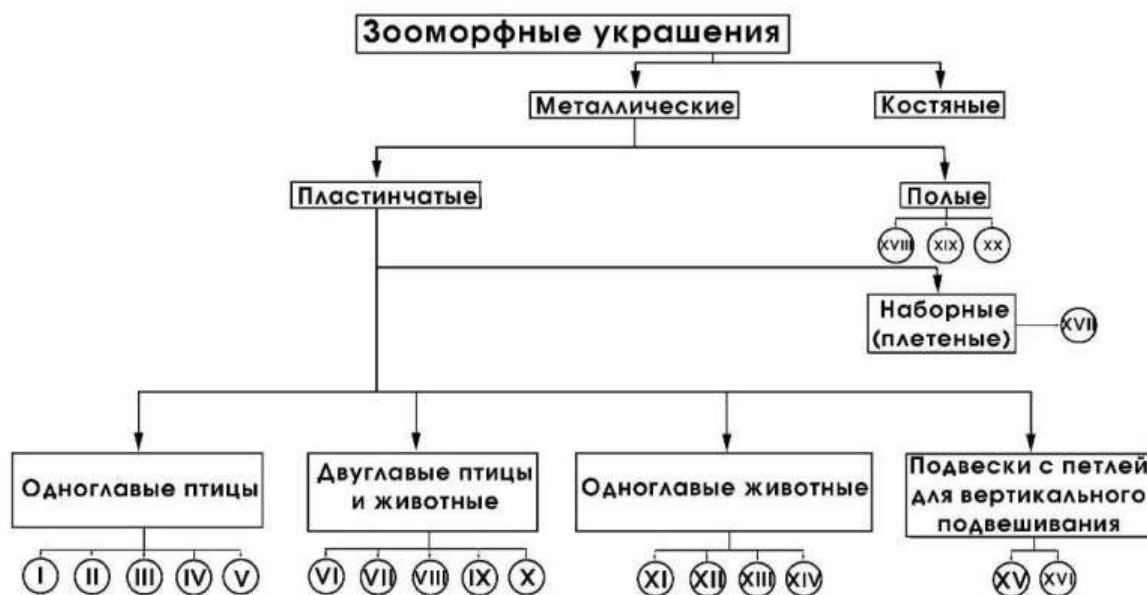

Рис. 3. Система классификации зооморфных украшений (по Е.А. Рябину)

тов и не менее 4 за ее пределами. Их ареал охватывает северо-восточные области Восточной Европы. 6 подвесок происходят из Владимирской, Ивановской и Ярославской областей, 2 из Костромского Поволжья, 1 встречена в бассейне р. Пинеги (Архангельская область). Из 9 северорусских находок 45% обнаружено в городских центрах Владимирской земли: Суздале (2 экз.), Владимире и Ярополче-Залесском. 3 аналогичных изделия найдены в Волжской Болгарии, одно в бассейне р. Вычегды. Большинство украшений IV типа характеризуется стандартностью формы. Концентрация ажурных птицевидных подвесок во Владимирской земле и, особенно в городских центрах Северо-восточной Руси, указывает на район изготовления. Вполне возможно производство их городскими ремесленниками. Находки «владимирских» изделий в Волжской Болгарии отражают те оживленные торговые, политические и культурные отношения, которые Владимиро-Суздальская земля поддерживала со своими восточными соседями. Подвеска из костромского погребения у д. Левашиха датируется по находке загнутоконечного пластинчатого браслета 2-й половиной XII–XIII вв. Обе подвески из г. Суздаля встречены в слоях XII–XIII вв. Учитывая тот факт, что в 1236–1238 гг. городские центры Залесского края Волжско-камской Болгарии были разгромлены монголами, этим временем можно ограничить верхний хронологический предел бытования подвесок IV типа. Таким образом, общая дата периода бытования рассматриваемых украшений – XII – середина XIII в., а их наиболее вероятная узкая датировка – 2-я половина XII – 1-я половина XIII вв. [4, с. 18]. Ажурные шумящие подвески использовались в качестве нагрудных украшений, никогда не составляя сложных наборов амулетов.

Лапчатые привески прикреплялись к петлям при помощи восьмеркообразных бронзовых цепочек.

Tun V представлен шумящими птицевидными подвесками, лишенными ажурных прорезей. Их туловище с обеих сторон украшено рельефными жгутами или полосками, образующими иногда косую клетку. Несмотря на некоторые различия в размерах, очертаниях фигурок и их орнаментации, все подвески V типа характеризуются единым устойчивым набором признаков (рис. 5. 1–10, 6. 1–5). Пластинчатые утки снабжены, как правило, лапчатыми привесками; лишь в двух случаях вместо лапок к петлям у основания фигурок были прикреплены бубенчики и конические привески. На территории Руси обнаружено 45 изделий V типа и не менее 18 за ее пределами. Они локализируются в северных областях Восточной Европы. На северо-западе такие украшения крайне редки¹⁰. В районах восточнее их количество значительно возрастает. В Ладого и Приладожье встречены 6 амулетов, в Вологодской и Архангельской областях – 10, в Костромском Поволжье – 21. Вне территории Руси подвески V типа сравнительно часто попадают в Прикамье и прилегающих к нему районах. Они были обнаружены в погребениях Котловского могильника на р. Каме, на городищах бывшего Глазовского уезда Вятской губернии, у деревень Ананьино и Мазуниной. Не менее 5 пластинчатых уток обнаружено на городищах Волжской Болгарии – Биларека и Болгара. Еще 3 подвески найдены в древнемарийских II и III Выжумских могильниках на р. Ветлуге. Усложненный вариант пермской подвески опубликован А.М. Тальгреном. Наконец, один шумящий амулет встречен в бассейне р. Вычегды и один на севере Швеции [4, с. 19]. По заключению П.Н. Третьякова, плоские утки являют-

Рис. 4. Подвески 1 группы. Тип III: 1 – Пьяньково (№105), 2 – Белогуровская (№107), 3–4 – Дубровна (№109). Тип IV: 5 – Левашиха (№119), 6 – Фёдоровская (№112), 7 – Суздаль (№114), 8 – Владимир (№113), 9 – Суздаль (№115), 10 – Низовская (№118)

ся характерной формой украшений второй хронологической группы Костромских курганов – XIII в. [3, с. 24]. Вещевой материал второй хронологической группы Костромских курганов представлен формами, в равной степени характерными как для XII в., так и для XIII в. Более того, в окрестностях Костромы известны погребения с подвесками V типа четко датируемые XII в. Следовательно, положение подвесок на костях зафиксировано в 14 случаях. В 9 погребениях они были найдены у пояса умершей, в одном – у колена, в двух – на груди. Известны случаи помещения таких украшений в качестве заупокойного дара рядом с захоронением [4, с. 19]. В целом, в Костромской земле подвески V типа служили преимущественно поясными украшениями.

Группа 2. Лапчатые изображения двуглавых птиц и животных. В памятниках Костромского Поволжья найдено не менее 14 украшений 2 группы, представленной двумя полными типами и одним вариантом (рис. 3).

Тип VII – двуглавые коньковые изображения, претерпевшие значительную стилизацию и лишённые шумящих подвесок. Насчитывается 7 подве-

сок данного типа, встреченных на территориях Костромского отрезка р. Волги. По деталям исполнения амулеты подразделены на 3 варианта. На исследуемой территории распространение получил лишь 3 вариант. Всего в северорусских землях насчитывается 33 экз. VII типа; не менее 10 найдено за пределами Руси [4, с. 21]. Всего насчитывается 20 экз. варианта 3, из них 7 обнаружено в Костромском Поволжье. Данный вариант представлен прорезными подвесками в виде условно переданных парных разно смотрящих голов коней на надтрапецивидной основе. Большинство амулетов украшено по основанию рядом овальных вертикальных прорезей, в отдельных случаях имеющих круглую форму. В отличие от предыдущих подвесок изделия данного варианта менее стандартны. Они различаются формой и количеством ажурных прорезей, а также размерами. Обычная длина таких амулетов 3,5–4 см., но встречаются и миниатюрные экземпляры, не превышающие 2,5 см. Но по основным своим признакам все предметы характеризуются полным сходством, свидетельствующем о родстве их происхождения (рис. 6. 6–10). Ареал подвесок варианта 3 охватывает в основном се-

Рис. 5. Подвески 1 группы. Тип V: 1 – Сущёво (№122), 2 – Старая Ладога (№123), 3 – Саньково (№127), 4 – бывший Тихвинский уезд (№128), 5 – Большое Андрейково (№143), 6 – Иорданиха (№151), 7 – Иворово (№154), 8 – Кисловская (№150), 9 – Белогуровская (№156), 10 – Студенец (№157)

ро-восточные земли Руси (Костромское Поволжье, Архангельская и Вологодская области). Известны такие находки и на соседних территориях: Волжско-камская Болгария (Билярск), Марийское Поволжье, Поветлужье. Не менее 2 амулетов обнаружено в Финляндии [4, с. 21]. В Костромских курганах коньковые изображения выявлены в слоях XII–XIII вв. При подобном раскладе количественного соотношения распространения двуглавых амулетов VII типа несомненно их преобладание на территории Костромской земли (30% всех учтенных находок), – 70% всех известных подвесок исследуемого региона золотоордынского времени. Способ ношения амулетов прослежен в 15 случаях. 4 раза подвески были найдены на тазовых костях умершей, 4 у пояса. В 7 случаях они обнаружены на груди умерших. Прикреплялись подвески к одежде, по-видимому, с помощью шнурка. Лишь в одном погребении встречен набор зооморфных амулетов, который был подвешен к поясу или поясной пряжке на цепочки [4, с. 21–22].

Тип VII A. Подвески этого типа близки таковым типа VII, особенно его варианту 3. Данный тип ха-

рактеризуется появлением качественно нового признака – оформление основания изображения в виде колечек. Названный признак связан с осложнением смысловой нагрузки амулетов: последнее превращается в шумящее украшение, снабженное лапчатыми привесками на цепочках (рис. 7. 1–3). Подвески типа VII A занимают промежуточное положение между двуглавыми коньками, тесное сходство с которыми отражено в самой нумерации этой переходной формы подвесок, и парными шумящими украшениями VIII–X типов. Ареал шумящих коньковых подвесок довольно ограничен. Подавляющее большинство – 7 (70%) из 9 известных украшений найдено в Костромских курганах и территориально близким к ним захоронениям у д. Семухино, 2 – в слоях летописного Ярополча-Залеского, расположенного в течение р. Клязьмы. Аналогичные изделия, обнаруженные в древнемарийском могильнике на р. Ветлуге, также тяготеют к этому типу [4, с. 22]. Налицо местное сельское производство этих украшений в окрестностях Костромы. 7 подвесок по своей конфигурации (подтрапцевидная основа, заканчивающаяся конскими

Рис. 6. Подвески 1–2 группы. Группа 1. Тип V: 1, 3 – Гоменки (№145, 146), 2 – Мальцево (№152), 4 – бывшая Костромская губерния (№158), 5 – Гоменки (№147). Группа 2. Тип VII вариант 3: 6 – Безрядово (№200), 7 – Терешино (№196), 8 – бывший Тихвинский уезд (№184), 9, 10 – Васильевское (№197, 198), 11 – Петрушено (№199)

головами) тождественны изделиям VII типа (рис. 7. 1–3). Вместе с тем, в одном из Костромских погребений, а также в слое Ярополча-Залесского обнаружены амулеты, характеризующиеся несколько иными очертаниями. Они имеют в нижней части основания четко выраженное боковое закругление, переходящее в шею изображения. Еще два аналогичных амулета происходят из марийского могильника. Датировка находок типа VII A укладывается в рамки конца XI–XIII вв. Погребения из второго Выжумского могильника датированы Г.А. Архиповым XII–XIII вв. [1, с. 30–31]; к этому времени относятся и слабо документированные комплексы из раскопок Г.М. Девочкина в Костромском Поволжье [4, с. 22–23]. В одном из Костромских погребений коньковая подвеска находилась на груди умершей. Конек из кургана 12 у д. Семухино и оба амулета из второго Выжумского могильника располагались у левого бедра.

Тип VIII – прорезные изображения двуглавых петушков, снабженные шумящими (лапчатыми)

привесками. Их насчитывается 6 экз. Украшения имеют некоторые различия, проявляющиеся как в очертаниях фигурок, так в форме и количестве прорезей. Но у всех есть реалистично исполненные птичьи головки с острым клювом, массивным гребнем и рельефным изображением глаз (рис. 7. 4–5). Очень интересно в данном случае сходство двуглавых птицевидных подвесок с одноглавыми ажурными амулетами-петушками IV типа. Вполне вероятно, это удвоение сюжета, известного по изделиям IV типа. На связь этих украшений указывают и территориальное размежевание и хронология находок. Ареал подвесок VIII типа охватывает бывшую Тверскую (2 экз.), Московскую (2 экз.), Костромскую (1 экз.) губернии [4, с. 23]. Констатируя территориальную близость находок IV и VIII типов, следует отметить отсутствие двуглавых птицевидных изображений в городских центрах Владимирской земли. Не исключено, что данные украшения являются переработкой образцов IV типа, осуществленных сельскими мастерами

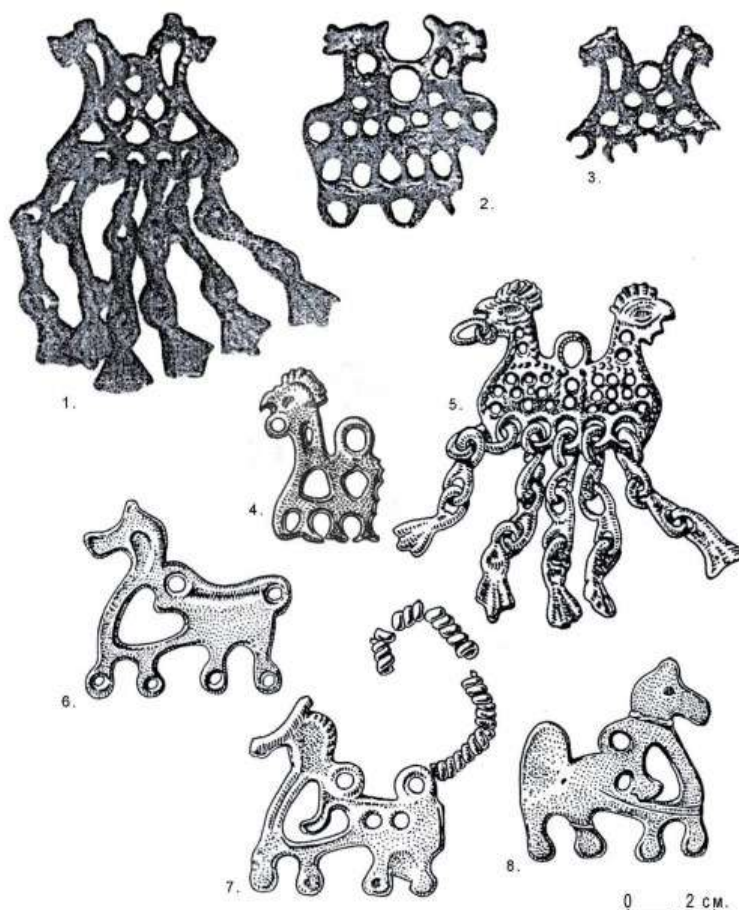

Рис. 7. Подвески 1–2 группы. Группа 2. Тип VIIA: 1 – Пьяньково (№206), 2 – Иворовка (№209) 3 – Кубасова (№208); Тип VIII: 4 – Кидомля (№214), 5 – Васильевское (№217); Группа 3. Тип XIII, вариант 2: 6 – Кубасова (№271), 7 – Любанова (№272), 8 – Руболдино (№270).

в периферийных районах Северо-восточной Руси. Находки типа VIII в Костромской области датируются XII – серединой XIII вв.

Группа 3. Пластинчатые изображения одноглавых животных. В эту группу объединены 5 разновидностей зооморфных украшений, составляющих отдельные типы и ряд несерийных подвесок. Всего в Костромском Поволжье найдено 7 подвесок группы 3 из них 4 украшения были распространены в начале золотоордынского времени (рис. 1).

Тип XIII представлен ажурными изображениями четвероногих коньков. На территории Руси известны 22 такие подвески, составляющие 3 варианта, 2 из которых бытовали на исследуемой территории. *Вариант 2* – всего насчитывает 5 экз., из которых 3 украшения (60%) найдены в Костромской земле. Данный вариант включает в себя фигурки коней с закрытой пастью и без уздечки. Орнаментальные пояски на теле изображений отсутствуют, лишь шея украшена насечками, имитирующими гриву. Для подвешивания украшений в верхней средней части тулова расположена небольшая полукруглая петля. Спиральный завиток в передней прорези фигурки превращается в роговой отрос-

ток, уже не соединенный с основанием изображения (рис. 7. 7–8). Кроме Костромского региона подобные украшения были обнаружены на северо-западе Новгородской земли и в Приладожье. За пределами Руси подвески второго варианта не известны. *Вариант 3* объединяет все подвески, представляющие дальнейшую стилизацию ажурных коньковых изображений. Как и у образцов предыдущего варианта, у амулетов этой серии отсутствует уздечка и закрыта пасть. У некоторых из них имеется насечка, имитирующая гриву. Фигурный вырез в передней части изделия исчезает, заменяясь рядом небольших круглых и овальных прорезей и углублений, покрывающих все тело конька. Вместо прорезей на ногах сохраняются лишь округлые ямки (рис. 8. 1–2). Костромские украшения 2-го и 3-го вариантов данного типа известны в комплексах XII–XIII вв. Около половины всех древнерусских находок XIII типа происходят из северо-западных районов Новгородской земли. Примечательно, что ряд погребений с такими изделиями, исследованный в Костромском Поволжье, содержал набор вещей северо-западных типов, указывающих на принадлежность погребенных к выходцам из

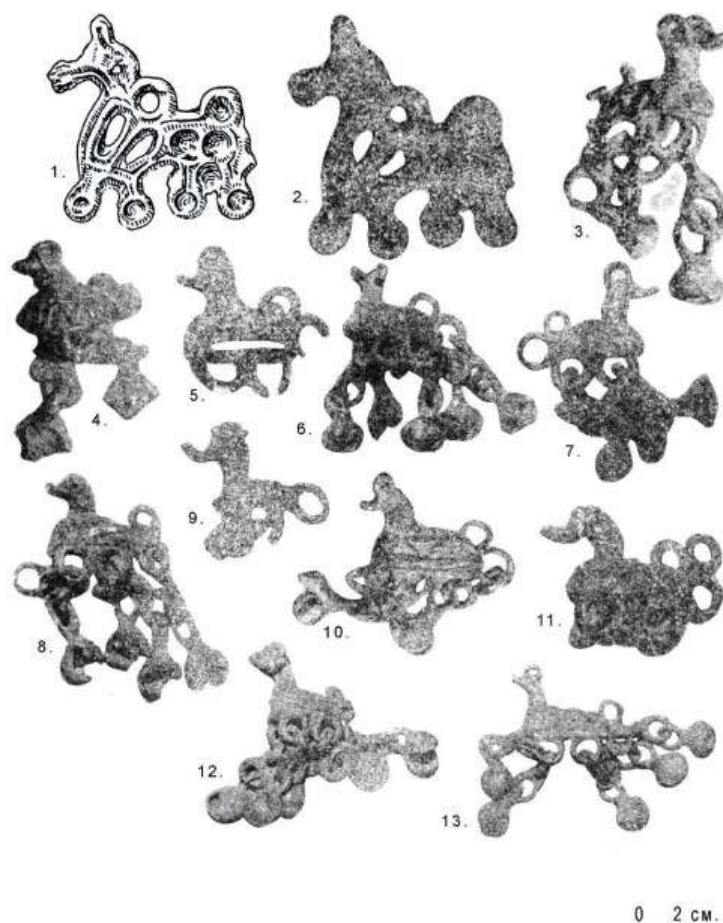

Рис. 8. Подвески 3, 6 группы. Группа 3. Тип XIII: 1 – Забредняжье (№274), 2 – Ушевица (№273).

Группа 6: 3, 9, 11 – Кривец (№639, 640, 642), 4 – Шахново (№562), 5 – Пещериха (№614), 6 – Студенец (№637), 7 – Красково (№638), 8 – Есиплево (№635), 10 – Большое Андрейково (№600), 12 – Дренево (№597), 13 – Гридино (№601).

Новгородской земли. Положение подвесок на теле определено в 7 случаях. Трижды ажурные коньки были найдены на груди и 4 раза в области таза. Использование цепочек для подвешивания установлено лишь в двух погребениях Ижорской возвышенности и Северо-восточного Причудья [4, с. 28].

Группа 6. Полые зооморфные подвески. В эту группу объединены полые (объемные) фигурки птиц, коней и баранов, исполненные в технике литья по восковой модели. Все амулеты группы 6 разделены (по Е.А. Рябинину) на три типа: XVIII–XX.

Тип XVIII включает в себя объемные фигурки с ярко выраженными видовыми признаками птиц (утки, курочки). У основания амулетов имеются две петли для шумящих (как правило, лапчатых) привесок (у некоторых экземпляров петли отсутствуют). Подвески не орнаментированы или украшены жгутовым треугольным (в трех случаях – рельефным линейным) узором. Известны только одноглавые изображения. На территории Костромского Поволжья подвески данной серии золотоордынского периода не известны. Данная характеристика была приведена нами для выявления особенностей и сравнительной характеристики следующего,

XIX типа группы 6, получившего наибольшее распространение в Костромском крае среди всех известных зооморфных украшений данного региона.

Тип XIX – (переходный) по внешнему облику изделия напоминают птицу (короткая шея с небольшой округлой головкой и заостренным клювом, овальное и широкое тулово). Но у них уже намечены уши из двух колечек, развернутых, как правило, не перпендикулярно к голове изображения, а вдоль его плоскости. Грива отсутствует, но имеется загнутый спиральный хвост. К основанию фигурок прикреплены 5–6 шумящих подвесок, представленные, в основном, бубенчиками (в крайне редких случаях встречаются привески-лапки). Орнамент представлен волнистой выпуклой линией по бокам подвесок. На рассматриваемой территории известно 55 подвесок (62%) из 89 всех учтенных. Все 55 экз. относятся к интересующему нас периоду, к его начальному этапу. Кроме Костромского Поволжья 9 подвесок найдено в Вологодской области, по 7 амулетов – в Приладожье и бассейне Северной Двины; за пределами Руси известны лишь 3 экз.: у с. Княж-Погост, в окрестностях Сыктывкара, а также в бывших Вятской и Пермской

Рис. 9. Подвески 6 группы. Тип XIX: 1 – (№619), 2, 5 – Большое Андрейково (№599, 600), 3, 6 – Залогово (№605, 606), 4 – Тимонино (№598), 7 – Васильевское (№588), 8 – Кубасово (№626), 9 – Низовское (№610), 10 – Горадино (Чувиль) (№620), 11 – Пеньки (Алабуга) (№629).

(д. Михалево) губерниях. По всей вероятности, «коньки-птицы», изготовленные по восковой модели, не отличаются полным однообразием, хотя и сближаются по большинству признаков (рис. 9. 1–11; 7. 3–13). Как уже отмечалось, почти все подвески покрыты волнистой орнаментацией. Лишь два «барашка» не имеют орнамента (рис. 8. 9), а четыре северорусские находки украшены узором из двойных спиралей – разновидностью той же волнистой (зигзаговой) орнаментации. Аналогичный узор встречен на двух подвесках Княж-Погоста бывшей Вятской губернии (рис. 9.1). У основания «коньков-птиц» имеются 2–3 или 5 петель, к которым прикреплены на восьмеркообразных или двух взаимно перпендикулярных звеньях бубенчики (колокольчики). Лишь у двух амулетов из Приладо-

жья и одного из Карелии шумящие привески заменены лапками (рис. 8. 4). Различия петель для привесок в количественном соотношении на форму самого изделия не влияют. В Костромском Поволжье полые «коньки-птицы» характерны для XII–XIV вв. Этим же временем обусловлено бытование подобных украшений на сопредельных территориях. Положение украшений на теле установлено в 46 случаях. Большинство из них найдено на поясе или у тазовых костей умерших, то есть использовались в качестве поясных украшений. В трех случаях «коньки-птицы» обнаружены на груди, в двух были положены в футляр рядом с захоронением. Лишь в могильнике у с. Кривец зафиксировано положение подвесок около браслетов, к которым они, очевидно, прикреплялись (два по-

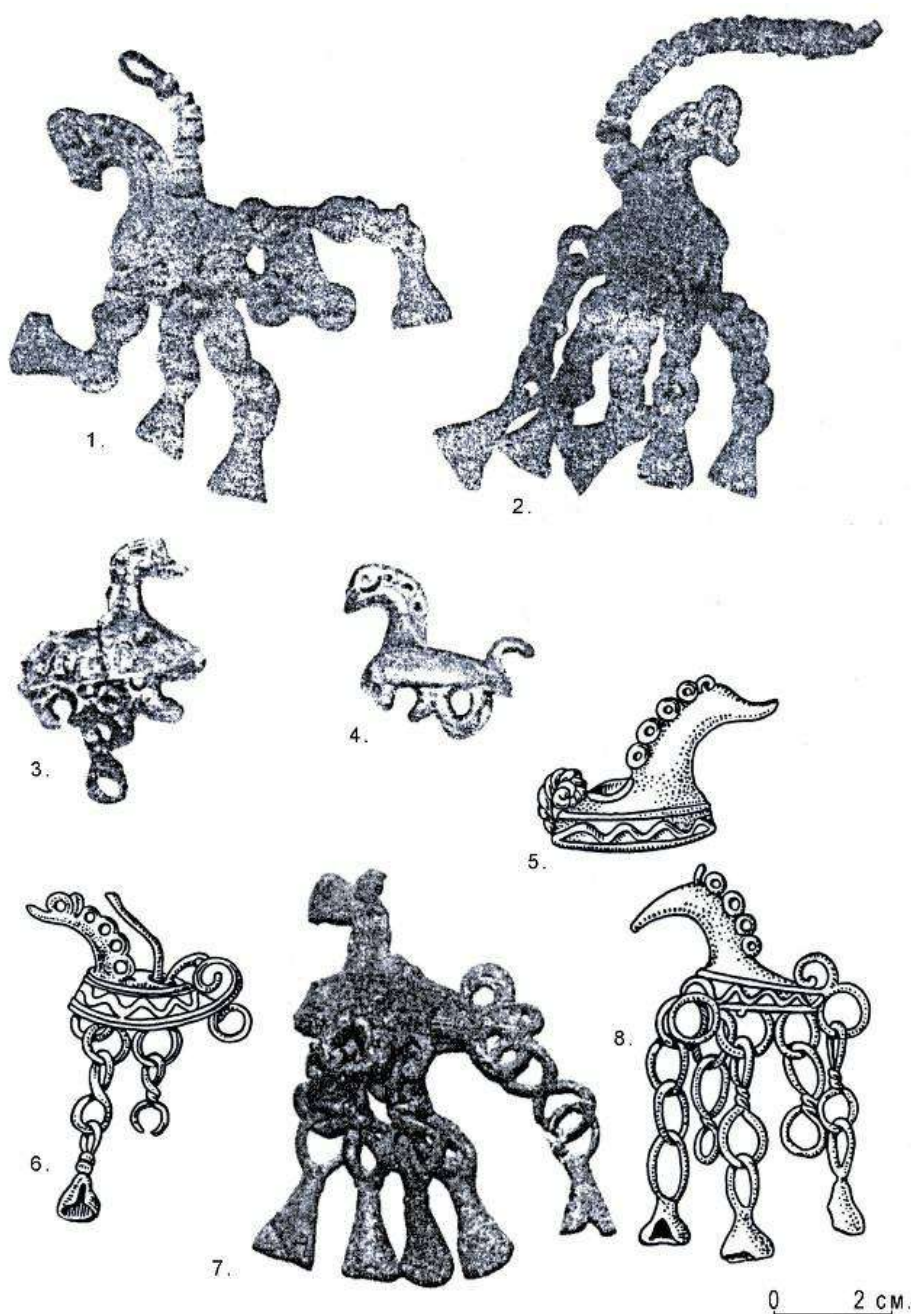

Рис. 10. Подвески 6 группы. Тип XX, вариант 3а: 8 – Калихновщина (№674); вариант 6а: 1, 2, 4 – Ёлотов (№761–763), 3 – Шеляиха (№767), 5 – Успенске (№792), 6 – Мякина (№794), 7 – Добрый Бор (№786).

гребения), а в одном – у виска костяка [4, с. 38–39].

Тип XX представлен полыми коньковыми подвесками. Изображение характеризуется крупным туловом и высокой шеей. Грива передана проволоочной полоской, жгутом или колечками; уши выделены двумя колечками, развернутыми перпендикулярно морде коня; хвост загнут в спираль. Вместо привесок-лапок появляются колокольчики, бубенчики, конические привески, прикрепленные не к двум, а к четырем – семи колечкам у основания амулетов, создавая шумящую «бахрому» украше-

ний. Орнамент – волнистая выпуклая линия по бокам подвесок. Еще один яркий признак изделий XX типа – частое удвоение изображений (наряду с сериями одноглавых полых коньков известны тождественные серии по сумме признаков, но уже с разно смотрящими головами). На рассматриваемой территории известно всего 8 полых коньковых подвесок (5%) из 159 всех известных украшений (рис. 10). Кроме того, не менее 10 подвесок найдено в Коми на реках Выме и Лузе, девять в Прикамье, 3 – в городских центрах Волго-Камской Болгарии, 2 – в Финляндии, 9 – Эстонии и не менее

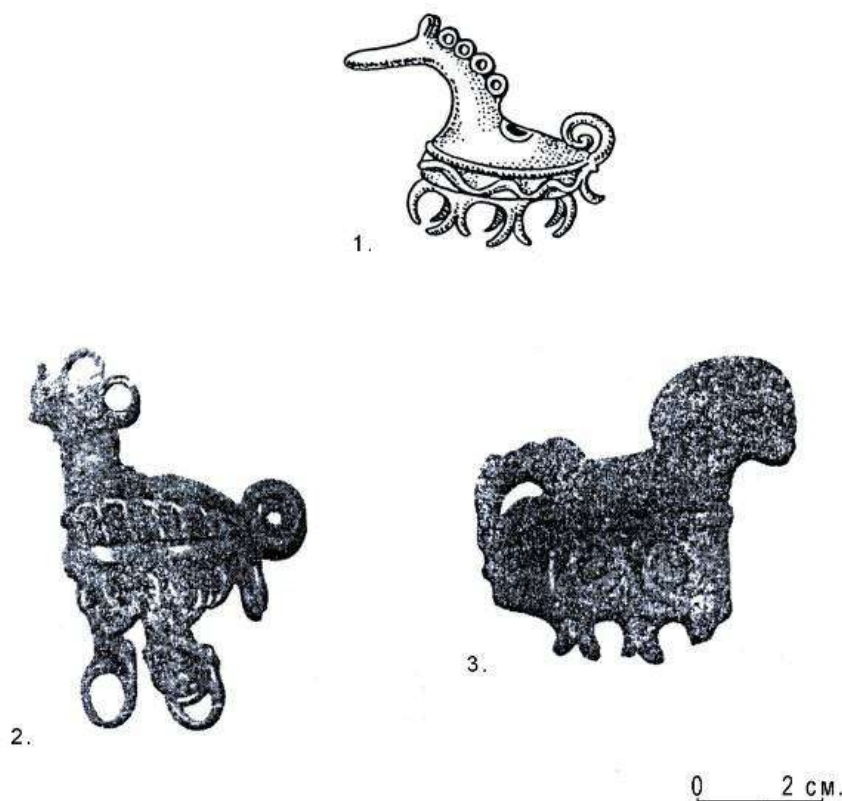

Рис. 11. Подвески 6 группы. Тип XX, серия 6а: 1 – Успенское (№793); несерийник: 2 – Есиплево (№815), 3 – Сторожево (№814).

16 на территории Латвии. Всего учтено 207 изделий XX типа [4, с. 39]. У всех коньковых амулетов сохраняются основные общие признаки: крупное тулово, длинная шея, вытянутая голова, петли у основания фигурок, волнистая боковая орнаментация. Различия проявляются, прежде всего, в характере исполнения головы и гривы коня, а также в наличии одно – двуглавых изображений. По особенностям трактовки головы и гривы животного большинство рассматриваемых изделий разделено на восемь серий (или разновидностей); в них входят и двуглавые изображения, представляющие в ряде случаев простое удвоение определенных форм одноглавых подвесок. Последнее не получает распространение в Костромском Поволжье. Ареал подвесок XX типа – огромные территории Руси и прилегающие районы, особенно, в крупнейшем центре Северо-западной Руси – Великом Новгороде [4, с. 39].

XX тип зооморфных украшений (по Е.А. Рябинину) представлен на территории Костромской земли сериями 3а и 6а.

Серия 3а состоит здесь из 4 экз. (40%) (всего подобных подвесок на Руси известно 10) коньковых амулетов с одной с одной головой в виде трубочки с прямо срезанной передней частью. Лишь одна найдена в Новгороде, другая – в его северо-западных владениях. Остальные подвески, кроме вышеуказанных, обнаружены в Приладожье

(рис. 10. 8) и на городище Осовик в Брянской области (1 экз.). Амулеты серии 3а получили распространение в Прибалтике: не менее четырех подвесок встречено в могильниках Эстонии, свыше 7 – на территории Латвии. Кроме того, 2 аналогичных изделия происходят из Финляндии и Прикамья [4, с. 41].

Серия 6а характеризуется наличием у изображений изогнутой узкой шеи, трубчатой или заостренной клювовидной головы и кольчатой гривы, которая покрывает лишь шею фигурки (рис. 10. 1–7, 11. 1). Из 15 подвесок, найденных на территории Руси, 4 (27%) украшения принадлежат Костромскому Поволжью, 5 – Московской, 6 – Калининградской областям. За пределами Руси известны только 2 такие находки (бывшая Казанская и Вятская губернии). Зооморфные украшения серий 3а и 6а типа XX группы 6 являются для Костромского края местными (сельскими – ?) переработками новгородских образцов или самобытными изделиями. Все новгородские находки сделаны из бронзы. Этот же металл применялся при литье большинства остальных коньковых подвесок. Вместе с тем, выделяются группы украшений, изготовленных из серебра или биллона. Примечательно, что почти все такие украшения относятся или к числу несерийных отливок, или к сериям, не получившим распространение в Новгороде (3а–3б). Коньковые подвески данной категории имеют вре-

мя бытования XII–XIII вв., возможно – 1-я половина XIV в. Положение данных украшений на теле умерших зафиксировано в 36 случаях. В 13 погребениях коньки находились на груди, в 13 – в области пояса, в 7 – у тазовых костей, в двух – у бедра. В одном захоронении подвеска встречена на шеи умершей. Согласно этому, коньковые амулеты являлись преимущественно украшением пояса. В восьми погребениях найдено по две таких подвески. Лишь в трех случаях коньки оказались прикреплены к цепочки, а в одном – к низке бронзовых бус. Судя по новгородским аналогам, они, видимо, подвешивались к одежде с помощью кожаного ремешка (или шнурка), пропущенного через сквозные отверстия в верхней части амулета [4, с. 42].

Вне выделенных серий оказалось 9 объемных литых фигурок, испытавших значительную ремесленную переработку. В их числе коньковая подвеска Костромской земли. Фигурка украшена идущими наклонно линиями; пасть раскрыта, на голове – кольчатая грива (рис. 10. 2). Из курганов Костромского Поволжья происходят также три зооморфные фигурки, украшенные выпуклой кружковой ornamentацией (рис. 10. 4). Две из них, встреченные в погребениях у д. Тимонино, изготовлены по одной модели. Еще одна несерийная объемная фигурка из Костромской земли относится к числу птицевидных изображений. Хвост у амулета имеет вид полукруга, к которому припаяны дополнительные колечки, а туловище орнаментировано рельефными выпуклыми линиями (рис. 10. 6). Близкая аналогия этой подвески известна в Финляндии на памятнике XI–XIII вв. [4, с. 43].

Примечания

¹ В дальнейшем нами кроме непосредственно Костромского отрезка Волги будут параллельно рассматриваться сопредельные территории, являющиеся, в некоторых случаях, центрами изготовления рассматриваемых украшений, которые, в свою очередь, имели бытование в Костромском Поволжье. Данные аналогии будут приводиться нами с целью сравнения и выявления собственно региональных особенностей Костромских подвесок.

² В данном случае, перед нами местная переработка птицевидных подвесок, осуществленная в Костромском Поволжье. Чаще всего такие украшения носились на груди. Датируются эти украшения XII–XIII вв.

³ Здесь и далее процентное соотношение всех амулетов Костромского Поволжья конца XII–XIV вв.

⁴ Ажурные шумящие подвески использовались в качестве нагрудных украшений, никогда не составляя сложных амулетов. Общая дата украшений – XII – середина XIII вв., а наиболее вероятная их узкая датировка – вторая половина XII – первая половина XIII вв.

⁵ Судя по концентрации таких украшений в Костромском Поволжье и Прикамье, они изготовлялись в окрестностях Костромы ювелирными сельскими костромскими мастерскими, и в бассейне р. Камы, а уже оттуда распространялись на другие территории. Наиболее часто повторяющееся местоположение подвесок – на поясе. Время бытования шумящих птицевидных изображений XII–XIII вв. [4, с. 18].

⁶ Исходя из концентрации находок данной группы и их количественного преобладания в Костромской земле, можно уверенно констатировать факт местного сельского характера изготовления данного типа украшений. Как правило, подобные украшения использовались в качестве поясных украшений. Время бытования данной категории подвесок XII–XIII вв.

⁷ В Костромских курганах коньковые изображения выявлены в слоях XII–XIII вв. Подвески носили в районе тазовых костей/пояса и на груди.

⁸ Количественный фактор позволяет говорить о местном сельском производстве этих украшений в окрестностях Костромы. Подвески носились в районе таза. Хронологические рамки бытования – конец XII–XIII вв.

⁹ Вероятно, это переработанные сельскими мастерами украшения образцов IV типа. Время их распространения XII–середина XIII вв.

¹⁰ Это одна пластинчатая уточка, найденная в Псковской области, и одна в Новгороде.

Библиографический список

1. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. – 197 с.
2. *Кабатов С.А.* Сельские поселения Костромского Поволжья XIII–XVII в.: дипломная работа. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1997 б. – 97 с.
3. *Третьяков П.Н.* Костромские курганы. Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры. – Т. XIV. – Вып. 6–7, 1931. – С. 1–38.
4. *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. – М.: Наука, 1981. – 124 с. Свод археологических источников. Выпуск Е1–60.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ВИНоторговли в ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЯХ
В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается роль государства и органов местного самоуправления в регулировании винооторговли со времени откупной, акцизной и монопольной систем России и Верхнего Поволжья в период второй половины XIX – нач. XX вв.

Ключевые слова: винооторговля, винная монополия, питейные заведения, оптовая торговля, розничная торговля, заведения трактирного промысла.

Питейная торговля была одной из важнейших сфер коммерческой деятельности в середине XIX в., а крупнейшие винооторговцы были влиятельнейшими капиталистами.

За время действия откупной системы денежные поступления в царскую казну от продажи спиртных напитков возросли с 16 до 127 млн. руб., за 30 лет существования акцизной системы эти доходы возросли с 127 до 260,8 млн. руб., а за 20 лет действия винной монополии доходы казны увеличились с 260,8 млн. руб. в 1893 г. до 889 млн. руб. в 1913 г., то есть почти в 3,5 раза [6, с. 19].

Количество питейных заведений в Российской империи в XIX в. не было неизменным. Если в начале столетия число питейных заведений постоянно увеличивалось, то к концу века заметно сократилось. В 1895 г. в государстве осталось 124 тыс. 083 питейных заведения. В среднем на одно заведение приходилось от 325 в 1859 г. до 11 тыс. 015 чел. в 1896 г. [5, с. 32].

В верхневолжских губерниях XIX столетия, как и в России в целом, также происходило планомерное развитие винооторговли всеми питейными заведениями.

В Костромской губернии всех питейных и трактирных заведений в 1857 г. насчитывалось 394, что составляло одно заведение на 2 тыс. 704 души обоего пола [9, с. 430–431].

В 1862 г. во Владимирской губернии была 1 тыс. 118 питейных заведений разных наименований на 1 млн. 222 тыс. 018 душ обоего пола (одно на 1 тыс. 093 чел.), а в 1863 г. открыто 3 тыс. 918 питейных заведений на 1 млн. 241 тыс. 586 душ населения (одно на 317 чел.), то есть количество питейных заведений в губернии увеличилось в $3\frac{1}{2}$ раза, а по некоторым местностям и более [13, с. 167–172].

В соответствии с Положением 1861 г. был разработан Устав о питейном сборе, регламентирующий все аспекты питейного дела в государстве.

Оптовая и дробная (раздробительная) торговля разрешалась винокурам из собственных заводских подвалов без торговых свидетельств; лицам, состоящим в гильдиях или имеющим свидетельства, равные гильдейским, – из складов с объемом продукции не менее 500 вед. безводного спирта [3, с. 28, 93].

Оптовая и розничная торговля производилась преимущественно из казенных винных лавок, за некоторым исключением. Такое исключение составляли: трактиры, буфеты, ренсковые погреба, временные выставки.

В уставе был определен порядок работы питейных заведений, детально перечислены патенты, свидетельства, билеты и прочие разрешительные документы, от получения которых непосредственным образом зависело их открытие и содержание [20].

Акцизная система вводилась по всей империи и включала три вида сборов, идущих в доход государству: патентный сбор, уплачиваемый винокурными заводчиками согласно размерам их производства (емкость бродильных чанов и т.п.); питейный акциз – налог, взимаемый с заводчиков в зависимости от количества и качества выкуренного спирта; патентный сбор за торговлю. Торговля спиртными напитками сосредоточивалась в руках кабатчиков.

В первые годы существования акцизной системы с января по июль месяц 1865 г. в Костромской губернии функционировало 2 тыс. 902 питейных заведения: оптовые склады, питейные дома, штофные лавки, постоялые дома, трактиры, ренсковые погреба, погреба русских виноградных вин, буфеты, портерные лавки. Причем питейные дома в губернии составляли 47,4% от общего количества заведений [7].

На основании сведений, доставленных Костромским губернским акцизным управлением, оказалось, что на 1 тыс. душ обоего пола в 1867 г. из 2 тыс. 607 питейных заведений приходилось в городах и посадах 12, в уездах 1,5 и вообще в губернии 2,2 [23, с. 16–18]. Если брать в расчет только мужское население, то питейных заведений на 1 тыс. душ мужского пола приходилось 3,8 на 1,13 кв. мили.

Последовавшие вскоре ограничительные меры правительства привели к сокращению мест продажи алкоголя в великорусских губерниях.

Поворотным для розничной торговли спиртными напитками стал 1863 г. Принцип «вольной» продажи питей количественно и качественно изменил картину торговли алкоголем в губерниях России.

Самой серьезной проблемой в организации свободного оборота алкоголя стало управление розничной торговлей, которая была представлена широким спектром питейных заведений.

Заведения, торговавшие на вынос и распивочно или только распивочно, должны были брать разрешение на открытие у городских дум, сельских обществ или владельцев земель, где предполагалось вести торговлю.

Положение о трактирных заведениях 1861 г. разрешило неограниченное владение ресторанами и трактирами для всех категорий подданных при условии уплаты соответствующих сборов в местное акцизное управление.

Все торговые заведения, которые занимались продажей алкогольных напитков, делились на две большие группы:

- заведения без права на трактирный промысел;
- заведения трактирного промысла.

Разница состояла в том, что трактирный промысел подразумевал содержание открытого для публики заведения, где продавались еда и напитки для потребления на месте, а в заведениях без права на трактирный промысел продажа осуществлялась исключительно на вынос и без продажи закусок. Кроме того, трактирный промысел облагался патентным сбором, и открытие заведений частного характера вызывало массу трудностей, которые, с одной стороны, были созданы государством для ограничения их деятельности, а с другой стороны, порождали коррупционный элемент в системе монополии [10].

Заведения трактирного промысла подразделялись на: 1) торгующие питьями по свободной цене, без обязательной подачи их в запечатанной казенной посуде по фиксированной цене; 2) по свободной цене, но с обязательной подачей по требованию посетителей в запечатанной казенной посуде; 3) исключительно в запечатанной посуде [19, с. 390; с. 109–150].

Заведения трактирного промысла разделялись на два вида: заведения без отдачи в наем покоев и заведения с отдачей в наем покоев.

К первому типу заведений относились: трактиры, рестораны, харчевни и духаны; овощные и фруктовые лавки и ренсковые погреба, в которых подавались закуски или кушанья; столовые, кухмистерские, буфеты при театрах, на пароходах, пароходных пристанях, станциях железных дорог, в клубах, публичных собраниях или на гуляниях и на выставках; пивные лавки с продажей горячей пищи; кондитерские и пирожные с продажей в них разных припасов для потребления на месте; кофейные, съестные или закусовые лавки и т.п. Ко второму типу заведений относились: гостиницы, постоялые дворы, заезжие дома, корчмы, а также меблированные комнаты и подворья, отдаваемые со столом, если у одного хозяина отдавалось более шести комнат, и т.п. [21, с. 164].

Наиболее деятельными в сфере трактирного промысла оказались ярославцы [18, с. 37–47].

Ярославского крестьянина можно было встретить в трактирах разных городов Российской империи.

По городской переписи Санкт-Петербурга 1869 г. в трактирном промысле было занято 7 тыс. 968 крестьян. Среди них ярославцев – 4 тыс. 039, тверяков – 1 тыс. 007, петербуржцев – 334, новгородцев – 272, костромичей – 102, владимирцев – 25 [17, с. 111].

В 1862–1863 гг. в Российской империи было 4 тыс. 017 производителей спиртных напитков, более на 1 тыс. 451 (в 1,6 раза) 1876–1877 гг. (2 тыс. 566) [1, ПСЗ. Собр. 3-е. Т. 5. №2946].

Как видим, до 1885 г. самыми распространенными в губерниях России были питейные дома – кабаки и шинки, торговавшие распивочно и на вынос, но без права подачи горячих закусок. Являясь виноторговыми заведениями низшего разряда, питейные дома открывались, как правило, в сельской местности, в городах уездных и заштатных.

В 1876 г. при Министерстве финансов была образована Особая комиссия из представителей разных ведомств и экспертов для разработки новых правил виноторговли [14, с. 387].

Выработанные мнения стали основой для Новых правил питейной торговли, именуемых Законом 14 мая 1885 г. [12].

Помимо включения гражданских институтов в управление оборотом алкоголя, государство в отношении розничной торговли использовало свой постоянный рычаг сдерживания в виде повышения патентного сбора.

В общем итоге рост патента с заведений розничной торговли составил в среднем 900%.

Главная причина неудач в регулировании питейной торговли усматривалась в том, что правительственными мерами не устранялся корень зла – личный интерес содержателей питейных заведений, побуждавший изыскивать разные способы не выполнять ограничительные требования питейного законодательства.

«Положение о казенной продаже питей» 6 июня 1894 г. стало основным нормативным документом государственной монополии на обращение алкоголя в России.

С введением казенной продажи питей правительство столкнулось с потребностью привлечения на государственную службу людей, ранее не имевших никакого отношения к питейной торговле, для работы продавцами в казенных винных лавках. За первые три года монопольной продажи питей по России было набрано 25 тыс. продавцов.

По структуре торговли все частные питейные заведения подразделялись на три категории. К первой категории относились ренсковые погреба, в которых была разрешена только выносная торговля

казенных питей в запечатанной посуде, по установленным Министерством финансов ценам. Владельцы данных питейных заведений приобретали спиртные напитки в казенных винных складах, а за реализацию питей акцизные управления выплачивали содержателям вознаграждения за данную торговлю.

Ко второй категории частных питейных заведений относились: трактиры, гостиницы, постоянные дворы, различные буфеты (железнодорожные, временные – организовываемые на общественных мероприятиях, в базарные и ярмарочные дни). В этих заведениях казенное вино продавалось по ценам, установленным Министерством финансов, в запечатанной посуде [22]. Однако эти питейные заведения отличались от ренсковых погребов и казенных винных лавок тем, что потребитель мог распивать вино в заведении.

К третьей категории частных питейных заведений относились трактиры, реализовывавшие казенные спиртные напитки по произвольным ценам и произвольными мерами (в налив из графинов). Такие заведения располагались только в крупных городах.

Для упорядочения торговли в частных питейных заведениях, губернатору, по соглашению с управляющим акцизными сборами губернии, предоставлено право издавать «Обязательные постановления о внутреннем устройстве и о соблюдении благочиния и благоустройства в частных питейных заведениях». Например, Владимирский губернатор 28 июля 1893 г. на основании Высочайше утвержденного 1893 г. мнения Государственного Совета издал обязательное постановление «О трактирном промысле во Владимирской губернии» [4, Ф. 2. Оп. 1. Д. 2712. Л. 1–8].

Частное питейное заведение должно было быть рассчитано в городе на 18 и на селе на 12 человек.

Одновременно с введением государственной винной монополии в России произошло уменьшение числа мест продажи спиртного: в 1863 г. одно питейное заведение приходилось на 259 чел., а в 1898 г. – на 1 тыс. 295 человек [11, с. 68]. Поэтому особым распоряжением министра финансов предписывалось, чтобы на каждые 5 тыс. жителей приходилось одно трактирное заведение; сокращение числа винных лавок не допускалось.

Подобно тому, как и склады, казенные винные лавки были поделены на три разряда в соответствии с количеством продаваемых в них спиртных напитков. В лавках I разряда продавалось до 3 тыс. 750 вед. вина, в лавках II разряда – до 1 тыс. 600 вед., III разряда – до 750 ведер [2, с. 395].

Все казенные винные лавки Костромской губернии для обеспечения населения вином были поделены между четырьмя казенными винными складами: Костромским №1, Галичским №2, Юрьево-Ветлужским №3 и Ветлужским №4. Самым производитель-

ным за 1903 год являлся Костромской винный склад, обслуживавший 100 винных лавок – 302 тыс. 875, 32 тыс. 625 ведер на сумму 2 млн. 322 тыс. 769 рублей [15].

Только за годы проведения реформы число мест продажи сорокаградусного вина возросло с 3 тыс. 940 до 41 тыс. 132, то есть более чем в 10 раз. В 1913 г. водкой торговало свыше 51 тыс. винных лавок (казенных и частных), всего же по России спиртные напитки продавались в 123,2 тыс. разного рода питейных заведениях [15]. Всего в 1913 г. было продано 3,3 млрд. бутылок (1,3 млрд. л. спиртного) [8, с. 81; с. 234, 236–237].

Тяжелым последствием винной монополии в империи стало развитие тайной продажи питей. Продажа питей без разрешения, то есть сбыт с промышленной целью почти исключительно казенной водки, приобретенной в местах монопольной торговли, развивалось с поразительной быстротой и интенсивностью: в 1895–1899 гг. обнаружено 4 тыс. 148, в 1913 – 82 тыс. 908 случаев тайной виноторговли.

Вступление российской экономики в индустриальную стадию потребовало значительных капиталовложений. Главнейшим источником пополнения казны стал питейный налог. Его поступательный рост был обеспечен активной регуляцией винокурения и виноторговли. Акцизный инструментарий включал как способы жесткого регламентирования, так и методы действенного стимулирования. Выделение приоритетов правительства в поиске источников получения питейного дохода позволило определить два этапа алкогольной политики: на I этапе (1863–1885 гг.) основным путем увеличения казенных поступлений с алкоголя было постоянное возрастание стоимости акциза и увеличение облагаемых акцизом градусов спирта, неуклонный рост патентной платы; на II этапе (1885–1900 гг.) определяющими алкогольную политику были методы стимулирования выгодных государству направлений частнопредпринимательской деятельности и сдерживания негативных последствий развития питейного дела, нередко в ущерб казне. Казна ежегодно заготовляла около 70 млн. вед. водки и содержала 40 тыс. винных лавок. Сохранялось фискальное значение монополии для казны: за период с 1897 по 1914 гг. доходы от винной монополии увеличились с 52 до 824 млн. руб., что составляло главную статью доходов бюджета [16, с. 50].

Эволюция алкогольной политики отчетливо прослеживалась на примерах подакцизных хозяйств великорусских и верхневолжских губерний – Вологодской, Костромской, Владимирской, Тверской и Ярославской. Акцизная политика качественно изменила спиртовой рынок. После бурного подъема, вызванного винной либерализацией, произошло сокращение мест производства и продажи питей.

Библиографический список

1. Высочайше утвержденные Правила о раздробительной продаже напитков.
2. Вестник Европы. – 1894. – №5.
3. Горюшкина Н.Е. История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в пореформенной России (по материалам Курской губернии). – Курск: Курск. гос. техн. ун-т, 2009. – 260 с.
4. Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
5. Григорьев Н.И. Алкоголизм и преступления в Санкт-Петербурге. – СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900.
6. Заиграев Г.Г., Константиновский В.А. Пьянство: меры борьбы и профилактики. – М., 1985.
7. Костромские губернские ведомости (КГВ). – 1865. – №35. – 4 сентября.
8. Маркс А.Ф. Географический и статистический карманный атлас России. – СПб, 1907; Дейчман Э.И. и Политов Л.Г. Некоторые статистические данные об алкоголизме в нашей стране.
9. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния / сост. Я. Крживоблоцкий. – СПб.: Тип. Н. Тиблеева и К^о, 1861. – 636 с.
10. Назукина А.А. Винная торговля и деятельность обществ трезвости в Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Московский городской педагогический университет. – М., 2011. – 249 с.
11. Нижегородцев М.Н. Алкоголизм и борьба с ним. – СПб., 1909.
12. Новые правила о питейных заведениях 14-го мая 1885 года. – Вып. IV. – М., 1885. – 60 с.
13. Степанов В. О питейных заведениях во Владимирской губернии // Владимирские губернские ведомости (ВГВ). – 1864. – №28. – 11 июля.
14. Обзор деятельности Министерства финансов.
15. Отчет по казенной продаже питей по Костромскому акцизному управлению за первое операционное полугодие 1901 г. – Кострома: Типолитография С.П. Федотова, 1902; Отчет по казенной продаже по Костромскому акцизному управлению за 1903 год. – Кострома: Губернская типография, 1904.
16. Пашин В.П., Богданов С.В., Емельянов С.Г. Государственная алкогольная политика в России: от Витте до Сталина. Власть, общество, нелегальный рынок. – Курск, 2008.
17. Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. – Вып. III. – СПб., 1875.
18. Смурова О.В. Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX – начале XX вв.): монография. – Кострома: Костромской гос. технол. ун-т, 2008. – 203с.
19. Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством 29 декабря 1909 г. – 6 января 1910 г. – СПб.: Тип. Сойкина, 1910. – Т. 2; Устав о питейном сборе и положение о трактирном промысле. – СПб., 1894.
20. Устав о питейном сборе. – СПб., 1863. – Ст. 322.
21. Устав о питейном сборе и положение о трактирном промысле. – СПб., 1894. – Ст. 6. Положение о трактирном промысле.
22. Устав о питейном сборе. – СПб., 1901.
23. Число питейных заведений в 1867 г. // Статистическое обозрение Костромской губернии (на основании переписи 1867 г.).

УДК 94(470+571);281.2

Наградов Илья Сергеевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Nastavnik_Kim@rambler.ru

ГРИГОРИЙ КЛЕМЕНТЬЕВИЧ ГОРБУНОВ – ПРОМЫШЛЕННИК, БЛАГОТВОРИТЕЛЬ, СТАРОВЕР

В статье приводятся данные о предпринимателе и старообрядце Г.К. Горбунове. Рассмотрена его предпринимательская деятельность. В научный оборот введены новые сведения о его благотворительной деятельности. Освещена деятельность Г.К. Горбунова как председателя старообрядческой общины.

Ключевые слова: Г.К. Горбунов, благотворительность, старообрядчество.

Григорий Клементьевич Горбунов (1836–1920) являлся представителем рода староверов-промышленников. Его предки, занимаясь сначала бортничеством, а затем производством сурового миткаля (тонкой хлопчатобумажной ткани), заложили основу богатства рода. В 1818 г. ими был построен молитвенный дом в с. Киселёве [1, л. 185 об.].

В 1882 г. Г.К. Горбунов возглавил паевое товарищество с капиталом в 2 млн. рублей. Первоначально в руководство входили и братья Григория

Клементьевича – Александр и Максим, вскоре умершие. В начале XX в. совладельцами товарищества были наследники Александра Клементьевича. В состав товарищества входили две фабрики в с. Киселёво Нерехтского уезда Костромской губернии и сельце Коло[...] Ковровского уезда Владимирской губернии.

Главным производством было изготовление бумажной пряжи и сурового миткаля, к вспомогательным относились ватное, чугунолитейное и меднолитейное производства. Годовой оборот товарище-

ства составлял 7 млн. рублей. На фабрике в с. Киселёво работали трое британских подданных (директор и его мастера) [2, л. 1–18.] Фабрику снабжали электричеством собственные станции, была проложена железная дорога. В 1869 году была построена больница для рабочих и служащих фабрики. В 1898 году её перенесли в новое здание. В новой больнице медицинский и обслуживающий персонал состоял из 29 человек. Кроме этого, была построена колыбельная для детей рабочих, училище для молодёжи и богадельня для престарелых лиц.

В 1904 г. Г.К. Горбунов приобрел 8 построек, в том числе дома №16, 24–26 и один незастроенный участок на улице Девятая рота в Москве у мещанина И.В. Васильева. В 1905 г. по проекту архитектора Ю.Ф. Дидерихса на той же улице на средства Г.К. Горбунова был построен двухэтажный жилой дом с полуподвальным этажом и каменной жилой пристройкой. В нём разместились богадельня для престарелых староверов, получившая имя владельца, а в пристройке – прачечная. В 1907 г. Григорий Клементьевич построил ещё один дом по проекту архитектора О. Пиотровича на углу всё той же улицы Девятая рота: каменное одноэтажное строение, совмещавшее баню и коровник на три стойла. В 1908–1909 гг. строится трёхэтажное здание доходного дома (3-й этаж) и старообрядческой типографии (1–2 этажи). В 1910–1911 гг. рядом был построен дом для бумажного склада, конторы и квартиры управляющего. Здесь же на втором этаже жил сам Г.К. Горбунов во время пребывания в Москве. Отдельным зданием была простроена церковная лавка. Весь комплекс зданий в 1911 г. был обнесен забором. В зданиях было проведено электричество. В 1912 г. была построена старообрядческая больница по проекту Льва Кекушева (ныне – противотуберкулезный диспансер). Богадельню и приписанные к ней здания типографии и доходного дома стоимостью более 180 тыс. рублей Г.К. Горбунов пожертвовал общине, которой руководил с 1907 по 1917 гг. Управляя общиной, он использовал свои заслуги для воздействия на оппозицию внутри общины, в частности для продвижения на ключевые посты своих сторонников [7, с. 99, 105].

Есть сведения, что за развитие отечественной текстильной промышленности Григорий Клементьевич удостоился личной похвалы Николая II [8, с. 33–37]. Вероятно, это могло произойти в 1907 г. (?), при личной встрече депутации попечителей Преображенского богадельного дома с императором. Старообрядцы желали «всепоподданнейше поздравить» Николая II с праздником Пасхи. В состав депутации должны были войти: мануфактур-советник Г.К. Горбунов, потомственный почётный гражданин Алексей Николаевич Кудряшёв, московские купцы Василий Игнатьевич Володин, Николай Константинович Сухов и московский мещанин Василий Галактионович Челноков [4, л. 6].

В январе 1907 г. Григорию Клементьевичу было пожаловано звание мануфактур-советника. К этому времени он являлся плёским 1-й гильдии купцом, потомственным почётным гражданином (с 1895 г.), почётным членом Александровской общины сестер милосердия «Утоли моя печали», членом Костромского губернского попечительства детских приютов, членом Ярославско-Костромского попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, Костромской губернской учёной архивной комиссии, Костромского общества земледельческих колоний и ремесленных товариществ малолетних преступников, Костромского попечительского общества об учащих, Нерехтского благотворительного общества, почётным членом общества трудолюбия, почётным гражданином городов Нерехта и Плёс. Губернатор в представлении Г.К. Горбунова к званию мануфактур-советника отмечал, что «Горбунов является выдающимся благотворителем Костромской губернии. Он организовал и содержит многие учреждения и оказывает поддержку многим учебно-воспитательным и благотворительным заведениям, большинство которых возникло при его помощи». На свои средства Григорий Клементьевич устроил здание больницы в г. Плесе стоимостью 60 тыс. рублей с ежегодной выплатой содержания в 8 тыс. 500 рублей, начальное училище в с. Малые Нерехтского уезда (5 тыс. руб.), единовременно пожертвовал 8 тыс. руб. г. Нерехте. Ежегодно передавал 10 тыс. руб. на нужды благотворительных учреждений г. Костромы [2, л. 1–18]. Будучи членом Костромской губернской учёной архивной комиссии, Г.К. Горбунов пожертвовал 5 тыс. рублей на строительство Романовского музея в Костроме [6, л. 41–41 об.].

Григорий Клементьевич был награжден орденом Св. Станислава III степени (не ранее 1904 г.). Ему были пожалованы две золотые медали на Александровской ленте 3 мая 1898 г. и на Андреевской ленте 23 апреля 1902 г. за благотворительную деятельность в пользу Александровской общины сестер милосердия. Были и другие награды.

Григорий Клементьевич был убеждённым старовером федосеевского согласия. Один из костромских миссионеров так описывал федосеевское кладбище, открытое в 1894 г. с разрешения императора [3, л. 185 об.], и моленную Горбунова в с. Середа Нерехтского уезда: «...Красовалось кладбище, окружённое каменной стеной, красиво заслоняемое кругом густыми тополями с каменной усыпальницей. Около же выкопан большой пруд... а около много деревянных раскольниковых домиков, что-то вроде монастыря. Богатая молельня помещена в самом доме строителя и попечителя кладбища, который имеет при молельне наставников, рассылаемых, как апостолов, в разные концы уезда» [9, с. 31].

Летом 1907 г. в Киселёво была зарегистрирована община. Духовным лицом при ней значился

Мефодий Степанович Тюрин/Торин. Он же вёл службы на фабрике Горбунова в с. Серёда. В 1914 г. его сменил Иван Иванович Котов [10, с. 13].

Г.К. Горбунов был выдающимся деятелем старообрядческого предпринимательства, получившим признание со стороны общества и императорской власти за свою благотворительную деятельность. Однако придать больший размах своей деятельности в области религиозной жизни Григорий Клементьевич смог только после объявления веротерпимости в 1905 г.

Библиографический список

1. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 12158.
2. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Д. 13795. К. 645.
3. ГАКО. Ф. 133. б/ш. Д. 4044.
4. ГАКО. Ф. 134. Оп. 7. Отдел 2. Стол 3. Д. 180.
5. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 20.

6. Ясинская В.Н. Улица Девятая рота. Из истории московской улицы. – М., 2009.

7. Никишина Н.Г. Горбунов Григорий Клементьевич – промышленник, председатель московской старообрядческой общины (по материалам правнука Горбунова Г.К. – Разживина Игоря Васильевича, члена Союза журналистов России) // Русь во веки не погибнет...: Мир старообрядчества: Книжность. Традиция. Культура: Материалы Аввакумовских чтений – апрель 1997, ноябрь 1998, ноябрь 2000. – Кострома, 2000.

8. Бердова О.В. Конфессиональные вопросы на страницах местной периодической печати конца XIX – начала XX вв. // Вестник Костромского государственного педагогического университета им. Н.А. Некрасова. – 1997. – № 2.

9. Отчёт о состоянии и деятельности Костромского Православного Фёдоровско-Сергиевского братства за 1915 г. – Кострома, 1916.

УДК 94 (498)

Назария Сергей Михайлович

кандидат исторических, доктор политических наук

Государственный институт международных отношений Молдовы

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В БЕССАРАБИИ В КОНЦЕ 1917 ГОДА И ПРИЗВАНИЕ В КРАЙ РУМЫНСКИХ ИНТЕРВЕНТОВ

В конце 1917 г. на власть в крае претендовали Советы и орган националистов Сфатул Цэрий. В большой тайне от общественности, более всего опасаясь собственного народа и полностью лишённые его поддержки, они призвали румынские правящие круги направить в страну иностранные интервенционистские силы.

Ключевые слова: Бессарабия, борьба за власть, Советы, большевизация, Сфатул Цэрий.

Образованный 21 ноября 1917 г. Сфатул Цэрий требовал, чтобы ему подчинились все учреждения и организации края. Но на власть претендовали и Советы. Признание Кишинёвским, а впоследствии и другими Советами Бессарабии правительства Ленина означало их готовность подчиняться большевистскому Петрограду [4, № 267, 271, 274; 5, с. 99; 7, № 159, 161, 163, 165], что не входило в расчёты Сфатул Цэрий. По мере большевизации войск, дислоцированных в Бессарабии, шансы Советов завладеть властью в крае возрастали. Назревала острая борьба за власть между этими двумя структурами. «В декабре, – подтверждает данный вывод один из лидеров националистов Д. Богос, – борьба между этими двумя лагерями, двумя типами менталитета, двумя мирами – румынскими националистами из Молдавского блока, с одной стороны, и интернационалистами и чужаками разных политических направлений, с другой, – ужесточается» [17, р. 128].

В ситуации, когда ни один из претендентов на власть не обладал подавляющим влиянием, результат борьбы зависел от поддержки со стороны воинских частей, находящихся в распоряжении оппонентов. Большевики и их сторонники активно готовились к решительной схватке, в политическом

плане опираясь на Советы, а в военном – на большевизированные части.

Сфатул Цэрий, будучи на непримиримых антибольшевистских позициях, рассчитывал на поддержку Антанты и Румынии, а внутри страны – на помощь молдавских воинских частей. Руководители молдавского национального движения настойчиво пытались обеспечить себе поддержку в рядах молдаван – солдат и офицеров российской армии.

Волна погромов, охватившая Бессарабию летом и осенью 1917 г., послужила серьёзным поводом для формирования молдавских частей и их размещения в крае для борьбы с «анархией», насилием и грабежами дезертиров, недисциплинированных солдат резервных частей, местных преступников, выпущенных А.Ф. Керенским из российских тюрем, а также для подавления крестьянских волнений. Из солдат, уроженцев Бессарабии, было создано 16 отрядов (когорт) милиции, каждый по 100 человек [11, ф. 727. Оп. 2. Д. 12. Л. 230; 16, р. 41–49, 54–55, 64; 17, р. 105; 28, р. 125].

Но когорты зачастую отказывались подавлять крестьянские бунты, а иногда сами присоединялись к крестьянам. Так, на пленарном заседании Комитета I Молдавского полка было решено: «Из-за контрреволюционных выступлений когорт в подавляе-

нии аграрных волнений отказаться от отправки 800 человек», востребованных для подавления «анархии» в Сорокском уезде [4, № 276; 7, № 167]. В обращении этого полка к Исполкому Кишинёвского совета, посланном 28 ноября, отмечалось: «Молдавский полк не признаёт национальных выступлений, пока не закончится классовая борьба» [6, с. 90; 7, № 167].

Осознавая истинные настроения широких масс, директор по военным делам Г. Пынтя с горечью признавал, что лозунги большевиков пустили глубокие корни среди молдавского населения и, главным образом, среди солдат. Он же отмечал, что солдаты-молдаване говорили, что Сфатул Цэрий «продался румынам» и народ попадёт в новую кабалу к румынским боярам [26, р. 72, 73]. Идентично было и мнение его коллеги, В. Чижевского, писавшего в статье «Наша армия», что «опыт с национализацией частей не удался... В частности наши молдавско-бессарабские полки... оказались худшими, чем даже можно было бы предположить, и до прихода румын представляли из себя опасный для общественного спокойствия элемент». Таким образом, документы свидетельствуют, что солдаты-молдаване выдвигали на первый план решение социальных вопросов, а решение национального вопроса ставили в зависимости от первого. Тот же Чижевский свидетельствует: «Большевизм, нашедший себе приют и сердечный приём в молдавских полках, окончательно добил идею национализации частей... Единственным желанием стало как можно скорее и безболезненнее от них отделаться» [14, № 44]. А о каком-либо желании объединиться с Румынией не могло быть и речи.

Последовала напряжённая борьба за власть между Сфатул Цэрий и Советами. Но в декабре авторитет лидеров Сфатул Цэрий стал стремительно падать. Убедительным примером этого являются выборы в Учредительное собрание России – националисты получили 2,2% голосов: из 600 тыс. бессарабских избирателей, принявших участие в голосовании, их поддержали всего 14 тыс. человек [12, с. 99]. В губернских городах и местечках, где преобладало еврейское население, на различных выборах победили еврейские партии. На селе основную борьбу за голоса избирателей вели Советы крестьянских депутатов и партия эсеров [10, с. 48–49, 50–51].

Даже в уездах, в которых молдаване составляли большинство населения, националисты полностью провалились, получив не более 3% голосов [4, 1917.29.11; 13, 1917.12.12]. Интересно сравнение числа голосов, поданных за большевиков и националистов. Так, в Кишинёве большевики получили 5 тыс. 449 голосов, а МНП – 381; в Бельцком уезде – 9 тыс. 532 против 2 тыс. 187; в Бендерском – 7 тыс. 780 против 1 тыс. 854; Окнице – 272 и 16; в Болграде – 18 и 3. Из 3 тыс. 020 человек, приняв-

ших участие в голосовании в Унгенах, за большевиков голосовало 1 тыс. 742 избирателя, а за националистов – всего несколько человек [1, с. 57]. Как показывают факты, реальное влияние Молдавской национальной партии было ничтожным.

Выборы в Учредительное собрание показали, что среди населения Бессарабии, особенно жителей сёл, где большинство составляли молдаване, МНП отнюдь не пользовалась авторитетом и ни один её кандидат не одержал победу. Поэтому утверждения современных румыно-националистических историков о том, что Сфатул Цэрий являлся в 1917–1918 гг. выразителем воли молдавского народа, населения Бессарабии, являются абсолютно ложными.

Под влиянием большевистской пропаганды усилилось разложение российских войск на Румынском фронте. Стремительно большевизирующаяся солдатская масса воспротивилась попытке использовать солдат этого фронта в борьбе с большевистским Петроградом, и она провалилась [9, с. 95–96]. 31 октября в телеграмме на имя А.Ф. Керенского Верховный главнокомандующий русской армии генерал Н.Н. Духонин отмечал, что «на Румынском фронте продолжается саботажное отношение ко всем распоряжениям Ставки по выделению войск для подавления большевистского движения» [9, с. 98].

В течение ноября русские войска Румынского фронта перестали подчиняться старому командованию. Командир 16-го корпуса писал 23 ноября вышестоящему командованию, что ещё вчера голосовавшие за эсеров в Учредительное собрание солдаты сегодня стали большевиками [5, с. 162, 196]. Как сообщали генерал А. Авереску и историк Н. Йорга, солдаты хотели даже арестовать главнокомандующего румынской армией [15, р. 248, 249; 24, р. 174]. Румынский министр И.Г. Дука свидетельствовал, что «Щербачёв не скрывал от нас, что его авторитет постоянно падал и вскоре стал иллюзорным... Генерал Щербачёв заявил, что не может отвечать даже за собственных часовых и, как следствие, просил нас обеспечить охрану его кабинетов и кассы... [Он] вновь просит у нас защиты... так как на данный момент его армии в [Запрутской] Молдове полностью вышли из-под его контроля» [22, vol. 3, р. 273; vol. 4, р. 39].

Брожением были охвачены и войска, дислоцированные в Бессарабии. Коснулось это и 1-го Молдавского пехотного полка, созданного для поддержки Сфатул Цэрий. С первых же дней своего существования этот полк колебался, отдавая предпочтение решению социальных, а не «национальных» задач [4, № 270; 7, № 162]. В этом смысле Дмитрий Богос честно оценивал ситуацию с молдавскими воинскими частями: «Обезумевшее стадо, заражённое болезнетворной фразеологией времени...

вот до чего докатились молдавские солдаты... Моё присутствие было излишним, более того, опасным. Опечаленный, я вышел из помещения» [17, р. 108].

Расчёты руководителей Сфатул Цэрий на то, что сформированные воинские части позволят им установить свою власть в крае, не оправдались [17, р. 112; 18, р. 335; 28, р. 125]. Как признал Штефан Чобану, «те несколько молдавских частей, которые были в распоряжении Сфатул Цэрий, заражены большевизмом и на них нельзя рассчитывать» [20, р. LXXIII]. Эту же мысль высказывал и П. Ерхан: «Опираясь на молдавские части, которые у нас есть, мы не можем: они большевизированы. Единственный выход – ввод иностранных войск» [2, с. 110; 3, с. 62–63; 8 с. 62–63]. Итак, оставалось «единственное решение» – «помощь» из-за рубежа. П. Казаку подчёркивал, что в создавшемся положении «было принято тайное решение обратиться за внешней помощью. Инициатива исходила от Молдавского блока. На закрытом заседании Сфатул Цэрий Совет генеральных директоров получил “карт-бланш” по этому вопросу» [18, р. 340]. С таким заданием в Яссы отправились В. Кристи и И. Пеливан. Это произошло 21 декабря [10, с. 180; 23, р. 274], причём были проигнорированы решительные протесты крестьянской секции и других членов.

Заместитель главы румынского правительства Таке Ионеску уже через какое-то время вспоминал с трибуны парламента о поездке кишинёвских эмиссаров: «Оба бессарабских министра... пришли к нам за помощью (Республика в то время была в составе Российской Федерации), Пеливан сказал: “Когда вы говорите со мной, будьте откровенны, так как я за объединение с Румынией”... Они попросили военной помощи... Мы же, прежде, чем направить войска в Бессарабию, хотели получить официальную просьбу» [21, № 27, р. 617].

Голландский историк В.П. ван Мёрс следующим образом оценивает сложившуюся ситуацию: «В декабре и в начале января молдавское руководство Сфатул Цэрий дважды обращалось в Яссы к Щербачёву и румынскому правительству за военной помощью. Эти руководители просили передать в распоряжение молдавского правительства определённое количество частей для восстановления законности и порядка, а не румынской оккупации, как это позже произошло» [25, р. 83].

Таким образом, понимая, что они утрачивают контроль над краем, кишинёвские антибольшевистские лидеры попытались получить помощь извне. 13/26 декабря два члена Сфатул Цэрий, В. Кристи и И. Пеливан, «приехав в Яссы», обратились к руководителю Французской военной миссии генералу Бертело «за гарантиями по восстановлению порядка в опустошённой провинции и, в особенности, для обеспечения движения на железнодорожных коммуникациях». Получив соответствующие

полномочия от Ж. Клемансо, 16/29 декабря «Бертело заверил бессарабских министров Пеливана и Кристи, что окажет всю возможную помощь» [19, р. 149–150]. И попытки привлечения иностранных войск на территорию Бессарабии продолжились.

Так, уже 22 декабря 1917 г. (4 января 1918) в Яссы на имя военного министра Румынии Янковеску – в соответствии с соглашением с Таке Ионеску – за подписью лидеров МДР П. Ерхана, В. Кристи и И. Пеливана была послана секретная телеграмма с просьбой направить в распоряжение Сфатул Цэрий полк из бывших военнопленных трансильванцев, находившихся в то время в Киеве [11, ф. 792. оп. 1. д. 18. л. 63; 20, р. 222]. Румынское правительство просьбу удовлетворило, отдав 24 декабря приказ о вводе войск в Бессарабию [18, р. 266; 20, р. 183; 29, р. 133]. Богос признаёт, что «все наши приготовления осуществлялись тайно» [17, р. 135]. Это факт подтверждает антинациональную и антинародную сущность политики националистических прорумынских лидеров, более всего опасавшихся собственного народа. Однако, когда население Кишинёва узнало об этом, на улицах появились прокламации: «Совет директоров и Сфатул Цэрий продали Бессарабию Румынии» [14, 1917.24.12; 18, р. 265].

В заключение следует отметить, что, по причине нарастания процесса советизации и большевизации Бессарабии, лидеры национального движения, занявшие жёсткие антисоветские и антибольшевистские позиции, начали всё убыстряющееся идеологическое сползание в сторону румынского национализма и вопреки воле населения предприняли ряд действий, направленных на подрыв самого существования возрождённого вследствие русской революции молодого молдавского государства.

В большой тайне от общественности, более всего опасаясь собственного народа и полностью лишённые его поддержки, они призвали румынские правящие круги направить в страну иностранные интервенционистские силы.

Библиографический список

1. Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С. «Сфатул Цэрий» – антинародный орган. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1986. – 118 с.
2. Антонюк Д.И., Афтенюк С.Я., Есауленко А.С., Иткис М.Б. Предательская роль «Сфатул Цэрий». – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1969. – 192 с.
3. Афтенюк С.Я. Ленинская национальная политика Коммунистической партии и образование советской государственности молдавского народа. – Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971. – 392 с.
4. Бессарабская жизнь.
5. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов: документы и материалы. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967. – 450 с.

6. Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 – март 1918): сб. документов и материалов. – Кишинев: Госиздат Молдавии, 1957. – 366 с.
7. Известия Кишиневского Совета.
8. История Молдавской ССР. Т. 2. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1965. – 660 с.
9. *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 148 с.
10. *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). – Кишинев: Центральная типография, 2000. – 498 с.
11. Национальный архив Республики Молдова.
12. *Нотович Ф.И.* Бухарестский мир, 1918. – М.: Соцэкгиз, 1959. – 260 с.
13. Свободная Бессарабия.
14. Сфатул Цэрий.
15. *Averescu A.* Notițe zilnice din război(u) (1916–1918). – București: Cultura națională, 1935. – 402 p.
16. *Bobeică A.* Sfatul Țării – stindard al renașterii naționale. – Chișinău: Universitas, 1993. – 174 p.
17. *Bogos D.* La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917–1918. – Chișinău: Știința, 1998.
18. *Cazacu P.* Moldova dintre Prut și Nistru. 1812–1918. – Chișinău: Știința, 1992. – 446 p.
19. *Cernovodeanu P.* Basarabia. Drama unei provincii istorice românești în context politic internațional (1806–1920). – București: Albatros, 1993. – 212 p.
20. *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente cu privire la mișcarea națională din Basarabia în anii 1917–1918. – București: Cartea românească, 1929. – 314 p.
21. Dezbaterile Adunării deputaților. Sesiunea ordinară. 1919–1920. – № 22; 1920–1921. – № 27.
22. *Duca I.G.* Memorii. – Vol. 3–4. Războiul (1916–1919). – București: Editura Machiavelli, 1994. – 304–328 p.
23. *Hitchins K.* România. 1866–1947. – București: Humanitas, 1998. – 660 p.
24. *Iorga N.* Memorii. – Vol. 1. – București: Editura «Națională-Ciornei», 1939. – 370 p.
25. *Meurs W.P. von.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. – Chișinău: Editura Arc, 1996. – 526 p.
26. *Pânteă Gh.* Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei. – Chișinău, 1991.
27. *Stratan V., Gorun A.* Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea». – Chișinău-Iași, 2003. – 164 p.
28. *Țurcanu I.* Unirea Basarabiei cu România. Preludii, premise, realizări. 1918. – Chișinău: Tipografia Centrală, 1998. – 260 p.
29. Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917–1918. Documente. – Chișinău: Editura Hyperion, 1995. – 348 p.

УДК 94(470+571)

Перескоков Лев ВалентиновичПермская государственная академия искусств и культуры
voopikperm@yandex.ru**«ОН ТАКОЙ ЛЕГКОВЕРНЫЙ...»:****ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА**

Статья посвящена судьбе Великого князя Михаила Александровича (1878–1918), младшего из трех сыновей российского императора Александра III, со смертью среднего брата Георгия (1899 г.) и в связи с болезнью цесаревича Алексея ставшего реальным наследником царского престола.

Ключевые слова: Великий князь Михаил Александрович, Россия 1900–1917 гг., Российский Императорский Дом, Романовы.

Великий князь Михаил Александрович был наследником царского престола по рождению. Однако, будучи по старшинству третьим сыном императора Александра III, казалось бы, не имел никаких реальных перспектив стать царём. Так, вероятно, думали все и внушали это самому Михаилу до того момента, когда скорострительно 20 октября 1894 г. Александр III умер. Его старший сын Николай стал императором. Вскоре состоялась свадьба Николая и принцессы Гессен-Дармштадской Аликс, крещённой Александрой Фёдоровной. Разница в возрасте Николая и Михаила составляла 10 лет, поэтому у них не было общего детства. Их роли на будущее были распределены давно. Александра Фёдоровна, как женщина с сильным характером, не допускала и мыс-

ли о каких-либо претензиях на престол. Да и сам Михаил по своему характеру и склонностям никогда не стремился к государственным делам. Однако в 1899 году от туберкулёза умирает средний брат Георгий. У Николая к тому времени было две дочери, поэтому наследником престола стал Михаил.

На отдыхе в Крыму осенью 1902 года император Николай II тяжело заболел брюшным тифом. В какой-то момент врачи даже не были уверены, что он сможет поправиться. Министр Двора барон Фредерикс тогда спросил императора, не вызовет ли он своего брата для замещения его на время болезни, на что Николай ответил: «Нет-нет! Миша мне только напутает в делах – он такой легковёрный...» [11, с. 188]. Болезнь заставила императора по-другому посмотреть на положение Михаила

в аппарате государственного управления державой. Великий князь был включен в состав Государственного Совета и назначен присутствовать в Комитете Министров. Однако Михаила всё же больше привлекала карьера гвардейского офицера, к чему его готовили с рождения.

30 июля 1904 г. в царской семье родился наследник. Теперь, как злословили в столичных великосветских салонах, «брат царя получил отставку» [13, с. 101]. Сам Михаил Александрович не только не грустил по этому поводу, но, даже наоборот, искренне радовался тому, что вопрос о престолонаследии благополучно разрешился. Высочайшим Манифестом от 14 августа Михаил перестал быть наследником [6], но получил звание «правителя государства», подразумевавшее регентство (как и императрицы) в случае преждевременной смерти императора Николая II до наступления совершеннолетия цесаревича Алексея.

«...Витте видит в нём светлый ум, непоколебимую твёрдость убеждений и кристальную душевную чистоту. Миша сторонится от дел, — пишет великий князь Константин Константинович со слов Витте, — не высказывается и, быть может, даже прикрывается сложившимся о нём мнением как о весёлом незначительном мальчике» [9, с. 40–41].

Человек как личность формируется в детские и юношеские годы. Царские дети росли в обстановке требовательности и дисциплины. Первые восемь лет они получали домашнее образование на основе гимназического курса, а мальчики последующие четыре года — знания и навыки по военным дисциплинам. Большое внимание уделялось физической подготовке. Михаил был любимым ребёнком в семье. Его учёба проходила под общим руководством наставника генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича, в прошлом начальника пехотного училища. В апреле 1901 года он окончил также Михайловское артиллерийское училище.

У юного великого князя не было возможности по-настоящему выбирать для себя будущее. Михаил, как и все Романовы, решил стать военным. Он предпочёл специальность артиллериста. На военную службу Михаил вступил девятнадцати лет — 22 ноября 1897 г., в следующем году он был произведён в корнеты лейб-гвардии Кирасирского полка. А 6 мая 1899 г., в день рождения Николая II, Михаил Александрович был назначен флигель-адъютантом в Свиту императора. После короткого обучения в артиллерийском училище в 1901 г. великий князь поступил на службу в гвардейскую Конно-артиллерийскую бригаду, где оставался до того, как ему исполнилось двадцать три года, после чего перешёл в лейб-гвардии Кирасирский полк.

Михаила Александровича, великого князя, человека богатого, прекрасного телосложением и приятной наружности мужчину, женщины всегда баловали своим вниманием. Однако личная жизнь

у первого жениха в Европе не складывалась. Великому князю было самым рождением предназначено жениться на принцессе крови. Его первым серьёзным увлечением была хорошенькая английская принцесса Беатриса. Но, увы, она приходилась ему кузиной, а, по распространённой версии, такой брак не могла допустить Русская православная церковь. Вторым серьёзным роман с фрейлиной Александрой Косиковской был обречён с самого начала, так как она была дочерью юриста, то есть «простого смертного». Третья возможная партия закончилась не начавшись. Родственники посчитали, что вполне достойную пару Михаилу составила бы английская принцесса Патриция. Но Михаил Александрович на тот момент уже всем сердцем полюбил Наталью Сергеевну Вульферт, урождённую Шереметевскую.

«Стремясь давно и целомудренно к семейной жизни, к “отдельному собственному очагу”, — общает его флигель-адъютант Мордвинов, — он, как и большинство людей его возраста находил большое удовольствие в том, весьма ограниченном по числу, молодом женском обществе, с которым ему, хотя и крайне редко, но приходилось всё же встречаться».

По природе легко, платонически увлекающийся, но и легко меняющий свои быстрые увлечения, застенчивый, немного мечтательный, он подходил к этому обществу робко и неумело. Уже самый этот несмелый подход, наивность, молодость и чистосердечность ясно указывали тем, кто хотел к нему приблизиться, с какой лёгкостью можно было любое его случайное, мимолётное увлечение повергнуть на более продолжительное, а при известной женской настойчивости — довести до брака...» [3, Оп. 1. Д. 206. Л. 1 об., 2–2 об.].

Любовная драма Михаила Александровича с А. Косиковской существенно изменила настроения членов Императорской фамилии. 20 июля 1906 г. Михаил написал пространное письмо брату [1, Оп. 1. Д. 1301. Л. 49–52 об., 53], пытаясь убедить его в правильности своего решения, требовал удовлетворить его просьбу, ссылаясь на то, что император своим указом имеет право сделать для него исключение. Николай же так не считал. В ответе брату государь, в частности, говорит: «...Но то, что я как брат с радостью желал бы видеть осуществлённым, я же, как глава семьи, к моему большому огорчению, разрешить не могу. Справедливость требует, чтобы я одинаково строго отнёсся к тебе, как и к остальным членам семьи, нарушившим фамильные законы. Если, тем не менее, ты ослушался бы моей воли, то я принуждён буду исключить тебя из списков армии и Свиты и отправить на жительство за границу...» [1, Оп. 1. Д. 1301. Л. 166–167]. Отметим, что вся эта любовная история проходила на фоне поражения России в русско-японской войне, непрерывных народных

возмущений, террористических актов и массовых убийств на волне революции 1905–1907 гг.

Казалось бы, личная жизнь великого князя не могла повлиять на политические процессы в стране. Однако это не так. Вопрос о престолонаследии является принципиально важным при монархическом управлении. Тем более что с рождением неизлечимо больного цесаревича Алексея эта проблема, как выяснилось позже, лишь только усугубилась.

Михаил Александрович оставался в тени бурной светской жизни до романа с Натальей Сергеевной Вульферт, последующим рождением сына Георгия в 1910 г. иmorganатического брака в 1912 г. (с присвоением ей фамилии Брасова). Возможно, нарушать семейные традиции Михаил Александрович изначально и не предполагал. Но события складывались так, что, как порядочный человек, любящий муж и отец, он совершенно сознательно пошёл на этот шаг. Известие о его женитьбе повергло в шок весь Императорский Дом. Близкий круг людей решил, что Михаил погубил свою жизнь. А светское общество вынесло такой вердикт: великий князь совершил большую глупость. И дело не только в традиции. Действовал закон, изданный ещё Павлом I и ужесточённый Александром III, о престолонаследии, согласно которому трон передавался только по мужской линии. Учитывая неизлечимую болезнь цесаревича Алексея, вероятность передачи власти Михаилу была очень высока. Morganатический же брак практически исключал этот вариант, а сын Михаила Георгий вообще не мог ни на что претендовать. Николай II выставляет Михаилу ультиматум: или он разводится и сохраняет все известные привилегии, или же он лишается всего. Получив отказ, император реагирует мгновенно и жестко: лишение всех званий, опекунов над всем имуществом и запрет на въезд в Россию.

«...Посылаю тебе его письмо, – пишет затем Николай Марии Фёдоровне. – ...Прочти его, и ты увидишь, может ли он после всего им написанного оставаться на службе и командовать твоими кавалергардами? Да, милая Мама, и я с тобою скажу: да простит ему Господь! К несчастью, между мною и им сейчас всё кончено, потому что он нарушил своё слово. <...> И в такое время, когда все говорят о войне, за несколько месяцев до юбилея Дома Романовых!!! Стыдно становится и тяжело...» [2, Оп. 1. Д. 2332. Л. 24–25 об.].

С началом Первой мировой войны Михаил Александрович просит брата разрешить ему вернуться в Россию и отправиться на фронт. Когда назначение было наконец получено, то оно стало неожиданностью для всей армии. Михаил был поставлен во главе новой кавалерийской дивизии (прозванной Дикой), которую было решено сформировать из северокавказских горцев «магометанского вероисповедания», никогда прежде не служивших в регулярной армии [8]. Михаилу было

присвоено звание генерал-майора. Многие видели в этом назначении малопочётное напоминание о том, что великий князь ещё не прощён за свой «проступок». Князь Вяземский ни разу не пожалел, что попал в Дикую дивизию. «Ты не можешь представить, – писал он племяннику, – как всё красочно: обычаи, весь дух. Офицеры по большей части – храбрые, бесшабашные души. У некоторых из них было бурное прошлое, но скучать с ними не приходится <...>. А рядовые всадники, похоже, думают, что война – это большое развлечение, и их исламский фатализм лишает их всякого страха смерти. Они обожают великого князя...» [9, с. 241]. На фронте Михаил Александрович проявил себя как прекрасный командир. В январе 1915 г. он был представлен к ордену св. Георгия 4-й степени за отличия в боях на Карпатских перевалах [10].

В начале 1916 года Михаил Александрович был назначен командиром 2-го кавалерийского корпуса, а незадолго до революции утверждён в должности генерал-инспектора кавалерии. В июне 1916 г. великий князь Михаил Александрович был награждён Георгиевским оружием: красным эмалевым крестом Ордена св. Владимира 3-й степени с мечами.

В годы войны о подвигах Михаила Александровича говорили гораздо больше, чем о деяниях императора, а салон Наталии Сергеевны стал более популярен, чем двор Александры Фёдоровны.

Внутриполитическая обстановка в стране во второй половине 1916 г. начала катастрофически ухудшаться. Михаил Александрович, осознавая ответственность, также решил внести свою лепту в общее дело спасения Отечества и «раскрыть глаза царю». В письме Николаю II от 11 ноября 1916 г. он, в частности, писал из Гатчины следующее: «...Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас. Перемена в настроении самых благонамеренных людей – поразительная; решительно со всех сторон я замечаю образ мыслей, внушающий мне самые серьёзные опасения не только за себя и за судьбу нашей семьи, но даже за целостность государственного строя...» [1, Оп. 1. Д. 1301. Л. 156–159 об., 160].

Наступил 1917 год. Политическая ситуация продолжала быстро ухудшаться.

В настоящее время существует множество исторических трудов, освещающих с разных позиций создавшуюся политическую ситуацию в России в конце 1916 – начале 1917 гг. Суть её выражается историком А.Я. Аврехом: «...Под давлением земских и городских организаций произошёл сдвиг влево...» – «теперь дело дошло до прямых переговоров земско-городской группы и лидеров думского блока о возможном составе власти, “на всякий случай”». Впрочем, представления об этом “случае” не шли дальше дворцового переворота, которым в связи с Распутиным открыто грозили некоторые

великие князья и связанные с ними круги», Предлагалось, что царём будет провозглашён малолетний Алексей, регентом – Михаил, министром-председателем – князь Львов, а министром иностранных дел – Миллюков. «Единодушно все сходились на том, чтобы устранить Родзянко от всякой активной роли» [4, с. 135].

С 1 января 1917 г. Николай II ввёл в Государственный Совет сразу 16 крайне правых и назначил его председателем И.Г. Щегловитова, новым премьер-министром стал Н.Д. Голицын. Однако эти меры не только не снизили напряжённость, а, напротив, лишь усилили конфронтацию.

Михаил Александрович не был готов к сложной и тонкой политической игре. Член IV Государственной Думы Я.В. Глинка вспоминает: «В 5 ч. дня 3 января (1917 г.) Родзянко посетил великий князь Михаил Александрович, который спросил Родзянко, как он полагает, будет ли революция, на что он (Родзянко) ответил, что её не будет, но что положение серьёзно и что необходимо принять меры к замене правительства лицами общественного доверия... На вопрос, кто может быть во главе, Родзянко ответил, что указывают на него, Родзянко, и что он не сочтёт возможным отказаться, если условия, указанные выше, будут выполнены...» [7, с. 174].

Фёдоров (беспартийный либерал, член Государственной Думы) сообщает, что «на вопрос, готов ли он стать наследником трона, Михаил Александрович ответил: “Да минует меня чаша (сия)! Конечно, если бы к несчастью, это свершилось, я сочувствую английским порядкам. Не понимаю, почему царь не хочет быть спокоен”» [9, с. 323].

Неудачи и большие потери на фронте, тревожная политическая ситуация в стране, осложнения в личной жизни изменили настроение и самого Михаила Александровича. Он не участвовал в интригах и заговорах против Николая II, а, наоборот, всячески пытался помочь ему в январские и февральские дни 1917 г. В дневниках царя и царицы имеются пометки о шести его посещениях Александровского дворца. Имя младшего брата царя всё чаще упоминается в комбинациях политического пасьянса различных партий и придворных группировок. В этой связи всё чаще говорят и о «политической роли» салона Н.С. Брасовой.

А.А. Брусилов вспоминает свою последнюю встречу с Михаилом Александровичем: «В начале января 1917 года Вел. Кн. Михаил Александрович, служивший у меня на фронте в должности командира кавалерийского корпуса, получил назначение генерал-инспектора кавалерии и по сему случаю приехал ко мне проститься. Я очень его любил, как человека, безусловно, честного и чистого сердцем, непричастного ни к какой стороне, ни к каким интригам и стремившегося лишь к тому, чтобы жить честным человеком, не пользуясь привилегиями

императорской фамилии... Ему, брату Государя, я очень резко и твёрдо выяснил положение России и необходимость тех реформ, немедленных и быстрых, которых современная жизнь неумолимо требует... Он мне ответил, что он со мной совершенно согласен и как только увидит царя, он постарается выполнить это поручение. “Но, – добавил он, – я влиянием никаким не пользуюсь и значения никакого не имею...”. На этом мы с ним и расстались» [5, с. 203].

Февральская революция застала Михаила Александровича в Гатчине. Он прилагал все усилия, чтобы спасти монархию. 27 февраля Михаил ведёт телефонные переговоры с Николаем II (в тот момент он был в Ставке, в Могилеве) и настаивает на уступках оппозиции, на создании «правительства доверия». Однако император отказался последовать этому совету. Михаил подписывает «Манифест великих князей», предполагавший поручить председателю Государственной думы сформировать временный кабинет министров, который мог бы заняться созывом Учредительного собрания. Но революционные события развивались стремительно, – манифест запоздал. Уже 2 марта 1917 года М.В. Родзянко, председатель Государственной думы, ставит вопрос об отречении Николая II в пользу наследника Алексея, при регентстве Михаила. Отречение же Николая II от престола за себя и за своего несовершеннолетнего сына-наследника в пользу брата Михаила явилось для всех полной неожиданностью. К тому же это было нарушением закона о престолонаследии. Николай II посылает Михаилу телеграмму, в которой обращается: «Его Императорскому Величеству Михаилу Второму...» [9, с. 453].

На следующий день, 3-го марта, открылось совещание по обсуждению вопроса о возложении императорских обязанностей на Михаила. Среди участников совещания были А.Ф. Керенский, П.Н. Миллюков, А.И. Гучков и др. После мучительных размышлений Михаил Александрович подписывает манифест, согласно которому решение о государственном устройстве он относит на усмотрение Учредительного собрания. Манифесты Николая II и Михаила Романова, названные «отречениями», были обнародованы одновременно 5 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил арестовать царскую семью, в том числе и Михаила. Тем временем ураган революции распространялся со страшной силой. Манифест Михаила Александровича лишь на время отсрочил наступление Гражданской войны. Романовы же были фактически сразу исключены из дальнейшей политической борьбы. С весны 1917 г. Михаил Романов продолжал жить сравнительно неприметно под домашним арестом в Гатчине. Царскую семью отправили в Тобольск. Начались аресты других великих князей.

С 1 сентября 1917 г. в России была введена республиканская форма государственного правления. Идея созыва Учредительного собрания вроде бы потеряла свою актуальность, но в действительности решение Временного правительства не было легитимно. В этом смысле какая-то призрачная надежда на возвращение Романовых в большую политику, прежде всего в лице Михаила Александровича, сохранялась.

После Октябрьского переворота, 13 ноября 1917 г. Петроградский военно-революционный комитет рассмотрел вопрос об аресте Михаила Александровича. Сам же великий князь обращается к управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу с просьбой узаконить его положение и разрешить «свободное проживание» как рядовому гражданину республики под фамилией Брасов. В.И. Ленин отказался рассматривать его просьбу [13, с. 458]. В феврале 1918 г. в связи с германским наступлением на Петроград Совнарком принимает решение о высылке М.А. Романова в Пермскую губернию. 17 марта он прибыл в Пермь.

Тем временем пламя Гражданской войны уже начинало разгораться. «Михаил II может стать знаменем, программой для всех контрреволюционных сил. Его имя сплотит все силы, мобилизует эти силы, подчиняя своему авторитету...», – рассуждал об опасности, которую представлял великий князь делу революции, главный идеолог операции по уничтожению Михаила Александровича Романова Гавриил Мясников [12, с. 48].

В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. великий князь Михаил Александрович был расстрелян на окраине поселения Мотовилихинского завода. Место

погребения до сегодняшнего дня доподлинно не известно.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.601 – Николай II, император.
2. Там же. Ф.642 – Мария Фёдоровна, императрица.
3. Там же. Ф.6501 – Союз ревнителей чистоты русского языка в Югославии.
4. *Аврех А.Я.* Масоны и революция. – М.: Политиздат, 1990. – 352 с.
5. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М.: РОССПЭН, 2001. – 464 с.
6. Высочайший Манифест о рождении Цесаревича от 31 июля 1904 г.
7. *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917: Дневник и воспоминания. – М.: Нов. лит. обозрение, 2001. – 394 с.
8. *Графиня Воронцова-Дашкова Л.Н.* Человек, отрёкшийся от трона // Сегодня. – 1937. – № 194. – 19 июля.
9. *Кроуфорд Розмари и Дональд.* Михаил и Наталья. Жизнь и любовь / пер. с англ. А. Микоян. – М.: Захаров, 2008. – 656 с.
10. Летопись войны 1914–1915 гг. – 1915. – 28 марта. – № 32. – 64 с.
11. *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора: Записки начальника канцелярии Министерства Императорского Двора. – М.: Анкор, 1993. – 286 с.
12. *Мясников Г.И.* Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова // Минувшее: Истор. альманах. – М.; СПб., 1995. – Вып. 18. – 191 с.
13. *Хрусталёв В.М.* Великий князь Михаил Александрович. – М.: Вече, 2008. – 544 с.

Почивалова Елена Ивановна

Ивановский государственный университет
e_pochivalova@mail.ru

Балдин Кирилл Евгеньевич

доктор исторических наук
Ивановский государственный университет
kebaladin@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье рассматривается история организации высшей школы в Иваново-Вознесенском промышленном районе, входившем до 1917 г. в состав Владимирской губернии. Авторы исследовали условия и предпосылки для создания здесь первых вузов, процесс зарождения высшего образования в крупном индустриальном регионе дореволюционной России.

Ключевые слова: текстильная промышленность, предприниматели в дореволюционной России, техническое образование, техникумы, вузы.

Накануне революции 1917 г. стало очевидным значительное техническое отставание России от передовых европейских стран, налицо были и просчеты в территориальной организации высшего образования. Это негативно отражалось на развитии производительных сил в крупных индустриальных регионах России. Вузовскими центрами традиционно являлись Петроград и Москва, однако геополитические интересы страны, динамичное развитие новых районов стали причиной того, что в 1915–1916 гг. Министерством народного просвещения под руководством П.Н. Игнатьева была разработана долгосрочная программа развития высшего образования. Особое внимание в ней уделялось расширению сети вузов и формированию региональных центров высшей школы. Возможность государственного финансирования, уравнивание в правах частных вузов с государственными породили невиданное до тех пор в России явление – конкуренцию городов: провинциальные города буквально соревновались за открытие высших учебных заведений.

В конце XIX – начале XX вв. Владимирская губерния являлась одной из самых промышленно развитых в России. Она занимала площадь в 40 тыс. 339 кв. вёрст и состояла из 13 уездов. Наиболее значительными городами являлись Владимир, Иваново-Вознесенск и Шуя. По данным статистического ежегодника России, в 1914 г. в губернии проживало 2 млн. 027 тыс. чел. [9, с. 33]. Промышленные интересы не только в городах, но и в сельской местности здесь однозначно первенствовали над интересами земледельческими. Абсолютное большинство промышленных рабочих губернии было сосредоточено на хлопчатобумажных предприятиях, лишь около 20% трудились на льняных фабриках, стекольных, механических заводах и в мелких промышленных заведениях разных отраслей. По концентрации производства и рабочей силы Владимирская губерния занимала одно из первых мест в стране.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской Империи, 1897 г. город Иваново-

Вознесенск был самым крупным во Владимирской губернии [7, с. 1]. Накануне революции он с рядом окружающих его фабричных пригородов являлся известным всей стране промышленным центром с отчётливо выраженной текстильной специализацией. С середины XIX в. Иваново-Вознесенск именовали «Русским Манчестером», проводя аналогию с известным «текстильным цехом» Англии. Этот термин вполне отражал многовековые традиции, масштабы производства в городе, соизмеряя его с ведущими индустриальными центрами Западной Европы.

Характеризуя социально-экономическую ситуацию в Иваново-Вознесенске именно в этот период, уместно привести отрывок из «Записки представителей Иваново-Вознесенского Комитета Торговли и Мануфактур и Совета Общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского промышленного района», которая была составлена в 1914 г.: «Географически Иваново-Вознесенск расположен почти в середине трёх уездов Владимирской губернии – Шуйского, Ковровского, Суздальского и трёх уездов Костромской губернии – Нерехтского, Кинешемского, Юрьевецкого и снабжён четырьмя, пересекающими район, железнодорожными путями, с узловой станцией “Иваново” Северных железных дорог... На эти шесть уездов и распространяет наш безуездный город свое экономическое влияние, привлекая на свои фабрики их население, воздействуя даже в известной мере на производство более мелких мануфактурно-промышленных предприятий, расположенных в этих уездах, передачей им своих заказов, снабжая уездные фабрики профессионально-подготовленными на ивановских фабриках служащими...» [2, л. 11].

По данным Владимирского губернского статистического комитета, в Иваново-Вознесенске к 1914 г. проживало 168 тыс. 498 чел. По количеству населения город был почти в четыре раза больше губернского Владимира (43 тыс. 522 чел.) и почти в шесть раз больше уездного города Шуи (29 тыс. 707 чел.) [5, с. 104–105]. К началу Первой миро-

вой войны в Иваново-Вознесенске завершилось начавшееся ещё в конце XIX в. акционирование текстильной промышленности. К 1914 г. все важнейшие предприятия города по обработке хлопка находились в руках 14 товариществ и 2 торговых домов с общим числом рабочих 27 тыс. 624 чел. [8, с. 16–23]. Это были предприятия-гиганты, на которых работало несколько тысяч человек.

Процесс индустриализации во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX в. обусловил необходимость элементарной образовательной подготовки рабочих промышленных предприятий. Данные земского обследования 1899 г. показали, что в Шуйском уезде среди занятых в фабрично-заводской промышленности рабочих грамотными были 60,2% мужчин и 39,8% женщин [6, с. 51]. Средний показатель грамотности населения по городам Владимирской губернии составлял 48% [7, с. 1]. Наряду с действиями земства, инициировавшего открытие народных училищ, крупные предприятия губернии, там, где фабрики были заинтересованы в деле образования рабочих, также устраивали школы для обучения детей и подростков. Однако школы для детей рабочих в 1900 г. в губернии содержали только 36 предприятий из 537 [11, с. 116].

В связи с экономическими особенностями Иваново-Вознесенска, здесь складывалась своя образовательная система, которая строилась в соответствии с нуждами города, его промышленности. В 1914 г. в Иваново-Вознесенске насчитывалось 37 начальных, 5 средних и 6 профессиональных учебных заведений с общим количеством учащихся 10 тыс. 220 чел. [12, с. 288]. Этого было явно недостаточно, особенно острым представлялся вопрос о создании достаточного количества начальных школ, о введении всеобщего начального обучения. Осознание того, что развитие техники требует для фабрик и заводов людей грамотных и, более того, профессионально подготовленных, а положение народного образования в городе оставляет желать лучшего, заставляло общественное управление Иваново-Вознесенска и местных фабрикантов уделять особое внимание делу образования. Одним из первых, ещё до образования города, в 1868 г. было открыто училище для детей мастеровых и рабочих, созданное в значительной степени на средства фабриканта-мецената Я.П. Гарелина. Позднее, уже преобразованное в городское 6-классное училище, оно стало кузницей фабричных кадров, его закончили многие служащие и мастера местных фабрик. Наряду с реальным училищем, учреждённым в 1873 г., и женской гимназией, открытой в 1878 г., в начале XX в. в Иваново-Вознесенске были открыты сразу несколько общеобразовательных учебных заведений: частные женские гимназии М.И. Крамаревской (1908 г.) и П.А. Диомидовской (1912 г.), мужская правительственная гимназия (1911 г.).

Во второй половине XIX в. бурное развитие промышленности в России обострило противоречие между общественными потребностями в области специального образования и уровнем его развития. В 80-х гг. XIX в. в России были разработаны общие начала профессионально-технического образования в стране. Нужды развивающейся промышленности Владимирской губернии стали доминирующим фактором при формировании здесь достаточно специфической сети профессиональных учебных заведений: в губернии, в основном, создавались низшие технические и ремесленные училища. Формирование сети профессионально-технических учебных заведений в Иваново-Вознесенске началось в 1890-х гг. В 1894 г. было учреждено низшее механико-техническое училище, в 1896 г. – школа колористов, в 1897 г. – женская профессиональная школа. К числу специальных учебных заведений Иваново-Вознесенска относилась и рисовальная школа, созданная в 1898 г. как филиал Петербургского Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штигица. В 1901 г. были открыты низшая ремесленная школа при механико-техническом училище и торговая школа. Примечательно, что в губернском Владимире в начале XX в. существовали лишь два профессионально-технических учебных заведения: земское ремесленное училище имени И.С. Мальцова и небольшая ремесленно-грамотная школа местного благотворительного общества [10, с. 19]. К 1911 г. Владимирская губерния занимала только 37 место в стране по количеству средних специальных учебных заведений из 50 губерний России [10, с. 98]. Эта сеть заведений не способна была удовлетворить потребности мануфактурной промышленности региона даже в квалифицированном среднем техническом персонале. Основная же цель промышленного образования – поднять уровень производственной квалификации, познакомить с европейскими достижениями в области техники, технологии, орнамента тканей вообще не могла быть реализована, так как на территории Владимирской губернии не было ни одного высшего технического учебного заведения.

15 ноября 1916 г. предпринимателям Владимирской губернии были адресованы обращения, подписанные Организационным бюро съезда Владимирских фабрикантов и заводчиков по техническому образованию: «Милостивые государи! В наше тяжёлое время (имеется в виду Первая мировая война. – Е.П.) от промышленников требуется более организованное и планомерное выступление в области просвещения народа. Единственная мера, которая зависит от нас самих и может укрепить положение русской промышленности вообще, а нашей Владимирской в особенности, есть усовершенствование технической стороны промышленности и, в связи с этим, развитие технического образова-

ния. Среди нижеподписавшихся фабрикантов Владимирской губернии возникла мысль об учреждении в одном из пунктов Владимирской губернии технического учебного заведения, применительно к местной промышленности в составе шести факультетов (пряда, ткачества, химического, механического, электротехнического, экономического) и продолжительностью курса не более трёх лет» [3]. Далее речь подробно шла о проекте среднего технического учебного заведения и необходимости созыва съезда промышленников Владимирской губернии для скорейшей реализации этого проекта.

Инициатива владимирцев была более чем позитивно воспринята в Иваново-Вознесенске. Совет Общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского промышленного района (картеля местных фабрикантов) в течение недели провел переговоры с членами общества и оперативно образовал комиссию, в которую вошли известные ивановские промышленники: Н.Г. Бурылин, Д.Г. Бурылин, И.Д. Бурылин, А.А. Гарелин, Н.Ф. Гарелин, В.А. Гандурин, П.Н. Дербенев, Н.Н. Зубков, И.К. Маракушев и др. Комиссия была уполномочена вести переговоры от имени ивановских фабрикантов по вопросам технического образования. Председателем был избран Н.Г. Бурылин – владелец Куваевской мануфактуры. Поддерживая сформулированную выше идею, Совет общества заявил, что «было бы целесообразнее, ввиду отсутствия во Владимирской губернии высшего технического учебного заведения, открыть такое в Иваново-Вознесенске, как в одном из крупнейших центров губернии» [1, л. 17–18]. Амбиции ивановцев были вполне обоснованы. Текстильная промышленность региона остро нуждалась, помимо квалифицированного среднего технического персонала, в специалистах, обладающих высшим уровнем промышленного образования. Привлечение на местные фабрики зарубежных специалистов обходилось ивановским промышленникам крайне дорого.

Одним из участников описываемых событий являлся присяжный поверенный, гласный Иваново-Вознесенской городской думы, заместитель председателя её училищной комиссии И.И. Власов. Выпускник Московского университета, юрист, историк-краевед и журналист, И.И. Власов являлся одним из наиболее активных представителей местной общественности. В силу своей профессиональной деятельности тесно связанный с ивановскими промышленниками и руководствуясь собственными убеждениями, он незамедлительно поддержал их позицию относительно организации нового учебного заведения. Его дневниковые записи и личная переписка стали ценными источниками, воссоздающими реальную картину дел.

На очередное собрание фабрикантов и заводчиков по поводу организации технического учебного заведения в пределах Владимирской губернии, ко-

торое состоялось 27 ноября 1916 г. в Москве, И.И. Власовым была направлена телеграмма, где он обосновывал необходимость организации именно вуза в Иваново-Вознесенске. Письмо Власова вызвало острую дискуссию, несмотря на то что ранее в ходе заседания Н.Г. Бурылиным уже были приведены весомые аргументы в пользу Иваново-Вознесенска. Представители Владимира твёрдо стояли на своих позициях, особо подчёркивая статус Владимира как губернского города и отстаивая организацию здесь среднего учебного заведения в форме техникума. В результате собрание так и не смогло разрешить вопросов ни о типе школы, ни о месте её нахождения.

Полемика сторон по данным вопросам продолжалась и далее, тем не менее был разработан и 16 декабря 1916 г. официально зарегистрирован устав «Общества фабрикантов и заводчиков Владимирской губернии для содействия распространению технического образования». Организация имела право законным порядком устраивать в пределах Владимирской губернии различного рода технические учебные заведения высшего, среднего и низшего типа. Устав подписали учредители общества и первые его действительные члены. Среди учредителей были семь крупных ивановских фабрикантов, которые подтверждали свои намерения по материальному обеспечению проекта создания вуза в Иваново-Вознесенске. В то же время, несмотря на разногласия и ратуя за создание вуза в своём городе, ивановцы, «чтобы не разбивать организации» (имелось в виду Общество для содействия распространению технического образования. – *Е.П.*), приняли «соломоново» решение – помочь и созданию техникума во Владимире [4]. Надо отметить, что материальные средства иваново-вознесенских фабрикантов, безусловно, были решающим аргументом в вопросе учреждения нового учебного заведения. Состоявшийся 18 декабря 1916 г. в Москве съезд общества не оправдал надежд его организаторов. Несмотря на тщательную подготовку, среди членов общества не было единения по главному вопросу, видимо поэтому, а также ввиду малочисленности съезд был перенесён на неопределённое время.

Дискуссии владимирских и ивановских фабрикантов о типе и месте организации нового учебного заведения продолжались вплоть до конца 1917 г. Владимирцы продолжали упорствовать, отстаивая только идею среднего политехникума во Владимире. Ивановцы настаивали на создании вуза в Иваново-Вознесенске, подтверждая материальное обеспечение этого проекта, при этом выражали готовность идти и на компромисс, частично обеспечив финансирование техникума. В течение этого времени И.И. Власов, являвшийся действительным членом Общества для содействия распространению технического образования, скрупулёзно занимался

сбором информации, необходимой для продвижения данного дела: изучал предложения по развитию и реформированию технического образования в России, документы по материальному обеспечению вузов, вёл переговоры и переписку со специалистами по высшей школе. В Иваново-Вознесенске он был наиболее информированным в этом вопросе человеком. Несколько месяцев спустя, уже при Советской власти, И.И. Власов возобновил деятельность по устройству вуза в городе. В апреле 1918 г. он стал инициатором перевода в Иваново-Вознесенск одного из лучших в России высших учебных заведений – Рижского политехнического института, хорошо известного в Иваново-Вознесенске, ввиду того, что этот вуз окончили некоторые ивановцы, с успехом применявшие знания в текстильной и других отраслях промышленности.

Таким образом, основная инициатива учреждения первого высшего учебного заведения на территории Владимирской губернии с широким инженерным профилем возникла еще до революции, она родилась среди представителей предпринимательских кругов, наиболее заинтересованных в высококвалифицированном техническом персонале для текстильной промышленности региона и была поддержана представителями местной общественности. Активные действия иваново-вознесенских фабрикантов, направленные на создание вуза в промышленном центре губернии – Иваново-Вознесенске, солидная материально-техническая база в виде сети технических учебных заведений города, возможность использования в учебном процессе технических средств местных фабрик, гарантии стабильного финансирования со стороны иваново-вознесенской предпринимательской корпорации – всё это способствовало в дальнейшем созданию высшего технического учебного заведения.

Иваново-Вознесенский политехнический институт был учрежден в августе 1918 г., основой вуза стали педагогические кадры и материальная база

Рижского политехнического института, эвакуированного из Прибалтики в годы Первой мировой войны.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 10. Л. 17–18.
2. Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурлыгина (ИГИКМ им. Д.Г. Бурлыгина). Научный архив № 2657.
3. ИГИКМ им. Д.Г. Бурлыгина. Основной фонд № 81885/2.
4. ИГИКМ им. Д.Г. Бурлыгина. Основной фонд № 81885/7.
5. Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1915 год. – Владимир, 1915. – 239 с.
6. Материалы для оценки земель Владимирской губернии. – Т. X. Шуйский уезд. – Вып. III. – Владимир, 1908. – С. 51.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. – Тетрадь IV. Владимирская губерния. – СПб., 1900. – 113 с.
8. Список фабрик, заводов и других промышленных предприятий Иваново-Вознесенской губернии. – М., 1919. – 101 с.
9. Статистический ежегодник России. 1914 г. – Пг., 1915. – 675 с.
10. Список учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения (кроме начальных) по городам и селениям. Составлен к 1 января 1912 года. – СПб.: Сенатская типография, 1911. – С. 19.
11. Чугунов Е.А. Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX в. 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской, Ярославской губерний). – Кострома, 2001. – 216 с.
12. Экземплярский П.М. История города Иванова. Ч. 1: Дооктябрьский период. – Иваново, 1958. – 395 с.

РЕФОРМА ПРИХОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, ПРИНЯТАЯ НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ 1961 ГОДА, И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В результате давления государства Церковь вынуждена была пойти на реформу, целью которой отстранение настоятеля от управления приходом. В результате антирелигиозной кампании закрывались храмы и монастыри, чем был нанесен непоправимый ущерб не только историческому наследию России, но ее этнографическому стержню – деревне. Несмотря на гонения, Церковь выстояла, и на Поместном соборе 1988 года был принят Устав, по которому управление возвращалось в церковные структуры и благодаря которому стал возможен новый тип взаимоотношений Церкви и государства.

Ключевые слова: Церковь, реформа приходского управления, государство, Поместный собор, гонения, верующие.

Последствия реформы приходского управления 1961 года проходили с учетом выводов, сделанных в предыдущих церковных компаниях. Но одна черта объединяет их всех – власть стремилась уничтожить Церковь руками самих церковников: «Для того, чтобы не вызвать каких-либо осложнений между церковью и государством, многие мероприятия проводить церковными руками [1, с. 244].

Проводилась реформа под предлогом восстановления законодательного постановления ВЦИК и НК РСФСР 1929 года «О религиозных объединениях», положения которого устраняли священнослужителей, как лиц, лишенных избирательных прав от участия в хозяйственных делах религиозных общин [19, с. 159], что входило в противоречие с законодательной ситуацией послевоенного периода. С принятием Конституции СССР 1936 г., восстановившей права гражданства священнослужителей на основании предоставления всем гражданам одинаковых прав. Положение об управлении РПЦ 1945 года закрепляло права управления общиной священнослужителями. А вот принятым ранее положением 1929 года они фактически игнорировались. Так вот, с восстановлением положений постановления ВЦИК от 1929 года священнослужители отстранялись от руководства общиной, чем закладывался фундамент антагонистических отношений в обществе по отношению к верующим, они становились людьми «второго сорта».

Принятое Священным Синодом под давлением Совета по делам РПЦ постановление об отстранении священнослужителей от хозяйственных дел в приходах от 18 апреля 1961 года ввиду несогласия многих иерархов было продублировано и утверждено 18 июля на Архиерейском соборе [19, с. 391–393]. Многие иерархи были не согласны с изменениями, произошедшими в приходском управлении, но были и те, кто начал проведение реформы в своих епархиях сразу же после Синодального постановления. Так, в циркуляре архиепископа Калининского и Кашинского Иннокентия от 9 мая 1961 года, направленном в адрес всех насто-

ятелей епархии, говорится: «По ознакомлении <...> сделать Постановление о передаче Вами своих полномочий председателя приходского Совета церковному старосте и о вступлении последнего к исполнению обязанностей приходского Совета и о принятии на себя ответственности совместно с прочими членами за целостность и сохранность имущества, согласно договору. С данного момента настоятель не состоит и членом приходского Совета» [14, с. 53, 163]. Неоднозначно отрицательно была воспринята реформа духовенством. Были среди духовенства те, кто поддерживал реформу. Так, на Поместном соборе 1988 года архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом дал положительную характеристику приходской реформе 1961 года, обозначив, что «великим благом было то, что в 1961 году отказались от административной деятельности. Это промыслительно потому, что последующие годы были трудные, но если бы священники были у власти, то их всех бы пересажали на законном основании» [11, с. 397]. Имелись в виду хозяйственно-административные нарушения дисциплины некоторых руководителей-настоятелей приходов, следствием которых были бы репрессии на законных основаниях.

В результате реформы настоятели приходов оказались в положении наемных лиц у церковного совета (исполнительного органа общины). К власти в Церкви пришли светские, и даже неверующие, люди. В связи с реформой власть епархиального архиерея (патриарха) минимизировалась до такой степени, что не только управляемость приходами, то есть регистрация священника на приходе зависела от местного уполномоченного и от исполнительного органа храма, но и в случае отказа в регистрации приход становился подведомственным не епархии, а государству. В указах о назначении священника на приход некоторых епархиальных архиереев была формулировка «по договоренности с Исполнительным органом вышеозначенного храма» [16, с. 4]. Священнослужители подписывали с исполнительным органом договор, в одном из пунктов которого значилось, например: «За совер-

шение церковных служб в храме, а также за причащение больных на дому, священник лично не получает никаких вознаграждений за прихожан. За нарушение вышеизложенного священник несет персональную ответственность» [17, с. 5].

Духовенство восприняло реформу приходского управления неоднозначно. Например, священник Костромской епархии по поводу реформы заявил: «С этой перестройкой я, как настоятель, превратился в половую тряпку, которой можно лишь подтереть пол. Никому не имею права ничего приказывать. К ящику не подходи, мною могут командовать всякие старухи [4, с. 19]. В докладной записке, адресованной епископу благочинный Буйского округа, кандидат богословия Винцукевич писал: «..В свете вышеуказанного постановления роль и значение настоятеля если не абсолютно утратили силу, то несомненно сократили его авторитет до предела... При настоящем положении выражение “настоятель” звучит черной иронией, ныне он наемник в полном значении этого слова, а наемник не может быть руководителем, а отсюда и настоятелем» [4, с. 19].

Поставленные в рамки «наемника» священнослужители стали изменять своему призванию учить и воспитывать людей, многие из них стали формально относиться к своим обязанностям. Стал вырабатываться тип священника-нигилиста, человека, не желающего идти ради выполнения своих обязанностей на конфликт с властями [15, с. 139–140]. Из воспитателей, «благодаря» реформе, священники превращались в требоисправителей.

К власти в церковной общине приходили люди безграмотные, корыстные, даже не «воцерковленные». Некоторые договоры были составлены с церковной точки зрения безграмотно: «Диакон Баслык обязуется совершать службы и исполнять требы, за что получает твердый оклад 300 рублей в месяц» [18, с. 6]. Церковному человеку понятно, что диакон не может совершать треб, которые являются неотъемлемой обязанностью епископа и священника. Права старост очень точно в своем романе описал архимандрит Иоанн (Экономцев): «Елизавета Ивановна полновластно решала, сколько заплатить священнику, сколько положить себе в карман (об этом умолчим!), сколько передать в конвертах таинственным лицам, от которых зависит ее пребывание на этой должности, сколько перечислить в местный бюджет, в Фонд мира и сколько, наконец, на поддержание предприятия» [23, с. 38]. В воспоминаниях архиепископа Никона (Фомичева) читаем: «Духовенство оказалось в полном подчинении у старост, которые нередко творили полный произвол. В калужском кафедральном соборе, например, староста отменила все крестины – они совершались только во втором, Никольском храме <...> старосты возомнили себя “князьками” Церкви. Без их согласия священник или епископ

не мог принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. На собрание, избравшее церковный совет, духовенство не допускалось. Решать, какой быть церковной общине, мог атеист, а священник не имел на это права...» [9, с. 30–31]. Все члены исполнительных органов перед вступлением в должность проходили инструктаж у местных уполномоченных, им подробно объяснялись их права и обязанности [11]. Такие люди, по мнению власти, должны были скомпрометировать религию в глазах людей.

Но сказать, что такое положение дел было во всех приходах и во всех епархиях, было бы неправильным. Многие священники не опустили руки, они не «сдались на милость победителям». Услышав слова Святейшего Патриарха Алексия I, что «умный священнослужитель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет на приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем, и что он может полностью отдаться духовному руководству своих пасомых» [3, с. 6], – восприняли слова Святейшего Патриарха как руководство к действию. Период становления реформы был тем удобен, что у исполнительных органов не было опыта ведения дел, да и многие из властей предрежащих на местах допускали «робость, нерешительность, что в известной мере объяснялось новизной дела и неопытностью отдельных работников в этом вопросе» [4, с. 19]. Некоторые священники, внешне выполняя директивы власти, фактически руководствуясь словами Патриарха, продолжали руководить приходами. Так, уполномоченный по Костромской области в своем докладе жаловался, что настоятель Костромского кафедрального собора Соболев продолжал оказывать влияние на деятельность исполнительного органа. Таким же влиянием на исполнительный орган пользовались священники из с. Борок Буйского р-на и с. Любовниково Костромского р-на, соответственно – Попов и Арменский. После вмешательства уполномоченного Соболев и Арменский уволены за штат, Попов получил последнее предупреждение [4, с. 19]. Но власть проводила свои директивы целенаправленно. В Совете по делам РПЦ с конца 1950-х годов начался процесс постепенного «очищения» от сотрудников, сочувствовавших религии.

В результате реформы приходского управления 1961 г. Русская Православная Церковь потеряла около двух третей своего организационного состава. К 1967 г. количество духовенства снизилось до 7 тыс. 410 чел. (в 1957 г. – 12 тыс. 288 чел.), в 1961 г. было снято с регистрации 1 тыс. 390 православных общин (осталось 11 тыс. 572 храма, в 1960 г. было 13 тыс. 008), в 1962 г. снято с регистрации еще 1 тыс. 585 общин (10 тыс. 149 церк-

вей) [20, с. 357, 430]. По религиозным мотивам в 1961–1964 гг. было осуждено 1 тыс. 234 чел. [19; 26]. По указанию Совета по делам РПЦ Патриархия была вынуждена ликвидировать Сумскую, Челябинскую и Ульяновскую епархии. Закрывались монастыри [5, с. 101].

Одновременно с реформой был проведен «единовременный учет» количества всех церковных зданий, их площадь и габариты, количество треб и количество посещающих. Учет отметил повышение религиозности в стране. В Костромской области посещение церквей в дни религиозных праздников одновременно составляло 22 тыс. чел. [4, с. 23]. В Москве, по данным уполномоченного Совета по делам РПЦ, 7 апреля 1959 года, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, в действовавших на тот момент 36 храмах (служили по две литургии) количество верующих составило 90–100 тыс. человек. Из них 90–95% составляли женщины и только 5–10% мужчины пожилого возраста [5, с. 3]. Несомненно, что такая статистика в пользу религиозности населения не дала развернуться маховику закрытий храмов на полную мощь.

Последствия учета были трагическими. При проведении учета было выявлено много «бездельствующих церквей, не используемых молитвенных зданий, затухающих приходов. Совет принял меры по ликвидации практики субсидирования подобных приходов финансово сильными приходами, что в конечном итоге привело к прекращению их существования. Под изъятие попали здания и даже хозпостройки, переданные Церкви во время войны и послевоенный период [1, с. 244]. Если в Ивановской епархии по состоянию на 01.01.1961 года число приходов равнялось 56, то после «учета», через год, оно сократилось до 49 [15, с. 37].

Закрытие происходило неравномерно, в разные годы, в разных областях количество закрываемых храмов варьировалось по-разному. Власти мотивировали закрытие храмов как меру выравнивания

количества церквей в регионах в целом по стране, говоря о переизбытке церковных объектов и их нерентабельности. Церковные объекты передавались под культурно-хозяйственные нужды.

Из всех закрытых храмов одни были отданы под культурно-просветительские нужды (клубы, кино-театры), другие – под хозяйственные (склады, цеха, и т.п.) либо были признаны подлежащими сносу. Закрытие храмов привело к чудовищной по своим последствиям социокультурной катастрофе. Она производилась под охраной милиции и дружинников. Материальные ценности изымались без всякой описи. В Кировской области ликвидация молитвенных зданий всегда сопровождалась варварским разрушением интерьеров [21, с. 71]. В Костроме – тоже [22, с. 42].

Методы закрытия были разными. В целом, они были насильственными. По Кировской области закрытие церквей обычно происходило по произволу Областного уполномоченного Совета по делам РПЦ, который снимал с регистрации или переводил в другое место священника церкви, намеченной к закрытию. Затем он в течение 6–11 месяцев отказывался регистрировать в данную церковь кого-либо из предложенных епископом кандидатов [2, с. 69]. За время с 1960 по 1963 год из 80 священников, служивших в Кировской области, в 1959 году 21 был снят с регистрации, и ни один не поставлен на учет. Такие действия областных уполномоченных происходили повсеместно. Например, «священник села Межи Родниковского района Ивановской области о. И. Рябинин указом от 7 августа 1962 года был перемещен настоятелем церкви села Фелисова, того же района, с тем, чтобы настоятель церкви села Фелисово о. И. Табаков был перемещен в церковь села Межи. Когда протоиерей И. Табаков приехал в епархию за назначением в село Межи, то уполномоченный по делам РПЦ по Ивановской области Н.Н. Желтухин попросил повременить с его назначением, ссылаясь на решение

Таблица 1
Численность православных храмов в регионах Центральной России в 1958–1963 гг.

Область Год	1958	1959	1960	1961	1962	1963
Владимирская	65	65	66	64	61	58
Ивановская	56	56	56	56	49	47
Калининская	91	91	88	78	78	56
Калужская	38	38	37	33	29	28
Костромская	80	80	81	77	77	73
г. Москва	н/д	н/д	45	45	45	44
Московская	211	211	161	157	145	135
Рязанская	76	76	76	70	65	60
Смоленская	54	54	54	46	41	38
Тульская	40	37	36	32	32	30
Ярославская	143	143	139	127	112	91

Примечание: подсчитано по [13, л. 8, 10–11, д. 236, л. 72, 90, 112, 113, 150, 166, 178; д. 264, л. 93, 94, 135, д. 288, д. 495, л. 1–20, 70–73, 83–85; д. 494, л. 28, л. 53–56, 72–75, 88–96, д. 313, л. 178–180, 191–192, д. 486, л. 113–115].

Ивановского облисполкома о закрытии церкви в селе Межи» [15, с. 109–110].

С 1960 по 1964 годы из 75 действующих в 1959 году в Кировской области храмов было закрыто 40, что составило 53%. Семь деревянных молитвенных домов были полностью разрушены, одна церковь была взорвана, в других закрытых церквях разрушены интерьеры; иконы, книги и утварь сожжены, а сами здания обезображены. Всего в СССР в указанный период было закрыто более 10 тыс. церквей, что составляло половину всех действовавших после войны православных храмов [21, с. 70–71]. Пока церковь оставалась без священника, местные органы власти посредством запугивания старались принудить выйти из двадцатки нескольких членов. Затем уполномоченный объявлял о распаде церковной общины, облисполком выносил постановление о закрытии церкви и передаче здания местному колхозу или горсовету. Решение о закрытии храма не объявлялось церковной общине, а посылалось в Совет по делам РПЦ, который снимал с регистрации церковную общину и церковное здание передавал под клуб местному колхозу. Протесты верующих в основном в расчет не принимались, несмотря на их жалобы, на указание необоснованности и незаконности действий властей, закрывших храм, на протяжении, случалось, нескольких лет не показывали постановление о закрытии храма с целью скрыть формулировку и мотивацию.

Не везде властям удавалось закрывать храмы без сопротивления. Так, верующие со священноначалием отстояли Пюхтицкий монастырь, Александро-Невский храм в Таллине [8, с. 130, 135]. Иногда на местах требования местных властей о закрытии храма принимали анекдотичные формы: «... Не в писаниях и в словопрениях отстаивала Мартьяниха перед советской властью неотъемлемые конституционные права верующих. Когда председатель сельсовета прямо посреди села или у ворот церковной ограды приступал с грозными требованиями “по постановлению советской власти и местных органов сей момент сдать ключи от церкви для выполнения директив центра с целью ликвидации последних остатков безграмотности и пережитков буржуазного прошлого в сознании людей” (говорят, председатель зачитывал все свои речи по одной и той же бумажке), Мартьяниха не заботилась даже дослушать его до конца и неизменно показывала ему грязный кукиш» [22, с. 39].

Что же представляло из себя то, что ревнители новой жизни оставили потомкам после борьбы с «духовной сивухой»? Вот свидетельство костромского священника Георгия Эдельштейна, рассказывающего о картине разорения храмов и неразрывно связанной с разрушением святынь разорением всей жизни русской деревни на территории Центральной России: «Дивной красоты “памятники” стояли в окрестности. Только в Плещееве тот “па-

мятник» разорен, в Залесье разорен, в Рождестве разорен дотла, до основания, один лишь уродливый шрам посреди сельского кладбища остался, в Романцове разорен, в Пилятине зимний и летний – оба разорены, в Ликурге два дивных красавца тоже разорены, а в усыпальнице Готовцевых, что между теми великолепными храмами стоит, несколько лет лошадей держали, все тут загажено, осквернено, надгробные плиты все перевернуты и стесаны. Спасибо, хоть в поповском доме пекарню устроили, уцелел дом. Воистину, по слову Писания “мерзость запустения стоит на святом месте”... По подсчетам бабы Пани, из двадцати шести сел и деревень, откуда лет сорок назад “туча народу” в наш храм по большим праздникам приходила, до основания вымерло четырнадцать. Крапива и чертополох на месте изб, садов и огородов» [22, с. 42–43]. Священнику Георгию вторит известный писатель А.И. Солженицын, художественно живописуя картину культурного разорения России в рассказе «Путешествие вдоль Оки»: «Пройдя проселками Средней России, начинаешь понимать, в чем ключ умиротворяющего русского пейзажа. Он – в церквях<...> Но тыходишь в село и узнаешь, что не живые – убитые приветствовали тебя издали. Кресты давно сшиблены или скривлены; ободранный купол зияет остовом поржавевших ребер; растет бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко еще сохранилось кладбище вокруг церкви; а то свалены и его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий, исписаны похабными надписями. На паперти – бочки с соляжкой, к ним разворачивается трактор. Или грузовик въехал кузовом в дверь притвора, берет мешки. В той церкви подрагивают станки. В эти камни, в колоколенки эти <...> Наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни. Ковырай, Витька, долбай, не жале! Кино будет в шесть, танцы в восемь...» [12, с. 315]. Вот какими были последствия антирелигиозной кампании 1960-х годов, которая обезлюдмила, обескультировала русскую деревню и Россию. По сию пору мы «расхлебываем» последствия реформ и гонений на Церковь 60-х годов XX века.

Но и в эти лихие для русского самосознания годы выжил человек, сохранил он веру. И сохранили ее в основном люди самые что ни на есть простые. Интересно, что в период общего религиозного одичания, сформировался тип людей, которые «жили своим приходским храмом» – прислуживали, пели, делали уборку, охраняли, пекли просфоры, собирали записки у тех, кто боялся прийти в храм, проводили катехизаторскую работу. Это чаще всего были престарелые, незамужние женщины (были, конечно, и замужние), которые сознательно выбрали служение «при храме» в качестве цели своей жизни. Цитирую о. Георгия Эдельштейна: «Сама-то баба Паня не ушаковская, потаповс-

кая она, но Пресвятая Одигитрия-Путеводительница привела ее сюда, определила ее судьбу: в Ушакове она вышла замуж... Но важнее имени и самого будущего мужа, крепко знала Параскева, жить в том благодатном месте, где Храм Божий сохранился». Сам о. Георгий вспоминает, как его мать не пустила его жить в Кенигсберг, мотивировав свой запрет тем, что «чужая земля и ни одной церкви там нет, в таком городе жить нельзя» [22, с. 44].

Реформой приходского управления 1961 года власти попытались уничтожить Церковь, ведя борьбу с ней как посредством уничтожения храмов и монастырей, подрывом материально-финансовой базы, так и отстранением священников от прав управления приходом, моральным разложением духовенства, передачей власти над общиной неверующим людям. За борьбу с религией, за свое беспамятство, за бездумные эксперименты Советский Союз заплатил высокую цену: закрытием церквей и монастырей были уничтожены целые пласты народной культуры (архитектуры, живописи, письма), общинной жизни, центром которой был храм, искажен ландшафт русской равнины, обречены на вымирание целые области Центральной России. Потеряны символы, благодаря которым веками духовно воспитывался наш народ. Последствия политических и экономических экспериментов 60-х годов носят трагический характер. Они трагичны потому, что за них приходится расплачиваться нынешним поколениям («демографические ямы», социальная и национальная напряженность). И если за эксперименты с сельским хозяйством приходилось расплачиваться золотом [7, с. 613], то самую высокую цену заплатил наш народ тем, что выросли целые поколения людей, не имеющих духовных корней, людей, для которых понятие выгоды дороже, чем понятие духовно-нравственных ценностей и культуры. Самые страшные и невосполнимые потери – это потери духовные, которые ведут к одичанию человека. Хочется верить, что уроки прошлого не останутся невыученными и наши потомки не будут повторять их.

Библиографический список

1. Васильева О. «Чувствую себя нервным от общего лада церковных дел...» // Альфа и Омега. – М., 2003. – № 2 (36). – С. 35–47.
2. Василий (Кривошеин), архиепископ. Две встречи. – СПб., 2003. – 246 с.

3. Вступительное слово Святейшего Патриарха Алексия на Архиерейском соборе 18 июля 1961 года // Журнал московской Патриархии (далее – ЖМП). – 1961. – № 8. – С. 45–56.
4. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. р-2102. Оп. 5, Д. 44.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-6991. Оп. 2, Д. 244.
6. ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 2, Д. 254.
7. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История советского союза с 1917 года до наших дней. – Л.: Overseas Publications Interchange Ltd., 1989. – 926 с.
8. Коновалов В., Сердюков М. Патриарх Алексий II: жизнь и служение. На переломе тысячелетий. – М.: ЭКСМО, 2012. – 254 с.
9. Никон (Фомичев), архиепископ. Из моих воспоминаний // ЖМП. – М., 1990. – № 6. – С. 54–57.
10. Отчетный доклад о работе уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Костромской области за 1961 год (извлечение) // ГАКО. Ф. р-2102. Оп. 5, Д. 44.
11. Поместный Собор Русской Православной Церкви: Материалы / Издание Московской Патриархии. – М., 1990. – 316 с.
12. Солженицын А.И. Путешествие вдоль Оки. Рассказы. – М., 2007. – С. 315.
13. Таблица составлена по: ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 2, Д. 235.
14. Тверская епархиальная научная библиотека архивный отдел (ТЕНБ. АО) Ф. 2, Оп. 1.
15. Федотов А.А. История Ивановской епархии. – Иваново, 1998. – 400 с.
16. Центральный архив города Москвы (ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 2, л. 18, л. 4; ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 2, Д. 25.
17. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 2, Д. 26.
18. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 2, Д. 27.
19. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви 1917–1990. – М., 1994. – 387 с.
20. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 1999. – 479 с.
21. Штриккер Г. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. – М.: Прописи, 1995. – 462 с.
22. Эдельштейн Г., прот. Записки сельского священника. – М.: РГГУ, 2005. – 368 с.
23. Экономцев И. Записки провинциального священника. – М., 1993. – 345 с.

Флейман Евгений Александрович*доктор исторических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
istfak@ksu.edu.ru***Шипилов Александр Дмитриевич***кандидат исторических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
istfak@ksu.edu.ru*

КОСТРОМСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ (1912–1930)

Статья посвящена известному в российской провинции общественному краеведческому объединению. В центре внимания авторов – вопросы становления и развития Костромского научного общества.

Ключевые слова: региональная история, музейное и архивное дело, краеведческие организации, общественные объединения.

До 1917 года в России научных общественных организаций с задачами комплексного исследования края – в полном смысле краеведческих – было немного. К ним относились Петровское общество исследователей астраханского края (1872), Общество изучения амурского края (1887), Общество изучения Тобольской губернии (1890), Общество любителей исследований Алтая (1891), Архангельское общество по изучению русского Севера (1908), Общество изучения Смоленской губернии (1908), Вологодское общество изучения северного края (1909) и Костромское научное общество по изучению местного края (1912).

Сотрудниками «обществ» являлись учителя, агрономы, чиновники, врачи, художники, студенты, учащиеся – весь спектр провинциальной интеллигенции. Среди участников встречались крестьяне и рабочие. Впрочем, их были единицы: фабричный и земледельческий труд не располагал к систематическим научным занятиям. Добровольность, отсутствие ограничений по социальной, религиозной и профессиональной принадлежности, свобода в выборе научных занятий были важнейшими принципами этих организаций. Основную причину их устройства ясно определил В.И. Смирнов – один из учредителей Костромского научного общества по изучению местного края (далее – КНОИМК): «Потребность в изучении природы и жизни нашего края давно назрела. Между тем, разрозненность и часто беспомощное положение отдельных лиц, желающих изучать родной край, представляет большие затруднения для успешности занятий. Отсюда – настоятельная нужда в учреждении такого общества, которое объединяло бы всех желающих работать в данном направлении» [12].

Первое организационное собрание КНОИМК состоялось 5 мая 1912 г. Учредители в составе 32 человек избрали правление и утвердили Устав [1].

К 1917 году в обществе состояло 387 действительных членов и 54 кандидата, в том числе 10 членов Солигаличского, 23 – Чухломского и 10 – Ветлужского отделений. Таким образом, за четыре с половиной года число участников этой организа-

ции увеличилось с 32 человек (май 1912 г.) до 441 (конец 1917 г.), то есть почти в 14 раз.

У истоков КНОИМК стояли краеведы, имена которых вошли в историю Костромского края: И.А. Рязановский, В.И. Смирнов, В.Н. Кларк, А.К. Ковальковский, И.П. Пауль, И.М. Рубинский. С первых же лет в работе общества приняли участие видные российские исследователи и общественные деятели Г.Ф. Морозов, Е.Ф. Дюбюк, А.А. Языков, П.И. Бирюков, Е.А. Жадовский, Н.Д. Кондратьев, В.А. Апушкин. Здесь же начинал свою научную карьеру Н.Д. Кондратьев (1892–1938). Свои первые краеведческие изыскания он посвятил истории кинешемских раскольников. Статьи помещены на страницах «Известий Архангельского общества русского Севера» под названием «Взыскующие града» (1912, №5) и «Кризис веры» (1913, № 3). В 1913 г. для обсуждения на одном из собраний КНОИМК он подготовил доклад «Раскол, его дух и современная культура». Другим, но уже более серьезным исследованием Н.Д. Кондратьева стала книга по истории и современному состоянию хозяйства Кинешемского уезда и роли в его развитии земства [18].

На творческую работу был направлен не только устав КНОИМК, но и целая система научных и просветительских учреждений в самой его структуре. Одним из структурных звеньев являлась библиотека. Основой для ее создания стало собрание книг из бывшего кружка «Любителей естествознания» в количестве 1 тыс. 199 экземпляров. Одновременно правление общества обратилось к различным научным организациям России с просьбой присылать в его адрес книги, в которых содержались бы сведения о Костромском крае. В ответ откликнулись земские учреждения Костромской губернии, Русское географическое общество, Комиссия по изучению естественных производительных сил России, Российское археологическое общество, некоторые архивные комиссии. В свою очередь КНОИМК отправляло этим учреждениям собственные печатные «Труды» и литературу. Так устанавливались творческие контакты между научными организациями со схожими целями и задачами.

Еще до учреждения общества в газете «Наша костромская жизнь» В.И. Смирнов объявил: «Одной из задач общества будет создание в Костроме центрального естественно-исторического музея, в котором было бы по возможности полно сосредоточено и сохранялось все то, что имеет отношение к природе костромского края, к быту и хозяйственной деятельности населения». Энтомологическая коллекция ученика гимназии Н. Беляева, геологическое собрание Д.Н. Сизова, фольклорный материал К.Д. Кудряшова и Е.С. Каллистовой легли в основу будущего краеведческого музея. С 1915 г. приток предметов в музей приобрел систематический характер.

Говоря о музее как центре всей краеведческой работы, В.И. Смирнов стремился заинтересовать в его создании не только специалистов, но и широкую общественность: «Каждый из нас, при желании оказать содействие в устройстве музея, может внести свою посильную дань. Здесь представляется полная свобода в выборе материала. Пусть он будет случайный, сырой. Нечего пока говорить о целых коллекциях и планомерных собраниях... Все присылаемое в музей, всякое содействие будут приняты с благодарностью и обогатят музей драгоценными материалами, которые в своей совокупности могут быть небесполезны для изучения России вообще...» [2, оп. 1. Д. 83. Л. 1].

Регулярное поступление материала в музей поставило перед правлением в 1915 г. вопрос об учреждении специального денежного фонда для покупки дома. Через несколько лет на юбилейном собрании общества 18 мая 1922 г. В.И. Смирнов вспоминал: «Чрезвычайно трогательно в настоящее время просматривать подписные листы, щедро разосланные тогда повсюду, на которых население края буквально копейками отмечало свои лепты. Этим путем была собрана достаточная сумма, чтобы купить в Костроме дом» [13].

Средства для покупки дома были собраны, однако от приобретения пришлось отказаться, так как открылись иные перспективы. Они были связаны с передачей в собственность городу Романовского музея. Этот музей принадлежал губернской ученой архивной комиссии и размещался в специальном помещении. Большинство коллекций Романовского музея имела монархическое содержание, а потому после февральских событий 1917 г. его деятельность была прекращена. Через некоторое время встал вопрос о передаче музея в распоряжение КНОИМК.

Целесообразность такого подхода была очевидной. КНОИМК являлось той организацией, которой можно было бы доверить музей с достаточной гарантией сохранения музейных ценностей и правильного использования самого здания. В ходатайстве КНОИМК о передаче музея в его ведение со всей определенностью утверждалось, что «обще-

ство сознает безусловную необходимость в развитии музея, в увеличении его научно-образовательного значения:

а) чтобы музей продолжал быть хранилищем предметов и коллекций архива и библиотеки...;

б) чтобы предметы и коллекции, находящиеся в музее... подверглись научной систематизации и определению;

в) чтобы музей мог, с одной стороны, облегчить изучение костромского края различного рода учеными специалистами, а с другой стороны, мог служить к распространению естественно-исторических знаний, историко-археологических, этнографических и других сведений о крае» [9].

15 января 1918 г. были приняты «Условия взаимоотношений города и КНОИМК в вопросе о Музее местного края», согласно которым все имущество и коллекции бывшей ученой архивной комиссии и Романовского музея передавались в распоряжение КНОИМК. В условиях, между тем, оговаривалось, что КНОИМК без ведома городских властей не может отчуждать, передавать или обменивать коллекции. Двойственность такой позиции вскоре сказалась на судьбе музейного фонда КНОИМК. В 1919 г. все коллекции музея КНОИМК, за исключением тех, которые являлись его собственностью, были национализированы и составили основу государственного губернского музея.

Для того чтобы представить разнообразный характер музейного материала, обладателем которого некоторое время было КНОИМК, следует несколько слов сказать о музейной коллекции ученой архивной комиссии. В результате более чем 30-летней работы архивной комиссии в ее фондах сконцентрировались рукописи XVI–XIX вв. в количестве 25 тыс. экземпляров, 2 тыс. 800 археологических предметов – результат раскопок курганов и городищ, 597 предметов этнографического характера, 450 предметов церковной старины, многочисленная нумизматическая коллекция, а также произведения изобразительного искусства. Библиотека архивной комиссии состояла из собственной ее библиотеки, а также книжных собраний Н.П. Грамматина (2 тыс. 150 книг), Н.Н. Селифонтова (5 тыс. 173 книги) [9].

Интерес для современных историков представляют методы сбора КНОИМК документального материала. В 1912 г. его правление приступило к разработке и распространению пособий и руководств по сбору документов («Этнографической программы», «Программы для собирания произведений народной словесности», «Программы для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка»). В 1914 г. Общество издало «Предварительные указания к изучению Костромской губернии», которые состояли из нескольких разделов. Один из них был посвящен изучению материального и духовного

быта костромского крестьянства. Здесь же давались рекомендации по сбору сведений о народных обычаях крестьян, особенностях религиозного воззрения, нравах, играх, средствах, употребляемых в народной медицине.

Анкеты, руководства и программы рассылались на места в течение нескольких лет, что обеспечивало систематическое поступление ответов. Корреспондентами, как правило, были учителя школ, священники, агрономы, врачи. Корреспонденции положили начало созданию архива КНОИМК. Назовем лишь некоторые материалы, нашедшие в то время место в архиве: В.В. Баскаков – частушки (90 наименований) из Сойкино Нерехтского уезда и Безгачево Костромского уезда; А. Голубев – народные песни (90) из Сальниково и Климово Солигаличского уезда; Н. Любимов – загадки (54), частушки (10) из Славново Костромского уезда; И.Д. Преображенский – частушки (514) из Костромского уезда; Е.Ф. Троицкая – частушки (1210) из Махновской волости Юрьевецкого уезда; К.П. Завойко – частушки (317) из Спириной волости Ветлужского уезда, его собственные рукописи «Временные жилища крестьян Костромской губернии» и «В костромских лесах на Ветлуге-реке»; М.М. Зимин – загадки (21), частушки (247) из Ковернинской и Скоробогатовской волостей Макарьевского уезда; Л.А. Парийский – письма В.Г. Короленко; Г.Г. Еремин – собственная рукопись «Грозы. Наблюдения гроз в г. Костроме в период с 1915 по 1918»; Н.В. Марин – рукопись первой половины XIX в. из Болсунского архива усадьбы «Погорь» Солигаличского уезда; Д. Павлов – собственная рукопись «Экономическая сторона мисковского хмелеводства» (с. Мисково Костромского уезда); Д.П. Дементьев – запись обрядов из с. Петушиха Варнавинского уезда.

Как видно, география присылаемых записей, рукописей и старинных документов была весьма широка – от губернского центра до самых окраин губернии. Присылаемый материал отличался разнообразием и по тематике.

Изменившиеся политические условия в результате революционных событий октября 1917 года повлияли на состояние науки в регионах. Стремясь решить крупномасштабные задачи в сфере культуры и экономики, новая власть достаточно высоко оценивала потенциал краеведения, как одно из направлений исследовательской работы в регионах.

В стране ощущался недостаток квалифицированных работников. В отчете Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОН) за 1921–1923 годы признавалось, что «новая Советская Россия обладает в 2–3 раза меньшим запасом научных сил, чем имела Россия самодержавная» [8]. Главными причинами назывались эмиграция части ученых, приостановка подготовки научных работников и их тяжелое материальное состояние.

Несмотря на непростую политическую и экономическую ситуацию в стране, деятельность большинства научных обществ не прекращалась. Адаптивность их оказалась выше, нежели государственных учреждений, в силу самой сущности этих общественных объединений, созданных на демократической основе, на основе научного интереса, а не служебной и формальной обязанности. Более того, в декабре 1912 года в Москве состоялась Всероссийская краеведческая конференция, на которой А.В. Луначарский высказал идею планомерности краеведческой работы, так как «наша гигантская необъятная страна была плохо изучена и теперь мало известна ее подлинному хозяину, трудовому народу. Нужно эту работу поставить как можно тщательнее во всех областях...» [4, оп. 2. Д. 33. Л. 37]. По его словам, исследовательскую работу в регионах «могут выполнить на девять десятых местные научные общества краеведения» [4, оп. 2. Д. 33. Л. 1].

Еще до конференции, в Наркомпросе РСФСР утверждали, что развитие научной деятельности «особенно сильно проявилось в провинции, где, начиная с 1918 года, возникает целый ряд научных и научно-художественных обществ и учреждений... Нет почти губернии, где бы не возникало такого общества или учреждения, иногда с целым рядом уездных отделений» [4, оп. 2. Д. 27. Л. 14].

Схожая ситуация наблюдалась и в Костромской губернии, где одним из показателей популярности краеведения стал количественный рост участников КНОИМК. За период 1917 – первая половина 1918 года численность Общества возросла с 364 человек до 441 человека, а в 1928 году достигла 787. По признанию Центрального Бюро Краеведения, КНОИМК являлось наиболее значительным краеведческим объединением в России как по количественному составу, так и по объему выполненных работ [3, оп. 5. Д. 2. Л. 29]. На особую роль организации краеведческого движения в губернии претендовали съезды и конференции. Один из таких форумов состоялся в Галиче 15–17 июня 1924 года с участием представителей почти всех уездов Костромской губернии. Многие доклады имели практическое значение для экономики региона [17]. Научные вопросы обсуждались и на общих собраниях КНОИМК с заслушиванием и обсуждением на них докладов [14].

После революционных событий 1917 года именно Общество первым высказало озабоченность по поводу критического состояния объектов культуры и истории в губернии. А когда возникла система государственных органов, опытные специалисты и знатоки из Общества приняли участие в работе.

Началась работа и по сохранению сооружений мемориального значения. Предприняли первые шаги по сбережению литературного мемориала «Щельково», где долгое время жил и работал драматург А.Н. Островский. Взяли на государствен-

ный учет такие видные памятники гражданской архитектуры в Костроме, как «Пожарная каланча», «Гауптвахта», «Дом сенатора Борщева».

Многие городские сооружения историко-культурного значения требовали реставрации. Созданная из сотрудников КНОИМК экспертная комиссия после осмотра «Гауптвахты» потребовала ее ремонта. Тогда провели элементарные реставрационные работы, укрепили поврежденные временем и погодой части лепных украшений.

Объектом внимания стали и бывшие дворянские усадьбы, архитектура которых свидетельствовала о мастерстве зодчих, а предметы быта бывших владельцев представляли ценность для музеев.

Дело в том, что после октября 1917 года усадьбы оказались в двойственном положении. С одной стороны, они являлись своеобразным очагом культуры в провинции, с другой – обладали характерными признаками дворянского прошлого. Потому и отношение к имениям дворян, рассыпанным по уездам и волостям, у нового режима было противоречивым. Действенной мерой контроля над имениями и частными домами явилась выдача «охранных грамот», что помогло сберечь многие коллекции картин, скульптур, библиотек, архивов, да и сами здания. Но было много случаев – прямо противоположных, когда имущество прежних владельцев уничтожалось, при этом гибли рукописи, библиотеки, горели особняки. Ненависть к «прежним хозяевам жизни» перенеслась на все, что их окружало.

Такое состояние памятников прошлого, конечно, не могло не вызвать чувства тревоги и опасения за их судьбу у образованных людей из провинции.

Факты невежественного отношения к архитектуре прошлого встречались в России повсеместно. В Костроме некоторые здания бывшего Ипатьевского монастыря были отданы под жилье и разбиты на многочисленные квартиры. Много усилий потребовалось со стороны краеведческой общественности добиться отмены решений городских властей оборудовать здание «Гауптвахты» в центре города под пивную, строительства элеватора на месте памятника XVII века церкви Воскресения на Дебре, пристройке к собору в Галиче деревянной школы, нарушающей архитектурные особенности памятника XVIII века. Краеведам из Галича удалось отстоять каменную ограду древнего Паисиева монастыря, предназначенную на снос для строительного материала. По настоянию общественности сохранили городской исторический вал, на месте которого намечалось строительство городского сада.

Но чаще всего мнение общественности не принимали во внимание, так как вопрос о существовании того или иного объекта решался в узком бюрократическом кругу.

На рубеже 1920-х – 1930-х годов большинство краеведческих обществ в СССР было закрыто, а их члены подверглись репрессиям. Дело сбережения

национального историко-культурного наследия потеряло в лице краеведческого движения действительную общественную силу.

По итогам съезда значение многих архитектурных памятников было пересмотрено: из 10 тыс. к 1930 году в список подлежащих государственной охране вошли лишь 3 тыс. памятников [16, с. 36]. После съезда в 1931 году число памятников сократилось еще более чем на половину и составило 1 тыс. 200 [16, с. 57].

Страну охватила волна разрушений. Ильинская церковь, закрытая в 1929 году, стала одной из первых жертв в Костроме. В декабре церковные ценности вывезли в антирелигиозный музей, а двухсотпудовый колокол сбросили на землю. Завершили дело рабочие горкомхоза, расколовшие его сорокапудовой «бабой». В следующем году основное здание церкви разобрали на кирпич.

В 1930-х в Костроме были разрушены православные храмы: Успенский собор, церкви Ильинская, Знаменская, Троицкая, Салтыковская, Всехвятская, Святых Бориса и Глеба и др. Постановление о закрытии церкви Бориса и Глеба горсовет вынес в ноябре 1934 года «по ходатайству студентов Текстильного института», а горкомхоз приступил к разборке сооружения в октябре 1935. При этом предполагалось получить 700 кубометров камня и 2 тыс. штук кирпича [5].

Готической архитектурой отличалась костромская лютеранская кирха, построенная в 60-х годах XIX века. Сегодня о ней напоминает лишь переделанное в спортивный зал сооружение. Община же прекратила свое существование до разрушения кирхи, вероятно, в начале 1920-х годов. Последним пастором был Леонард Кенигсфельд. В 1923 году он эмигрировал в Германию, а в 1945 умер в Потсдаме.

Составной частью работы КНОИМК было сохранение документальных материалов. С 1918 года в каждой губернии создавался свой Центральный архив из различных архивов, разбросанных в губернском центре, уездах и волостях. В Костромской губернии государственные архивные фонды были организованы в 1919 году, и к этой работе удалось привлечь деятелей КНОИМК. По сообщению В.И. Смирнова, в архив КНОИМК еще до учреждения государственного архива «поступила масса отдельных документов XIV–XX веков, авторских рукописей и др. И, наконец, поступили целые архивы – вотчинные, различных учреждений и отдельных лиц, собрания писем и прочее. Особенно крупными были архивные поступления в 1917–1918 гг., когда опасность уничтожения архивов заставила Общество принять усиленные меры к их спасению. Было организовано несколько поездок в уезды, в самой Костроме ряд архивов был взят на учет, другие перевезены в более надежные помещения» [11].

На местах часто не способствовали сбору документов из-за неправильного представления о них, как о ненужном материале. Многие архивы просто уничтожались или расхищались. Сгорели брошенные на произвол судьбы архивы земской управы в Буге. В Чухломе папки с бумагами дореволюционных учреждений валялись на чердаках, а дела полиции выбросили на конюшню. Не удалось спасти рукописи из имения помещиков Базилевских, архив земского начальника Овсова из усадьбы Привольное Варнавинского уезда и архив из усадьбы Вознесенских Галичского уезда. А между тем, в фамильных архивах хранились ценные исторические источники. Их необходимо было сохранить и перевезти в специальные помещения, а для этого направить в отдаленные места уполномоченных или даже целую экспедицию.

После изучения архивных материалов публиковались научные труды. В своем письме в Кострому видный государственный деятель В.Д. Бонч-Бруевич сообщал о большом интересе российских ученых к печатным материалам костромичей, рекомендовал шире распространять их «труды» по другим городам России [3, оп. 1. Д. 21. Л. 60].

В общей сложности за 1914–1930 гг. КНОИМК издало 74 сборника статей, 25 из них – отделениями и филиалами в уездах. Подавляющее большинство «трудов» (66) увидело свет в 1920-х годах.

С КНОИМК была тесно связана и музейная деятельность в губернии. Собираемый краеведами материал служил основой для открытия музеев, и в то же время музеи часто становились инициаторами краеведческой работы. Само содержание КНОИМК предполагало создание музейных хранилищ и комплектование их материалом краеведческого свойства. В 1918 году Костромской губисполком просил КНОИМК помочь в организации коллегии по делам музеев и архива памятников старины. И тогда в ее состав вошли видные деятели КНОИМК: Е.Ф. Дюбюк, Н.Н. Виноградов, А.И. Черницын. Первоочередной задачей стала регистрация и спасение предметов искусства из быв-

ших имений помещиков. По этому поводу руководитель КНОИМК В.И. Смирнов говорил: «Почти несомненно, что в каждом уезде губернии имеются усадьбы, представлявшие если не исторический, то художественный интерес. Государственные органы, не имея средств к сколько-нибудь широкому обследованию памятников искусства и старины, принуждены рассчитывать только на интерес к делу местных культурных работников» [3, оп. 4. Д. 4. Л. 86].

С 1912 по 1927 год КНОИМК осуществило 43 экспедиции за сбором музейного материала. Археолог и этнограф А.А. Спицин, высоко оценивая работу костромичей в этом направлении, отмечал: «В Костроме это дело давнишнее, давшее хорошие результаты. Там уже умеют по телегам, саням, дугам, частям одежды узнавать, из какого уезда крестьянин приехал в город. Там уже не только собраны материалы, но и изданы или подготовлены монографии» [6].

Губернский краеведческий музей был учрежден в 1919 году, и большинство его экспонатов составили коллекции ученой архивной комиссии и КНОИМК. С 1921 по 1927 год в губернии открылись еще 4 музея – в Больших Солях (1921), Галиче (1922), Кологриве (1925), Нерехте (1926). Вплоть до середины 1920-х годов в музейной практике не было такого понятия, как «краеведческий музей», а потому все провинциальные музеи назывались «местными». Но уже с 1918 года была популярной мысль о том, что музеи на местах должны быть обязательно краеведческими, то есть показывать через свои экспонаты своеобразие окружающей историко-культурной и природной среды. По этому поводу В.И. Смирнов рассуждал так: «Какой же тип – специальный или смешанный – должны иметь местный характер. Так как его назначение – дать общую и полную характеристику края или области.

Провинция не может позволить роскошь устроить с исчерпывающей полнотой несколько музеев, например, музей географический, ботанический и т.д. План музея местного края в общих чертах

Таблица 1

Структура Костромского губернского музея

Наименование отделов	Количество экспонатов, шт.
Естественно-исторический	1343
Доисторический	36878
Этнографический	2618
Кустарный	1650
Древнерусского искусства	2393
Художественный	271
Историко-революционный	500
Историко-бытовой	1482
Оружейный	614
Нумизматический	1482
Промышленно-экономический	1522
Фонды	1389
Итого в 12 отделах:	52142

рисует в следующем виде: 1) естественно-исторический отдел; 2) историко-гуманитарный отдел (этнография, археология, история, промыслы); 3) библиотека и архив» [2, оп. 1. Д. 92. Л. 2].

В результате происходили качественные изменения в содержании музейных собраний, что отражалось на структуре музейных экспозиций. Уездные музеи становились в настоящем смысле этого слова краеведческими учреждениями. Краеведческую направленность приобрел и губернский музей в Костроме, о чем свидетельствует структура отделов, приведенная в таблице.

Как видно, большинство отделов губернского музея состояло из предметов, характеризующих особенности костромского края. Исключением были лишь оружейный и нумизматический отделы, экспонаты которых поступили из бывших помещичьих усадеб и к костромскому краю имели косвенное отношение.

КНОИМК развивалось в общем русле краеведческого движения в СССР, а потому не избежало присущих для этого движения трудностей. Уже в середине 1920-х годов появились признаки ограничения творческой инициативы. Попытки изменить тематику краеведческих исследований для «увязки» их с хозяйственным строительством обнаружили на II Всесоюзной краеведческой конференции в 1924 году. На III конференции в 1927 в соответствии с постановлениями правительства эти требования приобрели уже решительный характер. Тогда и произошла смена руководства краеведческим движением. Председателем ЦБК стал П.Г. Смилович, имевший большой партийный стаж и опыт государственной работы. Бывший же председатель академик С.Ф. Ольденбург, как и многие другие представители старшего поколения ученых, краеведческое движение понимали как широкую общественную деятельность с целью развития культуры и научного миропонимания у населения, а не только как способ разрешения народнохозяйственных проблем.

Вопрос о том, по какому пути пойдет краеведческое движение дальше, конечно, не был безразличен и рядовым краеведам. Член Солигаличского отделения КНОИМК В.Г. Розепин в статье «Недоуменные вопросы провинциала», опубликованной в журнале «Краеведение», выразил сомнение в правильности введения в научный словарный обиход новых понятий: «Предлагаются центром новые термины “советское краеведение”, “производственное краеведение”. Такое упорное стремление приставить к “краеведению” какое-либо прилагательное с целью изменить, конечно, теперешнюю сущность краеведческой работы, над практическими работниками на местах, непонятно.

Какой же практический смысл имеет приставка к краеведению слов “советское” и “производственное”?

Если сторонники, приставляя к слову “советское”, хотят этим отмежеваться от дооктябрьского краеведения, так на тринадцатом году Октября, пропитавшую Россию до самых глухих ее мест советской идеологией, называть отдельно какую-либо часть общественной работы “советской” как будто излишне».

Неприемлемым В.Г. Розепин считает и слово «производственное»: «Сторонники этой приставки, насколько нам на местах известно, имеют в виду, чтобы занятия в краеведении математикой, астрономией, археологией и т.п. дисциплинам непременно было бы связано с решением практических, хозяйственных вопросов жизни края. А еще лучше, чтобы краеведы вместо указанных дисциплин занялись бы изучением непосредственно производства и, главным образом, экономики его, как исходного момента, и самих наук. Но такое требование к нам суживает размах краеведческого движения и выбрасывает из орбиты краеведней работы людей с иными субъективными установками» [23].

Идеологическое наступление на краеведческое движение шло параллельно с изменениями в общей партийно-государственной политике. В 1927 году официально была провозглашена культурная революция с привнесенной идеей классово-борьбы. Краеведение стало обвиняться в пропаганде буржуазных идей, но особенно его историко-культурное направление. После сфабрикованного дела о якобы контрреволюционной организации столичных ученых-историков во главе с С.Ф. Платоновым и М.М. Богословским последовали репрессии и в отношении краеведческих организаций в провинции. Время с IV Всероссийской краеведческой конференции (март 1930 г.) до X пленума ЦБК (25–28 января 1931 г.) стало периодом «напряженной работы по ликвидации старых обществ» [15]. Впрочем, эта работа началась уже в 1929 году, а в 1930 г. была прекращена деятельность КНОИМК.

Вот выписка из обвинительного заключения следственного дела по КНОИМК в январе 1931 года. Это документ – один из множества других похожих. Он говорит сам за себя и в комментариях не нуждается.

«...Вскрыта и ликвидирована в г. Костроме группа интеллигенции, практически осуществляющая свою к/р деятельность под флагом научного общества и музея. Будучи связанной через руководителя группы В.И. Смирнова с к/р центром в Ленинградском ЦБК, от последнего группа пользовалась идеологическим руководством, получившим преломление:

1. В сознательном отмежевании научно-краеведческой работы от интересов советской общественности.

2. Вредительстве в издательской работе, выразившемся в форме издания идеологически вредных а/с трудов.

3. Вредительство в музейной работе в виде захламления музея ненужными предметами, покупки безделушек, не имеющих исторического значения, под видом исторических, сохранения отделов дворянского быта и церковного отдела, признанных впоследствии идеологически вредными, в приеме монархической литературы, сохранении и укрытии ее от уничтожения.

4. Бесценные археологические раскопки с собиранием десятков тысяч черепков при крупных денежных затратах.

5. Организация постановки публичных а/с характера докладов.

6. Воспитание молодняка КНО, работающего при биологической станции в идеологически вредном духе.

7. А/с агитация, распространение провокационных слухов и пр.» [10].

Библиографический список

1. ГАКО. – Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-550.
3. ГАКО. Ф. Р-838.
4. ГАРФ. Ф. А-2307.
5. Костромские ведомости. – 1991. – 27 февраля.
6. Краеведение. – 1928. – № 9. – С. 529.
7. Краеведение. – 1929. – № 9. – С. 550–551.

8. Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927. – М.: Советская Россия, 1984. – Т. I. – Ч. 2. Документы и материалы.

9. Материалы КНОИМК из фондов Костромского историко-архитектурного музея-заповедника (далее – КИАМЗ).

10. Муренин Н. Совмещение // Северная правда. – 1989. – 29 октября.

11. Отчет о деятельности КНОИМК за 1922 год. – Кострома, 1923. – С. 26–27.

12. Отчет о деятельности КНОИМК за 1912 год. – Кострома, 1913. – С. 4.

13. Отчет о деятельности КНОИМК за 1933 год. – Кострома, 1923. – С. 28.

14. Подсчитано на основании «Отчетов» о деятельности КНОИМК за 1917–1928 годы.

15. Советское краеведение. – 1932. – № 1. – С. 7–8.

16. Советский музей. – 1932. – № 6.

17. Степанский А.Д. Научные общества и съезды России XIX–XX вв. и литература вопроса // Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры: сб. статей АН СССР. Ин-т истории. – М., 1985.

18. Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. – Кострома: Изд-во Костр. технол. ин-та, 1995. – 214 с.

Дмитриев Игорь Владимирович

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

Брагина Зинаида Васильевна

доктор технических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

bragzv@yandex.ru

РЕСУРСЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗАЩИТОЙ НАСЕЛЕНИЯ И ОБЪЕКТОВ ЭКОНОМИКИ ОТ ПОЖАРОВ

В статье рассмотрена возможность многомерного статистического анализа как важнейшего ресурса эффективного управления защитой населения и объектов экономики от пожаров.

Ключевые слова: управление, ресурсы управления, управленческие решения, методы подготовки управленческих решений, индикативные показатели, защита населения и объектов экономики от пожаров.

Традиционно процесс управления сводят к принятию решений. Процесс принятия решений – это сбор информации, обработка информации, анализ информации, подготовка и принятие решений, контроль над его исполнением. Такой контур принятия решений, казалось бы, традиционно воспроизводится процессом управления. Однако это не совсем так, ибо любой из имеющихся элементов состоит из каких-либо составляющих и требует определенного инструментария, анализа. В настоящее время изучены и формализованы этапы сбора информации и контроля над исполнением решений. А основную сложность представляют этапы анализа информации и подготовки решения.

Рассмотрим ситуацию более детально. Что же такое сбор информации, что такое подготовка решения? Ответ на этот вопрос будем искать с позиции того, что на каждом из этих этапов возникают определенные управленческие задачи. Например, сбор информации означает контроль ее качества (т.е. ее содержания, смысла), более того, получение информации означает защиту от явного или не явного ее искажения, отклонения от объективной характеристики ситуации. На этапе подготовки решения требуется определенный набор такого инструментария, который позволит это сделать, например, знания, опыт, способности, навыки применения тех или иных аналогов для решения, знание различных методов принятия решения и т.д. Поэтому ресурс управления – ресурс, который включает в себя не только составляющие процесса принятия решения, но и информационное, и технические обеспечение его, персонал, методы подготовки решения, умения и знания применительно к совокупности объектов управления, и эта совокупность нами идентифицируется как ресурсы управления.

По сути, управленческая деятельность есть процесс формализации представления об объективной реальности как последовательность отличий. Принято считать, что эффективные управленческие

решения сотрудники организации способны принимать на основе только своего опыта и интуиции. Смеем утверждать, что еще большим потенциалом глубоко анализа состояния проблемы обладают методы многомерного статистического анализа. Их относят к искусственному интеллекту.

Элементарным оператором (атомом, элементарной клеточкой, разрешенной управленческой проблемы) является исчисление отличий состояния процесса или предмета управленческого воздействия. Таким базовым вычислительным оператором является, например, евклидово расстояние (Е). В зависимости от смысла проблемы, целей, которые стоят перед специалистом при решении управленческой проблемы, разработаны различные вычислительные процедуры оценки сходства и отличия параметров объекта (или параметров состояния управленческой проблемы). В общем случае, понятию однородности объектов соответствует способ (задание правила) вычисления величины, характеризующей отличие или степень близости (сходства) тех же объектов. Алгоритмы таких вычислений широко представлены в работах по прикладной математике [1]. Для подготовки управленческих решений удобно ими пользоваться. Методы многомерного статистического анализа предлагают (включают в себя) целые комплексы операторов, обеспечивающих построение разных комбинаций параметров объектов (т.е. видения состояния и динамики изменения управленческих проблем), имеющих сходство или различие по всему набору параметров, характеризующих поведение объекта или развитие ситуации.

Рассмотрим ситуацию состояния защищенности населения и объектов экономики от пожаров. Пожарная безопасность является одной из составляющих обеспечения национальной безопасности страны. Обеспечение требуемого уровня пожарной безопасности на объектах защиты создает условия для поддержания высокого уровня социально-экономического развития Российской Федерации. По-

жары наносят значительный материальный ущерб во всех отраслях народного хозяйства, приводят к травматизму и гибели людей.

В Российской Федерации в 2011 году зафиксировано 168,2 тыс. пожаров, в результате которых погибли 11963 человека, травмировано 12425 человек, общие потери составили более 100 млрд. рублей (прямой материальный ущерб составил 16,9 млрд. рублей). Огнем было уничтожено более 1,87 млн. кв. метров жилья. По-прежнему большая доля пожаров приходится на жилой сектор (71%). Подразделениями пожарной охраны спасено более 86,5 тыс. человек и материальных ценностей на сумму свыше 43,6 млрд. рублей.

Однако, несмотря на достигнутые успехи в области пожарной безопасности, продолжают оставаться нерешенными некоторые проблемы. Наиболее важными и очевидными проблемами пожарной безопасности остаются недостаточная эффективность действий подразделений пожарной охраны различных видов и повышение эффективности превентивных противопожарных мероприятий и мер, принимаемых гражданами и собственниками объектов для охраны имущества от пожара. Очевидно, что время решения этих проблем зависит от возможностей государственного бюджета их финансировать.

При непростом положении государственного бюджета России нам бы хотелось выполнить все необходимые мероприятия, причем сразу. Но при ограниченных ресурсах процесс пойдет медленно и точно. Хотелось бы, чтобы последовательность «этих точек обеспечения защищенности» была объективной, т.е. соответствовала бы исполнению важнейшей суверенной функции государства: качественное повышение уровня защищенности населения и объектов экономики от пожаров во всех регионах России. Задача поставлена, причем речь идет о «всех регионах России». При ограниченных бюджетных ресурсах обеспечить бы защищенность уж если не одним уровне, то хотя бы на близком, мало отличающемся от высокого. Но как эту задачу решить?

Важнейшие государственные решения принимают люди. Подготовку решений ведут специалисты-консультанты или специалисты-чиновники. У каждого из них наряду с профессиональными знаниями есть свои субъективные, личные интересы, переплавляющиеся в коррупционные связи. И решения под влиянием уже коррупционных интересов получают дезориентированными. А надо бы подготовку решений объективизировать. Решение должен принимать человек, он должен нести ответственность за его выполнение, а вот подготовку решения должен и может делать беспристрастный искусственный интеллект.

Чтобы подготовленное решение было наиболее объективным, рабочее место специалиста (чинов-

ника) должно быть вмонтировано в единое информационное пространство Федеральной пожарной службы, содержащее наиболее полную информацию о состоянии защищенности населения и объектов экономики от пожаров, на которую распространяются полномочия специалиста. Мы привыкли к калькулятору. Мы утратили навык умножения или деления цифр или извлечение корня из числа. Зато владеем новым навыком: знаем, какие клавиши надо нажать для получения результата. Что в этом хорошего? Мы не вникаем в технологию процесса вычисления, мы верим, что устройство это сделает быстрее и лучше нас. То же самое должно произойти с оснащением рабочего места. Специалист (здесь имеется в виду не специалист-пользователь, а специалист-создатель автоматизированного рабочего места), понимая проблему, фиксирует пространство условий, влияющих на ее решение. Персональный компьютер, оснащенный унифицированным программным обеспечением, используя информацию из единого информационного пространства, по команде – заданию специалиста-пользователя готовит версию решения. Вот эта часть работы публична. Эта работа публична потому, что ввод данных в базу систематически (не одноразово) выполняют сотрудники территориальных и объектовых региональных и органов статистики, налоговых инспекций, регистрационных палат и др. служб и организаций. Специалист «имеет доступ» к сегменту информационной базы. Точнее, доступ имеет даже не специалист, а программный продукт, который воспроизводит конкретную сферу его профессиональной деятельности. Проект решения формируется программным продуктом, при создании которого были учтены все тонкости моделируемого процесса. Есть основания считать, что результат, т.е. проект решения будет наиболее объективным. Во всяком случае, наиболее объективный проект решения будет, и он должен быть представлен для обсуждения и учтен при принятии решения. Тогда ограниченные ресурсы на защиту населения и экономики от пожаров в России будут активнее способствовать исполнению важнейшей суверенной функции государства – поддерживать уровень качества жизни населения во всех регионах России.

Чтобы наши утверждения не выглядели лозунгами или добрыми пожеланиями, вернемся к методам многомерного статистического анализа. Мы уже отмечали: эти методы позволяют определять не только отличие объектов по всему набору признаков, характеризующих состояние, но и их сходство (взаимозависимость, коррелированность).

С точки зрения системного подхода ФПС является сложной социально-экономической системой, при этом в ней выделяются различные функциональные подсистемы, свойственные каждому уровню ее иерархической структуры. Региональная подсистема ФПС представляет собой тоже иерархичес-

кую совокупность подсистем различного уровня. Классическая декомпозиция комплексной ФПС на подсистемы выделяет такие подсистемы, как:

Региональная служба предупреждения и ликвидации пожарной опасности, включающая в себя подсистему государственных органов и добровольных общественных объединений;

Муниципальная служба предупреждения и ликвидации пожарной опасности на своем уровне имеет структуру аналогичную региональной.

Объектовые службы предупреждения и ликвидации пожарной опасности, в которых выделяются: государственные органы и организации, добровольные объединения и частные организации.

Выделяемые таким образом подсистемы имеют между собой сложную систему связей и взаимодействий. Большое количество сложных взаимосвязей и трудность в их количественном моделировании обуславливают необходимость выделения характеризующих их показателей на основе методов, изначально отталкивающихся от наличных эконометрических связей между показателями. Одним из таких методов является метод факторного анализа, позволяющий производить декомпозицию комплексной социально-экономической системы на подсистемы, содержащие статистически связанные показатели и способные быть смоделированными за счет одного факторного значения и малого набора индикативных показателей подсистемы.

Преимущество модели также состоит в том, что выявленные факторы при значительно меньшем их количестве, чем количество исходных социально-экономических показателей, содержат порядка 80–90% информации об общем наборе показателей. Т.е. вместо 65 показателей состояния защищенности населения региона от пожарной опасности можно перейти к 10–15 факторам, позволяющим без существенной потери точности и информативности описывать и анализировать подсистемы и процессы регионального развития. Каждый фактор в «сжатом» виде содержит информацию о группе социально-экономических и технико-технологических показателей. В один фактор объединяются показатели, которые имеют между собой статистические или причинные связи.

В модели факторного анализа предполагается, что каждый показатель состояния защищенности населения региона от пожарной опасности z_j представляется как линейная комбинация латентных величин (факторов) $F_1 \dots F_m$:

$$z_j = a_{j1}F_1 + a_{j2}F_2 + \dots + a_{jm}F_m + \epsilon_j \quad (j=1, 2, \dots, n), \quad (1)$$

где F_i – значение i -ой латентной величины (фактора); a_{ji} – вес латентной величины (фактора) в показателе; m – количество латентных величин (факторов); n – количество показателей; ϵ_j – статистическая погрешность.

В результате проведения факторного анализа возможно определить состав актуальных средств

предупреждения пожарной опасности, представленных показателями, отражающими их состояние. По существу комплекс этих средств призван концентрировать ресурсы и усилия на разработке и внедрении технических и организационных мероприятий по эффективному формированию инфраструктуры обеспечения пожарной безопасности и культуры пожаробезопасного поведения населения. А это, в свою очередь, обеспечит оптимизацию финансовых и материальных ресурсов федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и организаций, направляемых на решение проблем в области предупреждения пожарной опасности. Вместе с тем, результат факторного анализа можно рассматривать как систему подготовки и поддержки решений (СППР) для обеспечения пожарной безопасности населения и социально значимых объектов с массовым пребыванием людей. Использование этого метода в практической деятельности подразделений федеральной пожарной службы (ФПС) обеспечит реализацию на практике стратегических задач, обозначенных в федеральной целевой программе «Пожарная безопасность в Российской Федерации на период до 2017 года» [2].

Преимуществом выделения актуальных средств предупреждения пожарной опасности, выраженных показателями, отражающими их состояние, является то, что все исходное множество показателей, описывающее подсистему, можно выразить через значение индикативных показателей, используя регрессионные уравнения. А также то, что набор индикативных показателей содержит в себе, при небольшом их количестве, порядка 80% общей информативности о состоянии защищенности населения региона от пожарной опасности. Выделенные индикативные показатели позволяют определить взаимосвязь различных средств предупреждения пожарной опасности на исследуемом наборе регионов.

Обоснованный таким образом комплекс актуальных средств поможет решить две задачи: сориентировать на целесообразные направления тактической и оперативной деятельности по предупреждению пожарной опасности для жизнедеятельности населения и служить обоснованием математического инструментария диагностики состояния пожарной опасности. Эту логику мы использовали для исследования состояния защищенности населения от пожарной опасности. Исследование проводилось по данным за 2012 г. по 82 субъектам РФ, 69 показателям, характеризующим состояние защищенности населения и объектов экономики от пожарной опасности.

На первом этапе проводился факторный анализ для группировки показателей и выявления основных подсистем состояния защищенности от пожарной опасности в регионе и выявления ключевых

показателей, могущих стать индикативными показателями защищенности. Перед проведением анализа данные были приведены к нормированному виду. Процедура нормировки осуществлялась следующим образом:

Пусть $x_1...x_n$ – исходный набор значений показателя, $1...n$ – номера сравниваемых регионов.

По набору значений $x_1...x_n$ вычисляется их среднее \bar{x} и среднее квадратическое отклонение σ_x .

Дальнейшее преобразование происходит по формуле (2).

$$x_i \rightarrow x'_i = \frac{x_i - \bar{x}}{\sigma_x} \quad (2)$$

Получившийся набор значений $x'_1...x'_n$ будет повторять закономерности разброса исходных значений показателя, но при этом иметь среднее значение ноль и среднее квадратическое отклонение единицу. Эта процедура позволит привести значения всех показателей к одному масштабу и избавит от размерностей. Нормировка, сохраняя общий разброс по каждому показателю, делает все показатели равнозначными при анализе и фактически приписывает им одинаковые «веса», т.к. в противном случае, без перехода к нормированным данным, показатели, имеющие большие значения, давали бы больший вклад в общую изменчивость и доминировали при кластеризации и анализе над

переменными с «маленькими» значениями. Как уже было показано, данный метод представляет собой уравнения множественной регрессии нормированных значений исходных переменных на построенные (вычисленные) факторные переменные. Метод факторного анализа находит числовые значения факторов для каждого региона по каждому из временных срезов. Т.е. происходит переход от набора x к набору F для каждого из регионов.

В результате факторного анализа массива данных, характеризующих защищенность населения в регионах России, было выделено 13 факторов, общей объясняющей способностью 80 %. В таблице 1 представлен фрагмент результатов факторного анализа.

Опираясь на данные таблицы 1, можно утверждать, что наибольшие региональные различия состояния защищенности населения от пожарной опасности сосредоточены в средствах предупреждения пожарной опасности, представленных значениями показателей первого фактора, который объясняет 24% дисперсии. Это означает, что показатели, которые вошли в этот фактор, характеризуются высокой разбросанностью, неравномерностью, изменчивостью по обеспечению пожарной безопасности по субъектам РФ. В данном случае фактор 1 представляет собой «бифуркационное ядро», то есть комплекс показателей, демонстрирующий те аспекты деятельности региональных отделений ФПС, которые наиболее актуальны для

Таблица 1
Содержательная интерпретация результатов факторного анализа (фрагмент)

Смысл фактора и изменчивость (разброс) показателей, которые он объединяет	Актуальные средства предупреждения пожарной опасности, представленные показателями, отражающими их состояние	Факторная нагрузка
Активность добровольных пожарных объединений и обеспеченность их техникой; 24%	1. Количество переданных в подразделения ДПО из субъектов РФ АРС-14	0,96
	2. Наличие техники для территориальных ДПК АРС-14 и АРС -15	0,95
	3. Количество переоборудованных АРС-14 и АРС-15	0,92
	4. Наличие приспособлений для территориальных ДПК	0,78
	5. Количество подразделений в которых организовано круглосуточное дежурство добровольцев	0,59
	6. Количество пожарных ДЕПО	0,55
	7. Наличие пожарных автомобилей в территориальных ДПК	0,51
	8. Обучено по программам подготовки водителей ДПК	0,44
Профилактика пожаров; 3,3%	1. Личный состав ДОП, осуществляющих профилактику пожаров, чел	0,8
	2. Обучено по программам подготовки пожарных ДПД, чел.	0,6
	3. Объектовые ДПД, ед.	0,43
	4. Количество общественных объединений ПО, внесенных в реестр общественных объединений	0,42
Обеспеченность кадрами в ДПО; 10%	1. Неукомплектованность кадрами работников региональных отделений ФПС	0,84
	2. Количество подразделений ДПО, созданных в учебных заведениях высшего и среднего профессионального образования	0,83
	3. Объектовые ДПД	0,77
	4. Подлежат направлению на обучение	0,75
	5. Территориальные подразделения ФПС, сотрудники по списку	0,74
	6. Обучено по программам подготовки пожарных ДПД	0,42

достижения цели, поставленной Федеральной целевой программой «Пожарная безопасность в РФ на период до 2017 года» (Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 1481) [3]. Направления деятельности, выраженные этими показателями, по регионам России наиболее сильно различаются. Рассматривая средства предупреждения пожарной опасности, включенные в этот фактор, мы видим доминирующую роль социальной активности населения: количество подразделений, в которых организовано круглосуточное дежурство добровольцев; обучено по программам подготовки водителей ДПК и их техническое оснащение; наличие пожарных автомобилей в территориальных ДПК; количество переданных в подразделения ДПО из субъектов РФ АРС-14; наличие техники для территориальных ДПК АРС-14 и АРС-15; количество переоборудованных АРС-14 и АРС-15; наличие приспособлений для территориальных ДПК.

Для повышения защищенности населения от пожарной опасности необходимы тактические и оперативные меры по организации социальной активности населения, т.е. созданию разных форм общественных организаций, которые видят свою роль в обеспечении пожарной безопасности и их техническому оснащению.

Несколько ровнее в регионах РФ положение дел с обеспеченностью кадрами в ДПО. Разброс значений показателей формирует 10% накопленной дисперсии. Этот фактор включает в себя показатели как прямо, так и косвенно характеризующие

кадровое обеспечение. Актуальной остается проблема обеспечения кадрами работников и сотрудников региональных отделений ФПС и развертывание работ по вовлечению добровольных пожарных через разные формы общественных организаций. Судя по факторным нагрузкам, можно утверждать: на достижение цели, поставленной в федеральной программе, значительное влияние оказывают такие меры как: создание подразделений ДПО в учебных заведениях высшего и среднего образования (факторная нагрузка 0,83), создание объектов пожарных дружин (0,77), а так же обучение и повышение квалификации кадрового состава ФПС (0,74) и обучение по программам подготовки ДПД (0,42).

В результате факторного анализа состояния защищенности от пожаров самым слабым фактором оказался фактор «профилактика пожаров». Дисперсия составляет 3,3%. Это и не удивительно. Основные силы и средства в ФПС пока сосредоточены на ликвидации пожара. Работа по предупреждению пожарной опасности для населения и субъектов экономики активно ведется на уровне технических мероприятий: разработки и внедрение пожаробезопасных материалов для строительства жилья и производственных объектов, технические средства предупреждения нарушений в электропроводящих сетях, установка средств пожарной сигнализации и т.п. Это важно и дает свои положительные результаты. Но, как показывает наше исследование, не менее важна работа по организации участия населения в предупреждении пожарной опасности.

Таблица 2

Индикативные показатели оценки состояния защищенности населения от пожарной опасности

Название фактора	Индикативные показатели
Активность добровольных пожарных команд и обеспеченность их техникой	1. Количество переданных в подразделения ДПО из субъектов РФ АРС-14 2. Количество подразделений ПО, в которых организовано суточное дежурство добровольцев
Обеспеченность кадрами в ДПО и их численность	3. Неукомплектованность работников региональных отделений ФПС 4. Объектовые ДПД, ед
Развитие ДПО	5. Обучено по программам подготовки руководителей ДПД 6. Количество структурных подразделений общественных учреждений ПО, создавших ДПД
Развитие объектовых ДПК	7. Наличие пожарных автомобилей для объектовых ДПК 8. Объектовые ДПК
Развитие территориальных ДПК	9. Территориальные ДПК 10. Количество общественных объединений ПО, зарегистрированных в территориальных органах Минюста РФ
Численность договорных подразделений	11. Договорные подразделения, сотрудники по списку
Наличие техники для объектовых ДПК	12. Наличие АРС-14 и АРС-15 для объектовых ДПК
Развитие добровольных пожарных дружин	13. Территориальные ДПД, ед
Обучение пожарному делу	14. Обучение по программам подготовки мотористов ДПК
Некомплект территориальных работников	15. Некомплект территориальные работники
Количество пожарных ДЕПО субъекта	16. Количество пожарных ДЕПО
Работа по профилактике пожаров	17. Личный состав ДПО, осуществляющий профилактику пожаров., чел.

Качественная (смысловая) интерпретация факторов, представленная в таблице 1, выполнена на основе значений факторных нагрузок, характеризующих тесноту связи между латентной величиной-фактором и показателями, представляющим средства предупреждения пожарной опасности. Поэтому они могут быть основанием для выбора индикативных показателей. При этом для факторов, дающих больший вклад в общую вариативность выборки, мы выбрали два индикативных показателя для придания большего веса при разработке тактических и оперативных мер совершенствования состояния защищенности населения от пожарной опасности. В таблице 2 приведены эти показатели.

Итак, было выделено 17 индикативных показателей вместо 69. Индикативные показатели содержат в себе порядка 80% общей информативности состояния защищенности населения от пожаров в регионе. По существу, каждый индикативный показатель в «сжатом виде» содержит информацию о состоянии тех средств защиты от пожарной опасности, которые «вошли в фактор», т.е. имеют между собой статистические связи, изменяются как бы

пропорционально друг другу. Определенные таким образом индикативные показатели агрегируют в себе максимальную изменчивость в общем наборе показателей. Они предназначены для экспресс оценки состояния пожарной безопасности, для обоснования распределения ресурсов ФПС и региональных отделений на разработку и осуществление мероприятий по предупреждению пожарной опасности, для установления целевых ориентиров стратегической, тактической и оперативной деятельности по совершенствованию системы предупреждения пожарной опасности населения и субъектов экономики.

Библиографический список

1. Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эконометрики. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 1022 с.
2. Федеральная целевая программа «Пожарная безопасность в РФ на период до 2017 года» (Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 1481) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70192632/>

УДК 338.43

Маньковский Вадим Анатольевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В статье на основе пространственного подхода обосновывается позиция, согласно которой распределение экономических ресурсов в Костромской области могло бы быть более эффективным.

Ключевые слова: агропроизводство, экономические ресурсы, пространственный подход, мезоэкономика.

Важным элементом теоретико-методологического инструментария любого научного исследования является понятийный аппарат. В ходе исследования встал вопрос уточнения таких ключевых дефиниций, как агропромышленный комплекс (АПК), агропродовольственный сектор (АПС), и т. п. В экономической науке не сложилось единой общепринятой трактовки указанных понятий [4; 5; 11; 25]. Проблема состоит также и в нестыковке определений, сформулированных в советской и российской аграрной науке, а также используемых в науке и практике других стран и международных организаций.

В приоритетном национальном проекте «Развитие агропромышленного комплекса» (с 2008 г. преобразован в Государственную программу развития сельского хозяйства) используется термин «агропромышленный комплекс», в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы – «агропродовольственный сектор», а также «отрасль и подотрасль»; в Государственной программе раз-

вития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы – «агропромышленный комплекс (производство)», «продуктовый подкомплекс», «территориальный кластер».

В западной экономической литературе отрасли, связанные с сельским хозяйством, часто называют агробизнесом. Конкретный перечень производств, входящих в состав агробизнеса, не указывается. Первая сфера АПК (производство средств производства для сельского хозяйства) называется восходящим сектором, вторая – сельскохозяйственным производством, третья (закупка, хранение, переработка, реализация сельскохозяйственной продукции и продуктов питания) – нисходящим сектором. В Большом энциклопедическом словаре термин «агробизнес» определяется как сектор рыночной экономики, связанный с процессами сельскохозяйственного производства, хранения, распределения и обработки продуктов. В структурном отношении агробизнес в основном равнозначен агропромышленному комплексу. Крупный аграрник-международник академик РАСХН В.И. Назаренко в своих

исследованиях агробизнеса западных стран использует термины «агропромышленный комплекс», «агропродуктовый подкомплекс», «молочное хозяйство». Под молочным хозяйством понимается совокупность таких основных звеньев, как молочная ферма, система сбора молока, молочная промышленность, оптовая и розничная торговля [27, с. 215].

В США агропромышленный комплекс рассматривается как совокупность четырех отраслей: производства средств производства для сельского хозяйства, самого сельского хозяйства, пищевой промышленности и торговли. В теоретическом плане АПК экономик развитых стран представляет собой современный этап формирования крупных народно-хозяйственных образований, а именно вертикально интегрированных кооперативов, частных и корпоративных систем и государственно-монополистических структур, имеющих одну целевую функцию – поставку продовольствия. Это не исключает борьбу отдельных подразделений АПК за долю в расходах потребителя [28, с. 18–21; 33].

Понятие народно-хозяйственного АПК было сформулировано в СССР в 1960-е гг. в ходе индустриализации сельского хозяйства. АПК – это совокупность сельского хозяйства и органически связанных с ним других отраслей экономики, функционирующих как единое целое [26]. Обычно АПК представляют состоящим из трех сфер: ресурсопроизводящей, собственно сельского хозяйства и отраслей, доводящих сельскохозяйственное сырье до готовых продуктов потребления [8; 24; 30].

Отраслевая структура АПК включает в себя три сферы:

– I сфера: тракторное и сельскохозяйственное машиностроение; машиностроение для легкой и пищевой промышленности; ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин; производство минеральных удобрений и средств химической защиты растений; микробиологическая промышленность; материально-техническое снабжение сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности; мелиорация; сельское и дорожное строительство (внутрихозяйственные дороги); жилищное и культурно-бытовое строительство – подготовка кадров;

– II сфера: отрасли земледелия и животноводства;

– III сфера: пищевая промышленность, включая мясо-молочную, мукомольно-крупяную и комбикормовую; часть легкой промышленности; заготовки; специализированный транспорт [35, с. 49–54].

По мнению А.А. Никонова, в III сферу следует включить всю сферу хранения, в том числе элеваторное, складское, холодильное и тарное хозяйство [32, с. 355]. Позднее В.А. Тихонов дает более подробную отраслевую структуру АПК:

I – отрасли сельского хозяйства;

II – отрасли, производящие средства производства (машиностроение для сельского хозяйства, пищевой, комбикормовой и легкой промышленности), ремонт оборудования в сельском хозяйстве, производство минеральных удобрений и средств защиты растений; комбикормовая и микробиологическая промышленность; сельское строительство, включая мелиоративное и дорожное;

III – отрасли перерабатывающей промышленности, а также легкая промышленность (текстильная, обувная, кожевенно-меховая);

IV – отрасли сферы обращения (заготовки, оптовая и розничная торговля продовольствием, обувью), общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт в части обслуживания сельского хозяйства;

V – производственное обслуживание (транспорт и связь, обслуживание сельского хозяйства, а также мелиоративное и землеустроительное обслуживание), карантинная служба [12, с. 15–17].

В условиях административно-планового хозяйства, несмотря на создание в 1985 г. союзно-республиканского Государственного агропромышленного комитета СССР (Госагропрома СССР), не удалось достаточно эффективно сбалансировать все стадии агропромышленного производства, скоординировать деятельность разнородных, но тесно взаимосвязанных отраслей, составляющих в совокупности АПК СССР. Резкая смена общественного строя и распад СССР в 90-х гг. XX в. привели к разрыву межотраслевых и территориальных связей в рамках пусть несовершенного, но функционирующего национального АПК.

По мнению С.А. Чаркина, «АПК как единого хозяйственного комплекса, развитие которого можно было бы планировать, в природе не существует, т.е. нет единого объекта прогнозирования (планирования), финансирования и координирования» [38, с. 149]. «При всем многообразии причин, обуславливающих кризисную ситуацию в агропромышленном производстве, одной из главных является утрата управляемости происходящими здесь процессами. Агропромышленный комплекс, сформировавшийся в предреформенный период как интегрированная система сельского, лесного, рыбного и водного хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности, материально-технического обеспечения и агросервисного обслуживания, потерял свою целостность» [3, с. 12].

Путаницу в терминологии усилил переход с 2003 г. органов государственной статистики России с Общесоюзного классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) на Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД), созданный на основе Статистической классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе (КДЕС) и соответствующий методологии Статис-

тического отдела ООН. В большинстве случаев отрасль расщепляется на виды деятельности. Так, в разделе А «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» имеется подрубрика «Разведение крупного рогатого скота»; в разделе D «Обрабатывающие производства» имеется подраздел DA «Производство пищевых продуктов», в том числе «Производство молочных продуктов», «Производство цельномолочной продукции», «Производство кисломолочной продукции» и ряд других сфер деятельности, связанных с переработкой сырого молока. В соответствии с ОКВЭД, при этом не учитывается форма собственности, организационно-правовая форма и ведомственная принадлежность производств. Этот переход связан с ориентацией российских стандартов на международные нормы и правила, а также с передачей в условиях рыночных отношений значительной части функций управления на уровень предприятий и сокращением числа отраслевых министерств. Понятие отрасли уходит из сферы государственного управления и учета. Таким образом, формально базовым элементом определения АПК и молочного подкомплекса становится не отрасль и отдельные предприятия, а вид экономической деятельности, рынки товаров и услуг.

Неустойчивость терминологии отражается в принимаемых официальных документах. Так, в Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности на период до 2020 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2012 г. № 559-р, используется термин «отрасль и подотрасль». В сборнике Федеральной службы государственной статистики РФ «Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России – 2011 г.» мы находим такие подразделы, как «Основные показатели сельского хозяйства»; «Материально-техническая база сельского хозяйства»; «Сбыт, переработка сельскохозяйственной продукции и торговля продовольственными товарами»; «Основные показатели социальной сферы села». То есть рубрики значительно шире обозначенного названия сборника. При этом понятие АПК не используется. В Федеральном законе от 14 июля 1997 г. № 100-ФЗ «О государственном регулировании агропромышленного производства» центральным становится определение не АПК, а агропромышленного производства – совокупности сельскохозяйственного производства, переработки и реализации сельскохозяйственных продукции, сырья и продовольствия, а также хозяйственной деятельности, непосредственно связанной с их производством, переработкой и реализацией.

Наряду с изучением сложных экономических систем на макро- и микроуровнях, все большее распространение получают исследования на мезоуровне, т.е. на уровне территорий, сетевых структур, кластеров, отраслей, подотраслей и устойчивых

межотраслевых комплексов, в том числе АПК [22]. В научных кругах пореформенной России наряду с термином «агропромышленный комплекс» находят признание термины «агропродовольственная система» [16], «агропродовольственный сектор» [37, с. 86], «агробизнес» [13, с. 73], «аграрная сфера» [29], «агропродовольственный комплекс» [33, с. 3–76], «агросистема» [18].

Получил широкое распространение (и официальное признание) термин «агропродовольственный сектор». Однако и в этом случае возникли разночтения. Дело в том, что на основании системы национальных счетов для обобщающей характеристики экономических процессов национальной экономики выделяют крупные секторы экономики. Под сектором понимается совокупность институциональных единиц, имеющих сходные экономические цели, функции и поведение. К их числу обычно относят сектор предприятий, сектор домашних хозяйств, сектор государственных учреждений и внешний сектор. Сектор предприятий обычно подразделяется на сектор финансовых и сектор нефинансовых предприятий. Сектор нефинансовых предприятий объединяет предприятия, занимающиеся производством товаров и услуг с целью получения прибыли, и некоммерческие организации, не преследующие цели извлечения прибыли. В зависимости от того, кто осуществляет контроль за их деятельностью, они, в свою очередь, подразделяются на государственные, национальные, частные и иностранные нефинансовые предприятия. Таким образом, в соответствии с системой национальных счетов товарные предприятия АПК входят в сектор нефинансовых предприятий, а личные подсобные хозяйства населения – в домашние хозяйства, т.е. в совокупности относятся к реальному сектору национальной экономики (в отличие от фискального и денежного секторов). На наш взгляд, такая классификация не является препятствием для использования термина «сектор» в контексте межотраслевых взаимосвязей, возникающих в ходе производства продовольствия, ведь сектор в широком смысле – это выделенная по определенным признакам составная часть целого [19; 20; 21].

Агропродовольственный сектор понимается как подсистема и национальной экономики, которая призвана обеспечивать удовлетворение потребностей населения страны в продуктах питания, сохраняя и поддерживая его жизнедеятельность и воспроизводство; содействовать занятости социокультурного развития сельского населения; использовать и восстанавливать почвенное плодородие и экологическое равновесие в сельской местности; обеспечивать разработку и применение инноваций и информационных технологий [31; 34]. АПС объединяет следующие сферы деятельности: сельское хозяйство, производство конечной продовольственной продукции; ее хранение, транспортировку

и реализацию; социокультурное обслуживание сельского населения; информационное и научное обеспечение данной системы. В этих определениях первая сфера АПК выносится за скобки, хотя рост ее воздействия на развитие АПС не подвергается сомнению. Правомерность такого подхода обусловлена концентрацией внимания исследователей на взаимозависимых структурах (продуктовых или продовольственных цепочках), специализированных по продуктовым группам, что позволяет анализировать товарные рынки конечной продукции [1; 9; 10; 17].

Основываясь на вышеприведенном, полагаю наиболее продуктивным использование термина «агропромышленный комплекс» (АПК).

И все дальнейшие мои рассуждения о пространственном распределении экономических ресурсов в агропроизводстве базируются на данных АПК Костромской области.

Распределение ресурсов в АПК базируется в основном на инвестиционной деятельности [7; 36; 40; 41]. В свою очередь инвестиционная деятельность в АПК Костромской области строится преимущественно на привлечении различных фирм и компаний к реализации крупных проектов, которые рассматривает Совет по инвестициям при губернаторе. В 2011 году совет одобрил десять инвестиционных проектов в сфере АПК. В том числе – по созданию мясомолочного животноводческого комплекса на 900 коров и молокоперерабатывающего завода в Солигаличском районе. По строительству кролиководческой фермы на 104 тысячи голов в Костромском районе и реконструкции производственных мощностей и организации бройлерного птицеводства на птицефабрике «Красное-на-Волге».

В результате реализации этих проектов в отрасль поступило более 670 миллионов рублей. Владимир Чернов особо отметил успешную реализацию двух бизнес-идей в Межевском районе: выпуск снековой продукции и переработку молока. Общий объем капиталовложений составил 17,6 миллиона рублей, но для этого муниципалитета и такие деньги немалые.

ООО «Межевское» реконструировало ферму на 200 голов крупного рогатого скота, произвело модернизацию технологического оборудования, закупило племенную скот и создало молокоперерабатывающее производство. Социальная эффективность проекта – 41 рабочее место в селе Никола со среднемесячной заработной платой 15 тысяч рублей.

В 2012 году Костромская область начала реализацию нового масштабного направления – мясного специализированного скотоводства. Потенциальные инвесторы планируют создать новые животноводческие фермы в Костромском, Судиславском, Красносельском, Кологривском и Вохомском районах.

Проект в основном предполагает перевод части низкопродуктивного молочного стада на мясное скотоводство, а также строительство откормочных площадок.

А вот ГУСХП «Высоковский» пошло другим путем: в прошлом году они привезли из Франции 692 головы крупного рогатого скота лимузинской породы. В скором времени тепличники, а теперь и животноводы, собираются купить еще 700 голов. Это позволит им увеличить поголовье и производство высококачественной говядины.

В свиноводстве свои проекты реализуют ЗАО «Шувалово» Костромского района, ОАО СХП «Грант» Красносельского района и ООО «Шарьинский бекон». Реализация этих бизнес-идей позволит увеличить поголовье свиней в регионе на 6,7 тысячи, что на 16,6 процента больше, чем на начало 2011 года.

Инвестиционные проекты претворяют в жизнь и птицеводы. ЗАО «Птицефабрика “Костромская”», ОАО «Птицефабрика “Волжская”», ЗАО «Галичское по птицеводству», ООО «Шарьинская птицефабрика», ЗАО «Птицефабрика “Сусанинская”» проводят реконструкцию и модернизацию производства (на 5–7%). Кроме того, считают аграрии, реализация проектов позволит повысить качество продукции и снизить ее себестоимость.

В 2011 году десять из 14 молокоперерабатывающих предприятий, действующих на территории Костромской области, также провели частичное техническое перевооружение производства. На модернизацию производства они израсходовали около 23 миллионов рублей. ООО «Воскресенский сыродел» продолжает строительство нового завода. Общая стоимость проекта составляет более 150 миллионов рублей.

Планируют приобрести новое оборудование ООО «Вохомский сырозавод», ООО «Мантуровский сыродельный комбинат», ООО «Космол». Общая сумма инвестиций составит 65 миллионов рублей. Событием стал пуск в эксплуатацию нового производства сыров завода ООО «Воскресенский сыродел».

Для развития АПК крайне необходимы кредитные ресурсы, особенно среднесрочные и долгосрочные [39]. Но с получением «длинных» денег все еще есть большие проблемы. В целом за прошлый год АПК Костромской области привлек кредитов на сумму более 684,7 миллиона рублей. Из них инвестиционные кредиты составили 31% (210,8 миллиона рублей). Краткосрочные – 62%, а кредиты, выданные на развитие малых форм хозяйствования – 7%.

В последние годы важнейшим фактором для развития агропрома стала стабильная государственная поддержка предприятий всех форм собственности. Специалисты департамента АПК уверены: «Рост производства продукции сельского хозяйства

в 2011 году во многом произошел благодаря значительному объему средств, полученному агропромышленным комплексом из федерального и областного бюджетов».

Общий объем финансирования за прошлый год составил 541,7 миллиона рублей (в 1,5 раза выше объема финансирования в 210 году). В том числе областной бюджет перечислил 206,9 миллиона. В этом году финансирование агропромышленного комплекса из областного и федерального бюджетов составит 579,57 миллиона рублей.

Чтобы развивать молочное скотоводство, регион утвердил порядок по субсидированию строительства и реконструкции животноводческих комплексов. Сейчас эту работу ведут ООО «Север +» Октябрьского района, ООО «Агропродукт» Павинского района, ЗАО «Родина» и СПК «Маяк» Галичского района и ООО «Парфеньевские сыры».

Завершило реконструкцию молочного комплекса ООО «Планета» Буйского района. Реализация этих проектов создала дополнительно более 1100 мест для скота. А финансовая «изюминка» состоит в том, что предприятия вправе получить до 30% компенсации фактических затрат.

Благодаря новому направлению господдержки молочного животноводства в 2012 году еще 12 хозяйств области построили новые объекты и реконструировали старые для содержания скота.

Для пополнения машинно-тракторного парка новой техникой агропром региона активно использует схему федерального лизинга. В прошлом году сельхозтоваропроизводители направили заявки в ОАО «Росагролизинг» на приобретение техники и оборудования на общую сумму 65 миллионов рублей.

Однако в хозяйства поступило тракторов, комбайнов и другой техники только лишь на 23 миллиона. Такое несоответствие вызвано длительностью продвижения заявок, а также различными юридическими недоработками заявителей.

Как можно оценить приведенные примеры пространственного распределения экономических ресурсов в АПК Костромской области? Как реалии сегодняшнего дня. А что требуется дню завтрашнему? На мой взгляд – государственное регулирование функционирования АПК.

Государственное регулирование рынка сельскохозяйственной продукции представляет собой сложный механизм, включающий инструменты воздействия на доходы сельскохозяйственных предприятий, производственную и социальную структуру на селе, межотраслевые и межхозяйственные отношения. Цель соответствующих мероприятий – создание стабильных экономических, правовых и социальных условий для удовлетворения потребностей населения в качественных продуктах питания по социально приемлемым ценам, охрана окружающей среды. Данный подход тесно связан с совершенствованием законодательной базы, реализаци-

ей современных и инновационных проектов, прямым управлением государственными инвестициями, страхованием, введением системы налогов с дифференциацией ставок и льгот, предоставлением финансовой поддержки в форме субсидий, субвенций и бюджетных ссуд. При этом особое значение приобретает постоянный контроль на всех этапах за рентабельностью капитальных вложений. Вопросы контроля поднимались еще в работах С.Ю. Витте [6, с. 507–509]. В наше время институциональные вопросы контроля очень четко обозначены А.Г. Беловым [2]. Однако эта тема отдельного исследования. Здесь же отметим, что изучение пространственного распределения экономических ресурсов в агропроизводстве все более актуализируется с учетом повышения значимости мезоэкономического уровня анализа.

Библиографический список

1. Анисимов А.П. Разрешенное использование земельных участков: вопросы теории // Гражданское право. – 2006. – № 4. – С. 19–24.
2. Белов А.Г. Гражданское право. Общая часть: Учебник. – М., 2002. – 281 с.
3. Боев В.Р., Серков А.Ф., Романов А.Е. Основные результаты аграрной реформы // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 1996. – № 4. – С. 28–33.
4. Буздалов И.Н. Аграрная теория: концептуальные основы, тенденции развития, современные представления. – М.: Academia, 2005. – 301 с.
5. Буздалов И.Н. Сельское хозяйство как особый приоритет экономической политики в современных условиях // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2008. – № 4. – С. 1–4.
6. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. – М.: Мысль, 1991. – 608 с.
7. Гордеев А.В. Итоги реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в 2006–2007 гг. и направления работы на долгосрочную перспективу // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2008. – № 2. – С. 1–3.
8. Земельное право: Учебник / под ред. С.А. Боголюбова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 272 с.
9. Зинина Л.И., Глухова Т.В. Развитие механизма государственного регулирования продовольственного рынка региона. – Саранск: Изд-во Мордовского государственного университета, 2007. – 118 с.
10. Ибрагимов К.Х. Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения. – М., 2004. – 363 с.
11. Иванова С.В. Уточнение категориального аппарата изучения современного агропромышленного комплекса и продуктовых подкомплексов России и мира // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. – 2013. – № 1. – С. 18–26.

12. Измерение чистого дохода, создаваемого в отраслях АПК / под ред. Л.Н. Кассирова. – М.: Экономика, 1982. – 219 с.
13. *Костяев А.М.* Проблемы территориальной неоднородности условий развития агробизнеса: теория вопроса и пути решения // Доклады пленарного заседания 11 Всероссийского конгресса экономистов-аграрников. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2006. – С. 73–78.
14. *Краснопольский Б.Х.* Собственность на земельные ресурсы – главное условие децентрализации и регионализации экономического развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10. – С. 182–185.
15. *Красов О.И.* Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации. – М., 2002. – С. 164.
16. *Крылатых Э.Н.* Агропродовольственные системы: исследование процессов интеграции, конкуренции, инновации. – М., 2006. – 219 с.
17. *Крылатых Э.Н.* Проблемы конкурентоспособности агропродовольственного комплекса РФ и факторы ее повышения. – М.: ЭРД, 2008. – 304 с.
18. *Кутенков Р.П.* Агросистемы России: межрегиональные сопоставления: методы, инструментарий, результаты. – Саратов: ИАГП РАН, 2001. – 111 с.
19. *Маньковский В.А.* Системное управление агропромышленным предприятием // Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 4. / Материалы Двенадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 12–13 апреля 2011 г. / под ред. Г.Б. Клейнера. – М.: ЦЭМИ РАН, 2011. – С. 113–114.
20. *Маньковский В.А.* Трансформация экономических отношений в аграрном секторе экономики под воздействием институтов рынка // Воздействие институтов рынка на государственное регулирование экономики. – Ярославль, 2011. – С. 113–116.
21. *Маньковский В.А.* Управление земельными ресурсами в регионе // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2011. – № 1. – С. 313–316.
22. Мезоэкономика развития / под ред. Г.Б. Клейнера; ЦЭМИ РАН. – М.: Наука, 2011. (Серия «Экономическая наука современной России») – 482 с.
23. *Минакир П.А.* Пространственная неоднородность России и задачи региональной политики // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2011. – № 10. – С. 150–153.
24. *Мисник Н.Н.* Еще раз о соотношении гражданского и земельного законодательства при регулировании земельных отношений // Государство и право. – 2006. – № 9. – С. 2–25.
25. *Митягин К.С.* Понятие «земельный участок» // Законодательство. – 2007. – № 5. – С. 16–21.
26. *Назаренко В.И.* Россия и зарубежные страны. Модели аграрной политики. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 371 с.
27. *Назаренко В.И.* Рынок продовольствия на Западе. – М.: Институт Европы РАН; Русский сувенир, 2008. – 126 с.
28. *Назаренко В.И.* Теоретические основы аграрной политики на Западе и Россия. – М.: Институт Европы РАН; Русский сувенир, 2009. – 190 с.
29. *Наташкин В.В., Лабазнова С.В.* Российский потенциал аграрной сферы региона: оценка и перспективы эффективного использования. – Саратов: ИАГП РАН, 2001. – 211 с.
30. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Постатейный / под ред. А.А. Ябулганова // СПС «КонсультантПлюс». – 270 с.
31. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. – М.: Новое издательство, 2003. – 182 с.
32. *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). – М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
33. Разработка концептуальных основ стратегии долгосрочного развития агропродовольственного комплекса: коллективный научный доклад ИАГП РАН // Региональные агросистемы: экономика и социология: ежегодник. – Саратов: ИАГП РАН, 2006. – 243 с.
34. *Свиридов Н.Н.* Резервы аграрного сектора Костромской области. Актовый доклад // Серия материалов XII международной научно-практической конференции «Экономическая наука – хозяйственной практике». – Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 20 с.
35. *Сметанин Н.Е., Тихонов В.А., Лемешев М.Я., Белов М.И.* Народно-хозяйственный агропромышленный комплекс. Теория и практика. – М.: Экономика, 1980. – 96 с.
36. *Узун В.Я.* Аграрная реформа в России: мифы и реальность // Вопросы экономики. – 2008. – № 10. – С. 83–88.
37. *Ушаев И.* Агропродовольственный сектор: основные направления и проблемы // Экономист. – 2006. – № 5. – С. 86–90.
38. *Чаркин С.А.* Судьба сельского хозяйства России в зеркале права (конец XX – начало XXI века). – М., 2008. – 141 с..
39. *Чекмарев В.В., Маньковский В.А.* Институт землепользования в системе экономических институтов // Экономические институты современной России: материалы научной конференции памяти М.И. Скаржинского. г. Кострома, 6 мая 2010 года. / сост., науч. ред. В.В. Чекмарев. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 659–669.
40. *Шихсаидов Д.Х.* Государственная поддержка аграрного сектора как фактор повышения эффективности отрасли – опыт, проблемы // Региональные проблемы преобразований экономики. – 2008. – № 4. – С. 107–112.
41. Эффективность государственной поддержки развития аграрной сферы экономики / Е.Г. Коваленко, Т.М. Полушкина, О.Ю. Якимова и др. – Саранск: Изд-во Московского государственного университета, 2009. – 20 с.

Пономаренко Елена Васильевна

кандидат экономических наук
начальник финансово-экономического управления ДОСААФ России

Брагина Зинаида Васильевна

доктор технических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А Некрасова
bragzv@yandex.ru

ЕДИНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА ДОСААФ РОССИИ КАК РЕЗЕРВ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассмотрены управленческие практики в свете современной теории управления, обоснованы параметры эффективности учебного процесса подготовки призывников по военно-учетным специальностям; сформулированы особенности трудовых отношений в условиях дистанционного обучения; показаны резервы эффективности работы преподавателей; рассмотрены мотивационные проявления образовательной услуги

Ключевые слова: единая информационная среда добровольного общества содействия армии, авиации и флоту, управленческая практика, эффективность управления, параметры эффективности учебного процесса, дистанционные трудовые отношения, резервы эффективной работы преподавателей.

ДОСААФ России служит прочным связующим звеном между гражданским обществом и военной организацией государства. Ее материальный, образовательный и воспитательный потенциал позволяет решать широкомасштабные государственные задачи. Для успешного решения этих задач необходимо понять, при каких условиях ДОСААФ может их решить. Наши исследования, основные результаты которых представлены в этой статье, позволили установить: наиболее глубоким и значимым следует признать противоречие между существующим сегодня управлением подготовкой граждан к военной службе и масштабностью задач инновационной модернизации российской армии.

Управленческие практики в свете современной теории управления. В традиционных системах управления реализован «атомарный» принцип. Каждый сотрудник является владельцем информации в меру своих должностных обязанностей. В силу принятой культуры управления его можно представить как виртуальную капсулу, наполненную информацией, а также формальными и неформальными знаниями. Именно сохранность этой «капсулы» в значительной мере определяет успешность его карьеры. Коммуникации между этими «капсулами» затруднены в силу специфических особенностей человека. Например, стремление специалиста к самоутверждению в коллективе, к усилению представлений о его роли заставляет ограничивать использование известной ему информации другими сотрудниками. Это всегда тормозит оперативность решений, сопровождается потерями времени, а, следовательно, и других ресурсов. Инновационная модернизация возможна в активной управленческой среде, когда каждый сотрудник «заточен» в течение всего рабочего дня работать на конечный результат процесса, участником или владельцем которого он является. Сотрудник должен быть погружен в информационную среду, необходимую для

обеспечения позитивного развития любой управленческой ситуации.

Рассмотрим особенности взаимодействия специалистов при выполнении своих служебных обязанностей в условиях единой информационной среды ДОСААФ РФ и при традиционном (на бумажном носителе) способе обеспечения информацией.

Доступность информации в твердой копии ограничена – это одна из причин генетически унаследованного нами представления о незыблемости иерархических структур управления как единственного и надежного способа координации усилий. Доступность информации, трудоемкость ее оперативного обобщения и анализа являлись предпосылкой распределения подчиненности и ответственности, полномочий и права на ошибку. В этой системе технически невозможно организовать оперативные и интенсивные связи между горизонтальными структурными единицами, тем более между смежными уровнями. ЕИС решает проблему обеспечения разнообразия связей в соответствии с ее конкретной (фактически существующей) конфигурацией. Это имеет самое прямое отношение к самоорганизации, обеспечивая гибкость структуры, ее способность меняться (перегруппировываться) в соответствии с возникшей проблемой.

Информация в твердой копии принуждает или, в лучшем случае, побуждает специалиста к деятельности под влиянием действующей системы «поощрения и наказания». Позиция специалиста в условиях ЕИС диаметрально противоположна: он всегда «в среде», и в этом смысле, его реакция на проблему публична. ЕИС «превращает» специалистов в команду единомышленников путем сближения моделей реальности, целей, точек зрения, видения проблем. Это первый синергетический эффект ЕИС.

Систематическое взаимодействие в ЕИС, дополняемое непосредственным общением специалистов, ведет к формированию социальных эффектов. Механизм становления этого феномена, по мнению

Р. Коллинза [2], реализуется в цепочках интерактивных ритуалов, проявляющихся в общности настроения, актуализации фокуса внимания, и даже «телодвижения, речевые акты и голосовые частоты согласуются в едином ритме... и участники временно объединяются» [2, с. 67–69], ощущая при этом границу возникшей общей реальности, этого социального феномена. Сложная сеть человеческих отношений, в которую органично вплетена ЕИС, не известная полностью никому из участников, является реальным управленческим ресурсом и даже «реальной движущей силой», основой власти более чем декларируемая схема отношений подчинения. В этой сети зарождаются такие «тонкие» материи, как доверие, солидарность, преданность. Это сближает ожидания и является основанием (даже гарантом) эффективности «мягких» правил, методов, инструментов управленческого воздействия. Это второй синергетический эффект ЕИС.

В условиях ЕИС инструменты и методы подготовки управленческих решений могут быть представлены стратегическими ориентирами и критериями сравнения разных версий стратегий; прямолинейные экстраполяции кратковременных тенденций, на которых по большей части строятся прогнозы развития, должны уступить место моделям, в которых будущее видится как пространство возможностей, а настоящее как напряженный процесс выбора известных уже альтернатив; разработка правил порядка и параметров порядка может осуществляться путем эксперимента с моделью, а не с реальной системой.

Документооборот на бумажном носителе и соответствующая ему иерархическая схема принятия решений и их исполнения предполагает наличие абсолютного знания у главного лица, принимающего ультимативные решения под полную ответственность и способность подчинить людей своей воле. В этом идеальном случае система бы достигла своих сверхцелей, которые никому не ясны и недоступны кроме этого сверхразума. Конечно, это не имеет отношения к реальности. Кроме того, знание не сконцентрировано в одной голове, а рассеяно во многих, фрагменты этого знания у разных людей часто не согласуются, а порой и противоречат друг другу. В силу такого распределения знания и информации подготовка решений может зарождаться где-то внизу, а не на вершине пирамиды власти. У. Мак-Каллок утверждает, что информация рождает полномочия [цит по: 6, с. 120] и формулирует принцип «избыточности потенциальных командных пунктов», как главное препятствие самоорганизации. Он утверждает, что лишь распределение знаний по всей системе включает «коллективный мозг», адекватный сложности системы, и запускает ее самоорганизацию. Отсюда возникает необходимость ознакомления сотрудников с главной информацией ДОСААФ, для формирования

у них нужного и общего контекста. Именно эту возможность и обеспечивает ЕИС. Она создает принципиальную возможность принять управление на себя на основе информации или хотя бы проявить инициативу тем специалистам или группам специалистов, которые ближе к проблеме, более глубоко понимают информацию. Это третий синергетический эффект ЕИС.

Коммуникационные возможности повышают информированность специалистов и когерентность профессиональных взаимодействий. Равномерность распределения информации, и, как следствие, полномочий и ответственности, активизируют спасительную самоорганизацию интеллектуальных усилий. Барьером этого процесса служит только конфиденциальность информации.

Решение задачи создания единой информационной среды в ДОСААФ позволяет формировать матричную структуру управления региональными подразделениями. Про эту форму организации можно сказать, что она является самой нетипичной для российского менеджмента, развивающего филиальные сети. В классическом варианте матричная структура означает двоевластие, которое в силу определенных особенностей отечественной истории с трудом приживается в российской практике.

Применительно к управлению региональными подразделениями матричная структура означает, что сотрудники подведомственной организации подчиняются как своему непосредственному руководителю, так и начальнику соответствующего функционального подразделения центрального аппарата ДОСААФ. Обеспечить работоспособность этой структуры можно только при наличии детально прописанных регламентов взаимодействия всех сотрудников: как из удаленных подразделений, так и из центрального аппарата ДОСААФ – при решении рабочих вопросов. Центральный аппарат ДОСААФ должен обеспечивать постоянное совершенствование навыков взаимодействия и разрешения конфликтных ситуаций, а также программ командообразования при помощи тренингов для всего персонала вертикально-интегрированной структуры.

К числу достоинств матричной структуры следует отнести максимальную загрузку сотрудников и предельно возможную гибкость реагирования на изменения кадровых потребностей вооруженных сил России. В большинстве случаев за результаты деятельности региональное отделение ДОСААФ несет ответственность его руководитель, наделенный необходимыми полномочиями для принятия решений в своем регионе. Применительно ко всему вертикально интегрированному холдингу ДОСААФ, матричная структура обеспечивает оперативную поддержку идентичности учебного процесса во всех его организациях в методическом, организационном и технологическом аспектах. В усло-

виях ЕИС не может быть и речи о «второсортности» образования в удаленных организациях.

Параметры эффективности учебного процесса. Проведенный анализ направлений, методик и технологий обучения с целью разрешения ключевого противоречия, сформулированного в начале данного раздела, позволяет сделать следующий вывод: ЕИС ДОСААФ, представляя собой распределенную структуру, может обеспечить организацию учебного процесса во всех подразделениях в соответствии с едиными (общими) учебными планами, программами, методиками и технологиями.

Рассмотрим эти возможности на примере особенностей мотивации и организации труда преподавателей и обучающихся в условиях ЕИС.

Тенденции развития информационных технологий позволят ДОСААФ оперативно и качественно выполнять задания министерства обороны благодаря организации дистанционной работы. ЕИС позволяет обеспечивать доступ к высокопрофессиональным педагогическим ресурсам независимо от расстояний при сохранении профессиональной мобильности преподавателей и специалистов.

На сегодняшний день в сфере использования дистанционных контактов между Центральным Советом ДОСААФ и исполнителями (организациями ДОСААФ в регионах) наблюдается активное развитие технических средств и формирование норм поведения сторон, адекватных новым возможностям. В России эти новые возможности пока мало известны, поэтому рассмотрим их несколько подробнее.

И.А. Петропавлов [4] рассматривает два вида дистанционных трудовых отношений – телеработа и телекоммьютинг. Термин «телекоммьютинг» (telecommuting) был введен Джеком Найллом (США) в 1976 г. для обозначения дистанционной работы по договору. Термин «телеработа» (telework) был введен Европейской Комиссией в конце 1980-х годов. Разница между этими двумя понятиями заключается в том, что при телекоммьютинге необходимо существование фирмы или организации, работающей по традиционной схеме, для которой работник, находящийся на расстоянии, выполняет работу. Телеработа позволяет так организовать деятельность, что сотрудникам нет необходимости физически встречаться друг с другом.

Применительно к условиям вертикально интегрированного холдинга ДОСААФ основным видом дистанционных трудовых отношений служит «теледоступ». Понимание теледоступа во всех его проявлениях весьма важно для будущего использования этих возможностей при организации, прежде всего, обучения. Теледоступ является новой практикой педагогической деятельности и элементом новой технологии обучения. Он привлекателен для организации производства образовательных услуг в связи с усиливающейся общей необходимостью снижать затраты на (получение) производство об-

разовательных услуг в удобном для обучающегося месте и в удобное время.

В своей докторской диссертации И.А. Петропавлов классифицирует дистанционные трудовые отношения с точки зрения преимуществ и недостатков для работника, для организации и общества [4].

а) преимущества с точки зрения работника: гибкий график работы; высвобождение времени и затрат на перемещения; индивидуальный выбор рабочей обстановки; лучший баланс времени, затрачиваемого на семью и работу; сохранение навыков и квалификации при вынужденной невозможности исполнять работу традиционным способом; новые деловые возможности, вытекающие из широкой сети полезных связей и контактов и доступа к информации; свобода перемещений и свобода выбора места работы;

угрозы с точки зрения работника: непригодность данной формы отношений для тех, кто имеет слабые личные мотивации; невозможность развития базовых трудовых навыков, быстро приобретаемых в коллективе; изменение жизненного уклада из-за отсутствия физического посещения работы и нахождения в коллективе; уменьшение возможностей для приобретения новых друзей, развития навыков социального общения и установления неформальных контактов;

б) преимущества с общественной точки зрения: уменьшение транспортных проблем в городах, особенно с населением более 500 тыс. чел; уменьшение количества передвижений и связанного с этим загрязнения окружающей среды; новые возможности для работы и обучения;

угрозы с общественной точки зрения: ослабление коллективистских ценностей; рост замкнутости местных сообществ; ослабление общения и следовательно взаимного влияния разных слоев населения; утрата социальных навыков общения;

в) преимущества с точки зрения организации: экономия затрат на производственные помещения и персонал; применение гибкой организации труда; привлечение к работе территориально удаленных высококвалифицированных специалистов; увеличение производительности труда (устранение помех при работе, существующих в учебном классе, сокращение потерь времени на переезды); новая мотивация (рост доверия между преподавателем и обучающимся, а так же и между сотрудниками); возможность замены постоянного штата временными исполнителями; возможность создания распределенных рабочих групп;

угрозы с точки зрения организации: наличие таких видов работ, которые не могут быть хорошо выполнены в распределенной, самоуправляемой среде: иногда выполнение задания выигрывает от прямых контактов обучающихся, собранных вместе в одной комнате, или от синергии интенсивно сотрудничающих групп специалистов; в некоторых

видах деятельности важную роль играет дух команды и внутренние мотивации, которые наилучшим образом генерируются лидерами и менеджерами при личном контакте в процессе деятельности; значительная часть административной работы может быть выполнена только под контролем.

Эта классификация справедлива и для сотрудников ДОСААФ. Она позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, в силу развивающихся тенденций необходимо разработать социальные нормы, регулирующие данный процесс, особенно в той части, которая касается защиты прав сотрудников. Во-вторых, ДОСААФ может и должен определить для себя приемлемое соотношение между количеством сотрудников, участвующих в реальном общении и виртуальном общении (теледоступом). При этом необходимо знать тенденции решения данных проблем как в системе обучения в России, так и в административно-хозяйственной деятельности разных организаций. При этом надо иметь в виду, что население России исторически более ориентировано на коллективные формы организации труда.

Сама административная работа в виртуальном мире под воздействием технологий изменяется таким образом, что все монотонные и однообразные операции будут выполняться компьютерами, а работа человека будет связана с анализом деятельности, с действиями по созданию нового, с проектированием и творчеством. То, что стимулирует сотрудников на достижение лучших результатов в больших организациях (статус или карьерный рост), снижает здесь свою мотивирующую силу, поскольку организационные структуры становятся более «плоскими», а отношения в организации скорее партнерскими, чем командными.

Отсутствие социального окружения при обучении в виртуальной среде будет снижать мотивацию обучающегося, связанную с потребностями соучастия и признания. В этом случае необходимо уделять внимание обучению и развитию социальных компетенций обучающихся, что будет больше способствовать осмыслению полномочий военнообязанного гражданина и осознанию им ответственности за безопасность родины.

На сегодняшний день самым главным измерителем проделанной работы и приложенных усилий является денежное вознаграждение, но этого для получения высоких результатов недостаточно, поскольку необходимо внимание к предмету изучения на протяжении всего процесса познания. Такое внимание обычно поддерживается внешним стимулирующим воздействием организационного окружения. Внимание же к процессу дистанционного обучения, например, можно обеспечить путем проектирования его содержания таким образом, чтобы оно вызвало у обучающегося непосредственный интерес и чувство ответственности при ее выполнении.

Резервы эффективности работы преподавателя. В традиционной организации, когда руководитель и сотрудник находятся в непосредственном взаимодействии при выполнении работы, мотивация работника и контроль за ее выполнением были основными задачами менеджера. Но в условиях ЕИС, осуществления административно-хозяйственной деятельности в режиме online, получаемый результат стал еще больше зависеть как от отношений руководителя и исполнителя. В этом случае деятельность руководителя должна быть направлена на распределение и координацию работ, а также на содействие повышению профессионального уровня сотрудников.

Рассмотрим изменения в мотивации труда применительно к преподавателю военно-учетных специальностей. На него переносится ответственность за достижение требуемых результатов труда. Возрастает необходимость в его мотивации, т.е. в направленности действий на получение высокого результата (мотивировать можно самим содержанием работы). Таким образом, функция управления мотивацией переходит от непосредственного личного воздействия руководителя к опосредованному его влиянию на преподавателя через содержание работы. Мотивацию преподавателя можно разложить на две составляющие: интерес к результату работы и интерес к процессу ее выполнения.

Интерес к результату труда связан с чувством ответственности, возможностью получить признание, самовыразиться и повысить свой профессиональный уровень. Интерес к процессу выполнения работы вызван познавательными действиями, эстетическими переживаниями, поисковой деятельностью, ощущением себя в качестве источника изменений, а также направленностью деятельности на более высокие цели, чем получение вознаграждения.

Образовательная услуга как мотиватор деятельности. Вернемся к содержанию понятия «образовательная услуга» и рассуждениям о том, как можно сделать ее мотивирующей. Для начала необходимо определиться с понятием «образовательная услуга» и особенностями ее дистанционного выполнения. Образовательная услуга – это деятельность, направленная на передачу и получение знаний, умений, навыков и компетенций. Дистанционный характер производства образовательной услуги связан с процессом ее выполнения, происходящим за пределами официального учебного класса, отсутствием непосредственного стимулирующего воздействия человеческого общения. Рассмотрим характеристики образовательной услуги, наличие которых повышает мотивацию обучающегося, вызывает у него интерес к процессу ее выполнения и стремление к достижению лучших результатов.

Согласно теории мотивации, для того, чтобы образовательная услуга мотивировала обучающегося, она должна давать ему информацию об уров-

не освоения знания, умения, навыка и возникшей компетенции, ощущение ответственности и чувства значимости осваиваемого предмета. Эти внутренние состояния человека вызываются содержанием работы, а именно следующими ее характеристиками: разнообразием, законченностью, значимостью, автономностью, обратной связью от работы [3]. Рассмотрим подробно каждую из них.

Разнообразие – процесс получения и усвоения знаний должен требовать от обучающегося использования аудиального, визуального и кинестатического канала восприятия информации, поэтому необходимо, чтобы задания различались между собой. Законченность – процесс получения и усвоения знаний должен представлять заверченный цикл действия, приводить к закреплению способности и готовности выполнять какой-то вид (способ) профессиональной деятельности. Значимость – процесс получения и усвоения знаний должен показывать, как сформированная способность и готовность влияет на результат профессиональной деятельности или на жизнь и благосостояние других людей. Автономность – процесс получения и усвоения знаний должен обеспечивать необходимую самостоятельность, свободу и независимость в действиях при ее выполнении. Обратная связь – работа должна обеспечивать обучающегося ясной и понятной информацией об уровне владения знаниями (умениями, навыками, компетенцией). Все вышеперечисленные характеристики вызывают у обучающегося интерес к обучению и направленность его действий на достижение лучших результатов.

Результативность процесса получения и усвоения знаний обучающимися зависит, как уже отмечалось, от внешнего стимулирующего воздействия. А это, в свою очередь, зависит от силы и количества воздействий, их изменения во времени [1; 5]. В работе [5] показано, что внешним активизирующим воздействиям, сопровождающим процесс получения и усвоения знаний, соответствуют следующие пять характеристик учебного материала: сложность, новизна, неожиданность, неопределенность и конфликтность.

Рассмотрим, что же собой представляет каждая из них. Сложность обучения – взаимосвязь между теоретическим знанием и способами его практического использования. Новизна – обновление содержания изучаемой проблемы во времени. Неожиданность – непредсказуемость появления отрицательного или положительного результата. Неопределенность проблемы изучения – не определено, когда, где, и как взять информацию. Конфликтность в работе – наличие противоречий в целях и взаимоисключающих действиях. Эти характеристики оказывают активизирующее воздействие на обучающегося и являются естественным мотиватором.

Наличие вышеперечисленных десяти характеристик вызывает у обучающегося интерес к про-

цессу обучения и его результату без дополнительных воздействий извне со стороны преподавателя. Обучающийся в этом случае проявит в своей деятельности качества, необходимые для усвоения материала. Все рассмотренные выше характеристики процесса получения и усвоения знаний, вызывающие мотивацию обучающегося, необходимо учитывать при проектировании работы в режиме online. Результаты процесса получения и усвоения знаний зависят от использования обучающимся своих знаний, навыков и способностей, но не в меньшей степени и от мотивации преподавателя.

Решение проблемы мотивации при дистанционном обучении позволит ощутить все плюсы выполнения работы в режиме online как обучающемуся, так и преподавателю. Для ДОСААФ открываются неограниченные возможности по привлечению компетентных и талантливых преподавателей, использованию их способностей, знаний и умений в образовательном процессе. Преподавателю это позволит не только экономить силы, время и средства на поездки, но и получить интересную, выгодную работу, использовать в большей степени знания, навыки, а также раскрыть свои способности и таланты.

Анализ особенностей мотивации преподавателя и обучающегося при возможности работать в ЕИС позволяет нам понять и актуализировать резервы эффективности процесса обучения.

Во-первых, в условиях ЕИС возможна новая практика педагогической деятельности «теледоступ», которая является основным видом дистанционных трудовых отношений. Усиливающаяся необходимость рационального использования бюджетных средств и обеспечения дает человеку возможность обучаться в удобном для него месте и в удобное время, делает ее привлекательной как для образовательных учреждений ДОСААФ РОССИИ, так и для допризывной молодежи.

Во-вторых, педагогическая практика в форме «теледоступа» создает специфические возможности мотивации труда преподавателя и обучающегося. Мотивационные потребности обучающегося в соучастии и признании компенсируются актуализацией содержания обучения и применяемой технологией. Чтобы образовательная услуга мотивировала обучающегося, она должна давать ему информацию об уровне освоения знаний, умений, навыков и возникшей компетенции, ощущение ответственности и чувства значимости осваиваемого предмета. Эти внутренние состояния человека обеспечиваются содержанием педагогического процесса, а именно следующими ее характеристиками: разнообразием, законченностью, значимостью, автономностью, обратной связью от работы.

В-третьих, мотивация преподавателя, участвующего в производстве образовательных услуг, имеет две составляющие: интерес к результату работы

и интерес к процессу ее выполнения. Интерес к результату труда связан с чувством ответственности, возможностью получить признание, самовыразиться и повысить свой профессиональный уровень. Интерес к процессу выполнения работы вызван познавательными действиями, эстетическими переживаниями, поисковой деятельностью, ощущением себя в качестве источника изменений, а также направленностью деятельности на более высокие цели, чем получение вознаграждения.

Библиографический список

1. Брагина З.В. Электронные технологии и их роль в формировании компетенций будущих специалистов менеджеров и маркетологов // Материалы 12 международной научно-практической конференции «Экономическая наука – хозяйственной практике». – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 25 с.

2. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.

3. Организационная психология. Хрестоматия / сост. и общ. ред. Л.В. Винокурова, И.И. Скрипюка. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.

4. Петропавлов И.А. Развитие сетевых форм организации экономики в современных хозяйственных системах: Дис. ... д-ра экон. наук. – Москва, 2006. – 358 с.

5. Печенкин А.И. Исследовательские проекты в Интернете. Теория и практика разработки современных учебных материалов, использования инновационных образовательных технологий и цифровых образовательных ресурсов. – М.: МЭСИ, 2005.

6. Хиценко В.Е. Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. – М.: КомКнига, 2005. – 224 с.

УДК 330

Субетто Александр Иванович

доктор экономических наук, доктор философских наук, профессор

Чекмарев Василий Владимирович

доктор экономических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

tchekmar@ksu.edu.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ, ИЛИ РАЗДЕТАЯ ДО КРОВИ

Статья является извлечением из доклада на XV Международной научно-практической конференции «Экономическая наука – хозяйственной практике», состоявшейся 10 октября 2013 года. Авторы анализируют состояние экономической науки в преломлении к практике создания региональных стратегий развития мезоэкономических систем.

Ключевые слова: экономическая наука, мезоэкономические системы, стратегия регионального развития.

Стратегия – категория, которая тесно связана с категорией управления. Стратегия социально-экономического развития любого региона, в том числе Костромской области, ограничивается горизонтом предвидения (и упреждения), который определяется уровнем управляемости, развитием и качеством наблюдаемости за развитием, которое зависит от экономико-статистического мониторинга предыдущего периода развития в данном регионе. К сожалению, часто о «стратегиях развития» рассуждают вне данного методологического принципа. И тогда все рассуждения и разработки на базе этих рассуждений становятся утопическими, своеобразной отпиской, игрой в «стратегии развития», имитирующей якобы существующее стратегическое управление.

В данной статье затрагиваются некоторые положения, связанные с кризисом, переживаемым не только российской, но и мировой, экономической наукой, в котором, в свою очередь, отражается глобальный экономический кризис (если не глобальная системная экономическая катастрофа), и кото-

рый соответственно определяет те риски, которые связаны с проблемой самой постановки задачи разработки стратегии социально-экономического развития региона в России, в том числе проблемы стратегии социально-экономического развития Костромской области до 2025 года.

Стратегия развития до 2025 год (а это горизонт упреждения в 12 лет) требует хоть каких-то прогностических сценариев: как будет развиваться эти 12 лет экономика России, как будет развиваться мировая экономика, каких следует ожидать кризисов или катастроф.

Ожидаемый дефолт мировой валюты – доллара – в США 17 октября, или же если не произойдет в этот срок, то в середине февраля 2014 года, – что это такое? – Начало нового мирового финансового кризиса или начало второй, еще большей, волны мирового финансового кризиса, и который, начавшись в 2008 году, не прекращался, – и продлится еще более десятка лет, потому что за «второй волной» 2014–2015 года через короткое время поднимется «третья волна». И так «кризис» будет превращаться в мировую финансовую катастрофу, за

которой последует перестройка всей финансово-банковской системы с ликвидацией ростовщичества как явления финансового паразитизма, удушающего мировую производительную экономику.

Но, можно полагать, что и *сам мировой финансовый кризис – только одна из сторон явления более глубокого и фундаментального, которое можно назвать «Эпохой Краха Рынка, Капитализма и либерализма» и которая продлится лет 20–30, определяя трансформацию в сторону становления ноосферной экономики и ноосферного общества, – вектор движения к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и образовательного общества (в котором образование, общественный интеллект становятся ведущими механизмами в ноосферной парадигме развития).*

Зададимся вопросом «А существуют ли вообще рыночные экономики в мире?». Ответ на этот вопрос следующий: нет, не существуют.

«Рыночная экономика» – предельная монетарная (либеральная) абстракция, абсолютизирующая роль рынка как механизма координации социально-экономического развития, которая в качестве основания «рыночных реформ» в России произвела эффект «рыночного цунами», наполовину смывшего производительную экономику, доставшуюся от советского социализма. «Рыночная экономика», «свободный рынок», «свободно-рыночная демократия» – это все разрушительные антиутопии, превратившие Россию, на языке А.А. Зиновьева, в «колониальную демократию», с процессами демографического вырождения, с сырьевой экономикой, с доминантой процессов деиндустриализации (через механизм банкротств когда-то процветавших промышленных предприятий и сельскохозяйственных производственных организаций) и деинтеллектуализации (через процессы сокращения вузовской и научной инфраструктуры, частью которых стала последняя «волна» преобразования высшей школы согласно требованиям нового «Закона об образовании» и ликвидации государственных академий наук через их трансформацию в «клубы академиков наук», с отчуждением управления материально-технической базой научных исследований в соответствии с новым ФЗ, принятым в сентябре, по преобразованию РАН, РАСХН, РАМН).

В мире существуют *планово-рыночные экономики с разными соотношениями планового и рыночного секторов. В ряде наших публикаций еще в 80-х – 90-х годах XX века было показано, что во второй половине XX века произошла Синтетическая Революция в основаниях цивилизационного развития, по крайней мере, в мире развитых стран, включившая в себя шесть потоков качественных, революционных, изменений – Системную, Человеческую, Интеллектно-Инновационную, Качественную, Рефлексивно-Методологическую и Образовательную революции.*

Главным итогом Синтетической цивилизационной революции стало появление нового типа экономик (экономических систем) – *наукоемких, интеллектоемких, образовательных, качественных, инновационных, планово-рыночных экономик.* Все указанные характеристики, при определении экономик, взаимосвязаны, образуют своеобразную систему атрибутивных характеристик.

Что произошло и что же происходит с базисом воспроизводственных процессов, что так меняет сам механизм воспроизводства жизни общества и, соответственно, всей системы экономических отношений?

Первое. Произошел скачок в системной взаимосвязанности как в региональном, страновом, так и в мировом измерениях, причем по линиям системно-технологической, системно-экологической и системно-информационной взаимосвязанностей. Этот скачок и есть Системная Революция, которую до сих пор не познали большинство ученых-экономистов мира.

Рост системной связанности социального и экономического пространств (технологические, информационно-компьютерные, транспортные инфрасистемы, системно-экологические взаимозависимости планетарно-биосферных масштабов) противостоит рыночной форме атомизации и фрагментации экономической реальности. Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы есть своеобразное «послание» со стороны Природы как Целого (этот аспект «Целого» С.Н. Булгаков назвал в 1912 году «метафизическим коммунизмом мироздания»), которая больше не собирается терпеть рыночно-атомизированную (хаосогенную) форму хозяйственного природопотребления. Экономика человечества (а значит – и человечество) сможет экологически выжить только как системная (объединяемая планированием и управлением, на базе доминирования закона кооперации и общественно-государственной собственности), экофильная, ноосферная экономика.

Второе. Скачок в системности социально-экономического развития (системная революция) потребовал скачка в системности внутреннего мира человека, в профессионализме работников, ученых, деятелей культуры, политиков, экологов, сельскохозяйственных работников, управленцев (менеджеров), иными словами – в профессионализме каждого человека на Земле. Этот скачок и есть «человеческая революция», о которой заговорил впервые А. Печчеи в начале 70-х годов в работе «Человеческие качества», и которая нужна для решения глобальных экологических проблем. Я расширил понятие «человеческой революции», придав ей, исходя из императива выживаемости в XXI веке, ноосферное измерение. Человек должен стать ноосферным, должен стать адекватным растущей сложности и изменчивости мира. А иначе? – А ина-

че экологическая гибель в XXI веке. Произошла революция – Интеллектно-Инновационная. Еще Д. Белл в 1959 году на конференции в Зальцбурге подтвердил прогноз К. Маркса о перерастании науки в производительную силу, обращая внимание на то, что в «постиндустриальном обществе» «основной производственной силой становится наука» [1, с. 114].

Произошла интеллектуализация производительных сил и соответственно всех производительных и социально-экономических процессов. Что это значит? Это значит, во-первых, что в средствах производства, в технологиях овеществляется не только труд, но и интеллект человека, которые создают новые знания, новые изобретения и открытия, воплощаемые в технологиях. Во-вторых, вместе с ростом интеллектоемкости происходит и рост наукоемкости. Наука становится и производительной силой, и силой управления. А это, в свою очередь, востребует все больший и больший образовательный цикл, который материализуется в профессионализме, в компетентности интеллектоемкого и наукоемкого работника, что в свою очередь удлинит цикл воспроизводства таких интеллектоемких и наукоемких кадров. Например, уже в конце 80-х годов XX века по данным Д. Мерсера на «входе» в фирму IBM требовался работник с образовательным цензом в 16–17 лет обучения и оценивался он как капиталовложения в 2 млн. фунтов стерлингов, т.е. около 4 млн. долларов. А что же тогда говорить о работниках более высокого уровня иерархии, в руководстве, которые олицетворяли собой образовательный ценз в 25–30 лет обучения, и их стоимость, по экспертным оценкам, уже составляла в десятки раз больше, до 100 млн. фунтов стерлингов. Именно этим был обусловлен тот факт, что именно фирма IBM в 1953 году, задолго до подобной инновации в Японии, ввела пожизненный найм. Потому что интеллект такого работника становился частью органичного строения капитала фирмы IBM [2, с. 18].

Рост интеллектоемкости определил высокие темпы сменяемости изменений, появляются инновационная экономика и «мир изменений», который предъявляет требования к постоянству обучения работников как формы адаптации к миру изменений. А это вызывает к жизни востребованность творческого потенциала работников, преобразования экономики в креативную экономику. Таким образом, Интеллектно-Инновационная революция предстает как единство Интеллектной, Инновационной и Креативной революций. Появившиеся недавно концепции инновационно-креативных экономик есть только отражение теоретической рефлексии по поводу этой «революции», которая началась более полвека назад.

Третье. Квалитативная революция – это вся Синтетическая революция, воздействие которой на

социально-экономические процессы пропущено через призму качества, которое придает качественную целостность всей системе. Доминирование качества над количеством – это выражение доминирования интенсивности над экстенсивностью, за которой стоит качество труда, качество человека, качество управления, «тотальное качество» (когда философия качества пронизывает всю философию управления и производства, все «пределы» производства).

Важным становится то, что основой устойчивого развития таких интеллектоемких, наукоемких и образованиемких экономик и обществ становится закон *опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе*. Нынешняя научно-техническая и образовательная политика в России, де-факто, осуществляя снижение интеллектуального и научного потенциала России, нарушает требования этого закона и тем самым ведет Россию к мощному кризису в устойчивости развития.

Четвертое. Рефлексивно-Методологическая революция есть выражение скачка в рефлексизации и методологизации научного знания в целом, усиления роли рефлексии и методологических аппаратов в функционировании науки и образования, в управлении (развитие рефлексивного управления). Рост роли экспертных сообществ разного рода – часть этого «революционного потока». Отметим, что на рост фактора рефлексии в процессах функционирования рынка ценных бумаг, бирж обратил внимание в конце 90-х годов Дж. Сорос.

Пятое. Образовательная революция как «проекция» Синтетической цивилизационной революции на эволюцию института образования в обществах мира. О педагогической формационной революции писал 20 лет назад Г. П. Щедровицкий. Нами расширено это понятие и введено понятие *образовательной формационной революции, олицетворяющей собой смену образовательной формации, в которой делалась ставка на воспроизводство узкого специалиста («профессионального кретина» в определении К. Маркса), на производство «образовательных услуг» вместе с рынком образовательных услуг, когда дело образования рассматривается как частное дело гражданина, на образовательную формацию, в которой главным становится восходящее воспроизводство качества человека в универсальной парадигме, профессионала универсального типа, профессионала-энциклопедиста*. В какой-то мере одним из «сигналов» такой «революции» был анализ, проведенный академиком АН СССР В. А. Легасовым по полученным «урокам» Чернобыльской катастрофы в 1986 году. Он обратил внимание, что появилась общественная потребность в новых типах профессионалов – в профессионалах – специалистах по слож-

ным и суперсложным системам, специалистах по переходным процессам, специалистах по диагностике катастроф и их «реабилитации», «погашения» (элиминации) отрицательных последствий и т.п.

Главным результатом Образовательной формационной революции является появление образовательного общества и образовательной экономики (замечание: не путать с «экономикой теорией образования», о которой много написано и которая получила ускоренное развитие благодаря международному журналу «Экономика образования», издаваемому Костромском государственном университете имени Н.А. Некрасова и в появлении и издании которого немалая заслуга принадлежит В.В. Чекмареву), в которых образование становится «базисом базиса» восходящего воспроизводства общества и экономики, чтобы обеспечить действие закона опережающего развития качества человека, качества общественного интеллекта и качества образовательных систем в обществе. Это означает, что образовательную экономику можно еще определить, достаточно условно, и как экономику восходящего воспроизводства общественного интеллекта.

Экономическая наука, несмотря на огромные ряды лауреатов Нобелевских премий по экономике за последние 60–70 лет, которые, несомненно, внесли свой вклад в первую очередь в науку, изучающую рыночно-капиталистическую экономику (поскольку советская социалистическая экономика, несмотря на свои огромные успехи в XX веке и, несмотря на развитие экономической науки социалистической плановой экономики в СССР, игнорировалась и продолжает игнорироваться именно как мировое явление), находится в кризисе. Можно сказать, что *экономическая наука оказалась, образно говоря, раздетой до крови.*

Импотентность правительств стран мира по переходу на рельсы устойчивого развития, а ее демонстрируют три международные конференции под эгидой ООН («РИО-1992», «РИО+10», «РИО+20»), посвященные стратегии перехода человечества на «модель» устойчивого развития, решения которых так и остаются «на бумаге», – обусловлена именно системой глобального империализма мировой финансовой капиталокации, существование которого и есть причина развивающейся первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. Человечество оказалось в «объятиях» «экологического труп» мировой системы капитализма (и соответственно мирового рынка), которые грозят превратить в «экологический труп» все человечество до середины XXI века.

Экологическое измерение кризиса мировой рыночно-капиталистической системы, которое так и не стало предметом серьезной теоретико-экономической рефлексии, по нашей оценке, может квалифицироваться как экологическая, причем глобальная,

системная катастрофа всей мировой рыночно-капиталистической системы.

Эколого-экономическая реальность, в которой живет человечество, такова: экология Биосферы вот уже более 50 лет отрицает рынок и капитализм, отрицает на своем «языке» – «языке» экологического кризиса, перерастающего в глобальную экологическую катастрофу, грозящую «похоронить» человечество в своей «экологической могиле», а экономическая наука в лице своих передовых мыслителей, включая большинство Лауреатов Нобелевской премии по экономической науке, «делает вид», как будто ничего не происходит.

Это трагическая ситуация. *Кризис экономической науки – это кризис ее главной функции – функции предвидения, функции прогностической. Причем кризис двойной – кризис по основаниям Внутренней Логике Социального Развития, в исследованиях которых и пребывают общественные науки, и кризис по основаниям Большой Логике Социоприродной Эволюции, изучение которых и определяет императив ноосферной трансформации всех наук в XXI веке, и, в первую очередь, – наук об обществе, экономике и человеке.*

Ведь ноосфера, с позиций императива выживаемости человечества в XXI веке, – это новое состояние или новое качество Биосферы, в котором общественный интеллект или коллективный Разум человечества «встраивается» в гомеостатические механизмы Биосферы и начинает управлять социоприродной (социобиосферной) эволюцией с учетом действия «законов-ограничений» Биосферы и планеты Земля как суперорганизмов.

Однако эта ноосферная линия научной рефлексии, в том числе в пространстве академической науки, все еще остается на «периферии» научного сознания, она не превратилась пока еще, как теперь принято говорить, в «мейнстрим» науки. Поэтому кризис науки, причем и системный, и методологический, и мировоззренческий, включая экономическую науку (а может быть – экономическую науку в первую очередь), развивается, отражая развивающийся кризис неадекватности человека окружающему миру, в котором он живет. Этот кризис породил явление, которое можно охарактеризовать тремя типами асимметрии современного состояния общественного интеллекта или коллективного Разума, которые и породили первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы:

– *Информационно-Интеллектно-Энергетическую асимметрию человеческого Разума (ИИЭАР), по которой в течение XX века рост энергетики мирохозяйствования (скачок от десяти в третьей степени до десяти в двенадцатой степени) намного опережал рост качества общественного интеллекта и, следовательно, рост качества предвидения негативных последствий от внедряемых хозяйственных проектов и рост качества управления бу-*

душим; с целью более образного представления об этой асимметрии мы ввели метафору «динозавра»: человек стал похож на «динозавра», «большое туловище динозавра» – это большая энергетика хозяйственного природопотребления, а значит, воздействия на Природу, а «маленькая головка» – низкий уровень предвидения экологических последствий и качества управления будущим (какое уж тут «управление», если мы, человечество, вползли уже в пространство процессов экологической катастрофы);

– *Глобальную Интеллектуальную Черную Дыру (ГИЧД)*, которая означает собой асимметрию, по которой темпы (скорость) развития процессов Глобальной Экологической Катастрофы намного опережают темпы (скорость) ее познания и упреждения; фактически ГИЧД – это только другой ракурс взгляда на ИИЭАР и «выпуклая форма» представления кризиса неадекватности человека и, следовательно, мировой науки той реальности, в которой находится человечество. Что означает ГИЧД? Оно означает, что человечество стало похожим на «цепочку слепых» на картине Брейгеля Старшего, которые подошли к пропасти и уже в нее падают вслед за «слепым поводырем»;

– *Технократическую Асимметрию человеческого Разума и соответственно науки (ТАР)*, по которой доминирует развитие естественнонаучного и технического блока наук и наблюдается увеличивающееся отставание в области научных знаний о человеке и, особенно, о его интеллекте, которое, по «закону удвоения», переходит в неадекватность человека, интеллекта, разума миру, что и отражается в экологическом кризисе; действует принцип Большого Эколого-Антропного Дополнения, по которому без решения проблем человека – и в области научного самопознания, и в области решения проблем социальной справедливости, бедности (нищеты, «бомжевания», социального сиротства, функциональной неграмотности и т.п.) – экологические проблемы принципиально нерешаемы [4].

Выход из кризиса науки вообще, из кризиса экономической науки в частности, связан с преодолением этих типов «асимметрий» человеческого Разума. Одним из путей преодоления является признание Закона энергетической стоимости.

Закон энергетической стоимости является формой энерго-воспроизводственной стратификации экономик стран мира. Этот закон увязывает необходимые энергетические затраты на воспроизводство жизни общества, в том числе всей системы экономики, с географическими условиями воспроизводства, в первую очередь, с климатом, средней годовой температурой, с особенностями воспроизводства биогеоценозов (экосистем) и т.д., и т.п. В этом плане Россия – самая большая по территории северо-евразийская страна, общинная, одна из самых холодных цивилизация, со средней годовой температурой по всей территории $\sim -5,5^{\circ}\text{C}$

(тогда как в Европе – $\sim +5^{\circ}\text{C}$, а в США – $\sim +7 - 8^{\circ}\text{C}$), с энергетической стоимостью воспроизводства в 5–7 раз больше, чем в Западной Европе, и тем более – в США. Если жить по законам мирового рынка, диктуемым правилами ВТО, то Россия обречена, по закону энергетической стоимости, быть экономическим банкротом, обречена на вымирание населения, на бунты и революции, вызванные несогласием людей с такой «стратегией развития».

Что же делать? Вернуться к собственным законам цивилизационного развития, в том числе к восстановлению планового сектора экономики, мобилизационных механизмов, провести национализацию земли и системообразующих отраслей и предприятий, восстановить инфраструктуру экономики страны с удешевлением тарифов (и транспортных, и энергетических) в 5–7 раз по отношению к мировым, перейти к реализации стратегии по восстановлению водного транспорта и гидроэнергетики, которая в «рыночной экономике» России в современное время просто отсутствует.

Главное – Россия вне планирования, вне стратегии географического размещения производительных сил, вне стратегической политики по выравниванию экологического развития Субъектов Федерации не может развиваться, а значит – будет «сползать» к экологическому, технологическому коллапсам, а вслед за ними – и к социальному, возможно – национально-этническому, возможно – геополитическому, коллапсам.

Россия – центр геополитической устойчивости и неустойчивости мира. Нельзя допустить, чтобы Россия продолжала двигаться в сторону негативного исторического сценария развития событий.

И здесь слово, которое может сказать экономическая наука, не последнее. Более того, России нужна власть, которая бы олицетворяла собой научное управление развитием страны. А для этого нужно не сокращение науки и образования, исходя из ложного и невежественного принципа рыночной эффективности, а их планово-стратегическое, исходя из технологических приоритетов (которых должно быть на уровне государства не менее 30–40), развитие.

России нужна стратегия социально-экономического развития с опорой на собственные производственные и естественно-природные ресурсы («силы»).

В мире нет ни «открытых», ни «закрытых» систем, это крайние абстракции, *а есть открыто-закрытые системы. И чем суровее климат, тем больше энергетическая стоимость воспроизводства, тем более закрытой должна быть экономика страны.*

Иными словами, степенью открытости-закрытости экономической системы страны надо управлять по «циклически-волновому закону». Когда страновая экономическая система «слаба», тог-

да должна быть большая система закрытости, лучше должен защищаться внутренний рынок. А далее, по мере роста мощи экономической системы, роста разнообразия резервов, может увеличиваться ее «открытость». Вот почему присоединение России к ВТО есть стратегическая ошибка, которая может обернуться на фоне надвигающейся второй волны глобального экономического кризиса ускорением дальнейшей деградации промышленности, особенно промышленного кластера по высоким технологиям, и деградации сельского хозяйства, со всеми вытекающими из этого социальными и национально-этническими негативными последствиями.

Россия нуждается в ясной и четкой стратегии прогрессивного развития. И проблема стратегии социально-экономического развития ее регионов, в частности стратегии социально-экономического развития Костромской области, тем более с горизонтом упреждения в 12 лет, не может не затрагивать те общие проблемы, которые нами обозначены.

В заключение отметим, что мы верим в здоровые силы российского общества, в здоровые силы регионов России. И сколь мы скоро осознаем те опасности и риски, с которыми мы сталкиваемся, значит, появится и потенциал, и воля к их преодолению.

XXI век – век новой России, которая не только должна сберечь себя как цивилизацию для Будущего, но и стать духовным водителем человечества на пути Ноосферного Прорыва к новым горизонтам Бытия, в котором ключевым, системообразующим Началом будет социоприродная или Ноосферная Гармония!

Библиографический список

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 470 с.
2. Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию / пер. с нем. – М.: Изд. дом «Альпина», 2001.
3. Субетто А.И. Интеллектуальная Черная дыра в образовательной, военной и экономической политике России. – СПб.; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.
4. Субетто А.И. Ноосферизм. Т. 1. Введение в ноосферизм. – СПб.: 2001.
5. Субетто А.И. Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика / под науч. ред. Л.А. Зеленова. – СПб.: Астерион, 2013.
6. Goodland R. Environmental Sustainment Economic Development. Building on Brundtland / R. Goodland, H. Daly, El Serafy S. (Eds.). – Washington DC: World Bank, 1991.

УДК 338.24

Курова Галина Маратовна

кандидат сельскохозяйственных наук

Костромская государственная сельскохозяйственная академия

kurovashults@rambler.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРСТВА

В статье рассматривается значение партнерства для управления конкурентоспособностью (рентабельностью как главного ее показателя). Приводятся разработанные автором индексы партнерства, методика их расчета и всеобщий закон партнерства.

Ключевые слова: конкурентоспособность, партнерство, взаимосвязь, рентабельность, индекс партнерства.

В настоящее время слово «конкурентоспособность» стало повсеместным, даже модным; его можно услышать от политиков, бизнесменов, руководителей международных организаций, чиновников, глав государств и т.д. Однако термин «конкурентоспособность» вовсе не является однозначно определенным, как в мировом масштабе, так и в масштабе РФ. Если говорить о рейтинге, то есть о ранге конкурентоспособности России по международным оценкам, то, по мнению В.С. Салтанова, за последние годы он понизился и имеет тенденцию к дальнейшему снижению [4]. Под конкурентоспособностью страны Международный Институт Менеджмента понимает способность национальной экономики создавать и поддерживать среду, в которой возникает конку-

рентоспособный бизнес. Здесь же возникает проблема управления конкурентоспособностью на разных уровнях экономики. По нашим исследованиям, для предприятий (фирм, экономических организаций) основными индикаторами конкурентоспособности на уровне экономических организаций являются рентабельность, норма прибыли и себестоимость продукции (услуг). Таким образом, понятие «конкурентоспособность» не однозначная, а многогранная, сложная категория. Рассмотрим термина «конкурентоспособность» в разное время занималось множество ученых, однако на данный момент нет определения, которое полностью описывало бы конкурентоспособность. Мы выделяем четыре основные формы конкурентоспособности: производственная, потребительская, каче-

ственная и финансовая. На наш взгляд, первая – это способность лидировать в кругу конкурентов в сфере производства, организации производства товаров и услуг; вторая – способность удовлетворять потребности людей именно в конкретных товарах и услугах в настоящее и перспективное время; третья – способность лидировать в соответствии со стандартами качества товаров и услуг; четвертая – финансовая эффективность и результативность реализации товаров и услуг в данное время и на перспективу. Эти четыре формы, «границы» конкурентоспособности, делают понятие многогранным, сложным и требующим дополнительного изучения. Нельзя не заметить, что термин «конкурентоспособность» употребляется на разных экономических уровнях. Отсюда можно сделать предположение о многоуровневости, «многослойности» института конкурентоспособности. Системный кризис в России затронул не только экономические институты, но и социальные. Административные и институциональные механизмы взаимодействия экономических субъектов, власти и бизнеса малоэффективны [3]. Именно поэтому так важно разрабатывать, искать и внедрять традиционные и инновационные механизмы сотрудничества и взаимодействия. Е. Исаева [1] считает, что углубление сотрудничества между экономическими организациями ведет к качественно новому уровню взаимодействия – партнерству. О необходимости использования партнерства часто говорится и с правительственной трибуны, особенно о политическом, стратегическом, часто государственном и социальном партнерстве.

В классическом понимании партнерство (partnership) – это некорпорированная (неакционированная) фирма, которой владеют и управляют два или более лица [5]. Таким образом, партнерство приобретает экономический смысл, хотя понимается иногда как чисто социальная категория. В настоящее время расхожей является трактовка партнерства как субъекта каких-либо социальных от-

ношений [6]. В нашей интерпретации категория партнерства может и должна пониматься гораздо шире и представляет собой какие-либо взаимовыгодные организационные и не запрещенные законом отношения. Гипотеза состоит в том, что как фактор, инструмент и даже механизм партнерство может и должно использоваться для регулирования экономических отношений между предприятиями, организациями, частными лицами и государствами. Исходя из исследований П.А. Кропоткина, можно считать, что первоначально сотрудничество представляло собой взаимодействие и взаимопомощь людей для достижения целей выживания и улучшения качества жизни. Партнерство, как и сотрудничество имманентно любой общественной деятельности людей, в том числе и экономической. Партнерство является важнейшим детерминантом самой эволюции человеческого общества, фактором как биологической, так и социальной эволюций. В этом аспекте партнерство можно определить как биосоциальный феномен и предложить всеобщий закон партнерства, который формулируется следующим образом: «Партнерство является имманентным фактором прогресса и эволюции человечества, всеобщей адаптационной реакцией и одновременно внешним детерминантом осуществления цели повышения конкурентоспособности в производстве и в человеческом обществе в целом» [2].

В 2010 году нами была впервые доказана прямая положительная взаимосвязь между рентабельностью предприятий (как главным показателем конкурентоспособности на уровне экономических организаций) и уровнем развития партнерства с помощью социологического метода. Однако коэффициент корреляции между рентабельностью и уровнем развития партнерства оказался невысоким и изменялся от 0,25 до 0,29. Поэтому возникла необходимость разработки и оценки тенденции взаимосвязи особого показателя развития партнерства – индекса партнерства (I_p) с рентабельностью эко-

Таблица 1

Паспорт партнерства

Уровень	Партнерские отношения	Активность (–/ +)					Балл качества «Б»	Удельный вес, % «УВ»
		Никогда не имели (–1)	Не имеем сейчас (–2)	Не собираемся иметь в будущем (–3)	Имеем сейчас (+4) «СА»	Собираемся иметь в будущем (+5)		
A	С предприятиями	1	2	3	4	5	Б _A	УВ _A
B	С организациями	1	2	3	4	5	Б _B	УВ _B
C	С частными лицами	1	2	3	4	5	Б _C	УВ _C
D	С государством (РФ)	1	2	3	4	5	Б _D	УВ _D
E	С другими государствами	1	2	3	4	5	Б _E	УВ _E

Паспорт партнерства. Предприятие № 33

Уровень	Партнерские отношения	Активность (–/ +)					Балл качества «Б»	Удельный вес, % «УВ»
		Никогда не имели (–1)	Не имеем сейчас (–2)	Не собираемся иметь в будущем (–3)	Имеем сейчас (+4) «СА»	Собираемся иметь в будущем (+5)		
A	С предприятиями	1	2	3	<u>4</u>	5	4	60
B	С организациями	1	<u>2</u>	3	4	5	0	0
C	С частными лицами	1	2	3	<u>4</u>	<u>5</u>	5	30
D	С государством (РФ)	1	2	3	<u>4</u>	5	4	10
E	С другими государствами	<u>1</u>	2	<u>3</u>	4	5	0	0

номических организаций, что и было сделано нами в 2010–2011 гг. Для расчета этого индекса можно использовать специальный паспорт партнерских отношений, разработанный нами (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, учтены все возможные уровни партнерства предприятий. Для определения активности формирования партнерских отношений рассчитывается коэффициент активности ($K_{\text{АКТ}}$):

$$K_{\text{АКТ}} = \text{ЧА} / \text{СА},$$

где ЧА – число активности, баллов;

$$\text{ЧА} = 5N_5 + 4N_4 - 3N_3 - 2N_2 - 1N_1,$$

где 1, 2, 3, 4 и 5 – значимые коэффициенты; N_1, N_2, N_3, N_4, N_5 – число коэффициентов, отмеченных руководителем предприятия в данной таблице (звездочкой, кружком или каким-либо другим способом) построчно; СА – стандарт активности (равен 20 баллам, то есть 4×5).

Число активности (ЧА) зависит от отмеченных в паспорте значимых коэффициентов. Каждому варианту активности присвоен значимый коэффициент от 1 до 5. Первый вариант – «Никогда не имели партнерских отношений» получил коэффициент «–1», так как определяет отрицательное отношение предприятия к партнерству, но встречается довольно редко, поэтому вычитается самый небольшой коэффициент. Второй вариант – «Не имеем партнерских отношений сейчас» – встречается чаще, поэтому он более значим (–2). Третий вариант – «Не собираемся иметь партнерских отношений в будущем» – хотя встречается менее часто, но более значим в отрицательном смысле, так как отражает тактику или даже стратегию предприятия по отношению к партнерству (–3). Четвертый вариант – «+4» – положительный ответ, встречается чаще всего и отражает «стандартную» активность предприятия. Суммирование этого коэффициента по всем уровням показывает «СА», то есть стандартную активность, равную 20 баллам (см. вышеприведенную формулу). Пятый вариант предполагает наличие наибольшей активности предприя-

тия в формировании партнерских отношений, поэтому значимый коэффициент составляет «+5».

Формула, по которой определяется индекс партнерства, была предложена нами в 2010 году:

$$I_{\text{П}} = K_{\text{АКТ}} (B_A \times \text{УВ}_A + B_B \times \text{УВ}_B + B_C \times \text{УВ}_C + B_D \times \text{УВ}_D + B_E \times \text{УВ}_E) N_y,$$

где $I_{\text{П}}$ – индекс партнерства, баллов; $K_{\text{АКТ}}$ – коэффициент активности, баллов; B_A, B_B, B_C, B_D, B_E – баллы качества партнерства (от 5 до 0); $\text{УВ}_A, \text{УВ}_B, \text{УВ}_C, \text{УВ}_D, \text{УВ}_E$ – удельный вес договоров, заключенных на данных уровнях, доли; N_y – число уровней фактически заключенных договоров, ед.

Рассмотрим конкретный паспорт по предприятию, составленный по результатам исследований (табл. 2).

Как видно из паспорта, в одной и той же строке может быть отмечено несколько вариантов активности (в данном паспорте уровни С и Е); число уровней равно 3 (уровни А, С и D); баллы качества партнерства также отмечены на трех уровнях. Сначала рассчитаем число активности:

$$\text{ЧА} = 5 + 4 \times 3 - 3 - 2 - 1 = 11 \text{ (баллов)}.$$

Тогда

$$K_{\text{АКТ}} = 11 / 20 = 0,6.$$

Рассчитаем индекс партнерства:

$$I_{\text{П}} = 0,6 \times (4 \times 0,6 + 5 \times 0,3 + 4 \times 0,1) \times 3 = 7,7.$$

В этом случае индекс партнерства составляет 7,7, то есть имеет среднюю величину. Чтобы повысить его, надо обратить внимание на сотрудничество с другими организациями и на улучшение качества партнерства с предприятиями и государством. Понятно, что по паспорту можно проводить мониторинг развития партнерских отношений на предприятии. Таким образом были составлены паспорта и рассчитаны индексы партнерства для всех 203 изученных предприятий. Эти предприятия были поделены на три группы: убыточные (рентабельность менее 0%); с простым воспроизводством (рентабельность 0,1–25%) и с расширенным воспроизводством (рентабельность более 25%). Результаты влияния уровня рентабельности на индексы партнерства представлены в таблице 3.

Таблица 3

Зависимость величины индексов партнерства от уровня рентабельности предприятий

Группа по рентабельности	Средний уровень рентабельности, %	Количество предприятий		Средний I_{Π}
		ед.	%	
1	-13,3	34	17	4,6
2	+10,2	110	54	8,4
3	+56,7	59	29	16,6
Всего	+19,7	203	100	10,1

Таблица 4

Зависимость уровня рентабельности от величин I_{Π}

Группа по I_{Π}	Средний уровень I_{Π}	Количество предприятий		Средний уровень рентабельности, %
		ед.	%	
1	1,7	54	27	4,7
2	7,5	75	37	13,9
3	18,4	74	36	47,3
Всего	9,9	203	100	23,6

Таблица 5

Вероятные варианты значений I_{Π} и его составляющих

I_{Π}	Величина	Значение	$K_{\text{АКТ}}$	Б	N_y	Вариант
Отрицательный	Менее 0	Менее 0	Менее 0	1-5	1-2	Негативный
Нулевой	0	0	0	1-5	1-5	Нейтрально-позитивный
			Менее 0	0	0	Негативно-нейтральный
			Более 0	0	0	Позитивно-нейтральный
			0	0	0	Нейтральный
Положительный	Низкий	0,1-5,0	Более 0	1	1-3	Минимальный
				1-2	1-4	Минимально-средний
				2-3	1-4	Минимально-высокий
	Средний	5,1-15,0	Более 0	3	1-5	Средний
				3-4	1-5	Средневысокий
				5	1-5	Максимальный

Таблица 6

Уровень рентабельности в зависимости от типа I_{Π}

Тип I_{Π}	Подтип I_{Π}	Величина I_{Π}	Количество I_{Π}		Средняя рентабельность, %
			ед.	%	
Отрицательный	Негативный	менее 0	1	0,5	- 18,0
Нулевой	Нейтральный	0	7	3,4	- 6,8
Положительный	низкий	0,1 -5,0	47	23,2	8,9
	средний	5,1-15,0	105	51,7	12,0
	высокий	более 15	43	21,2	44,9

Как видно из данных, представленных в таблице 3, наблюдается прямая положительная тенденция между уровнем рентабельности и индексами партнерства. Но так как партнерство является фактором, влияющим на конкурентоспособность предприятия, интересно было бы их сгруппировать и узнать, как от величины I_{Π} зависит уровень рентабельности предприятий. Данная группировка позволяет также выделить низкий, средний и высокий уровни индексов партнерства (табл. 4). Из данных таблицы 4 видно, что средний уровень рентабельности предприятий также прямо и положительно зависит от средней величины индексов партнерства. Можно считать низким I_{Π} менее 5, средним – от 5,1 и до 15 включительно, высоким – более 15. В каждом отдельном случае индекс партнерства и мониторинг уровня развития партнерских отношений зависят от конкретных показателей производства. У изученных предприятий индекс может быть и отрицательным, и равным 0, и больше 0, вплоть до $I_{\Pi}=56,2$.

Индекс партнерства является многогранным показателем, в состав которого входят сразу 4 критерия: активность формирования партнерских отношений; качество партнерства; удельный вес договоров на разных уровнях; количество уровней, на которых заключались договоры о партнерстве. Наиболее адекватные варианты, которые встречаются при расчетах I_{Π} , приведены в таблице 5. Негативный вариант показывает отрицательное отношение к партнерству; балл качества может в этом случае составлять от 1 до 5 и соответствует числу уровней, на которых заключаются договоры. При этом коэффициент активности является отрицательным, так как сумма отрицательных значащих коэффициентов по абсолютной величине больше суммы положительных значащих коэффициентов. В наших исследованиях минимальный I_{Π} составил –1, максимальный +51,8.

Коэффициент корреляции между рентабельностью предприятий и индексом партнерства был равен 0,32, то есть больше, чем при расчете только по качеству партнерства, хотя тоже имеет уровень ниже среднего. Это можно объяснить, прежде всего, большим разбросом данных, а также тем, что партнерство – организационный процесс, и руководители предприятий не всегда серьезно относятся к этому фактору регулирования конкурентоспо-

собности, не учитывают его влияние на взаимосвязь с рентабельностью. Как показали наши исследования, уровень рентабельности связан с типом индекса партнерства (табл. 6).

Из результатов таблицы 6 видно, что наибольшее количество индексов относится к положительным средним; число положительных низких и высоких примерно равно; отрицательный негативный I_{Π} выявлен только один, а нулевой нейтральный показал всего 3,4% (7 ед.). При этом наблюдается очевидный тренд по рентабельности – чем больше I_{Π} , тем выше средний уровень рентабельности. Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы:

- необходимо определиться с категорией «конкурентоспособность» и её показателями на уровне экономических организаций (предприятий, фирм);
- для оценки уровня развития партнерства, как внешнего детерминанта конкурентоспособности и для мониторинга ситуации на предприятии можно и должно использовать разработанный нами метод паспортизации и индекс партнерства (I_{Π});
- партнерство является организационным фактором, влияющим на изменение конкурентоспособности предприятия, ее внешним детерминантом, с помощью которого можно изменить показатель конкурентоспособности – рентабельность предприятия.

Библиографический список

1. *Исаева Е.* Формирование партнерских отношений с конкурентами // Проблемы теории и практики управления. – М., 2009. – № 9. – С. 93–99.
2. *Курова Г.М.* Партнерско-экономические отношения как система: монография. – Кострома: Костромской областной институт развития образования, 2011. – 118 с.
3. *Майер А.* Взаимодействие власти и бизнеса: экономическое и социальное партнерство // Проблемы теории и практики управления. – М., 2009. – № 9. – С. 18–21.
4. *Салтанов В.С.* Финансовая конкурентоспособность компании // Доклад в МФПА, 2010. – 7 с.
5. Толковый словарь делового человека / под ред. проф. А.Е. Воробьева. – Кострома: КГСХА, 1997. – 248 с.
6. *Яценко Н.Е.* Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Лань, 1999. – 524 с.

Чекмарев Василий Владимирович

доктор экономических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

СИНЕРГИЯ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РЫНОЧНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

2014 год объявлен в России годом культуры. По мнению авторов, культура определяет экономическое развитие, и в статье обосновываются позиции синергизма экономики и культуры.

Ключевые слова: экономика, культура, синергетика, образование, потребление.

Разрушая культуру, мы убиваем экономику.

Более того, убиваем самого Человека

Д. Лихачёв

Общим местом в оценках нашего времени стали рассуждения об обществе по требителям.

Насколько подобные суждения отражают реалии? С целью возможного ответа на этот вопрос попробуем (тезисно) поглядеть на экономику со стороны культуры. Ведь и та, и другая представляют внешне обособленные, но неразрывные, взаимообусловленные и взаимосвязанные виды человеческой деятельности. Или, как теперь модно говорить, виды кросскультурных взаимодействий. Влияет ли культура на социально-экономическое развитие? Или речь идет не о влиянии, а о синергии экономики и культуры? Начнем с того, что в настоящее время все большее число ученых, журналистов, политиков и практиков уделяют внимание связи культурных измерений (ценностей, ментальных моделей, социальных представлений и др.) с показателями социально-экономического развития, физического и психического здоровья популяции, продолжительностью жизни, субъективным ощущением благополучия и счастья. Однако остается неизученным, какие универсальные и культурно-специфические, социально-психологические факторы лежат в основе обнаруженных взаимосвязей [21].

При этом неизбежны вопросы о том, насколько универсальными являются культурные ценности, какова их специфика в иной географической, политической или этнической среде? Поддается ли эта культурная специфичность трансформации в процессе экономического и политического развития под влиянием глобализации? Ведь существует утверждение, что культура – это рельсы политики. И 8 сентября, общероссийский день выборов на всех уровнях власти, показал, что в обществе наличествуют процессы, пока ещё мало понятные, но в той или иной степени дающие пищу для научного анализа. Так, например, кандидатура Навального в Москве получила гораздо больше процентов голосов, чем прогнозировали социологи. А в общежитиях «продвинутых вузов» – и того больше. Его электорат уже был почти готовой партией, надо было только «доделать» для неё лидера. База этой партии – новый «средний» (или «креативный класс»). За де-

сять лет вузы выпустили 5–6 миллионов «офисной интеллигенции», которая может жить только в экономике Кубы. А за ней тянется и вся молодёжь, которая уже не хочет работать на фабриках и в конвейерах. Как раз произошёл важный сдвиг – на арену вышло новое поколение, первое постсоветское. Оно не испытало травмы 90-х годов и воспитано потребительством, оплаченным нефтедолларами и кредитами. Это новый культурно-исторический тип с неизвестным нам складом рациональности, неизбывными притязаниями и комплексами, почти утративший коммуникации с государством и старшими поколениями.

На это поколение власть возлагала надежды, но диалога с ними не получалось – «креативный класс» недоволен, он пошёл под знамёна Навального. Его избиратели в Москве – уже более чем партия, это сетевая организация, соединённая ценностями и интересами, типом образования, каналами информации, поддержкой большинства СМИ и общей краткосрочной целью. Что будет после её достижения – они об этом не думают, этому их не учили.

Следует особо отметить, что основной причиной происходящих событий является отрыв от глубинной народной культуры. От той культуры, которая всегда являлась цементирующим раствором, обеспечивающим единство народа. От той культуры, которая транслируется в души людей, и, в первую очередь, в души сегодняшних студентов – будущей элиты страны, – не через Интернет, а через общение с преподавателями. С теми преподавателями вузов, расположенных в регионах, в провинциях страны, которые пока ещё не растеряли совести и энтузиазма (при нищенской зарплате), которые являются концентрированными носителями культуры. О роли и задачах региональных университетов мы многократно писали [9; 10; 11; 15; 16; 18; 19; 20; 22]. Здесь же сошлёмся на точки зрения экономистов.

Многие выдающиеся экономисты прекрасно осознают ограниченность рационального мышления и поведения человека, понимая, что существует целый пласт неосознаваемых или полусозна-

ваемых норм и правил поведения, регулируемых базовыми культурными ценностями, которые пропитывают экономические (и любые другие) отношения. Нобелевский лауреат по экономике Д. Норт отмечал: «Мы, живущие в современном западном мире, считаем, что жизнь и экономические процессы подчиняются писаным законам и правам собственности. Однако даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписанными кодексами, нормами и условностями» [12, с. 56].

Относительно влияния ценностей культуры на экономическое и политическое развитие наций по всему миру разгораются серьезные споры.

Несмотря на то, что многочисленными международными исследованиями ценностей эмпирически доказывается тесная связь между культурными ценностями, с одной стороны, и социально-экономическими индикаторами развития наций с другой, ряд ученых активно возражает против такого «сравнительного» подхода, предпочитая ему так называемый «этнографический» взгляд [8]. По их мнению, абсолютно универсальных ценностей не бывает, но иногда культурные ценности, пересекая географические границы, порождают одни и те же последствия в совершенно непохожих ситуациях. В качестве примера приводятся ценности «трудо-вой этики – образования – отбора по способностям – трудолюбия», в равной мере утвердившиеся в Западной Европе, Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии и Восточной Азии» [7, с. 39].

Вместе с тем связь между культурными ценностями и экономическим развитием не является прямой и однонаправленной, а также не остается неизменной в разных странах в разные эпохи [2]. Например, ценности личностного достижения и преуспеяния встречаются во многих культурах, но при этом могут сочетаться с другими, непривычными для западного мира ценностями. Конфуцианство во все времена придавало колоссальное значение личному самосовершенствованию и воспитывало в детях ориентацию на достижения. Китайских детей учат тому, насколько важно добиться успеха. Для чего? Стыдно не оправдать родительских ожиданий [3]. Комбинация подчинения и стремления к достижениям предопределяла глубинную цель процесса социализации в традиционном Китае: потребность в свершениях следует реализовать, смиренно исполняя свою семейную роль и оставаясь зависимым человеком. Равновесие между тягой к достижениям и почтением к старшим тесно связано с механизмами доверия и динамикой личностных отношений, которые обеспечивают стабильность социальных связей [6, с. 229–230].

Об этом свидетельствует и высокий уровень социального капитала, которым отличается современный Китай, который благотворно влияет на развитие экономики и модернизацию общества. При этом отметим, что такого рода сочетание ценностей индивидуального достижения и верности своей первичной группе является характерным для периода начальной индустриализации. Для России это сочетание было типичным в 1930-е годы, также отмеченные небывалым трудовым энтузиазмом. По-видимому, здесь мы встречаемся с универсальной логикой ценностных трансформаций коллективистских культур, поставивших своей целью экономический рост и развитие. Однако, на наш взгляд, такое сочетание таит в себе глубинное противоречие, которое неизбежно со временем выльется в ценностный конфликт правящих элит или разных поколений. И это наше недалекое будущее. Тем не менее, объективно следует признать, что экономическому прогрессу могут способствовать не только так называемые западноевропейские, прежде всего, протестантские ценности (индивидуализм, рациональность, «достижительность»), но и восточноазиатские, например, конфуцианский динамизм (или долговременная перспектива), которые показали значимую корреляцию с экономическим ростом в странах Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Гонконг, Тайвань и др.). А что такое «долговременная перспектива», как не способность отложить вознаграждение за сегодняшние труды на завтра, разве это не «терпение», так почитаемое в традиционных земледельческих культурах, в том числе и русской? Разве это не те правительственные программы ожиданий то 2020, то 2030?

Однако различие здесь в том, что в первом случае мы имеем дело с механизмами индивидуального выбора, каким ценностям следовать, а во втором – с механизмами коллективной мобилизации на ту или иную общественную задачу, где мнение индивида в расчет не принимается, а иногда независимое суждение может представлять опасность не только для карьеры, но и для жизни его обладателя. В сфере экономики это может выражаться в том, что чем больше таких *несогласных*, тем меньше экономический эффект коллективной мобилизации, что нам и показала эпоха «развитого социализма» [13].

В отличие от четко определяемых учеными так называемых «продуктивных» для социально-экономического развития ценностей, относительно «непродуктивных» культурных ценностей нет явного консенсуса. Скорее здесь срабатывает эффект «от обратного»: чем меньше в культуре ценится рациональность, «достижительность», индивидуализм, тем с большей вероятностью данная культура попадает в разряд экономически менее успешных стран.

Однако, по мнению М. Портера, «непроизводительные» экономические культуры произраста-

ют не столько из каких-то “врожденных” особенностей того или иного общества, сколько из неосведомленности или подчинения ложным теориям. Иногда насаждение последних имеет идеологическое происхождение, но порой их рассматривают в качестве удобного метода политического контроля. Например, нередко приходится слышать сетования на то, что трудовая этика оставляет желать лучшего.

Но может ли быть иначе, когда усердный труд не вознаграждается? Если, несмотря на все старания, продвинуться по службе невозможно? Трудовую этику нельзя рассматривать в отрыве от системы экономического стимулирования в целом.

Таким образом, получается, что **«приписываемые культуре национальные особенности часто имеют сугубо экономическое происхождение...»** [14, с. 67–68].

Но и такой взгляд также грешит упрощенчеством. В России в начальный период реформ среди экономистов было распространено довольно радикальное мнение, согласно которому институциональную структуру общества можно перестроить ускоренными темпами, если проявить политическую волю и подойти к решению этой задачи рационально, отобрав наиболее эффективные институциональные образцы. При этом культурные ценности русского народа во внимание не принимались. Сегодня мы видим, что попытка подобной революционной ломки институтов привела к противоречивым результатам [5, с. 1–2].

Одним из результатов является вывод о том, что людей эксплуатирует не капитал, а экономический механизм (иерархия, рынок, институты, сети и т.п.), возбуждающий неутолимую потребность в природных ресурсах.

Будучи порождением людей, этот механизм обособился от создателей. Но, смеем утверждать, что *не рыночная конкуренция, а сотрудничество есть условие устойчивого развития*. Только тогда у экономических отношений возникает такое свойство, которое можно назвать *закуржавленностью*. Поясним смысл закуржавленности.

Тертулиан еще во II веке говаривал: «Душа по природе своей – христианка». Случилось так в истории, что именно русской душе (русскому народу) пришлось вынести неимоверные тяжести, испытания и потери, – результатом чего явились не озлобление и ненависть к миру, а, напротив, сострадательность, безмерное терпение и милосердие. Перефразируя Тертулиана, можно сказать: «Русская душа по природе своей милосердна». Прежняя власть на протяжении жизни трех поколений топтала эту душу, вила из нее веревки, насиловала, конечно же, не безрезультатно. В итоге, когда пали оковы, а с ними и страхи, разом выплеснулись со дна народной жизни ее подонки. Но с нами всегда была и нас спасала (во всяком случае, душевно уте-

шала) наша национальная, глубоко милосердная культура, начиная с поэзии и русской прозы. И сегодня дело культуры в том, чтобы сделать доктрину милосердия, социальной сплоченности общества *национальной доктриной современности!*

Поэтому лоцманы культуры (науку мы рассматриваем как неотъемлемую составную часть культуры) должны определить независимый галс нашего государственного корабля по отношению к политическому и даже экономическому ветру, т.е. свой *культурный галс*, и закрепить его легитимно и авторитетно в соответствующей культурной политике нашего государства. А люди культуры (работающие на этой ниве искренне и бескорыстно) могут и должны объединиться в *движении в защиту культуры*, в движении, формирующем *состояние* социальной сплоченности.

Конечно, и здесь обязательно есть своя общественная позиция, и в этом плане толерантность не означает всеядность, она означает только одно – неприемлемость старого советского взгляда: «Тот, кто не с нами, тот против нас» (и далее предполагается, что того, кто не сдает своих позиций, уничтожают).

Вспомним в этой связи наше недавнее прошлое и спроецируем его на настоящее.

Советскую эпоху в сгущенном виде выразила и художественная культура в ее талантливых образцах (этого не стоит ни замалчивать, ни тем более списывать со счетов). В литературе (публицистике) это был М. Горький, в поэзии – В. Маяковский; нашу же эпоху возрождающейся из руин России ярче всех выразили соответственно А. Солженицын и И. Бродский. Идеологическим нервом той культуры был классовый подход: «Я всю свою звонкую силу поэта, тебе отдаю, атакующий класс!» (Маяковский).

Главнейшее требование к искусству, собственно, условие его существования – это народность. Классовый подход оставлял человека, личность за бортом, отставлял его в сторонку: «Единица – вздор, единица – ноль... и голос певца подымает класс!» (Маяковский).

Позиция нашей нынешней новой, демократической культуры диаметрально противоположена этому. Она была блестяще сформулирована Иосифом Бродским в его Нобелевской речи – без прямого спора с канонической и широкоизвестной формулировкой о том, что «искусство принадлежит народу» и что «оно должно быть понятно массам и близко им». Вот что объявил современный, истинно *свободный* российский художник (ведь Нобелевская речь – это обращение и к современникам, и к потомкам, на века): «Если искусство чему-то и учит..., то именно частности человеческого существования. Будучи наиболее древней – и наиболее буквальной – *формой частного предпринимательства*, оно вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности,

уникальности, отдельности – превращая его из общественного животного в личность».

Но вот теперь вместо «частного предпринимательства» поэзии наше, вчера ещё сонно-застылое, а ныне не в меру прыткое обличие рынка приветствует прошлое. А ведь *деятельность преподавателей вузов с позиций культуры – это тоже форма частного предпринимательства с получением прибыли в неденежной форме.*

Вот тебе и бесприбыльная деятельность в рыночных условиях!

В этом контексте нельзя не вспомнить идею, которую (теперь уже достаточно давно) мы оформили в виде концепции создания нового типа высшего учебного заведения. Это была концепция Университета образования и российской культуры [1; 4; 17; 19]. Впрочем, почему была? Она и сегодня весьма актуальна. Даже, может быть, еще более актуальна чем два десятка лет назад. Более актуальна потому, что Минобрнауки ставит задачу подготовки кадров для регионов. Но в основе такой подготовки единственным условием закрепления кадров в своем регионе является обладание культурными традициями, любовь на этой основе к своему краю [23; 24]. Именно в этом и заключается *синергия экономики культуры.*

Библиографический список

1. Институт образования: проблемы и перспективы / С.Н. Николаев, Н.М. Рассадин, В.В. Чекмарев. – М.: Исслед. центр проблем качества, 1993. – 150 с.
2. Козловски П. Принципы этической экономики / под ред. В.С. Автономова: пер. с нем. – СПб., 1999.
3. Колмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3.
4. Концепция создания Института образования / В.В. Чекмарев, Н.М. Рассадин, В.П. Ижицкий, С.Н. Николаев. – М.: Исследовательский центр проблем качества, 1992. – 37 с.
5. Кузьминов Я. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможность культивирования институциональных изменений) / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2005. – № 5.
6. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002.
7. Ландерс Д. Культура объясняет почти все // Культура имеет – значение. – М.: Московская школа политических исследований, 2002.
8. Лебедева Н.М. Ценности культуры и развитие общества / Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко; Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 527 с.
9. На пути к инновационному университету – ресурсному центру качества человека / Н.М. Рассадин, В.В. Чекмарев // Университетское образование: опыт тысячелетия, проблемы, перспективы развития: тезисы докладов 2 Международного конгресса, г. Минск, 14–16 мая 2008. Том 1. – Минск, 2008. – С. 84–85.
10. Наумов А.Р., Рассадин Н.М., Чекмарев В.В. Классические университеты – основа инновационного развития России // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2006. – № 1. – С. 1–4.
11. Наумов А. Регионализация университетов – стратегическое направление новой образовательной политики / А.Р. Наумов, Н.М. Рассадин, В.В. Чекмарев // Университеты в трансформирующемся обществе. – Кострома, 2004. – С. 78–83.
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997.
13. Образование и интеллектуальный потенциал России. Часть 1. / Ю.А. Волков, А.И. Субетто, В.В. Чекмарев, А.Ю. Волков, А.А. Сидло. – М.: Кострома, 1998. – 176 с.
14. Портер М. Установки, ценности, убеждения и микроэкономика процветания // Культура имеет значение. – М.: Школа политических исследований, 2002.
15. Рассадин Н.М. Региональные университеты России в 21 веке: от настоящего к будущему (перспективы развития КГУ им. Н. А. Некрасова) / Н.М. Рассадин, А.И. Субетто, В.В. Чекмарев // Взаимодействие образования и социальной сферы: материалы поисковой научно-практической конференции «Значение и функции провинциального университета в социально-экономическом развитии региона», 24–27 сентября 2002 г. – Кострома, 2002. – С. 5–8.
16. Рассадин Н.М. Регионализация университетов – стратегическое направление новой образовательной политики / Н.М. Рассадин, В.В. Чекмарев, А.Р. Наумов // Классический университет и региональные приоритеты: мнимые и подлинные аполии: Материалы всероссийского семинара 14–16 октября 2003 г. – Тюмень, 2004. – С. 33–71.
17. Рассадин Н.М. Университет, нацеленный на результат (output – focused university) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2008. – № 3 – С. 5–10.
18. Рассадин Н.М., Чекмарев В.В. Модернизация сферы образования в контексте теоретико-методологических оснований экономики образования // Экономика образования. – 2003. – № 4. – С. 9–13.
19. Рассадин Н.М. Декларация Костромского государственного университета образования и российской культуры / Н.М. Рассадин, В.В. Чекмарев // Взаимодействие образования и социальной сферы: материалы поисковой научно-практической конфе-

ренции «Значение и функции провинциального университета в социально-экономическом развитии региона», 24–27 сентября 2002 г. – Кострома, 2002. – С. 5–8.

20. *Рассадин Н.М., Чекмарев В.В.* Университеты в изменяющемся образовательном пространстве // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2004. – № 5. – С. 4–8.

21. *Сусоколов А.А.* Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию. – М.: Русская панорама, 2006.

22. *Чекмарев В.В.* Региональный российский университет – базисное звено модернизации обра-

зования / В.В. Чекмарев, Н.М. Рассадина, А.Р. Наумов // Университеты как фактор формирования человеческого капитала. – Кострома, 2003. – С. 197–220.

23. *Чекмарев В.В.* Народная культура в процессах производства образовательных услуг // Экономика образования. – 2009. – № 2. – С. 89–90.

24. *Чекмарев В.В.* О миссии региональных университетов в контексте модернизации образования / В.В. Чекмарев, Н.М. Рассадина, А.Р. Наумов // Стратегическое управление и институциональное исследование в высшем образовании: материалы Первой Международной конференции, Москва, 3–4 декабря 2002 г. – Казань, 2003. – С. 73–76.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматриваются кризисные явления общественного сознания и общества; выявляются причины социального кризиса и способы его преодоления в условиях современной российской действительности. В частности, внимание уделено перекрестному консенсусу как способу интеграции общества, способствующему преодолению социального кризиса.

Ключевые слова: общественное сознание, интеграция, высшие интегративные ценности, ценностный консенсус, перекрестный консенсус.

Современный этап развития российского общества характеризуется широким многообразием изменений во всех сферах социального бытия. Именно наличие данных изменений позволяет нам говорить о современной «постсоветской» России. Процесс социальной трансформации проходит непросто: наряду с неоспоримыми достоинствами новой России, он содержит и множество кризисных явлений, выражающих кризисное состояние.

Трансформация российского общества сопровождается глубокими преобразованиями общественного сознания, играющего весьма значимую роль в его цивилизационном развитии.

Исследование кризисных явлений в общественном сознании постсоветской России является необходимым для многоаспектного понимания хода преобразований и определения тех злободневных проблем, которые возникли и осложняют его конструктивное становление. Сложность интерпретации смыслового наполнения категории «общественное сознание» обусловлена следующими факторами.

1. Во-первых, в современной социальной философии и научном дискурсе, в целом, до сих пор нет однозначного подхода к категории «общественное сознание», которая все еще содержит множество коннотаций и протосмыслов, укорененных в парадигме «советской философии».

2. Во-вторых, в связи с тем, что активные исследования трансформации российского общества и сознания ведутся последние пятнадцать лет и носят в основном прикладной характер, еще не сформирован методологический аппарат для осмысления данных проблем.

Социальная трансформация российского общества характеризуется следующим рядом особенностей, опосредующих динамику общественного сознания:

1) макромасштабность – охватывает все социальное бытие;

2) стихийность – неуправляемость трансформационными процессами;

3) преобразования в социальной структуре общества;

4) разрушение ценностной системы, утрата старых ценностей и неспособность сформировать новые;

5) отсутствие идеологии, которая бы повлияла на сознание граждан и их поведение.

Подобные процессы социальной трансформации общества создали условия для формирования кризисных явлений в общественном сознании. Наличие данных кризисных явлений обусловлено крахом советской и тяжелым процессом формирования постсоветской социальной системы. Поскольку экономические и политические детерминанты исследуются весьма масштабно, а зачастую вообще считаются единственными основаниями преобразованиями общества и сознания постсоветской России, необходимо остановиться на социальных реалиях. Следует выделить два аспекта таких реалий:

1. Необходимо дать интерпретацию характера общественных преобразований. Общество постоянно изменяется, именно наличие изменений есть показатель его существования как социальной реальности. В обществе и общественном сознании постсоветской России активизировались кризисные явления: вестернизация ценностных ориентаций населения; институционализация власти по западному образцу; становление «независимых» политических партий, плюрализация и легитимизация форм собственности, атомизация и анонимизация сознания, кризис социокультурной идентичности, антропологический кризис.

2. Необходимо охарактеризовать адаптацию населения России к новым условиям существования. Этот аспект важен и в том плане, что именно человек в его объективированном варианте является носителем общественного сознания и основным фактором всех социальных трансформаций. Социальная адаптация является условием перехо-

да общества от состояния реформирования, трансформации к социальному соответствию.

В целом трансформация общественной жизни привела к глубокому кризису общественного сознания. При этом не следует рассматривать «кризис общества», «кризис общественного сознания» с точки зрения прямого детерминизма, когда первое – причина, а второе – следствие. Как социальный кризис влияет на общественное сознание, так и кризисные тенденции общественного сознания усугубляют общественный кризис.

Общества, не имеющие абсолютных и общепризнанных целей и ценностей, теряют способность к органической эволюции и нормативному развитию. Аксиологический подход к социальному кризису современности отмечает, что причины данного кризиса необходимо искать в процессах трансформации системы духовных ценностей как интегральной составляющей общественного сознания.

Анализ трансформаций общественного сознания демонстрирует, что основной причиной социального кризиса современности являются ускоряющиеся дезинтеграционные процессы, связанные с фрагментацией ценностных оснований социальной жизни.

Важнейшим проявлением дезинтеграции является то, что универсальные ценности (добро, красота, свобода, справедливость и т.д.), нацеленные на обеспечение общего блага, все чаще начинают уступать место партикулярным ценностям. В современной идеологии ценности, связанные с общим благом, фактически не артикулируются, а в публичной риторике они обычно воспринимаются как морализаторство или как идеологические штампы, скрывающие за собой какой-либо частный интерес.

Представляется, что наиболее адекватным путем выхода из социального кризиса должны послужить меры (образовательные, воспитательные, информационные), направленные на переориентацию всех форм общественного сознания прежде всего на признание безусловного приоритета общих ценностей перед партикулярными. Однако при более пристальном рассмотрении такая рекомендация выглядит не очень реалистичной.

В философской мысли, основанной на идеях Просвещения, общее благо традиционно воспринималось как идеал, ради достижения которого можно жертвовать многим. Девизом такой социально ориентированной философии могут служить слова В.Г. Белинского, который призывал к отказу от всего, что не способствует реализации общественного идеала: «Отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твое своекорыстное “я”, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, Родины, для пользы человечества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага» [1, с. 334].

Такие слова для большей части современников уже не являются руководством к действию. Постмодернистская философия показала, что время «великих метанарративов» в XX столетии закончилось: мало кто готов жертвовать чем-либо значительным ради великих идеалов и абстрактных ценностей. Во многом это связано с тем, что все практические попытки построить общество на основе общего идеала и при отрицании частного интереса привели к неудачам.

Кроме того, отрицание благотворной роли частного интереса в развитии общества фактически во всех случаях приводило к атрофии инициативности, снижению экономической эффективности и политической активности людей. Еще в XVIII в. Б. Мандевиль в «Басне о пчелах» указал, что не только добродетели, но и пороки необходимы для развития общества. Часто пороки, основанные на эгоистических стремлениях человека, стимулируют общественный прогресс и способствуют экономическому процветанию. Фактически достижение общественного блага оказывается невозможным без индивидуального стремления к выгоде, власти, без расточительности, зависти и ревности и т.д. [2, с. 132].

Признание общей цели, помимо прочего, обозначает, что все частные цели, не соответствующие ей, должны каким-то образом нивелироваться. На практике это сложно сделать без насилия и устрашения, подразумевающих сползание общества к тоталитаризму. Экономист Ф. Хайек в работе «Дорога к рабству» пишет: «Различные виды коллективизма, коммунизма, фашизма и пр. расходятся в определении природы той единой цели, к которой должны направляться все усилия общества. Но все они расходятся с либерализмом и индивидуализмом в том, что стремятся организовать общество в целом и все его ресурсы в подчинении одной конечной цели и отказываются признавать какие бы то ни было сферы автономии, в которых индивид и его воля являются конечной ценностью. Таким образом, они тоталитарны в самом подлинном смысле этого нового слова, которое мы приняли для обозначения неожиданных, но, тем не менее, неизбежных проявлений того, что в теории называется коллективизмом» [6, с. 76].

Следовательно, важнейшей целью должна быть не смена ориентации общества с частных целей на общественное благо, а взаимовыгодное соединение частных и общих ценностей, их интеграция. Такая интеграция подразумевает диалектическое рассмотрение ценностей, при котором тезисом выступает общее благо и традиционные добродетели, антитезисом – личное благо, а итоговые интегративные ценности представляют собой синтез. Ведущая роль подобных ценностей в общественном сознании является залогом решения задач преодоления негативных явлений в обществе.

Таким образом, важным ориентиром для выхода из социального кризиса современности является новая система ценностей, которая способствовала бы интеграции народов и стран.

В социальной философии последних десятилетий отмечается, что в настоящее время формируются особого рода ценности – высшие интегративные ценности человечества. Главное назначение этих ценностей состоит в согласовании общих интересов всех стран и народов во имя выживания человечества на современном кризисном этапе своего развития.

Наиболее важными из них, согласно концепции известного австрийского философа К. Гюнцля, развивающего идеи космизма, выступают единство космического мира и человечества, эволюционный переход к интегративной целостности всего человечества, признание в качестве духовной основы интеграции человечества общечеловеческих, гуманистических ценностей, признание экономической основой интеграции партнерских отношений и свободной взаимовыгодной кооперации, определение принципа субсидиарности в качестве политической основы объединения [5, с. 134].

Главное назначение высших интегративных ценностей – согласование общих интересов во имя выживания человечества на кризисном этапе его глобальной интеграции. Однако имеется также ряд политических, религиозных и прочих ценностей, которые не могут являться основой интеграции, но и не могут быть отброшены, не затронув оснований самоидентификации человека и общества. Исследования в области изучения ценностных предпочтений подводят к необходимости решения проблемы консенсуса в области подобных целей и ценностей.

Проблема ценностного консенсуса является одной из важнейших в социальных науках. Т. Парсонс полагал, что согласие по поводу ценностей является основанием социальной интеграции. Общие ценности ведут к постановке общих целей, а общие цели являются важнейшей предпосылкой для установления отношений сотрудничества. В этих отношениях ценности институционализируются, кристаллизуются и оформляются в виде норм, ожиданий и социальных ролей. Социализация с одной стороны и социальный контроль с другой способствуют подобной институционализации. В итоге на основании базовых ценностей устанавливается социальный порядок, определяемый Парсонсом как «социальное равновесие» [3, с. 550].

Однако в современном обществе, где господствует мультикультурализм, ценностный плюрализм и толерантность по отношению к различным ценностным позициям, консенсус представляется маловероятным.

Тем не менее имеются теоретические модели консенсуса, предполагающего взаимовыгодную интеграцию в условиях несогласия по поводу ряда

базовых ценностей. Наиболее известная из подобных моделей известна как «перекрестный консенсус». Идея такого консенсуса была предложена известным американским политическим философом Дж. Ролзом. Дж. Ролз полагал, что на согласие в практических вопросах не обязательно оказывают решающее влияние различия в исходных посылах. Даже в случае серьезных «глубинных» разногласий можно прийти к консенсусу: «Это возможно, так как различные послышки могут дать одно и то же заключение. В этом случае существует то, что мы называем пересекающимся (overlapping), а не строгим консенсусом» [4, с. 339–340].

Дж. Ролз полагал, что по поводу метафизических доктрин практически нельзя договориться. Но этого, согласно Дж. Ролзу, и не требуется. Принятие той или иной метафизической доктрины – это личное дело и самостоятельный выбор каждого индивида. Что касается политических концепций, то консенсус тут возможен и необходим. Политические концепции касаются характера практического взаимодействия индивидов, а не их частной жизни. В публичной сфере нужно не спорить о метафизических доктринах, а договариваться о совместных действиях, которые могут служить на благо всему обществу. Разногласие в доктринах не означает, что люди, их разделяющие, не способны договориться о каких-то действиях. Так, все разумные люди могут договориться о действиях по защите окружающей среды, о необходимости поддержки образования, науки и медицины, о важности сохранения национальных культурных ценностей и т.д. Всем этим действиям, в принципе, не противоречат наиболее распространенные глубинные метафизические убеждения.

Таким образом, метафизические доктрины признаются частным выбором, а политические идеи – выбором публичным. По поводу последних возможен консенсус, который и называется Дж. Ролзом «перекрестным». Поиск такого консенсуса предполагает процедуру коммуникации, при которой глубинные убеждения человека выносятся за скобки, а к сведению принимаются только их практические следствия.

Перекрестный консенсус – важный способ интеграции общества. Для каждой формы общественного сознания важно в дискуссиях и диалогах обнаружить те ценности, вокруг которых общество может консолидироваться.

Для того чтобы перекрестный консенсус был возможен, необходимы определенные условия – наличие в обществе «публичных арен» (таких как свободные СМИ, особенно Интернет-площадки для открытых слушаний, и т.д.), наличие четких процедур принятия решений, которые бы предусматривали невмешательство в дискуссию метафизических доктрин, а касались только договоренностей о конкретных действиях.

Таким образом, преодоление кризисных тенденций в современном обществе предполагает интенсификацию интеграционных процессов, основанную на взаимовыгодном соединении частных и общих ценностей, а в тех сферах, где ценности находятся в состоянии конфликта, – создание условий для достижения социального консенсуса.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Взгляд на литературу. – М.: Современник, 1988. – 651 с.
2. *Мандевиль Б.* Басня о пчелах. – М.: Наука,

2000. – 291 с.

3. *Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.

4. *Ролз Дж.* Теория справедливости. – Новосибирск: НГУ, 1995. – 514 с.

5. *Фролов Д.Е.* Иерархия социальных ценностей и смена парадигмы ценностного мышления // Материалы научной конференции «Космизм и новое мышление на Западе и Востоке». – СПб.: Нестор, 1999. – С. 131–136.

6. *Хайек Ф.* Дорога к рабству. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.

УДК [1:316]:167; 119

Букин Дмитрий Николаевич

кандидат философских наук
Волгоградский государственный университет
hetfieldukin@mail.ru

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ОБЪЕКТОВ МАТЕМАТИКИ

В статье показано, что проблема существования объектов математики, не тождественная классической «проблеме обоснования математики», остается актуальной для современной философии. Рассмотрены терминологические и методологические особенности онтологических исследований, проводимых в данном направлении.

Ключевые слова: онтология, существование, объект математики, математический объект, количество.

Как известно, уже на заре становления философского знания математика играет значимую роль в развитии *онтологии* как учения о бытии как таковом, рассматривающем вещи не столько в качестве носителей неких предзаданных свойств и отношений, сколько как нечто явленное, *существующее*. Вместе с тем многих современных математиков не интересует вопрос о том, «чем “на самом деле” являются точки, прямые и числа», в то время как онтолог по-прежнему едва ли сможет отказаться «от претензии... постижения “окончательной истины”, от разгадки внутренней сущности мира» [6, с. 23]. В.В. Миронов и А.В. Иванов справедливо отмечают: «Математик не ставит вопрос в общей форме о том, познаваем ли мир... Наука всегда реализует познавательную установку, философ вправе сомневаться в ее реальности» [7, с. 15–16].

Традиционно центральной проблемой философии математики является *проблема оснований* последней, окончательно сформулированная после знаменитого «третьего» кризиса, разразившегося в начале XX в. (впрочем, нельзя отрицать, что и предыдущие два сыграли здесь свою роль). Примечательно, что на ее фоне зачастую почему-то нивелируются не менее важные вопросы *существования и статуса* объектов математики. Признавая наличие очевидной сильной взаимосвязи между данными проблемами, мы в то же время хотим обратить внимание на то немаловажное обстоятельство, что здесь затрагиваются все же нетождественные по своей сути предметные области, обладаю-

щие разным масштабом «охвата», неодинаковой степенью приближенности к реальной математической практике и т.д. Поясним это подробнее.

Наиболее лаконично проблема оснований математики может быть сформулирована в виде вопроса: «Почему математические утверждения необходимы?» Очевидно, ответ на него подразумевает поиск некоего «фундамента» (foundations в противовес bases в англоязычной литературе по теме) условно целостного здания математики. Как известно, по своей природе «этажи» и уровни данного здания выстраиваются аподиктически, с опорой на определенную аксиоматическую базу или систему постулатов. В.А. Светлов отмечает: «Математическая необходимость есть не более чем необходимость следования теорем из посылок... Но это уже не онтологическая, а логическая необходимость» [8, с. 9]. При этом термин «логическая» здесь не означает безусловной апелляции к программе логицистов – необходимость может интерпретироваться и как интуитивная очевидность (интуиционизм, конструктивизм), и как формальная непротиворечивость абстрактных конструкций (формализм), и даже как опытная верифицируемость (эмпиризм, натурализм). Не касаясь здесь истории противостояния классических философско-математических направлений, отметим, что во всех перечисленных случаях речь идет скорее не о философской, а о *математической* проблеме. Дело в том, что даже с семантической точки зрения множественное число многозначного термина «основание» фактически ничем не отличается от множественного же чис-

ла слова «начало», тысячелетиями используемого математиками. Другими словами, это тот самый случай, когда основания органически входят в нечто целое, являются его частью, пусть и на предельно высоком иерархическом уровне. Не останавливаясь подробно на поисках решения таким образом артикулируемой проблемы обоснования математики, которые Л. Витгенштейн сравнил с попыткой рассмотрения нарисованной скалы в качестве основания для нарисованной башни, констатируем, что и по сей день они не увенчались успехом. Это тем более удивительно, что формальная неразрешимость рассматриваемой проблемы неоднократно обосновывалась именно математиками (К. Гедель).

Тем не менее многие исследователи, пусть и с критических позиций, как бы «по инерции», все еще продолжают работу с основными установками логицизма, интуиционизма, формализма и др. философско-математических традиций прошлого столетия. Вместе с тем, как отмечает известный математик и логик А. Мостовский, «философские цели трех школ не были достигнуты, и, судя по всему, мы не ближе к полному пониманию математики, чем основатели этих школ» [11]. При этом автор в своей работе опять же не отрицает важность *математических* и логических результатов, полученных представителями этих школ (подобные мысли в своей статье «Почему все это не работает?» высказывает и Х. Патнэм – виднейший современный философ математики [12]).

В самом деле, признавая безусловно огромный вклад в развитие науки, который внесли Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Брауэр, Д. Гильберт и многие другие выдающиеся ученые, следует признать, что задача *всестороннего* философского анализа бытия объектов математики по большому счету не ставилась, сводилась к поискам универсальных принципов «внешнего» обоснования необходимости математических истин. Так, для формализма не стояла проблема истинности математических утверждений. Логицизм отрицал проблему наглядности математических объектов и синтетического априори в математическом познании. Практически все направления игнорировали проблему применимости математики в эмпирическом познании. Что же касается проблемы *существования* объектов математики, натолкнувшей нас на написание данной статьи, то она в лучшем случае принимала форму проблемы допустимой области определения для переменных формализованной теории множеств, что значительно затрудняло возможность применения в ее изучении подходов и методов философской онтологии.

Вместе с тем мы считаем, что проблема обоснования математики не должна каким-то образом выводиться за рамки всеобщего учения о бытии, и полностью согласны с А.Г. Черняковым, утверждающим: «Вопрос, который, как нам представля-

ется, наиболее важен для современной философии математики и, возможно, философии как таковой, заключается в том, каким должно быть онтологическое или (в перипатетическом смысле) “метафизическое” истолкование оснований математики?» [9, с. 88]. И речь здесь идет не столько о возможности неоднозначной трактовки термина «основания» (об этом говорилось выше), сколько о том, что проблема оснований математики может и должна быть артикулирована онтологически, в предельном случае мотивируя исследователя на поиск ответа на вопрос: *существует* ли на самом деле то, что мы привыкли называть предметом математики? Отметим при этом, что сама постановка данного вопроса далеко не нова и, по-видимому, неоднократно попросту вырывалась из онтологического контекста: «Наверное, каждая философская система попыталась определить свое отношение к математике и выяснить, как именно существуют и существуют ли вообще ее предметы» [3].

Прежде чем перейти к краткому обзору философских традиций, каждая из которых так или иначе затрагивает *проблему существования* применительно к бытию особого рода – математической реальности, остановимся на двух принципиально важных моментах.

В свое время немецкий математик В. Гейтш, исследовавший предпосылки существования объектов математики, предложил в качестве таких предпосылок рассматривать, «с одной стороны, определенные свойства материального мира, а с другой – практическую деятельность субъекта с его способностью создавать абстрактные конструкции» [10, с. 17]. Обратим внимание на одну важную особенность данного перевода с немецкого: упоминаются не *математические объекты* (Das Mathematische Objekt) как завершенные конструкции, в какой бы форме они ни были представлены («отражающая» диаграмматическая схема, ментальный конструкт, социальный куматоид и проч.), а *объекты математики* (Das Objekt der Mathematik) как некие количественные отношения и пространственные формы бесконечно многообразного мира, «вступающие» в парменидовское тождество с нашим мышлением. При этом, расширяя и дополняя позицию В. Гейтша, отметим: во-первых, такие объекты вовсе не обязаны быть независимыми от сознания человека, поскольку объективное не есть объектное; во-вторых, сам мир с его многообразными пространственными формами и количественными отношениями не исчерпывается физическим уровнем организации материи: начиная с древности, математиков интересуют отношения не столько между вещами, сколько между идеальными образами, вещественных прообразов у которых может попросту не быть (диагональ квадрата, неизмеримые множества, геометрические объекты, не имеющие площади, и т.п.).

Другими словами, всякий математический объект (конструкция, функция, операция и т.п.) всегда может быть рассмотрен в качестве объекта и предмета математики, но не наоборот: конкретная эмпирически проявленная зависимость, физическая форма, социальный процесс и т.п. сами по себе математическими объектами не являются, лишь открывая перед нами отдельные (порой сущностные) стороны *посредством* таких математических объектов, как уравнение регрессии, фигура вращения, дифференциальное уравнение и т.д.

Вторым немаловажным моментом является то, что зачастую вопрос о существовании математического объекта (шире – объекта математики) подменяется вопросом об *онтологическом статусе* математического объекта. С одной стороны, нельзя не согласиться с тем, что «самого по себе существования математических объектов недостаточно и... надо понять, каким образом они доступны математике» [5, с. 103]. С другой же стороны было бы неплохо выяснить, что именно понимается под существованием математического объекта «самого по себе» – платоновское «близкое к достоверному» бытие числом [2, с. 33], аристотелевское «зачатие» количества в материи, недостижимая субъекту кантовская реальность «вещи в себе»? Так ли хорошо изучен данный вопрос и готовы ли мы перейти к следующим вопросам о «что-бытии» и «как-бытии»? Впрочем, справедливость подобной проблематизации вполне может быть оспорена в зависимости от содержания той или иной философско-методологической концепции. Ниже мы попытаемся кратко изложить онтологические позиции представителей двух основных (в контексте рассматриваемой проблемы) философско-математических течений.

Основными идейными противниками, каждый из которых на протяжении всей истории мысли, начиная с античности, отстаивает собственную, вполне однозначную и весьма категорическую точку зрения на математическую реальность и ее закономерности, являются представители *реализма* и *конструктивизма*. К первым принято относить Платона (именно поэтому реализм иногда называют *платонизмом*, что, на наш взгляд, не совсем точно), Г. Лейбница, Г. Фреге, Б. Рассела и др. [1]. Общая позиция, провозглашаемая со времен Академии, такова: «Общее как предмет математики существует объективно, и здесь речь идет не о том, чтобы его конструировать, а о том, чтобы его открыть» [4, с. 66]. Действительно, в математике далеко не всегда удается доказать существование объекта, опираясь на конкретный алгоритм построения. Это касается, в частности, доказательств ряда важных математических теорем (например, теоремы Кантора, теоремы о пределе монотонной ограниченной последовательности и т.д.), а также сферы применения иррациональных и комплексных чисел.

Ключевыми фигурами *конструктивного* направления в философии математики выступают Кант, представители позднего *интуиционизма* Л. Брауэр, Г. Вейль, А. Гейтинг и др. Корни конструктивизма также следует искать в античности. По этому поводу И.Т. Касавин отмечает: «В античной математике конструировали между собой в понимании математического знания, с одной стороны, школа Евдокса, а с другой стороны, Платоновская Академия... Кант занял позицию Евдокса, согласно которой в качестве доказательств существования математического объекта дается указание на принципы его конструирования или возможность его анализа как определенной конструкции» [4, с. 66]. В самом деле, наиболее распространенный способ доказательства существования математического объекта заключается в его непосредственном построении. Данный способ широко применяется в алгебре, евклидовой геометрии, математическом анализе и является основополагающим в интуиционистской философии математики.

Очевидно, что с учетом вышесказанных принципов, которых мы придерживаемся в своем онтологическом исследовании, более близкими для нас являются взгляды реалистов. В то же время данная философско-математическая система местами сильно ограничена и не лишена недостатков, некоторые из которых довольно успешно преодолены в конструктивизме. Среди современных направлений, предпринимающих попытки избежать крайности обеих систем, перспективными можно назвать: конструктивный реализм (В.А. Лекторский), праксеологический априоризм (В.Я. Перминов), математический структурализм (отчасти Д. Гильберт, Н. Бурбаки, Н. Мулуд, С. Шапиро, М. Резник и др.) и др. Перечисление особенностей каждой из названных концепций значительно превысило бы объем данной работы, поэтому мы приводим их лишь в порядке упоминания. Так или иначе, эти направления относятся к тем немногим, которые не уходят от ответа на вопрос «существуют ли объекты математики?» и могут представить собственные онтологические модели математической реальности.

Подведем некоторые итоги. В современной философии математики сложилась весьма противоречивая ситуация: с одной стороны, все чаще возникает потребность в объединении исследовательских усилий философов-теоретиков и так называемых «работающих математиков», с другой – сохраняется необходимость развития «в чистом виде» таких разделов философии, как онтология и гносеология, изначально игравших роль областей «метазнания», связанных с наиболее глубокой формой рефлексии над проблемами индивидуального, социального и мирового бытия. На этом фоне особую актуальность приобретает сугубо онтологическая проблема существования математического

объекта (в общем случае – объекта математики), тесно связанная, но не тождественная классической «проблеме обоснования математики», любые попытки разрешения которой в настоящее время зашли в тупик.

Онтологическая артикуляция проблемы оснований математики требует, на наш взгляд, выполнения следующего условия: всякое рассуждение о статусе сущего, выступающего элементом системно организованного предмета математической науки, следует в первую очередь начинать не с выяснения того, *как* он существует, а с обоснования того, что он вообще *существует*. Ведущими философскими и философско-математическими течениями, продолжающими поиски в этом направлении и преодолевающими ограниченность «вечных» противников – реализма и конструктивизма, являются конструктивный реализм, математический структурализм и прагматический априоризм.

Библиографический список

1. Беляев Е.А., Перминов В.Я. Философские и методологические проблемы математики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 217 с.
2. Булдаков С.К. Модели развития европейской науки: от античности до нового времени // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 1. – С. 33–36.
3. Гутнер Г.Б. Онтология математического дискурса. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.teneta.ru/rus/ge/gutner_ontology_of_matematic.htm (дата обращения: 17.02.2010).

4. Касавин И.Т. Конструктивизм как идея и направление // Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 63–72.
5. Кричевец А.Н. Кризис математических наук и математического образования // Вопросы философии. – 2004. – № 11. – С. 103–115.
6. Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика? / пер. с англ. под ред. А.Н. Колмогорова. – М.: МЦНМО, 2004. – 568 с.
7. Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. – М.: Гардарики, 2005. – 447 с.
8. Светлов В.А. Философия математики: основные программы обоснования математики XX столетия. – М.: КомКнига, 2010. – 208 с.
9. Черняков А.Г. Математика как формальная онтология // Философия математики: актуальные проблемы. Материалы международной научной конференции 15–16 июня 2007. – М.: Изд. Савин С.А., 2007. – С. 87–89.
10. Heitsch W. Mathematik und Weltanschauung. – Berlin: Akademik Verlag, 1978. – 348 s.
11. Mostowski A. Thirty years of foundational studies // Acta Philosophica Fennica, Fasc.17. – Helsinki, 1965. – P. 8.
12. Putnam H. Philosophy of mathematics – why nothing works? // Words and life. – Harvard UP. – P. 499–512.

УДК 123

Калустьянц Жанна Суреновна

кандидат философских наук

Северо-Кавказский горно-металлургический институт

(государственный технологический университет) (г. Владикавказ)

linda543@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ АСПЕКТОВ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЛИЧНОСТНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ

В статье рассматривается фундаментальная проблема современной философии, стоящая не только перед научным сообществом, но и перед всем человечеством. От успешного решения проблемы личности, как в теоретическом, так и в практическом плане, без преувеличения зависит судьба человечества, ибо уникальная личность выступает идеалом гуманизма и фундаментом европейской цивилизации.

Ключевые слова: личность, свобода, детерминация, общество, уникальность, системный подход, индивидуализм.

Моральный релятивизм современного общества приводит к размыванию ряда моральных ценностей, так что индивид лишается образцов нравственного поведения, на которые он мог бы ориентироваться. Во многих современных странах, лишенных устойчивой системы ценностей (источник которой может быть различным – будь то государственная идеология, церковь, само общество) и опирающихся на абстрактные «демократические ценности», возникает моральный вакуум и демократия превращается во вседозволенность. Нравственные ценности не

могут появляться сами по себе, их необходимо формулировать и воспитывать у населения. Если в обществе нет устойчивых моральных норм, закрепленных не столько законодательно, сколько в общественном сознании, они не могут появиться и у членов этого общества. Нравственную личность необходимо воспитывать, и отсутствие устойчивых моральных норм приводит к тому, что индивид просто не знает, как вести себя правильно, к какому идеалу стремиться.

Существенное влияние на общественную жизнь оказывают современные средства массовой инфор-

мации. Они не только позволяют человеку чувствовать свою связь со всем миром, но и снабжают его потоками информации, лишь небольшая часть которой является для него востребованной и нужной. Современный человек тонет в этих информационных потоках, не в состоянии обработать их и отделить зерна от плевел. И если согласиться с высказыванием В.И. Пржиленского о том, что «современный мир постоянно создает ситуации, когда социальные системы даже не предлагают индивиду выбора, они просто изменяют направление своей деятельности в перманентно переструктурирующемся, трансформирующемся и реконфигурирующемся мире. Результатом такого постоянного изменения становится разрыв между идентичностью и такими прежде важными ее коррелятами, как профессия, интересы, биография. Идентичность ... можно свободно выбирать, но практически невозможно защитить свой выбор» [2, с. 44], – то надо признать, что главным ориентиром для идентификации обывателя становятся навязываемые ему стандарты жизни, демонстрируемые в рекламе, где на первый план выходит «человек экономический» и идентификация происходит по принципу «я есть то, что я потребляю».

СМИ нивелируют ценность приватной жизни человека, выставляя напоказ общественности истории из жизни «звезд» и заодно активно приглашая стать «звездами» «простых людей» в различных реалити-шоу. Таким образом, происходит отчуждение от индивида его собственной приватной жизни, по крайней мере в ее традиционном понимании. Е.Б. Рашковский прав в своем утверждении, что «это влияние, делающее мышление отрывочным и “клиповым”, – влияние, замещающее осмысленную работу сознания чередованием случайных и, как правило, преднамеренно навязываемых образов...» [3, с. 37].

Еще одним результатом распространения СМИ, с одной стороны, является тиражирование стереотипов и заблуждений (поскольку отсутствует как таковая цензура – не политическая цензура, а цензура здравого смысла), что увеличивает обскурантизм и невежество населения (нельзя не отметить, разумеется, что параллельно СМИ выполняет и образовательную функцию, однако, при уже указанной невозможности «фильтровать» информацию самостоятельно, первое перекрывает второе). С другой стороны, у человека возникает недоверие к любой информации вообще, поскольку СМИ не раз уличались во лжи. Последнее обстоятельство опять же ведет к затруднению идентификации – как я могу идентифицироваться с чем-то, если я ни во что и никому не могу верить?

То, что современный человек располагает значительно большим количеством свободного от профессиональной деятельности временем, нежели в предыдущие эпохи, тоже является фактором воз-

действия на его идентичность. Располагая временем, человек тратит его на то, чтобы уйти от реального повседневного мира, прежде всего, в виртуальный. Е.О. Труфанова отмечает, что «в связи с этим в его идентичности важную роль начинают играть его второстепенные идентификации. Появился даже термин – эскапизм – для характеристики деятельности человека, который “убегает” от реального, повседневного мира в мир грез, фантазий, иллюзий. Эскапизм – это необязательно бегство от “серьезных занятий” к “несерьезным”, это, как правило, уход от негативных переживаний, от недовольства своей жизнью, от рутины. Эскапистская деятельность такого типа всегда характеризуется формированием новых Я-образов. Эскапизм дает возможность самореализации тем, кто чувствует ее недостаток в повседневной жизни» [4, с. 16].

По ее мнению, стремление человека к эскапизму вызвано тем, что он «позволяет жить не дважды и не трижды, а бесконечное множество раз. Многие отмечали, что время является нестабильной субстанцией – в зависимости от наших ощущений, оно как бы сжимается или растягивается. Разумеется, это не физические, а психологические характеристики времени. Но благодаря этой психологической особенности, эскапизм позволяет человеку пережить за определенный промежуток времени много больше, чем это представляется возможным». Что касается влияния эскапизма на формирование и удержание стабильной идентичности, то здесь он также играет важную роль, поскольку для идентичности играют одинаково важную роль как события нашей непосредственной реальной жизни, так и события нашего внутреннего мира, в том числе и фантазии – в том случае, если они представляются нам важными.

Общественные и исторические кризисы неизбежно приводят к тому, что у индивидов возникает конфликт между тем, кем они себя ощущают и тем, какие ожидания в них вкладывает общество. Возникающее чувство «бездомности» может привести как к трагическому исходу кризиса идентичности, так и к позитивному результату – когда человек отправляется на поиск нового «дома». Под «домом» здесь может пониматься широкий спектр понятий – от просто географической смены места жительства до смены психологических настроек личности.

Н.Г. Козин напоминает, что для человека «сохранить идентичность – значит сохранить основы социальности, культуры, духовности, средства для их адекватной трансляции от одной эпохи и периода истории к другим. Только так можно не противоречить законам преемственности» [1, с. 39]. В противном случае, при утрате идентичности, – последующий затяжной и болезненный кризис.

Особую актуальность «кризис культуры» приобретает сегодня в российском обществе, испытывающем шок от столкновения с массовой культу-

рой в ее западном, «вестеризованном» варианте. Сегодня явственно обнаружилось, что, как в любом динамически развивающемся обществе, в современной России многие традиционные способы самоидентификации (этнические, сословные, классовые, личностные и др.) оказываются неэффективными. Глобальная система массовых коммуникаций выступает мощным фактором нивелировки культурных различий, свидетельствуя о кризисе социально-культурной идентичности. По мнению Е.О. Труфановой, «масс-медиа создают, конструируют реальность, в которой человек существует. Реальный мир отступает для современного человека на второй план по сравнению с миром виртуальным» [5, с. 103]. Ответом на их наступление в XX и еще более в XXI столетиях является запрос на идентичность – национальную, религиозную, социально-групповую, личностную. И этой проблемой озабочены во всех странах мира, в том числе в индустриально развитых.

Ясное понимание идентичности позволяет сделать лично-целенаправленный выбор, реализовать свой профессиональный потенциал. Этот аспект определяется индивидуальной структурой приоритетов и ценностей. Интерперсональный аспект идентичности состоит из социальных ролей и личной репутации. Все вместе это называют «социальной идентичностью».

Наконец, чувство собственной идентичности, ее понимание определяют жизненные цели и задачи индивида, помогают оформить ему жизненный путь. Этот аспект сочетает в себе индивидуальный потенциал (внутреннюю веру в способности преодолевать препятствия, самоусовершенствоваться) – с индивидуальной целью, самоуважением, верой в собственные силы. В целом же «идентичность предстает как способ соединения человека с собственной самостью – “я” через интеграцию с социальной общностью любого иерархического ряда, начиная с семьи и кончая человечеством» [1, с. 39].

Каждая идентичность состоит из широкого набора компонентов, единиц самоопределения. Их единство определяет единство смысла, значения идентичности, обеспечивая индивиду и континуальность и отличие от других. Социальные трансформации, завершившиеся сегодня самоидентичностью и глобализацией, стали двумя полюсами в диалектике локального и глобального на этапе «высокого модерна» (А. Гидденс предпочитает определение – высокий модерн постмодерну).

Онтологическая безопасность составляет основу для следующего важнейшего компонента идентичности – жизненной политики. Политика жизни – самоактуализация, происходящая в постмодернистских контекстах. В них тенденции глобализации глубоко вторгаются в рефлексивный проект «само» и, наоборот, процессы самореализации влияют на глобальные стратегии. «Политика жизни»

возникает в ситуации свободы выбора и заключается в принятии этических норм: Как жить? На какие ценности ориентироваться? Какова наша ответственность перед природой? Каковы принципы экологической этики и генной инженерии? Каковы пределы технических и научных открытий и границы вмешательства в личную жизнь? Наконец, в чем состоят права человека?

А. Гидденс представляет собственную гипотезу структуры идентичности. Идентичность – это два полюса: с одной стороны, абсолютное приспособленчество (конформизм), с другой – замкнутость на себя. Между полюсами социолог выделяет различные уровни структуры. По его мнению, для современной идентичности характерны следующие дилеммы и, соответственно, патологические формы: 1) унификация – фрагментация; 2) беспомощность – овладевание; 3) авторитарность – неопределенность; 4) личные потребности – рыночный индивид. На каждом уровне возможны патологические формы развития: 1) традиционализм – конформизм; 2) всемогущество – отчуждение; 3) догматизм – радикальное сомнение; 4) нарциссизм – полное растворение в мире товаров.

В целом, А.А. Гидденс является противником постструктуралистских и большинства постмодернистских теорий, предрекающих кризис способности современного человека обрести свою идентичность.

Исходным положением Серто является утверждение, что идентификация – «аккультурация» к способам, нормам, практическим рекомендациям в повседневной жизни. Древнее искусство практики – основа человеческого самоутверждения. Человек подчиняется стереотипам, процедурам, принятым в группе, культуре. Эти процедуры зафиксированы прежде всего в языке – в способах устной речи, письма и чтения.

Обретение идентичности предполагает наличие таких социально-культурных элементов, как реализация лингвистической системы с помощью речи; изобретение своего языка; самоутверждение в настоящем (прошлое создано до, а будущее потом).

Отвечая на вопрос «Как завоевать идентичность?», французский мыслитель считает, что первым условием должно быть самоутверждение во времени. Для этого требуется присваивать обретенные умения, успешные качества, готовить будущие расширения и, таким образом, обретать определенную независимость в постоянно меняющихся обстоятельствах. Это покорение времени через создание автономного пространства. Следующим условием «завоевания» идентичности Серто называет присвоение способов контроля, видения в удобных для этого пространствах. Иметь возможность видеть – значит иметь возможность предсказывать, бежать вперед времени путем чтения пространства. Но наиболее важным в этом процессе для совре-

менного человека становится – овладение знанием, для того чтобы трансформировать неопределенности истории в читаемые пространства, иметь власть обеспечить себе собственное место (военные и научные стратегии, автономные города, независимые конституции).

В зарубежной и отечественной мысли сложились своеобразные модели идентичности и определены общие и особенные традиции исследования феномена идентичности как психологического и социокультурного феномена. Их суть заключается в том, что идентичность имеет структурное строение, основными параметрами которого являются целевой, содержательный и оценочный. Обычно происходит выделение двух аспектов идентичности: личностного и социального. Чаще в современных теориях личностный аспект вторичен по отношению к социальному. Он формируется на основе использования выработанных в процессе социальной категоризации понятий.

Согласно современным теоретическим исследованиям идентичность – изменяющаяся структура; она развивается на протяжении всей жизни, проходит через преодоление кризисов, может изменяться в прогрессивном или регрессивном направлениях, то есть быть «успешной» (эффективной) или «негативной» (индивид отклоняет любые взаимодействия). В таком ракурсе идентичность выступает как первичное и необходимое условие для развития личности. Длительный кризис идентичности становится препятствием для формирования личности. Выявление различных типов идентичности происходит по следующим параметрам: наличие и отсутствие целей, кризиса, возможность формулировать политику жизни, открытость к выбору, сила и наличие решений относительно сози-

дания себя самостью, целенаправленность, возможность овладения современным опытом и знаниями. Теоретики едины во мнении, что идентичность социальна по происхождению, так как формируется в результате взаимодействия с людьми и усвоения каждым выработанного в процессе социальной коммуникации языка. Изменения идентичности обусловлены социальными изменениями.

Опираясь на культурно-историческую концепцию и субъектно-деятельностный подход, можно определить социальную адаптацию как специфическую внутреннюю и внешнюю деятельность человека по созданию нового в индивидуальном сознании, переживаниях и отношениях, осуществляемую в соответствии с жизненными задачами и с помощью социально-культурных средств, диктуемых обществом, в котором он живёт. И это понятно: старшие поколения утратили привычную идентичность, новые пытаются её обрести в социальном пространстве.

Библиографический список

1. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 39–43.
2. Пржиленский В.И. Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // Философские науки. – 2009. – № 10. – С. 44–47.
3. Рашковский Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн // Вопросы философии. – 2011. – №6. – С. 37.
4. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 16–19.
5. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 103–107.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕОЛОГИИ

В статье анализируются этапы исторического развития идеологии, описаны особенности каждого из этапов, включая современный.

Ключевые слова: идеология, этапы развития идеологии.

Идеология весьма сложное и многогранное явление, изучению которого посвящен не один десяток современных исследований. Данную работу также можно причислить к этому множеству.

Само понятие «идеология» неоднократно рассматривалось различными исследователями (в том числе и автором данной статьи [6]). Приводить здесь очередной вариант интерпретации сущностных признаков данного социального явления не имеет смысла. Для научно корректного изложения возможно лишь ограничиться общепринятым, не вызывающих сомнений, кратким определением без какого-либо подробного уточнения.

Итак, идеология – совокупность мировоззренческих установок, идеалов, ценностей, интересов общественных групп, отражающая так или иначе те социальные условия, в которых они находятся [6].

Целью этой статьи является изучение идеологии в динамике, которая прошла в своем развитии, как здесь утверждается, три этапа: религиозный (предидеологический), идеологический и массово-идеологический. Далее будут последовательно рассмотрены особенности каждого из них, а также причины подобных исторических трансформаций.

Для первого этапа, верхняя граница которого проходит по эпохе Просвещения, характерно то, что идеологические функции в основном выполняла религия, апеллируя в большинстве своем к сверхъестественному существу или сверхъестественным существам, если богов было несколько. Бесспорно то, что основное место в религии занимали дела потустороннего мира, но из этого ни в коем случае не следует второстепенность и несущественность для нее мирских забот. Любая религиозная система – это, прежде всего, отражение социального порядка, который находил в первой не только обоснование, но и основание своего функционирования.

Роль подобной легитимизации социального порядка выполнял и выполняет один из элементов религии под названием религиозная идеология, которая наряду с религиозной психологией является уровнем религиозного сознания. Следует оговориться, что сам факт существования данного элемента не делает его самостоятельным. Религиозная идеология, как продукт творческой деятельности богословов, миссионеров, проповедников, в обязательном порядке нуждается в апелляции к сверхъестественному, то есть она целиком и пол-

ностью принадлежит религии. Идеология на данном этапе в самостоятельный феномен еще не сформировалась.

Наиболее ярким и часто приводимым примером проявления религиозной идеологии являются законы Ману. Это древние (I в. до н.э. – I в. н.э.) индийские религиозные тексты брахманизма, которые явно демонстрируют попытки обоснования сложившейся к тому времени кастовой системы.

Согласно этому религиозному тексту (законы Ману или Ману-смирти) общество разделялось на четыре касты: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Каждой из них для сохранения вселенной бог Брахма установил особые занятия, особый круг прав и обязанностей [1].

Авторы законов Ману ратуют за монархию и дают подробные советы о том, как требуется поступать царю, прежде всего, в своей политической деятельности. Причем основным средством политического управления полагается наказание, из страха перед которым все живые существа служат пользе и не уклоняются от исполнения дхармы. Ведь Наказание правит всеми людьми, Наказание же охраняет, Наказание бодрствует, когда все спят; мудрые объявили Наказание воплощением дхармы [1].

Схожим образом привлекалась вера в сверхъестественное для обоснования социального и политического порядка в иных религиозных системах: христианстве, исламе и т.д.

Развитие науки и техники, качественное изменение производственных отношений, появление и распространение университетского образования, усложнение социальной организации образования стали причинами обособления идеологии в отдельную и самостоятельную сферу общественного сознания, что ознаменовало её переход ко второму этапу своего развития.

Главным обоснованием мировоззренческих позиций стали имманентные, естественные законы человеческого общежития. Наука в этом отношении стала играть одну из ведущих ролей. В большинстве идеологических систем самого различного направления ссылаются на науку как на основание своей истинности. Но в отличие от последней целью идеологии не является достижение истины.

Следует заметить, что переход к казавшемуся бы рациональному типу аргументации и обоснования не привел к вытеснению иррационального типа мышления, которое скорее трансформировалось,

нежели исчезло вовсе. Современные идеологии и их предшественницы трехсот-, четырехсотлетней давности полны мифами, не проверяемыми допущениями, софизмами. В этом смысле идеология мало чем отличается от религии.

В качестве примера можно привести марксизм, который представляет собой достаточно сложный социальный феномен. Несмотря на присутствие достаточно мощных методологических оснований, он также содержит ряд положений, которые вряд ли можно причислить к научным. В этом смысле интересна критика данного учения со стороны Карла Поппера.

Согласно его мнению, последователи Маркса придали своей теории «конвенционалистский характер», сделали её научно неопровержимой и тем самым разрушили её широко разрекламированные претензии на научный статус [14, с. 246].

Аналогичные примеры «ненаучности» можно привести и по отношению к другим идеологическим учениям, претендующим на обоснованность их положений научными исследованиями.

Продолжая описывать второй этап становления и развития идеологии, необходимо отметить, что она в этот период еще не стала действительно массовым явлением, а в основном – уделом аристократических клубов, высокостатусных социальных групп, положение которых обеспечивало доступ к образовательному уровню, необходимому для её усвоения и интериоризации. Вытеснить или значительно потеснить религию из соответствующих областей идеологии сразу не удалось. Положение религии во многих частях света в эпоху Просвещения было потеснено, но она еще долгое время сохраняла свои лидерские позиции во влиянии на массы. Прошло не менее ста лет, прежде чем идеология стала действительно завоевывать умы и сердца миллионов.

Своеобразным индикатором этого процесса вытеснения, по всей видимости, могут служить взаимоотношения государства и церкви. Как только религия перестает должным образом выполнять идеологические функции, так сразу же церковь начинает обретать независимость от государства (равно как и государство от церкви). Причины таких изменений связаны с распространением массового образования и инертностью религиозной идеологии. Ведь далеко не все (и не всегда) религиозные системы, связанные тысячелетней традицией, смогли оперативно отреагировать на метаморфозы общественного сознания. К тому же для усвоения идеологии требуется определенный уровень образования, повышение которого породило аналогичные трансформации качественных характеристик духовных запросов.

Хотя утверждение того, что религия ушла из сферы идеологического или вот-вот уйдет из нее, было бы ошибочным. Скорее всего, религиозная

идеология потеряла монополию на обоснование социального порядка, но не собирается расставаться с подобного рода деятельностью совсем. В некоторых регионах планеты и по сей день идеологические процессы протекают в рамках религии.

Иллюстрацией могут служить конституции совершенно не похожих друг на друга государств, в которых дается установка на поддержку религии или апелляцию к Богу. Выше обозначенное можно обнаружить в конституциях Норвегии [12], Дании [9], Греции [8], Аргентины [7], Ирландии [10], Ирана [11] и т.д.

Помимо некоторой инертности религиозной догматики другой причиной столь успешного и массового распространения идеологии стал усилившийся авторитет науки, апелляция к которой выглядела более убедительной. Эта форма общественного сознания смогла дать человечеству рецепты решения многих социальных проблем, которые, как казалось ранее, подвластны только божьей воле. Именно практические успехи науки сильно поспособствовали возникновению у нее ореола того средства, которое поможет сделать рай на небесах земной реальностью. Перспектива насладиться радостью вечного блаженства в потустороннем мире при условии строгого соблюдения религиозных норм тускнела на фоне достижений науки, пользование благами которой не требовало личного и духовного совершенствования или осуществления каких-либо, как правило дорогостоящих, обрядовых манипуляций, чью действенность подтвердить в этой жизни было невозможно.

Указанные причины, а именно развитие и успехи промышленного производства, науки и техники и связанные с этим процессом усложнение социальных структурирования и регулирования, массовое образование, более высокий уровень потребностей, – привели к тому, что идеология стала неотъемлемым элементом общественного сознания, существенно при этом потеснив религию. Это означало начало нового, третьего этапа трансформации идеологии, который следует обозначить как сверхидеологический, или массовоидеологический.

Идеология в этот период стала востребованной потому, что она смогла предложить новую, более адекватную модель сильно усложнившихся общественных отношений, что сделало ее самостоятельным социальным феноменом с собственными системообразующими факторами. Он стал устойчиво и массово самовоспроизводить себя. В частности, появились особые организации и специалисты, чьей основной (одной из основных) функцией стало производство и распространение среди населения идеологического продукта.

В странах Запада, быть может, это выражено не так явно, как, к примеру, это было в СССР. По свидетельству А.А. Зиновьева, идеологическое воздействие западных стран построено не как прину-

длительная обязанность и дополнительная нагрузка, а как развлечение и полезная для потребителей деятельность.

Идеологический механизм Запада не обособился в виде особой системы лиц и учреждений. Он распылен в обществе, растворен в жизнедеятельности таких элементов общества, которые сами по себе идеологическими не являются. Каждый человек рождается и живет в определенном, сформированном этим механизмом идеологическом поле, избежать которого он не в состоянии.

Функции идеологов в западных странах выполняют философы, социологи, психологи, историки, политологи, журналисты, писатели, политики, советники в учреждениях власти и в партиях, сотрудники секретных служб и органов пропаганды. Эти люди придают единство и преемственность идеологическому плюрализму, образуют связную идеологическую среду. Лица, вновь вступающие в эту сферу, получают определенную подготовку, продолжают дело предшественников по тем же правилам. Если они не будут это делать, то не попадут в эту сферу, а попав в нее, не будут иметь успеха и не удержатся в ней. Они обязаны следовать определенным правилам профессиональной идеологической среды, чтобы заработать на жизнь, делать карьеру, приобретать известность.

Помимо конкретных лиц в западном обществе существуют специальные идеологические организации. Хотя они таковыми не являются формально, не созданы посредством решения какого-либо органа власти, но выполнение ими идеологических функций, являющихся для них основными, не вызывает сомнений. Прежде всего это различного рода государственные учреждения, включая секретные службы, исследовательские институты, университетские кафедры, общества, клубы, агентства, комиссии. Пример другого рода идеологических организаций – это учреждения и предприятия, образующие то, что принято называть термином средства массовой информации [2].

Любопытным также является то, что на Западе идеологические функции выполняют многие организации экономической сферы, потому как формирование определенного типа мышления и поведения, образа жизни позволяет компаниям извлекать сверхприбыль. В качестве иллюстрации можно привести рекламу автомобиля в американской культуре. В этом случае компании и корпорации торгуют не столько товарами, сколько символами.

Иначе обстояло дело в Советском Союзе. Идеологические учреждения создавались формальным, целенаправленным путем. Они не складывались стихийно, как на Западе. В ЦК КПСС был специальный секретарь по идеологии. Вопросами идеологии занималось несколько отделов – пропаганды, науки, культуры. На всех ступенях партийной системы, включая первичные партийные органи-

зации, имелось то же самое, что и на высшем уровне. Аналогичная картина была в ВЛКСМ (в союзе молодежи). В армии – политическое управление, политические отделы, заместители командиров по политической части, идеологические отделы в КГБ. Функционировали специальные идеологические учреждения в академиях наук (философии, экономики, истории). К таковым можно отнести также Академию общественных наук при ЦК КПСС, партийные и комсомольские школы, идеологические факультеты и кафедры в учебных заведениях.

Кроме прямого информационного воздействия, население вовлекалось в идеологические действия: собрания, демонстрации, выборные кампании, общественные работы. В этом случае от человека требовалась не только лояльность, но и определенно-го рода активность [4].

Исчезновение СССР с политической карты мира, смена общественного строя отразились на идеологии, на идеологических учреждениях. Последние, по крайней мере в таком виде, в каком они существовали в советский период, были ликвидированы. В Конституции РФ появилась статья, в которой объявлялось идеологическое многообразие, запрещалось установление государственной или обязательной идеологии.

Однако, несмотря на предписания Основного закона, государственная идеология (то есть та, которая исходит от государственных органов и ими поддерживается) не исчезла вовсе. Скорее, она трансформировалась в весьма интересный феномен. Анализ различных государственных актов РФ позволяют сделать вывод, что в настоящий момент в России сложилась особого рода государственная идеология, отличительными признаками которой являются отбечаемость и неконкретность [5].

В целом идеология как социальный феномен на третьем этапе развития в различных уголках планеты предстает в одном из двух описанных выше вариантов (условно их можно назвать советским и западным) с поправкой на местные особенности и условия. Возможен также промежуточный вариант. Последний демонстрируется современной действительностью России и многих других государств эпохи постмодерна.

Анализ ситуации, на первый взгляд, может усложнить нынешний религиозный ренессанс. Но своим успехам, скорее всего, он обязан, во-первых, политической конъюнктуре (тот или иной режим стремится обеспечить себя поддержкой церкви для большей легитимизации своего положения, или же это есть реакция на вестернизацию), а во-вторых, некоторому откату от рациональности и идеалов Просвещения, что было подмечено, к примеру, в России рядом авторов [4; 13].

Другой случай, выбивающийся из предложенной схемы развития (религиозная идеология – идеология – массовая идеология), – это государства,

подобные Ирану, в которых идеологические процессы протекают в тесном переплетении с религией. Но и здесь объяснение можно найти, если проанализировать содержание политического ислама.

Как утверждают исследователи, в хомейнизме¹ немало заимствований из немусульманского мира, в частности из марксизма. Его положения входят в противоречие с традиционным исламом (как шиитского, так суннитского толка) и лишь по форме являются религиозным учением, по содержанию – светской идеологией с социалистическим уклоном [3].

В дополнение стоит заметить то, что имеется прелюбопытнейшее сходство раннего хомейнизма и советской идеологии первых лет существования Советского государства: экспорт революции, внешненациональность, идеократичность и даже лозунг «Обездоленные всего мира, объединяйтесь!» [3]. А если учесть, что творчество одного из идеологов исламской революции Аль Шариати представляет собой переработку латиноамериканской версии марксизма, то такое сходство вряд ли можно назвать случайным.

Обозначенные аргументы подтверждают большую светскость идеологии политического ислама в Иране, чем могло бы показаться при поверхностном взгляде. Скорее всего, здесь имеет место частный случай третьего этапа развития идеологии, чье своеобразие обусловлено местными особенностями. Идеология выдавливает религию как бы изнутри, видоизменяя и подменяя её содержание.

В качестве выводов данной работы можно обозначить следующее.

Идеология в своем развитии прошла три исторического этапа: религиозный (предидеологический), идеологический и массовоидеологический.

Переход от одного периода к другому обусловлен трансформацией количественных и качественных характеристик общественного сознания, причиной которой был рост технологической и интеллектуальной мощи человечества. Использование, обслуживание и совершенствование сложной техники и технологий потребовали создания системы массового образования, которая бы обеспечивала подготовку большого количества соответствующих специалистов. В свою очередь это привело к качественному усложнению социальной деятельности и духовных потребностей человека, росту его интеллекта и авторитета науки.

Как результат, религия в полной мере перестала качественно выполнять свои идеологические функции. Эту роль на себе приняла идеология, которая стала самостоятельным феноменом. Она институционализировалась, и современность уже не мыслится без нее. Всевозможные заявления о деидеологизации общественной жизни, по всей видимости, следует рассматривать как своеобразный идеологический ход. Ведь вряд ли сейчас можно назвать хотя бы одну страну, в которой идеология

не играла сколько-нибудь значимой роли в её жизни, а население этого государства при этом было вовсе нерелигиозным.

И если изначальное появление идеологии обусловлено изменениями в коллективном сознании некоторых высокостатусных социальных групп, имеющих доступ к элитарному образованию, то причиной перехода к третьему этапу стало образование массовое. Данные процессы не проходят одновременно и повсеместно во всем мире, потому как зависят от региональных, местных условий: уровня технологического развития, образованности населения, общественного устройства и т.д. В некоторых случаях, как было отмечено выше, идеология развивается в тесном переплетении с религией. Хотя последняя постепенно теряет свою монополию в духовной сфере, но списывать ее со счетов пока рано.

Примечание

¹ Хомейни Р.М. аятолла, рахбар (вождь) Исламской революции 1979 года. Факих Исламской республики Иран с 1979 года по 1989 год.

Библиографический список

1. Законы ману: Мнавадхармашастра / пер. С.Д. Эльмановича. – М.: ЭКСМО-пресс, 2002. – 493 с.
2. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. – М.: Астрель, 2008. – 563 с.
3. Измаков Т.З., Семедов С.А. Хомейнизм – идеология политического ислама // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4. – С. 162–170.
4. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум: интеллигенция на пепелище России. – М.: Алгоритм, 2012. – 750 с.
5. Козырев М.С. Идеологи в современном государственном регулировании социальных процессов в России // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 1. – С. 39–43.
6. Козырев М.С. Понятие «Идеологии» в общественных науках: теоретический анализ // Социальная политика и социология. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 130–143.
7. Конституция Аргентины. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/358> (дата обращения: 10.05.13).
8. Конституция Греции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/153> (дата обращения: 10.05.13).
9. Конституция Дании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/152> (дата обращения: 10.05.13).
10. Конституция Ирландии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/151> (дата обращения: 10.05.13).

11. Конституция Исламской республики Иран. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/140> (дата обращения: 10.05.13).

12. Конституция Норвегии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://norto.ru/content/>

konstituciya-norveгии (дата обращения: 10.05.13).

13. Панарин А.С. Правда железного занавеса. – М.: Алгоритм, 2006. – 333 с.

14. Поннер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.

УДК 1(091)(470)

Рыбина Лариса Борисовна

Костромская государственная сельскохозяйственная академия
larisa.rybina.2014@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННОГО ИДЕАЛА В ФИЛОСОФИИ С.Л. ФРАНКА И В.С. СОЛОВЬЕВА

В статье рассматриваются взгляды русских философов С.Л. Франка (1877–1950) и В.С. Соловьёва (1853–1900) на разрешение проблемы идеального общественного устройства. Выявлены общие и отличительные черты в предложенных ими концепциях общественного идеала. В результате сделан вывод о том, что С.Л. Франка можно лишь отчасти считать последователем и продолжателем В.С. Соловьёва в решении данной проблемы.

Ключевые слова: С.Л. Франк, В.С. Соловьёв, общественный идеал, всеединство, теократия, личность, государство и право.

Россия на рубеже XIX–XX веков пережила тяжелые испытания. Они повлияли на культурную и духовную жизнь России. Русская философская мысль в этот период была по характеру общественно-политической. Это определило общий ее настрой и содержание, концентрацию внимания философов на вопросах человеческого бытия, на обсуждении мировоззренческих проблем. Изменилась и основная тематика философских размышлений. На первый план выдвигаются вопросы дальнейшего развития России, проблема общественного идеала. С.Л. Франк отмечает особенность темы исследований философов того времени: «Едва ли можно назвать хотя бы одного национального русского мыслителя, который бы не выступал одновременно в качестве морального проповедника или социал-реформатора, иначе говоря, в некотором смысле не стремился бы улучшить мир или возвестить идеал» [1, с. 489]. Сложная социально-политическая ситуация в стране привела к разочарованию в прежних идеалах. Спасение России многие философы того времени видели в возрождении и утверждении истинных идеалов общественного устройства, основанных на религиозном мирозерцании.

Проблема общественного идеала была одной из основных тем в философии С.Л. Франка. В качестве опорной конструкции идеальной модели общественного устройства мыслитель использует «философию всеединства». Одним из ее основоположников считают В.С. Соловьёва. Выясним, можно ли считать С.Л. Франка последователем В.С. Соловьёва в решении проблемы общественного идеала.

Современный исследователь П.П. Гайденок отмечает значимость идей В.С. Соловьёва для формирования философского мировоззрения

С.Л. Франка: «Соловьёвское учение о всеединстве – отправной пункт для С.Л. Франка» [2, с. 115]. Г.Е. Аляев устанавливает следующее соотношение между этими двумя философами: «Свою систему абсолютного реализма С. Франк выстраивает как систему всеединства, однако было бы неправильно только на этом общем утверждении делать вывод о прямом родстве философии Франка и Соловьёва» [1, с. 210]. Исследователь отмечает, что подход С.Л. Франка к концепции всеединства отличается «особенно тщательным философско-логическим анализом, который трудно найти у кого-либо из других русских философов» [1, с. 210]. Сам С.Л. Франк высоко оценивает философское творчество своего соотечественника. В статье «Русское мировоззрение» он называет В.С. Соловьёва «определённым образцом для следующего поколения русских мыслителей» [11, с. 497]. В предисловии к книге «Реальность и человек» С.Л. Франк пишет: «...Влияние на меня мировоззрения Вл. Соловьёва было, очевидно, бессознательным» [10, с. 133–134].

Во взглядах С.Л. Франка и В.С. Соловьёва на проблему общественного идеала есть сходства и отличия. Оба философа отмечают большую роль, которую играют общественные идеалы в жизни людей. Для них высшим совершенством является «Богочеловечество». Но уже в это понятие С.Л. Франк и В.С. Соловьёв вкладывают различный смысл. Идея Богочеловечества у В.С. Соловьёва связана с софиологией. Конечная цель всего развития названа им Софией, Вечной Женственностью, представляющей божественную полноту. В перспективе, по мнению В.С. Соловьёва, должно произойти соединение Софии и Мира, который должен прийти к идеальному состоянию. С.Л. Франк отклоняет идею Святой Софии, объясняя это тем, что «признание священной, производ-

но-божественной основы мира совсем не требует его гипостазирования в особое божественное существо» [7, с. 363]. Общий принцип предложенного им идеального общественного устройства выражается в идее «возможно более полного воплощения в совместной человеческой жизни всей полноты божественной правды» [8, с. 107]. Исходя из анализа онтологической природы общества и человека, С.Л. Франк приходит к выводу, что в своей глубине общественное бытие представляет собой «соборность», то есть первичное многоединство индивидов, укорененных в абсолютной божественной реальности. Таким образом, в отличие от В.С. Соловьёва, он утверждает изначальный богочеловеческий характер личности. Для С.Л. Франка Богочеловечество это не будущая перспектива развития общества, а существующая в своей глубине реальность. Но, согласно С.Л. Франку, существует и внешний эмпирический слой социальной жизни, названный им «общественностью», который характеризуется раздельной множественностью людей, многие из которых не осознают свою связь с Богом. Поэтому идеал он видит в процессе, в ходе которого эмпирия общественной жизни все более соответствует своей онтологической первооснове.

В рамках философии всеединства В.С. Соловьёв развивает концепцию теократического устройства общества. В лекциях «Чтения о Богочеловечестве» и в работе «Критика отвлеченных начал» он критикует европейскую демократию, показывает несостоятельность социалистического идеала. В.С. Соловьёв убежден, что только «свободная теократия» является идеальным общественным порядком, так как определена добровольным подчинением человеческой воли безусловному началу и вытекает из потребности человека в бесконечном развитии, стремлении его к абсолютной цели. В течение творческого пути теократический идеал философа претерпевает изменения от идеи «цельного общества», в котором церковь признается высшим началом общественных отношений, до оптимистически-хилиастического убеждения в возможности реализации на земле вселенской христианской теократии, а затем до отказа от теократического идеала в его конкретных эмпирических формах.

Теократическая концепция В.С. Соловьёва анализировалась русскими философами, в том числе и С.Л. Франком. Он развивает понятие «свободной теократии», освобождая его от противоречий, связанных с возможностью полной реализации абсолютного идеала и отождествления его с конкретными историческими формами. С.Л. Франк определяет теократию как соборное устройство общества. Он указывает на теснейшую связь между «соборностью» и религиозностью и приходит к заключению, что «в основе всякого общества, как его ядро и животворящее начало, необходимо лежит церковь» [8, с. 92]. Признавая и ценя христи-

анскую церковь, как организацию и учреждение верующих, С.Л. Франк большую роль в совершенствовании общественных отношений отводит христианству как учению, а также совместной христианской деятельности по нравственному оздоровлению всех сторон человеческой жизни.

Существенное значение для конструирования общественного идеала имеет решение проблемы соотношения личности и общества. С.Л. Франк критически пересматривает антропологию В.С. Соловьёва, которому не удастся достичь полного соединения и взаимного присутствия Божественного и человеческого начал. Суть рассуждений В.С. Соловьёва сводится к тому, что человек обладает лишь потенциальной возможностью становления Богочеловека в отдаленной перспективе. В отличие от В.С. Соловьёва с его имперсоналистическими взглядами, С.Л. Франку удается преодолеть дуализм между Божественным и человеческим началами благодаря синтезу всеединства и персонализма. Разъясняя свое понимание отношения между абсолютным всеединством и личной индивидуальностью, философ пишет: «Подлинное всеединство достигнуто лишь там, где всеобъемлющее, всецелое бытие с самого начала, органически, в силу основной своей структуры, включает в себя начало *личное*, начало неповторимой иррациональной единственности носителя творческой жизни» [13, с. 48].

В.С. Соловьёв в вопросе осуществления общественного идеала силами самих людей можно отнести к представителям этического романтизма. В отличие от него, С.Л. Франк считает, что в отношении к миру действительности абсолютный идеал всегда остается требованием, которое не может быть полностью осуществлено. Попытка человеческими силами установить царство божие на земле есть, по мнению философа, утопизм. С.Л. Франк считает, что полное преобразование мира находится в ведении Бога, а человек может производить только частичное его усовершенствование. При этом, в отличие от В.С. Соловьёва, он выступает против теории прогресса, утверждая цикличность исторического развития.

Одним из основных вопросов, входящих в анализ проблемы общественного идеала, является вопрос о сущности и значении государства и права. В.С. Соловьёв отмечает значительную роль государства в совершенствовании общественной жизни. В статье «Значение государства» он подчеркивает: «Государство, как действительное историческое воплощение людской солидарности, есть реальное условие общечеловеческого дела, т.е. осуществления добра в мире» [4, с. 855]. С.Л. Франк также придает большое значение государству в жизни общества: «Государство, политическая власть, принуждение – все это есть роковая земная необходимость, без которой человек не может обойтись» [9, с. 170].

Много общего имеется во взглядах В.С. Соловьёва и С.Л. Франка на проблему согласования личных и общественных интересов с помощью права. В формулировке В.С. Соловьёва «право есть исторически подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага» [5, с. 320], его целью является обеспечение условий реализации добра. В работе «Свет во тьме» С.Л. Франк обосновывает необходимость соблюдения личного и общественного интересов. Он отмечает, что «права каждой данной человеческой личности должны быть определены так, чтобы они не умаляли прав других людей» [12, с. 191]. Оба философа считают, что право и нравственность онтологически необходимы и совершенствование общественного устройства невозможно без развития нравственно-правового сознания.

В своей схеме исторического развития человечества В.С. Соловьёв выделяет идею нации, признавая ее положительную ценность. Он придает огромное значение русскому народу во всемирном осуществлении теократии, формулирует «русскую идею», согласно которой Россия должна сыграть особую роль в укреплении единства христианских народов. В.С. Соловьёв четко разграничивает национализм и национальность или народность. В письме к А. А. Кирееву он пишет: «Я признаю народность, как *положительную силу*, служащую вселенской (сверхнародной) идее. <...> Поэтому я решительный враг *отрицательного национализма* или народного эгоизма, самообожания народности <...>» [6, с. 484]. В своей концепции национальности С.Л. Франк, так же как и В.С. Соловьёв, исходит из признания национального сознания, народной души и выступает с критикой превознесения национальных особенностей России, но, в отличие от него, не является приверженцем «русской идеи».

Итак, С.Л. Франк, обратившись к методологическому синтезу всех имеющихся социальных теорий, всесторонне проанализировал концепцию общественного идеала В.С. Соловьёва и последовательно развил его теократические идеи. Исследование взглядов обоих философов на проблему идеального общественного устройства показывает, что особое внимание они отводили религиозно-духовным основам общества, выдвигая идею Богочеловечества. Большую роль в реализации общественного идеала С.Л. Франк и В.С. Соловьёв придавали государству и праву, не уменьшая при этом значения гражданского общества и нравственного воспитания. Главное отличие в их взглядах на проблему идеального общественного устройства состоит в вопросе понимания соотношения абсолютно и относительного. С.Л. Франк критикует утопизм В.С. Соловьёва, проявляющийся в утверждении возможности достижения в условиях исторического мира самочинной волей человека совершенства

жизни, обеспеченного неким общественным порядком или организационным устройством, типа «свободной теократии». С.Л. Франк считает невозможным абсолютное совершенствование мира человеческими силами. Это принципиальное отличие приводит и к другим особенностям концепций общественного идеала В.С. Соловьёва и С.Л. Франка. Изучив и проанализировав представления об идеальном общественном устройстве своего соотечественника, С.Л. Франк предложил собственное, очень оригинальное решение данной проблемы. Таким образом, проведенное исследование подтверждает слова В.В. Зеньковского, отметившего лишь «общее воздействие на Франка Вл. Соловьёва» [3, с. 803]. С.Л. Франка можно лишь отчасти считать последователем и продолжателем В.С. Соловьёва в решении проблемы общественного идеала.

Библиографический список

1. Аляев Г.Е. С. Франк и Вл. Соловьёв: «пересмотр наследия» // Соловьёвские исследования: периодический сб. науч. трудов / отв. ред. М.В. Максимов. – Иваново: ИГЭУ им. В.И. Ленина, 2008. – Вып. 16. – С. 205–218.
2. Гайденок П.П. Метафизика конкретного всеединства, или Абсолютный реализм С.Л. Франка // Вопросы философии. – 1999. – № 5. – С. 114–150.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект; Раритет, 2001. – 880 с.
4. Соловьёв В.С. Значение государства // Соловьёв В.С. Спор о справедливости. – Харьков, 1999. – С. 849–860.
5. Соловьёв В.С. Оправдание добра. – М.: Республика, 1996. – 478 с.
6. Соловьёв В.С. Смысл любви. – М.: Современник, 1991. – 525 с.
7. Франк С.Л. Духовное наследие Вл. Соловьёва // Франк С.Л. Русское мировоззрение / отв. ред., сост. А.А. Ермичев. – СПб.: Наука, 1996. – С. 360–367.
8. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Духовные основы общества: сб. / сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев. – М.: Республика, 1992. – С. 13–146.
9. Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 147–244.
10. Франк С.Л. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия // Франк С.Л. С нами Бог / сост. и предисл. А.С. Филоненко. – М.: АСТ, 2003. – С. 131–436.
11. Франк С.Л. Русское мировоззрение // Духовные основы общества: сб. / сост. и авт. вступ. ст. П.В. Алексеев. – М.: Республика, 1992. – С. 471–500.
12. Франк С.Л. Свет во тьме: опыт христианской этики и социальной философии. – М.: Факториал, 1998. – 255 с.
13. Франк С.Л. Философия Гегеля (к 100-летию со дня смерти Гегеля) // Путь. – 1932. – № 34. – С. 39–51.

МОТИВЫ ДЕСПОТИЗМА И ЖЕРТВЕННОСТИ В ПОЭЗИИ Н.А. НЕКРАСОВА 1840-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются стихотворения Н.А. Некрасова 1846 г. «Перед дождём» и «Родина». Автор статьи показывает взаимосвязь деспотизма (государственного и семейного) с поддерживающим его страхом и противостоящей ему жертвенностью.

Ключевые слова: сюжет, мотив, стихотворение, деспотизм, жертвенность.

В поэтическом мире Н.А. Некрасова особенно значимы мотивы деспотизма и жертвенности. Являясь сюжетобразующими в таких поэмах, как «Тишина», «Несчастные», «Русские женщины», «Кому на Руси жить хорошо», они выражают одну из характерных черт русской жизни. В эволюции этих мотивов отражено развитие историософских взглядов поэта.

В ряде произведений деспотизм и жертвенность осмысливаются через символику образов природы. В этом отношении Некрасов продолжает пушкинские традиции. Во Вступлении к «Медному всаднику» Высшие силы («в тумане» спрятавшие «солнце») и природа («лес») не одобряют «думы великие» Его:

И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел... [2, т.5, с. 131].

О сложности такого рода произведений Некрасов, рассматривая стихотворения Ф.И. Тютчева в статье «Русские второстепенные поэты» (1849), писал: «...Конечно, самый трудный род поэтических произведений – это те произведения, в которых, по-видимому, нет никакого содержания, никакой мысли: это пейзаж в стихах, картина, обозначенная двумя-тремя чертами. Уловить именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собой данная картина, – дело величайшей трудности [1, т. 11, кн. 2, с. 46].

К такому роду поэзии относится некрасовское стихотворение «Перед дождём» (1846). Передана мимолётность сценки: лесная дорога, «проезжая таратайка» с жандармом. Образы обобщены: не указаны ни место, ни время действия, не конкретизированы и проезжающие. Образ арестанта подразумевается. Это сообщает произведению символичность. Природные образы здесь одушевлены и выражают драматизм ситуации. Казалось бы, причину этого можно объяснить исходя из заглавия – ожиданием непогоды. Но состояние леса говорит о чём-то чрезвычайном, более значительном, чем приближение дождя. Атмосфера наполняется тревожными звуками. Тон задаёт «заунывность»

ветра. Он «гонит стаю туч», «гонит», как будто в ссылку, – «на край небес». Лес потемнел и «глухо шепчет». И под этот аккомпанемент «стонет» ель. Она «надломлена» увиденным.

Далее эта картина оттеняется более близким планом. Звуки здесь как бы стихают, но сценка более динамична. Ручей, в противоположность «тёмному» лесу, – «рябой и пёстрый». Летящие листки – «За листком летит листок» – напоминают неких легкомысленных лесных существ, торопящихся поговорить о чём-то случившемся, необычном. Это настроение поддерживает и «сухая и острая струя» «набегающего» холода.

От этой «легкости» шепчущихся листьев взор вновь обращается к небу. Экспрессия усиливается: «Полумрак на всё ложится», «гонимая» молчаливая «стая туч» уступает место «стаям» галок и ворон, которые, собравшись «со всех сторон», «с криком в воздухе кружатся». (Заметим, что, подчёркивая эту ситуацию, автор, работая над текстом, вместо «стаи туч» во втором стихе поставил «стаю туч» [1, т. 1, с. 470].) Образы птиц как бы повторяют образы листков, но, вместе с тем, и противопоставляются им. Галки и вороны также как бы обсуждают происходящее, но, вероятно, и гневаются на что-то недоброе.

В первых трёх строфах причина тревоги не ясна, лес её только предчувствует, так как о ней, о «таратайке», речи ещё нет. Она появляется лишь далее, как бы неожиданно. И благодаря этому создаётся впечатление, что при приближении «проезжей таратайки» возмущение природы достигает апогея.

В то же время здесь как бы завершается круг: взгляд от «небес» опускается к ручью, затем вновь подымается к небу. Такая замкнутость обособливает лес от поразившей его «таратайки».

Состояние экипажа также воспринимается как нечто необычное:

Над проезжей таратайкой

Спущен верх, перёд закрыт [1, т. 1, с. 37].

Арестованных обычно возили в закрытых экипажах. Педалью закрытости «таратайки», автор поэтически переосмысливает действительность: жан-

дарм боится гнева леса и его обитателей и, отгородившись от них, – стремглав уезжает. Его «крик» и «нагайка» угрожают не только ямщику, но и арестованному, и лесу:

И «пошёл!» – пристав с нагайкой,

Ямщику жандарм кричит... [1, т. 1, с. 37].

Следовательно, заглавие стихотворения метафорично. Оно выражает ситуацию конфликта между лесом и жандармом, который и представляет, и символизирует деспотизм.

Таким образом, конфликт деспотизм / жертва как бы передаётся через конфликт леса с «таратайкой». Так выражается его онтологический характер: нарушается всеобщая гармония. Так показывается противоестественность деспотизма государственных властей.

В творчестве Некрасова осмысливается и проблема истоков деспотизма: является ли он продуктом русской жизни или привнесён извне. Тема стихотворения «Родина» (1846) – семейный гнёт.

В контексте поэзии 1820-х – 1840-х гг. «Родина» представляет собой переосмысление традиций элегической и гражданской лирики. Это воспоминание о родине. Оно как бы продолжает ряд таких элегий, как «Родина» Е.А. Баратынского (1821), «Моя родина» и «Чужбина» Н.М. Языкова (1822, 1823), «Тоска по Родине» И.И. Козлова (1831) и др. Но эмоциональная струя у Некрасова иная: вместо умиления «малой родиной» – протест против её порядков. В этом отношении некрасовская «Родина» близка лермонтовскому стихотворению «Прощай, немытая Россия...» (1841) и, в особенности, «Деревне» Пушкина (1819). И в то же время оригинальностью рассматриваемого произведения является его лейтмотив – самоосуждение лирического «Я». Таким образом, Некрасов эстетически перерабатывая образцы элегической поэзии, придаёт ей новое звучание.

Шестистопный ямб с цезурой по середине строки, которым написана «Родина» (как и пушкинская «Деревня»), создаёт атмосферу размышлений. Воспоминания героя выстраивают лирический сюжет. В композиции произведения проявляется принцип зеркальности, благодаря чему усиливается поэтическая экспрессия. В первой и последней строфах лирический герой воскрешает в своём воображении духовный облик «отцов»:

И вот они опять, знакомые места,

Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,

Текла среди пиров, бессмысленного чванства,

Разврата грязного и мелкого тиранства [1, т. 1, с. 45].

Отметим, что образ отца не выделен из ряда праотцов, он типичен:

И только тот один, кто всех собой давил,

Свободно и дышал, и действовал, и жил...

[1, т. 1, с. 46].

Здесь проявляется драматизм мироощущения лирического «Я»: психологически себя он отделяет от «отцов».

Образ «отцов» вводит и мотив рабства:

Где рой подавленных и трепетных рабов

Завидовал житью последних барских псов.

Где вторил звону чаш и гласу ликований

Глухой и вечный гул подавленных страданий

[1, т. 1, с. 45, 46].

Здесь ощущается подтекст пушкинской «Деревни»:

Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,

Здесь Рабство тощее влачится по браздам

Неумолимого Владельца [2, т. 2, с. 282].

Отметим, что Некрасов показывает взаимосвязь «бесплодности» и «пустоты» жизни со склонностью к деспотизму.

Работая над текстом, поэт усиливает характеристику рабства. Так, уточнены первоначальные варианты:

Завидовал житью любимых барских псов

[1, т. 1, с. 474].

Где рой подавленных и трепетных людей

Завидовал житью собак и лошадей [1, т. 1, с. 474].

Глухой и тёмный гул подавленных страданий

[1, т. 1, с. 472].

Спокойно и дышал, и действовал, и жил

[1, т. 1, с. 473].

Обратим внимание и на то, как автор типизирует персонаж, обобщая образ «отцов». Следовательно, «бесплодная и пустая жизнь», «бессмысленное чванство», «разврат грязный» и «тиранство» – русская традиция, порождаемая самим укладом жизни.

Особенностью стихотворения является и то, что в его архитектурном круге присутствует и противопоставление. Среди тех, кого отец давил, – и «рой трепетных рабов», и «мать моя», и «сестра души моей» (строфы 2, 3). С этими героями и связан мотив жертвенности. Автор раскрывает его содержание. Душа матери «горда, упорна и прекрасна»:

Но знаю: не была душа твоя бесстрашна;

Она была горда, упорна и прекрасна [1, т. 1, с. 45].

В противоположность бездуховности отца, вера помогала ей «жребий свой нести»:

И всё, что вынести тебе достало сил,

Предсмертный шёпот твой губителю простил!..

[1, т. 1, с. 45].

Этот мотив продолжает сюжетная линия «сестры души моей». Высота её души имеет и внешнее проявление, чего не может вынести «сам палач»:

Но, матери своей печальную судьбу

На свете повторив, лежала ты в гробу

С такой холодною и строгою улыбкой,

Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой

[1, т. 1, с. 46].

Жребий этих героинь напоминает судьбы матери и старшей сестры Некрасова. Но поэт избегает прямых аналогий, убирает из текста индивидуализирующие черты. В окончательный текст не включены, например, такие стихи ранней редакции:

Но помню я твоё недоброе молчанье,

Смущавшее отца, и горькое рыданье...

И быстрый-быстрый взгляд, сверкнувший неслучайно
И гневом, и грозой, и ненавистью тайной.

Смерть матери была предтечею твоей...

[1, т. 1, с. 471].

Образ матери является связующим для ряда произведений Некрасова. Впервые он встречается в юношеском стихотворении «Красавице» (1839):

Мне мил и потому печальный тот напев,
Что в первый год родимая, с тоской,
Смирля им порыв ребяческого гнева,
Качая колыбель заботливой рукой;
Что в годы бурь и бед заботливой молитвой

На том же языке молилась за меня... [1, т. 1, с. 254].

Печальная тональность его, написанного ещё при жизни Елены Андреевны, характерна для мотива матери на протяжении всего творчества поэта вплоть до «Последних песен».

Противоположность образов отца и матери в «Родине» выражена и пространственно. Лирический герой вспоминает свою мать в саду:

Вот тёмный, тёмный сад... Чей лик в аллее дальней
Мелькает меж ветвей болезненно-печальный?

[1, т. 1, с. 45].

Это единение с природой говорит о гармонии её душевного мира. И напротив, образ отца связан с домом. Эта замкнутость пространства напоминает закрытость «проезжей таратайки» из стихотворения «Перед дождём», отгораживающейся от леса. В «Родине» эта художественная мысль развита:

Вот старый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, –
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило,
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.

И набок валится пустой и мрачный дом [1, т. 1, с. 46].

Автор показывает, что власть этого «мрачного дома» приводит не только к гибели самого жилища, но и к нарушению гармонии в окружающей природе:

срублен тёмный бор –

В томный летний зной защита и прохлада, –
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,

Понурия голову над высохшим ручьём [1, т. 1, с. 46].

Думается, что этот образ мог быть литературным источником «большого серого мрачного дома» Рогожина в «Идиоте» Ф.М. Достоевского.

Итак, образы матери и сестры противостоят образу отца. В то же время отметим, что жертвенности героинь противоречит «добродетель» няни. С этим связан мотив конформизма, опустошающего душу ребёнка.

Няня стремилась примирить «Я» героя с миром дома. Вспоминая это, он осуждает себя, раскаивается в робости души, оттого что в юности не смог отвергнуть ненавистного деспота:

Но ненависть в душе постыдно притая,

Где иногда бывал помещиком и я [1, т. 1, с. 45].

Теперь, прозревая, он переосмысливает няню «доброту»:

Её бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
[1, т. 1, с. 46].

Литературным комментарием к этим мотивам может служить стихотворение Некрасова «Суд» (1867).

Вспоминая о своём детстве, лирический герой воспроизводит картину семейного деспотизма. Мотив примирения с ним заострён до страха, унижающего человеческое достоинство:

Родился я в большом доме,
Напоминающем тюрьму,
В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держал под страхом всю семью
И челядь жалкую свою [1, т. 3, с. 35].

Няня здесь играет ту же роль: стремится примирить героя с порядками «большого дома, напоминающего тюрьму», что, в конце концов, приводит к «тому же страху». Работа над текстом подтверждает это направление мысли поэта. После приведённых стихов в ранней редакции шли варианты:

А) Хромой дьячок меня учил,
Но больше слушать я любил
Рассказы нянюшки моей
Про домовых и про чертей.
Б) Её рассказы о чертях [1, т. 3, с. 293].

В окончательной редакции:

Рассказы няни о чертях
Вносили в душу тот же страх [1, т. 3, с. 35].

Заметим, что мотив страха у Некрасова связан с мотивами крепостничества и деспотизма. Он возникает и в стихотворении «Свобода» (1861), посвящённом отмене крепостного права:

Родина-мать! по равнинам твоим
Я не ездил ещё с чувством таким.
Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:
В добрую пору дитя родилось,
Милостив Бог! не узнаешь ты слёз!
С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен [1, т. 2, с. 127].

Отметим, что в поэзии Некрасова логика развития образа няни противоположна концепции образа матери, у которой «рыцарь на час» находит душевное отдохновение:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагривших руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви! [1, т. 2, с. 138].

Таким образом, в стихотворении «Родина» мотив жертвенности противостоит не только мотиву деспотизма, но и конформизму.

Обратим внимание на концовку стихотворения. В противоположность ранним редакциям оно завершается многоточием, что говорит об открытости финала. В заключительной фразе – «И набок валится пустой и мрачный дом» – глагольное время – несовершенное. И окружающая природа,

и «дом» могут возродиться. «Старые хоромы» как будто ждут нового хозяина, похожего на мать и сестру. Думается, что открытость финала выражает мысль автора о бесперспективности деспотизма и о победе сил, способных к самопожертвованию. Поэтому совершенно закономерно было значительно более позднее возрождение этих мотивов; в один из самых критических моментов русской истории – переживание страной поражения в Крымской войне (1853–1856) – появляется некрасовское стихотворение «Поэт и гражданин» со словами:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденья, за любовь...
Иди и гни безупречно.

Умрёшь не даром: дело прочно,

Когда под ним струится кровь... [1, т. 2, с. 9].

Таким образом, в рассмотренных стихотворениях Некрасова 1846 г. деспотизм и жертвенность показаны как характерные черты русской жизни. Через взаимодействие с природой подчёркивается дисгармоничность и антигуманность деспотизма. Своё развитие эти мотивы получают в последующем творчестве поэта.

Библиографический список

1. Некрасов Н.А. Полн. собр. соч.: в 15 т. – Л.; СПб., 1981–2000.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – М., 1994–1996.

УДК 82.161.1.09"18"

Белопухова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
klepa3367@mail.ru

МОТИВЫ БАЛЛАДЫ Ф. ШИЛЛЕРА «ПУТЬ В ПЛАВИЛЬНЮ» В РОМАНЕ «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И.С. ТУРГЕНЕВА

Автор подчёркивает общность философских и эстетических взглядов Шиллера и Тургенева и приходит к выводу, что в трогательной любви музыканта Лемма к его ученице Лизе по-новому преломляется тема «вечного томления» по недостижимому идеалу чистой платонической любви, являющейся ключевой во многих балладах Шиллера.

Ключевые слова: баллада, немецкий романтизм, поэтический метод, образ музыканта.

В «Дворянском гнезде» Тургенев упоминает шиллеровскую балладу «Фридолин» (в переводе Жуковского «Путь в плавильню»), тем самым внося в роман шиллеровский «элемент», отсылая читателя и к другим произведениям немецкого классика.

Обратимся ещё к одному эпизоду «Дворянского гнезда». В XXI главе романа, засидевшись допоздна у Калитиных, Лаврецкий в полночь проводил Лемма на квартиру и просидел у него до трёх часов утра. Участие в его судьбе, заботливые расспросы гостя тронули старого учителя, и он приоткрывает Лаврецкому дверцу своей души – показывает ему свои сочинения, в том числе и положенную на музыку балладу Шиллера «Фридолин». Так входит в повествование романа, органично сливаясь с целым, шиллеровская баллада. В следующей главе автор возвращается к теме «Фридолина», вкладывая в уста Лаврецкого скептическое замечание о концовке баллады: «Прекрасную вы написали музыку на Фридолина, Христофор Фёдорович, – промолвил он громко, – а как вы полагаете, этот Фридолин, после того, как граф привёл его к жене, ведь он тут и сделался её любовником, а?» [1, т. 6, с. 69].

Тургенев, видимо, не случайно обращается к балладе-повести немецкого классика, ведь лейтмотив шиллеровской баллады предопределяет судьбу старого немца, которому на закате лет было суждено полюбить свою ученицу Лизу.

В балладе Шиллера стремянный графа Савернского Роберт, оклеветавший юного пажа графини Фридолина, случайно погибает в плавильной печи вместо Фридолина, осуждённого ревнивым графом на гибель. В чудесном спасении юноши граф видит руку провидения, убеждается в его невинности и сам проводит его к графине.

В оригинальном немецком тексте заглавие баллады Шиллера иное «Путь в плавильню». В вольном переводе Жуковского баллада получила название «Божий суд» (1834), а в последующих русских переводах (1850, 1853, 1859) озаглавлена по имени главного героя. Видимо, принимая это во внимание, Тургенев как бы напоминал читателю о сюжете и главном герое баллады, история взаимоотношений которого с графиней Савернской сходна с историей Лизы Калитиной и старого немца Лемма из «Дворянского гнезда».

Следует заметить, что Шиллер, Жуковский и Тургенев, подходя к балладе с разных сторон, проводят в своих творениях различные идеи. В балладе из средневековья Шиллер преследует идею конечного торжества правды над ложью. Жуковский, в свою очередь, старается выразить идею Божьего промысла, спасшего Фридолина от гибели. И наконец, Тургеневу важна сама судьба пажа, любящего свою госпожу чистой, платонической, лишённой всего порочного, безответной любовью, подобной чувству, которое испытывает к Лизе Лемм.

Судьбы старого немца Лемма и молодого Фридолина необычайно схожи – их обоих постигает одна и та же участь: женщина, которую они любят, никогда не ответит им взаимностью, не полюбит их, так и останется чистым идеалом, далёким и недостижимым, как звёзды из романса Лемма. Более того, в письме к Луи Поме от 9 января 1864 года из Баден-Бадена Тургенев называет себя и своего адресата соответственно «Фридолином-отцом» и «молодым Фридолином» [2, т. 6, с. 239]. А 30 мая / 11 июня того же года в письме к тому же Луи Поме он подписывается *Fridolino il Vecchio* (Фридолин Старший). Очевидно, что писатель намекает своему молодому другу на их отношения к Полине Виардо. Всю свою жизнь Тургенев любил эту женщину, преданно следовал за ней всюду, отказавшись от создания собственной семьи, «приютившись на краешке чужого гнезда». Любимая им женщина была замужем, любила своего мужа и не всегда отвечала ему взаимностью. И ему самому, подобно Фридолину, как, видимо, и Луи Поме, оставалось только радоваться тому, что им позволено быть рядом с предметом обожания и поклонения.

Но вернёмся к балладе Шиллера. Паж Фридолин молод, хорош собою, и его госпожа любит его прекрасным невинным лицом, отмечая его среди прочих слуг. Внешность Лемма не располагает в его пользу: Тургенев рисует страшный, отталкивающий своим безобразием портрет «бедного музика». Сначала читатель знакомится со старым человеком с потупленным лицом, который, услышав слова Паншина, съёживает глаза, угрюмо поджимая губы. Но в момент беседы с Лаврецким Лемм вдохновляется, и лицо его в ночном сумраке кажется бледнее и моложе. В 27 главе Лемм снова глядит исподлобья и стискивает недовольно зубы. Однако совершенно иным писатель показывает Лемма в ночь сочинения им замечательной композиции. Теперь он с раскрытой грудью и растрёпанными волосами. Ключ от двери он бросает величественным движением руки, гордо садится за фортепьяно, бросив на Лаврецкого «орлиный взор». После исполнения музыкального произведения комната Лемма кажется святилищем, высоко и вдохновенно поднимается голова старика. Но при свете дня мы снова видим угрюмого музыканта с отталкивающей внешностью.

Автор не смеётся над бедным музыкантом, а, наоборот, внушает мысль о том, что горе изменило этого человека, и, чем отвратительнее внешность Лемма, тем обаятельнее его внутреннее содержание: «но для того, кто умел не останавливаться на первых впечатлениях, что-то доброе, честное, что-то необыкновенное виднелось в этом полуразрушенном существе» [1, т. 6, с. 20]. И всем последующим ходом сюжета Тургенев раскроет эти обаятельные внутренние качества Лемма, заставит именно его создавать своими вдохновенными ме-

лодиями лирическую атмосферу для самых сокровенных и поэтических бесед Лизы и Лаврецкого. Тонко чувствующая Лиза сумела разглядеть в Лемме человека доброй души, на лицо которого судьба наложила горький отпечаток, и она дорожит его доверием, как дорожат доверием друга, боясь его потерять. Лемм, в свою очередь, доверяет Лизе самое дорогое – его творения. Чистая, добрая девушка, способная, по его мнению, любить только прекрасное, олицетворяет для него его идеал – музыку: «Он стал говорить о музыке, о Лизе, потом опять о музыке...» [1, т. 6, с. 20].

Влюблённый мальчик Фридолин благоговейно следует глазами за графиней, забывая обо всём на свете, когда он находится рядом с ней, что не остаётся незамеченным другими слугами. Говоря о Лизе, угрюмый Лемм преображается, он как будто, как отмечает Лаврецкий, «медленнее произносил слова», когда говорил о ней. В музыке он силится выразить своё глубокое, страстное чувство, но его усилия часто ни к чему не приводят. Лемм краснеет, как юноша, передавая Лизе посвящённую ей кантату, на титульном листе которой имя Лизы обрамлено лучами, а цитируемая автором строчка псалма заключают в себе мольбу к Богу и судьбе освободить его от безнадёжных мечтаний, которые в его годы могут прийти в голову только безумному.

И Лемм, и Фридолин благочестивы и непорочны в своих мечтаниях, но иногда их сильное чувство прорывается наружу: «Этого не будет!» – восклицает Лемм, когда Лаврецкий заводит разговор о предстоящем возможном браке Паншина с Лизой. Мысль о том, что эта чистая девушка может стать женою человека, у которого всё «второго сорта», невозможна для него. Его страстная речь, его волнение выдают Лаврецкому истинный мотив его поведения. Лаврецкий понимает, что Лемм сам влюблён в свою ученицу.

Юный Фридолин готов выполнить любое желание своей госпожи и за неё даже «мучение было бы сладостно сердцу его». Лемму было очень больно, когда Паншин заговорил при нём о его кантате, грубо касаясь его сокровенной тайны, но он не в силах сердиться на Лизу за её маленький «грех». Лиза для него нечто вроде божества, он мог бы простить ей всё, как прощает её нелюбовь: «...Она очень чиста сердцем и не знает сама, что значит: любить...» [1, т. 6 с. 70]. В чувстве Лемма к Лизе нет ничего низменного, несчастный старик любит её, не претендуя на ответные чувства с её стороны, и счастлив от того, что Лиза полюбила человека, достойного её. Его вдохновенный творческий взлёт, страстная мелодия летней ночи звучит как гимн любви Лаврецкого к Лизе. Узнав о возвращении жены Лаврецкого, Лемм выступает в роли посредника между влюблёнными, стараясь сохранить их хрупкое счастье. Но старания его тщетны. С уходом Лизы в монастырь рушится счастье не только

Лаврецкого, но и исчезает последняя надежда на счастье Лемма.

Лиза схожа, как и Лемм, с героиней немецкой баллады. Подобно графине, она тиха, добра и целомудренна, как «ангел божий». Их роднит и набожность. Лиза часто ходит в церковь, благоговейно отдаваясь молитве всей душой. А графиня посылает своего верного слугу в церковь воздать молитву Богу, лишь болезнь сына удерживает её дома. И наконец, смысл речи графа в конце баллады о невиновности Фридолина остаётся ей непонятен. Она любит Фридолина, как «мать своё дитя», и не замечает бури чувств в душе юного слуги. Её высокое положение и душевная чистота не позволяют ей даже предположить о чувствах бедного юноши.

Лизе жаль бедного, одинокого, убитого судьбой человека, она сознаётся в этом Паншину, упрекая его в том, что тот поддразнивает несчастного музыкуса, но когда Лаврецкий говорит ей о любви Лемма, лицо Лизы принимает недоумевающее выражение. Лиза уважает своего учителя, боится его

обидеть, жалеет его, но полюбить его она не может. До встречи с Лаврецким душа её спит, и только он смог внушить ей сильное чувство, на которое она не могла ответить Лемму.

Мы не знаем, счастлива ли героиня шиллеровской баллады, но, возможно, юношеское увлечение Фридолина пройдёт со временем, он молод и полон сил и будет счастлив в своей жизни. Лиза Калитина отрёклась от своего счастья, приняв суровый обет монахини, а для старого немца Лемма любовь к ней была его единственной прекрасной надеждой. После ухода Лизы в монастырь Лемм покидает город О., и через некоторое время Лаврецкий узнаёт о его смерти. После старого музыкуса остаётся в душах Лаврецкого и Лизы только его музыка.

Библиографический список

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – Соч.: в 18 т.
2. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – Письма: в 12 т.

УДК 82.161.1.09

Дреева Джанетта Мурзабековна

доктор филологических наук

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

Dshanetta@mail.ru

Мильдзихова Аэлита Керимбековна

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

aelita.mak@mail.ru

СВОБОДНЫЕ РИТМЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА КАК АДЕКВАТНАЯ ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ ИЗМЕНИВШЕГОСЯ ОБРАЗА МИРА В СОЗНАНИИ ХУДОЖНИКА СЛОВА (на примере анализа стихотворений Х.М. Энценсбергера «Wortbildungslehre» и «Sommergedicht»)

В статье анализируются причины, повлекшие за собой процесс освобождения от формальной зависимости, который характеризует современную немецкоязычную лирику. На примере лингвопоэтического анализа стихотворений Х.М. Энценсбергера, построенных по принципу «монтажа», демонстрируется наличие корреляционной связи между картиной мира поэта и новыми формами художественного изображения действительности.

Ключевые слова: свободные ритмы, поэтическая картина мира, современная лирика, художественная форма, техника монтажа, лингвопоэтический анализ.

Не подлежит сомнению, что искусство, и в частности поэзия, как «авангард литературы» (В. Брюсов), отражает изменения, происходящие в жизни и деятельности человека, в способах и формах восприятия им окружающего мира. Мысль об общественно-исторической обусловленности процесса развития поэтического творчества и появления новых поэтических форм, в зависимости от изменений, происходящих в общественных отношениях и человеческом сознании, акцентирует в своих трудах по поэтике и теории литературы В.М. Жирмунский [3, с. 253]. При этом ученый ссылается на А.Н. Веселовского, основателя сравнительно-исторической поэтики в русской науке, постулировавшего наличие при-

чинно-следственной связи между развитием поэзии и изменением общественных отношений, иными словами – между историческим развитием поэтики и развитием общества [2, с. 245].

На неизбежность изменения содержания и понимания предназначения поэзии в соответствии с меняющимся общественным сознанием и мироощущением указывал и В. Брюсов в своей работе «Смысл современной поэзии» (1921): «Все мирозерцание человечества изменяется: может ли остаться неизменным мировоззрение поэзии?» [1, с. 134].

Основываясь на примерах из прошлого, демонстрирующих, что новое содержание в литературе всегда требует и новых форм, В. Брюсов характеризует ситуацию рубежа XIX–XX вв. как один из

революционных периодов, когда указанные изменения в жизни и, как следствие, в искусстве происходят не постепенно, а резко и сразу: «“Новое” хлынуло в нашу жизнь целым потоком, резко изменив весь ее строй, все сознание человека, и, соответственно с этим, столь же резко должна измениться литература, ее внешний облик. Перед современной литературой, прежде всего перед современной поэзией, стоит ответственная задача: создать такие новые формы, которые могли бы вполне выразить новое содержание жизни» [1, с. 134]. Таким образом, в первые десятилетия XX века поэты были поставлены перед необходимостью найти адекватные формы отражения изменившегося образа мира, повлекшего за собой соответствующие изменения в картине мира творческой личности.

В рамках предлагаемой статьи, посвященной проблеме соотносительности картины мира художника слова с особенностями его идиолекта и идиостиля, предпринимается попытка проанализировать причины, обусловившие освобождение современной немецкоязычной поэзии от формальной зависимости. На примере лингвопоэтического анализа стихотворений Х.М. Энциенсбергера, написанных свободными ритмами и построенных по принципу «монтажа», демонстрируется наличие корреляционной связи между картиной мира поэта и новыми способами и формами художественного изображения действительности.

Отталкиваясь от основных постулатов современной антропологической лингвистики, в соответствии с которыми *поэтическая картина мира* понимается как поэтическая альтернатива миру действительному, физическому, картину мира современных художников слова можно представить как обобщенный образ объективной реальности, сложившийся в результате изменившегося восприятия, осмысления и, соответственно, интерпретации мира в сознании творческой личности. Трансформация картины мира поэтов явилась следствием изменения их самосознания, поскольку поэтическая картина мира есть модель мира, созданная в сознании художника вследствие его особого мироощущения и как «результат его духовной активности» [4, с. 227], будучи конгруэнтной реальной действительности, отличается динамизмом и исторической изменчивостью.

Вполне понятно, что изменившееся понимание своего предназначения требует от поэта отречения от всего заранее заготовленного, конвенционального, в соответствии с традицией принятого на веру и безоговорочно унаследованного. В то же время осознание «поэтического долга» как необходимости правдивого изображения человеческого бытия обязывает художников слова к концентрации на лично ими познанном, увиденном и пережитом.

«В наше время речь идет о том, – пишет Б. Негель, – чтобы быть откровенными с самими собой

и с читателями, <...> развеять спасительные иллюзии и отменить все представления, которые не выдерживают серьезной проверки совестью. Такое отречение от простого пересказа и пережевывания требует от поэта правдивого языка и соответствующей ему формы» [7, с. 59].

Само собой разумеется, что подобное стремление к подчеркнuto реалистическому изображению действительности, как характерная черта современной литературы, не может не отвергаться теми, кто хочет видеть в искусстве лишь украшение жизни и поэтому не проявляет должного уважения и понимания по отношению к такого рода поэзии, отказывая ей в праве на существование. Поэтому, как отмечает В. Рай, в настоящее время является чрезвычайно важным помочь читателям постигнуть собственную современную поэтическую произведение «поэтичность», скрытую за необычностью формы» [8, с. 18].

Согласно данной точке зрения, читатели и критики должны осознать, что определяющей чертой современной литературы является новая, морально мотивированная эстетика, которую можно обозначить как «эстетику радикальной правдивости высказывания», побеждающую, по словам В. Рая, «красоту ради правды» [8, с. 343].

По мнению В. Рая, подобная творческая свобода с наибольшей степенью очевидности манифестируется, в частности, в так называемой «**технике монтажа**» («**Montagetechnik**») [8, с. 109] – композиционном приеме, с помощью которого создаются определенные сочетания, конфигурации из словесного материала, не подчиняющиеся языковым законам линейной когезии и согласования. Так возникает художественная форма, которая, согласно определению В. Рая, «не подчиняется классическому закону гармонии, скорее она соответствует парадоксальному концепту бесформенной формы» [8, с. 109].

Таким образом, расширение границ поэтического воображения положило начало тому процессу освобождения от формальной зависимости, который характеризует современную лирику. Эстетика радикальной правдивости высказывания открыла новые возможности художественного изображения, что привело к разрушению формальных и языковых условностей, а в экстремальных случаях – к абсолютной дезинтеграции языкового материала в стихе, не останавливающейся даже перед отдельным словом и в своем стремлении соответствовать хаосу действительности доходящей до леттризма конкретной поэзии.

Что же является важным для современных поэтов и какова мировоззренческая подоплека их обращения к стихотворной форме, свободной от жестких правил стиховой конвенции?

Ответы на эти вопросы неоднократно высказывались самими поэтами. Их можно свести к следую-

щим основным положениям. Поэту надлежит безжалостно обнажать все стороны действительности, то есть жестко конфронтировать с «ветхим устройством мира», не уводить в мир иллюзий посредством создания «веселого, безоблачного искусства», которое перестало быть жизненным ориентиром, не смягчать наблюдаемые в жизни диссонансы, а ярко высвечивать их во всей их полноте.

Для этого необходимо вырваться из тесных рамок грамматических правил, регулирующих обращение с языком, и начать говорить «аграмматически», сделать язык снова предельно «честным» и воспринимать слово серьезно, более того – упразднить предписанные правилами языковые условия и не пропускать больше ничего конвенционального, навязанного исторически предшествующей формой. Создать абсолютно свои, собственные язык и форму, которые были бы способны охватить и отразить действительность. А для этого, в свою очередь, требуется разрушить язык и расколотый на части языковой материал снова собрать в стихи, не только проигнорировав при этом грамматику, но и решительно разрушив сам ритм дыхания в стихе, с тем чтобы стало возможным абсолютное искусство слова и формы.

Следует подчеркнуть, что новая, морально мотивированная эстетика модернизма включает в себе политическую мотивацию, присутствующую в творчестве Брехта, Айха, Хиллера и других близких им, в смысле приверженности к указанной тенденции, авторов, для которых самым важным является правдивость их письма.

Аналогичной точки зрения придерживается и один из самых значительных немецкоязычных поэтов современности – Ханс Магнус Энциенсбергер (род. в 1929 г.). Однако, в отличие, например, от Б. Брехта, эстетическое представляет собой для него автономный феномен. Поэтому, по мысли Х.М. Энциенсбергера, поэзию нельзя низводить до положения «служанки политики», а политическая лирика не должна отождествляться с пропагандой. Поэзия, по мнению Х.М. Энциенсбергера, никому не служит («sei niemands Magd») и должна, противопоставляя себя господству всех, настаивать «на праве своего старшинства» [см.: 8, с. 148].

Независимость от политических властных инстанций является для Х.М. Энциенсбергера обязательной предпосылкой поэтического искусства, поскольку, по его мнению, стихотворение, которое продает себя, обречено на смерть. Данная формулировка имплицитно подразумевает главное эстетическое требование, предъявляемое Х.М. Энциенсбергером к поэзии. Для него важно, прежде всего, защитить стихотворение от «литературного обезличивания», от обращения с ним, как с товаром.

Очевидно, именно с этой целью он обращается в своем творчестве к разнообразным оптическим формальным экспериментам, в частности к «тех-

нике монтажа», игнорирующей семантическую, синтагматическую природу текста и нацеленной, соответственно, на актуализацию парадигматических связей в поэтическом тексте.

Так, стихотворение «**теория словообразования**» («**Wortbildungslehre**») из второго сборника стихов «язык страны» («**Landessprache**») (1960) представляет собой коллаж разнородных, вырванных из привычных синтагматических связей и вновь, как кажется, произвольно соединенных языковых элементов:

1) *in den toten hemden
ruhn die blinden hunde
um die kranken kassen
gehen die wunden wäscher*

2) *und die waisen häuser
voll von irren wärtern
leihn den fremden heimen
ihre toten lieder*

3) *doch die kranken hunde
ziehn den irren wäschern
ihre waisen hemden
aus den toten kassen*

4) *vor den blinden liedern
fliehn die fremden wärter
aus den wunden heimen
in die toten häuser*

5) *alle wunden wäscher
in den kranken kassen
ruhn mit blinden hunden
in den toten hemden*

6) *in den **toten** kassen
in den **toten** häusern
in den **toten** heimen
in den **toten** liedern*

7) *ruhn die **toten toten** [6].*

Как видим, посредством нарушения тесных связей между компонентами сложных слов и их последующей рекомбинации возникают самые неожиданные варианты сочетаний прилагательных «*tot*», «*blind*», «*krank*», «*wund*», «*wais*», «*irr(e)*», «*fremd*» и существительных «*hemd*», «*hund*», «*kasse*», «*wäscher*», «*haus*», «*wärter*», «*heim*», «*lied*». При этом в стихотворении, написанном в присущей Энциенсбергеру манере, а именно без заглавных букв и знаков препинания, но безукоризненно структурированном и «вертикально» организованном, – совершенно не учитывается семантический потенциал вовлеченных в виртуозную языковую игру словесных единиц.

Пятая строфа представляет собой «зеркальный» вариант первой: стихотворные строки повторяют-

ся в обратной последовательности. Две последние строфы содержат иронический намек на завершение игры слов, что на языковом уровне четко прослеживается за счет сокращения до минимума в итоговой строфе стихотворения всего спектра задействованных в первых строках прилагательных, а именно: до прилагательного «*tot*», акцентированного в заключительной строке тавтологическим повтором «*die toten toten*». Так, вследствие нарушения привычных сочетаний слов и их последующей транспозиции возникают совершенно новые, непривычные смысловые связи и ассоциации, увеличивающие содержательный потенциал поэтического текста и отражающие непостижимость внешнего мира.

Таким образом, монтажная лирика, иконически манифестируя соответствие хаосу действительности, отражает поэтическое видение дисгармоничности мира.

Такое же впечатление возникает и при чтении оригинального, смелого в формальном отношении стихотворения Х.М. Энценсбергера «*Летнее стихотворение*» («*Sommergedicht*») (1971), написанного по типу пасташи (<фр. *pastiche*: пародия, подражание, стилизация) и представляющего собой коллаж цитат из произведений известных поэтов, философов, политических деятелей:

«...*fai-moi ça
auf der Moldau
spielen die Kähne
die Lichter sind ausgegangen
in einer alten Gasse
die da heißt
Die Neue Welt
brechen
alle Arten von Leidenschaften* (Виланд)
auf
*Kannst du mir helfen?
in der weißen Nacht
in der Sauna
in der Dunkelheit
aah!
eine nie zuvorgekannte Empfindung* (Виланд)
Das Große entsteht aus dem Geringen (Лао-цзы)
*und dazwischen
öffnet sich vielleicht ein Gedicht...*» [5, с. 245].

Приведенный фрагмент иллюстрирует, как используемый поэтом принцип монтажа, взаимодействуя с графическими и ритмико-синтаксическими средствами (стиховыми уступами и стиховыми переносами), меняющими графический рисунок стихотворения и придающими ему пространственную наглядность, способствует обогащению смысло-

го содержания текста и в то же время отражает хаотичность бытия.

Необходимо отметить в этой связи, что исследователи выделяют в качестве наиболее характерной дистанцирующую, скрыто *элитарную* черту поэзии Энценсбергера, требующую компетентных, интеллектуальных читателей, могущих с максимальной точностью проследить за творческим процессом и понять все перипетии языковых преобразований [см. об этом: 8, с. 64].

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно заключить, что отказ от подчиненной определенным правилам поэтической формы стал результатом осознания поэтами необходимости пересмотра возможностей традиционного рифмованного стиха, обнаружившуюся в связи с изменившимися реалиями, повлекшими за собой изменение поэтической картины мира.

Созданную в интересах правдивости художественного изображения новую поэтическую форму следует рассматривать как форму, соответствующую современному духу поэтического творчества.

Следовательно, изменения в форме поэтического самовыражения, характеризующие современную лирику, свидетельствуют о переменах в поэтическом самосознании, об изменении понимания поэтами своего предназначения, иными словами – о принципиальном изменении поэтической картины мира художников слова.

Библиографический список

1. Брюсов В.Я. Смысл современной поэзии // Брюсов В.Я. Синтетика поэзии: мысли и замечания. – М.: КРАСАНД, 2010. – 184 с.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 406 с.
3. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: курс лекций / под ред. З.И. Плавскиной, В.В. Жирмунской. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 464 с.
4. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
5. Enzensberger H.M. Die Gedichte. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1983. – 433 s.
6. Enzensberger H.M. Wortbildungslehre. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.physiologus.de/wortbildung.htm> (дата обращения: 27.11.2013).
7. Nagel B. Der freie Vers in der modernen Dichtung. – Göttingen: Kümmerle, 1989. – 103 s.
8. Rey W.H. Poesie der Antipoesie. Moderne deutsche Lyrik: Genesis. Theorie. Struktur. – Heidelberg: Lothar Stiehm, 1978. – 400 s.

«СВЯТАЯ КРОВЬ» З.Н. ГИППИУС И «СНЕГУРОЧКА» А.Н. ОСТРОВСКОГО

В статье прослеживается, каким образом традиции пьесы-сказки «Снегурочка» А.Н. Островского осваивались З.Н. Гиппиус в драме «Святая кровь».

Ключевые слова: сказка, драматургия, А.Н. Островский, З.Н. Гиппиус, традиция, символизм, образы, мотивы, парадокс, художественная рефлексия.

Первая пьеса З.Н. Гиппиус «Святая кровь» была напечатана в альманахе «Северные цветы» за 1901 год. По признанию отечественных исследователей, это произведение в значительной мере определило пути развития символистской драматургии и «новой драмы» Серебряного века в целом [4, с. 25; 2, с. 3; 13, с. 54–80]. Показательно, что в записной книжке 1901 года А. Блок помечает пьесу Гиппиус как очень важную для себя, используя знак «три креста» [3, с. 22]. Поиски нового драматургического языка, воплощённые в пьесе З.Н. Гиппиус «Святая кровь», вызывают одобрение и у В.Э. Мейерхольда, в начале XX века ставшего одним из лидеров театрального модернизма [10, с. 124, 186].

Несомненно, «Святая кровь» была написана З.Н. Гиппиус на волне исканий «нового театра», характерных для Серебряного века [16]. Так, в статье «Что и как» (1904) З.Н. Гиппиус, подобно многим своим современникам, размышляет о воссоздании в будущем театре соборного действия по аналогии с искусством Древней Греции. Она мечтает о театре, в котором бы «зрители, актёры и автор были слиты воедино» и «все чувствовали себя в одном храме, лицом к лицу с вечностью» [6, с. 284]. В упомянутой статье З.Н. Гиппиус намечает контуры собственного проекта «новой драмы»: описывает три «рода пьес», содержащих в той или иной форме начала «вечного», «нетленного» и поэтому имеющих «право бытия, воплощения на сцене истинного театра» [6, с. 284–285]. В её определении, это – «пьесы прошлого», «пьесы настоящего» и «пьесы будущего» [6, с. 284–285]. Вот как характеризует З.Н. Гиппиус «пьесы будущего»: «Они – как гадания, как чаяния, – должны показывать нам то, чего ещё не было, но что должно быть, формы, в которые облечётся вечное в грядущем, жизнь, которою мы станем жить, если захотим и полюбим её. Писатель будущего, оставаясь художником, уже не писатель только, но и пророк. <... > Это – откровенные, вневременные, сказки о вечно вечном» (курсив мой. – Н.К.) [6, с. 285–286].

Симптоматично, что З.Н. Гиппиус акцентирует сказочно-мифологическую природу желанных «пьес будущего». Причём её убеждение в том, что «жанр пьесы-сказки сулит автору большие возмож-

ности для образного выражения мистического сюжета» [4, с. 24], очевидно, подкреплялось опытом создания Д.С. Мережковским фантастической драмы «Сильвио», написанной ещё в период предсимволизма, в 1887 году, и опубликованной в журнале «Северный вестник» в 1890 году. Поэтика этой пьесы, восходящей к драме Кальдерона «Жизнь есть сон», отличалась полифонизмом, обусловленным разветвлённым генезисом. В частности, стихотворная драма «Сильвио» была демонстративно ориентирована на освоение сказочной традиции [16, с. 206]. Причём это подчёркивал в авторском предисловии к драме и сам Д.С. Мережковский: «Основной сказочный мотив предлагаемой драмы тот же, что в известной пьесе Кальдерона “Жизнь – только сон”» [11, с. 69].

Для З.Н. Гиппиус, как и для Д.С. Мережковского [1], было характерно стремление синтезировать и пересоздавать в рамках собственных произведений многие чужие тексты, расставляя при этом новые смысловые акценты и включаясь в творческий диалог с авторами-предшественниками. Драма «Святая кровь», как выявили отечественные исследователи, возникает на перекрёстке совершенно разных жанровых традиций (сказки, литургической драмы, мистерии, школьной драмы эпохи барокко) и имеет множество предтекстов, как зарубежных, так и русских [12, с. 8–9]. По степени значимости среди источников этой пьесы на первое место литературоведы уверенно ставят сказку Г.-Х. Андерсена «Русалочка» [4, с. 24; 2, с. 3; 13, с. 54]. Н.Ф. Хлебоказова убедительно провела сопоставление пьесы З.Н. Гиппиус «Святая кровь» и андерсеновской сказки, реконструировала систему межтекстовых связей этих произведений и показала, что их сближает, а что разделяет [18]. В то же время, как справедливо подметил Ю.К. Герасимов, даже «по типу символики» «Святая кровь» «сопоставима со “Снегурочкой” Островского» [4, с. 24]. Однако нам представляется, что в литературоведении ещё не вполне осознан и оценён тот факт, что творческий субстрат драмы З.Н. Гиппиус обогащён и осложнён рецепцией пьесы-сказки А.Н. Островского «Снегурочка». Тезис, сформулированный Ю.К. Герасимовым, нуждается в аргументированном доказательстве и концептуальном

развёртывании. Со своей стороны, выявление генетических и типологических связей драмы «Святая кровь» со «Снегурочкой» А.Н. Островского позволит понять суть художественно-философского эксперимента, осуществлённого З.Н. Гиппиус, и даст возможность открыть новые смыслы в её дебютном драматическом произведении.

Известно, что, подобно многим другим символистам, да и модернистам в целом, З.Н. Гиппиус категорически не принимала в творчестве А.Н. Островского бытовой реализм [5, с. 198–201]. Как автор неоромантического склада, она отрицательно относилась к Островскому-драматургу, исследовавшему и во многом опоэтизировавшему быт русского купечества [6, с. 309]. Согласно философии З.Н. Гиппиус, «быт» и «жизнь» – это взаимоисключающие понятия. Так, в статье «Быт и события» она отмечала: «Быт начинается с точки, на которой прерывается жизнь, и, в свою очередь, только что вновь начинается жизнь – исчезает быт. Быт именно перерыв, отдых жизни, как будто летящая птица складывает крылья и садится на дерево. <...> Жизнь – события, а быт – лишь вечное повторение, укрепление, сохранение этих событий в неподвижной форме. Быт – кристаллизация жизни. Поэтому именно жизнь, то есть движение вперёд, нарастание новых и новых событий, – только она одна – творчество; и это творчество исключает быт, движение круговое, повторительное, почти инстинктивное охранение завоёванного, без рассуждений, без желаний» [6, с. 301].

Нигилистическую оценку Островскому-драматургу З.Н. Гиппиус даёт в статье «Над кем смеются?» (1904). Лавины сарказма она обрушивает не только на А.Н. Островского, но и на актёров Александринского театра, играющих в спектакле по пьесе «Горячее сердце», и на зрителей, восторженно принимающих эту театральную постановку. З.Н. Гиппиус гневно сокрушается: «За неё (пьесу «Горячее сердце». – *Н.К.*) взяли лучшие наши актёры, – Варламов, Давыдов, – играют с любовью, не торопясь. Она шла много раз, – и каждый вечер театр был полон. “Отец” Стриндберга уже во второе представление не собрал и четверти залы, а на “Горячее сердце” валили, все время хохотали и наслаждались. Городничий в халате идет с базара, на руках у него живой гусь, – в публике восторг. И любопытно, забавно, что гусь живой, – и сатира: городничие ходят по утрам на базары и берут взятки со всех живыми гусями. Что нужды, что теперь уж нет ни городничих, ни подпирающих их воротников, что за стенами театра стоят другие, новые, грозные городничие, иные воротники и базары; публика ничего не видит, что ей за дело; она “оздоравлиюще” смеется над взяточничеством гусями. <...> Иканье, ловля чертиков, целые немые сцены по пяти и десяти минут, когда артист шатается, садится, встает, махает платком, опять икает и т.д. Во

всех действиях все, барин-самодур, купец, городничий и множество других повторяют без конца эти немые сцены. Выходит, конечно, однообразно, но публике, размякшей и раскисшей, неизменно нравится. Чтобы не утомлять ее – драматург-сатирик вставил трогательную историю забитой купеческой дочки, сентиментальную до тошноты, как все у него эти истории “женских долюшек”, паточно-слезливые, обветшалые до неприличия, антихудожественные до наивности» [7, с. 235]. Причём Гиппиус-критик безжалостно перечёркивает не только талант Островского-сатирика, весьма ярко выразившийся в «Горячем сердце», но и поиски драматургом «почвенного», идеального, начала, отразившиеся в пьесе «Доходное место» [7, с. 235]. По сути дела, З.Н. Гиппиус предваряет инвективы в адрес А.Н. Островского, позднее прозвучавшие в силуэте «Островский» Ю.И. Айхенвальда (вошёл во второй выпуск «Силуэтов русских писателей» (1908)).

Однако парадокс состоит в том, что, несмотря на столь откровенное третирование А.Н. Островского, в том числе и у него З.Н. Гиппиус будет «брать уроки» «новой драмы». Как точно подчёркивает О.К. Страшкова, сам А.Н. Островский «в 70-е годы XIX века начал разрушать свою же систему» [16, с. 185]. Более того, его пьеса-сказка «Снегурочка» во многом предсказала путь развития символистской драматургии и определила поэтику драм «Сильвио» Д.С. Мережковского [16, с. 185] и «Святая кровь» З.Н. Гиппиус.

Драму «Святая кровь» [12, с. 8] и пьесу-сказку «Снегурочка» [9, с. 155–165], прежде всего, роднит фольклорно-мифологическая основа. В обоих произведениях сюжет основывается на переработке мифологии восточных славян. Принципиально то, что, в конечном счёте, и Островский, и Гиппиус создают свою индивидуальные мифы. А.Н. Островский – миф о Берендеевом царстве [17, с. 209], З.Н. Гиппиус – о Русалочке, обретшей человеческое тело и душу.

И в драме З.Н. Гиппиус, и в пьесе А.Н. Островского завязка сюжета соотносена со сказочно-мифологическим типом хронотопа: и там, и там начало действия происходит в ночном лесу, освещённом лунным светом. У А.Н. Островского (пролог пьесы-сказки): «...Налево сплошной частый лес больших сосен и елей с сучьями, повисшими от тяжести снега»; <...> Полная луна серебрит всю открытую местность» [14, с. 5]. У З.Н. Гиппиус: «Лесная глушь. Гладкое, плоское, светлое озеро, не очень большое. У правого берега, поросшего камышом, поляна, дальше начинается тёмный лес. На небе, довольно низко, но освещая тусклым немногим красноватым светом озеро и поляну, стоит ущербный месяц» [8, с. 5].

Явно близкими оказываются образы главных героинь пьес З.Н. Гиппиус и А.Н. Островского, сотканные драматургами из переосмысленных язы-

ческих мифологических представлений [15]. Как и для Снегурочки, антагонистом, главным карающим врагом Русалочки, которого она должна избегать, является солнце. Если в пьесе А.Н. Островского запрет встречи с Ярилом исходит от родителей Снегурочки: Мороза и Весны, – то в драме З.Н. Гиппиус Русалочку об опасности для неё солнца не раз предупреждает Старая русалка: «Нам тогда страшно, потому что мы солнца ни краюшка не можем видеть» [8, с. 13]. Мотив враждебности солнца звучит и в песне русалок («Мы солнца смертельно-горячего // не знаем, не видели...») [8, с. 11], и в словах Ведьмы («Солнышко скоро взойдёт. А оно строгое к вам, солнышко») [8, с. 14].

И внешность, и характер Русалочки из драмы З.Н. Гиппиус «Святая кровь» напоминают облик Снегурочки из пьесы-сказки А.Н. Островского. В пространной авторской ремарке, открывающей первую картину пьесы и отмеченной печатью лиризма, З.Н. Гиппиус подчёркивает детскость, чистоту и трогательность образа Русалочки, ассоциирующуюся с обаянием героини А.Н. Островского: «Рядом с нею (Старой русалкой. – *Н.К.*) русалка совсем молоденькая, почти ребёнок. Она сидит неподвижно, охватив тонкими руками голые колени, смотрит на поляну, не отрывая взора, и всё время точно прислушивается» [8, с. 10].

Как и Снегурочка, Русалочка отличается кротостью, бесхитростностью, доверчивостью, наивностью и пытливостью ума. Она задаёт множество «детских» и в то же время глубоко философских вопросов о природе человека, о смысле жизни и даже о Боге сначала Старой русалке, затем Ведьме и, наконец, отцу Пафнутию. Подобно Снегурочке, Русалочка нарушает вековой порядок вещей, стремится к инобытию и из родной для неё лесной стихии добровольно отправляется в мир людей. Обе героини решительны и безоглядны в своей смелости, для них в равной мере характерен максимализм в отношении к себе и к миру. И Снегурочке, и Русалочке изначально не дано любить и говорить о любви. Снегурочка признаётся Весне: «Хочу любить – но слов любви не знаю, // И чувства нет в груди...» [14, с. 97]. Русалочка с удивлением спрашивает отца Пафнутия: «Любит? Что это такое, дедушка?» [8, с. 26]. Она, как и Снегурочка, мучится оттого, что не может выразить своё чувство к «дедёнке» в словах: «Я всё назвать его хочу, как сижу с ним и слушаю, отрадно мне с ним и тихо, и только вот назвать не умею, и от этого больно» [8, с. 32].

И Снегурочка, и Русалочка болезненно переживают свою ущербность, заключающуюся в непонимании смысла любви и в неспособности любить. Стремясь овладеть главной ценностью человеческого мира, обе они готовы во имя любви к самопожертвованию. Снегурочка Островского готова расплатиться за любовь собственной жизнью:

«...Пусть гибну я, любви одно мгновенье // Дороже мне годов тоски и слёз» [14, с. 97]. В драме З.Н. Гиппиус актом самопожертвования Русалочки становится убийство героиней самого любимого и дорогого ей человека, отца Пафнутия, во имя спасения его души от «вечных мук». К этому страшному поступку Русалочку подталкивает Ведьма, выполняющая в пьесе функции как персонажа-«провокатора»,двигающего сюжет, так и, как ни странно, персонажа-резонёра, транслирующего позицию драматурга и выражающего авторскую «философию любви». В репликах Ведьмы отзываются максималистские формулы, постоянно встречающиеся и в лирике («Любовь – одна»), и в прозе, в дневниках З.Н. Гиппиус: «Любить – это ежели другой для тебя дороже самого себя делается. Смотришь на него – и радостно тебе, а если ему хорошо и весело – так и тебе хорошо и весело <...> И ты, если любишь кого, ничего для него не пожалеешь, от себя возьмёшь и ему дашь. А если смерть к нему идёт, ты сама за него смерть примешь, чтобы ему не умирать» [8, с. 32]. О своей готовности на страшные муки во имя любви к отцу Пафнутию русалочка заявляет столь же категорично, что и Снегурочка: «А если случится, что от моего худа ему будет благо, так неужели не возьму на себя худа и не будет оно мне благом?» [8, с. 32].

Однако явные переключки «Святой крови» и «Снегурочки» дополняются контрастностью художественных миров этих пьес, их полемичностью по отношению друг к другу. Представляется, что З.Н. Гиппиус сознательно стремилась поставить свою драму в смысловую оппозицию пьесе-сказке Островского. Совершенно иначе, по сравнению с А.Н. Островским, она трактует категорию «любви». Снегурочка в пьесе Островского получает в дар от Весны «любовь девичью», о которой так мечтала: «Восторг страстей тебя охватит скоро; // Красой лугов и озером зеркальным // Дотоле ты любишься, пока // На юношу не устремятся взоры» [14, с. 99]. Мудрый Царь Берендей прославляет «любовь невесты» как «благое чувство», имеющее божественную природу. Обращаясь к Мизгирю, отрекшемуся от любви Купавы, Царь гневно восклицает: «Иди от нас, преступник, поругатель // Горячности доверчивой любви, // Внушённой нам природой и богами» [14, с. 71]. В конечном счёте, кульминацией «вочеловечивания» героини А.Н. Островского становится внезапно вспыхнувшая любовь к Мизгирю, которая оказывается для неё счастьем, «восторгом» и одновременно самопожертвованием, гибелью: «Но что со мной: блаженство или смерть?» [14, с. 104].

Русалочка же любит Пафнутия как отца: «Ведь люблю я его, точно я в нём живу, точно родилась от него, точно его кровь – моя кровь!» [8, с. 32]. Отшельник Пафнутий отвечает ей взаимной отцовской любовью: «И выросла ты, девочка, в моё серд-

це, дочка ты моя богоданная!» [8, с. 27]. Не случайно старец собирается крестить героиню, стать её духовным отцом. В порыве нежности Пафнутий признаётся Русалочке, которой он даёт имя «Аннушка» (в переводе с древнееврейского «Анна» – благодать): «А я душу тебе готов отдать» [8, с. 27]. З.Н. Гиппиус делает акцент на том, что, получение человеческой плоти, постижение смысла дочерней любви – это только промежуточные ступени на жизненном пути Русалочки, мечтающей обрести «бессмертную человеческую душу», дар Христа. В пьесе-сказке А.Н. Островского также звучит мотив «души». Так, о любви как особом состоянии души проникновенно говорит Царь Берендей: «Распуковка души, // Раскрывшейся для первых чувств...» [14, с. 70]. О любви как предельной самоотдаче души ведут диалог Лель и Снегурочка. Лель: «Другая // За эту честь души не пожалеет» [14, с. 85]. Снегурочка: «И рада б я душой, да не умею» [14, с. 85]. И хотя христианский подтекст в «Снегурочке» вполне ощутим [17, с. 211; 9, с. 160], мотив души в пьесе-сказке А.Н. Островского является побочным и не маркирован семантикой «бессмертия». З.Н. Гиппиус, напротив, открыто ставит христианскую, а точнее «новохристианскую», проблематику в центр драматургического сюжета.

В творческой рефлексии З.Н. Гиппиус радикально преобразуется и символика «крови», играющая существенную смыслообразующую роль в «Снегурочке» А.Н. Островского. В пьесе-сказке Островского Весна «делится любовью» со Снегурочкой и избавляет свою дочь от «холодной крови» с помощью волшебного венка: «И вспыхнет кровь, и очи загорятся, // Окрасится лицо живым румянцем...» [14, с. 98]. «Огонь», загорающийся в крови, дарит Снегурочке восторг любви и одновременно приводит её к гибели [14, с. 105]. З.Н. Гиппиус трансформирует и усложняет в своей драме семантику символа «крови», использованного А.Н. Островским, и выстраивает собственную мифопоэтику. Изначально её Русалочка, как существо «нижнего мира» («нечисть»), совсем не имеет крови. Первый этап на пути её восхождения – обретение человеческого тела и «холодной крови» [8, с. 16]. И только после обряда крещения Русалочка могла бы вполне «вочеловечиться»: иметь «тёплую кровь» и «бессмертную душу» [8, с. 16]. Но при этом героиня неизбежно бы обрекла на «вечные муки» отца Пафнутия. З.Н. Гиппиус создаёт в своей драме экстремальный парадокс, доводя внутренний конфликт Русалочки до эпатажной остроты (в этом плане её художественное мышление неизбежно перекликается с методом нелюбимого ею Л.Н. Андреева, автора рассказа «Иуда Искариот»). Спасая душу Пафнутия, Русалочка убивает его по совету Ведьмы, беря на себя безмерные страдания и «вечные муки», в которых, тем не менее, она обретает человеческую душу. З.Н. Гиппиус, в отли-

чие от А.Н. Островского, вводит в драму символический лейтмотив «святой крови», жертвенно пролитой Христом и отцом Пафнутием, во имя духовного спасения людей.

В драме «Святая кровь» З.Н. Гиппиус полемически «перелицовывает» сюжет «Снегурочки» для того, чтобы создать аллгорию построения «нового христианства» и тем самым художественно иллюстрировать религиознотворческий проект, предложенный ею и Д.С. Мережковским. Старец Пафнутий в драме «Святая кровь», в отличие от аскета Никодима, представляет мироприемлющее, народное христианство, не разделяющее «земное», природное, и «небесное», духовное. Именно он в драме выступает как выразитель авторской позиции, как носитель «нового религиозного сознания»: «Ты думаешь, жаворонок в поднебесье не молится Творцу? А ведь как звонко да весело заливается. Все земные голоса – Богу хвала» [8, с. 21]. Сближение Русалочки и отца Пафнутия символизирует, по замыслу З.Н. Гиппиус, желанный синтез «правды язычества» и «правды христианства», «правды земли» и «правды неба», который осуществится в религии будущего. Наиболее отчётливо мотив союза «язычества» и «христианства» артикулирован автором драмы «Святая кровь» в эпизоде, в котором Русалочка надевает на скуфейку отца Пафнутия венок из «озёрных купав» [8, с. 24]. Упоминание в пьесе З.Н. Гиппиус о «божьих цветах», «купавах», ассоциативно вызывает в памяти имя героини «весенней сказки» А.Н. Островского, Купавы, – девушки с «горячим сердцем», ревностно отстаивающей своим жизненным поведением нравственный закон Берендеева царства, то есть языческого мира.

Влияние «Снегурочки» А.Н. Островского на речевой строй «Святой крови» угадывается и в особенностях ритмико-интонационной организации первой символистской драмы. З.Н. Гиппиус, несомненно, ориентируется на песенное, поэтическое начало, столь ярко проявленное в сказке А.Н. Островского. Но если у Островского стихотворная речь занимает весь текст «весенней сказки», а песенная стихия в ней необыкновенно богата, то у З.Н. Гиппиус в прозаическую речь только «вклиниваются» поэтические вставки. Это – «ночные песни» хора русалок, самой Русалочки и «молитвенные песни» Никодима и Пафнутия, в которых используется нерифмованный тонический стих, отсылающий к традиции устного народного творчества.

Таким образом, «Святая кровь» ориентирована на диалог с «весенней сказкой» А.Н. Островского. Преломляя традиции «Снегурочки», драма З.Н. Гиппиус написана как иллюстрация к религиознотворческим построениям автора, рационально «сконструирована». При этом пьеса З.Н. Гиппиус неизбежно утрачивает органичность, многокрасочность, смысловой полифонизм, столь свойственные художественному миру «Снегурочки» А.Н. Остро-

вского, но закладывает основы «нового» драматургического языка, впоследствии востребованного русским символизмом.

Библиографический список

1. *Андрущенко Е.А.* Властелин «чужого»: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. – М.: Водолей, 2012. – 248 с.
2. *Безродный М.В.* Театр Зинаиды Гиппиус // Гиппиус З.Н. Пьесы / предисл. М. Безродного; сост. М. Липкиной. – Л.: Искусство, 1990. – С. 3–5.
3. *Блок А.* Записные книжки. – М.: Худож. лит., 1965. – 664 с.
4. *Герасимов Ю.К.* Жанровые особенности ранней драматургии Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1987. – С. 21–36.
5. *Герасимов Ю.К.* Островский и театральный модернизм // А.Н. Островский, А.П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв.: сб. статей в память об Александре Ивановиче Ревякине (1900–1983) / РАН ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; редкол.: Ревякина А.А. (отв. ред., сост.), Ревякина И.А. (ред.-сост.) и др. – М.: Intrada, 2003. – С. 198–207.
6. *Гиппиус З.* Литературный дневник // Гиппиус З. Дневники: в 2 кн. / под общ. ред. А.Н. Николукина. – М.: НПК «Интелвак», 1999. – Кн. 1. – С. 165–367.
7. *Гиппиус З.* Над кем смеются? // Гиппиус З. Собр. соч. Т. 7: Мы и Они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. – М.: Русская книга, 2003. – С. 234–237.
8. *Гиппиус З.Н.* Пьесы / предисл. М. Безродного; сост. М. Липкиной. – Л.: Искусство, 1990. – 172 с.
9. *Лебедев Ю.В.* «Гроза», «Снегурочка» и «Бесприданница» А.Н. Островского // Лебедев Ю.В. Православная традиция в русской литературе XIX века: сб. науч. ст. / вступ. ст. Т.А. Ёлшиной; послесл. Г.В. Мосалевой. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 129–189.
10. *Мейерхольд В.Э.* Статьи; письма; речи; беседы: в 2 ч. Ч. 1: 1891–1917. – М.: Искусство, 1968. – 352 с.
11. *Мережковский Д.С.* Сильвио. Фантастическая драма в стихах // Северный вестник. – 1890. – № 2. – С. 69–90.
12. *Михайлова М.В.* «Бабы с пьесами...» в эпоху modern // Женская драматургия Серебряного века / сост., вступ. ст. и коммент. М.В. Михайловой. – СПб.: Гиперион, 2009. – С. 5–60.
13. *Носова Ю.В.* Драматургия Зинаиды Гиппиус: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.01. – М., 2007. – 168 с.
14. *Островский А.Н.* Сочинения: в 3 т. Т. 3: Пьесы, 1873–1883 / сост. и коммент. В. Лакшина. – М.: Худож. лит., 1987. – 527 с.
15. *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – 192 с.
16. *Страшкова О.К.* «Новая драма» как артефакт Серебряного века. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 576 с.
17. *Хализев В.Е.* «Снегурочка» А.Н. Островского и мифотворчество писателей второй половины XIX века // Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. – М.: Гнозис, 2005. – С. 209–219.
18. *Хлебоказова Н.Ф.* «Святая кровь» З. Гиппиус (к проблеме интертекстуальности). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elilib.bsu.by/handle/123456789/42922> (дата обращения: 05.01.2014).

УДК 82.161.1.09"18"

Позднякова Елена Александровна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lelya-pozdnyakova@mail.ru

О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ ПЬЕС А.П. ЧЕХОВА

В статье рассматриваются причины, определившие жанровые особенности пьес А.П. Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов, пьеса, жанр, двойственность характеров, психологизм, настроение.

Пьесы А.П. Чехова нельзя уложить ни в одну классическую жанровую форму драматургии. При создании пьесы жанр не диктовал определенные рамки и каноны, а наоборот, подчинялся идее и ходу пьесы. Чехов никогда не отделял от сплошного потока жизни сугубо комическое или сугубо трагическое, поэтому «Иванов» в ранней редакции 1887 года – комедия, а в 1889 году напечатан с подзаголовком «драма». В его пьесах эти понятия слились воедино.

Веское замечание делает Т.К. Шах-Азизова: «Сложное смешение драматических и комических

красок открыто в русском искусстве не Чеховым. Это исконно русская традиция “смеха сквозь слезы”. И, с другой стороны, это столь же исконная русская полнота восприятия жизни в нераздельности грустного и смешного, высокого и обыкновенного...» [10, с. 93].

Поэтому назвать пьесы Чехова трагедиями или комедиями можно лишь условно, имея в виду доминирующую жанровую тенденцию, построение образов и сюжетов, а не весь комплекс черт, присущих традиционным драматическим жанрам. Сам Антон Павлович довольно спокойно относился

к определению жанровой принадлежности своих произведений. Достаточно вспомнить пьесу «Вишневый сад», по завершении которой в письме к В.И. Немировичу-Данченко от 2 сентября 1903 года Чехов напишет: «Пьесу назову комедией» [9, с. 246]. 15 сентября он сообщит М. П. Алексеевой: «Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс» [9, с. 248].

Интересное определение жанра чеховской драмы дал М. Горький в своей статье «О пьесах»: «А.П. Чехов создал... совершенно оригинальный тип пьесы – лирическую комедию» [4, с. 422]. Ближе к точному пониманию специфики чеховской драмы подошел А. Роскин. В своих исследованиях он прямо называет пьесы Чехова «романами-драмами»: «Чеховские пьесы можно считать “пьесами-романами”, завершающими, венчающими его жанровую систему» [6, с. 170]. Очень схожие мысли выскажет и А.Р. Кугель, признавший, что драмы Антона Павловича представляют собой не что иное, как «романы, поставленные на сцене».

Подобное жанровое своеобразие объясняется главным образом тем, что Чехов всегда создавал эпически полную картину взаимоотношений между людьми. Отсюда развернутость, многомерность, целостность как жизни во всей её полноте, так и каждого персонажа в отдельности. А следовательно, смешение жанров логически объяснимо: каждый чеховский герой по-своему уникален, неповторим, а значит, неповторимо и его видение жизни. Поскольку в драмах Антона Павловича одно и то же, подчас ключевое для всего хода пьесы, событие каждый герой видит по-своему, жанровая доминанта пьесы определяется выбранной зрителем или читателем позицией.

Одним из ключевых мотивов пьесы «Три сестры» является желание героинь уехать в Москву. Невозможность отъезда Ольга, Маша и Ирина представляют как абсолютную драму, главную неудачу своей жизни. А потому на протяжении всей пьесы, как лейтмотив, звучат слова: «В Москву! В Москву! В Москву!» Но другие герои драмы (впрочем, как и зрители) с самого начала прекрасно понимают, что стремление сестёр в Москву не более чем мечта, что ни сегодня, ни завтра, да и вообще никогда сёстры не решатся на переезд. Более того, иллюзорность их стремлений будет прямо выражаться в ходе действия пьесы. Можно вспомнить эпизод раскладывания пасьянса во втором действии:

И р и н а. Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве.

Ф е д о т к. Нет, не выйдет. Видите, осьмерка легла на двойку пик. *(Смеется.)* Значит, вы не будете в Москве [8, с. 148].

С одной стороны, вроде бы заурядный, несколько даже комический эпизод, но он всё расставляет на свои места: никто из окружающих не восприни-

мает мечту сестёр всерьёз. Более того, определенную двойственность на этот счёт можно заметить и у самих сестёр. В отдельных эпизодах Ирина не просто осознаёт всю неосуществимость своего замысла, но и прямо говорит: «Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходит и никогда не вернется, никогда, никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем...» [8, с. 166]. Но буквально через пару страниц та же самая Ирина воскликнет: «...только поедем в Москву! Умоляю тебя, поедем! Лучше Москвы нет ничего на свете! Поедем, Оля! Поедем!» [8, с. 171]. А перед самым занавесом уже Ольга с грустью произнесет: «В Москве, значит, не быть...» [8, с. 184]. Получается, что сами сестры то свято верят в свою мечту, то, наоборот, понимают ее иллюзорность.

Такое двойственное освещение заметно в драмах Чехова не только на уровне ключевых событий. Достаточно вспомнить, например, как воспринимается героями место действия драмы «Три сестры» – типичный губернский город. Для сестер именно с момента переезда в него из Москвы начинается череда неудач. Губернский город представляется им как что-то удерживающее, мешающее стать счастливыми. Поэтому, описывая свой нынешний дом, Ольга говорит: «...здесь холодно и комары...» [8, с. 128]. И сразу же после этого мы слышим слова Вершинина: «А здесь какая широкая, какая богатая река! Чудесная река! <...> Здесь такой здоровый, хороший, славянский климат. Лес, река... и здесь тоже березы. Милые, скромный березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить» [8, с. 128]. Из реплик Вершинина складывается совсем иной образ, словно бы герои описывают совершенно разные города.

И снова всё дело в восприятии, в том, глазами кого из героев зритель будет следить за ходом пьесы. Нельзя не отметить, что точно так же разойдутся герои и в своем представлении о Москве. Для сестёр Москва – своего рода земля обетованная, избавление, неслучайно они с такой теплотой будут относиться ко всему, что хоть каким-то образом связано с нею. С каким воодушевлением будет принят ими Вершинин, только что вернувшийся из первопрестольной! А о Старой Басманной улице, где прошло их детство, Ольга и вовсе не сможет вспоминать без слёз. Однако сам Вершинин не разделяет восторженно-умилительных чувств сестёр. Он останется равнодушен. Его Москва – холодный, неприветливый город: «Одно время я жил на Немецкой улице. С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одиному становится грустно на душе» [8, с. 128].

В свое время В. Г. Белинский заметит: «...Смешное в комедии вытекает из беспрестанного противоречия явлений с законами высшей разумной действительности» [1, с. 480]. Такое пони-

мание «комического» способно объяснить некую двойственность характеров героев чеховской драмы. Недовольство действительностью, невозможность приступить к действию, ощущение собственной несостоятельности, постоянное ожидание перемен, с одной стороны, безусловно, действует угнетающе на действующих лиц, но в то же самое время порождает легкую иронию и даже насмешку над собой, своей жизнью, своими переживаниями.

Пожалуй, особенно ярко внутренняя самоирония проявляется в драме «Три сестры». Г. П. Бердников скажет об одной из героинь следующее: «Маша <...> с ее нарочитой, подчеркнутой грубоватостью, которая является особой формой ее сдержанности в проявлении душенных волнений. Но в этой грубости Маши есть всегда и элемент самоиронии» [2, с. 332]. Таковы, к примеру, следующие, практически взаимоисключающие друг друга реплики: «...эта жизнь проклятая, невыносимая...» [8, с. 134]; и чуть позднее: «Выпью рюмочку вина! Эх-ма, жизнь малиновая, где наша не пропадала!» [там же, с. 136].

Интересно, что в более ранней комедии «Чайка» можно увидеть невероятно похожую по настроению сцену:

М е д в е д е н к о. Отчего вы всегда ходите в черном?

М а ш а. Это траур по моей жизни. Я несчастна [там же, с. 5].

Эти фразы не наполнены ни сентиментальностью, ни «любованием собственной жизненной драмой». Напротив, чеховские герои настолько выше собственных неудач, что способны к самоиронии. Действующие лица не опускаются до пошлых жалоб, а способны словно бы посмеяться над жизнью в ответ на свои неудачи. Поэтому неудивительно, что чувство самоиронии особенно присуще именно «страдающим» героям: так, с издёвкой будет дядя Ваня вспоминать свою молодость, когда его считали «светлой личностью»; схожей иронией наполнено самоопределение Сорина – «человек, который хотел».

Заметим, что добрая, легкая ирония присуща не только непосредственным участникам действия, но и самому Чехову. Достаточно вспомнить Петю Трофимова в комедии «Вишневый сад». Сам герой глубоко верит в то, что он говорит, но при этом ничего не делает. А потому он то падает с лестницы, то служит объектом многочисленных насмешек, то получает прозвище «вечного студента» и «облезлого барина». Авторская ирония находит отражение и в ремарках. Петя то вскрикивает «с ужасом», то, задыхаясь от негодования, не может произнести ни слова, то грозит уйти и никак не может этого сделать.

А.П. Скафтымов писал: «...В роли Трофимова нужно различать внутренний лирический пафос и тот аспект, в каком воспринимается его мир со

стороны всех окружающих <...> эта серьезность и значительность его внутреннего мира существует только для него самого и отчасти для Ани, которая воодушевлена его верой. Для других он <...> странный и смешной человек» [7, с. 756]. Никто, кроме Ани, не воспринимает Петю всерьёз. Вот как отзывается о нём Раневская: «Я вас люблю, как родного. Я охотно бы отдала за вас Аню, клянусь вам, только, голубчик, надо же учиться, надо курс кончить. Вы ничего не делаете, только судьба бросает вас с места на место, так это странно... Не правда ли? Да? И надо же что-нибудь с бородой сделать, чтобы она росла как-нибудь... (Смеется.) Смешной вы!» [8, с. 234]. Пожалуй, наиболее явно противоречивые нотки в образе Трофимова прозвучат в его же реплике: «Дойду. (Пауза). – Дойду или укажу другим путь, как дойти» [там же, с. 244]. Как заметит Т.К. Шах-Азизова, «это “или” сразу делает понятной кажущуюся противоречивость образа. В самом деле: пророк будущего, быть может, революционер – и в то же время “недотёпа”, “облезлый барин”» [10, с. 92].

В «двойственном» освещении предстанет еще один герой того же «Вишневого сада» – купец Ермолай Лопахин. Совершенно чужой, даже враждебный миру Раневской – Гаева, Ани – Трофимова, образ Лопахина, в свою очередь, наделен некими лирическими моментами. Конечно, самой глубокой сценой является монолог героя, вернувшегося с торгов: «Вишневый сад теперь мой! Мой! (Хохочет.) Боже мой, господи, вишневый сад мой! Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется... Не смейтесь надо мной! Если бы отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на все происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете. Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню. Я сплю, это только мерещится мне, это только кажется...» [8, с. 240]. На первый взгляд, герой предстает перед зрителями в самом нелицеприятном свете, он открыто упивается собственной победой, радуется около чужого горя. Но сколько при этом «оправдывающих» деталей привносит в комедию Антон Павлович. Лопахин пьян, более того, весь его сумбурный, нехарактерно эмоциональный для него монолог предвещает авторская ремарка: «Сконфуженно, боясь обнаружить свою радость» [там же, с. 239]. Получается, что герою словно бы неловко, причем не столько за сам факт покупки, сколько за свои чувства.

Войницкий, герой пьесы «Дядя Ваня», не может и не хочет больше жить по-старому, но и как начать новую жизнь – он не знает. Более того, дядя Ваня не мыслит себе даже борьбу за нее. Он мечтает о том, что новая, прекрасная жизнь придет сама: «Проснуться бы в ясное, тихое утро и почув-

ствовать, что жить ты начал снова, что все прошлое забыто, рассеялось, как дым. (*Плачет*). Начать новую жизнь... Подскажи мне, как начать... с чего начать...» [там же, с. 107]. Поэтому таким бестолковым выходит бунт героя против Серебрякова. Для подлинно трагического героя двойная «осечка» и примирение с бывшим врагом были бы просто непозволительны. Безусловно, Войницкий – персонаж «страдающий», но его обреченный на провал бунт со стороны выглядит не более чем комично.

«Двуплановость» героев часто подчеркивается Антоном Павловичем и за пределами пьесы. Так, в записной книжке среди заметок к комедии «Чайка» Чехов запишет: «Пьеса: актриса, увидав пруд, зарыдала, вспомнила детство» [9, с. 63]. В каждом действующем лице словно спрятано второе дно, что-то личное, трепетное, что непременно обнаружит себя в ходе пьесы.

Обратившись еще раз к комедии «Вишневый сад», можно обнаружить в ней отдельные мотивы водевиля, выражающиеся в шутках, фокусах, прыжках и переодеваниях Шарлотты. Уже само отчество её, чисто русское, – Ивановна, так нехарактерное для немки, несет явный комедийный оттенок. При этом, как напишет М.О. Горячева, Шарлотта «бесконечно одинокая женщина, которая не знает, откуда она и кто ее родители, которая не имеет ни родных, ни близких, которой, наконец, просто не с кем поговорить... Ей некуда идти из этого дома, и ее дальнейшая судьба представляется весьма туманной и безрадостной. За внешней игрой, комическими действиями спрятан глубоко драматический персонаж» [5, с. 483].

Т.К. Шах-Азизова в свою очередь отметит: «Даже Епиходов, самый смешной и нелепый из всех чеховских персонажей, лишен авторской изюбки или сарказма. Второй план образа серьезный и грустный, это – вариант той же темы одиночества маленького человека, что и у Шарлотты» [10, с. 92].

Даже слезы в драматургии Чехова не так однозначны, как это может показаться. К примеру, в комедии «Вишневый сад» слезы как выражение подлинного трагизма достаточно редкое явление. Эти острые ситуации можно легко перечислить: у Раневской – при воспоминании об утонувшем сыне, у Гаева – по приезде с торгов, у Вари – после неудачного объяснения с Лопахиным, у Раневской и Гаева – в финальных сценах перед уходом из поместья.

Часто слезы будут вызваны радостными воспоминаниями. К примеру, у Раневской – при входе в детскую, а у преданного Фирса – дождавшегося приезда господ. Иногда те же слезы сопровождают

отзывчивость, сердечность героев, к примеру у Трофимова, успокаивающего Раневскую со словами: «ведь он обобрал вас», или у Гаева при обращении к Ане: «крошка моя, дитя мое...» Совершенно особую нишу занимают слезы, вызывающие у зрителя скорее улыбку, нежели сопереживание героям. Так, сквозь слезы произнесет Варя: «блюдечко разбила», Пищик воскликнет: «Где деньги?» Каждая сцена пьесы наполнена своим настроением, своим мировосприятием. Пьесы Антона Павловича нельзя измерять одним мериллом. Поэтому понятно чеховское решительное несогласие с тем, что в его пьесе «Вишневый сад» много плачущих. «Где они? – писал он Немировичу-Данченко 23 октября 1903 года. – Только одна Варя, но это потому, что Варя плакса по натуре, и слезы ее не должны возбуждать в зрителе унылого чувства. Часто у меня встречается “сквозь слезы”, но это показывает только настроение лиц, а не слезы» [9, с. 284].

В драмах Чехова, как заметит Г.А. Бялый, «драматическое осуществляется в органическом смешении с комическим» [3, с. 48], а комическое в органическом сплетении с драматическим. Но, пожалуй, точнее всего выскажется все же Г.П. Бердников: в пьесах Чехова «лирическое, как особая форма трагического, и комическое находятся в кровном единстве, являются чаще всего двумя сторонами одних и тех же явлений» [2, с. 332].

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1948. – 800 с.
2. *Бердников Г.П.* Чехов-драматург: Традиции и новаторство в драматургии А.П. Чехова. – М.: Искусство, 1981. – 356 с.
3. *Бялый Г.А.* Чехов и русский реализм. – М., 1981. – 400 с.
4. *Горький М.* Собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. – М.: Гослитиздат, 1953. – 653 с.
5. *Горячева М.О.* Фокусы Шарлотты в фокусе драматургического анализа // Чеховиана. Звук лопнувшей струны. – М.: Наука, 2005. – 594 с.
6. *Роскин А.И.* А.П. Чехов. Статьи и очерки. – М.: Художественная литература, 1959. – 432.
7. *Скафтымов А.П.* О единстве формы и содержания в «Вишневом саду» Чехова // А.П. Чехов: pro et contra. Т. 2. – СПб.: РХГА, 2010. – 1094 с.
8. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 13. – М.: Наука, 1978. – 520 с.
9. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 11. – М.: Наука, 1992. – 720 с.
10. *Шах-Азизова Т.К.* Чехов и западноевропейская драма его времени. – М.: Наука, 1966. – 150.

У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТАЛАНТА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И А.Н. ОСТРОВСКОГО

В статье выявляются генетические и типологические контакты А.Н. Островского с Ф.М. Достоевским в момент формирования их драматургического таланта.

Ключевые слова: натуральная школа, физиологический очерк, духовное становление, маленький человек, театральность, диалогичность, пушкинская традиция.

Незадолго до кончины, в декабре 1880 года, Ф.М. Достоевский в письме к неустановленному лицу (некому Николаю Александровичу) рекомендует необходимый список книг для библиотеки подростка: «Скажу лишь вообще: берите и давайте лишь то, что производит прекрасные впечатления и рождает высокие мысли. Если ему минуло шестнадцать лет, то пусть прочтет Жуковского, Пушкина, Лермонтова. Если он любит поэзию – пусть читает Шиллера, Гете, Шекспира в переводах и изданиях Гербеля. Тургенева, Островского, Льва Толстого пусть читает непременно, особенно Льва Толстого. (Гоголя, без сомнения, надо дать всего.) Одним словом – всё русское классическое» [6, с. 237].

Воспитание юной души Достоевский доверяет художественному слову великих предшественников и своих современников, среди которых он указывает имя А.Н. Островского. Заметим, что в библиотеке Достоевского (аннотированный каталог библиотеки Достоевского научно реконструирован в 2005 году сотрудниками Пушкинского Дома) среди собраний сочинений современников: Н.А. Некрасова, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева – также имелось 8 из 10 томов собрания сочинений Островского, выпущенных типографией А.А. Краевского в 1874 году.

Несмотря на противоречивые оценки Федором Михайловичем творчества драматурга, в сознании романиста имя Островского не раз оказывалось в одном ряду с Пушкиным и Гоголем. Так, в статье «“Свисток” и “Русский вестник”» в 3 выпуске журнала «Время» за 1861 год он пишет: «Мне кажется тоже, что литература наша, хоть и новая, хоть и недавняя, но вовсе уж не такая мизерная. Она совсем не скудная: у нас Пушкин, у нас Гоголь, у нас Островский, и это уже литература. Преемственность мысли видна уже в этих писателях, а мысль эта сильная, всенародная» [4, с. 112]. В этот ряд можно смело включить и имя самого Достоевского.

Генетически восприняв талант и наследие великих предшественников – Пушкина и Гоголя, Островский и Достоевский почти ровесниками пришли в русскую литературу. Их духовное становление пришлось на 1830-е – 1840-е годы, источник наблюдений писателей был один, и цель творческого

пути была общая – правдивое изображение жизни.

Им обоим многое пришлось претерпеть: Достоевский прошел испытание ссылкой и каторгой, Островский всю жизнь был связан каторгой цензурной. Оба знали, что такое нужда и страдание. Их связывали общие знакомые-литераторы, но развернутого межличностного творческого диалога, отраженного в письмах, дневниках, между Островским и Достоевским не было. Известны лишь пять писем Достоевского к Островскому и два письма Островского к Достоевскому. Переписка связана с двумя пьесами драматурга, напечатанными в журнале братьев Достоевских «Время», – «За чем пойдёшь, то и найдёшь» (1861) и «Грех да беда на кого не живет» (1862).

Нельзя не сказать о том, что писателей сближает разработка персонажей одного и того же типа: мечтателей, самодуров, людей «горячего сердца», праведников; рассмотрение сопряжённых тем и мотивов: тема «маленького человека», мотив трагической женской судьбы, мотив двойничества и т.д. Через пронизательную наблюдательность Островского и Достоевского проходили истории их героев, «случайных семейств», истории целых городов – Скотопригоньевска, Петербурга, Бряхимова, Калинова. За злобой текущего дня сюжеты их произведений открывают нечто долговечное и типичное. При этом сопоставительный анализ творчества писателей не исчерпывается выявлением схожих особенностей на идейно-тематическом уровне.

В высказываниях Достоевского о русской литературе на страницах «Дневника писателя» исследователи не раз замечали обращение писателя к творчеству Островского, отмечая внутреннее тяготение Достоевского к драматургии, обращая внимание на нарастающий драматизм сюжетных событий, построение сюжетного действия как лавины событий. Это объясняется тем, что Федор Михайлович – писатель, наделённый ярким театральным сознанием, его персонажи не столько впечатляют нас как личности, сколько кажутся актёрами, играющими доверенную им роль. Высказывания о драматургической структуре произведений Достоевского, о расширении жанра романа за счет усвоения элементов драматического произведения мы встречаем, например, в работах В.Я. Кирпотина,

М.М. Бахтина, Вяч. Иванова. Наконец, известно, что первые литературные опыты Достоевского предпринимались в драматическом роде, и среди них была незавершённая пьеса «Борис Годунов». И. Зохраб отмечает, что романы Достоевского накапливают в себе элементы драматического произведения благодаря широкому использованию в них приёмов, связанных с драматическим жанром: «К таким элементам, как “приём масок”, “механизированный приём”, можно добавить в равной степени театральные элементы, которые имеются в большинстве произведений Достоевского: кульминационные сцены скандала в присутствии всех действующих лиц, деление героев на пары, индивидуализация их речи, самовыражение через речь, драматургическая манера построения произведения и т. п.» [7, с. 107].

Не стоит забывать, что исток таланта драматурга Островского – это художественная проза. Свой творческий путь драматург начинает с очерков «Записки замоскворецкого жителя». Как замечает Ю.В. Лебедев, «генетически раннюю драматургию Островского принято связывать с прозой “натуральной школы”, с физиологическим очерком в период кризиса этого жанра. К концу 1840-х гг. рассказчик в очерках и повестях “натуральной школы” решительно изменяется. Он не спешит высказать свою точку зрения на происходящие события, не вмешивается в живой поток жизни. Напротив, он предпочитает “стушеваться”, превратиться в хроникёра, объективно и беспристрастно воссоздающего факты. Художественный мир реалистической прозы становится всё более и более драматизированным, изменяется соотношение между описанием и сценкой. “Сценки” входили и в традиционные физиологии, но там они играли подчинённую роль. Очеркист-физиолог иллюстрировал ими свои итоговые наблюдения над жизнью, свои типологические характеристики. К 1850-м годам ситуация изменяется. В повествовательных жанрах сокращается удельный вес эпизодов “от автора” и нарастает собственно художественный, изобразительный, сценический элемент» [8, с. 7].

Писательский талант Достоевского и Островского рождается в колыбели натуральной школы, «таившей в себе потенциальные драматические начала». Преемники традиций натуральной школы стремятся ухватить время, внести живую жизнь в рамки повествования, за счёт этого в художественных произведениях 1840-х – 1850-х годов усиливается драматический элемент. В.В. Виноградов замечал, что не только физиологический очерк, но и «вся новелла в 1840-е годы начинается, если можно так выразиться, драматизироваться. Она строилась как ряд драматических эпизодов, пёстрых диалогов между действующими лицами, с детальным воспроизведением (в форме ремарок) обстановки, поз, движений и портрета героев» [2, с. 316].

Проницательный взгляд на особый мир Замоскворечья – «Записки замоскворецкого жителя» (1847). Это первый шаг Островского на литературном пути. Когда-то он с упорством достиг истока Волги – небольшого ручейка, вытекавшего из-под упавшей берёзы. Так и в «Записках замоскворецкого жителя» – начало будущего драматургического таланта Островского. Как отмечает И.А. Овчинина, «уже в этих первых очерках видна природа дарования Островского: в самой действительности он видит элементы зрелищности, в людях – лицедеев, воспринимая жизнь театрально» [9, с. 170].

Достоевский годом ранее очерков Островского публикует роман «Бедные люди», принёсший ему шумный успех и получивший высокую оценку Белинского. В центре романа – образ «маленького человека» Макара Дежушкина, говорящего от своего лица в письмах к Вареньке Добросёловой. Островский наверняка был знаком с этим романом, так как в первом из замоскворецких очерков – «Иван Ерофеич» – заметна сходная психологическая мотивировка в изображении подобного героя. Чуткое восприятие общественного состояния, ощущение духовного разлада в душах людей, стремление обнажить внутренний мир героя его же устами, достижение полного правдоподобия происходящих событий (так, автор-издатель в «Записках» замечает, что «это сущая правда») – общие черты ранней прозы Островского и Достоевского.

В голосе Ивана Ерофеича, который уничижительно заявляет о себе («человек-то я маленький, и ходу мне никакого нет»), мы узнаём Макара Дежушкина – героя романа Достоевского. Житель Замоскворечья сам «просится в свет» и «неотступно молит» рассказать о нём читателям. А перед этим обитатель петербургского угла Макар Дежушкин в письмах к Вареньке Добросёловой открывает свою живую, страдающую, но при этом не лишённую гордости душу («гордость унижения, гордость мученика», – как скажет автор-повествователь об Иване Ерофеиче в «Записках замоскворецкого жителя»).

Возникает также общая символическая деталь, связанная с литературной традицией XIX века, – «странная шинель», в которой ходит по Замоскворечью Иван Ерофеич. Макар Дежушкин также не лишен этого атрибута: «Дождь был такой, слякоть такая была сегодня! Я, ясочка моя, в шинель-то закутался, иду-иду да всё думаю: “Господи! прости, дескать, мои согрешения и пошли исполнение желаний”» [3, с. 77].

В очерке об Иване Ерофеиче и в романе Достоевского нет подробного описания внешности героев. Автор-повествователь в «Записках» так заявляет, отказывая в описании «физиономии» героя: «Ах, Иван Ерофеич! Иван Ерофеич! Не хорошо, братец, так запускать себя! Хоть бы ты шинель-то переменял, а то ведь срам сказать, ходишь ты зиму и лето в своей допотопной шинели. Ну, погляди ты

на себя хорошенько: бархатный воротник у твоей шинели сложен совершенно как хомут, капюшон у тебя со складками и всегда как-то раздут, так что сверху он шире, чем внизу. А ещё как увидит тебя какой-нибудь юмористический писатель, да опишет тебя всего, и физиономию твою опишет, и вицмундир твой, и походку твою, и табакерку твою опишет, да ещё и нарисуют тебя в твоей шинели в разных положениях, тогда уж вовсе беда — засмеют тебя совсем. Уж я, право, не знаю, что мне с тобой делать. Нет, уж как ты ни проси, а я тебя не покажу. Мне на первых-то порах не хочется, чтоб меня обвинили в незнании приличий. А лучше я выпишу целиком из рукописи, что рассказывал о тебе сослуживец твой, Иван Яковлич, неизвестному автору “Записок о Замоскворечье”. И тебе не обидно, и моё дело сторона» [10, с. 35]. В приведённой цитате присутствует отголосок романа Достоевского «Бедные люди»: «И они ходят, пасквилянты неприличные, да смотрят, что, дескать, всей ли ногой на камень ступаешь али носочком одним; что-де вот у такого-то чиновника, такого-то ведомства, титулярного советника, из сапога голые пальцы торчат, что вот у него локти продраны — и потом там себе это всё и описывают и дрянь такую печатают» [3, с. 69].

В Иване Ерофеиче, как и в Макаре Девушкине, на первый план вынесено конфликтное отношение героя к действительности. В отличие от гоголевского Башмачкина, в котором личность стёрта, «маленькие люди» ранних произведений писателей смело заявляют о себе. Тут обнаруживается традиция, восходящая к Пушкину, слышатся нотки трагические, развернувшиеся впоследствии в драмах Островского и романах Достоевского. Переноса в ткань повествования трагический конфликт, найденный ещё Пушкиным, Островский вслед за Достоевским отыскивает в герое униженную, но активную и деятельную, готовую к бунту душу.

Подобно героям Достоевского, голос Ивана Ерофеича прорывается у Островского длинным монологом в финале рассказа: «Я не крепостной какой-нибудь, кажется. <...> Я благородный человек!» [10, с. 41]. Эта исповедь напоминает рассказ о загубленной жизни отставного чиновника Мармеладова, героя романа «Преступление и наказание»: «Для чего я не служу, милостивый государь, — подхватил Мармеладов, исключительно обращаясь к Раскольникову, как будто это он ему задал вопрос, — для чего я не служу? А разве сердце у меня не болит от том, что я пресмыкаюсь втуне?» [5, с. 14].

За внешней комичностью героев Достоевского и Островского скрывается глубокий внутренний драматизм, повреждённая гордыней душа «маленького человека», обречённого на одиночество из-за своей социальной придавленности и духовной «вялости».

Форма повествования Достоевского и Островского в этих ранних произведениях также заслу-

живает особого внимания. Роман «Бедные люди» представляет собой переписку двух лиц, где отсутствуют авторские наблюдения со стороны. Авторский голос в «Записках замоскворецкого жителя» тоже заретуширован и скрывается за повествованием издателя, а тот, в свою очередь, «передает» слово сослуживцу Ивана Ерофеича — Ивану Яковлевичу. Таким образом, возникает многоголосие, составляющее особенность жанровой структуры «Записок». На эту особенность ранней прозы Островского обращает внимание и А.В. Павлов: «В жанровом отношении многоголосие временами создает эффект сценичности, который особым образом организует текст, придает событиям динамику драматического действия. Это было характерной чертой прозы 40-х годов XIX века» [11, с. 47].

Разными путями Островский и Достоевский шли к единой художественной цели. Так, уже на раннем этапе творчества оба писателя стремятся объективно отразить реальность, обнажая душу героя — вместилище противоречий, где низкое сочетается с высоким, «святость» соседствует с «грехом». У Островского, как и у Достоевского, нет «однотонной человеческой значимости» [1, с. 201]. Это специфическое свойство их творческого метода особенно ярко обнаружится в поздних произведениях.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Сов. писатель, 1963. — 362 с.
2. Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. — М.: Наука, 1976. — 512 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 1. — Л.: Наука, 1972. — 520 с.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 19. — Л.: Наука, 1979. — 355 с.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 6. — Л.: Наука, 1973. — 421 с.
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 30, кн. 1. — Л.: Наука, 1988. — 456 с.
7. Зохран И. Ф.М. Достоевский и А.Н. Островский (в свете редакторской деятельности Достоевского в «Гражданине») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 8. — Л.: Наука, 1988. — С. 107–125.
8. Лебедев Ю.В. А.Н. Островский и русская литература // Литература в школе. — 2013. — № 4. — С. 7–11.
9. Овчинина И.А. «Записки замоскворецкого жителя» // А.Н. Островский. Энциклопедия. — Кострома; Шуя, 2012. — С. 170.
10. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 1. — М.: Искусство, 1973. — 476 с.
11. Павлов А.В. О жанровых особенностях «Записок замоскворецкого жителя» А.Н. Островского // А.Н. Островский в новом тысячелетии. — Кострома, 2003. — С. 44–48.

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ СБОРНИК», ИЗДАННЫЙ Н.А. НЕКРАСОВЫМ (1846), В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КРИТИКИ И ЖУРНАЛИСТИКИ 1840-Х ГОДОВ

Автор статьи представляет объективную роль и место «Петербургского сборника» 1846 г. в русском литературном процессе, в восприятии современников.

Ключевые слова: «Петербургский сборник», «натуральная школа», критика, журналистика, литературная позиция.

В настоящей работе будет предпринят опыт анализа литературной позиции «Петербургского сборника», изданного Н.А. Некрасовым в 1846 г., с учётом полемики, развернувшейся в русской журналистике после его издания, и сопоставлены различные представления о литературном творчестве сторонников и противников натуральной школы.

Основной, во многом определяющей литературную позицию «Петербургского сборника», была статья В.Г. Белинского «Мысли и заметки о русской литературе». Автор статьи рассуждает о благотворном нравственном воздействии литературы на общество, высказывает мысль о необходимости сближения различных сословий на основе прогресса «промышленности и торговли», просвещения, развития науки и литературы. Наше образованное общество, утверждает Белинский, «есть непосредственное действие нашей литературы на понятия и нравы» русских. Литература – источник «практических нравственных идей», она «способствует пробуждению самосознания», влияет на «нравственное улучшение общества» [2, т. 8, с. 38–39]. «Образованность равняет людей», а «общество должно быть органическим, то есть множеством людей, связанных между собой внутренне» [2, с. 39].

Это написано в конце 1845-го года («Петербургский сборник» был опубликован в январе 1846-го), когда критик был, по распространённому мнению исследователей, революционером-демократом, когда он настойчиво утверждал принципы натуральной школы в русской литературе. При внимательном, непредвзятом прочтении его работ выясняется, что он оставался по преимуществу просветителем, стремившимся путём распространения образованности, интереса к литературе и искусству благотворно воздействовать на человека и на общество.

В статье, опубликованной в «Петербургском сборнике», Белинский продолжал отстаивать в качестве главной задачи литературы изучение «факта действительности» – «со всем его добром и злом». Литература помогает «изучать и узнавать нас как народ, как общество» [2, т. 8, с. 41]. По мнению критика, «в каждой из [...] литератур писатель выражает своими сочинениями хорошую

или слабую сторону своей родной национальности» [2, т. 8, с. 42]. Пример этого автор статьи видит в творчестве Гоголя, с появлением которого «литература наша исключительно обратилась к русской жизни, к русской действительности [...], через это она сделалась более одностороннею и даже однообразною, зато и более [...] самобытною» [2, т. 8, с. 41]. «Гоголь строго держится в своих сочинениях сферы русской житейской действительности», и в этом отношении он «самый национальный из русских поэтов» [2, т. 8, с. 43].

Белинский в то же время считает, что даже лучшие русские писатели не могут иметь «всемирного» и «исторического» значения, для чего нужно, чтобы народ, который они представляют, смог влиять «на ход и развитие всего человечества» [2, т. 8, с. 43]. Наши писатели, считает критик, могут равняться с мировыми лишь в форме, но не в содержании, «которое даёт поэту жизнь его народа» [2, т. 8, с. 44]. В несколько завуалированной форме Белинский здесь явно возражает против славянофильской мессианской идеи. В то же время критик достаточно патриотичен в своих суждениях: «Наше политическое величие есть несомненный успех нашего великого будущего, великого значения и в других отношениях». Кроме силы, надеется автор статьи, мы, русские, «положим на весы европейской жизни ещё и русскую мысль» [2, т. 8, с. 45]. Критик уверен, что для современного русского общества актуальна беллетристика – та отрасль литературы, которая «живёт чужою мыслию – мыслию гения», популяризирует её, даёт пищу для размышлений читателя. У нас же до сих пор «все претендуют на художественность, на творчество, никто не хочет быть просто рассказчиком, сказочником, беллетристом [...], – и публике нечего читать» [2, т. 8, с. 53]. Характеризуя выдающиеся явления русской литературы, Белинский склонен Пушкина признать гением, о Гоголе он прямо этого не говорит, хотя оценивает его очень высоко.

Достаточно логично суждение критика об отличиях гения и таланта: «Талант, как способность делать, производить, относится больше к форме создания [...] и есть сила внешняя, которая может существовать в человеке независимо от ума, сердца [...]. Но для формы нужно содержание [...].»

для чего необходима «самостоятельная деятельность духовных сил человека» [2, т. 8, с. 58]. Лишь немногие из писателей «действительно обладают способностью творческой самостоятельности» [2, т. 8, с. 59]. В них виден «резкий отпечаток личности, который делает произведения так оригинальными, что под них невозможно подделаться [...]» [2, т. 8, с. 60]. Это уже признак гения. Но большинство писателей – таланты, которым достаточно быть беллетристами. Таким образом, Белинский актуализирует и теоретически объясняет и оправдывает специфическое направление русской литературы, одна из основных задач которой видится в том, чтобы изучать жизнь посредством её художественного изображения – по примеру современной французской литературы, представляющей собой образец беллетристики, не подлежащей эстетической критике [2, т. 8, с. 57].

Кроме программной статьи Белинского, в «Петербургском сборнике» опубликована статья А.В. Никитенко «О характере народности в древнем и новейшем искусстве». Никитенко не был единомышленником Белинского, но он не принимал и славянофильскую литературную и социальную программу. Основная мысль его статьи – сомнения в приоритете национальной самобытности в искусстве, поскольку подобная идея грешит притязаниями на исключительность той или иной национальной культуры. Ссылаясь на христианскую традицию о равенстве всех перед Богом, Никитенко подчёркивает общечеловеческий характер духовных ценностей, в том числе и литературного творчества. Культура всякого народа, по его мнению, тем и интересна, что в ней заложены общечеловеческие начала. Естественно, что эта позиция Никитенко вызвала самые решительные возражения со стороны славянофилов.

Художественные тексты, подобранные издателем для «Петербургского сборника», в целом соответствовали сформулированной Белинским программе современной русской литературы. На это обратили внимание авторы критических откликов на книгу. Первые отзывы появились в издании, откровенно враждебном намеченному в книге литературному направлению, – в «Северной пчеле» Ф.В. Булгарина. В двух январских номерах газеты (22-м и 25-м) появилось сначала краткое упоминание о выходе сборника с достаточно ехидной характеристикой, написанной самим Булгариным, а затем более развёрнутая рецензия, подписанная криптонимом «Я.Я.Я.», за которым скрывался сотрудник газеты Л.В. Брант.

Булгарин справедливо связывает появление «Петербургского сборника» с предшествовавшими ему двумя выпусками «Физиологии Петербурга» (1845 г.), тоже изданными Некрасовым. Редактор «Северной пчелы» пишет: «Из разбора “Физиологии Петербурга” читатели наши знают, что г. Не-

красов принадлежит к так называемой *натуральной* литературной школе, утверждающей, что должно изображать природу без покрова. Мы, напротив, держимся правила [...]: “Природа только тогда хороша, когда её вымоют и причешут”. Это, разумеется, относится только к литературе» [4, с. 86]. Именно после этой реплики Булгарина, подхваченной и переосмысленной Белинским, утвердилось название натуральной школы в русской литературе.

Литературный обозреватель «Северной пчелы» Л.В. Брант в характеристике «Петербургского сборника» был столь же категоричен. Он ополчился на опубликованный в сборнике роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди», увидев в нём, вопреки распространившимся слухам о молодом таланте, «совершенное крушение» автора, который «из ничего вздумал построить поэму, драму, и вышло *ничего*». Рецензента раздражает мода анализировать «внутренний мир души и сердца, – самые дюжинные характеры возводить в какой-то недостижимый идеал, вопреки истине и действительности [...] из мухи делать слона». А виноваты в этом «модные идеи», которые распространяют «некоторые критики» [10, с. 99]. Здесь явный намёк на Белинского с его программой социального и гуманного искусства.

О других публикациях «Петербургского сборника» Брант отзывается или негативно (так, в прозаических и поэтических произведениях И.С. Тургенева он видит лишь подражание или пародию на Пушкина и Лермонтова), или иронически (о произведениях И.И. Панаева, А.Н. Майкова, В.Ф. Одоевского, В.А. Соллогуба). Рецензент признаёт, что статья Никитенко «О характере народности в древнем и новейшем искусстве» отличается «глубокомыслием и изяществом красноречия» и идёт вразрез с натуральной школой. В этом Брант по-своему прав, поскольку статья Никитенко имеет явно антиславянофильский характер, но в ней нет и намёка на поддержку натуральной школы. Больше всего от рецензента «Северной пчелы» досталось Некрасову – автору стихотворений «В дороге», «Пьяница», «Колыбельная песня», – и Белинскому, автору упомянутой выше статьи, в которой Брант без всякой аргументации констатирует смесь «из самых забавных парадоксов, противоречий и всякого рода неслыханностей» [10, с. 106]. Критические оценки редакции «Северной пчелы» далеки от глубины и объективности, но и в этой газете появлялись меткие наблюдения относительно разных литературных явлений.

Достаточно строгим оказалось отношение к «Петербургскому сборнику» в журнале П.А. Плетнёва «Современник» (1846, № 2). Рецензент, констатируя отсутствие в сборнике «единства мысли», сосредоточился преимущественно на характеристике романа Достоевского «Бедные люди»: «В этом романе два элемента поэзии: серьёзный и комический. Первый гораздо более второго но-

сит на себе той художественной истины, которая так высоко ценится в произведениях таланта. Комическое же здесь как-то изысканно и составляет заметное подражание тону, краскам и даже языку Гоголя и Квитки. Места, где автор говорит серьезно, восхитительны» [7, с. 273]. Интересны «положения и характеры лиц», рассказ отличается «мастерским искусством». Но многое в произведении карикатурно, содержание романа как будто вызвано «к жизни усиленно, теоретически, без сердечного разделения описанных ощущений» [7, с. 274]. Плетнёв по существу обвиняет автора «Бедных людей» в нарочитой тенденциозности творчества, в том, что у Достоевского авторская идея довлеет над художественностью.

Одним из наиболее проницательных оппонентов Белинского и программы натуральной школы в целом оказался С.П. Шевырёв, который в статье о «Петербургском сборнике» («Москвитянин», 1846, № 2–3) с удовлетворением отметил, что, наряду с повторением уже знакомой программы современной литературы, у Белинского появляется новое: «мысли о литературе как орудии у нас к соединению всех сословий» [9, с. 246].

Шевырёв утверждает, что литературные партии вредят общему делу развития литературы, что художник должен быть свободен в своём творчестве и руководствоваться лишь убеждениями «разума и совести». Рецензент выделяет из всего содержания «Петербургского сборника» «Бедных людей» Достоевского и, сравнивая этот роман с «Шинелью» Гоголя, замечает, что гоголевский герой Акакий Акакиевич возбуждает участие «не своею внутреннею личностью, а тем положением, в которое общество его поставило» [9, с. 226, 227]. Социальную проблематику «Шинели», как известно, подчёркивали и Белинский, и В. Майков. В отличие от Гоголя, утверждает критик, Достоевский «задал себе задачу [...] изобразить в бедном чиновнике человека с благороднейшими сочувствиями ко всему бедному [...]». С этим врождённым чувством человеколюбия соединена в Макаре Девушкине амбиция» [9, с. 227].

Шевырёва не устраивает в «Бедных людях» авторская тенденция: «Филантропическая сторона этой повести заметнее, чем художественная». Критик утверждает: «Превратить любовь к ближнему – добродетель вечную – в филантропическую тенденцию века, значит, на самую добродетель наложить моду [...], искусство филантропическое» становится знаменем, привилегией – это «странное исчадие нашего капризного столетия» [9, с. 229]. Рецензент явно имеет в виду распространившиеся в Европе и в России гуманистические идеи утопического социализма и антропологической философии, которые действительно были близки программе натуральной школы и совершенно неприемлемы её противникам.

Тенденциозное искусство, утверждает Шевырёв, «лишено своей красоты и наполнено только выставкой филантропии какого-нибудь писателя [...]». Истинно изящное и без филантропических тенденций всегда возбуждало любовь к ближнему». Тенденция же – лишь «временная потребность» [9, с. 230]. Представления Шевырёва о природе искусства и его функции близки тем, которые вскоре, в 1850-е годы, будут отстаивать сторонники русской эстетической критики и которые несколько ранее, в самом начале 1840-х, декларировал и Белинский. Эта теория художественного творчества является продолжением платоновско-аристотелевской поэтики: «Искусство [...] не состоит только из одних цветов и красок или чувственно воспринимаемой жизни. Искусство всегда ещё так или иначе идейно, то есть является показателем какой-нибудь внутренней, пусть личной, пусть общественно-политической, пусть духовной, но обязательно внутренней жизни человека и внутренней жизни изображаемого в искусстве предмета» [6, с. 178].

Сформулировав свои художественные принципы, Шевырёв в соответствии с ними оценивает и другие литературные произведения, опубликованные в «Петербургском сборнике». Большинство из них, по мнению рецензента, подлежат разве что критике «первоначальной» (анализ языка, слога, стиля). Критик везде находит натурализм, слабое подражание Пушкину и Гоголю и подчёркивает, что «не действительность составляет достоинство искусства, а глубина души художника, который её схватывает» [9, с. 237]. В стихотворениях Некрасова, например, он находит голую дидактику и делает вывод, что современные литераторы «мелко плавают».

Учитывая, что основная тенденция создателей «Петербургского сборника» – с помощью литературного творчества и преимущественного порицания негативных явлений жизни способствовать общественному прогрессу, Шевырёв категорически не соглашается с такой задачей, поставленной перед литературой, и утверждает, что «путь к освобождению заключается не в ненависти к палачу, а в той бесконечной силе любви, которая таится в жертве; что насилие должно быть обезоружено и побеждено любовью страдания; что не время [...] в жертве возбуждать ненависть и гасить [...] последнюю любовь, которую она хранит на спасение; но что время сознать любовь разумом и вызывать её торжество и силу везде» [9, с. 241]. Эта христианская программа художественного творчества сближает Шевырёва со славянофилами (хотя они далеко не во всём были единомышленниками), с Плетнёвым и, конечно же, с Гоголем.

Шевырёв полемизирует не только с «социально-демократической» доктриной Белинского и его единомышленников (думается, этот термин более уместен, чем традиционное определение их пози-

ции как «революционно-демократической»), но и с явно проевропейской, западной, антиславянофильской идеей Никитенко, выраженной в названной ранее статье, в которой Шевырѣв уловил тенденцию отстаивания приоритета общечеловеческого над национальным и попытался её опровергнуть. Он считает неверным противопоставление народного и общечеловеческого начал, стремление «ограничить народное в [...] его притязаниях на исключительность [...] – не туда [...] направляет автор стрелы своей науки» [9, с. 242]. Рецензент подчёркивает, что «всё человеческое для нас священо, где бы и у кого бы оно ни встретилось», но «народное [...] не исключает нисколько общечеловеческого» [9, с. 243]. По его мнению, Никитенко ошибается, утверждая, что «народность противоречит христианству и перед ним исчезает». Критик утверждает, что «христианское искусство только могло быть всемирным и допустить в свою сферу все другие народности» [9, с. 244].

Русские более других терпимы, считает рецензент, и «легко отрываются от народности [...], в образе мыслей мы нигде не найдём такого всемирного разнообразия народных оттенков, как между своими [...]». Вот почему мы нация всемирная, народ всенародный, язык многоязычный [...]. Наша народность не обидна ничьей – и уживается со всеми» [9, с. 245]. Здесь явно прослеживается идея мессианизма русского народа, характерная для славянофилов, а в дальнейшем и для почвенников.

Литературная программа Шевырѣва направлена на защиту литературы художественной и в то же время содержательной, но не тенденциозной. Критик обвиняет натуральную школу в дидактике и риторике, возвращая Белинскому его же негативное определение, направленное по адресу литературных противников.

Своеобразную позицию по отношению к «Петербургскому сборнику» занял журнал «Финский вестник», библиографический отдел которого в это время вёл начинавший свою литературно-критическую деятельность А.А. Григорьев. Сопоставляя петербургский и московский сборники 1846 года, рецензент в первом оценил «направление живое, современное», а о втором отозвался как о книге, в которой «проявились химерические идеи истых славянофилов, которыми они потешают публику во славу бороды и армяка» [5]. Из публикаций «Петербургского сборника» критик тоже выделил роман Достоевского «Бедные люди», о котором высказал своё мнение.

Григорьев признаёт «громадное художественное дарование» писателя, создавшего два «в высшей степени интересные лица», «которым нельзя не сочувствовать», и сумевшего, несмотря на «всё однообразие их ощущений», основать на этом «целую внутреннюю драму». В основе оценки героев «Бедных людей» у Григорьева положена идея нрав-

ственно-религиозного искусства, образец которого критик находит в творчестве Гоголя. Упомянув об оппозиции героя Достоевского Макара Девушкина к повести Гоголя «Шинель», Григорьев подчёркивает, что Гоголь, руководствуясь идеалом христианской любви, обрисовал в лице Акакия Акакиевича и других своих героев «степени падения человечности» «во всём страшном безобразии», но лишь «для того, чтобы сильнее, божественнее, благодатнее отпечатлелось на них христианское озарение». Достоевский же в «Бедных людях», хотя и «анализирует явления больше, пожалуй, Гоголя», и притом, в отличие от последнего, «более плачет, нежели смеётся», не только остался чужд религиозному идеалу, но «поклонился» изображаемым им «мелочным личностям», отчего самая его любовь к ним приобрела ложный, «эгоистический» характер. Результатом этого явились опасный уклон к «ложной сентиментальности» и «апотеоза *мещанских добродетелей*» [8, с. 475].

Григорьев проникательно заметил в раннем творчестве Достоевского влияние антропологических учений, известных в России уже с начала 1840-х годов. Видимо, это вскоре и сблизило молодого писателя с петрашевцами. Григорьев же постарался развести христианское направление гоголевского творчества и близкую утопическому социализму концепцию человеческой личности («эгоистический» характер в противовес православной соборности) в направлении «сентиментального натурализма», одним из творцов которого он счёл именно автора «Бедных людей».

Ещё один рецензент «Петербургского сборника», идеолог славянофильства К.С. Аксаков в статье «Три критические статьи г-на Имрека» («Московский литературный и учёный сборник на 1847 год») был более категоричен по отношению к своим литературным противникам. Об этом свидетельствует уже одна из начальных фраз его рецензии: «Петербургские литераторы сочли за нужное избавиться от тяжести мысли и труда, сбросили её и быстро, налегке помчались по поприщу литературы» [1, с. 184]. Аксаков не принимает «Бедных людей» Достоевского, считая это произведение нехудожественным и откровенно тенденциозным: во всём виден сочинитель. По мнению критика, роман написан достаточно увлекательно, но «никакая прекрасная мысль, никакое прекрасное содержание ещё не составляют художественного произведения. Здесь необходимо ещё то творчество, то чудо, которое даёт мысли, содержанию соразмерный и высоко действенный образ [...], мысль никогда не выдвигается, как мысль, а между тем вы приняли её в свою душу, она сделалась частью вашего духовного бытия и никогда не оставит вас. – Вот великая задача художника, которой не исполнил г. Достоевский». Поэтому «повесть его оставляет впечатление тяжёлое, чего никогда не может

быть при создании истинно художественном [...]. Художник никогда ничего не доказывает; вопрос художественный есть вопрос исполнения, воплощения мысли; если этого нет, то как бы ни было прекрасно по мысли произведение, оно остаётся не художественным» [1, с. 185].

Произведение не должно оставлять тяжёлого впечатления, «художник идёт глубже», он «производит на вас *общее* впечатление [...], он истребляет самый зародыш зла, он перерождает вас. Такова «Шинель» Гоголя, способная переродить человека [...]. Глубокая примиряющая красота художественного произведения обняла и внесла [...] в вашу душу новую жизнь, новое начало». Аксаков продолжает: «Для истинного художника необходима полная преданность искусству, полная искренность, полное беспристрастие [...]». У Достоевского же преобладает филантропическая тенденция, производящая «тяжёлое и частное» «впечатление». Однако у писателя «есть что-то, что выше разряда нехудожественных талантов». Это проявляется «в отдельных местах, истинно прекрасных», например, в характерах Вареньки, студента Покровского [1, с. 186]. Критик не понимает негативного отношения героя «Бедных людей» к гоголевскому Акакию Акакиевичу, считая, что Гоголь в своём герое «видит человека и пробуждает это же чувство в читателе» [1, с. 188]. Аксаков делает вывод, что Достоевский не художник и слишком зависит от Гоголя.

Оценка других произведений «Петербургского сборника» у Аксакова близка той, с которой несколько ранее выступил Шевырёв. Почти все они вызывают у критика «неприятное и грустное чувство». Слабым, по мнению Аксакова, повестям Тургенева «Помещик» («так уж плохо, такой вздор, так жалко желание острить») и «Три портрета» (герой – «гнилой, бесстыдный и презренный человек») критик противопоставляет недавно опубликованный в «Современнике» рассказ «Хорь и Калиныч» – «вот что значит прикоснуться к земле и к народу: вмиг даётся сила!» [1, с. 195]. И в этом критик не далёк от истины. По поводу упомянутой выше статьи Никитенко критик не считает возможным даже полемизировать: её смысл для него как славянофила совершенно неприемлем, поскольку автор статьи ставит под сомнение идею народности в искусстве.

Одним из рецензентов «Петербургского сборника» стал и Белинский, имевший непосредственное отношение к его изданию. В статье, посвящённой сборнику («Отечественные записки», 1846, № 3) продолжены рассуждения критика о некоторых аспектах развития русской литературы, начатые в основной критической статье, опубликованной в самом сборнике. Не касаясь широко известной оценки романа Достоевского «Бедные люди», отметим лишь, что рецензент выделяет в качестве

основной «гуманную» мысль автора романа, что соответствовало программе натуральной школы.

Белинский углубляет свои прежние наблюдения о роли Пушкина и Гоголя в русской литературе. По его мнению, Пушкин самобытен прежде всего как художник, но он вырос на готовой почве русской и европейской литературы. У Пушкина преобладает «поэзия, избирающая своим предметом только положительно прекрасные явления жизни и редко испытываемые человеком высокие ощущения – такая поэзия [...] всем доступна по наружности» [3, т. 8, с. 123]. Труднее приходится авторам, которые выбирают описания «будничной и черновой стороны жизни», – таков, например, Гоголь. При этом у Гоголя, считает Белинский, не было предшественников в русской литературе и образцов в иностранной. Это, мягко говоря, спорное суждение.

Автор статьи как будто не замечает (или не хочет замечать) авторской идеи в творчестве Гоголя, когда утверждает, что у этого писателя в описании будней нет «ни моральных сентенций, ни комических выходов» [3, т. 8, с. 124]. При этом критик считает, что Гоголь своим юмором «служит всему высокому и прекрасному [...], но только верно воспроизводя явления жизни, по их сущности, противоположные высокому и прекрасному» [3, т. 8, с. 125]. Но ведь это и есть специфическая форма проявления авторского идеала Гоголя, которая Белинскому, видимо, не очень интересна, потому что он ценит преимущественно «верное воспроизведение» жизни.

Не совсем прав Белинский и в отношении к Пушкину, который, напомним, ещё в «Евгении Онегине» утверждал в качестве объекта художественного творчества желание изображать «фламандской школы пёстрый сор», за что, кстати, его порицала современная критика (например, Н.И. Надеждин). Историко-литературная мысль Белинского здесь определяется стремлением утвердить приоритет программы натуральной школы, даже ценой некоторого искажения истинного смысла литературных явлений.

В краткой оценке Белинским других произведений, опубликованных в «Петербургском сборнике», подчёркивается их содержательная и познавательная значимость, очерковость, преобладание рационального и делового «умения представлять жизнь в её истине» [3, т. 8, с. 148] – качества, характеризующие натуральную школу.

Полемика о природе художественного творчества и его функциональности, развернувшаяся в русской литературной критике в связи с появлением в 1846 году «Петербургского сборника», позволяет сделать определённые выводы. У каждой литературной группировки была своя правда в представлении о литературном процессе, и невозможно между ними выявить абсолютно правых и неправых. Это относится и к программе натураль-

ной школы Белинского, который прекрасно признавал и признавал её односторонность, поскольку в её основе преобладала социальная идея в ущерб художественности.

Оппоненты Белинского и натуральной школы, в первую очередь славянофилы, но не только они, противопоставляли этой программе традиционные представления о природе искусства как реализации в художественной форме этических ценностей. При этом славянофилы открыто прокламировали необходимость возрождения основ религиозного (православного) искусства, в котором сами этические ценности становятся эстетически значимыми. Каждая из литературных программ демонстрировала богатство и разнообразие духовных интересов, выраженных в художественном творчестве, что и проявилось в дальнейшем развитии русской литературы.

Библиографический список

1. Аксаков К.С. Три критические статьи г-на Имрека // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. — М.: Современник, 1981.

2. Белинский В.Г. Мысли и заметки о русской литературе // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. — М.: Худож. литература, 1982.

3. Белинский В.Г. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8 — М.: Худож. литература, 1982.

4. Булгарин Ф. Фельетон // Северная пчела. — 1846. — № 22. — С. 85–88.

5. [Григорьев А.А.] Петербургский сборник // Финский вестник. — 1846. — № 9 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.textfighter.org/text3/05_papaev_nekrasov_6.php (дата обращения: 20 февраля 2012).

6. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. — М.: Молодая гвардия, 1993.

7. [Плетнёв П.А.] Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Современник. — 1846. — № 2.

8. Фридендер Г.М. Комментарий // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 1 — М.: Наука, 1972.

9. Шевырёв С.П. Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым // Шевырёв С.П. Об отечественной словесности. — М.: Высшая школа, 2004.

10. Я.Я.Я. [Брант Л.В.]. Русская литература // Северная пчела. — 1846. — № 25. — С. 97–100.

УДК 82.161.1.09"1917/1992"

Ращевская Елена Петровна

кандидат культурологи

Костромской государственный технологический университет
raschevskaya@mail.ru

«СКВОЗЯЩИЙ РЕАЛИЗМ» ДАНИИЛА АНДРЕЕВА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

В сравнительном лингвокультурологическом анализе определяется место разработанного Даниилом Андреевым литературного стиля «сквозящего реализма» и перспектива его развития. Создается целостная концепция «вестнического» творчества, основанного на мистическом опыте творца. Выявляются истоки стиля «сквозящего реализма» в поле русской культуры.

Ключевые слова: Серебряный век, софиологическое мировосприятие, органическое мышление, символизм, мифотворчество, художник-вестник, мистический опыт, «реалистический символизм», «ознаменательный» принцип творчества.

Д. Андреев, поэт «милостию Божией», «мастерски» владевший стихом, его «могучей лепкой», формой [5, с. 385, 388], не мог не оставить индивидуального творческого «кода» в литературе. Он понимал символизм в русских традициях: как художественный метод, софиологический по своей сути, призванный выражать высшее единство бытия. Думается, вне поля русской культуры Серебряного века и творчества отца он не смог бы обосновать литературный метод «сквозящего реализма», органически продолживший развитие приёмов символизма.

Стихи Д. Андреева причудливо «проросли» из отцовской внешней нелюбви к поэзии, ограниченной, как считал Л. Андреев, «комбинаций рифм», не сравнимой для него со свободой и лёгкостью письма прозой [2, с. 226]. Его же сыну Даниилу «внутренний ритм» прозы давался труднее стихот-

ворных размеров и рифмы [5, с. 409], поэтому в своём творчестве он считал прозу значительнее поэзии. Секрет этого противоречия в семейной «творческой лаборатории» кроется в признании Л. Андреева, сделанном за год до смерти, о пережитой магии поэтического подъёма во время работы над пьесой «Тот, кто получает пощёчины». На печатной машине он «выстукивал» своё произведение, как на рояле, в ритме танго, целиком отдавшись чудесному «певучему» состоянию души, и глубоко сожалел, что утратил внутреннюю музыкальность, питавшую его творчество [2, с. 223–224]. Именно этот скрытый источник «неслышной музыки» пробился и мощно заявил о себе в поэтических произведениях его сына Даниила. У Даниила был дар выражать в слове силу и движение своего чувства — он был поэтом глубокого внутреннего содержания. Уже в двадцатидвухлетнем возрасте он

«попал в Союз Поэтов» [11, с. 154], а позднее, оценивая своё литературное мастерство, признавался: «...Как прозаик, я достигаю плеча своего отца. Как поэт – я запоздалое дитя Блока, он ведёт меня за руку» [5, с. 470].

О связи Д. Андреева с символистами говорят люди, близко знавшие поэта, его окружение и его творчество [5, с. 371–479]; эту связь признают и современные исследователи [10, с. 132, 172; 12, с. 47–50; 16, с. 204–213; 18, с. 157]. Д. Андреев, в творчестве опиравшийся на личный мистический опыт, в религиозных убеждениях сочетавший христианство и элементы индуизма, в мировоззрении – элементы космизма и эзотерики, ощущал свою принадлежность к русской школе символизма. Окультизм, Е.П. Блаватская [5, с. 388], Р. Штейнер [5, с. 136, 145] были ему чужды, но идеи всеединства и Вселенской Церкви, неотделимые от идеи Божественной Софии, которые после смерти В.С. Соловьёва продолжали развивать символисты, их острый интерес к мистике, их учение о символах соответствовали жизненной позиции Д. Андреева и основам его взглядов на искусство. Двадцатичетырёхлетний Д. Андреев пишет в Париж брату Вадиму: «...Учителя мои и старинная и нержавеющей любовь – символисты, в первую голову – Блок» [8, с. 136].

Связь его с символистами, как и все отношения в мире маленьких особнячков патриархальной Москвы, была интимно-семейственной: здесь присутствовали и кровные родственные узы, и дружеские связи, и духовное родство. Муж тётки, Филипп Александрович Добров (1869–1941), потомственный врач, обладал недюжинными задатками музыканта и талантом писателя [2, с. 97; 5, с. 373, 404]. Он превосходно знал творчество Л. Андреева и был для него не только близким другом: Л. Андреев ценил его критические оценки тех своих произведений, которые готовились к печати, на квартире Ф.А. Доброва проходили некоторые из телешовских литературных сред [5, с. 374].

Д. Андреев бережно относился к символистскому наследию отца и к литературному творчеству брата. В 1930 году он стал одним из редакторов сборника памяти Л. Андреева [19]; в переписке с Вадимом профессионально анализирует его стихи [8, с. 131–136]. Дружба Д. Андреева с писателем и поэтом-символистом А.В. Коваленским, мужем его двоюродной сестры А.Ф. Добровой, приобщала к миру А.А. Блока и В.С. Соловьёва. А.В. Коваленский приходился А.А. Блоку троюродным братом, под влиянием Блока и его окружения формировался как поэт. Его домашними учителями были поэт Эллис (Кобылинский) и Б.Н. Бугаев. А. Белый, бывавший в гостях у Добровых в доме Чулкова на Арбате, впоследствии писал в мемуарах о взаимоотношениях Добровых – Коваленских – Соловьёвых [5, с. 383]. Если семья Добро-

вых – Андреевых приходилась родной Даниилу по крови, то круг Коваленских – Блоков – Соловьёвых – стал родным по духу. Ощущение своей личной причастности к нему у Д. Андреева усиливалось ремеслом и талантом поэта, а в дальнейшем – переживанием своей мистической связи с А.А. Блоком; и то и другое давало ему духовное право на эту причастность.

А.А. Блок вошёл в жизнь Д. Андреева через глубокую внутреннюю связь с Л. Андреевым, о которой впоследствии писал [6]. Д. Андреев, бережно храня в памяти свою забавную детскую встречу с поэтом [1, с. 30], всегда воспринимал Блока как учителя и наставника; и только пережив в заключении раскрытие глубинной памяти, обрёл в лице А.А. Блока «второго Вергилия» – друга и водителя по мирам нисхождения. Д. Андреев в юности во многом повторил опыт Блока, приобщающий к демонической «изнанке» мира [4, с. 433]. Пережитое помогло ему духовным зрением постичь трагедию А.А. Блока – трагедию «павшего вестника», которому «есть, откуда падать» [4, с. 430] и значение для вестника светлой направленности опыта приобщения к трансфизической тьме.

Личные симпатии и духовные искания Д. Андреева связаны с ранними и поздними символистами, их предтечами. Его библиотека включала сочинения стоявших у истоков символизма Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, Д.С. Мережковского; Ницше, пленившего ранних символистов, и В.С. Соловьёва, Ницше преодолевшего; А.А. Блока, своего кумира [10, с. 316]. Любя, в основном, русскую литературу, Д. Андреев рассуждал о ней в русле идей Серебряного века. В частности, М.Ю. Лермонтова и Ф.М. Достоевского почитал как вестников, «великих созерцателей “обеих бездн”» [4, с. 389]: М.Ю. Лермонтова – в контексте статьи Д.С. Мережковского «Лермонтов», – как «мистика по существу» и художественного гения России [4, с. 390–391]; Ф.М. Достоевского – как великого вестника Вечно-Женственного и водителя «по ... самым сокровенно греховным кручам» человеческой души [4, с. 399].

Одним из «любимейших поэтов» Д. Андреева был Вяч. Иванов [8, с. 135]: его теория «реалистического символизма» и обосновывает метод «сквозящего реализма» Д. Андреева. Утверждаемый Д. Андреевым принцип творчества художника «сквозящего реализма» соответствует в теории Вяч. Иванова «ознаменательному» творческому принципу, который заключается «в наименьшей насильственности и в наибольшей восприимчивости» по отношению к иноприродным реалиям. Художник не должен «преобразовывать» бытие, «налагать свою волю на поверхность вещей». Он призван творчески «ознаменовать» зрелища космических событий, «прозревать и благовествовать сокровенную волю вещей» и в их свете преображать для воспринимающего сознания действительность [13,

с. 146], облегчать естественное становление на земле вселенской гармонии. Постулат сквозящего реализма Д. Андреева – подобное беспримесное восприятие иноприродного объекта и передача его чужой душе.

Уже с детских литературных поисков, готовящих к вестнической миссии [1, с. 15–16; 10, с. 38–39;], Даниил был включён в поиск новых звучаний, освоение той «музыки слова», которую вслед за Ф.И. Тютчевым мифотворчески разрабатывали символисты как способ выражения невыразимого [17, с. 18]: Д.С. Мережковский и З. Гиппиус, В.Я. Брюсов и К.Д. Бальмонт, А. Белый, известный «блистательной страстью» к созданию неологизмов, каламбуров и новых многосоставных слов [17, с. 190–191]. Подобно символистам старшего и младшего поколения, Д. Андреев ведёт художественный поиск через мифотворчество. Создавая мифему Навны как запредельный «Текст-Миф» [21, с. 271], Д. Андреев разъясняет жене наличие в нём слов, которых он «знать не может» [5, с. 133]. Эти слова относятся «к некоторой концепции, лежащей под или за всеми текстами и постоянно проявляющейся в различных рядах слов и образов», и являются «штрихами системы» [5, с. 136], то есть символистского мифотворчества.

Поэтические циклы зрелого Д. Андреева сочетались с творчеством символистов, прежде всего, «духовно-концептуально» [5, с. 479]. Вклад Д. Андреева в развитие символизма состоял в том, что, соединяя по примеру предшественников личный мистический опыт с художественным творчеством, силой метаисторического [4, с. 592] сознания он прорывается за черту видимого, «взламывает» символ и «работает» уже не на границе миров, как отец, а в иномирии. Художественный метод «сквозящего реализма», или «метареализма», выведен Д. Андреевым из программы символизма и основан на его приёмах, но не равняется ему [3, с. 251–254] и, по мысли поэта, принадлежит искусству будущего.

Теория сквозящего реализма Д. Андреева созвучна и размышлениям русских религиозных философов об особенностях мистического искусства. Примечательно, что П.А. Флоренский определяет его стиль как «реализм» [17, с. 557], который называет «подлинным» [24, с. 528], «высшим» [24, с. 545], явленным в символе. П.А. Флоренский и Д. Андреев понимают под символом «синергизм», по меньшей мере, двух нетождественных реальностей [25, с. 424], отражение мирового единого организма «взаимосвязанных и взаимопроникающих сфер» [3, с. 252], органическое единство несовпадающих космических процессов [4, с. 61], где метаисторическое начала бытия в значительной степени определяет бытие земли.

Мыслители одинаково понимают задачи и особенности творчества художника-мистика: выразить

в искусстве весть, воплотить в символе через «духовное созерцание» «истину вещей» [25, с. 528, 556]. Сверхзадачу стиля Д. Андреев определяет как выражение авторского мировоззрения в целостном знаке «при помощи поэтических образов» [3, с. 251]; несомненно, в данном контексте подразумевается символ. Более того, Д. Андреев прямо указывает, что художник неизбежно обращается к «символизму с его методикой» в изображении несоизмеримых с физической данностью реалий [3, с. 253].

Замечание П.А. Флоренского о символе, который в искусстве художника-мистика, являясь указанием на высшую реальность, одновременно становится ею [24, с. 545], в контексте размышлений Д. Андреева приобретает новое значение: речь идёт об изображении второй реальности в стиле сквозящего реализма уже не с помощью символов а «непосредственно»; о стремлении художника передать объекты своего внутреннего опыта «в таких зрительных и звуковых образах, в каких эти объекты приоткрывались его интуиции». В качестве примеров обращения к стилю сквозящего реализма в собственном творчестве Д. Андреев называет сцены боя из поэмы «Ленинградский Апокалипсис», а также стихотворный цикл «Русские Боги» [3, с. 253]. Здесь, говоря языком Вяч. Иванова, читатель обнаруживает «провозглашение объективной правды, как таковой», образец озаменованного творчества «в самой колыбели современного символизма» [13, с. 151] – «реалистического символизма», не утратившего актуальности на протяжении века.

В теории сквозящего реализма и вестнического творчества Д. Андреев входит в философию «цельного знания», разработанную В.С. Соловьёвым и П.А. Флоренским, в их учение об органическом мышлении, в котором иноприродные процессы воспринимаются как живое выражение цельной идеи мира и его единства. Органическое мышление софиологично, художник «реалистического символизма» воспринимает мир софиологическим зрением.

О софиологическом видении мира, обеспечивающем правильное постижение природы, человека и духа в их генетической целостности и взаимосвязи, писал С.Н. Булгаков. Открывая в природе способность «рассказать на языке небожественном о вещах божественных» [7, с. 199], возвещая о том, что «явно пришла пора для восприятия природы более духовного», что «потребность “окультурного”» её постижения «становится всё глубже и шире», философ глубоко обеспокоен «религиозной опасностью» этого пути. По его мнению, он ведёт к «измене Христу», к «погружению в язычество и природную магию» [7, с. 197].

В отличие от С. Булгакова, Д. Андреев не видит противоречия с догматом в призыве к софиологическому, «сквозящему», в его терминологии, созерцанию вещей, дающему «ощущение прозрачности физического слоя», видение «просвечивающих

сквозь него слоёв трансфизики» [4, с. 76]. Такой взгляд на природу, по Д. Андрееву, должен сочетать «языческую жизнерадостность, монотеистическую одухотворённость и широту знаний научной эры, все эти элементы претворяя в высшее единство» религии итога [4, с. 77]. Сквозящее мировосприятие достигается на земле, по Д. Андрееву, благодаря помощи Провиденциальных сил и готовности самого человека добиваться «сквожения» ему «хрустального сосуда» природы [4, с. 78], развивать в себе прозрение в мир природы, которое Д. Андреев называет «вселенским», именует «прорывом космического сознания» [4, с. 84].

Мистическое творчество и культурно-философское наследие В.С. Соловьёва, великого вестника и «духовидца», обозначившего высоту русской философской мысли, органически входило в жизненное и творческое поле Д. Андреева. Их голоса составляют отчётливый диалог, творчество двух писателей-мистиков России сходно по цели (развитие идеи всеединства), происхождению (мистический опыт), стилю (в русской религиозной философии – так называемый «высший» реализм) и содержанию (творение космогенеза, отмеченного идеей Софии и Вселенской Церкви).

В основе учения В.С. Соловьёва о Софии и Д. Андреева о строении и законах планетарного космоса лежит опыт мистического переживания. Получая знания мистическим путём, они считали своим долгом донести открывшееся до сознания людей, принадлежа к высокой инстанции вестников. По Д. Андрееву, вестник – это художник, дающий людям возможность услышать высшую правду и увидеть свет, «любящиеся из миров иных» [4, с. 369]. Вестник действует только через художественное творчество (не через проповедь, не через философию) с помощью потусторонних сил. В частности, по Д. Андрееву, художник-вестник вдохновляется на творчество даймоном [4, с. 146].

Именно инстанция вестничества обязывает писателя к стилю «сквозящего реализма» (Д. Андреева), или «реалистического символизма» (Вяч. Иванов в определении стиля В.С. Соловьёва). Примечательно, что говоря о стилевых особенностях творчества Вл. Соловьёва, Вяч. Иванов употреблял слово «весть»: «...Соловьёв – реалист, ничего не выдумывающий, и вместе символист, потому что всё в природе и душе трепещет для него близко дышащею скрытою жизнью и подаёт весть о сущем, прикрывающемся покрывалами божественной символики видимого мира» [14, с. 42].

Дух вестничества сказывается в самой художественной форме передачи полученного мистического опыта. А.Ф. Лосев следом за С.Н. Трубецким подчёркивает в стиле софиологических работ В.С. Соловьёва именно художественность изложения: «...как раз в учении о Софии философ гораздо более патетичен, гораздо более настроен худо-

жественно, чем научно-философски и понятийно» [15, с. 200]. Д. Андреева, в свою очередь, глубоко поэтичен в описании космических миров и иерархий. Современные исследователи отмечают, что главное «достоинство» книги Д. Андреева «Роза Мира» – её «художественная реальность», отражающая «мир души самого автора» [20, с. 141], и что именно его «художественные предпочтения» связаны с авторским «ирреальным принципом мирочувствия» [22, с. 47].

Д. Андреев отмечает *общую тенденцию развития вестнического дара*: на склоне жизни каждый большой художник переживает «непобедимую потребность *стать* не только вестником, а именно *пророком* – гонцом горнего мира, выражающим высшую правду не одними только образами искусства, но всем образом своей жизни» [4, с. 406]. *Вестничество*, по мнению Д. Андреева, – *всегда путь к пророчеству*. Здесь вновь сказывается влияние В.С. Соловьёва, считавшего, что художники будущего «опять должны стать жрецами и пророками» [4, с. 590].

Важно помнить, что у софиологического мирозерцания, дающего художнику власть прозревать иные миры, есть свои опасные стороны. В.С. Соловьёв предупреждал о недопустимости смешения культа Софии с чисто человеческими, стихийными, плотскими струями. Для прямых последователей В.С. Соловьёва (А.А. Блока, А. Белого, С.М. Соловьёва) эта опасность вылилась в глубокий дуализм – в полное разделение духовного и физического начал – и, как следствие, в перверсию ценностей.

Примером могут служить отношения Д.С. Мережковского, Д. Философова и З. Гиппиус или А.А. Блока, А. Белого и Л.Д. Менделеевой, а также хилиастически-утопическая религия плоти Д.С. Мережковского и даже известные стихи С.М. Соловьёва, на которые указывает П.П. Гайденко. По праву шафера на свадьбе А.А. Блока, С.М. Соловьёв выразил в них мистическую подоплеку женитьбы Блока как соединения с Божественной Женственностью: «Прилетев с горы Сионской, Голубь сел тебе на грудь» [9, с. 379]. Выражая культ чистой красоты и религиозно-мистической эротики, указанные стихи С.М. Соловьёва одновременно нивелируют земные и небесные иерархии, явно переходят запретную для смертного человека грань. Последователи В.С. Соловьёва, не вняв предостережениям своего великого учителя, перешагнули её и ушли довольно далеко: по замечанию П.П. Гайденко, даже платоновский эрос – это только эрос, а не романтически-возвышенное агапэ; даже Небесная Афродита – это ещё не Божественная София и не Богоматерь [9, с. 381].

Д. Андреев не избежал другого соблазна, который Вяч. Иванов называл «самоопределением» художника-мистика. Необходимо отметить в душевном строе Д. Андреева почти «моцартовскую» наи-

вность в отношениях с людьми и социальную недальновидность, что оборачивается в религиозных исканиях Д. Андреева утопизмом, выраженном в проектах церковного и государственного реформаторства [4, с. 259, 553, 554]. В творчестве Д. Андреева, с учётом его самоидентификации с художниками-символистами «реалистического мирозерцания» [13, с. 144], обнаруживается противоречие между установкой на «ознаменательный» принцип в искусстве и следованием «своему, свободно расцветшему с душе “идеалу”» [13, с. 146]. Д. Андреев передаёт его грядущему человечеству «как произведение *своей* мечты, своего “творчества”» [13, с. 146], претендующего стать всеобщим эталоном искусственно созданной красоты. Подобную установку художника Вяч. Иванов называет «идеализмом» и характеризует как мятеж против истины, в основе которого лежит недоверие к возможностям её осуществления в красоте подлинной, реальной.

В своих проектах церковного и государственного реформаторства, основанных на самых благородных побуждениях человеческого сердца, Д. Андреев приближается к тому, чтобы уподобиться художнику будущего, который, по словам В.С. Соловьёва, сам будет «владеть» религиозной идеей и «сознательно управлять её земными воплощениями» [23, с. 590]. Проекты Д. Андреева парадоксально вызывают сомнение в праведности подобного «управления». В этом отношении уместным представляется тревожное вопрошание Вяч. Иванова: каким явится этот творец будущего? «Художником-поработителем», который разобьёт старые скрижали красоты, единолично следуя «своей воле к могуществу» или действительным благовестником, который «трости надломленной не переломит»?

В целях объективности исследования отметим: В.С. Соловьёв в «самоподчинении» не посягнул критическим и провидческим словом прикоснуться к христианской святине, пусть и «дрогнувшей» в его глазах. Д. Андреев в «самоопределении» [13, с. 150] и человеческой недальновидности очень близок к исканиям «самовольной» правды [23, с. 597], от которых предостерегал художника будущего В.С. Соловьёв. Однако, прибегая к языку В.С. Соловьёва и Вяч. Иванова, будем помнить и другое: даже включая «уклонения» на «неверную дорогу» творчества [23, с. 593], жизнь Д. Андреева была сознательным осуществлением душевного подвига «самовоспитания» [13, с. 160] для реализации ознаменательного искусства.

Библиографический список

1. Андреева А.А. Плавание к Небесному Кремлю. – М.: Ред. журн. «Урания», 1998. – 288 с.
2. Андреев В.Л. Детство. – М.: Сов. писатель, 1966. – 250 с.

3. Андреев Д.Л. Некоторые замечания по стиховедению. Сквозящий реализм // Даниил Андреев в культуре XX века. – С. 236–258.

4. Андреев Д.Л. Роза Мира // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. – М.: Моск. рабочий: Приселье, 1995. – 608 с.

5. Андреев Д.Л. Письма. Из книги «Новейший Плутарх». Стихотворения из черновых тетрадей. Новые метро-строфы. Воспоминания о Д.Л. Андрееве // Собр. соч.: в 3 т., 4 кн. Т. 3, кн. 2. – М.: Редакция журн. «Урания», 1997. – 560 с.

6. Блок А.А. Памяти Леонида Андреева // Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. – М.; Л., 1962. – С. 129–136.

7. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков; подгот. текста и коммент. В.В. Сапова; послесл. К.М. Долгова. – М.: Республика, 1994. – 415 с.

8. Вадим и Даниил Андреевы: продолжение знакомства: Письма 1927 – 1946 гг. // Звезда. – 2000. – № 3. – С. 125–139.

9. Гайденок П.П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 472 с.

10. Даниил Андреев в культуре XX века / Межрегион. обществ. благотворит. фонд «Урания» им. Д. Андреева; под ред. А.А. Андреевой. – М.: Мир Урании, 2000. – 320 с.

11. Даниил и Вадим Андреевы: братья знакомятся. Письма Д. Андреева родным / публ., вступ. ст., примеч. О. Андреевой-Карлайл, А. Богданова // Звезда. – 1997. – № 4. – С. 153–163.

12. Дашевская О.А. Теория мифа в «Розе Мира» Д. Андреева // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). – 2000. – Вып. 6. – С. 47–51.

13. Иванов В.И. Две стихии в современном символизме. – М.: Республика, 1994. – С. 143–163.

14. Иванов В.И. О значении Вл. Соловьёва в судьбах нашего религиозного сознания // О Владимире Соловьёве. Томск: Водолей, 1997. – С. 32–43.

15. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. – М., 2000. – 613 с.

16. «О пламенном хоре, которого нет на земле»: по материалам обсуждения за «круглым столом», посвящ. творчеству Д. Андреева // Новый мир. – 1996. – № 10. – С. 203–215.

17. Пайман, А. История русского символизма / пер. с англ. В.В. Исакович. – М.: Республика, 2000. – 415 с.

18. Померанец Г. Тюремная лирика Д. Андреева // Октябрь. – 1991. – № 8. – С. 157–162.

19. Реквием: сборник памяти Леонида Андреева / под ред. Д.Л. Андреева, В.Е. Беклемишевой. – М.: Федерация, 1930. – 283 с.

20. Розин В.М. Учение Даниила Андреева «Роза Мира» // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 137–145.

21. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

22. Соина О.С. «Роза мира» Д. Андреева: антиномия морали и мистики // Человек. – 1997. – № 2. – С. 47–61.

23. Соловьёв В.С. Три речи в память Достоевского // Спор о справедливости: сочинения. – М.: ЗАО «ЭК-СМО-Пресс»; Харьков: Фолио, 1999. – С. 650–662.

24. Флоренский П.А. Иконостас // Флоренский П.А. Христианство и культура / Павел Флоренский,

вступ. ст. и примеч. А.С. Филоненко. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: Фолио, 2001. – С. 521–626.

25. Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. Т 3 (1) / сост. игумена Андроника (А.С. Трубочёва), П.В. Флоренского, М.С. Трубочёвой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубочёв). – М.: Мысль, 2000. – 621с.

УДК 82.161.1.09"18"

Устинов Алексей Валерьевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
1013801@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО Д.Л. МОРДОВЦЕВА В РУССКОЙ КРИТИКЕ 1850-Х – 1900-Х ГОДОВ

Статья посвящена результатам обзора критических отзывов о творчестве Д.Л. Мордовцева (1830–1905). Это исследование позволило выявить своеобразие взглядов современников на художественные, научные и публицистические произведения литератора.

Ключевые слова: история русской критики, журналистика второй половины XIX века, Д.Л. Мордовцев, Н.К. Михайловский, Н.В. Шелгунов, Н.А. Субботин, Ф.М. Достоевский.

В отечественной периодической печати в период с 1859 по 1916 гг. было опубликовано несколько десятков различных статей, посвященных творчеству Д.Л. Мордовцева. Эти материалы представляют собой библиографические заметки, рецензии, критические статьи, полемические отклики, а также сведения биографического характера [19, с. 223–229].

Передовое для своего времени позитивистское мировоззрение, близость к народничеству, приверженность идеалам либерализма и социальной справедливости – все это накладывало особый отпечаток на творческую позицию Мордовцева. В качестве историка-популяризатора, в своих работах раскрывавшего «теневые стороны» прошлого, он принадлежал к «обличительному» направлению [12, с. 20]. Вместе с этим стоит отметить, что основными критиками Мордовцева являлись не только представители консервативного и националистического крыла общественно-политической мысли тех лет (С.С. Окрейц, Н.И. Субботин, П.К. Щербальский), но и публицисты прогрессивного либерально-демократического направления (Н.К. Михайловский, С.С. Шашков, Н.В. Шелгунов). Это обусловлено спецификой позиции писателя, в период 1860-х – 1880-х гг. активно участвовавшего в дискуссии относительно перспектив развития пореформенной России. Общественный резонанс вызвала серия исторических публикаций, посвященных народным протестным движениям XVII–XVIII вв.: «Понизовая вольница» (1860), «Пугачевщина» (1866), «Гайдаматчина и Колиивщина» (1870), широкая полемика развернулась вокруг статьи Мордовцева «Печать в провинции» (1875) [22], не осталась незамеченной и се-

рия социологических очерков в журнале «Отечественные записки» – «Десятилетие русского земства» (1875) [21].

Предметный анализ откликов на произведения Д.Л. Мордовцева позволил нам выделить среди них четыре тематические группы: 1) Критика 1859-х – 1870-х гг. исследований Мордовцева в области народных движений XVII–XVIII вв., определенных им как «политические движения русского народа»: «Заметаев» (1859), «Крестьяне в Юго-западной Руси XVI века» (1860), «Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев» (1869) и др. 2) Полемика 1870-х – 1900-х гг. вокруг романов «Знамения времени» (1869) и «Новые русские люди» (1870). 3) Полемика 1875-х – 1890-х гг. вокруг статьи «Печать в провинции» (1875). 4) Полемика 1870-х – 1890-х гг. вокруг историко-беллетристических произведений писателя («Идеалисты и реалисты» (1878), «Великий раскол» (1880) и др.).

Литературный дебют Мордовцева как автора «Малороссийского сборника» (1859) вызвал в целом положительную оценку критиков – А.А. Гатцука в газете «Московские ведомости» (1859) [7] и Н.И. Стороженко (1836–1906) в журнале «Отечественные записки» (1859) [31]. В отзыве журнала «Основа» (1861) [28] на работу Мордовцева, посвященную положению крестьян в Юго-Западной Руси XVI в. (1861), был отмечен народнический характер исследования [28, с. 4], а также упомянуто и определенное социологическое новаторство исследователя – перевод стоимостей XVI века в современные цены. Вместе с этим автор отзыва посчитал, что в работе Мордовцева вместе с раскрытием картины насилия со стороны властей недостаточно отражен анализ внутренней жизни на-

рода [28, с. 15]. Этот отклик важен тем, что обращает внимание на научно-беллетристический характер текста Мордовцева.

В 1869 году на статью Мордовцева «Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев» («Отечественные записки», 1868) откликнулся публицист и этнограф А. Ф. Леопольдов (1880–1875). Его возмутило «лирическое сочувствие к самозванцу Емельке Пугачеву», которое, по мнению критика, превращало статью в «эпическую поэму» [14, с. 1]. Главными обвинениями в адрес Мордовцева стали якобы допущенные им нападки на охраняющее «порядок и тишину престола» правительство [14, с. 33].

Первые крупные художественные произведения писателя – романы «Знамена времени» и «Новые русские люди», – несмотря на неподдельный читательский интерес, были встречены критикой негативно. С.С. Окрейц в сентябрьском номере журнала «Дело» за 1869 год отметил «Знамена времени» и даже оставил роман «под конец статьи, чтобы хоть немного отдохнуть и перевести дух» [25, с. 104]. Сам роман, по мнению критика, «не пачкает рук», хотя и может быть признан неудавшимся произведением [там же]. Говоря о достоинствах и недостатках произведения, Окрейц в первую очередь высказался о месте публикации – «напечатано в «Труде» г. Хана рядом с уродливым детищем некоего Петра Каратыгина – “Бараньим стадом”» [25, с. 105]. Сам роман показался критику «разочаровывающим», подобно тому, как разочаровывает «любой порядочный человек, попавшийся в ряды людей охранительного начала» [25, с. 106]. Отсутствие четкой авторской позиции критик отнес к главной неудаче произведения: «... На одной странице он чистейший космополит, <...> на другой – узенький националист» [там же].

Роману «Новые русские люди» посвятил критическую заметку в журнале «Отечественные записки» М.Е. Салтыков-Щедрин, обвинивший писателя в том, что тот «ввел читателя в заблуждение», вместо «новых людей» показав гоголевские «свиные рыла» [29, с. 46]. Созданная в остром сатирическом ключе рецензия не отметила в произведении никаких достоинств, уверяя публику в бессмысленности самого обращения к роману: «Даже самый учтивый читатель и тот спешит поскорее раскланяться с рекомендуемыми ему пристанодержателями пустопорожности и закрывает книгу, чтобы никогда не возвращаться к ней» [29, с. 49].

После запрещения романа «Знамена времени» и изъятия его из библиотек произведение получило долгожданный отклик только в начале XX века. В ходе полемики, развернутой публицистами Е.А. Соловьевым, А.И. Богдановичем и Н.К. Михайловским, был обозначен круг вопросов, связанных со своеобразием художественных достоинств романа и его исторической ценностью. И.М. в жур-

нале «Вестник всемирной истории» (1900), считая персонажей произведения «олицетворением шестидесятых годов» [11, с. 244], особо отметил ценность произведения как «исторического романа» в том смысле, что по нему можно «изучать изображенную эпоху» [11, с. 246]. Андреевич (псевдоним Е.А. Соловьева) в статье «О людях красных, серых и ультрафиолетовых» [2] признал, что, несмотря на низкие художественные достоинства, в произведении «что-то есть и это что-то очень ценное, искупающее все недочеты по части художества» [2, с. 307]. Это что-то, а именно – «историчность» [2, с. 308], было подробно разъяснено А.И. Богдановичем в статье «Воскресшая книга» [3], а ее привлекательность состояла в том, что читатели встречали в такой книге «живой отголосок своих чувств и мыслей» [3, с. 1]. При этом критик считал, что «художественная грубость» романа в некотором смысле играла свою положительную роль, поскольку делала его доступнее для большинства [там же]. Поскольку настоящим объектом критики послужила народническая идеология 1860-х гг., между журналами «Русское богатство» и «Мир Божий» развернулась дискуссия относительно того, насколько роман соответствует настроениям и взглядам передовой части общества своего времени (Мир Божий. 1900. №10. Отд. II. С. 16. – Русское богатство. 1900. №10. С. 86–87).

В 1875 г. в журнале «Дело» Мордовцевым была опубликована статья «Печать в провинции», вызвавшая широкую дискуссию о культурной самостоятельности и социально-экономическом развитии провинций. Полемика вокруг статьи развернулась на страницах «Недели», «Нового времени» и «Отечественных записок». Обратились к этой теме и крупные литераторы – Ф.М. Достоевский [10], а несколько лет спустя – В.Г. Короленко [17, с. 71]. Первые отклики принадлежали «Неделе», поместившей несколько статей без указания авторства: «Один из русских централистов» [24], «Будущность провинциальной печати» [5], «Два слова о Мордовцеве» [9], «Крайности провинциализма» [13]. В этом же издании открытыми письмами к Мордовцеву выступил и его основной оппонент в данной полемике – А.С. Гациский (1838–1893), нижегородский земский деятель и Секретарь Статистического комитета Нижегородской губернии. «Считая вас <...> своим “политическим врагом”, – признавался Гациский, – я в то же время считаю вас, за ваши почтенные работы для провинции и в провинции, своим другом и высоко горжусь тем, что и вы меня другом же считаете» [8, с. 511–512]. Гациский ратовал за то, чтобы Мордовцев пересмотрел свои взгляды на взаимоотношения провинции и центра и «отменил» свой утверждаемый закон о гибельности провинциального стремления в центр [8, с. 512]. На этот «закон» Мордовцева обратил внимание известнейший народнический пуб-

лицист Н.К. Михайловский в очерке «Борьба за индивидуальность» (1876) [15]. Критик отметил полемику Мордовцева и журналистов «Недели», посчитав, что главный недостаток рассуждений Мордовцева состоит в неясности для самого автора его собственной точки зрения, из-за чего оппонентам удалось приписать не вполне свойственный ему «централизм». «Скорее другом, чем врагом провинции» назвал себя и сам Мордовцев, отвечая «Неделе» на упреки в свой адрес в письме в редакцию по вопросу о печати в провинции [23, с. 3].

В ряде статей были затронуты более общие вопросы о путях развития России, а именно о перспективе сохранения региональной индивидуальности и ее взаимоотношения с образом «общероссийского». Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год уделил полемике отдельный параграф «Областное новое слово». «Каждый угол России может и должен иметь свои местные особенности и полное право их развигивать, – писал Достоевский, – но таковы ли эти особенности, чтобы грозить духовным разьединением или даже просто каким-нибудь недоумением» [10, с. 159]. Размышления литератора добавили теме новое, историкорелигиозное звучание: «Москва еще третьим Римом не была, а между тем должно же исполниться пророчество, потому что “четвертого Рима не будет”, а без Рима мир не обойдется» [10, с. 160–161].

Авторы некоторых статей стремились перевести полемику в русло обсуждения личных качеств и политического кредо самого Мордовцева. В статье «Два слова о Мордовцеве» явственно видна политическая подоплека: «Не украинофил ли он, ибо писал в “Основе”; не либерал ли известного закала, ибо его имя встречается в “Деле”? Не космополит ли с особыми тенденциями, пишущий в “Отечественных записках”? <...> Мордовцев такой писатель, который принципов не имел и не будет иметь; он способен схватить и обобщить текущее мнение толпы и будет это выдавать за социологические законы» [9, с. 383].

В 1877 году, откликнувшись на предложение А.С. Суворина, Мордовцев обратил свое внимание на жанр исторического романа [33, 4 об.]. В течение первых четырех лет им было написано восемь романов и повестей: «Идеалисты и реалисты», «Наносная беда» (1878); «Царь и гетман», «Двенадцатый год», «Лжедмитрий» (1879); «Великий раскол», «Соловецкое сидение» (1880); «Мамаево побоище» (1881). Эти произведения встретили неоднозначную оценку критиков, во многом по причине высокой популярности этого жанра и значительному числу произведений, создаваемых в этом направлении в эти годы. Так, литературное достоинство произведений Мордовцева знаменитый критик и публицист Н.В. Шелгунов (1824–1891) оценил как вполне соответствующее общему уровню отечественных исторических романов, которых

в последние годы появилось в «несоразмерно большом количестве» [35, с. 888]. Н.К. Михайловский в рецензии на первый исторический роман из петровских времен «Идеалисты и реалисты» [17] с художественной точки зрения посчитал «совсем слабым» [17, с. 270], плохо отражавшим историческую эпоху, в котором авторская симпатия находится на стороне противников петровских преобразований, «остаткам старой, допетровской Руси» [17, с. 271]. Большую роль сыграло для восприятия произведения критиком место публикации: «Достаточно вспомнить, что “Идеалисты и реалисты” печатались в “Новом времени”, газете, что называется, патриотической» [17, с. 286].

Резкий тон в адрес исторических произведений Мордовцева 1870-х гг., как научных, так и художественных, звучал со страниц демократического журнала «Дело», возглавляемого Г.Е. Благодетелевым (1824–1880). Представляя монографию Мордовцева «Политические движения русского народа», С.С. Окрейц [26] обвинил историка в отсутствии критического отношения к источникам [26, с. 35]. Публицист назвал монографию «исторической недосказанностью», объясняя это тем, что у Мордовцева, с его точки зрения, отсутствовало «определенное мирозерцание» [26, с. 37]. Рецензент отдела современной беллетристики «Дела» Н.Ф. Бажин (1843–1908) в июньском томе за 1879 г. дал крайне низкую оценку повести «Наносная беда» (1879) [4], посчитав, что в произведении нет «ни одной характеристической черты, срисованной прямо с натуры, ни одного простого, теплого, искреннего слова» [4, с. 86]. Другой рецензент журнала «Дело», С.С. Шашков, в статье «Историки-романисты и историки-журналисты», посвященной романам Мордовцева «Царь и гетман» и «Двенадцатый год», в декабрьском томе этого же 1879 г. обвинил писателя в искажении истории [1, с. 153], назвав при этом «неудавшимся чиновником», который готов «подвизаться везде, куда их только не брезгают принять» [там же], открыто высмеивая житейские трудности литератора, в связи с вынужденной отставкой долго искавшего себе места в Санкт-Петербурге. Этот оскорбительный для Мордовцева переход на личности связан с политическими противостояниями журнала «Дело» и газеты «Новое время», входившей в круг изданий А.С. Суворина, сотрудничество с которым Д.Л. Мордовцев начал за несколько лет до этого.

Более корректного тона в адрес Мордовцева придерживался Н.В. Шелгунов (1824–1891), так же, как и Шашков и Окрейц, неоднократно обращавшийся в своих рецензиях к творчеству литератора. В обзоре современной литературы «Бесплодная нива» Шелгуновым отмечена идейная сторона произведения, посвященного «кавалерист-девице» Н.А. Дуровой (1783–1866) [34]. В образе своей героини, по мнению критика, Мордовцев стремился

выразить схожее стремление к тому, «чего нынешние девушки наши ищут на фельдъегерских и медицинских курсах» [34, с. 55]. Вместе с этим Шелгунов укорял Мордовцева в отсутствии политической или общественной точек зрения, без которых критик не представлял исторического романа [34, с. 53]. Историософское направление романа Шелгунов определил как «славянское», посчитав при этом, что оно было навязано Мордовцеву романом Л.Н. Толстого «Война и мир», тогда как, по его мнению, стоило «вместо славянского объяснения воспользоваться европейским» [34, с. 60]. В отзыве на романы «Соловецкое сидение» и «Великий раскол» [35] Шелгунов подчеркнул актуальность объединяющей оба произведения темы: «вопрос о расколе начинает все глубже и глубже интересовать общественную мысль», а разъяснение этого вопроса должно послужить «примирению ныне враждебных между собой течений русской мысли» [35, с. 888]. И в этой статье критик напомнил о современной политической подоплеке произведений: «Московские патриоты должны будут убедиться, что то, что они привыкли называть основными качествами русского народа, в глазах большой доли самого же народа, притом очень развитой, и умственно, и нравственно, вовсе не кажутся основными» [там же].

Автор «Литературных очерков» газеты «Новое время» В.П. Буренин (1841–1926) в 1879 году посвятил творчеству Мордовцева ряд статей, в которых попытался определить место исторических романов Мордовцева в отечественной литературе, а также дать общую оценку тому направлению, в котором развивался писатель. Указывая на высочайшую популярность исторической литературы, в статье «Два слова об историческом романе на отечественной почве» [6] Буренин отнес Мордовцева к «самым плодовитым» историческим писателям, и «самым живым, если не по внутреннему художественному содержанию, то по внешнему изложению» [6, с. 2]. Критик дал высокую оценку исторической эрудиции, доказанную, с его точки зрения, «некоторыми монографиями» [там же]. Особых художественных достоинств в обозреваемом в статье романе «Лжедмитрий» Буренин не обнаружил, указав при этом, что Мордовцев «не писатель-художник, а только ловкий и бойкий беллетристический иллюстратор» [6, с. 3]. Вместе с этим критик обратил внимание на отступление автором как от традиционных взглядов на личность Дмитрия Самозванца, так и от отождествления мнимого царевича с Григорием Отрепьевым [там же]. В целом Мордовцеву как историческому романисту была дана положительная оценка, что связывалось с просветительской ролью произведений: «Его романы <...> представляют и известную пользу: они в живом рассказе знакомят читателей с событиями и лицами русской истории» [там же].

Самым масштабным откликом на произведения Мордовцева можно признать критический разбор романа «Великий раскол», сделанный Н.А. Субботиным в статье «Историк-беллетрист» [32]. Появление романа публицист назвал «печальным признаком крайнего упадка нашей изящной литературы» [32, с. 149], а самого автора обвинил в кощунствах насчет одного из главных героев произведения – протопопы Аввакума, кощунстве с именами святых и «святейшим лицом Богочеловека» [32, с. 191]. Называя Мордовцева «наш забавный историк-беллетрист» [32, с. 206], Субботин в негативном ключе интерпретировал основную, по его мнению, идею произведения – «существование одной господствующей церкви, именно православной <...> противно принципу свободы совести и есть величайшая несправедливость» [32, с. 213]. Следует отметить предпринятую критиком попытку текстологического анализа романа с целью выявления тех источников, на которые опирался Мордовцев при создании своего произведения. Кроме замеченных следов «Истории России» С. Соловьева [32, с. 153], Субботин указал на «рабские воспроизведения ошибок статьи Тихонравова о Морозовой», заимствования из «Жития» протопопы Аввакума посчитал «вульгарными вставками» [32, с. 180], а описанную казнь Разина – «отвратительными подробностями», составленными по руководству Костомарова [32, с. 189]. В схожем с Субботиным ключе в 1894 году об исторических романах Мордовцева писал Н.Н. Соколов [30]. Публицист пытался уверить читателя, что любой человек, «сохранивший в себе искру Божию», должен поддерживать борьбу с «безумной обрядностью, с безжизненным застоєм, хотя бы они носили на себе все признаки самой наидревнейшей старины» [30, № 3, с. 188].

Несмотря на попытки рассорить Мордовцева и представителей староверия, старообрядческий церковно-общественный журнал «Церковь» в 1906 году [27], уже после смерти писателя, дал оценку творчеству литератора с позиций самого старообрядчества. Скрывшийся под псевдонимом Правдин публицист в статье «Старообрядчество в произведениях Мордовцева» указал, что литератор «шире других захватил старообрядческий вопрос», оставшись при этом менее тенденциозным, чем П.И. Мельников-Печерский [27, №49, с. 1508]. Журналист отметил динамику воззрений Мордовцева на «раскол», с течением времени склонившихся на сторону староверия. Правдин напомнил о словах благодарности, с которыми старообрядцы встретили повесть «Соловецкое сидение», а также о признании журналом «Русская мысль» романа «Великий раскол» «капитальным явлением» русской литературы. Была дана Правдиным характеристика и сопутствовавшего роману общественному резонансу: «Все русское образованное общество

хвалило и зачитывалось новым произведением Мордовцева, только синодальные чиновники и «православные» миссионеры были им недовольны» [27, №49, с. 1509]. Правдин оспорил культурологическое объяснение Мордовцевым причин раскола русской церкви, связавшего их с распространением книгопечатания – «простой корректуры, вызванной все тем же пагубным станком Гуттенберга» [27, №50, с. 1542]. В целом, стоит отметить, что и в этой рецензии основное место уделено идейному и политическому аспекту произведений Мордовцева и его личной позиции по отношению к истории раскола.

Попытка проанализировать взаимодействие историографического и художественного методов Д.Л. Мордовцева впервые была предпринята Н.К. Михайловским в статье «Центробежные и центростремительные силы г. Мордовцева» (1897) [18], посвященной выходу двухтомника «Исторические пропилеи». Критик обратил внимание на противоречие между «художественной жилкой» Мордовцева и его же стремлением «погрузиться целиком в исследование “действ и причин” исторических вещей» [18, с. 664]. Другими словами, Михайловским первым было отмечено присутствие в творческом методе Мордовцева двух разнонаправленных векторов – стремления к фиксации исторического факта в рамках научной парадигмы и обобщения этих фактов с помощью художественных средств.

Как видно из проведенного исследования, широкий круг выбираемых Мордовцевым тем и их острое политическое звучание вызывали зачастую резкую реакцию неприятия, не позволявшую объективно оценивать как научные, так и художественные произведения писателя. Следует согласиться с исследователем В.С. Момотом, считавшим, что прижизненная критика в лице Окрейца, Щебальского, Буренина, Булгакова, Субботина, Соколова принижала значение творчества Мордовцева, проявляя «субъективизм в оценке его произведений» [19, с. 25]. В полной мере справедлива и другая мысль исследователя: творчество Мордовцева «неотделимо от той борьбы идей, которая велась в середине и второй половине XIX века в России» [20, с. 366]. Полемические отклики позволяют увидеть наиболее острые вопросы, к которым обращался Мордовцев, а выявление проекций этих «раздражителей» в художественных произведениях писателя может привести к лучшему пониманию авторского замысла.

По большей части положительных оценок заслуживал выбор Мордовцевым тем исторических художественных произведений, связанных с политической ситуацией 1860-х – 1880-х гг.: раскола русской церкви и связанных с ним социальных движений, модернизации, формирования русского национального государства, женской эмансипации и свободы личности. Большинство положительных

характеристик произведений Мордовцева связано с оценкой стилистических черт: лиризмом, задушевностью, метафоричностью, описательностью. Вместе с этим отрицательных характеристик удалялись многословие и витиеватость, неясность высказывания, недостаток психологизма, «ходульность» образов. В целом, оценка художественного уровня литературных произведений Мордовцева, данная в критической литературе 1860-х – 1900-х гг. не может быть признана убедительной, поскольку носила чрезмерно личностный и политический характер.

Проведенное исследование позволило сформулировать несколько значимых черт творческого метода Мордовцева как автора художественных исторических произведений: 1) использование беллетристики в качестве инструмента перевода языка исторического подлинника на понятный современному читателю язык; 2) отбор тематики в непосредственной связи с актуальными проблемами современности; 3) поиск исторических корней современного автору «положительного героя».

Библиографический список

1. S.S. [Шашков С.С.] Историки-романисты и историки-журналисты // Дело. – 1879. – № 12. – Отдел II. – С. 252–273.
2. Андреевич [Соловьев Е.А.] О красных, серых и ультрафиолетовых людях прошлого времени // Жизнь. – 1900. – № 10. – С. 304–311.
3. Б.А. [Богданович Б.А.] Воскресшая книга «Знамения времени» г. Мордовцева // Мир Божий. – 1900. – № 8. – Отдел II. – С. 1–6.
4. Бажин Н.Ф. Наносная беда: историческая повесть Д.Л. Мордовцева // Дело. – 1879. – № 6. – Отдел II. – С. 80–87.
5. Будущность провинциальной печати // Неделя. – 1875. – № 48. – Ст. 1581–1587.
6. Буренин В.П. Два слова об историческом романе на отечественной почве // Новое время. – 1879. – № 1161. – С. 2–3.
7. Гатцук А.А. О малорусском литературном сборнике Д. Мордовцева // Московские ведомости. – 1859. – № 59.
8. Гациский А.С. Письмо Д.Л. Мордовцеву // Неделя. – 1876. – № 15. – Ст. 511–512.
9. Два слова о Мордовцеве // Неделя. – 1876. – № 11. – Ст. 383.
10. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 13. – СПб.: Наука, 1994. – С. 159–161.
11. И.М. Полемика о «Знамениях времени» // Вестник всемирной истории. – 1900. – № 1. – С. 243–246.
12. Костылева Р.Д. Общественно-политическая позиция и исторические взгляды Д.Л. Мордовцева в 1850–1870 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГУ, 1988. – 23 с.
13. Крайности провинциализма // Неделя. – 1876. – № 16. – Ст. 513–518.

14. *Леопольдов А.* Заметки на некоторые мысли в статье г. Мордовцева, помещенной в «Отечественных записках» 1868 года, под названием «Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев». – Саратов: Саратовский справочный листок, 1869. – 41 с.
15. *Михайловский Н.К.* Борьба за индивидуальность // Сочинения Н.К. Михайловского. Изд. 4-е. – СПб., 1906. – Т. 1 – Ст. 480–529.
16. *Михайловский Н.К.* Литература и жизнь // Русское богатство. – 1900. – № 9. – С. 108–132.
17. *Михайловский Н.К.* Романическая история. Идеалисты и реалисты Д.Л. Мордовцева. – СПб., 1878 // Отечественные записки. – 1878. – №10. Современное обозрение. – С. 269–290.
18. *Михайловский Н.К.* Центробежные и центростремительные силы г. Мордовцева // Сочинения Н.К. Михайловского. Изд. 4-е. – СПб., 1906. – Т. 6 – Ст. 663–675.
19. *Момот В.С.* Д.Л. Мордовцев – писатель-демократ: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 240 с.
20. *Момот В.С.* Писатель-демократ // Мордовцев Д. Великий раскол. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1990. – С. 361–367.
21. *Мордовцев Д.Л.* Десятилетие русского земства // Отечественные записки. – 1875. – № 4–12.
22. *Мордовцев Д.Л.* Печать в провинции // Дело. – 1875. – № 9–10.
23. *Мордовцев Д.Л.* Письмо в редакцию // Новое время. – 1876. – № 70. – С. 3.
24. Один из русских централистов // Неделя. – 1875. – № 45. – Ст. 1464–1470.
25. *Окрейц С.С.* Журналистика 1869 года. О романе Д. Мордовцева «Знамения времени» // Дело. – 1869. – С. 104–112.
26. *Окрейц С.С.* Политические движения русского народа. Гайдаматчина. Соч. Мордовцева. – СПб., 1870 // Дело. – 1870. – №8. – Отдел II. – С. 34–56.
27. *Правдин.* Старообрядчество в произведениях Мордовцева // Церковь. – 1906. – № 49, 50.
28. *П-Ский А.Л.* Заметки // Основа. – 1861. – № 4, 7.
29. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Новые русские люди. Роман Д. Мордовцева // Отечественные записки. – 1870. – №. 7. – Отд. «Новые книги». – С. 46–49.
30. *Соколов Н.Н.* Петр Великий и Вальтерскотты-могильщики // Русская старина. – 1894. – № 2. – С. 191–209; № 3. – С. 164–192.
31. *Стороженко Н.И.* О малорусском литературном сборнике (1859) Д. Мордовцева // Отечественные записки. – 1859. – №9.
32. *Субботин Н.А.* Историк-беллетрист // Русский вестник. – 1881. – Т. 153. – С. 149–216.
33. *Суворин А.С.* Письмо Мордовцеву Д.Л. 4 // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Е.х. 288. (Черновик письма от 24 апреля 1905.)
34. *Шелгунов Н.В.* Двенадцатый год: исторический роман в 3-х частях // Дело. – 1880. – № 10. – Отдел II. – С. 53–63.
35. *Шелгунов Н.В.* Соловецкое сиденье: историческая повесть из времен начала раскола на Руси, Д. Мордовцева. – М., 1880. – Великий раскол: исторический роман в 2-х частях, его же. – СПб., 1881 // Вестник Европы. – 1881 – № 8. – С. 887–892.

КОНЦЕПТ «ДУРАК» В ПОЭЗИИ Н.И. ТРЯПКИНА

Типологические признаки образа дурака в поэзии Н.И. Тряпкина рассматриваются в соотношении с образом сказочного героя (Ивана-дурака, Емели) и как особый тип русского национального характера.

Ключевые слова: Н.И. Тряпкин, концепт, типология, образ дурака, сказочный Иван-дурак, Емеля.

Концепт «дурак» – один из ключевых концептов русской культуры. За словом «дурак» – мир образов, представлений, система ценностных установок, метафор. С его помощью выделяют не столько определённую группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов [7, с. 171].

Образ дурака – один из традиционных русских архетипических фольклорных образов. В художественном произведении, раскрывая важные субстанциальные свойства русского характера (житейская мудрость, широта души, стремление к воле, удали или, наоборот, лень, пьянство, «состояние неразумной пассивности»), образ делается повторяющимся, привычным, узнаваемым, попадает в зону «внимания». В связи с этим важно рассмотреть тип героя-дурака, избранного Тряпкиным для ряда своих стихотворений.

В «Разговоре игрушечного мастера со своими изделиями» (ночью в мастерской) (1971) лирический персонаж называет фигурки, сделанные своими руками, *дурачками*:

Довольно безобразничать,
Подсовывать крючки!
Да и кого ж вы дразните,
Смешные дурачки?
Из глины да из сажицы
Не я ли вас лепил?
Деньки над вами, кажется,
И ночки проводил [13, с. 443].

В стихотворении, как и во многих других произведениях Тряпкина, сосуществование фольклорного и реалистического реализуется через подтекст, через смысловую глубину образов-символов. Ориентируясь на внешний облик фольклорного образа, на его связь с земным, поэт имеет возможность сохранить глобальность картины мира, философичность повествования за счет эффекта проступания подтекста. Так, в анализируемом примере образ дурака выполняет функцию культурной отсылки, точнее – фольклорной.

Дурак – один из самых колоритных и популярных персонажей в русских сказках, который в силу своей простоты и наивности, доброты и беззлобности выходит победителем в борьбе со злом. Его предполагаемая глупость может не проявляться, а может выражаться в «непрактичности», когда ду-

рак жертвует какими-то ценными благами ради мечты или идеала, не придает значения совершенным подвигам или не умеет доказать их авторство. Нередко в начале сказки он несчастен и обездолен (третий, младший сын, которому не достается ничего). Проявляя, как правило, настойчивость, а нередко и хитрость, дурак успешно проходит все испытания и к концу сказки вознаграждается богатством, рукой царской дочери и т. п. [9].

Самыми популярными героями-«дураками» русских народных сказок являются «дураки» по имени *Иван* и *Емеля*.

Имя собственное *Иван*, войдя в русский язык в церковной форме *Иоанн*, вошло в словарный состав русского языка, закрепилось в литературном языке, стало самостоятельным. Иван – имя русское, потому что оно прошло все ступени адаптации иноязычного слова (вошло в фонетическую и грамматическую систему русского языка; на русской почве оно послужило основой для целого ряда производных слов, отчеств и фамилий) [4, с. 56].

Какие ассоциации имя *Иван* вызывает в сознании русских поэтов второй половины XX века? На этот вопрос дает ответ анализ его функционирования в произведениях Н.Тряпкина, творчество которого основывается на незбываемых национальных основах русского народа, в том числе традициях именования. Имя *Иван* отмечается в стихах Тряпкина неоднократно: «*Черная баллада*» (1957), «*Песню пою...*» (1956), «*Уж так поставлено по штату*» (1966), «*Притча о Ваньке-однолишнике*» (1968), «*Песня про Ваньку-водовоза*» (1970), «*Первое воспоминание*» (1982). Также следует заметить, что тексты, имеющие элементы русской народной традиции, зачастую имеют реминисцентное заглавие. Заглавие уже само по себе концентрирует внимание на теме авторского текста, а реминисцентное заглавие сразу же ориентирует читателя на «чужой» текст. Доминантные признаки, задающие направление интерпретации, как правило, выражены в заглавии текста, например, «*Песня про Ваньку-водовоза*», «*Притча о Ваньке-однолишнике*», подключающие авторский текст к традициям сказочной прозы [5, с. 21].

Анализируемый материал позволил выделить следующие производные формы имени в стихотворениях Тряпкина: 1. Иван («*Песню пою*», «*Первое воспоминание*», «*Уж так поставлено по шта-*

ту», «Черная баллада»). 2. Ваня («Черная баллада»). 3. Ванька («Притча о Ваньке-однолишнике», «Песня про Ваньку-водовоза»). 4. Ванюша («Песня про Ваньку-водовоза»). Имя *Иван* в указанных текстах обозначает разных людей мужского пола, приобретает коннотации как положительного («Каким я был, когда отец Иван, / Наш сельский поп святил меня в купели?» [13, с. 526]; или: «К тетке Матрене да к дяде Ивану, / Выпьем-ка с ними чайку по стакану» [12, с. 105]), так и отрицательного характера («Ой ты, Ваня, Ваня, / Ваня, мой Иван! / Что же ты наделал?! / Мать родную утопил, / В черну прорубь опустил...» [13, с. 139]). Становится очевидной и культурная обусловленность эмоционально-оценочных суждений в отношении данного имени. Кроме того, приведенные примеры подтверждают выводы Г.В. Томашина, что любой антропоним в сфере языка и культуры воспринимается на фоне определенных ассоциаций, основанных на некоторых признаках обозначаемого им объекта [4, с. 57].

Коннотативный потенциал имени *Иван* поддерживается русскими народными сказками, в которых имя *Иван* несет не только речевую, но и «энциклопедическую» информацию. В связи с тем, что значение имени расширяется за счет актуализации образов, связанных с ним, оно может иметь несколько созначений. Так, с именем *Иван* в русском национальном сознании связаны, например, образы и Ивана Царевича, и Ивана – крестьянского сына, и Ивана – купеческого сына. Сказочный Иван – это всегда определенный тип героя, обладающий рядом обязательных черт. Коннотативный образ-символ ассоциируется с признаком, выступающим в качестве эталона для выражения соответствующей характеристики. Имя *Иван* ассоциируется также с именем *Иванушка* из сказки об *Аленушке* и ее братце *Иванушке* – герое, вызывающем сочувствие, со сказочным образом *Иванушки-дурачка*, молодого деревенского парня, сына крестьянина, всегда третьего, не желающего работать, поэтому образ *Иванушки-дурачка* стал олицетворением лени, нерасторопности, что накладывает отпечаток на восприятие этого имени, имеющего отрицательную коннотацию. Указанная оценка имени в народной сказке порождает соответствующую эмоциональную реакцию людей и на бытовом уровне, и в текстах художественной литературы. Показательно в этом отношении стихотворение Тряпкина «Песня про Ваньку-водовоза»:

Как собрался Ванька за водой,
Эх, собрался!
Он сперва с мамашей дорогой
Распрощался,
<...>
И поехал Ванька, засопел
По морозу,
Да и тут же с бочкой загремел
Прямо с возу!

И заплакал Ванька, зарыдал
С перепугу
И к своей аварии собрал
Всю округу.
Прискакали девки на конях
С пересвистом
И огрели Ваньку второпях
Коромыслом.
А потом заставили дружка
Грызть орешки,
А потом заместо лошака –
Да в дровешки.
Запрягли Ванюшу, как должно –
Под дугую, –
Да и к печке, с бочкой заодно, –
Дуй-горою! [13, с. 411].

Автор использует в обиходе стихотворную лексику, характерную для мира фольклорного текста: уменьшительно-ласкательные суффиксы, разговорные и просторечные элементы. Так в тексте реализуются признаки «человек из народа» и «доверчивый простак».

Из рассмотрения двух стихотворений Тряпкина следует, что образ дурака в его творчестве неоднозначен, как неоднозначен он в фольклорной традиции. Как замечает А.А. Дуров, полисемантность слова «дурак» порождает модель этого образа [3, 6]. Не случайно толковый словарь В.И. Даля дает несколько толкований этого понятия: 1. глупый человек, тупица, непонятливый, безрассудный; 2. малоумный, юродивый; 3. шут, помышляющий дурью, шутовством; 4. неразумный и самонадеянный глупец [2, с. 501]. Как считает Е.М. Мелетинский [8, с. 188], это скорее чудаки, подлинный предшественник литературных чудаков, то есть фольклорный дурак дает начало развитию образов глупца, плута, шута, юродивого и т.д. с их ложным непониманием, добродушного простака с его наивным непониманием, священного безумца с его героической жадой переустройства мира по идеальному образцу и дурака-праведника, аккумулирующего в себе черты блаженного, юродивого. Поэтому в русской классической литературе чаще всего выделяются следующие типы: *дурак-недотепа*, *дурак-шут*, *дурак-простак*, *дурак-юродивый*, «*малоумный дурак*» [1]. В лирике Тряпкина представлено большинство указанных моделей этого образа.

Дурак-недотепа – фольклорный герой пословиц, поговорок, бытовых сказок. Из-за своей «глупости» он предпринимает нелепые шаги, противоречащие здравому смыслу, или поступает невпопад, несообразно обстоятельствам, как герой русской сказки; является назидательной иллюстрацией или объектом насмешки автора:

Что за нэп! Что за хлеб? Что за ВЦИК!..
Ходит Ванька – сам себе большевик.
Что ни слово – то рублей на пятьсот,
А сынишка – погоди!-подрстет!..

Ходит Ванька, да посвистывает,
Да делишки всем подыскивает.

Да все колышки пострругивает.
Да жену свою поругивает.
То ли год, то ли век, то ли два...
Где ты, Ванька, удала голова?
Запропал ты где-то там... Ой-ё-ёй!
Душу грешную господь упокой.
А домишко да под весь корешок
Подклевал золотой петушок.
Зашумела, зацвела трын-трава...
Ой ты, Ванька, удала голова!
А сынишка – вот с такой бородой! –
Целый день сидит за кружкой пивной [13, с. 357].

Поступки и чувства «малоумного» дурака противопоставлены естественной для человеческой природы системе ценностей и предрассудкам мира «неразумных»:

А всему тому да поможет бог...
Ипеки, жена, мне ржаной пирог,
Да пораньше съест тот пирог вели,
Да ко всем чертям дураков пошли.
Да пораньше съест тот пирог вели,
Да ко всем чертям дураков пошли.
У кого-то там – только хвост трубой
А у нас с тобой – городьба с резьбой.
У иной межи – с перепоя спят,
А у нас во ржи – за рулем сидят [13, с. 347].

Дурак-юродивый говорит и действует несообразно принятому обычаю, его поступки для окружающих скорее страшны, чем смешны:

Ой ты, Ваня, Ваня,
Ваня, мой Иван!
Что же ты наделал?!
Черный ветер шаст на лавку в избе,
Разрыдался по чьей-то судьбе.
То ли сын, то ли вран,
Прямо в избу Иван,

Прямо в женку, прямо черный наган:

– Только пикни! [13, с. 139] – пишет

Тряпкин в стихотворении «Черная баллада», созданной по мотивам старинных песен. В герое стихотворения заложены потенциальные и реальные возможности эпохи, воплощены особенности национального духа. Представляя своего героя в народно-реалистическом облике, автор выявляет вечное во временном. Поскольку тип героя находится в непосредственной связи с жанром произведения (стихотворение-баллада, стихотворение-сказка, стихотворение-песня, стихотворение-притча), в тряпкинском герое следует искать как фольклорные, так и реалистические черты.

Итак, совершая «глупые» действия, «дурак» выступает против «несправедливости» и нарушения наиболее базовых для своего времени законов «божеских». Таким образом, «имя *Иванушка-дурачок* обладает моделирующими свойствами: оно предполагает не только значение, но и закладывает свойства носителя имени вплоть до полного рас-

крытия его истинной сущности. В структуре стихотворного текста Тряпкина он действует согласно исторически сложившейся символической формуле» [5, с. 141].

Имя *Иван* вошло и в названия таких растений, как *иван-да марья*, *иван-чай*, *ванька-мокрый*. В стихотворении Тряпкина «Завет» (1968) встречается первое из названных растений: «*И чтоб земные пели полушарья / На той же спице, / И чтобы цвел цветок Иван-да Марья / В твоей петлице!*» [14, с. 152].

Растение *Иван-да-марья* (также *братки*, *брати-сестра*), известное в ботанике как *марьянник дубравный*, название народное. «Вокруг этих названий в народе обреталось такое сказание. Жили, будто, давным-давно, брат и сестра; братца звали Иваном, сестрицу Марьюшкой. С малых лет заставила их судьба-разлучница скитаться врозь. Долго ли коротко ходили они из края в край – неизвестно. Только повстречалась раз Ивану девица красоты невиданной. Послал парень сватов к ней да и женился. А позже от людей узнал: девица и есть та самая Марьюшка – сестрица его. С горя Марья пожелтела, а Иван посинел, да так, что в траву превратились» [11, с. 57]. Фольклорные образы, включенные в стихотворение, контрастируют со сложными жизненными позициями и ситуациями, в которые попадает главный герой. Тряпкин сумел достичь глубокого лиризма в передаче душевного состояния своего лирического героя, его тяги к народному началу.

В стихотворении «*За поля яровые*» (1965) встречается еще один образ дурака – Емели: «*Ах, Емеля, Емеля! / Это что ж? За кого?.. / И стою как тетеря / Перед гневом его*» [13, с. 266]. Н.В. Новиков отмечает, что тип Ивана-дурака – подвижный, и круг сюжетов, в которых он выступает, довольно широк, в то время как Емеля-дурак, как сказочный тип, привязан к сюжету «По щучьему веленью» и почти не переходит в другие сказки [6, с. 93]. Емеля-дурак ленив, все время лежит на печи, в его образе проявляется специфический русский характер: пассивность, лень, надежда на «авось», на то, что все сделается само собой. Вот почему Емеля в стихотворении является символом опустевшей крестьянской России: «Сельская Россия опустела потому, что она покинута! Крестьяне ушли. (Есть для этого оправдание, как всегда, по-нашему, по-русски, звучащее беспомощно: «*Пусть не так и не эдак. / Хоть и эдак и так...*»)» [10].

Итак, в художественном мире Н.И. Тряпкина сложилось несколько основных интерпретаций главного героя-дурака. Анализ использования имен *Иван* и *Емеля* в стихотворениях Тряпкина позволил сделать следующий вывод: национально-культурное своеобразие имени создается и поддерживается образотворческим потенциалом, указывающим на то, что образы дураков, встречающиеся в лирике поэта, связаны с культурно-исторически-

ми традициями русского народа. Можно утверждать, что с точки зрения национального характера они являются свернутым диахроническим национально-культурным текстом, а совокупность ассоциаций в стихотворениях Тряпкина образует ассоциативное поле, которое воплощает взаимодействие языковых и экстралингвистических факторов и преломляет их через призму выработанной в обществе системы оценок во взаимодействии с индивидуальным опытом поэта.

Библиографический список

1. Авдонин В.В. Типология образа дурака в прозе В.Н. Войновича // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – № 9 (124). – С. 144–149.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. – М.: ТЕРРА, 1995. – 800 с.
3. Дуров А.А. Трансформация традиционного образа дурака в прозе В.М. Шукшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 1996. – 20 с.
4. Зубкова Л.И. Имя Иван в языковом сознании русских людей второй половины XX века // Русская словесность. – 2009. – № 1. – С. 56–60.
5. Кошелева И.Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: Способы реализации фольклорной цитации в стихотворном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Бийск, 2005. – 177 с.
6. Лутовинова Е.И. Сюжетные типы и типы героев волшебной сказки // Искусство и образование. – 2007. – № 2. – С. 91–101.
7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Наука; Флинта, 2007. – 295 с.
8. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – 264 с.
9. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 192 с.
10. Псурцев Д. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [plus.gambler.ru>tavlei/lit/poetry_3a.htm](http://plus.gambler.ru/tavlei/lit/poetry_3a.htm) (дата обращения: 10.09.2013).
11. Стрижев А.Н. Лесные травы. – М.: Лесная промышленность, 1979 – 192 с.
12. Тряпкин Н.И. Гуси-лебеди. – М.: Московский рабочий, 1971. – 312 с.
13. Тряпкин Н.И. Избранное. – М.: Худ. лит.-ра, 1984. – 560 с.
14. Тряпкин Н.И. Излучи: Стихотворения. – М.: Мол. гвардия, 1987. – 159 с.

УДК 882.09

Котлов Александр Константинович

кандидат филологических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

«КАРАГАНДИНСКИЕ ДЕВЯТИНЫ, ИЛИ ПОВЕСТЬ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ» ОЛЕГА ПАВЛОВА: МЕТАФИЗИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (Статья первая)

В статье рассматриваются некоторые особенности художественно-метафизического пространства повести «Карагандинские девятины» О. Павлова (2001).

Ключевые слова: О. Павлов, «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней», заголовочный комплекс, образ, символ, хронотоп, художественная метафизика, экзистенциальные и онтологические мотивы.

«Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» современного прозаика Олега Олеговича Павлова были впервые напечатаны в журнале «Октябрь» (2001). Затем в том же году повесть (тогдашнее авторское жанровое определение) стала последней частью трилогии «Повести последних дней» вместе с «Казённой сказкой» (1994) и «Делом Матюшина» (1997) [16]. Недавно же произведение вышло отдельной книгой с пометой «роман» (2013) [15].

В статье мы попытаемся охарактеризовать некоторые черты художественной метафизики данной книги Павлова, исходя из анализа заголовочного комплекса произведения и его основных образов-символов.

Противоречивости критических оценок, всегда отличавшей рецензии на произведения Павлова, не избежала и «Повесть». По выходе книги и номина-

ции ее на премию «Национальный бестселлер» (2002) «прогремели» статьи с многозначительными названиями: «Манихейский вариант» К. Анкудинова [1] и «“Баланда” о солдате» Н. Переяслова [цит. по: 14]. А Д. Быков безапелляционно скажет, что «роман Павлова “Карагандинские девятины” довольно плох» [3].

Однако даже отнюдь не поклонники таланта писателя должны были признать, что «Карагандинские девятины» – одно из самых заметных явлений литературной жизни 2000-х годов (и их инвективы в адрес писателя – тому доказательство). Свидетельство тому же – присуждение повести Букеровской премии (2002), а позднее и включение ее (причем это было единственное произведение, уже получавшее премию, все остальные книги входили в «короткий список») в шорт-лист «Букара десятилетия» (2011), где, помимо Павлова, было всего

четыре фамилии: А. Чудаков – «Ложится мгла на старые ступени» (победитель), Л. Улицкая – «Даниэль Штайн, переводчик», З. Прилепин («Сань-кя»), Р. Сенчин («Ёлтышевы»).

Для литературоведческого анализа «Карагандинских девятинов» нам более важны те критические отзывы, в которых негатив субъективного читательского восприятия рецензента не заслонил разбора оригинального художественного замысла и его воплощения. Так, М. Ремизова в статье «Опытное поле» (2002) отметила то, что повесть «похожа и одновременно не похожа на предыдущие произведения его [Павлова. – А.К.] армейского цикла». «Рискнём утверждать, – продолжает М. Ремизова, – что он вырывается в ней за рамки самым же разработанной поэтики, местами выпадая из плоскости нарочитого натурализма в область настоящего абсурда» [18]. При этом критик отчасти остаётся в рамках стандартного представления о произведениях Павлова как об «армейской чернухе», «нарочитом натурализме» (да и с выводом о кардинальных изменениях в поэтике писателя критик тоже, на наш взгляд, поторопилась). В то же время В. Отрошенко – «собрать по перу» Павлова – небезосновательно, хотя и «пересолив», скажет, что «эта проза не имеет никакого отношения ни к реализму, ни к армии, ни к быту, ни к тусклым частностям жизни. Это проза о прохождении воплощённых душ через круги земного ада-рая. Проза, которая ставит целью рассмотреть абсурд человеческого бытия во всех его проявлениях – и армия здесь выступает как универсальная модель мира» [18].

Но наиболее близко к пониманию повести и определению специфики поэтики Павлова подошёл сначала в своей рецензии на трилогию Павлова [9], а затем в обзоре «Живая нить. Русский Букер как зеркало современной русской литературы» Е. Ермолин (2004). Основные тезисы критика, многие из которых, думается, во многом верные, таковы:

1) проза Павлова «по-своему [курсив здесь и далее наш. – А.К.] социологична»: «не социальность в фокусе» – «случился эсхатологический роман»;

2) нельзя «вольно или невольно упрощать роман Павлова» – «редкий образец *метафорической прозы*. В романе сделана небезуспешная попытка привести эмпирику к грандиозному обобщению, вырастить из очерка армейских будней *притчу* о пути человека и об итоге этого пути на пограничье жизни и смерти, смерти и вечности»;

3) «мир его [Павлова. – А.К.] прозы мрачен. Но он не безнадежен <...> Дело в том, что в этом мире – каким бы страшным он ни был – всё-таки *есть Бог*. Есть истина искупительного страдания, искупительной жертвы, в свете которой всякое страдание бессмысленно» [8].

Следовательно, Е. Ермолин отмечает художественно-метафизическую природу произведения Павлова, метафоричность его творческого мышле-

ния и притчевую повествовательную стратегию. Остановимся на каждом из тезисов, исходя из того, что действительно даёт текст «Повести» исследователю.

Уже заголовочный комплекс произведения отчасти подтверждает подобные предположения. Так, первое из названий – «Карагандинские девятины» – «вселенская» метафора. Подтекстовые значения топонима «Караганда», выявляемые несложным этимологическим анализом, указывают не только на пространственную конкретику (город в казахских степях), но и на экзистенциально-онтологическую «чёрную дыру» метафизического толка (естественно, компонент «кара» отсылает читателя как к тексту Ф.М. Достоевского, так и к его фонетическому соответствию в русской речи; более подробно об этом см.: [10]). Возникает ощущение хронотопического «нигде» вместе с притчевым «всюду». Не случайно в последней главе произведения звучит всем известная присказка на вопрос главного героя «Да где это я?»: «Где, где... В Караганде» [16, с. 482; здесь и далее текст повести цит. по данному изданию с указанием страницы. – А.К.].

Символику определения «карагандинские» усиливает мифологическая многомерность последующего слова: «девятины». В словаре В.И. Даля слово «девятины», естественно, имеет значение «поминок в девятый день кончины» [5, с. 425]. Это определяет развитие внешнего сюжета павловского произведения, связанного с подготовкой к отправке в Москву тела убитого солдата и «поминальной вакханалией», устроенной его отцом. (Интересно то, что тело солдата было доставлено в морг судмедэкспертизы, по словам одного из героев, 10 ноября [с. 391], то есть в день Великомученицы Параскевы. А имя *Параскева* восходит к греческому слову «приготовление» и семантически отсылает к памяти о Страстной Пятнице.) По традиционным представлениям, «в первые два дня душа усопшего пребывает с родственниками и витает в дорогах для неё местах на земле, а в третий день, по образу воскресшего в третий день Господа, возносится на небо для поклонения Творцу всяческих. После чего душе показываются блаженства райские, и она на девятый день является на второе поклонение Господу. Затем тридцать дней душа проходит мрачную область истязаний, все мытарства» [17]. Однако для главного героя повести – Алёши Холмогорова – не уготованы «блаженства райские» (да на земле они и невозможны), а, скорее, Дантовы девять кругов ада (кстати, композиция произведения включает также девять частей, многие из которых имеют по-христиански символические заглавия: «Бытие», «Где смерть, там и жизнь», «Райские яблоки», «Сущие во гробах», «Живые к живым»; да и самих пространственных ниш, в которые попадает Алёша, едва ли не девять, включая полигон, лазарет, судмедэкспертизу, зону, тюремную камеру и т.д.).

Уже у В.И. Даля число «девять» раскрывает свои древнемифологические сакральные смыслы. Так, «девятерицы» – «девятилетние сроки человеческой жизни»; а знаменитый фразеологизм «девятый вал» – «по поверью, наибольший, *роковой*» [5, с. 425]. Исследователи, безусловно, указывают на знаковые фольклорные употребления числа «девять» (вспомним «тридевятое царство»). С.С. Аверинцев, рассматривая христианский образ девяти чинов ангельских, указывает на то, что ««девятерица» воспринималась, с одной стороны, как «триада триад», как усугубление числа «три», сакраментальнейшего из чисел ($9=3^2$), и как бы её эксплицирование, развёртывание вовне внутренних энергий троицы, а постольку и как эквивалент числа «три»» [12, с. 362]. (О символике чисел, в том числе числа «девять», см. и доводы В.Н. Топорова: [13, с. 629–631].)

Следовательно, метафорическое первое заглавие уже отсылает и к глубинным мифологическим смыслам христианского характера. Это же усиливает и второе название, выполняющее, в принципе, функцию подзаголовка, – «Повесть последних дней». «Последний», по В.И. Далю, – «остальной, остаточный, конечный, за которым нет другого», и – «нижний, плохой и худший, последний по качеству» [6, с. 336]. В контексте повести фраза «последние дни» наполняется апокалиптическими смыслами, отсылая к «Откровению Ионна Богослова». Господь, явившийся Иоанну, именует себя «Альфой и Омегой, Первым и Последним» [2; здесь и далее ссылки на текст Библии содержат указание на название текста, главы и стиха; здесь: Откр., 1: 10; 22: 13]. Издавна время второго пришествия Христа называют «последним», хотя для верующего это и время «первое», когда они узрят «чистую реку воды жизни» [Откр., 22: 1].

Христианские мотивы поддерживает и эпитафия, появившийся в издании 2013 года: «Веселись, юноша, в юности твоей... Книга Екклесиаста» [15, с. 5]. Традиционно «Книга Екклесиаста, или Проповедника», являющаяся частью Ветхого Завета, отсылает к утверждению мысли о тщете земного бытия («всё суета») [Еккл., 1: 2; 12: 8; и др.]. Кроме того, финальный аккорд данной книги связывает её с новозаветным «Откровением» – с мотивом «последних дней», воздаяния человеку перед судом Божиим за всё доброе и злое: «...Ибо всякое дело Бог приведёт на суд, и всё тайное, хорошо ли оно, или худо» [Еккл., 12: 14]. Хотя, без сомнения, отвергая от земной суеты, Екклесиаст обращает лицо и душу человека к Богу – «подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом» [Еккл., 8: 13].

Этот же эпитафия отсылает и к образу главного героя – Алёши Холмогорова, чей характер практически все рецензенты сопоставляют с образом «третьего сына», «раннего человеколюбца» – Алёши Карамазова (даже возраст указанных героев схо-

ден – двадцать лет), с «рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его» [7, с. 21]. Действительно, по словам Ф.М. Достоевского, его герой – «человек странный, даже чужак», но он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи – все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...» [7, с. 5]. Холмогоров же Павлова тоже словно бы сказочный «третий сын», наделяемый окружающими соответствующими определениями. Алёша в «Повести» типологически близок и Мышкину своей христианской терпеливостью и незлобностью: «Верить было ему (Алёше. – А.К.) всегда приятней и легче, чем не верить»; «как будто нарочно всё терпел и ждал обещанного»; «замечая вокруг людей с недостатками, умудрялся их жалеть, не чувствуя, что жалеть бы надо самого себя» [с. 360–361; 363].

Психологическое родство героев, однако, отнюдь не безусловно. Тем более что павловский персонаж несёт в своём характере и другую литературную «генетику», довольно далёкую от образа «положительно прекрасного человека» и воскрешающую, к примеру, образы гоголевского Башмачкина или Юшки А. Платонова. Подобно Акакию Акакиевичу, Алёша «долготерпит»: «Всем чужой, терпел он насмешки да тычки, но если не отвечал, то потому, что чувствовал только удивление» [с. 371]. (Вспомним, как обычно отстраняется герой Н.В. Гоголя от преследующих его насмешников: «Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним...» [4, с. 500]). Так же, «с любовью», как и Башмачкин, исполняет свою работу герой Павлова. Откуда в этом человеке любовь к труду и ближнему, позволяющая видеть «нормальным» людям в нём то ли дурака, то ли блаженного?

Алексей Михайлович Холмогоров (имя-отчество воскрешают в сознании прозвище русского царя – «Тишайший») не сын «помещика», не князь, как упомянутые герои Ф.М. Достоевского, а, так сказать, «крестьянский сын», от которого далеки философские штудии. Он из того мира, где, по его словам, «без огорода не проживёшь»; «без картошки не проживёшь»... [с. 370]. В столь же бесхитростном родительском письме звучат те же слова, как подтверждение по-христиански смиренных нравственных принципов: «Здравствуй, сынок. Кушай и поделись с товарищами. <...> На прошлых днях ощипали наших козочек. Платков штуки две получится и носков ещё десяточек. Зимой продам – будем с хлебушком. *Без этого не проживёшь*. Служи родине хорошо, как мы сказали...» [с. 371].

Немаловажно, что на душеспасительные слова гробовщика о Боге смутно, но отзывается сознание героя, а значит, своего рода вероисповедание, основанное на смирении, он получил ещё дома. А потому – «Холмогорову почему-то чудилось, что

когда-то всё это было в его жизни – и этот широколобый добрый старик, и точно такой же рассказ о человеке, который был мёртвым, а потом вдруг ожил» [с. 424]. Но именно такая жизненная философия, «простое веление жизни» [с. 373], помогает Алёше утвердиться во мнении, что «и без сизифовой этой работы не было б жизни» [с. 372]. Герой, если вспомнить строки Екклесиаста, таким образом, обладает «даром Божиим», как дар Божий, с благодарностью воспринимая и свою жизнь: «Познал я, что нет для них ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей. И если какой человек ест и пьёт, и видит доброе во всяком труде своём, то это – дар Божий» [Еккл., 3: 13].

Достоевско-платоновский герой-«ребёнок», с его детски нетронутой чистотой, воскрешается в образе Алёши Холмогорова: «...Сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом» [1-е посл. Петра, 3: 4]. При первом знакомстве с героем Павлов указывает на эту детскость Алёши: «Он походил на большого ребёнка, что пребывал в растерянности с тех пор, как родился на свет» [с. 359]. Отсюда и его ребяческая мечтательность: «...Алёша упивался легко и быстро мечтами», совершая выдуманные подвиги; «с отвагой ребёнка» он «стоял и стоял посреди всей этой вечной мерзлоты, жалея умершую снежинку» [с. 374]. И мучительно-детские слова избиваемого героя, словно проходящего земными кругами ада: «Я больше так не буду... Простите... Простите меня, пожалуйста... Я буду самым хорошим...» [с. 483]. Слова в эпиграфе повести ведут в результате к тому контексту, из которого они вырваны: «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твоё радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за всё это Бог приведёт тебя на суд. И узнай печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность – суета» [Еккл., 11: 9–10].

Подобный герой, словно вчера появившийся из утробы матери и не растерявший удивления перед миром, наделённый по-платоновски «открытым сердцем» (вспомним странствия Саши Дванова в «Чевенгуре»), сталкивается с земными правдами, что часто далеки от Истины. Повествование в повести приобретает характер современной притчи.

В жанре притчи, в сравнении с басней, С.С. Аверинцев выделяет следующие признаки: «...Форма притчи 1) возникает в некотором контексте, в связи с чем она 2) допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняющего, однако, символическую наполненность; 3) с содержательной стороны отличается тяготением к глубинной “премудрости” религиозного или моралистического порядка» [11, с. 305]. Безусловно, произведение Павлова имеет лишь отдельные черты, присущие

жанру притчи, но отнюдь не является современной модификацией этого древнего жанра. Контекст, ослабленность реального сюжета, символическая плотность, христианский подтекст, следовательно, есть то, что формирует оттенки притчевого дискурса (что, заметим, в той или иной мере определяет специфику повествовательной формы «Карагандинских девятинов»). Кроме того, по словам С.С. Аверинцева, поэтика притчи, исключая описательность, характеризуется и тем, что «природа и вещи упоминаются лишь по необходимости, действие происходит как бы без декораций, “в сукнах”; действующие лица притчи, как правило, не имеют не только внешних черт, но и “характера” в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами не как объекты художественного наблюдения, но как субъекты этического выбора» [11, с. 305]. В произведениях XIX–XX века исследователь отметил ориентацию на притчевые каноны в произведениях Л.Н. Толстого, Ф. Кафки, Ж.П. Сартра, А. Камю, Ж. Ануя, Б. Брехта, У. Фолкнера и др., «исключающих “характеры” и “обстановочность” в традиционном понимании [там же]. А Т.Ф. Приходько указывает в произведениях этих и некоторых других писателей и драматургов черты жанра XX века, близкого притче, – параболы: «С точки зрения внутренней структуры парабола – иносказательный образ, тяготеющий к символу, многозначному иносказанию». Другое название жанра – «символическая притча». «Однако, – отмечает исследователь, – приближаясь к символическому, иносказательный план параболы не подавляет предметного, ситуативного, а остаётся изоморфным ему, взаимосвязанным с ним» [11, с. 267].

Чтобы определить, насколько рассматриваемый текст Павлова соответствует специфике притчи или параболы, необходим образно-мотивный анализ произведения. Данная проблема составит содержание следующей статьи.

(Продолжение следует.)

Библиографический список

1. Анкудинов К. Манихейский вариант // Новый мир. – 2002. – №5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/5/ank.html (дата обращения: 11.12.2013).
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд. Московской Патриархии, 1983. – 1372 с.
3. Быков Д. Своя правда // Континент. – 2011. – № 150. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2004/235/erm8.html> (дата обращения: 11.12.2013).
4. Гоголь Н.В. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1 / вступ. ст. П.А. Николаева; примеч. Н.Л. Степанова, А.С. Бушмина, Г.М. Фридлендера. – М.: Худож. лит., 1978. – 574 с.

5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. – М.: Рус. яз., 1989. – 699 с.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: П. – М.: Рус. яз., 1990. – 555 с.
7. *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 12 т. / под общ. ред. Г.М. Фридендера и М.Б. Храпченко; сост. Г.М. Фридендер. Т. 11. – М.: Правда, 1982. – 624 с.
8. *Ермолин Е.* Живая нить. Русский Букер как зеркало современной российской литературы // Новый журнал. – 2004. – № 235. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/b17.html> (дата обращения: 11.12.2013).
9. *Ермолин Е.* Инстанция взгляда // Новый мир. – 2002. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2002/5/b17.html (дата обращения: 11.12.2013).
10. *Котлов А.К.* Личные имена и топонимы как художественно-семантические маркеры в «Казенной сказке» Олега Павлова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 5. – С. 94–97.
11. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева; редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
12. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – Т. 1: А–К. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – 671 с.
13. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – Т. 2: К–Я. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – 719 с.
14. Национальный бестселлер – 2001 / подборка В. Топорова // Октябрь. – 2002. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2002/6/bes-pr.html> (дата обращения: 11.12.2013).
15. *Павлов О.О.* Карагандинские девятины, или Повесть последних дней: роман. – М.: Время, 2013. – 160 с.
16. *Павлов О.О.* Повести последних дней: трилогия. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 494 с.
17. Полная энциклопедия быта русского народа / сост. И. Панкеев: в 2 т. Т. 1. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. – 688 с.
18. *Ремизова М.* Опытное поле // Дружба народов. – 2002. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2002/1/remiz.html> (дата обращения: 11.12.2013).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОТАДЪЕКТИВНЫХ ДЕРИВАТОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (на материале словообразовательного гнезда с вершиной «высокий»)

Данная статья посвящена изучению словообразовательной и семантической структуры дериватов словообразовательного гнезда с вершиной «высокий» в сопоставительном аспекте. В русском и английском языках словообразовательное гнездо характеризуется спецификой его содержательных и структурных компонентов.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, семантическая структура, производные, специфическая внутренняя форма.

До недавнего времени бинарное сопоставление словообразовательных систем проводилось чаще всего в формально-структурном и структурно-семантическом аспектах, поскольку существующие сходства и различия обнаруживаются прежде всего на уровне словообразовательных формантов и способов словообразования. Актуальный на сегодняшний день интерес к содержательной стороне словообразовательных процессов, анализ деривационно-семантического пространства языка позволяют получить сведения о некоторых особенностях номинативно-познавательной деятельности человека, а именно конкретизировать структуру знаний, заложенных в производном слове [2, с. 393].

Межъязыковой анализ лексического состава словообразовательных гнезд разносистемных языков дает возможность решить общие вопросы номинации, особенности формирования лексических систем в этих языках. Данное направление «позволяет рассматривать словообразовательные гнезда как совокупности номинативных единиц и выявлять их межъязыковую номинативную эквивалентность, которая предполагает как идентификацию понятийного содержания дериватов, так и сравнение языковых средств и способов его выражения» [5, с. 6].

Целью данного исследования является описание словообразовательной и семантической структуры отадъективных дериватов словообразовательного гнезда с вершиной «высокий» в русском и английском языках.

Сопоставительный анализ русских и английских отадъективных слов позволяет установить, как развивается и видоизменяется семантика производящей основы в актах словообразования, а также выявить национальную специфику семантической структуры исходных и производных слов [1, с. 35–38].

В современной лингвистической литературе уже отмечалась сложная семантическая организация слова *высокий*. Данное прилагательное среди других лексем, выражающих параметрические значе-

ния, в русском и английском языках выделяется своей широкой лексической сочетаемостью: *высокое здание* – *high building*, *высокая скорость* – *high speed*, *высокий тон* – *high pitch*. Исследуя семантику параметрических прилагательных, Е.В. Рахилина обращает внимание на то, что зона сочетаемости с абстрактными существительными подчиняется определенным правилам: мы говорим *глубокий ум*, но *высокий интеллект*. В метафорических сочетаниях типа *высокая скорость*, *высокое звание* происходит категориальный сдвиг значения, когда стандартные для данного предиката категории аргументов замещаются новыми для него, «неподходящими» [3, с. 144].

В исследуемых языках прилагательные *высокий* / *high* могут сочетаться с абстрактными существительными: *high ideas* – *высокие идеи*, *high spirits* – *высокие помыслы*. В английском словосочетании *high official* передается указание на высокое положение (звание, должность). В русском языке это значение реализуется в сочетаниях: *высокая должность*, *высокое звание*, *высокое начальство*. В силу специфики своего лексического значения исследуемое прилагательное в английском языке вербализует следующие комбинации смыслов: *high summer* – разгар лета (букв.: высокое лето); данный компонент значения наследуется и производными: *in the height of the season* – в разгар сезона; *it is high time for us to go* – нам пора идти. В сочетаниях с некоторыми существительными прилагательное *high* приобретает значение ‘большой, сильный; интенсивный’: *high wind* – сильный ветер (букв.: высокий ветер); *high heat* – сильная жара (букв.: высокая жара); *high colours* – яркие цвета (букв.: высокие, интенсивные).

А.Н. Тихонов в своих исследованиях неоднократно подчеркивал, что словообразовательное гнездо составляют слова, имеющие общий смысловой элемент (лексико-семантический вариант, сему), материальным выразителем которого является корень. При этом гнезда пополняются новыми сло-

вами, и, наоборот, многие слова в гнезде часто перемещаются из центра на периферию или совсем выходят из него. В целом, лексико-семантическая структура словообразовательного гнезда представляет собой совокупность значений, выражаемых всеми однокоренными словами в гнезде, в их системных связях и взаимоотношениях [4, с. 36–37].

Словообразовательное гнездо «высокий» характеризуется большим количеством производных прилагательных с модификационным (субъективно-оценочным) типом значения. Дериваты такого рода соотносятся лишь с основным (номинативным) значением прилагательного – ‘имеющий большое протяжение снизу вверх’: *высочайший, высоченный, высоковатый, высокохонький* и др. В коррелятивном словообразовательном гнезде английского языка данная семантическая зона не находит выражения на словообразовательном уровне. Исключением являются лишь производные, образованные суффиксальным способом со значением компаратива и суперлатива, которые соответствуют русским формам степеней сравнения: *high* – высокий – *higher* – выше – *the highest* – самый высокий, наивысший. В сочетаниях с некоторыми существительными дериваты такого типа называют тождественные явления для двух языков: *higher mathematics* – *высшая математика*; *higher education* – *высшее образование*; *higher degree* – *ученая степень выше степени бакалавра*; *higher doctorate* – *высшая ученая степень доктора наук*.

В словообразовательном гнезде «высокий» на первой ступени словообразования представлены наречия, являющиеся синтаксическими дериватами. Они реализуют как основное значение исходных прилагательных: *высоко летать, высоко от земли*, так и переносные значения: *высоко ценить*. Производные такого типа являются базой для дальнейших словообразовательных процессов, в частности наречие *высоко* образует следующую словообразовательную парадигму: *высоковато, высококонько, высокошенько, невысоко, высоколегированный* и др. В английском языке данной зоне гнезда соответствуют следующие производные наречия: *high* – высоко; сильно, *highly* – очень, весьма; высоко. Однако в семантике английских адвербиальных производных параметрический признак модифицируется специфическим способом: *the wind blows high* – ветер сильно дует (букв.: высоко); *her heart beat high* – ее сердце сильно (учащенно) билось; *to live high* – жить в роскоши, жить широко; *a highly original opinion* – весьма (чрезвычайно) оригинальное мнение; *to think too highly of oneself* – слишком высоко себя ставить, слишком много о себе думать.

В исследуемом гнезде довольно пространную зону образуют сложнопроизводные прилагательные. Дериваты данного типа могут быть включены в разные семантические группы. В русском языке такие номинации выполняют идентифицирую-

щую функцию, в ряде случаев они наследуют семантику (лексико-семантический вариант) исходного слова, например: *высокий* – ‘большой, значительный по количеству, силе’: *высокоавтоматизированный, высокоамперный, высоковольтный, высококонцентрированный, высокомеханизированный, высоконапорный*; некоторые из них имеют и свою словообразовательную парадигму: *высокопроизводительный* – *высокопроизводительно, высокопроизводительность*. Лексико-семантический вариант ‘очень хороший по качеству’ реализуется следующими сложными прилагательными: *высококачественный, высоконадежный, высокопробный, высокоразвитый, высокосортный, высокоурожайный, высокоэффективный* и др. Многие из таких понятий получили аналогичную словообразовательную детерминацию в английском языке: *high-capacity* – высокопроизводительный, высокомогущий; *high-grade* – высокосортный, первоклассный; *high-grade goods* – товары высокого качества; *high-quality* – высококачественный; *high-quality machine translation* – высококачественный машинный перевод; *high-voltage* – высоковольтный; *high-voltage line* – линия высоковольтной передачи; *high-standard* – высокопробный и др.

В русском словообразовательном гнезде выделяется большая группа сложных прилагательных, характеризующих лицо с точки зрения его моральной оценки, положительных или отрицательных качеств. Например, от прилагательного *высокий* образуются дериваты: *высокоавторитетный, высокоинтеллектуальный, высокоинтеллигентный, высококомпетентный, высококультурный, высокоодаренный, высокопочитаемый, высокородный*. Большинство таких слов передаются на английский язык при помощи производных наречий: *highly cultured* – высококультурный, *highly educated* – высокообразованный, *highly gifted* – высокоодаренный или с использованием других языковых средств: *of high moral standards* – высоконравственный.

Указанная смысловая зона гнезда в английском языке характеризуется ярко выраженным своеобразием. В ней наличествуют номинативные единицы, не имеющие структурно-семантических соответствий в русском языке. Такого рода дериваты не мотивированы основным значением исходного слова: *high-born* – знатного происхождения (букв.: высокородный); *high-blooded* – высокородный (букв.: высококровный); *high-stomached* – (уст.) мужественный, храбрый (букв.: с высоким желудком, животом; от *stomach* – желудок, живот; ср. также *stomach* – уст. отвага, мужество); *high-minded* – благородный, возвышенный (букв.: с высоким умом); *high-mettled* – мужественный, храбрый (букв.: высоко, чрезвычайно храбрый); *high-spirited* – отважный, мужественный (букв.: с высоким духом); *high-hearted* – мужественный, храбрый; (уст.) высокомерный (букв.: с высоким серд-

цем); *high-handed* – своевольный, властный (букв.: с высокими руками): *to be high-handed with somebody* – держать кого-либо в строгости. Иногда они служат производящей базой для других слов: *high-handed* → *high-handedly* (своевольно, властно) → *high-handedness* (своеволие, властность, произвол). Наличие подобных производных свидетельствует о специфике ассоциативных связей в процессах номинации двух языков.

Специфичной внутренней формой обладают и некоторые адективные производные английского языка: *high-heeled* – на высоких каблуках; *high-heeled shoes* – туфли на высоких каблуках; *high-kilted* – с короткой или подоткнутой юбкой; неприличный (*kilt* – юбка шотландского горца или солдата шотландского полка; детская юбка в складку). В русском языке такие обозначения с основой *высокий* отсутствуют.

Субстантивный блок соотносительных словообразовательных гнезд представлен меньшим количеством дериватов. Он включает следующие производные: отвлеченное существительное – *высокость*, реализующее лексико-семантический вариант ‘полный глубокого, необыденного содержания; возвышенный’; существительное *высота*, которое может быть мотивировано номинативным значением исходного прилагательного: *высота здания*, *высота в несколько метров*, а может также употребляться в переносном значении: *высота славы*, *высота искусства*. Непосредственно от основы *высота* в русском языке образованы дериваты: *высотка*, *высотный*, *высотность*, *сверхвысотный* др. В английском языке субстантивный коррелятивный блок представлен следующими лексическими единицами: *high* – высшая точка; максимум: *to be in the high* – достигнуть высшего уровня; иногда семантика таких единиц в составе устойчивых словосочетаний может быть переосмыслена: *on high* – на небе, в небесах; *high and low* – (люди) всякого звания (букв.: высшие и низшие). В субстантивный блок входит производное *height* – высота, вышина: *height of a building* – высота здания; в отличие от русского языка *height* употребляется и в значении ‘рост человека’: *what is her height?* – какого она роста? (букв.: какой она высоты?), *he is six feet in height* – он ростом в шесть футов. В русском языке производное *высотка* ‘небольшая возвышенность, холм, горка’ мотивировано словом *высота*, в английском же его эквивалент *hillock* является производным от другой основы: *hill* – гора.

В субстантивный блок английского словообразовательного гнезда «high» входят существительные со специфической внутренней формой, в частности дериваты, называющие лиц: *high-binder* – (амер. жарг.) хулиган, темная личность; *highbrow* – человек, претендующий на интеллектуальность, «аристократ ума», «интеллектуал» (букв.: высокий лоб), презр. ученый; ср.: *lowbrow* – разг. человек, не пре-

тендующий на высокий интеллектуальный уровень; человек с примитивными вкусами в литературе, музыке, искусстве (букв.: с низкими бровями, с низким лбом). Данный компонент значения передается по словообразовательной цепи: *lowbrow* → *lowbrow* (невысокого интеллектуального уровня): *lowbrow amusements* (примитивные развлечения) → *lowbrowed* (низколобый; малообразованный, невысокого интеллектуального уровня). Среди специфических номинативных единиц, называющих лица, можно также назвать и слово *highwayman* – разбойник (с большой дороги), данное существительное непосредственно мотивировано производным *highway* – большая дорога; шоссе.

В соотносительных гнездах нами были выявлены существительные, обладающие идиоэтническим характером номинации: *всевышний* – *the Most High* (букв.: самый высший) – по религиозным представлениям ‘стоящий над всем существующим; исходящий от бога’, ‘одно из названий бога’; *высочество* – *Highness* ‘титuluвание некоторых членов царствующего дома’.

В английском коррелятивном гнезде наличествуют предметные номинации с национально-культурным компонентом значения. Среди них выделяются названия артефактов: *highboy* – амер. высокий комод на ножках; ср.: *lowboy* – амер. небольшой комод на низких ножках; *high-board* – спорт. вышка для прыжков в воду; фитонимы: *high cranberry* – бот. калина; другие уникальные понятия: *high-lows* – уст. полуботинки на шнуровке, *highball* – разг. хайбол (виски с содой и льдом, которые подаются в высоком стакане), *high-day* – праздник, праздничный день.

Глагольный блок русского словообразовательного гнезда «высокий» в основном представлен префиксально-суффиксальными образованиями с различными словообразовательными формантами. Так, от прилагательного *высокий* образуются следующие глаголы: *возвысить*, *завысить*, *обвысить*, *перевысить*, *повысить*, *подвысить*, *превысить*. Все они включают в себя словообразовательное значение ‘наделять (или наделить) кого- / что-либо тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным’. Отадективные глаголы являются основой для дальнейших словообразовательных процессов, от них образуются имена действия, которые, как и сами глаголы, номинируют процесс в форме синтаксического деривата: *возвысить* – *возвышение*, *завысить* – *завышение*, *повысить* – *повышение*, *подвысить* – *подвышение*, *превысить* – *превышение*. В английском гнезде зафиксирован только один производный глагол, образованный суффиксальным способом: *to heighten* – повышать, усиливать; делать более высоким; иногда параметрический признак модифицируется: ср. *to heighten a description* – допускать преувеличение при описании (букв.: завывать описание).

Таким образом, различия в составе отадъективных дериватов словообразовательных гнезд обусловлены многозначностью исходных слов, различными способами деривации и словообразовательными значениями, формирующими производную лексику в двух языках. Результаты анализа свидетельствуют о том, что одно и то же понятие, один и тот же фрагмент действительности в русском и английском языках получает разную словообразовательную детерминацию, то есть имеет разные формы языкового выражения. Отдельные смысловые зоны как русского, так и английского словообразовательного гнезда с вершиной «высокий» не находят отражения в коррелирующих образованиях.

Библиографический список

1. Ачаева М.С. Параметрические прилагательные «широкий / узкий» в русском и английском язы-

ках: семантика, сочетаемость и деривационный потенциал // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 3(2). – С. 35–38.

2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

3. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.

4. Тихонов А.Н. Словообразовательное гнездо как единица словообразовательной системы языка // Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 36–37.

5. Фатхутдинова В.Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2005. – 250 с.

УДК821.161.1.09

Дмитриева Анна Александровна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
anyadmitr87@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕМЬЯ» В «ВОСПОМИНАНИЯХ» А.Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Статья посвящена рассмотрению и анализу семантического поля «семья», представленного в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской двумя микрополями («родительская семья» и «собственная семья»), смысловые ряды которых отражают событийную схему развития повествования мемуаристики.

Ключевые слова: семантическое поле, микрополе, периферия, ядро, смысловые ряды, структура, семантика, архисема.

Объектом исследования является семантическое поле «семья» в «Воспоминаниях» Анны Григорьевны Достоевской – жены и помощницы писателя. Семантическое поле трактуется как «множество слов, объединённых общностью содержания, или, говоря более конкретно, имеющих общую нетривиальную часть в толковании» [7, с. 158]. В.Н. Денисенко даёт следующее определение: «Семантическое поле представляет собой сложную структуру, в которой выделяется ядро – своеобразная “яркая” часть, главная лексема, которая специализируется в виде более сложных по значению доминант (наиболее употребительные, функционально нагруженные слова), возглавляющих классы поля, и периферия, где находятся маргинальные единицы с контекстуально обусловленными значениями» [3, с. 45].

Структура и семантика поля «семья» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской отражают особенности духовной жизни и творчества писателя, а также мировоззрение, внутренний мир и специфику языковой личности автора мемуаров. Исследование анализируемого семантического поля приближает нас к пониманию того, что семья – одна из самых значимых социально-нравственных ценностей XIX века.

Рассмотрим семантику и этимологию лексемы, служащей именованием и основным компонентом

поля «семья». В новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ефремовой *семья* – ‘группа близких родственников (муж, жена, родители, дети), живущих вместе’; ‘группа, организация людей, спаянных дружбой и объединённых общими интересами’; ‘род, поколение’ [5, с. 205]. В Большом энциклопедическом словаре *семья* трактуется как «основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью» [2, с. 215]. По происхождению слово «семья» представляет собой форму собир. сущ. с суф. -ц-а > ъ-а. Русское слово «семья» имеет славянское и индоевропейское происхождение (ср. лит. šeima) и восходит к значению территориальной общности (ср. лит. zeme: земля) [10, с. 112]. В древнеславянском и древнерусском языках слово сьмия означало как семью вообще (всех членов рода, живущих совместно), так и челядь, домочадцев, холопов [6, с. 40]. Образное представление о традиционных взглядах народа на семью отражают русские пословицы: *На что и клад, когда в семье лад; Семья сильна, когда над ней крыша одна; Семья – опора счастья; Семья как дерево, которое не ломается, а только гнётся* [1, с. 98].

Структура семантического поля «семья» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской состоит из двух

микрополей: «родительская семья» и «собственная семья». Они взаимодействуют по смыслу и образуют зону перехода, что обусловлено временной динамикой перволичного повествования. Анна Григорьевна последовательно описывает свою жизнь, начиная повествование с рассказа о детстве и юности, а затем ярко характеризует семью Достоевских.

Компонентный состав микрополя «родительская семья» представлен в жизнеописании Анны Григорьевны следующими лексико-синтаксическими средствами: старуха-мать (бабушка), отец, мать, брат Ваня, сестра Мария. Перечисленные компоненты связаны по смыслу степенью родства. Автор «Воспоминаний» также объединяет описываемых людей, обозначая социальный статус своей родительской семьи: «средний интеллигентный круг» [4, с. 52]. Такое клишированное выражение было свойственно эпохе XIX столетия. Характеризуя таким образом свою семью, Анна Григорьевна имеет в виду её принадлежность к общественному слою людей «умственного труда, обладающих образованием и специальными знаниями в различных областях науки, техники и культуры» [8, с. 78]. Мемуаристка использует лексему *средний*, обращая внимание читателей на невысокое социальное положение её девичьей семьи, не принадлежавшей к высшему кругу «умственно развитой части жителей» [8, с. 78] и имевшей скромный материальный достаток.

Эмоциональная составляющая отношений в родительской семье Анны Григорьевны репрезентируется с помощью следующего контекста: «Я вспоминаю мое детство и юность с самым отрадным чувством: отец и мать нас всех очень любили и никогда не наказывали понапрасну. Жизнь в семье была тихая, размеренная, спокойная, без ссор, драм или катастроф...» [4, с. 50]. Лексико-синтаксические единицы *отрадное чувство*, *тихая, размеренная, спокойная* имеют исключительно положительную эмоционально-экспрессивную коннотацию и являются доминантами рассматриваемого микрополя, так как выполняют характерологическую функцию микрополя «собственная семья». Ярким компонентом микрополя является фразеологическая единица *сошлись характерами* (узусальная форма *не сошлись характерами* имеет значение 'отсутствие лада между супругами, кончающееся обыкновенно тем, что они разъезжаются' [8, с. 64]). В результате преобразования фразеологизм приобретает противоположный смысл, в контексте формируется позитивная оценочность: «Прожили мои родители вместе около двадцати пяти лет и жили очень дружно, так как сошлись характерами». При помощи данного ядерного конституента Анна Григорьевна стремится подчеркнуть, что члены её родительской семьи оказались духовно близкими, похожими друг на друга людьми, вот почему их семейная жизнь была счастливой и ладной.

К выражению *ладная семья* мемуаристка прибегает, когда вспоминает о гармоничной душевной атмосфере, которая царила в её родительском доме: «Я провела мою немногочисленную пока жизнь в хорошей, ладной семье, где не было никаких осложнений, никакой борьбы» [4, с. 141]. В толковых словарях русского языка находим следующие дефиниции слова *ладный*: 'подходящий, удобный'; 'хороший, дельный'; 'хорошо сложенный, статный'; 'хорошо, добротой сделанный' [9, с. 254]. В словаре С.И. Ожегова приводится такой пример репрезентации значения этой лексемы: *В семье у него всё ладно*. Словосочетание *ладная семья* выполняет в тексте книги в основном оценочную функцию, передаёт принадлежность родительской семье Анны Григорьевны к социокультурной общности с важнейшими нравственными принципами.

Обратимся к структуре второго микрополя – «собственная семья». Оно имеет расширенный компонентный состав по сравнению с составом микрополя «родительская семья». Семья классика, ставшая собственной семьёй А.Г. Достоевской, представлена следующими лицами: сестра Верочка, брат Николай Михайлович, сестра Александра Михайловна, племянница Катя, пасынок Павел Алексеевич, невестка Эмилия Федоровна, и даже прислуга Феодосья со всеми своими домочадцами была, по словам рассказчицы, «словно родной для Федора Михайловича Достоевского» [4, с. 94]. Ядром второго микрополя являются ярко выделяющиеся из всех элементов поля и наиболее функционально нагруженные лексемы *тягостно, раздражало, с досадой, всего обиднее*. И если ядерные конституенты микрополя «родительская семья» образуют синонимический ряд *тихая, размеренная, спокойная*, то доминанты микрополя «собственная семья» в вертикальном контексте расположены в восходящей градуальной последовательности.

Социальный статус семьи Ф.М. Достоевского обозначается мемуаристкой неоднозначно. Анна Григорьевна вводит его в повествование словами своей сестры Марии Сватковской: «Больной и обременённый семьёю и долгами человек!» – так оценивает будущего мужа сестры Мария, советуя «не увлекаться Достоевским» [4, с. 90]. Тема денег всегда возникает в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской при рассказе о её совместной семейной жизни с великим писателем. «Откуда бы достать деньги для уплаты процентов, житья и удовлетворения просьб его многочисленной родни» [4, с. 121], – именно таким образом жена писателя указывает на заботы, связанные с материальными трудностями, возникающими также и у неё, как члена семьи Достоевских.

В микрополе «собственная семья» выделяется целая лексико-семантическая группа слов, экспрессивно передающих внутреннее состояние рассказ-

чицы в новой семье. А.Г. Достоевская, действительно, строит своё повествование по нарастающей: если в начале характеристики в речи жены писателя можно заметить негативно окрашенное сочетание *постоянные неприятности*, дающее лишь общее представление о жизни семьи Достоевских, то с развитием событийной линии в речи Анны Григорьевны обращаем внимание на контексты, содержащие более конкретные оценки: «постоянные наставления и слегка покровительственный тон Эмили Федоровны были для меня неприятны»; «это наступившее “сплошное” гостеприимство, когда я с утра до вечера должна была “угощать” и “занимать”, было для меня очень тягостно» [4, с. 135]. Здесь в антонимические отношения вступают образ правильной, «патриархальной и гостеприимной семьи», в которой воспитывалась Анна Григорьевна, и ситуация её тягостного существования уже среди новых родственников. Высшую степень негативной оценки контекстного состава второго микрополя представляют следующие распространённые с точки зрения компонентного состава лексемы из главы «Домашние враги»: *надоедливое присутствие неинтересных для меня лиц, вечное беспокойство, натянуты нервы*. Все приведённые лексемы являются контекстными синонимами, а морфологические средства (приставка не-, выражающая отрицание, приставка бес-, указывающая на отсутствие чего-либо) и аллитерация во фразеологической единице *натянуты нервы* репрезентируют главную мысль героини – невозможность формирования в создавшихся условиях «ладной семьи», о которой она так часто вспоминает. Микрополе «собственная семья» можно обозначить как динамически развивающееся. И если в третьей части книги, названной «Первое время семейной жизни», действительно, оценочные языковые единицы группируются вокруг доминанты *обида*, то в главе «Избавление», по словам рассказчицы, происходит «поворот в благоприятную сторону» [4, с. 144]. А вскоре, в четвертой части – «Пребывание за границей», в индивидуально-авторской речи Анны Григорьевны прослеживаются иная коннотация и эмоциональность. Именно в этой смысловой части микрополя «собственная семья» появляется личная тема – тема любви, тональность которой выражается, безусловно, с помощью лексики, даже манеры супругов называть друг друга. После того как Анна Григорьевна решает «спасти их любовь» поездкой за границу, на страницах книги появляются бесчисленные обращения, пропитанные исключительной нежностью: *голубчик мой дорогой, Анечка, прелестная, чудная, Анечка, мой дорогой муж*.

Таким образом, семантическое поле «семья» представлено двумя микрополями, которые связаны одной архисемой ‘семья’. Смысловые ряды, проанализированные нами, во-первых, с точностью выражают степень родства компонентов каждого из микрополей, во-вторых, говорят о социальном статусе рассматриваемых семей, а также дают эмоциональную характеристику выделенных нами микрополей «родительская семья» и «собственная семья». Проанализировав языковые единицы микрополей и смысловые отношения в лексико-семантических группах, можно сделать вывод о том, что первое микрополе представлено в статике, а второе – в смысловой динамике. Микрополя имеют центрально-периферийную организацию и накладываются друг на друга, образуя смысловое пересечение – зону перехода. Между собой микрополя постепенно развивающегося семантического поля «семья» в «Воспоминаниях» А.Г. Достоевской находятся в антонимических отношениях. Согласно указанной доминантной и периферийной лексике, образующей семантическое поле «семья», событийную схему развития повествования и структуру исследуемого поля можно представить следующим образом: «упование на счастье» – «обида» – «избавление».

Библиографический список

1. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. – М.: Худож. лит., 1988. – 250 с.
2. Большой энциклопедический словарь. – М.: АСТ, 2008. – 554 с.
3. Денисенко В.Н. Семантическое поле как функция // Филологические науки. – 2002. – № 4. – 65 с.
4. Достоевская А.Г. Воспоминания. – М.: Правда, 1987. – 544 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Дрофа; Рус. яз., 2000. – 1233 с.
6. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: Издат.-маркетинговый центр (ИМЦ) филол. фак-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. – 326 с.
7. Кронгауз М.А. Семантика: учеб. для вузов. – М.: Рос. гос. гуманит. университет, 2001. – 399 с.
8. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. – Т. 1. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук, 1903 (или 1904)]. – [4], VIII, 779 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – Т. 2. – М., 1999. – 560 с.

О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЯДЕРНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ
ПОВТОРНОСТИ ДЕЙСТВИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, функционально-семантическое поле повторности действия состоит из ядра и периферии. Если ядро представлено грамматическими средствами, то на периферии находятся все неграмматические средства. Данная статья является попыткой рассмотреть грамматические средства выражения повторности глагольного действия в английском языке, которые строятся при помощи вспомогательных глаголов *used to* и *would*.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, предикатная множественность, повторность глагольного действия.

Функционально-семантическая категория глагольной (предикатной) множественности представлена в различных языках, но изучена в разной степени. Глагольная множественность есть языковое отражение философской категории количества, и часто данное понятие рассматривается как часть аспектуальной, видовременной проблематики. В отличие от функционально-семантического поля (далее ФСП) аспектуальности, которая охватывает грамматическую категорию вида, лексико-грамматическую категорию видового характера глагола и семантическую категорию способов действия, ФСП множественности глагольного действия включает лишь один из способов действия – повторность и итеративность действия и разноразличные средства их выражения.

Еще раз подчеркнем, что понятие предикатной множественности включает в себя такие понятия, как *внешняя множественность действия (или повторность)*, которая тесно связана с категорией времени, и *внутренняя множественность (или итеративность)*, которая тесно связана со способами глагольного действия.

Глагольная множественность обладает своим разноразличным арсеналом средств выражения. Однако в данной статье мы поставили целью выявить, включает ли ядро ФСП множественности глагольного действия английского языка лишь граммемы повторности и итеративности действия, или оно имеет план своего выражения, то есть грамматические средства выражения указанных грамматических значений. На наш взгляд, ядро ФСП множественности глагольного действия не аномально, то есть граммема повторности действия имеет свое грамматическое оформление, которое представляет собой аналитическую конструкцию.

К грамматическим средствам выражения повторности действия мы относим конструкции *used to / would* + инфинитив, выражающие повторность глагольного действия в прошлом.

В грамматике «Longman Grammar of Spoken and Written English» приводится следующее определение конструкции *used to*: «*Used to* marks past habitual behavior or a past state; this semi-modal is particularly common in conversation» [8, с. 490].

С точки зрения авторов данной грамматики, аналитическая форма *used to* входит в группу *marginal auxiliary verbs* и называется *semi-modal* (полумодальный глагол). Однако некоторые учебники грамматики отрицают модальный статус данной конструкции и трактуют ее не как составное модальное сказуемое, а как составное **аспектное** или **фазовое** сказуемое [см. напр.: 4, с. 349–350]. Называя эту конструкцию аналитической формой, мы отказываемся трактовать её как **составное** глагольное сказуемое и относим её, как и другие аналитические формы английского глагола, к простым глагольным сказуемым. Существуют два варианта отрицательной и вопросительной формы *used to*:

1) auxiliary construction (without do):

Gentlemen **used not to** ['ju:sn't] have any traffic.

Did you **used to** play tennis?

2) Lexical verb construction (with do): We **didn't**

used to see much of it.

Обратим внимание на то, что в грамматике «Longman Grammar of Spoken and Written English» при употреблении *did* форма *used to* не теряет свое окончание *-ed*, в то время как Ф. Р. Пальмер приводит примеры, где при употреблении *did* окончание *-ed* опускается:

He didn't use to act like that. Did he use to act like that? He did use to act like that [11, с. 170].

Как видим, аналитическая форма *used to + infinitive* имеет разные формы своего выражения отрицания и вопроса. Как пишет А. С. Хорнби, «USED входит в число 24-х особых форм. Отрицательная его форма **usedn't** ['ju:sn't], а вопросительная – **used we** (he, she и т.д.)» [2, с. 24]. В расчленённых вопросах и кратких ответах *used* часто заменяется глаголом *did*.

You used to live in Leeds, use (d) n't (или didn't) you?

A: Brown used to live in Leeds.

B: Oh? Did he? (Oh, used he?) [2, с. 24]. Как видно из примеров, глагол **use** выполняет функцию вспомогательного глагола, как, например, глагол *have* в перфектных формах. Р.А. Клоуз тоже вводит **used to** и **use(d)n't** ['ju:sn't] **to** в класс «операторов» (operators), куда входят все вспомогательные глаголы [5, с. 17–18]. Это наводит на мысль

о том, что в системе видовременных форм английского глагола есть ещё одна аналитическая конструкция – аналитическая форма повторности действия. Возможно, эта категория находится между категориями времени и вида и не входит в систему видовых форм английского языка.

Однако такие отрицательные конструкции редко встречаются в английском языке, они часто заменяются наречием *never* совместно с глаголом в утвердительной форме, так как в английском предложении возможно только одно отрицание, например: *He never used to come alone*. Что касается вопросительной формы, более употребительными формами как в американском, так и британском варианте английского языка являются вопросы с *did* (*Did I use to...?*).

Обратим внимание на два предложения, которые приведены А. Даунинг в «English Grammar. A University Course» в качестве примеров для сравнения простого прошедшего времени с конструкцией *used to*.

Предложение *She visited us* дано в простом прошедшем времени, и нет таких дополнительных указателей, как наречия частоты *sometimes*, *usually*, *normally*, *twice a week* и т.д. Неясно, то ли действие завершилось, то ли нет. На русский язык данное предложение можно перевести или глаголом совершенного вида, или глаголом несовершенного вида – *она навещала нас*, *она навестила нас*. В предложении *She used to visit us* употреблена конструкция с *used to*, а значит, подразумевается только один вариант – *она посещала*, то есть действие происходило в прошлом неоднократно, но в настоящем оно не происходит. И нет необходимости подчеркивать другими средствами – такими как *any more*, *not any longer*, *no longer* [7, с. 377]. Значит, *used to* в сочетании с инфинитивом переводится на русский язык при помощи глагола в форме прошедшего времени несовершенного вида [1, с. 122].

Конструкция *used to* может использоваться для описания отдельных фактов или общих положений, которые раньше являлись истинными, но больше таковыми не являются. При переводе на русский язык часто добавляются слова *раньше*, *прежде* и т.п.

Приведем еще несколько примеров из художественной литературы.

The very sharpness of the contrast used to quicken his sense of pleasure [12, с. 148]. *He used to stand and look at it and it filled him with bliss* [9, с. 211]. *This was so much the more curious, because the child didn't like him, but used to shrink away from him...* [6, с. 173]. *We used to call him Patsy* [9, с. 68]. *We used to wangle it so that we could get our leave together* [9, с. 69]. *Don't you remember how we used to talk about travelling all over the world together* [9, с. 93]. *I used to sit at home in an agony of fear* [9, с. 211]. *He used to come to the studio and sit while I was posing* [9, с. 232]. *Clement used to say this was*

a case of envy [10, с. 43]. *We used to laugh at each other across restaurants and suddenly and mysteriously during rehearsals* [10, с. 58]. *Aunt Estelle had a pretty little singing voice and used to chant the songs of the first war and the latest romantic song-hits* [10, с. 68]. *He used to hold my hand and hold me on his knee* [10, с. 175]. *I kissed her gently, briefly, on the familiar mouth, as we used to kiss* [10, с. 221]. *He used to go to evening classes* [10, с. 236]. *Lizzie and I used to talk about that* [10, с. 253]. *Remember the hole in the fence I used to look through when we lived at number sixty-seven?* [10, с. 306]. *We used to talk about that, didn't we* [10, с. 311]. *She used to play cricket at school* [10, с. 358].

Если следовать терминологии А. Б. Шлуинского, в данных примерах представлена хабитуальная конструкция *used to* в стандартном хабитуальном значении. Она описывает ситуацию, имевшую место регулярно в прошлом. «Хабитуальное значение – центральный случай внесобытийной предикатной множественности. Внесобытийная множественность подразумевает повторение сходных, но притом отдельных друг от друга событий, имеющих место в некоторые отдельные периоды времени. Объектом “счета” при данном типе множественности являются ситуации, каждая из которых имеет свою начальную и конечную точку» [3, с. 48].

Иногда грамматическая форма повторности действия может быть акцентирована лексико-контекстуальными средствами, например:

When I was in Paris we used to lunch together; sometimes at his apartment and sometimes at a restaurant [9, с. 16]. *Until you came here I used to go to him three evenings a week* [9, с. 88]. *At one time I used to go to Paris every year; but I kept to the Grands Boulevards* [9, с. 130]. *On Saturday nights he used to get drunk* [9, с. 135]. *The fare was famous, and on Sundays people used to drive from here and there to lunch with abandon, but on weekdays their peace was seldom disturbed* [9, с. 234]. *Larry swam in the river every morning and I used to watch him* [9, с. 237].

Данные предложения повествуют о завершённых действиях (событиях), происходящих в прошлом и не имеющих места в настоящем. Однако, помимо грамматического средства, выраженного конструкцией *used to*+инфинитив, в вышеприведённых предложениях также использованы лексико-контекстуальные средства определённой (on Saturday nights, three evenings a week, every year, on Saturday nights) и неопределённой повторности (sometimes), подчеркивающие, как часто то или иное действие имело место быть в прошлом.

А.Б. Шлуинский в своей статье также приводит пример с конструкцией *used to*, где при помощи неё описывается единичная индивидуальная ситуация.

I used to think that the BBC was the Voice of God [3, с. 49].

Несколько примеров из литературы:

*He **used to** wonder at the shallow psychology of those who conceive the Ego in man as a thing simple, permanent, reliable, and of one essence* [12, с. 164]. *This habit, which **used to** worry me, later became a kind of trade mark* [10, с. 41].

В данных предложениях инфинитив передает не действие, а состояние, мыслительный процесс, поэтому исследуемая конструкция имеет определенный модальный оттенок.

Рассмотрим ещё одну конструкцию *would + инфинитив*, выражающую множественное значение.

*He **would** cycle to school on fine days and **would** take the bus only when the weather was bad* (В хорошие дни он, бывало, ездил в школу на велосипеде, а в автобус садился только в плохую погоду).

*She **would** often come home tired out* (Она часто приходила домой совершенно выбившись из сил).

*Sometimes the boys **would** play tricks on their elder brother* (Иногда мальчики подшучивали над своим старшим братом) [2, с. 154]. *He **would** make that wonderful spirit his own* [12, с. 46]. *He **would** examine with minute care the hideous lines that seared the wrinkling forehead...* [12, с. 148]. *Men **would** whisper to each other in corners...* [12, с. 163]. *...the child **would not** even put out her hand to him without coaxing from others* [6, с. 173]. *She **would** spend an hour a day 'doing her face'* [12, с. 43]. *People **would** go mad without God, **wouldn't** they* [10, с. 311].

В перечисленных примерах «для выражения действий, происходивших время от времени в прошлом, употребляется сочетание глагола *would* с инфинитивом без частицы *to*» [2, с. 151]. *Would* подчеркивает, что действия в прошлом происходили снова и снова. На русский язык переводится наречие *обычно*, вводным словом *бывало* или не переводится совсем. В литературе *would* часто имеет значение обычности и даже неизбежности действия, которое выражено сочетающимся с ним инфинитивом глагола. *Would* также нередко используется в воспоминаниях с оттенком ностальгии по прошлому, которое так хотелось бы вернуть. В данном случае русское «бывало» как раз и передает тот самый оттенок.

Важно отметить, что конструкция *would* с инфинитивом, в отличие от предыдущей конструкции, обозначает только повторяющиеся действия, а не состояния [4, с. 182].

В заключение можно сказать, что ядро ФСП повторности глагольного действия представлено в английском языке аналитической конструкцией *used + infinitive* смыслового глагола с маркером *to*. Конструкция *would + инфинитив смыслового глагола без маркера to* тоже представляется нам синонимом первой конструкции, однако, в отличие от нее, не употребляется с глаголами для выражения мыслительных процессов и состояний. Возможно, мы здесь имеем дело со случаем транспозиции, когда модальный глагол *will* (хотеть, желать) частично меняет свою модальную функцию и становится вспомогательным глаголом аналитической конструкции, выражающей повторность действия.

Библиографический список

1. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка. – М.: Юнвес, 2003. – 548 с.
2. Хорнби А.С. Конструкции и обороты английского языка: пер. с англ. А.С. Игнатъева. – М.: АО «Буклет», 1992. – 336 с.
3. Шулинский А.Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. – 2006. – № 1. – С. 46–75.
4. A New University English Grammar / О.В. Емельянова, А.В. Зеленщиков, Е.С. Петрова и др. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2003. – 640 с.
5. Close R.A. A Reference Grammar for Students of English. – М.: Prosveshcheniye, 1979. – 342 p.
6. Dickens Ch. Short Stories. – Новосибирск.: Сиб. унив. изд-во, 2007. – 266 с.
7. Downing A. English Grammar. A university Course / A. Downing, Ph. Locke. – L.: Routledge, 2006. – 640 p.
8. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – L.: Longman, 2000. – 1204 p.
9. Maugham W.S. The Razor's Edge. – СПб: КАРО («Classical Literature»), 2012. – 416 с.
10. Murdoch I. The Sea. – New York: Penguin Book, 1980. – 517 p.
11. Palmer F.R. The English Verb. – L.: Longman, 1988. – 288 p.
12. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. – L.: Cox & Wyman Ltd, 1994. – 256 с.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЭМОТИВНО ОКРАШЕННЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена изучению особенностей употребления фразеологизмов с эмотивным значением русскими и советскими писателями литературы для детей.

Ключевые слова: эмоции, эмотивность, фразеологический оборот, детское чтение.

Эмоции являются важнейшим компонентом разума, мышления, языкового сознания человека. Эмоции социологизированы и психологизированы и составляют значительный фрагмент картины мира носителей любой лингвокультуры. При помощи категории эмотивности язык выражает психологические, эмоциональные переживания и состояния через особые единицы языка (эмотивы). В центре научных интересов лингвистов, а в особенности исследователей эмотиологии, находятся такие проблемы, как проблема номинации эмоций средствами языка, проблема изучения текстообразующего потенциала эмоций, проблема типологии эмотивных знаков.

Когнитивные аспекты эмоций, их концептуализация, лексическая репрезентация и механизмы лингвистического описания являются предметом многих научных изысканий (В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.М. Вольф, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, М. Джонсон, Н.В. Дорофеева, С.В. ИONOва, Л.Н. Иорданская, З. Кёвечес, Н.А. Красавский, Г.И. Кустова, Дж. Лакофф, Е.К. Лебедева, Е.Ю. Мягкова, Д.А. Романов, Т.А. Трипольская, В.И. Шаховский, Е.В. Урысон и др.). Вместе с тем многие вопросы требуют более детального рассмотрения.

Эмоции имеют двоякий способ обнаружения. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речь говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок. Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобно любой другой конкретно наблюдаемой реальности (Л.Г. Бабенко, В.Г. Гак).

Попытки классификации и систематизации лексики с семантикой чувств и эмоций в русистике начинаются с работ Л.М. Васильева, Е.В. Мыльниковой, продолжаются в работах Ю.Д. Апресяна, Л.Г. Бабенко, В.И. Шаховского и авторов «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» (О.Ю. Богуславская, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон) и др. В результате разных классификаций исследователи пришли к выводу, что «диффузность границ эмоций и чувств не позволяет создать их исчерпывающую классификацию и тем самым является осно-

вой для целостного представления в лингвистике в качестве формы отражения отношения человека к предметам и явлениям окружающего мира, способа оценки их личностной значимости для него» [6, с. 43].

Предполагается, что в сознании человека эмоции (эмоциональные состояния) существуют как образные представления в виде определенных когнитивных схем, репрезентирующих базовые эмоциональные ситуации. Когда человек описывает свои переживания или переживания других, образные когнитивные сценарии эмоций активизируются и реализуются в лексике и фразеологии.

В своей работе «Фразеология современного русского языка» Шанский дает следующее определение: «Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [12, с. 23]. Вслед за Шанским мы полагаем, что основным свойством фразеологического оборота является его воспроизводимость, так как «фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы» [12, с. 34]. Так, фразеологизмы «за тридевять земель», «след простыл», «нечем крыть» и др. извлекаются из памяти целиком.

Фразеологизмы круга детского чтения характеризуются разнообразием стилей. Среди рассматриваемых фразеологических единиц нашего материала наиболее представлена в количественном отношении разговорная фразеология: *кошки на сердце скребут, ерунда на постном масле, пальцы (пальчики) оближешь, впасть в отчаяние, из кожи (вон) лезть (вылезать), выйти из терпенья* и др. В значительно меньшей степени представлены просторечные фразеологизмы: *дать реву, давать (задавать) / дать (задать) стрелача (стрелка), без задних ног, благим матом.*; грубо-просторечные: *белены объесться, выжить из ума (из ума выжить), во всю глотку, черт вас подери, пропадите вы пропадом, с катушек скатиться* и др. Эмоционально-экспрессивная характеристика фразеологизмов тесно связана с их отнесенностью к определенному функциональному стилю. Наиболее представлены в количественном отношении фразеологизмы негативной окраски – неодобритель-

ные: *морочить голову, задира́ть нос, плевать на всех* и др.; ироничные: *мух считать, зевать по сторонам, остаться в дураках, исходить слюной* и др.

Выражая свое состояние посредством фразеологических единиц, человек соотносит фразеологический образ с каким-либо явлением окружающей действительности. Обычно эта реальность хорошо известна каждому носителю языка. Так возникают когнитивные модели, построенные на уподоблении чувств различным явлениям природы, живым существам, стихиям. Состояние человека, вызванное какой-либо неожиданностью, отождествляется с таким явлением природы, которое возникает внезапно либо характеризуется скоростью, силой, энергией. Например, фразеологизм «каким ветром занесло» выражает удивление по поводу неожиданного появления кого-либо. Гроза, как стихийное природное явление, ненастье, сопровождающееся дождем, громом, молнией, лежит в основе фразеологического образа единиц, обозначающих состояние гнева, раздражения, негодования: *разрази (порази) тебя (его, ее, вас, их) гром (громом)* – выражение возмущения, негодования, удивления.

Ассоциативное представление о холоде как факторе, соотносимом с определенным состоянием человека, также может служить образно-мотивационной идеей фразеологических единиц. Так, фразеологизмы «мороз по коже дерет (подирает, продирает), бросает в дрожь» в первую очередь являются характеристикой такого состояния, когда от внезапного сильного волнения, страха ощущается озноб.

Вовлечение фразеологизмов как выразительных языковых средств в художественные тексты для детей связано с творчеством А.С.Пушкина. Он вводит фразеологизмы в прозаические и стихотворные тексты, в речь персонажей и авторскую речь. Пушкин является одним из первых русских писателей, трансформирующих фразеологические обороты или употребляющих их в необычном контексте, что способствует видоизменению, расширению значения фразеологизма. Например, в «Сказке о попе и о работнике его Балде» Пушкин структурно-семантически преобразовывает фразеологическое выражение «плясать под чью-либо дудку», заменяя один компонент на слово того же предметного круга:

Держит Балда за уши одного зайку:

Попляши-тка ты под нашу балалайку [9, с. 13].

В советской литературе эту традицию творческого использования богатств русской народной речи активно поддерживали М. Горький, М. Шолохов, К. Паустовский, А. Твардовский, В. Шукшин. Её продолжают В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин.

Например: «Когда-то в наш город был сослан декабрист Фонвизин. С его жены генеральши Фонвизиной Пушкин будто бы свою Татьяну писал. Мама там *десятая или двадцатая вода на киселе*, но всё равно гордится своим происхождением» [3,

с. 32]. В. Астафьев структурно и семантически преобразовывает фразеологический оборот «седьмая вода на киселе», придавая фразеологизму особую прагматическую направленность.

Выразительный эффект, привносимый фразеологизмом, существенно возрастает, если автор обыгрывает буквальный смысл его компонентов, изменяет его лексический состав, включает его в новые, необычные для него сочетания. Все стилистические особенности фразеологических единиц делают их активным средством языковой выразительности.

Писатели часто творчески преобразуют фразеологические обороты, восстанавливая или усиливая в них образность, особенно при выражении иронии, юмора, придавая оборотам новое речевое содержание, сохраняющее связь с первоначальным значением.

Например:

Ты *морочить* мне *мозги*

Даже думать не могли [11, с. 23].

(Л. Филатов, «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца»)

Компонент *мозги* – идентичный по значению с компонентом *голова* элемент фразеологизма. Поэтому Л.Филатов смело производит их замену, не нарушая семантики фразеологической единицы (морочить голову – сбивать с толку, намеренно вводить в заблуждение; приставать с глупыми вопросами или пустяками; обманывать, дурачить кого-либо). При этом ярче проявляется эмоционально сниженная окраска компонента фразеологизма.

Под окказиональными (индивидуально-авторскими) преобразованиями фразеологических единиц мы понимаем творческое изменение (трансформацию) семантики или структуры фразеологической единицы с определенной стилистической целью.

Типы контекстуальных трансформаций фразеологических единиц рассматриваются в работах таких ученых, как Л.К. Байрамова, Н.Л. Шадрин, А.А. Эльгаров, Е.Ф. Арсентьева, С.И. Вьяльцева, Э.И. Халатникова, С.П. Волосевич, А.М. Мелерович, И.Ю. Третьякова, М.А. Фокина и др.

Под трансформацией фразеологической единицы понимается необычное, лишенное автоматизма использование фразеологической единицы с изменением формы и содержания (в одном случае семантические изменения являются явными, в другом – изменение формы слегка преобразует семантику фразеологической единицы). При этом происходит приспособление фразеологизма к требованиям контекста.

Таким образом, замена или видоизменение одного или нескольких компонентов фразеологизма возникает в связи с потребностью обновить фразеологическую единицу, что заостряет внимание на уже шаблонизированном образе. Актуализация этого образа позволяет повысить экспрессивность

фразеологизма и добиться большего эмоционального воздействия на читателя. Часто такой образ становится частично или полностью имплицитным, но легко восстанавливается в контексте.

Исследование художественных произведений современной литературы позволяет определить основные приемы индивидуально-авторской обработки и употребления фразеологических оборотов:

1. Фразеологическая единица без трансформации лексического и грамматического состава.

ФЕ *белая ворона*

– Вы, Иван Петрович, простите меня, *белая ворона!*.. Если вы, как я уже сказал, *белая ворона*, то я, может быть, старый Филин, или Сыч, или даже Дятел, который на старости лет с ума спятил (С. Михалков, «Находчивые») [8, с. 8].

Оборот *белая ворона* чаще всего употребляется в значении метафорического фразеологизма, в данном случае следует многократное обыгрывание данной фразеологической единицы.

2. Фразеологическая единица с трансформацией грамматического состава:

* Прием сокращения компонентного состава ФЕ (эллипсис).

ФЕ *яблоко (яблочко) от яблони недалеко падает*

– Поразительно! – говорила бабка. – Не знать своих родных даже до второго колена! Кончится тем, что вы родителей знать не будете! Да только от *яблоньки-то яблочко*, от елки-то шишка (М. Рощин, «Бабушка и внучка») [7, с. 820].

Фразеологический оборот *яблоко (яблочко) от яблони недалеко падает* несет в себе неодобрительное отношение к тем людям, которые наследуют отрицательные черты, пороки своих предков. Автор сокращает фразеологический оборот, но при этом основная семантика не изменяется. Здесь, несмотря на исключение предиката в предложении, явно проступает его оценочный характер.

* Замена одного компонента фразеологизма другим, со сходным, часто синонимичным значением.

ФЕ *после дождичка в четверг*

Опосля дождя в четверг

Дам ишо медальку сверх [11, с. 43].

(Л.Филатов, «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца»)

Фразеологизм *после дождичка в четверг* (неизвестно когда; никогда) изменен структурно вследствие замены компонентов «после-опосля». Новый компонент несет в себе просторечный, разговорный характер, что приводит к эмотивно-оценочному снижению высказывания; речь персонажа отличается ярко выраженной народностью. Что касается значения новой фразеологической единицы, то оно остается тождественным исходному значению фразеологизма.

3. Фразеологическая единица с трансформацией структуры и семантики.

* Добавление к исходному составу фразеологизма новых слов.

ФЕ *разбитое сердце*

Тогда хозяйка, недолго думая, выставила Тобику за дверь. Не могла же она держать двух животных сразу. И ее сердце в пять минут не разбилось от жалости. Не разбилось оно и в шесть минут и даже в девяносто восемь. Наверное, оно вообще никогда не разобьется [10, с. 28] (Э. Успенский, «Крокодил Гена и его друзья»).

Автор структурно-семантически преобразует фразеологизм, при этом утвердительная форма исходного фразеологизма *разбитое сердце* переходит в отрицательную. Многократное обыгрывание ФЕ придает ей некую ироническую направленность и ярко выраженный народный разговорный характер.

* Замена части узуального фразеологизма окказиональным фрагментом.

ФЕ *работать, трудиться в поте лица*

Целый день генерал

Ум в кулак собирал.

Всё кумекал в поте лица

Как избавиться от стрелца [11, с. 15].

(Л. Филатов, «Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца»)

В данном примере происходит замена глаголов, вследствие чего частично меняется семантика фразеологической единицы: от узуального оборота берется наиболее широкое, обобщенное значение «с большим усердием», а в окказиональной части сосредоточивается более узкое, конкретное, актуальное содержание «думал».

В результате разнообразных трансформаций, связанных со структурно-семантической актуализацией компонентов, фразеологическая единица становится органической частью текста, тесно сплетается с лексическим окружением. Однако при этом преобразованная фразеологическая единица не отрывается полностью от исходного фразеологизма, поскольку окказиональная ФЕ должна быть понята читателям-детям. Поэтому ключом к правильному восприятию и интерпретации авторской фразеологической единицы служит общеупотребительная единица.

В детской литературе широко используется народно-разговорная фразеология с эмотивным содержанием и яркой эмоциональной окраской. Многие из этих фразеологизмов редко используются в современной речи и поэтому требуют пояснения посредством синонимических замен. Это подтверждается наблюдаемыми нами многократными употреблением фразеологических единиц в отдельных сказках, рассказах для детей разных жанров.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Академия, 2002. – 392 с.

2. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
3. Астафьев В.П. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Мол. гвардия, 1979. – 493 с.
4. Гераскина Л. В стране невыученных уроков. – М.: Всесоюзное творческое объединение «Киноцентр», 1988. – 20 с.
5. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 159 с.
6. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М.: Изд-во «Языки славянской культуры», 2001. – 865 с.
7. Крючкова Н.В. Концепты возраста (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 258 с.

8. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.
9. Михалков С. Находчивые. – М.: Дет. лит., 1984. – 39 с.
10. Пушкин А.С. Сказка о попе и о работнике его Балде. – М.: Малыш, 1972. – 24 с.
11. Успенский Э. Крокодил Гена, Чебурашка и другие. – СПб.: Торгово-издательское товарищество «Комета», 1993. – 176 с.
12. Филатов Л.А. Про Федота-стрельца, удалого молодца. Сказка для театра (по мотивам русского фольклора). – М.: Эксмо-Пресс, 2006. – 136 с.
13. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

УДК 94(4)

Хохлова Ирина Викторовна

Московский городской педагогический университет
irinachochlova@gmail.com

МЕТАФОРЫ В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ (на примере сообщений о беженцах в период «Арабской весны»)

В данной статье рассматриваются особенности метафорической репрезентации иммиграционных процессов на материале немецких онлайн-изданий в период серьезных политических и социальных изменений в арабских странах, спровоцировавших приток иммигрантов на территорию Европы.

Ключевые слова: иммиграция, беженцы, медиадискурс, метафора, репрезентация иммиграции, политическая метафорика.

Миграционный дискурс, основной темой которого является сложный социальный, экономический, культурный и политический процесс иммиграции населения, без сомнения, находится на стыке с политическим дискурсом, который стал объектом пристального внимания в рамках современных лингвистических исследований.

Рассматривая миграционный дискурс как часть политического, можно полагать, что многие признаки и особенности последнего также в той или иной мере присущи первому. Не последнюю роль в формировании мнения и восприятия окружающего мира реципиента в политическом дискурсе играет метафора, которую принято рассматривать как когнитивно-дискурсивный феномен и «основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира» [2].

Изучением метафоры в миграционном дискурсе на материале немецких текстов занималась немецкая исследовательница Карин Беке еще в конце 90-х годов прошлого века. Она достаточно подробно рассмотрела особенности метафорической репрезентации миграционных процессов в дискурсе печатных СМИ [4]. В 2002 году О. Санта Ана [7, с. 215–326] рассмотрела метафорические особенности репрезентации иммиграции на материале

американской прессы и выделила три группы метафор: окказиональные, вторичные и доминантные, которые также упоминают Э.В. Будаев и А.П. Чудинов в своей обзорной статье «Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации» [1].

Полагая, вслед за А.П. Чудиновым, что активное использование метафор, называемое периодами «метафорических бурь», является следствием различного рода политических изменений и некой нестабильности в мировой политике [3, с. 137], интересным представляется рассмотрение миграционного дискурса в период революций в арабских государствах, повлекших за собой эмиграцию населения в европейские страны. События ранней весны 2011 года, вошедшие в историю как «Арабская весна», потрясли все мировое общество и стали одной из самых актуальных и популярных тем в СМИ Германии, акцент в которых делался не столько на смене политической власти в странах Ближнего Востока и Северной Африки, сколько на последствиях, спровоцировавших массовую миграцию из этих государств на территорию Европейского Союза. Несмотря на то что основное количество иммигрантов прибывало в это время на территорию Италии, процесс этот затронул все европейские страны, члены ЕС, которые были вовлече-

ны в политическую дискуссию о правах и статусе, о положении и состоянии, о настоящем и будущем данной категории людей. Все эти спорные вопросы стали предметом обсуждений на различных встречах, переговорах политических деятелей ЕС, чьи цитаты и мнения были прокомментированы в СМИ Германии, создавая при этом материал для данного исследования.

Анализируя статьи в период с января по август 2011 года (материалом для исследования послужили около 80 статей интернет-газет *Spiegel-Online*, *die Zeit*, *die SDZ*), мы хотели установить, каковы особенности метафоризации иммиграционных процессов именно этого периода.

Как известно, процесс категоризации метафор является интерпретативным актом, и в этой связи могут возникнуть трудности с распределением и определением границ той или иной группы метафор. Существуют различные возможности выделения групп, например на основе семантического значения (водная метафора), концептуального (метафоры движения) или на основе прагматического аспекта (метафоры угрозы) [4, с. 186]. Выбор в пользу одного из данных параметров происходит исходя из целей исследования, но окончательным становится только после рассмотрения и анализа отдельных метафор. Для данного исследования особый интерес представляет прагматический потенциал метафор в иммигрантском дискурсе, и, таким образом, в результате категоризации на основе прагматических характеристик было выделено несколько основных групп.

В первую очередь стоит упомянуть группу метафор, связанных непосредственно с самим процессом иммиграции. Наиболее частотным при репрезентации миграционных процессов в данный период является метафорический концепт «УГРОЗЫ/ОПАСНОСТИ», который реализуется двумя группами метафор. Данные группы можно определить по семантическому признаку, основываясь на сферах-источниках, вслед за Карин Беке [5, с. 131], а именно метафоры из сфер «воды» и «войны», которые служат представлению иммигрантов как массового движения. „*Der Strom*“, „*der Zustrom*“ и их различные варианты: „*der Flüchtlingsstrom*“, „*der Strom der Migranten*“ относятся к самым старым и базовым метафорам в миграционном дискурсе, которые также активно используются и в этот период. Целью данных метафор является представление иммиграции как постоянного, непрерывного движения людей, в то время как метафора „*die Welle*“ (также представленная в различных модификациях) встречается реже и служит для передачи активного увеличения количества иммигрантов. С одной стороны, данный факт кажется странным, учитывая ажиотаж, который был вызван стремительным увеличением числа иммигрантов в Италии. С другой стороны,

такое распределение метафор свидетельствует о стремлении подчеркнуть не количество иммигрантов, а непрерывность и длительность процесса иммиграции, что может быть гораздо менее желательным для Германии, чем кратковременное увеличение числа беженцев, учитывая ее нежелание принимать иммигрантов на своей территории.

Также идет речь о цунами („*der menschliche Tsunami*“), сила и последствия которых внушают страх и ужас: „...*bezeichnete Berlusconi die Flüchtlingskrise als "menschlichen Tsunami" und rief die EU zur Hilfe auf*“ (11.04.2011, *die Zeit*). В то же время политики Германии убеждены, что итальянские власти нагнетают обстановку и прибегают к преуменьшению, достигая его путем авторской метафоры также водной тематики, называя иммиграционные процессы ручейком („*ein Rinnsal*“), в сравнении с тем количеством иммигрантов, которые приняла Германия в последние годы: „*Im Vergleich dazu sind die Bootsflüchtlinge, die gegen Europa aufbrechen, keine »Welle«, sondern ein Rinnsal*“ (14.05.2011, *die Zeit*). Эти примеры демонстрируют, насколько разным является восприятие сложившейся ситуации политиками двух стран – Италии, оказавшейся в эпицентре событий, и Германии, желающей остаться в стороне. Также итальянские политики говорят о массовом переселении, обращаясь к библейским источникам как сфере-донору метафор: „*der Massenexodus (biblischem Ausmaßes)*“, „*biblische Fluten*“: „*Es könne zu einem Massenexodus aus Nordafrika kommen*“ (10.04.2011, *Spiegel Online*). Также встречается, но гораздо реже, метафора ветра, символизирующая свободное и неконтролируемое передвижение мигрирующих людей: „*Den Wind*“, *sagt ein Grenzschützer auf Lampedusa*, „*kann man auch nicht aufhalten*“ (13.03.11, *die Zeit*).

Прагматический концепт «УГРОЗА/ОПАСНОСТЬ» представлен в этот период также метафорами военной тематики: „*der Ansturm*“ и его композитными образованиями в сочетании с эпитетами, придающими еще более угрожающий характер (*massiver, dramatischer, stark anschwellender*): „*Ansturm aus Tunesien*“ (14.02.11, *der Spiegel*), „*Die Europäische Union sieht den dramatischen Flüchtlingsansturm auf die italienische Insel Lampedusa mit extremer Besorgnis*“ (14.02.11, *der Spiegel*). Реже, но также были отмечены метафора вражеского вторжения „*die Invasion*“, которая впервые появилась в дискурсе о политических беженцах в середине XX века [5, с. 134]: „*Italien droht nach den Worten Maronis eine "Invasion von 1,5 Millionen Menschen", die das Land in die Knie zwingen würde*“ (14.02.11, *die Zeit*). Так как эта метафора имеет долгую историю и с течением времени утратила метафорическую яркость, авторы высказываний прибегают к дополнительным метафорам в рамках одного текста. В данном примере

подчеркнут угрожающий характер подобного рода вторжения иммигрантов, которые «способны поставить страну на колени».

Ко второй группе были отнесены метафоры, служащие для осмысления и представления Европы в контексте сложившейся ситуации. Известная оппозиция в политическом и, в частности, в миграционном дискурсе «СВОИ-ЧУЖИЕ» реализуется также с помощью метафорической репрезентации Европы, а точнее Европейского союза, как замкнутого помещения, в котором нет места для «чужих». Метафоры данного типа можно отнести к одной категориальной группе «закрытой обособленной территории». Так, наиболее частой стала метафорическая модель «ДОМ/ЗДАНИЕ», которая реализуется при помощи лексем „die Tür“: „...er sei dafür, dass die **europäische Tür** geöffnet wird“, damit Italien die Flüchtlingsströme besser bewältigen könne“ (11.04.11, der Spiegel), „Allerdings dürfe Europa nicht vor jenen Flüchtlingen **die Türen verschließen**“ (14.02.11, die Zeit). Данная метафора подчеркивает обособленность Европы от других государств и регионов.

К этой же группе относится концепт «ЕВРОПА-КРЕПОСТЬ», реализованный двумя основными лексемами: „Tor nach Europa“, „die Festung“ и „die Mauer“, которые передают восприятие Европы как замкнутой, закрытой территории, крепости, которая ограждена стенами и доступ в которую возможен только через ворота: „Die Mittelmeerinsel gilt als **„Tor nach Europa“**, und sie ist damit inzwischen völlig überfordert“ (29.03.11, der Spiegel), „Er verschweigt nicht die bitteren Wahrheiten, mit denen sich die **„Festung Europa“** gegen die Flüchtlinge wehrt“ (14.04.11, die Zeit), „Der Aufwand kann nicht darin bestehen, dass Europa als Erstes die **Mauern** hochzieht“ (11.04.11, die SDZ).

Особенно актуальным и ярким в рамках контекста прибытия беженцев в Европу по морю представляется метафорическое осмысление Европы, как корабля (также замкнутое, ограниченное пространство), который не может взять на борт всех желающих: „Wir würden ja gern alle aufnehmen in unserem **Schiff**, es ist aber nicht groß genug, alle würden dann **untergehen**“ (29.03.11, der Spiegel). При этом данная окказиональная метафора является неким продолжением темы метафорической репрезентации Германии как водного транспортного средства, а именно как «переполненной лодки» („das volle Boot“), особенно популярной в дискурсе о беженцах в 90-х годах XX века [5, с. 146].

В период, рассматриваемый в рамках данного исследования, получили развитие метафорические модели с концептуальными векторами жестокости и безразличия в отношении к иммигрантам разными странами ЕС. Так, метафорическая модель нежелательности, реализуемая в основном дескрипторами: „abschieben“ (отодвинуть), „vom Hals

schaffen“ (свалить с себя груз), „aufhalsen“ (навязать кому-либо), „abwälzen“ (отделаться) отражает восприятие Германией позиции и политики Италии в данном вопросе, которая не хочет самостоятельно решать возникшие проблемы. При этом беженцы рассматриваются не просто как масса и поток, но и как «обуза» и «груз» (die Last): „...Flüchtlingsansturm auf Lampedusa zu einer fairen **Lastenverteilung** kommen“ (14.02.11, die Zeit).

Проведенное исследование на материале интернет-текстов за достаточно короткий промежуток времени позволило выделить некоторые закономерности в динамике метафоры в миграционном дискурсе. Во-первых, тенденции, характерные для прошлых периодов, рассмотренных в работах других исследователей, сохранились. К ним можно отнести популярность основных сфер-источников «ВОДА» и «ВОЙНА» с определенных прагматическим потенциалом опасности и нежелательности. Однако некоторые привычные метафоры, образность которых со временем потеряла былую силу, используются в сочетании с атрибутивными конструкциями или заменяются другими новыми авторскими метафорами, которые призваны добавить новизны и нестандартности. В рамках данного исследования особую роль приобретает концепт «ЕВРОПА-ДОМ» со своими дверьми или «ЕВРОПА-КРЕПОСТЬ» с воротами и стенами, куда доступ посторонним не положен и не желателен. Данная метафорическая концептуализация событий реализуется в более общей категории оппозиции «СВОИ-ЧУЖИЕ» (европейцы/немцы-иммигранты/беженцы). Несмотря на активное использование старых и известных метафор, отмечено активное появление новых, что, вполне возможно, внесет изменения в систему базисных метафор.

Библиографический список

1. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling26/ling_6\(26\)2008_budaev2.pdf](http://journals.uspu.ru/i/inst/ling/ling26/ling_6(26)2008_budaev2.pdf) (дата обращения: 24.05.2013).
2. Чудинов А.П. Метафорическое моделирование в политическом нарративе «Российские выборы на рубеже веков» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/chudinov.htm> (дата обращения: 14.06.2013).
3. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.
4. Böke K. Die „Invasion“ aus den „Armenhäusern Europas“. Metaphern im Einwanderungsdiskurs // Matthias Jung u.a. (Hg.), Die Sprache des Migrationsdiskurses. – Opladen, 1997. – S. 164–193.
5. Jung M., Niehr T., Böke K. Ausländer und Migranten im Spiegel der Presse, Ein

diskurshistorisches Wörterbuch zur Einwanderung seit, 1945. – S. 131–154.

6. *Santa Ana O.* Immigration as Dangerous Waters: The Power of Metaphor. From Brown Tide Rising:

Metaphors of Latinos in Contemporary Public Discourse. – Austin, TX: University of Texas Press, 2002. – 405 p.

УДК 070

Челышев Сергей Александрович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
chelishevs@gmail.com

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЗАГЛОВОКОВ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ (на примере прессы Костромской области)

В статье рассматриваются различные типы заголовков в костромских печатных изданиях, обосновывается их классификация и анализируются речевые средства воздействия на читателя.

Ключевые слова: вербальное речевое воздействие, фактор речевого воздействия, адресат, адресант, средства речевого воздействия.

Современные СМИ концентрируются на привлечении аудитории при помощи воздействия на читателя. Одним из важных инструментов удержания аудитории, а также влияния на неё является речевое воздействие.

Определение этого понятия, данное И.А. Стерниным, характеризует вербальное речевое воздействие в языке прессы как «воздействие информирующего печатного органа на массовую читательскую аудиторию при помощи языковых средств и сопровождающих речь графико-визуальных средств для достижения поставленной адресантом цели» [13, с. 51].

Потенциал речевого воздействия можно охарактеризовать как способность коммуниканта достигать поставленной цели. Однако свободно оперируя понятием «потенциал речевого воздействия», учёные не могут дать ему единого и точного определения. З.Д. Попова, И.А. Стернин и М.Р. Желтухина в своих работах отмечают, что это понятие располагается в области психологии.

В нашем исследовании мы сконцентрировались на изучении заголовков, так как это одна из наиболее сильных позиций текста, наряду с эпиграфом, лидом и окончанием. Заголовок обладает большим потенциалом речевого воздействия.

Т.А. Присяжнюк отмечает в своем исследовании: «Среди наиболее важных функций газетного заголовка исследователи современного газетно-публицистического стиля выделяют: текстообразующую, информативную, рекламную, воздействия (эмоционально-оценочную / прагматическую), номинативную, контактоустанавливающую и др.» [10, с. 205].

Для сравнительной выборки были взяты региональные газеты: «Северная правда», «Костромская народная газета» и «Костромские ведомости», которые являются общественно-политическими изданиями и предназначены для широкого круга читателей. Каждое из них обладает также определёнными языковыми особенностями.

Прежде всего, отметим различные стили заголовков. Соответственно, они дифференцируются и по потенциалу речевого воздействия. Отметим несколько типов заголовков.

1. Ритмизированные и рифмованные заголовки. Их частотность в изданиях Костромской области крайне низка. За прошедший год в четырёх изданиях был найден только один подобный заголовок: «Продается газа доза, всем вам доброго психоза!» («Костромские ведомости»). Статья посвящена распространению так называемого «веселящего газа» – закиси азота в ночных клубах города Костромы.

Таким образом, рифмованные заголовки практически не используются в СМИ. Однако стихотворный размер, и особенно в силлабо-тонической системе стихосложения, характерной для русской поэзии, воспринимается гораздо более сознательно, чем прозаический.

2. Конструирование заголовка на основе фразеологических единиц (ФЕ). Относительно частотны в костромских СМИ. Например: «Профессия дальнего действия» («Народная газета»), «Без царя в монастыре», «Не жизнь, а Масленица» («Северная правда»).

3. Метаграфемические заголовки. Заголовки текста оформлены особым образом, с необходимым выбором шрифтовых гарнитур, средств шрифтового выделения – курсив, подчёркивание, разрядка, использование заглавных букв, варьирование насыщенности и размера шрифта и топографемика (способы размещения печатного текста на плоскости). Частотны, особенно в таких газетах как «Северная правда» и «Народная газета». Например: «ХУРМАмочки» («Северная правда»), «ПриВРАТный разговор» («Северная правда»), «РасСТРОИЛИсь» («Северная правда»).

4. Создание (иногда заимствование) новых слов и выражений. Относительно частотны. Во всех изданиях было насчитано около 50 таких заголовков. Например: «Катаклизма» («Костромские ведомости»), «С мэтровыи высоты» («Северная правда»).

5. Информационно-троповые заголовки. Наиболее частотны в современной костромской прессе. В сугубо информационные заголовки добавлено одно или несколько средств речевой выразительности. Например: «Российскую культуру будут реанимировать» («Костромские ведомости»), «Как оперируют переправу» («Северная правда»), «Нужно “пахать”!» («Северная правда»).

6. Информационные заголовки. Не содержат средств выразительности. «Антицерковным силам не сломить православия» («Северная правда»), «Хроника подтопления», «Вручили заслуженные награды» («Народная газета»), «Русское народное» («Костромские ведомости») и др.

При этом необходимо различать манипуляцию и речевое воздействие. Манипуляция – скрытое управление поведением человека, совершаемое ради какой-либо выгоды того, кто управляет. Человека, который в своих интересах управляет поведением другого помимо его воли, называют манипулятором. Очень часто различить манипуляцию и речевое воздействие бывает крайне сложно. Приведем пример двух заголовков из Интернет-СМИ Костромской области. Первый из них, «Победы костромичей» [8], опубликован пресс-службой администрации Костромской области на официальном сайте. Материал посвящен выступлению костромичей на Дельфийских играх.

На эту же тему «Народной медиа-группой» на портале k-1news публикуется материал под заголовком «Костромская область провально выступила на Дельфийских играх» [4].

Первый из этих заголовков можно охарактеризовать как информационный. Второй – как информационно-троповый. Использование эпитета *провально* (разг. ‘безнадёжно, завально’) [14] позволяет оказать большее речевое воздействие на читателей.

Однако, исходя из текста статьи, можно сделать вывод, что провальным выступление назвать нельзя. Расценивать ли это как манипуляцию? Неоднозначный вопрос, поскольку грань между манипуляцией и воздействием здесь достаточно сложно провести.

В примерах, которые были проанализированы выше, можно отследить определенную градацию. По потенциалу речевого воздействия наиболее сильными являются следующие заголовки: «Катаклизма» [6] и «Профессия дальнего действия» [1].

Первый из них открывает статью о подготовке костромичей к концу света. Заголовок состоит из одного слова, однако обладает большим потенциалом речевого воздействия. Слово *катаклизма* конструируется из двух слов: *катаклизм* и *клизма*. Графически в слове *катаклизм* добавилась одна буква, что привело к значительным семантическим изменениям.

Катаклизм (книж. ‘резкий перелом в характере и условиях органической жизни на обширном

пространстве земной поверхности под влиянием разрушительных атмосферических и вулканических процессов’) [5];

Клизма (мед. ‘вливание через задний проход воды или др. жидкости в кишечник с целью его очистки или лечения’) [14].

Стоит отметить, что в разговорной речи данная лексема используется для создания иронии. Например: *сделать или поставить кому-нибудь клизму* (‘наказать, отругать’).

Таким образом, лексема *катаклизма* становится эмоционально окрашенной и приобретает отрицательную коннотацию.

Заголовок «Профессия дальнего действия» конструируется на основе устойчивого выражения *авиация дальнего действия*. Статья, озаглавленная этим метафорическим выражением, посвящена работе учителей. Осуществляется контаминация двух типов заголовка: информационно-тропового и созданного на основе устойчивого выражения.

Рассмотрим следующие, по потенциалу речевого воздействия, заголовки: «Российскую культуру будут реанимировать» [7] и «Антицерковным силам не сломить православия» [11].

Первый из них – информационно-троповый, образован с помощью метафоры. В данном контексте слово *реанимировать*, употреблённое в переносном значении, (‘восстанавливать (восстановить), возвращать (возвратить) к жизни нечто отжившее, переставшее функционировать’) [5], позволяет читателю интерпретировать проблематику статьи, не читая весь текст полностью.

Заголовок «Антицерковным силам не сломить православия» можно расценивать как информационный. Однако он также имеет большой воздействующий потенциал, выраженный в эмоциональной окрашенности оценочной лексемы *не сломить*. Таким образом, заголовок из информационного становится заголовком-лозунгом, позволяющим привлечь внимание читающей аудитории.

В ходе исследования было отмечено, что наиболее яркие заголовки, оказывающие не только речевое, но и психологическое воздействие на читателя, используются в названиях материалов криминальной тематики: «Продается газа доза, всем вам доброго психоза!» – пример из номера «Костромских ведомостей».

Сравним также заголовки костромских газет, объединённые одной тематикой. Так, одна из самых важных тем 2013 года – празднование 400-летия Дома Романовых – по-разному была отражена в материалах, а следовательно, и в заголовках названных изданий. Так, в газетах «Северная правда» и «Народная газета» заголовки материалов данной темы строятся на основе фразеологизмов. «*Без царя в монастыре*» («Северная правда») [15] – на основе ФЕ *без царя в голове* (разг. ирон. ‘очень глуп, недалёк’).

«Сам себе памятник» («Народная газета») [12] – на основе ФЕ *Сам себе голова* (разг. ‘совершенно независимый, самостоятельный человек, который волен поступать так, как ему хочется’).

Таким образом, можно сделать вывод, что в костромских СМИ не до конца используются возможности более эффективного речевого воздействия заголовков на читателя. На основе нашего исследования можно заявить, что в костромских СМИ функции воздействия и установления контакта с читателями заголовками выполняются лишь отчасти. Частотность заголовков с наибольшим потенциалом речевого воздействия крайне низка. В большинстве своем заголовки костромских СМИ призваны выполнять информативную и текстообразующую функции. При этом важно отметить, что заголовки с наибольшим потенциалом речевого воздействия используются в материалах социальной и криминальной тематики.

Библиографический список

1. *Александрова Л.* Профессия дальнего действия // Народная газета. – 2012. – 10 октября.
2. *Глинчевский Э.И.* Средства речевого воздействия в языке СМИ // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 4. – С. 18–27.
3. *Желтухина М.Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004.
4. Костромская область провально выступила на Дельфийских играх // Портал К-1 news [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://k1news.ru/news/culture/kostromskaya-oblast-provalno-vystupila-na-delfiyskikh-igrakh/> (дата обращения: 24.05.2013).
5. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
6. *Май Е.* Катаклизма // Костромские ведомости. – 2012. – 4 декабря.
7. *Май Е.* Российскую культуру будут реанимировать // Костромские ведомости. – 2012. – 9 октября.
8. Победы костромичей // Пресс-служба администрации Костромской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adm44.ru/news/2013/05/7147a57d-1cef-4345-958c-5dbcfb00a726.aspx> (дата обращения: 24.05.2013).
9. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, 2007. – 310 с.
10. *Присяжнюк Т.А.* Характеристика речевого воздействия в языке информационных газетных сообщений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2005. – № 2(4). – С. 205–207.
11. *Сазонов Д.* Антицерковным силам не сломить православия // Северная правда. – 2013. – 30 января.
12. *Смирнова Е.* Сам себе памятник // Народная газета. – 2012. – 28 марта.
13. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. – Воронеж: КО, 2001. – 228 с.
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2000.
15. *Шанина Д.* Без царя в монастыре // Северная правда. – 2012. – 28 марта.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Настоящая работа посвящена исследованию функционирования постиндустриального общества в современных условиях и тенденций его развития. Особенность предложенной темы заключается в анализе существующих особенностей в глобальном и национальном функционировании информационного общества, способствующем, в том числе, росту информационных опасностей и угроз.

Ключевые слова: информационное общество, информационная безопасность, информационные технологии, глобальная информация.

Создание единого информационного пространства – это сложнейший интегративный процесс. Объединение в единое целое его субъектов, ресурсов, потенциала – это, несомненно, ответственная и трудная задача, решение которой может быть очень длительным и тяжелым процессом. Успешным этот процесс способен стать, если превращение разрозненных элементов информационного пространства в единое целое будет отвечать интересам, а значит, выразится в неких согласованных и скоординированных действиях всех его участников. Таким образом, информационное пространство представляет собой отчетливо выраженный социальный аспект и должно трактоваться как сфера отношений людей и их общностей по поводу информации.

Информационное общество является закономерным следствием появления информационного пространства.

Термин «информационное общество» многими специалистами связывается с публикацией в начале 60-х гг. XX века работы американского исследователя Ф. Махлупа [6], посвященной анализу наукоемких производств, занимает одно из ключевых мест в категориально-понятийном аппарате современных социально-политических теорий и концепций постиндустриализма, где анализировались возможности и способы перехода к новой фазе исторического развития, сменявшей индустриальную цивилизацию.

Специалист в области информационного менеджмента У. Мартин полагал, что под информационным обществом следует понимать «развитое индустриальное общество». Особенности такого общества являются пять критериев: технологический, социальный, экономический, политический и культурный. Основным из них выступает технологический фактор, т.е. информационные технологии получают широкое применение на производстве, в учреждениях, системе образования и в быту.

В социальной сфере увеличение доступа к информации превращается в важнейший стимулятор

изменения качества жизни, формирования и утверждения «информационного сознания».

В экономике информация приобретает значение базового фактора дальнейшего развития, выступая в качестве ресурса, услуг, товара, источника добавленной стоимости и занятости.

В политике свобода распространения и получения информации способствует значительному росту участия граждан в политическом процессе и достижению консенсуса между различными социальными группами и слоями населения. Культурный критерий состоит в признании ценностного характера информации [7, с. 42].

По выражению М. Кастельса, отмечается «трансформация нашей материальной культуры через работу новой технологической парадигмы, построенной вокруг информационных технологий» [1, с. 49].

Предшествующие технические революционные преобразования, изменившие жизнь человечества (например, изобретение паровой машины Уатта, давшее толчок промышленному производству), уступают в оперативности наступления социальных и иных последствий, в глобальности охвата и в интеллектуальной составляющей нынешней НТР. В основе современной научно-технической революции, ассоциирующейся главным образом с компьютерными и телекоммуникационными технологиями, считает известный исследователь Д. Белл, лежат четыре инновационных процесса:

– *переход от механических, электрических и электромеханических систем к электронным*, давший возможность редуцировать значительное число конструктивных элементов и значительно увеличить скорость передачи энергии и сообщений;

– *«миниатюризация»*, то есть существенное изменение величины, «сжатие» конструктивных элементов, проводящих электричество или преобразующих электрические импульсы, и в этом плане изобретение транзистора, позволившее передать микропроцессору множество контрольных, регули-

рующих, разрешающих и накопительных функций, «сравнимо по значимости с открытием силы пара»;

– «*дигитализация*», или дискретная передача информации посредством цифровых кодов, стирающая традиционные различия в коммуникационном секторе между телефоном (звук), телевидением (изображение), компьютером (данные) и телефаксом (текст), которые с помощью цифрового преобразования получили материальную взаимосвязь, стали совместимыми и превратились в унифицированный союз, известный под названием телекоммуникации;

– *программное обеспечение* – «ключ» к широкому распространению персональных компьютеров в быту и на малых производствах, ибо отныне для быстрого и одновременного решения различных прикладных задач от пользователя более не требуется владеть каким-либо специальным языком программирования [5].

Перечисленные инновационные процессы можно считать техническими критериями, способствующими технологически созданию информационного общества.

Главным признаком становления информационного общества, по мнению М.Н. Грачева, «является постоянно возрастающая роль информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности людей» [2, с. 39]. Сюда можно добавить и упоминавшуюся выше общую социально-экономическую глобализацию, как ускоряющий фактор построения информационного общества, особенно в тех странах, которые отстают от развитых государств.

Вместе с тем должны существовать и условия, определяющие полновесность статуса информационного общества. К основным условиям построения информационного общества можно отнести: формирование единого мирового информационного пространства, углубление процессов мировой информационной и экономической интеграции; доминирование новых технологических укладов, массово использующих эффективные информационные технологии; создание и постоянное обновление рынка информации и знаний для использования на рынках природных ресурсов, труда и капитала, переход информационных ресурсов общества в реальные ресурсы социально-экономического развития, растущий спрос потребностей общества в информационных продуктах и услугах; неуклонное развитие инфраструктуры – телекоммуникационной, транспортной, организационной; повышение научно-технического и культурного образования, используя возможности систем информационного обмена на международном, национальном и региональном уровнях; обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства; разработка и реализация эффективной системы обеспечения прав граждан и социальных ин-

ституты на свободное получение, распространение информации.

В процессе формирования информационного общества важно стремиться к анализу и предъявлению всех его возможностей и преимуществ, вытекающих из качественно новых технических и технологических возможностей для индивидуумов и сообществ. На уровне индивидуума речь идет о реализации ожиданий в отношении высококачественных и доступных услуг, необходимых для большинства населения. На уровне предприятий подразумевается развитие инновативности и эффективности труда с целью обеспечения большей конкурентоспособности. На уровне региона и страны речь идет о максимальном использовании творческого и культурного потенциала, в том числе с помощью развития мультимедийных средств и наполнения их соответствующим содержанием.

Важное условие формирования информационного общества заключается в обеспечении поддержки его концепций, норм, идей обществом. В этом плане следует определить потребности и ожидания людей в отношении информационного общества и предъявить векторы их осуществления. По мнению Г.Л. Смолян, Д.С. Черешкина, О.Н. Вершинской, решение этой задачи должно осуществляться на уровне органов власти, а также усилиями различных ассоциаций, общественных объединений, средств массовой информации и других органов, оказывающих серьезное воздействие на общественное мнение [3].

Развитие информационного общества также предполагает специальную подготовку и переподготовку кадров. В этих условиях необходима соответствующая система специального образования, при активном посредстве органов власти и управления совместно с бизнесом, профессиональными творческими объединениями и т.д. В пределах данной системы необходимо произвести адаптацию подготовки специалистов к требованиям информационного общества, к использованию современных информационных технологий.

Непрерывным условием формирования информационного общества является развитие и использование научных исследований, реальные инновационные процессы, способствующие оперативному внедрению результатов научных исследований в перспективные технологии.

В условиях формирования информационного общества, учитывая современный глобальный его характер, немаловажными являются стандарты, создающие и гарантирующие беспрепятственное использование средств коммуникации и информационных технологий. Ключевым в этом направлении является сближение национальных и международных стандартов с обязательным соблюдением принципа добровольности при их внедрении.

Таким образом, социальная цель, заключающаяся в построении информационного общества,

сводится, в принципе, к улучшению качества жизни людей, повышению критериев самореализации личности, сохранению ценностных ориентиров и нравственных качеств в обществе, адаптации к условиям существования в информационном обществе в сочетании с демократическими принципами.

Рассмотрев различные взгляды, позиции, суждения о понятии, сущности, конститутивных принципах информационного общества, теперь можно выделить следующие его характерные черты:

1. Информационное общество эффективно решает проблему информационного кризиса, прежде всего, в глобальном и, чаще всего, в национальном форматах. Современные информационно-коммуникационные технологии способны достичь любого потребителя/пользователя информации и удовлетворить его запросы, невзирая на различные ограничения и запреты. Возникает насыщение информационного «голода», в перспективе предполагающее пресыщение.

2. Приоритет информации становится объективной реальностью. Она доминирует над всеми остальными ресурсами, влияющими на жизнедеятельность и интересы государства, общества и личности. Можно считать, что господствующий термин индустриального и постиндустриальной формаций, обозначавший социум как «общество потребления», теперь позитивно расширить до «общества информационного потребления». Сегодня ни один фактор не воздействует так эффективно на ценностные ориентиры и установки, правила и нормы поведения и непосредственные интересы личности и общества как информационный.

3. Основной формой современного промышленного развития становится информационная экономика. Самые большие ресурсы и капиталы сегодня вкладываются в освоение, инновации, совершенствование тех направлений экономики, которые непосредственно связаны с развитием информационной инфраструктуры и информационно-коммуникационных технологий.

4. В обычной повседневности, в экономическом производстве и политическом управлении уже заложены принципиально новые автоматизированные генерации, значительно облегчающие и оптимизирующие хранение, обработку и использование объемных и постоянно увеличивающихся массивов информации. Существует устойчивая социальная адаптация к этим комфортным носителям и хранителям знаний, общественно-значимой и персональной информации с помощью новейших электронно-компьютерных технологий и техники.

5. Современные информационные потоки, определяющие и одновременно учитывающие информационно-коммуникационные технологии, приобрели глобальный характер на социальную деятельность человека. Практически сформирована инфор-

мационная общность цивилизации. Диктат информации позволяет эффективно обращать внимание мирового сообщества на актуальные и острейшие проблемы жизнедеятельности человека (например, от проблем глобального потепления до борьбы со свиным гриппом, от проблем распространения ядерного оружия до сотрудничества в борьбе с морским пиратством и т.д.). Появляется качественно новая ипостась *homo sapiens* – человек глобальный. Таким образом, «информационная диктатура» обеспечивает единое информационное пространство на планете, тем самым реализуя свободный доступ индивида к информационным ресурсам всей цивилизации, и, в то же время, реализует гуманистические принципы управления обществом.

Однако информационное общество содержит в себе не только позитивные стороны, которые несомненны. Существуют и негативные процессы, сопровождающие данное общество или присущие ему изначально. Эти процессы способны стать выраженными негативными тенденциями информационного общества. Среди них можно выделить активизацию воздействия на личность и общество средств массовой информации. В условиях рыночной экономики и прагматических идеологий существования общества данное воздействие сложно назвать положительным. Современные СМИ зачастую предлагают информацию как товар с намерением быстро и выгодно ее продать, мало обращая внимание на этические и нравственные стороны своего товара. Еще одна опасность кроется в том, что с развитием и расширением информационных потоков и совершенствованием ИКТ возникает проблема селективности качественной и достоверной информации. Среднестатистический человек в условиях массива информационных потоков не всегда сумеет выбрать истинно полезную и необходимую для него информацию, куда легче соблазнившись на эрзац, фальсификацию, вымысел, если те подаются ему броско, колоритно и навязчиво. Наконец, еще одна проблема заключается в уже видимом начале разрыва между производителями и разработчиками информационно-коммуникационных технологий и потребителями, где первые способны привить и развить любые иллюзии, мировоззрение, вектор поведения человеку и обществу в целом, в зависимости от собственных интересов или интересов заказчика их продукции.

Остановимся на основных тенденциях развития информационного общества. Совершенно ясно, что в информационном обществе деятельность человека и социума, в том числе их социальная адаптация и социальное самочувствие в рамках жизнедеятельности в данном обществе будет во многом зависеть от умения эффективно пользоваться предлагаемой ИКТ информацией. Использование информационно-коммуникационных технологий и новейших технических (прежде всего, компьютерных)

средств во всех сферах человеческой деятельности и интересов способно ускорить и обеспечить доступ к достоверным источникам информации, позволит обеспечить принятие оптимальных решений, еще более совершенствовать, автоматизировать обработку информации не только в производственной, но и в социальной сферах. Таким образом, можно утверждать, что очевидность нарастания таких процессов будет способствовать тому, что движущей силой развития мирового сообщества станет именно производство информационного, а не материального продукта. Одним из главных мерил поддержания духовных, нравственных, интеллектуальных качеств человеческого общежития при этом должна сыграть *информационная культура*. Отсюда проистекает следующее: главную роль в развитии цивилизации будут играть человеческие знания и интеллект.

Развитие и массовое использование информационно-коммуникационных технологий уже в недалеком будущем позволят создать надлежащую телекоммуникационную инфраструктуру, обеспечивающую создание самых объемных баз данных, доступ к которым будет легитимен и прост. Но это потребует разработки единых правил и норм поведения поиска, пользования и реализации информации. Надежда на успешность решения этой задачи есть, ярким свидетельством этому может служить создание международной компьютерной сети Internet. Сегодня это самая массовая и быстрорастущая информационно-коммуникационная система в мире, постоянно развивающаяся и технологически обновляющаяся. Среди ближайших перспектив развития информационного общества весьма актуальной является настоятельная потребность немедленного решения проблем информационной защиты не только от несанкционированного доступа к информации, но и от информационных угроз для государства, общества и личности в виде негативных информационных потоков, спланированных информационных акций, асоциальных массовых продуктов mass-media, внедряющих в индивидуальное и массовое сознание образцы и нормативы примитивных ценностей, квазиидеалов, пошлости, жестокости, насилия, правового и духовно-нравственного нигилизма. К информационным угрозам следует отнести и выведывание в различных целях персональной информации, несанкционированное отслеживание и приобретение информации экономического характера, предание публичности сведений, составляющих государственную, служебную или коммерческую тайны и многое другое. Все это грубо нарушает социальные устои и общественное благополучие, нарушает права человека, права общества, негативно корректирует и даже разрушает сложившиеся социальные отношения.

Современное понимание информационной культуры заключается в умении и потребности субъек-

та, как производителя, так и пользователя информации, работать с ней посредством современных информационно-коммуникационных технологий, не нарушая иных – государственных, общественных и личностных – прав и интересов. Существенным аспектом информационной культуры остается владение методикой коллективного принятия решений. В умении владеть основами и принципами взаимодействия в информационном пространстве с другими людьми заключается отличительный признак человека информационного общества.

Данная проблема относится более к политической, социальной и экономической сфере, нежели к технической, поскольку современные информационно-коммуникационные технологии и технические средства сами по себе нейтральны и способны создать безграничность для потребления информации и для информационных обменов.

На это указывает и один из классиков изучения информационного общества Ф. Уэбстер, заявлявший: «Давление рынка ощущается даже в отношении возникновения новых технологий. Чтобы полностью оценить важность этого утверждения, вспомним, как часто сторонники теории информационного общества утверждают, что именно события в инновационной сфере и возвестили о начале новой информационной эры. При этом неявно предполагается, что новые технологии просто «возникают», их «открывают», неизвестно как и почему, и, только поступив в распоряжение общества, они могут быть использованы во зло или во благо ему. Информационные технологии с этой точки зрения, хотя и играют решающую роль в формировании информационного общества, сами при этом сохраняют свой нейтральный характер, на них не сказывается ни влияние какой-либо системы человеческих ценностей, ни борьба интересов в обществе» [4].

Потому так важен вопрос, какая «начинка» содержится в информации, какие интересы здесь затрагиваются и, возможно, ущемляются. И это уже проблема действительно не информационно-коммуникационных технологий, а средств массовой коммуникации, включая СМИ, а также Public Relations. Разумеется, свобода слова, свобода производства, распространения и доступа к информации – это императив демократического развития. Но злоупотребление этими свободами способно нанести ощутимый вред интересам и правам личности, общества и государства. Таким образом, стабильное и социально обусловленное функционирование информационного общества нуждается в надлежащем и полном обеспечении информационной безопасности объектов и субъектов информационного общества.

Библиографический список

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. – М.: Государственный

университет – Высшая школа экономики, 2000. – 608 с.

2. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

3. Путь России к информационному обществу (предпосылки, индикаторы, проблемы, особенности) // Г.Л. Смолян, Д.С. Черешкин, О.Н. Вершинская и др. – М.: Институт системного анализа РАН, 1997. – 64 с.

4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М., 2004. – 400 с.

5. Bell D. Die dritte technologische Revolution und ihre möglichen socioökonomischen Konsequenzen / D. Bell // Mercur. – 1990. – Jg. 44.

6. Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962.

7. Martin W.J. The Information Society / W.J. Martin. – London: Aslib, 1988.

КОСТРОМСКИЕ «ЗЕЛЕННЫЕ» VS КОСТРОМСКАЯ АЭС: ХРОНИКА КОНФЛИКТА РЕГИОНАЛЬНОГО МАСШТАБА

В статье рассказывается о конфликтном противостоянии, длящемся более двадцати лет между противниками и сторонниками строительства Костромской АЭС. По мнению автора статьи, для преодоления конфликтного противостояния необходимо более активно использовать диалогическое взаимодействие между органами власти и организациями гражданского общества.

Ключевые слова: власть, референдум, гражданское общество, экология, диалог.

Костромская АЭС: быть или не быть?

Решение о строительстве Костромской АЭС вблизи посёлка Чистые Боры Буйского района Костромской области было принято Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 722 от 1 июня 1987 года.

Первоначально здесь планировалось установить реакторы «чернобыльского типа» – РБМК-1000. Строительство АЭС было начато в 1979 году. После аварии на Чернобыльской АЭС было решено использовать при строительстве энергетического объекта в Костромской области реакторы типа ВПБЭР-600, являвшегося прототипом реакторов для атомного подводного флота. В 1987 году, при 20%-ной готовности, строительство АЭС было приостановлено.

В июне 1990 года на сессии Костромского областного Совета Народных Депутатов, принявшего во внимание негативный настрой общественного мнения к этому энергетическому объекту, было решено прекратить строительство Костромской АЭС и отменить постановление, его разрешающее. Вслед за этим со стороны Минатома началась мощная пропагандистская кампания, а со стороны Правительства РФ последовало административное давление на региональные и местные органы власти с целью принятия такого решения, которое позволило бы продолжение возведения АЭС, если не в ближайшем обозримом будущем, то, по крайней мере, в относительной исторической перспективе.

В результате в декабре 1992 году поселковым Советом Народных Депутатов поселка Чистые Боры, сессией районного Совета Буйского района и выездной сессией Малого Совета Костромского областного Совета депутатов были приняты новые, диаметрально противоположные решения, разрешившие Минатому продолжение строительства АЭС. Характерно, что решение Малого Совета называлось «О проекте инвестиционной программы развития Костромской области при условии продолжения строительства Костромской АЭС». На основании этого решения 28 декабря 1992 года Прави-

тельство РФ своим Постановлением №1026 «Вопросы строительства атомных станций на территории Российской Федерации» включило Костромскую АЭС в список вновь строящихся и достраиваемых объектов атомной энергетики. Решение Малого Совета было принято по сути дела кулуарно, без информирования населения, без широкой общественной огласки. И, тем не менее, данный факт благодаря средствам массовой информации стал достоянием гласности, вызвав негодование у наиболее активной части регионального гражданского общества.

Институционализация протеста: экологическое движение «Во имя жизни» и борьба за антиядерный референдум

Данная ситуация еще больше консолидировала и сплотила противников возобновления строительства атомной станции на территории Костромской области. Ранее отдельные неорганизованные и стихийные выступления экологически ориентированной публики привели к институционализации их протеста в формате новой региональной структуры гражданского общества и требования проведения областного референдума по поводу Костромской АЭС. Так в феврале 1993 года в городе Костроме было создано областное общественное экологическое движение под названием «Во имя жизни!», в состав которой вошли предприниматели, ветераны педагогического труда, военные в отставке, преподаватели вузов Костромы и другие жители Костромской области.

Члены экологического движения «Во имя жизни!» и волонтеры-добровольцы дважды собирали подписи в поддержку проведения областного референдума по вопросу строительства на территории Костромского региона атомной электростанции и каждый раз по различным мотивам получали категорический отказ со стороны областной власти, ссылавшейся при этом еще и на отсутствие соответствующего законодательства.

Почти сразу же после возникновения движения «Во имя жизни» была предпринята первая попыт-

ка организации референдума. К этому времени областные законодатели, поскольку федерального закона о референдуме еще не существовало, приняли Временное Положение о референдуме в Костромской области. Экологическому движению «Во имя жизни!» удалось заручиться поддержкой более 50 тысяч жителей области. И Сессия городского Совета Костромы приняла решение провести референдум в один день с референдумом поддержки реформ и президента Б.Н. Ельцина. Однако с этим не согласился Областной Совет, поскольку Временное Положение о референдуме предполагало создание инициативной группы, которая в обязательном порядке должна была быть зарегистрирована в областных органах власти, а уж затем заниматься сбором подписей. Поскольку этого сделано не было, сбор подписей в поддержку референдума был признан самодеятельностью, не имеющей законных оснований.

Но «зеленые» не успокоились и решили организовать новый сбор подписей с учетом требований Временного Положения о референдуме в Костромской области. Однако областные забраковали первый же протокол собрания инициативной группы. Экологи созвали новое собрание еще раз и в июне 1993 года сформировали инициативную группу по сбору подписей за проведение референдума. За три месяца было собрано 16080 подписей, в то время как для назначения референдума в то время было достаточно 10000 подписей. Вслед за этим в Областной Совет народных депутатов были представлены соответствующие документы. Однако события октября 1993 года привели к ликвидации этого представительного органа власти. На заключительной сессии Областной Совет успел принять лишь решение о проведении референдума, оставив неразработанным сам механизм проведения. В дальнейшем Совет самораспустился, а подписные листы с требованием о проведении референдума были переданы в администрацию области, которая сдала их в архив.

Возмущенные этим участники движения «Во имя жизни» обратилось с жалобой в Прокуратуру области, затем подали иск в Свердловский районный суд города Костромы, однако суд отказался принять это дело к своему рассмотрению. После этого был подан иск в областной Арбитражный суд, который не стал рассматривать дело «за неподведомственностью суда». Тогда «зеленые» обратились в Верховный суд, но и там не получили поддержки на проведение своего референдума.

Областной референдум: попытка № 3

Закон Костромской области «О проведении референдумов на территории Костромской области» был принят 7 сентября 1995 года Костромской областной Думой, а 10 октября этого же года был принят и Федеральный Закон «О референдумах

Российской Федерации», который устанавливал общие правила проведения всероссийских референдумов. Согласно части 3 статьи 3 Конституции РФ, референдум является высшим и непосредственным выражением власти народа. Поэтому сразу же после принятия федерального и областного законодательства, регулирующего порядок организации и проведения референдума на областном уровне, у костромских «зеленых» появилась легитимная правовая основа для организации и проведения референдума по вопросу размещения на территории области атомной станции.

По инициативе экологического движения «Во имя жизни» 25 ноября 1995 года в Костроме, в соответствии с требованиями закона, прошло собрание жителей области. На этом собрании была сформирована инициативная группа граждан для организации и осуществления сбора подписей в поддержку проведения областного антиядерного референдума. Вслед за этим 5 декабря документы для регистрации инициативной группы были переданы в Костромскую областную думу, а 30 декабря ее члены получили соответствующие удостоверения, дающие им право сбора подписей. Так стартовала «третья попытка» заставить региональную власть и федеральных чиновников из Минатома считаться с мнением гражданского общества при размещении и строительстве на территории Костромской области экологически опасного энергетического объекта.

«Мы собирали подписи в Костроме и на территории области, куда специально выезжали. Ходили по квартирам, общественным местам – в основном там, где люди бывают с паспортами: на железнодорожных и автовокзалах, в сберкассах, детских садах, поликлиниках, больницах, учебных заведениях и даже в воинских частях (правда, здесь удалось добиться успеха лишь благодаря личным контактам). Облегчило нашу задачу то, что эта кампания проводилась зимой, когда почти никто не уезжает на дачи или в отпуск», – вспоминает сопредседатель экологического движения «Во имя жизни!» Т.И. Добрецова [2, с. 31].

В конечном итоге, за два дня до окончания отведенного законом срока для сбора подписей в поддержку референдума, они были сданы в избирательную комиссию области. При проверке подписных листов 832 подписи были забракованы, а 36264 подписи были признаны действительными, что составило 6% избирателей при необходимом минимуме в 5% [2, с. 31]. По итогам проверки подписных листов Костромская областная дума назначила дату референдума на 8 декабря 1996 года, на день выборов главы администрации Костромской области (губернатора), депутатов областной думы, а также в ряде районов – глав и депутатов органов местного самоуправления.

Вслед за этим «зеленые» приступили к агитации и пропаганде своей позиции, суть которой зак-

лючалась в том, что при проектировании ядерного объекта не было принято во внимание, что через площадку Костромской АЭС проходил активный «Угличский разлом». Этим нарушалось Постановление Госатомнадзора №16 от 30 декабря 1987 года, по которому не допускалось строительство и размещение «площадки АЭС непосредственно на тектонических активных разломах». Кроме этого, в соответствии с правилами размещения АЭС, станция должна была быть удалена от зон отдыха и курортов на 25 км. В случае же с Костромской АЭС зоны массового отдыха и источники минеральной воды находились всего в 7 км от станции. Кроме этого участники движения «Во имя жизни» акцентировали внимание на необходимости развития альтернативных источников электроэнергии, более экологичных и менее затратных, в том числе при утилизации радиоактивных отходов и консервации отработавших свой срок АЭС. «Зелёные» активно опровергали утверждения энергетиков и региональной власти о том, что строительство АЭС будет способствовать социально-экономическому развитию Костромской области. При этом они предлагали восстанавливать и развивать традиционные для области отрасли промышленности: добычу полезных ископаемых, сельскохозяйственное производство и текстильную промышленность.

Представители движения выражали также сомнение в квалификации строителей, многие из которых при приеме на работу не имели строительных специальностей. На этом основании противники возведения АЭС предполагали, что низкое качество строительных работ повысит потенциальную опасность возникновения аварии. Это лишь краткий перечень из наиболее существенных аргументов, которые в качестве контрдоводов приводили в ходе агитационной компании представители гражданского общества.

Важной частью кампании стал автобусный тур. На ярко оформленном автобусе «Гринписа» агитаторы объехали почти всю Костромскую область, десятки раз выступали перед жителями городов и сел по маршруту следования. Движение «Во имя жизни» напечатало 50 тысяч листовок, которые расклеивались у остановок общественного транспорта, раздавались населению. В них рассказывалось об опасностях атомной энергетики, о проблемах, связанных с радиоактивными отходами, о планах Минатома по строительству АЭС в России, о позиции тогдашнего главы администрации Костромской области В.П. Арбузова, выступавшего за строительство АЭС. Эти листовки и поддержка строительства станции сыграли для В.П. Арбузова роковую роль, который потерпел поражение на этих выборах.

Надо сказать, что Концерн Росэнергоатом тоже вел агитационную кампанию и выделил на ее проведение немалые денежные средства, том числе для

выступлений своих представителей на местном телевидении и для публикации в областных печатных СМИ материалов, пропагандирующих достижения атомной энергетики. Вместе с представителями атомного лобби администрация области создала свою агитационную группу, которая работала в городах и районах области.

И, тем не менее, на вопрос, вынесенный на областной референдум – «Согласны ли Вы с размещением и строительством атомной станции на территории Костромской области?» – 87,43 % избирателей, принявших участие в голосовании, или почти 300 тысяч человек, дали отрицательный ответ. И только лишь 11% проголосовали за строительство Костромской АЭС. По закону, принятое на референдуме решение являлось обязательным для выполнения всеми ветвями власти, должностными лицами и гражданами. Результат референдума обладал легитимной силой и мог быть изменён только принятием иного решения на другом региональном или общероссийском референдуме. Однако дальнейшие события развивались совсем в ином русле...

Как областной суд отменил областной референдум

Победа экологов на референдуме в Костроме вызвала восторг у их сторонников в других регионах России, и не на шутку обеспокоила Минатом и федеральную власть. Созданный прецедент мог получить логическое продолжение и в других субъектах Российской Федерации, «его результаты создавали опасность для атомных государственных ведомств, поскольку общественные экологические организации во многих регионах России стали выходить с инициативой о проведении аналогичных референдумов в своих регионах» [1].

После проведения референдума основным требованием движения «Во имя жизни» стало перепрофилирование стройплощадки Костромской АЭС. Однако, вопреки этому, было принято решение о ее консервации, а дирекция строящейся Костромской АЭС в условиях полного отсутствия каких бы то ни было строительных работ, продолжила свое функционирование за счет средств федерального бюджета. Экологи требовали исполнения решения референдума, но от них только отмахивались и тянули время, подыскивая правовые основания для того, чтобы, формально оставаясь в рамках закона, делегитимизировать волю населения региона.

Процедура официальной отмены референдума в Костромской области началась с того, что летом 1998 года, то есть через полтора года после проведения антиатомного референдума, в Костромской областной суд была подана жалоба от нескольких граждан, проживающих в поселке Чистые Боры и городе Буй (где планировалось разместить АЭС),

о нарушении их прав и свобод в связи с проведением референдума по вопросу строительства Костромской АЭС. Правовым основанием этой жалобы послужило Заключение Аналитического центра по правовой политике Президента РФ, подписанное заместителем директора Института государства и права Российской академии наук, профессором И.А. Иконичкой. В этом документе делался вывод о незаконности как Постановления Костромской областной Думы от 25 апреля 1996 года, назначившего дату проведения референдума, так и самих результатов референдума [1].

К тому же, как это позднее выяснилось, в этой кампании активно участвовал А.Г. Пузановский, депутат-одномандатник, избранный в Государственную Думу РФ от Костромской области, то есть, фактически теми же самыми избирателями, которые на областном плебисците высказались против размещения АЭС в своем регионе. Занимая в Госдуме должность заместителя председателя Комитета Думы по экономике, он еще и работал по совместительству в Ядерном центре города Обнинска Калужской области. Сначала он написал письмо к главе администрации Президента, в котором предложил изъять часть Буйского района из Костромской области и издать указ о возобновлении строительства АЭС. Но поскольку Б.Н. Ельцин на такое нарушение закона не пошел, то А.Г. Пузановский направил свое обращение в Институт государства и права и в правовой отдел при Президенте РФ с просьбой о проверке законности проведения референдума. Таким образом, было получено юридически обоснованное заключение о, якобы, незаконности и неправомерности референдума в Костромской области. Ну а для запуска судебной процедуры его официальной отмены были использованы несколько жителей поселка Чистые Боры Буйского района Костромской области, которые после прекращения строительства АЭС не имели постоянной работы и, соответственно, источника дохода. Именно они обратились в областной суд с заявлением о нарушении их прав в связи с результатами референдума.

Их заявление областным судом было принято к производству, несмотря на то, что истцами был пропущен срок обжалования в течение трех месяцев со дня выхода обжалуемого постановления. В своем заявлении в суд истцы ссылались на Федеральный Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», принятый 19 сентября 1997 года, в соответствии с которым на местный (областной) референдум уже не могли быть вынесены вопросы, относящиеся к компетенции федеральных органов власти или находящиеся РФ или в совместном ведении РФ и субъекта федерации. Данного закона на момент организации и проведения референдума в Костромской области еще не существо-

вало. Но суд фактически применил его требования при рассмотрении вопроса о законности проведенного референдума.

В поддержку законности референдума выступили не только представители областного экологического движения «Во имя жизни», но, также принимавшие участие в этом судебном процессе начальник правового управления областной думы А.И. Мячин и заместитель прокурора области Ю.И. Шестанов. Однако 25 января 1999 года судья Костромского областного суда В.В. Царёва приняла решение об удовлетворении жалобы и признании референдума незаконным.

Кассационные жалобы на это решение в Верховный Суд подали не только организаторы референдума в лице экодвижения «Во имя жизни», но также администрация, дума и прокуратура Костромской области. Однако 26 апреля 1999 года (в день памяти жертв Чернобыля) Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ вынесла определение, в котором оставила решение Костромского областного суда об отмене референдума без изменения.

Костромской АЭС быть?

В 2000 году Костромская областная дума наложила вето на строительство АЭС. Но в 2006 году губернатор Костромской области В.А. Шершунов обратился в концерн «Росэнергоатом» с просьбой возобновить строительство АЭС. А уже 1 марта 2007 года без какого либо общественного обсуждения Костромская областная Дума, вопреки прежней позиции, своим решением №1574 отменила собственное Постановление № 983 от 20 июля 2000 г., которым были отменены решения Костромской областной Думы от 19 июля 1994 г. №23 «О сооружении Костромской АЭС на базе блока нового поколения ВПБЭР-6000».

Естественно, что костромские экологи продолжили свою борьбу против возможного размещения АЭС на территории Костромской области. Они неоднократно проводили акции протеста, собирали подписи в поддержку своей прежней позиции, пикетировали областную думу, раздавали листовки и буклеты. Несмотря на то, что у довольно значительной части населения за время, прошедшее с момента проведения антиядерного референдума в 1996 году, отношение к ядерной энергетике и возможности построения Костромской АЭС изменилось, костромские экологи установили горизонтальные связи со своими коллегами из других регионов, заручившись их поддержкой и солидарностью.

Так, к примеру, 20 декабря 2012 года в Костроме прошло межрегиональное «Гражданское совещание: Нужна ли АЭС Костромской и Ярославской областям?» Поводом для проведения этого публичного мероприятия стало официальное письмо директора Костромского областного департамента

ТЭК и ЖКХ М. Красильщика с сообщением о том, что ОАО «Концерн Росэнергоатом» принял решение «разместить два блока Центральной АЭС в Костромской и вторые два блока в Ярославской области». Участие в гражданском совещании приняли не только экологи и ученые из Костромы, но и их коллеги из Ярославля, Санкт-Петербурга и из других регионов России. В отличие от представителей гражданского общества, там не было представителей от властных структур Костромской области, её администрации и департамента ТЭК и ЖКХ, а также депутатов областной думы. Вместо участия в публичном диалоге с обществом, региональная власть распространила информацию о том, что «никакой подготовительной работы для начала строительства атомной станции в Костромской области в настоящее время не ведется» [4].

И, тем не менее, опасения костромских экологов оказались не беспочвенны. 11 ноября 2013 года премьер-министр правительства РФ Д.А. Медведев подписал распоряжение № 2084-р «О схеме территориального планирования Российской Федерации в области энергетики» [4]. В соответствии с этим документом к 2030 году в Буйском районе Костромской области, правда, уже в другом, чем ранее планировалось, будет построена Центральная АЭС. На ней будут установлены два атомных реактора ВВЭР-1200 мощностью по 1150 мегаватт каждый. При этом электроэнергия, произведенная на АЭС, пойдет не на нужды уже в настоящее время энергетически избыточной Костромской области, а как, указано в документе, в Московский регион [4].

В настоящее время экологические проблемы не рассматриваются государственными структурами как первостепенные, приоритет отдаётся экономическому развитию. Это обстоятельство создает особые конфликтные зоны, чреватые к эскалации противостояния не только между экологами и властью, не склонной вступать в партнерский диалог с критиками и оппонентами своих действий. В сферу

потенциального конфликта, связанного с принятым в правительстве решением о возведении Центральной АЭС на территории Костромской области, могут быть втянуты разнородные социально-политические силы, способные консолидироваться на основе совместного противодействия и противостояния власти. Данная интенция, существуя латентно, должна быть учтена областной властью при определении стратегии и тактики взаимодействия с гражданским обществом в сфере региональной публичной политики.

Библиографический список

1. Гречушкина Е.А., Хмелёва Е.Н. Дело о первом экологическом референдуме // Бюллетень правовой практики по защите общественных экологических интересов. – 1999. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecojuris.fatal.ru/RPUBLIC/B3/b3_3.htm. (дата обращения 27.11.2013).
2. Добрецова Т. Народ и власть, закон и референдум // Альманах «Участие» (Социальная экология регионов России). – Вып. 1. – М., 1999. – С. 30–34 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rus-stat.ru/stat/502POM_2007_129-147_5.pdf. (дата обращения 27.11.2013).
3. Об утверждении схемы территориального планирования Российской Федерации в области энергетики. Распоряжение Правительства РФ от 11 ноября 2013 г. № 2084-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d4a33bd567e72145d3.pdf> (дата обращения 27.11.2013).
4. 20 декабря 2012 г. в Костроме прошло межрегиональное «Гражданское совещание: Нужна ли АЭС Костромской и Ярославской областям?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vk.com/doc22133016_142545942?hash=9f7a294e372ce9abc5&dl=28aabb49a7217e1962 (дата обращения 27.11.2013).

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КУРСЕ ПОЛИТОЛОГИИ

В предлагаемой статье излагаются некоторые рекомендации по проблемам методологии изучения межнациональных отношений в курсе политологии.

Ключевые слова: нации, народности, национальные и этнические группы, национальная политика, интернациональное воспитание.

Российская Федерация – крупнейшее в мире и достаточно сложное по этическому составу государство, расположенное на обширном пространстве Евразии. Наибольшие по численности группы, относящиеся к одной языковой семье проживающих в ней этносов, составляют: славяне (более 125,6 млн.), тюркские народы (11,2 млн.), финно-угорские (3,18 млн.) и народы северо-языковой семьи (3,11 млн.).

Этнографическая ситуация в стране характеризуется явным преобладанием русского населения (120 млн.). Второе место занимают татары (5,5 млн.), третье – украинцы (4,4 млн.). Кроме больших и многочисленных этносов здесь проживают и малочисленные: ижорцы (400 чел). Все вместе взятые, большие и малые российские этносы образуют сообщество, которое по данным последней переписи составляет 176 народов.

Вот почему в курсе политологии проблематика национальных отношений призвана занимать одно из центральных мест. Ее рассмотрение имеет следующие аспекты: обучающий – усвоение основных понятийных категорий; развивающий – сформированные четкой ориентации в сложных вопросах о месте и роли национальных отношений в обществе и, что особенно важно в современной, отнюдь не простой, политической обстановке; воспитательный – формирование гражданских и патриотических качеств, неприятие любых проявлений в обществе национализма и шовинизма. Обращаясь к этой проблематике, студент должен исходить из того, что нация – это одна из общностей, социальных групп, которая имеет свои, только ей присущие признаки. К ним относятся: наличие общей для данной группы территории; общей, причем, развитой экономики, общих черт духовной жизни: языка, культуры, обычаев, традиций. Кроме того, ряд отечественных ученых (Л. Гумилев и др.) относят и, на наш взгляд, достаточно обоснованно, к национальным признакам и такой, как наличие общего национального характера.

Анализ определения наций требует особого внимания, так как наиболее внимательные студенты могут и не без основания заметить, что перечень содержащихся в этом определении признаков не автоматически прилагается ко всем народам. К при-

меру, самой численной и больше того титульный русский народ не имеет своей ограниченной территории, которую можно было бы обозначить как, скажем, русская национальная республика, подобно татарской, башкирской и другим российским национальным объединениям. Равно как и не имеют своего национального руководства, так как и президент, и премьер-министр России являются лидерами федерального, а не национального уровня. Студентам следует объяснить, что, являясь методологически верным, определение наций, основу которого разработал еще Ленин [2, с. 124–125], требует в современных условиях своего развития и обогащения. Всего того, что соответствовало бы новым историческим реалиям.

Нации возникают с появлением капитализма, а там, где капитализм задержался в своем развитии, задержался и процесс их формирования. Вот почему не все народы России до настоящего времени сформировались как нации. Русские, к примеру, стали нацией как и другие народы центральной России – во второй половине XIX века, тогда как в прошлом отсталые народы таковыми еще не являются. Именно поэтому национальная структура страны сейчас включает в себя четыре группы этносов: нации – русские, татары, якуты, башкиры и т.д.; народности – чукчи, ненцы, гольды, манси и др.; национальные группы – румыны, поляки, болгары и др.; этнические группы – курды, цыгане, ассирийцы и т.д.. Все они вместе взятые образуют то гигантское, веками существовавшее общежитие народов, которое называется Российской Федерацией, причем федерацией, в основе которой не принципы административного – как в США, ФРГ и т.д., а именно национально-территориального устройства.

Вот почему критикам этого устройства с их попытками объявить его политическими кознями возникшего после Октябрьской революции режима, следует учитывать, что генетические корни национального федерализма уходят в столетия геополитического прошлого России.

Еще в 822 г после захвата князем Олегом Киева, было создано Новгород-Киевское государство, ставшее колыбелью Киевской Руси. В его состав входили как славянские племена – древляне, ради-

мичи, улиги и другие, так и соседние финно-угорские и балтийские этнические объединения [1, с. 211], что служило, кстати, первым свидетельством основной черты российской государственности – готовности уживаться с другими народами.

Следующая попытка объединения этносов в рамках единого центра, известная как соби́рание русских земель, была предпринята и весьма успешно во времена правления Ивана Грозного. Она, в свою очередь, показывает, что не всегда этот процесс сопровождался кровопролитием. Как только, к примеру, Казанское ханство было включено в состав России, всё его население получило равные права с русскими, а татарское дворянство имело впоследствии русских крепостных. Московского царя Бориса Годунова никогда не попрекали его татарскими корнями и, если бы не вездесущие историки, мы, далекие потомки тех времен, никогда бы об этом и не узнали. Экскурс в историю становления российского федерализма, вплоть до Октябрьской революции, можно было бы продолжить, что не является, однако, нашей задачей. Сказанное подтверждает тот факт, что большевики юридически узаконили явление, которое было зачато историей в глубокой древности, стали его, образно говоря, повивальной бабкой.

Каковы основные причины того, что веками тесно общавшиеся друг с другом народы вверглись в пучину острых национальных конфликтов, ставших причиной распада СССР? Назовем некоторые из них.

Во-первых, особенности советского тоталитарного режима, многие просчеты и перекосы, имевшие место в условиях культа личности Сталина, сама установка на всяческое ущемление демократии, укоренившись, стали элементами торможения и в отношениях между народами. Современным российским политикам предстоит решать национальные проблемы, которые в той или иной мере присущи сейчас СНГ.

Во-вторых, не последнюю роль в области национальных отношений заняли ошибочные теоретические концепции и сама обстановка застоя. Применительно к национальным отношениям это неизбежно проявилось в том, что их проблемы вообще как бы выпали из сферы общественно-политической мысли. Советские ученые дружно акцентировали внимание на достигнутых в этой области положительных результатах и, по существу, не видели и не могли видеть накапливаемые негативы. Достаточно всем по тому времени привычная формула «национальный вопрос решен у нас полностью и окончательно» понималась буквально в том смысле, что раз так, то никаких вопросов в этой связи вообще не существует.

В-третьих, негативные явления в области национальных отношений объясняются, в значительной мере, наличием в сознании отдельных людей на-

циональных предрассудков, что продиктовано рядом причин. Следует понимать, что их корни уходят в далекое прошлое. Националистические взгляды способны на протяжении длительного времени передаваться в отдельных семьях из поколения в поколение и приобретать силу привычки, становиться стереотипом и восприниматься автоматически, как нечто естественное и само собой разумеющееся.

В это же время нужно иметь в виду и то, что было бы крайне ошибочным сводить националистические проявления лишь к пережиткам прошлого в сознании людей. К объективным причинам, способствующим их проявлению, относятся и факторы, порожденные современными условиями нашего бытия. Какие чувства могут возникнуть, к примеру, у русского гражданина в том случае, когда он сталкивается на центральной московской улице с веселым кортежем кавказцев, которые палят прямо из окон автомобилей из ружей и пистолетов? А между тем обычаи такого рода являются в городах и аулах Кавказа вполне привычным явлением.

Здесь приведены лишь некоторые из тех причин, которые передают проблемы в области национальных отношений. Их перечень можно и нужно продолжить. Осмысливая эту сторону вопроса, студент должен привлечь фактический материал, содержащийся в нашей периодике, обдумать состояние национальных отношений в нашем городе и регионе.

Как бы там ни было, их некогда могучая и, безусловно, авторитетная в мировом сообществе страна, именуемая Советским Союзом, распалась, что нанесло существенный удар, как по внутреннему, так и по внешнему положению России. Ее экономика, которая, казалось бы, совсем недавно развивалась под гордым лозунгом «догнать и перегнать Америку!» сейчас не только несравнима с экономикой США, Западной Европы, Японии и Китая, но и уступает таким странам как Индонезия, Бразилия, Индия и ряд других [4, с. 305]. Резко сократились геополитические возможности некогда грозной державы. В значительной мере утрачены выходы к Балтике и Черному морю. Потеряны шельфы Черного, Каспийского, Балтийского морей. Численность населения и занимаемая площадь уменьшились по сравнению с СССР приблизительно в два раза. Резко обострились межнациональные и межрелигиозные противоречия.

Не лучшим, а, пожалуй, еще более тяжелым стало положение стран ближнего зарубежья, бывших недавно, казалось бы, неотъемлемой частью веками окропляемой потом и кровью предков нашего многонационального общегития. Разве не ярким свидетельством их плачевного состояния стали сотни тысяч так называемых гастарбайтеров, стремящихся легально или нелегально устроиться на какую угодно работу, лишь бы добыть кусок хлеба.

А ведь совсем недавно они или их родители рисовали в своих школьных тетрадках кремлевские башни как символ их собственной большой столицы и родины, а где-то в Подмоскowie находятся кости их дедов, защищавших ее.

И, что хуже всего, возникшие в ходе распада Союза разъединительные центробежные тенденции достигли самой России.

Вот почему в комплексе далеко непростых и, в ряде случаев, достаточно противоречивых, возникших в настоящее время перед российским обществом задач, доминантное место занимает задача скорейшей оптимизации всей системы межнациональных отношений.

В контексте сказанного внимание студентов следует обратить на то, что вывести на спасительный столбовой путь страну, может и должен только ее народ, а поскольку это многонациональная страна, то будет точнее сказать, все ее большие и малые народы. Однако народы не разобщенные и пытающиеся спастись в одиночку, а воедино сплоченные созидатели, уверенно и сообща, в едином устремлении решающие сложные, стоящие перед Отечеством проблемы.

Естественно, такое целеустремленное единение не придет само по себе, для его достижения нужна взвешенная научно-обоснованная национальная политика, а способность или неспособность политического режима выстроить ее должным образом, выступает строгим мерилем легитимности самой власти.

Известно, что вся история взаимоотношений между народами, взятая с изначальных ступеней генезиса человечества – это диалектическое взаимодействие двух, казалось бы, взаимоисключающих себя, а, в действительности, неразрывно связанных сторон: стремления каждого народа к самостоятельности и даже к самоизоляции (комплекс деления на «наших» и «не наших») и, с другой стороны, стремления к сотрудничеству и общению с другими народами. Органическая взаимосвязь этих сторон очевидна. Чем более вовлечен тот или иной народ в орбиту взаимного сотрудничества, тем шире перспективы его собственного развития: ведь при этом он получает у других народов всё то, чего (в силу природных, исторических, географических и других причин) нет у него самого и решает, на этой основе, свои внутренние проблемы, крепит свою самостоятельность. С другой стороны, чем более развитым, в качестве самостоятельного является этот или иной народ, тем больше у него перспектив к общению с другими народами, ибо, накапливая свои внутренние резервы и ресурсы, он получает возможность предложить части из них другим народам в обмен на всё необходимое для его собственного дальнейшего развития.

Диалектическая взаимосвязь этих сторон или, по Ленину, двух тенденций [3, с. 98], должна стать

надежной основой национальной политики. Любое нарушение: по типу «берите суверенитета сколько сможете» или попытки перевести национальные субъекты федерации на уровень административных, могут привести к тяжелейшим, возможно, непоправимым последствиям.

Нельзя, говоря о фактах формирования национальной политики, не указать и на такой, как воспитательная работа среди народов, которая, и это следует признать, сейчас, их по существу, не проводится. К примеру, борьба за деидеологизацию и деполитизацию в нашей Костромской области привела к закрытию областного Дома политпросвещения. Но правильно ли это с точки зрения стоящих перед обществом задач? Сложнейшие, происходящие в стране политические процессы породили у населения массу требующих разъяснения вопросов. Между тем, просветительские кадры, которые бы могли разъяснить эти вопросы оказались и не задействованы, и не подготовлены, так как центра такой подготовки не существует. Видимо поэтому реорганизация Дома политического просвещения, полная его переориентация на удовлетворение новых социальных заказов – вот что было бы действительно оправдано с точки зрения современной политики.

Реанимируя практику воспитательной работы, целесообразно, на наш взгляд, обратиться к уже имеющемуся в нашей истории опыту. И, в этой связи, пересмотреть и переосмыслить подходы к такому понятию как «пролетарский интернационализм».

Сейчас, когда все связанное с марксистско-ленинской теорией порождает в отечественном общественном сознании куда большее отторжение, чем в той буржуазной литературе, которую мы раньше называли антикоммунистической, это понятие не только превратилось в вызывающий мистический ужас жупел, но и вообще, фактически, изъято из употребления.

Что, в общем-то, и понятно. Ведь в наиболее общей форме пролетарский интернационализм означает единство международного рабочего класса в деле свержения буржуазии. Несомненно, что заостренная классовая направленность, бывшая некогда сильной стороной марксизма-ленинизма стала сейчас его очевидной слабостью и устарела, как естественно устарел и бесспорно изжил себя, в буквальном своем содержании, и сам пролетарский интернационализм.

Но если абстрагироваться от этой классовой направленности, то нельзя закрывать глаза на тот очевидный факт, что само понятие «интернационализм» означает не что иное как «межнационализм». В условиях многонационального сообщества оно вполне может и должно быть применено как обозначение интернационального общения народов. Другое дело, может ли такое общение быть как

проявление именно «пролетарского» интернационализма? Безусловно, нет.

Однако кроме классовых, в пролетарском интернационализме присутствуют и так называемые «общедемократические» принципы. К ним относятся: принцип равенства народов. Принцип сотрудничества народов на основе их помощи и взаимопомощи, принцип соблюдения такта в международных отношениях, принцип гармонического сочетания национальных и общих, интернациональных интересов, принцип диалектического сочетания патриотизма и интернационализма и другие.

Даже такое, наиболее беглое и общее перечисление основных общедемократических принципов дает, как нам представляется, основание для вывода о том, что они, как нельзя более, воплощают содержание многонациональной федерации. И коль скоро речь идет о том, что процессы демократизации российского общества призваны обеспечить власть народов, как субъектов политики, то почему бы не определить совокупность этих принципов не пролетарским, а «демократическим интер-

национализмом»? И, очищенные от классовой направленности, принципы именно демократического интернационализма станут способствовать объединению наших народов, ибо, в своей основе, они в совокупности как раз и выражают главную суть интернационализма: «В единстве – сила». Думается, что не боясь показаться махровыми ортодоксами прошлого, об этом стоит подумать, тем более сейчас, когда перед нашими политиками и теоретиками встала выдвинутая требованиями самой жизни необходимость разработки российской национальной идеи.

Библиографический список

1. *Ключевский В.О.* Лекции по русской истории. – М.: Наука, 2010. – 316 с.
2. *Ленин В.И.* Полн.собр.соч.: в 55 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – Т. 24. – 399 с.
3. *Ленин В.И.* Полн.собр.соч.: в 55 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1980. – Т. 30. – 285 с.
4. *Шаповалов В.Ф.* Россияведение. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 576 с.

УДК 352

Чепиль Виталина Витальевна

кандидат социологических наук, доцент

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

ОБРАЩЕНИЕ К ЗАРУБЕЖНОМУ ОПЫТУ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОСТРОЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

В статье подробно анализируются основные модели местного самоуправления в странах развитой демократии и формулируются рекомендации по их творческому применению в условиях реформы российской политической системы.

Ключевые слова: местное самоуправление, народовластие, эффективные модели, демократия, зарубежный опыт.

Формирование Российского демократического государства неизбежно требует обращения к богатому опыту, накопленному зарубежными странами в области функционирования местного самоуправления.

В мировой практике принято различать, не считая советской, две модели местного самоуправления: англосаксонскую (английскую) и континентальную (французскую). Выделение данных моделей базируется на принципах, которые лежат в основе отношений различных местных органов как между собой, так и с вышестоящими властями. В рамках англосаксонской модели (Великобритания, США, Канада, Австралия и т.д.) местные представительные органы формально выступают как действующие автономно в пределах предоставленных им полномочий и прямое подчинение нижестоящих органов вышестоящим отсутствует. Таким образом, отличительная черта исполнительной власти в этой модели – ее крайняя децентрализация [1, с. 25].

Континентальная (французская) модель получила распространение в большинстве стран мира (континентальная Европа, франкоязычная Африка, Латинская Америка, Ближний Восток). Ее главной отличительной особенностью является сочетание прямого государственного управления на местах и местного самоуправления.

В рамках французской системы представительные органы порой создаются лишь в административно-территориальных единицах, признанных законодателем в качестве территориальных коллективов (департамента, общины, округа).

Противопоставлять обе модели по данным особенностям, однако, не следует, ибо как та, так и другая формировались на принципах, свойственных демократическим государствам, что коренным образом отличает их от выросшей в рамках тоталитарной системы советской модели, функционировавшей в Советском Союзе и странах мировой системы социализма. И по сей день она действует в Китае, Кубе и КНДР.

Примечательно, что в ряде стран (Австрия, Германия, Япония) местное управление сходно как с англосаксонской, так и с континентальной моделями («смешанные» формы управления на местах).

Местное самоуправление в странах современного мира обычно охватывает два вида органов: местный представительный орган, избираемый населением соответствующей административно-территориальной единицы и принимающий, как правило, решения по наиболее важным местным вопросам, а также исполнительный орган (мэр, бургомистр и т.д.), обычно признанный в первую очередь выполнять решения представительного органа и осуществлять оперативное управление.

Страны современного мира могут иметь двухзвенную (Дания, Финляндия, Япония), трехзвенную (Италия), четырехзвенную (ФРГ) и пятизвенную (Франция) систему административно-территориального деления. Низовое звено образуют отдельные населенные пункты (город, деревня, поселок), городские районы (в крупных городах), даже кварталы. Своеобразной низовой структурой может являться даже кочевое племя или род (Мали, Нигерия). Среднее звено составляют вышестоящие единицы: области и провинции, к примеру, в Италии, кантоны, департаменты – во Франции.

Практика многих зарубежных стран свидетельствует о том, что прямое государственное управление на местах может играть в значительной мере позитивную роль в функционировании как местного самоуправления, так и всей политической системы страны в целом. Например, в округах Германии (за исключением земли Бавария и одного из округов земли Рейнланд-Пфальц) представительные органы не формируются, а управленческие функции поручаются представительным президентом, назначаемым исполнительной властью. Вне всякого сомнения, положительным фактором является то, что государственное управление позволяет усилить государственное начало в местном самоуправлении, подчинить, в необходимой мере, деятельность местных органов общенациональным интересам, а это, в свою очередь, повышает эффективность деятельности всей исполнительной власти, способствует большей координации местных органов с другими элементами государственного механизма. Но в то же время несомненной опасностью является то, что прямое государственное управление на местах может и подменять местное самоуправление, что снижает демократический потенциал политической системы, делает ее менее гибкой и динамичной, нарушает двухстороннюю связь избирателей с государством.

Примечательно, что некоторые крупные города могут совмещать в себе как региональный, так и низовой уровень управления. На низовом уровне управление осуществляется чаще всего посредством муниципалитетов, т.е. общины, управление

которой построено на началах местного самоуправления и которая обладает статусом юридического лица.

Помимо выборных органов составной частью местного самоуправления (муниципального управления) являются исполнительные органы, отвечающие за повседневное управление местными делами и реализацию решений представительных органов.

Полномочия местных органов обычно закрепляются специальными законами, а также законами, регулирующими различные отрасли государственного управления. В федеральных государствах полномочия местных органов чаще всего регулируются актами субъектов федерации, а в англосаксонских странах важным источником компетенции местных органов являются судебные прецеденты, во многом конкретизирующие компетенцию местных органов, установленную актами парламента.

Порядок предоставления полномочий местным органам неодинаков в различных странах. Так, в США и Великобритании утвердился принцип «позитивного регулирования» деятельности местных органов: объем их полномочий устанавливается путем подробного перечисления их прав и обязанностей. Местные органы вправе совершать лишь те действия, которые предписаны им законом. Например, в США действует так называемое «правило Диллона»: «любое справедливое, разумное, существенное сомнение в наличии того или иного полномочия трактуется судами против муниципальных корпораций и спорные полномочия отрицаются».

В странах континентального права, напротив, действует принцип «негативного регулирования», при котором местные органы вправе осуществлять все действия, не запрещенные законом.

Компетенция местных органов охватывает, в первую очередь, финансово-экономические полномочия, главными из которых являются принятие местного бюджета, местное планирование, регулирование деятельности в сфере муниципального хозяйства. Местные органы отвечают также за коммунальное обслуживание населения и – что особенно важно на наш взгляд – охрану окружающей среды. В эту же группу полномочий входят развитие транспорта и регулирование дорожного движения, санитария, канализация, очистка улиц и т.д. Местные органы несут ответственность за охрану общественного порядка, устанавливая правила поведения в общественных местах, распоряжаясь местными полицейскими силами [2, с. 158].

Думается, заслуживает внимания и тот факт, что в самом общем виде уже в законодательстве стран современного мира полномочия местных представительных органов обычно подразделяются на обязательные и факультативные (добровольные). К обязательным относятся те, которым придается общегосударственное значение и которые должны

исполняться в обязательном порядке. В число их входят: водоснабжение, транспорт, общественная безопасность, здравоохранение, содержание и уборка улиц и т.д.

Факультативные же реализуются местными властями по своему усмотрению, в зависимости от их конкретных финансовых возможностей. Сюда относятся различные социальные и культурные функции: содержание общественных парков, библиотек, посадка деревьев, строительство домов для бедных и инвалидов и т.д.

На наш взгляд, подобная практика достойна изучения, тем более что общая тенденция в зарубежных странах идет к сокращению собственно коммунальных дел и расширению обязательных полномочий.

Общий контроль за местными органами в унитарных государствах осуществляется центральным правительством в лице одного или нескольких министерств, чаще всего – Министерства внутренних дел. В федеративных государствах деятельность местных органов контролируется субъектами федерации.

Любопытно, что в англосаксонской модели представители центра на местах практически отсутствуют.

Административный контроль центральных властей за деятельностью местных органов выражается в их праве утверждать некоторые акты и санкционировать оправленные действия последних, а также смещать определенных должностных лиц местного управления.

В законодательстве обычно предусматривается применение определенных санкций к местным органам в случае некачественного выполнения ими функций. Наиболее радикальная мера, которая может при этом быть применена – это роспуск местных органов власти, что характерно для стран с континентальной моделью самоуправления. В странах англо-саксонского типа, напротив, наиболее распространен судебный контроль деятельности местных органов власти.

Зачастую в ходе работы местных органов могут возникнуть конфликты и здесь, на наш взгляд, интересен пример Швеции, где граждане вправе обжаловать решения местных представителей органов в судебном порядке, а решения их исполнительных органов – в комитетах по рассмотрению жалоб, образованных местными советами.

Сужению реальной компетенции местных органов может способствовать функционирование на местах региональных отделов центральных министерств и ведомств.

Во французском праве подобные отделы получили название «государственные периферийные службы». Они отвечают за проведение на местах политики, определенной центральным аппаратом управления, за поддержание контактов с населением, принятие оперативных решений.

Таким образом, местное самоуправление представляет собой сложный механизм, который, будучи в определенной степени автономным (что выражается в выборности местных представительных органов, наличии у них своего исполнительного аппарата, института муниципальной собственности и т.д.), функционирует, в конечном счете, под контролем центральных властей и в значительной степени интегрирован в государственный механизм, выполняя многие функции, имеющие общенациональное значение, число которых увеличивается с расширением социальных функций современного государства.

Одним из бесспорных достижений системы органов местного самоуправления зарубежных стран является их самостоятельность в системе местного налогообложения и местных бюджетов, что для российского общества имеет также принципиальное значение.

Местные бюджеты действуют на территории административных единиц, имеющих, как правило, выбранные органы управления.

Доходы их складываются из четырех основных составных частей: 1) налоги; 2) неналоговые доходы; 3) субсидии; 4) дотации из центрального бюджета, причем, доходы от налогов являются одним из наиболее важных, хотя и не всегда основных источников местных бюджетов.

На этом мы заканчиваем характеристику особенностей западных моделей. Однако следует отметить, что применительно к национально-территориальному устройству России заслуживает особого внимания проявление федерализма «немецкой модели».

По мнению западных экспертов, эта модель обретает все большую общеевропейскую популярность, а привлекательность этой модели, хорошо зарекомендовавшей себя, влечет за собой проникновение федерализма в страны с централизованной системой управления. Действительно, система управления, имеющая три уровня: федеральное правительство – земли – общины, достаточно гибка. Оставляя значительный простор для самостоятельных действий, она, в случае необходимости, может мобильно привлекать дополнительные силы и средства, чтобы решать наиболее важные проблемы. Круг деятельности местных органов при этом значительно расширен: он охватывает сферу социального обеспечения, строительство больниц, школ, вузов, жилищно-дорожное строительство, водо- и газоснабжение. Более того, местные органы имеют возможность регулировать цены на продукцию отраслей общего пользования, предоставлять льготные кредиты, снижать плату за пользование электроэнергией, формировать рынок рабочей силы (что особенно важно сейчас у нас, в период растущей безработицы), заниматься охраной окружающей среды, развивать «индустрию отдыха».

Столь успешная деятельность стала во многом возможной, на наш взгляд, потому, что огромное внимание в ФРГ уделялось подготовке квалифицированных кадров работников органов местного самоуправления, постоянному повышению их квалификации. Более того, была разработана специальная программа по переподготовке государственных служащих из бывшей ГДР для получения статуса чиновника. Был установлен проверочный срок, для подтверждения соответствующей квалификации: для руководителей высшего звена управления – 4 года, руководящего состава – 3 года и среднего звена управления – 2 года.

После этого устанавливался трехлетний испытательный срок для чиновников, в течение которого параллельно действовали курсы повышения квалификации [3, с. 72].

Несомненно, что подобная практика продуманного и научно разработанного вовлечения людей, сформировавшихся как активные члены общества в период социализма, в непривычные и малопонятные им капиталистические отношения, должна была быть осуществлена в свое время и в нашей стране, где, к сожалению, похоже, мало кто над этим задумывался, что и привело, в конечном счете, к соответствующим результатам. Ведь после развала Советского Союза и утраты бывших социальных ценностей наше общество напоминало ребенка, брошенного в воду без предварительной подготовки и вынужденного учиться плавать в новой, доселе неведанной ему среде, судорожно хватавшегося за все «заботливо» подсунутые ему заокеанские подпорки. Однако, по нашему глубокому убеждению, необходимо было не слепо копировать иностранный опыт, а переносить на российскую почву лишь то, что зарекомендовало себя положительно, да еще с учетом российских тенденций и условий. Так, вряд ли возможно применение на нашей земле англосаксонской модели местного самоуправления, которая, безусловно, обладает многочисленными достоинствами: местные органы власти обеспечивают деятельность хозяйственных и социальных служб, на них возложена практическая реализация многих социально-экономических программ правительства. Твердая финансовая база обеспечивает их административно-хозяйственную самостоятельность. Чрезмерная децентрализация, обусловленная конкретно-историческими причинами (вспомним, что США, Австралия и другие стра-

ны англосаксонской модели были колониями Англии, разбросанными по всему миру) должна была способствовать тому, что местное самоуправление неизбежно должно было активно развиваться на такой значительной удаленности от центра: ведь, в самом деле, не будешь же по каждому пустяку отправлять бумагу в Лондон! На местах дело обстояло примерно таким же образом: обживая новые территории, каждый фермер просто вынужден был активно участвовать в работе местных органов власти, что постепенно формировало менталитет нации. Заметим, к тому же, что в США не существует единой системы органов местного самоуправления. Их структура, функции и территориальные границы определяются правительством штатов и значительно различаются в зависимости от штата.

Значит ли все вышесказанное, что мы должны вообще отказаться от опыта, накопленного этой системой? Безусловно, нет. В первую очередь, весьма полезным может оказаться экономический опыт англосаксонской модели. Однако опыт континентальной модели, на наш взгляд, имеет больше оснований для внедрения в нашей стране. Система функционирования местных органов власти ближе и понятнее, более соответствует российским реалиям. Ведь даже тот же принцип «негативного регулирования» имеет давние традиции в нашей истории и гораздо белее апробирован в деле.

Таким образом, в процессе формирования современного российского самоуправления далеко немаловажное значение имеет применение иностранного опыта, однако, применение не по принципу столь наглядно сейчас себя обнаруживаемого в российской политике стремления слепого подражания всему иностранному, даже за счет утраты накопленных в своей практике политических и социально-экономических ценностей, а применение творческое, диалектически точно вымеренное согласно отечественным уровням и возможностям.

Библиографический список

1. *Токвиль А.* Демократия в Америке. – М.: Наука, 1992. – 357 с.
2. *Хорхоф Э.М.* Местные органы власти в Европе. – М.: Логос, 2002. – 295 с.
3. *Черкасов А.Н.* Сравнительное местное самоуправление: теория и практика. – М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 2003. – 277 с.

УКОРЕНЕННОСТЬ ПРОСТРАНСТВА В ФИЛЬМЕ А.А. ТАРКОВСКОГО «ЗЕРКАЛО» И ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЯХ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Главной идеей статьи является выявление пространственно-временной структуры кинематографического языка А.А. Тарковского на примере анализ фильма «Зеркало». Данная проблема рассматривается сквозь призму философских идей П.А. Флоренского, касающихся пространственного строения мира, куда включается и понятие памяти.

Ключевые слова: корень, онтология, мнимости, хронотоп, память, эмпирей.

Идея выделения и нахождения корня видимой реальности в пространстве ноуменального мира получает свое новое рождение в философской традиции рубежа XIX–XX вв. По замечанию А.В. Михайлова, эта проблема была актуальной для всей философии XIX в. Такая постановка проблемы была связана с новым пониманием пространства. Если с эпохи Возрождения до XVIII в. пространство мыслилось безграничным, безличностным, считалось, что вещи в нем только «находятся», а не «существуют», то на рубеже XIX–XX вв. мыслители обращаются к древнему пониманию вещей, согласно которому вещи обладают своим топосом (Аристотель), хорой (Платон). Топос, или хора, – определенное место, в котором вещь пребывает, бытийствует, это ее своеобразное местонахождение, которым она воздействует на пространство, искривляя его.

По определению А.В. Михайлова, хора – это такое место, «которое вещь носит с собой, от которого она, собственно говоря, неотторжима» [3, с. 49]. Место, или хора, «составляет часть ее сущности; вне своей хоры вещь не существует; ее эпитеты – мать и кормилица; всякое движение возможно только в хоре, границы хоры совпадают с границами находящейся в ней вещи» [3, с. 49]. Каждая вещь имеет свой корень и в нем укоренена, ее укорененность можно сравнить с движением по вертикали. Такого рода движение осуществляется, когда вещь являет не только видимое бытие, но и бытие онтологическое, способное, в свою очередь, искривлять пространство, в котором данная вещь находится.

Идея укорененности вещей в пространстве ноуменального мира является центральной в пространствопонимании П.А. Флоренского. Также в русле идей Флоренского и общей философской традиции можно отметить определенное отражение этой идеи в кинематографическом наследии А.А. Тарковского. Подчеркнутая конкретность, вещественность, предельная материальность кадров его фильмов подчеркивают поэтическое отношение к изображаемому миру. Воплощению данной идеи служат

длинные кадры фильмов Тарковского, крупные планы, пластичность и композиционная выстроенность зрительных образов. Особенно подобное понимание пространства отражается в фильме «Зеркало», что во многом является заслугой оператора Г. Рерберга. Перед нами разворачиваются опозитизированные кадры натюрмортов, составленных из простых предметов, но решенных в предельно четкой графичной форме, подчеркивающей их первозданную красоту. Художник, выстраивая череду кадров, любит материальную вещественность мира, что подчеркивается вплетением в общую канву фильма «Зеркало» стихов Арсения Тарковского:

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи – таз, кувшин, – когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

За внешней материальностью фильмов Тарковского стоит уверенность во внутренней связи вещей с пространством ноуменального мира. Этот мир в образе сновидений входит в материальную реальность, пульсирует в ней, преобразует ее, определяет течение и путь материального мира. Реализацию данного пути Тарковский видит через обращение к корням, роду, истоку, памяти. Именно этим проблемам посвящен фильм «Зеркало». С самых первых кадров Тарковский заставляет зрителя заглянуть внутрь себя и через это обращение исцелиться и найти в себе силы, чтобы говорить. Не случайно, что фильм начинается словами «Я могу говорить». Далее идут кадры-воспоминания: мать сидит на плетне, смотрит на дорогу, но вот она тревожно оглядывается на нас, зрителей, – или в прошлое? Этот кадр-оглядывание будет несколько раз повторяться в фильме, он же будет и в конце, где мать, только уже в старости, также сидит на плетне. В следующей сцене с доктором, в которой он падает и вдруг замечает окружающий его мир корней, растительности и в какой-то растерянности говорит о том, что растения чувствуют, живут, подчеркивается одна очень важная мысль – рядом с нами находится иной мир, но мы торопимся, нам не хватает времени, мы его просто не замечаем.

Тарковский как художник во всех фильмах пытался остановить время, дать зрителю проникнуть в иную реальность, заметить этот мир, собственно этим проблемам посвящен главный его труд – «Запечатленное время» [4, с. 69–79].

Нащупыванию иной реальности, ее онтологизации посвящены практически все фильмы режиссера, но в топографических образах эта идея получила свое воплощение в фильме «Сталкер». Сталкер выступает в роли проводника по путям иной реальности, и не верующим в нее ученому и поэту он пытается внушить мысль об опасности этой реальности, привить бережное к ней отношение. Действительно, на протяжении всего фильма они путешествуют по зоне, используя вспомогательные элементы – шурупы, гаечки, в то время как ниоткуда появляется образ собаки, совершенно свободно передвигающейся по зоне. Собака – часть этой зоны, часть, которая в ней укоренена, в отличие от людей, не имеющих корней. Укорененность, обращенность к своим истокам, роду дают защиту и онтологическую полноту. В этом аспекте Тарковский близок идеям Флоренского относительно рода и времени как четвертой координаты пространства.

Для Флоренского корни, род идентичны полной раскрытости образа по четвертой координате пространства – времени. В письме к В.В. Розанову П.А. Флоренский пишет: «...Наше сходство: это острая, до боли, любовь к конкретному, к сочному и, скажу определенно, к **корню** – к корню личности, истории, бытия, знания» [8, с. 280]. Далее, развивая эту тему, в работе «Статьи и исследования по истории и археологии» Флоренский в качестве примера четырехмерного образа приводит образ дерева, взятый целиком: с корнями, стволом, ветвями, листьями и т.д. Тогда «род действительно есть дерево, и он действительно ветвится, но не в высоту, т. е. в третье измерение, а во время, т. е. в измерение четвертое» [9, с. 207]. Но в отличие от дерева, по словам Флоренского, род с каждым поколением быстро отмирает, «и в каждом трехмерном сечении рода редко бывает налицо более трех поколений зараз» [9, с. 208]. «Род есть единый организм и имеет единый целостный образ. Он начинается во времени и кончается. У него есть свои расцветы и свои упадки» [9, с. 208]. Задачей же каждого человека является «знать, представлять и синтезировать в своем познании прошлое своего рода, закреплять его возможными способами...» [9, с. 208].

С данными утверждениями Флоренского Тарковский был полностью согласен. Саму задачу кинематографа он видел в запечатлении образов прошлого. В качестве вспомогательного элемента Тарковский обращается к особому пространственному построению структуры фильма. По замечанию многих исследователей, пространственный мир фильмов Тарковского может быть уподоблен сфере, «он замкнут, даже некоммуникабелен в каком-

то смысле, он обращен “в себя, в единоличье чувств”» [5, с. 242]. Разномасштабные, разноплановые отрывки-сюжеты фильма самоограничены, закольцованы и при всей их кажущейся ограниченности связаны тканью рассуждений за кадром. Начало и конец фильма смыкаются, получая онтологическую завершенность. Так, начало фильма – развод родителей, воспоминание детства, конец – смерть Алексея и снова воспоминания матери и отца об их первых счастливых отношениях и ожидании рождения первенца (Алексея). Смерть и рождение в данном контексте претворяются в одно целое. Венчает все образ матери – одновременно молодой и старой.

Структура фильма – это попытка зафиксировать время и пространство, зафиксировать именно в движении, без остановки, дать тем самым развернутую картину данных категорий, подобно тому как иконописец фиксирует образ, воплощая его с разных точек зрения, то есть давая ему внутреннюю онтологическую жизнь-движение. Проанализировав композицию фильма, можно сказать, что это воплощение потока сознания. Именно поток сознания позволяет Тарковскому «сближать реальное и ирреальное, прошлое и настоящее, начала и концы, преодолеть линейное течение времени... позволяет двигаться во времени так же свободно, как и в пространстве» [1, с. 215]. При анализе фильмов Тарковского многими исследователями выдвигалась теория разномасштабности времени и пространства. По словам М.И. Туровской, «непривычность же и смысл фильма “Зеркало” – в разномасштабности: времени его свойственны разные измерения» [5, с. 108]. Разномасштабность проявляется в сочетании кадров хроники и кадров личной судьбы, тем самым подчеркивается включенность отдельной личности в мировой космический процесс. Относительно фильмов Тарковского можно говорить о понятии хронотопа (времени-пространства). Одновременное включение кадров хроники, ряда воспоминаний, снов создает особую пульсирующую структуру фильмов Тарковского. В хронотопе фильмов Тарковского, по словам Туровской, «прошлое всегда равноправно сосуществует с настоящим, воображаемое – с реальным» [5, с. 231]. Важно, что композиция фильма – «стихия существования героя», «его “индивидуальный поток времени”», где «все моменты времени одинаковы, приравнены к “настоящему” сюжета, как бы сосуществуют в нем» » [5, с. 231].

Все перечисленные качества фильма Тарковского применимы к идеям обратной перспективы, которые развивал в своих философских трудах Флоренский [6; 7]. Основой системы обратной перспективы, по Флоренскому, является особое живое отношение к пространству, построенное на геометрии Римана и Лобачевского. Подобное пространство обладает следующими характеристиками: оно

анизотропно, неомогенно, конечно, дискретно, имеет определенную кривизну, в каждой точке разную, четырехмерно (время как четвертая координата), через одну точку можно провести несколько параллельных линий. В подобной пространственной организации принимается одновременно несколько точек зрения, учитывается бинарность зрительного процесса, художник объявляется постоянно двигающейся субстанцией, равно как и изображаемый им мир, принимаются психофизиологические процессы зрения.

Рассуждая о категории пространства в философии Флоренского, необходимо отметить, что существенным содержанием пространства является понятие его кривизны. Кривизна пространства измеряется его «силами» или «силовыми линиями». «Силовые линии» Флоренский определяет как «причину ускорения» [9, с. 105], отмечая, что собственно «силы» бывают механического, психического, геометрического, физиологического и физического происхождения. Любая причина изменения подходит под определение «силы».

«Силовые линии» предопределяют наличие множества пространств, где степень насыщенности измеряется работой или усилием преодоления его протяженности. В таком метафизически «живом» пространстве «силовые линии», как места скопления «сил», образуют особые «силовые центры», определяя при этом саму структуру пространственного строения, его организацию. «Силовые линии», организуя внутреннее строение пространства, являются его костяком, его энергийной сущностью, делят его на множество дискретных пространств, обладающих своими «центрами» и «силами», обеспечивающими пространству свой особый «образ обособления» [9, с. 110].

В таком насыщенном и многообразном пространстве не может быть ничего просто наличного, лишнего, бескачественного. Вещи и предметы в описанном Флоренским пространстве являются не просто безличной «начинкой», но своеобразными ««складками» или «морщинами» пространства» [9, с. 83]. Вещи, выступая на первый план, могут искривлять пространство, внося в него изменение соотношения силовых полей, линий, тогда вещи оказываются причиной искривленности пространственной организации.

Связь вещей и самой пространственной организации является взаимообратной – либо сами вещи определяют искривленность пространства, либо пространство своей организацией определяет искривленность вещей. Другими словами, ««силовое поле искривляет и тем организует пространство», либо: «пространство своею организацией, т. е. искривленностью, определяет некоторую совокупность силовых центров»» [9, с. 111]. Так, жест может искривлять пространство, определяя его организацию. Эта направленность прочитывается

в схеме «от вещей – к пространству», так как именно вещи и жест как вещь выступают здесь на первый план. А может быть и иная направленность: «от пространства – к вещам». Она осуществима в том случае, «когда натяжениями от жеста особая кривизна пространства в данном месте знаменует-ся. Она была уже здесь, предшествуя жесту с его силовым полем. Но это незримое и недоступное чувственному опыту искривление пространства стало заметным для нас, когда проявило себя силовым полем, полагающим, в свой черед, жест» [9, с. 113]. Таким образом, либо вещи, понимаемые Флоренским в платонново-аристотелевском смысле как идеи-образы, идеальные организмы-сущности, искривляют пространство, либо само пространство, уже предсуществующей в нем искривленностью, создает ту или иную совокупность силовых центров.

Собственно, именно реализацию подобных силовых центров структурно пытается запечатлеть в своих фильмах Тарковский. Как по лабиринту двигаемся мы в пространстве сна-реальности. Ритм и многомерность в строении фильмов обескураживает и делает их трудными для восприятия, что в свое время отметил в статье «Учиться понимать» академик Д.С. Лихачев [2, с. 8–9]. Секрет фильмов Тарковского находится как раз в определенном пространственном строении, предполагающем укорененность вещей в ноуменальной реальности.

Библиографический список

1. Божович В. Поэтическое слово и экранный мир Андрея Тарковского // Мир и фильмы Андрея Тарковского / сост. А.М. Сандлер. – М.: Искусство, 1990. – С. 212–228.
2. Лихачев Д.С. Учиться понимать // Сов. экр. – 1976. – № 15. – С. 8–9.
3. Михайлов А.В. Обратный перевод / сост., подгот. текста и комм. Д.Р. Петрова и С.Ю. Хурумова. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – 856 с.
4. Тарковский А.А. Запечатленное время // Искусство кино. – 1967. – № 4. – С. 69–79.
5. Туровская М.И. Семь с половиной, или Фильмы Андрея Тарковского. – М.: Искусство, 1991. – 255 с.
6. Флоренский П.А. Иконостас / вступ. ст. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского; состав. текстов игумена Андроника (А.С. Трубачева), М.С. Трубачева, П.В. Флоренского; подгот. текста и комм. А.Г. Дунаева. – М.: Искусство, 1995. – 256 с.
7. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. – Т. 3 (2) / сост. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 2000. – 623 с.
8. Флоренский П.А., свящ. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание / сост.

игумена Андроника (А.С. Трубачева), М.С. Трубачева, Т.В. Флоренской, П.В. Флоренского; предисл. и комм. игумена Андроника (А.С. Трубачева). – М.: Моск. рабочий, 1992. – 560 с.

9. Флоренский П.А., свящ. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. Игумена Андроника (А.С. Трубачева). – М.: Мысль, 2000. – 446 с.

УДК 782

Иванов Дмитрий Игоревич

кандидат филологических наук
Ивановский государственный университет
ivan610@yandex.ru

ВОСПРИНИМАЮЩЕЕ СОЗНАНИЕ СЛУШАТЕЛЯ-ЗРИТЕЛЯ КАК КОНСТИТУТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СТРУКТУРЫ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В данной статье рассматривается специфика процессов восприятия слушателя-зрителя, погружённого в пространство рок-искусства. Описывается механизм встраивания и функционирования сознания слушателя в структуру синтетической языковой личности.

Ключевые слова: синтетическая языковая личность, рок-искусство, воспринимающее сознание, корреляционное поле, лингвокультурология.

В рамках данной статьи рассматривается комплекс актуальных и перспективных вопросов лингвокультурологии, связанных с изучением специфики компонентного состава синтетической языковой личности (СЯЛ). Кроме того, впервые предпринимается попытка системного описания механизмов взаимодействия воспринимающего сознания, генетически связанного, в пространстве синтетического текста и СЯЛ, с сознанием автора-исполнителя. Укажем, что в структуре СЯЛ, актуализированной в пространстве песенного синтетического рок-текста, можно выделить четыре конститутивных компонента: 1) вербальный; 2) музыкальный; 3) артикуляционный; 4) имиджевый. Однако следует отметить, что структура СЯЛ является принципиально открытой, разомкнутой и не ограничивается пространством порождающей тот или иной синтетический текст личности автора-исполнителя.

Важно, что в структуре СЯЛ, существующей в пространстве отечественной рок-культуры, воспринимающий субъект (слушатель-зритель) является значимым и конститутивным компонентом. Он получает возможность корректировать как общую семантику синтетического текста, так и содержание когнитивно-прагматического уровня СЯЛ. Это приводит к принципиальному изменению статуса воспринимающего сознания, и оно, как действенное, активное начало, включается в систему СЯЛ.

В основе данного процесса лежат качественные особенности процессов восприятия и интерпретации синтетического текста слушателями-зрителями. Рассмотрим эти процессы более подробно. Процесс восприятия синтетического текста проходит в несколько основных этапов.

Первый этап. Первичное восприятие (осознание) синтетического текста. На этом уровне каж-

дое воспринимающее сознание представляет собой условно отдельный, самостоятельный субъект, количество которых равно числу слушателей-зрителей, соприкасающихся с синтетическим текстом в рамках конкретного исполнения рок-произведения. Отметим, что феномен условной самостоятельности воспринимающего субъекта реализуется по причине активизации личностного, первичного восприятия текста, дистанцированного от имиджа рок-исполнителя. На этом этапе воспринимающее сознание обращается, прежде всего, к поэтическому компоненту, пытается декодировать и встроить его в условно «свою» личностную систему представлений и опыта. Этот процесс носит условный характер, так как вербальный компонент уже содержит в себе авторские интенции, качественные особенности которых задают своеобразный вектор восприятия текста. Важно, что в данном случае воспринимающее сознание проводит процесс первичной перекодировки текста, создавая в рамках своего сознания своеобразную образно-когнитивную, интерпретационную систему, в основе которой лежат особенности личности каждого отдельного субъекта: «В воспринимающем сознании при продуцировании образа текста можно выделить следующие подпространства, взаимодействующие друг с другом и являющиеся частями или модификациями общего пространства сознания: 1) пространство общественно выработанных значений; 2) знаковое пространство текста. При взаимодействии этих двух пространств выделяется третье – пространство образов, составляющих собой содержание пространства интерпретированного текста, по сути, являющееся пространством смыслов, которые связывают образы внутри сознания» [5, с. 61].

Прежде чем переходить к описанию второго уровня восприятия синтетического текста, необхо-

можно сказать о том, что между данными уровнями активизируется своеобразное интерпретационное поле, которое выступает в роли связующего пространства между воспринимающим сознанием и СЯЛ. Этот своеобразный переход, который одновременно конституирует принцип принципиальной открытости СЯЛ, раскрывает её полную структуру и специфику внутренних механизмов динамического существования, перманентной корректировки и модернизации когнитивно-прагматических процессов, образующих ядро СЯЛ. Подчёркнём, что процесс трансформации (механизм семантического приращения) можно считать бесконечным. Это связано с тем, что каждое новое обращение к синтетическому тексту или очередное исполнение рок-композиции приводят к появлению новых интерпретантов (потенциальных субъектов-участников СЯЛ).

В результате можно говорить о том, что феномен возникновения интерпретационного поля в данном контексте считается одной из самых эффективных форм существования СЯЛ и синтетического текста. Дело в том, что именно в зоне интерпретаций реализуется комплекс основных духовных усилий личности.

Это происходит из-за того, что «художественный текст – есть язык художника, и как посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить в нем его собственную, так нельзя её сообщить и в произведении искусства; поэтому содержание этого последнего (когда оно окончено) развивается уже не в художнике, а в понимающих и воспринимающих» [6, с. 130].

Важно, что в пространстве интерпретационного поля происходит внутреннее соприкосновение воспринимающей языковой личности и имиджевого компонента СЯЛ, в рамках которого уже произошёл процесс слияния / совмещения ритмико-семантического корреляционного поля (РСКП 1) и (РСКП 2).

Важно, что именно на этом этапе активизируется феномен вовлечения воспринимающего субъекта в структуру СЯЛ. Интересно то, что при этом трансформируется внутренняя структура синтетического текста: «Первоначально текст предстаёт, как результат пересечения пространства автора с окружающей действительностью (социокультурным контекстом, в котором находится автор). Затем, при дальнейшем своём осуществлении, текст реализуется во многих интерпретациях, которые появляются между пространствами текста и сознанием интерпретатора. Точнее, интерпретированный текст является пересечением этих пространств» [2, с. 61].

На *втором* уровне восприятия синтетического текста происходит процесс нейтрализации условной самостоятельности воспринимающих субъектов (личностное восприятие уходит на второй план). Это связано с тем, что «личная» образно-когнитивная система каждого отдельного сознания подчи-

няется (попадает в полную или частичную зависимость) имиджевому компоненту СЯЛ. Отметим, что музыкальный компонент СЯЛ в данном контексте играет определяющую роль, так как выступает в качестве мощного катализатора гипнотических интенций. Это приводит к корректировке пластичных «личных» образно-когнитивных систем.

Укажем, что ситуация трансформации данных систем основана на выделении в каждой из них общих когнитивно-прагматических элементов, полностью или частично совпадающих с когнитивно-прагматической моделью автора-исполнителя (носителя имиджа). Именно этими процессами объясняется на первый взгляд непонятный феномен своеобразного «контроля» рок-поэта над многотысячной толпой фанатов. Здесь достаточно вспомнить концерты К. Кинчева (1983–1989 гг.), который во время исполнения песни «Мы вместе» (альбом «Энергия») поднимает руку вверх и буквально выкрикивает концептуально-программирующую сознание фразу «мы вместе» и все присутствующие делают то же самое. Ещё один интересный случай рассказал режиссёр фильма «Асса» В. Соловьев: «Для съёмок заключительных сцен фильма нам было нужно 10000 человек массовки. Это была большая проблема. Но как только люди узнали, что смогут бесплатно услышать В. Цоя, собралось 12000 человек. Все как сумасшедшие орал: “Перемен, мы ждем перемен...” И я тоже орал. Но никто и не задумывался: каких перемен мы ждём... На мой взгляд, это просто удивительный, необъяснимый феномен» [7, с. 231–233].

Однако в то же самое время каждый воспринимающий субъект, уже объединённый коллективно-массовым восприятием, сохраняет способность к активной интерпретации синтетического текста.

В результате процессов внутренней адаптации воспринимающего сознания и имиджевого компонента СЯЛ происходит трансформация когнитивно-прагматического уровня СЯЛ.

Здесь следует сказать о том, что можно выделить два формальных способа взаимодействия воспринимающего сознания с синтетическим текстом и с СЯЛ.

1. *Совместное исполнение (рок-поэт + слушатели-зрители) одного или нескольких целых СТ / фрагментов СТ в рамках рок-концерта.* Укажем, что чаще всего совместно исполняются главные, программные композиции группы, которые, как правило, хорошо знакомы слушателям и формируют своеобразный имидж рок-поэта и специфику его восприятия воспринимающим сознанием. Например, «Я хочу быть с тобой», «Прогулки по воде» («Наутилус Помпилиус»), «Родина», «Это всё», «Что такое осень», «Последняя осень» («ДДТ»), «Перемен», «Пачка сигарет», «Группа крови» («Кино»), «Моё поколение», «Мы вместе», «Всё это рок-н-ролл» («Алиса») и многие другие.

Укажем, что в рамках первого способа можно выделить два основных варианта: а) определённые фрагменты синтетического текста пропеваются и рок-поэтом, и слушателем-зрителем; б) определённые фрагменты синтетического текста пропеваются только слушателями-зрителями. Отметим, что совместное исполнение рок-композиций встречается достаточно часто (практически на любом рок-концерте), поэтому принцип совместного исполнения можно считать типичным и постоянно реализующимся. Причем феномен коллективного исполнения (как некая конститутивная составляющая рок-искусства) реализуется не только в рамках концертных альбомов, но и отражается, фиксируется в студийных рок-альбомах. Например, в альбомах группы «Алиса» («Сейчас позднее, чем ты думаешь // Алиса, 2003; «Стать севера» // Алиса, 2007).

Важно, что в обоих случаях коллективное воспринимающее сознание встраивается в структуру СЯЛ и занимает определённое место на уровне исполнения синтетического текста. Этот процесс закономерно приводит к усложнению субъектных отношений в структуре СЯЛ за счёт активизации принципа хорового исполнения: «Появление в структуре альбома хорового пения свидетельствует о подвижках в субъектной сфере: здесь говорит уже не “я” лирического субъекта, а некое “мы” – коллективный голос “поэта и народа”» [1, с. 338].

Необходимо отметить, что процесс трансформации исполнительского уровня полностью или частично контролируется авторскими интенциями первичного исполнителя, то есть «зрители участвуют в порождении синтетического текста, которым (порождением), конечно, управляет лидер-певец. Таким образом, поющая хором с “корифеем” публика выступает на концерте в качестве одного из действующих лиц, как “в древней Греции, где хор выполнял сразу роль и актёра, и зрителя” [8, с. 7]» [1, с. 340].

Следует обратить внимание на то, что в зону совместного, хорового исполнения могут попадать разные фрагменты вербального компонента синтетического текста, однако наиболее часто феномен хорового исполнения реализуется в рамках припевного компонента СТ. Это происходит по нескольким причинам. Во-первых, достаточно часто припевный компонент выделяется из общего контекста композиции за счёт его усиления средствами музыкального компонента. Во-вторых, припев, как правило, содержит в себе комплекс *повторяющихся* концептуальных единиц (эти единицы являются фундаментальной основой когнитивно-прагматического уровня СЯЛ), которые могут еще больше удлиняться в рамках концертного исполнения рок-композиции. Например, припев песни К. Кинчева «Моё поколение»: «*Мое поколение молчит по углам. / Моё поколение не смеет петь, / Моё поколение чувствует боль, / Но снова ставит себя под плеть. / Моё поколение смотрит вниз. / Моё поко-*

ление боится дня. / Мое поколение пестует ночь, / А поутру есть себя. / Моё поколение, / Моё поколение, Мое поколение...» [3]. По этой же модели строятся припевы песен В. Цоя «Попробуй спеть вместе со мной», «Перемен», «Закрой за мной дверь, я ухожу», «В наших глазах»; К. Кинчева – «Красное на чёрном», «Время менять имена», «Мы вместе», В. Бутусова и И. Кормильцева – «Скованные одной цепью»; и многие другие.

Укажем, что каждый новый повтор усиливает гипнотическое воздействие на публику (обмен энергией и активизация интертекстуального поля), в результате чего и происходит усложнение субъективной структуры СЯЛ.

Нечто подобное мы видим в композиции К. Кинчева «Инок, воин и шут» [4] с альбома 2007 года «Сейчас позднее, чем ты думаешь». Автор использует приём многократного повторения ключевой, смыслообразующей фразы: «Моя светлая Русь...». Причем на записи в структуре третьего куплета мы слышим, что эту концептуальную, стержневую фразу пропевает публика (хор), присутствующая на концерте. При этом мы не слышим голоса самого К. Кинчева. Этот момент является принципиальным. В данном контексте можно говорить о том, что отсутствие голоса рок-поэта иллюзорно, так как его голос звучит внутри хора, растворяется в нём. Он становится одним из участников хора – это своеобразный способ абсолютизации коллективного субъекта. Причем процесс абсолютизации, актуализируясь на уровне исполнения, отчасти затрагивает и уровень сочинения. Хор становится соавтором, так как в данных условия нельзя чётко определить, какой тип субъекта (первичный автор или хор) является доминирующим. Музыкальный и вербальный компоненты СЯЛ отражаются в сознании каждого коллективного исполнителя, что закономерно приводит к феномену «вписывания» концептуального кода, заложенного в стержневой, афористической фразе, в сознание каждого исполнителя: «Воспеваемое в произведении “прорастает” из поэтического смысла в артикуляционную составляющую. Получается, что, несмотря на местоимённую форму первого лица “моя”, запись содержит артикуляционно эксплицированную – “наша”. Такое смещение не может не сказаться и на субъектном строе интересной нам музыкально-поэтической композиции...» [1, с. 335]. В.А. Гавриков, рассуждая о специфике взаимодействия рок-поэта и публики, говорит о том, что между этими субъектными формами отсутствует посредник [1, с. 340].

На первый взгляд, всё выглядит именно так, однако, как мы уже говорили выше, между данными субъектными образования образуется динамическое, интерпретационное поле, которое можно рассматривать как своеобразную посредническую зону, в которой зарождаются новые интерпретации того или иного фрагмента синтетического текста:

«Иногда зрители заметно корректируют смысл текста, по-своему расставляя смысловые акценты, предлагая новое строкоделение, даже меняя звуковой облик слов» [1, с. 338]. Этот факт еще раз подтверждает утверждение о том, что слушатель-зритель, попадая в структуру синтетической языковой личности, способен оказывать воздействие на внутреннюю организацию синтетического текста.

2. *Воздействие слушателей-зрителей на специфику организации композиции, выстраивания последовательности исполнения рок-композиций в пространстве конкретного рок-концерта.* В данном контексте речь идет о тех случаях, когда рок-поэт (рок-исполнитель) строит свою концертную программу или её фрагменты на основе пожеланий публики. Такой способ выстраивания структуры рок-альбома встречается достаточно часто. Отметим, что он применяется не только в рамках небольших, «приватных», квартирных концертов, но и в рамках больших «стадионных» концертных выступлений. В этом случае слушатель-зритель условно начинает выполнять функции первичного автора, который обычно сам тщательно продумывает общую композицию альбома или концерта, выстраивая последовательность песен с учётом тематики и проблематики композиций.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что воспринимающее сознание не просто вовлечено в структуру СЯЛ, а является его конститутивным компонентом, способным корректировать специфику когнитивно-прагматического уровня СЯЛ.

Библиографический список

1. Гавриков В. А. Русская песенная поэзия XX века как текст. – Брянск: ООО «Брянское СРП ВОГ», 2011. – 634 с.
2. Иванов Д., Калинин П. Онтологические аспекты рок-произведения: пространство, время, сознание. – Lap Lambert, 2012. – 243 с.
3. Кинчев К. Моё поколение. Шабаш // Алиса, 1991.
4. Кинчев К. Инок, воин и шут. Сейчас позднее, чем ты думаешь // Алиса, 2003.
5. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс – 1990. – 241 с.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: Наука, 1993. – 163 с.
7. Цой В.Р. Звезда по имени солнце: стихи, песни, воспоминания. – М.: Эксмо, 2004. – 423 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический проект, 1996. – 240 с.

УДК 008.001

Полосин Николай Николаевич

Московский государственный университет культуры и искусств
vsevolod.romanov@yandex.ru

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Статья посвящена анализу теоретических оснований исследования проблемы межкультурных коммуникаций и диалога культур в русле основных теоретических приоритетов культурной антропологии; рассматриваются гносеологические характеристики теории межкультурных коммуникаций и культурной антропологии.

Ключевые слова: теория культуры, культурология, культурная антропология, межкультурные коммуникации, гносеология.

Современная система социально-гуманитарного знания интенсивно развивается во многих направлениях, будучи детерминирована большим числом подчас противоречивых научных идей и концепций. Ведущие отечественные философы, специализирующиеся в области теории познания, объясняют противоречивость современной системы социально-гуманитарных наук общими трендами когнитивной эволюции человечества [4; 7], а также – кризисными явлениями в сфере науки и образования [5]. При этом отмечается, что в подобной непростой гносеологической ситуации ряд научных дисциплин расширяет свое методологическое значение, выходя на уровень философского обобщения когнитивных процессов. Особенно интенсивно развиваются в таком направлении культурная антропология и теория межкультурных коммуникаций. Данные дис-

циплины, объектом которых являются связи между культурами, народами, сообществами, демонстрируют возможности применения своих концептуальных основ в многообразии социально-гуманитарных областей исследования. В настоящей статье представлен опыт анализа общих и особенных гносеологических характеристик данных научных дисциплин.

Одной из характерных черт современной культуры и современного общества является глобализация, расширяющая возможности взаимопроникновения культур и определяющая формирование нового типа коммуникационного пространства, в котором нелинейным образом происходит становление новых типов культурной идентичности, реализуются многомерные процессы влияния одной культуры на другую. Активизация межкультурных коммуникаций – диалектически противоречивый

процесс, включающий как бурное развитие конвергенции культур, так и укрепление этноцентрических тенденций. Любая культура стремится не только брать из внешней среды полезные для себя новации и ресурсы, но и оставаться самой собой, что и определяет ее выживание. Однако в современном мире существовать, не испытывая на себе влияние динамической среды, невозможно, и проблема сохранения культурной идентичности при условии включенности в сложные системы межкультурных коммуникаций становится все более актуальной.

В наши дни, несмотря на постоянно укрепляющиеся тенденции взаимопроникновения культур, существуют выраженные противоречия между разными этническими культурами при очевидной необходимости взаимодействия между ними. Имеют место и многочисленные проблемы барьеров межкультурных коммуникаций. При наличии множественных теоретико-методологических оснований исследования самого процесса межкультурных коммуникаций, породившего самостоятельную научную дисциплину – теорию межкультурных коммуникаций, проблема гармонизации межкультурного взаимодействия еще далека не только от своего практического решения, но и от комплексного концептуального обоснования, что приводит к росту числа исследований данной проблемы, выполненных с позиций разных научных дисциплин.

Приведем отрасли социально-гуманитарного знания, наиболее часто применяющиеся для анализа проблемы взаимодействия культур. Это – философская теория культуры и культурология, социология, этнография, педагогика, психология, лингвистика, политология и т.д. Каждая из названных дисциплин привносит в решение проблемы гармонизации межкультурных коммуникаций собственные подходы. Как можно убедиться, данные подходы неоднородны и не сводимы к целостности по самому факту принадлежности к различным дисциплинам. Другими словами, частнодисциплинарные исследования призваны решать задачи, относящиеся к определенным аспектам проблемы. Возможен и синтез частнодисциплинарных подходов в масштабах крупных интегральных изысканий, который переводит теоретико-методологическое основание подобного интегрального исследования на новый, более высокий уровень обобщения, что повышает степень абстрагирования и снижает непосредственную прикладную значимость результатов. Описанная науковедческая специфика современного состояния научных исследований процессов межкультурного взаимодействия по-новому ставит вопрос выбора отрасли знания, наиболее точно соответствующей исследовательской проблеме и способной сформировать эффективный в прикладной аспекте результат исследовательской работы.

Традиционно последние несколько десятилетий в качестве такого концептуального ядра применя-

лась теория межкультурных коммуникаций [2]. Само название данной научной сферы очевидным образом свидетельствует о выраженном акценте на формирующихся паттернах культурной общности, самой возможности осуществлять коммуникацию. Однако в современных условиях большее значение приобретает исследование специфического – а не типичного, отличающегося – а не общего, что продиктовано усиливающейся конфликтностью межкультурного взаимодействия. Таким образом, изучение острых современных проблем системы межкультурных коммуникаций должно быть связано с выбором тех концептуальных оснований, которые проявили наибольшую эффективность в исследовании сложностей и противоречий взаимовлияния культур.

Система гуманитарного знания включает в себя значительное количество научных дисциплин, по-разному раскрывающих специфику межкультурных коммуникаций. И возможности взаимодействия между заметно различающимися национальными культурами преимущественно находятся в фокусе внимания такой дисциплины, как культурная антропология. Данная научная дисциплина с момента своего возникновения акцентировала именно специфику, отличия этнических культур и изучала народы сквозь призму их неповторимой уникальности, диктующей условия взаимодействия с «другим». Фактически стремление к беспристрастному взгляду на комплекс характерных черт любой национальной культуры было той особенностью культурной антропологии, которая сделала данную научную дисциплину во многом «неудобной» для включения в арсенал советских гуманитарных наук, развивавшихся под знаменем абстрактно-гуманистического интернационализма, не учитывавшего реальность межкультурного взаимодействия. Именно поэтому на протяжении десятилетий данная научная дисциплина развивалась в большей степени за рубежом, хотя исследования, выполненные с ее позиций, можно было изредка встретить и в нашей стране.

Культурная антропология обладает предельно широкой номенклатурой трактовок, сближающих ее с этнологией, этнографией, культурологией, что связано с историей ее развития как науки. Часто встречается отождествление философской и культурной антропологии, что в значительной мере оправдано единством феноменологической базы и теоретической основы [6]. Суммируя позиции разных исследователей [1; 2; 8 и др.], можно утверждать, что культурная антропология – это интегральная отрасль научного знания, исследующая специфику национальных культур применительно к решению задачи гармонизации взаимодействия культур.

Различия в понимании антропологической проблематики в отечественной и зарубежной культурно-антропологической традиции, специфика научных школ, слагающих данное направление, общие

векторы гносеологических приоритетов, отличающих антропологическое знание в нашей стране и за рубежом, сформировали целостное единство концептуальных позиций, характеризующихся предельной широтой постановки вопросов о развитии культур, особенно в контексте исследования проблем диалога культур и межкультурной коммуникации – ключевых исследовательских приоритетов современной культурной антропологии.

Культурная антропология, исследующая этнические культуры больше в аспектах их различий, чем сходства, в современных условиях приобретает значение одной из ключевых научных дисциплин в деле теоретического осмысления процессов глобального взаимодействия, определения мирного и цивилизованного пути развития человечества.

Взаимодействие между различными этническими культурами возможно только на основе взвешенного гуманного диалога, обогащающего каждую отдельную культуру и развивающего представление данной культуры о других. В современных условиях тесного и необходимого сотрудничества между государствами и народами не существует возможности автономного развития какой-либо отдельной культуры. Этнические культуры существуют в целостной культуре человечества, но эта глобальная система внутренне диалектически противоречива, и взаимодействие между отдельными ее элементами демонстрирует как всеобщую связь явлений, благодаря которой ни одна этническая культура не может считаться сформировавшейся самостоятельно, так и моменты напряжения, связанного с различиями между отдельными культурными нормами, ценностями, религиями и т.д. Таким образом, культурно-антропологический подход демонстрирует конкретизированные принципы диалектики, формируя объяснительные модели эволюции единой культуры человечества в целом [1].

Культурно-антропологический подход, связанный с анализом проблем взаимодействия культур и их отдельных представителей, за время своего применения в системе гуманитарных наук накопил высокий потенциал исследования проблем взаимодействия в целом, и теория познания, ориентированная на человека, может эффективно экстраполировать наработки культурной антропологии для качественно более совершенного осмысления социальных и культурных процессов взаимодействия на всех уровнях общества. В любой науке есть составляющая культуры [3]. Теоретические послышки, исходящие из научной сферы, относящиеся к системе знания о культуре, представляют, на наш взгляд, высокую эффективность при анализе любого предмета как преломленного в культуре и человеке.

На протяжении всего времени функционирования культурной антропологии, как системы научного знания о человеке и культуре, в ней наблюдался процесс повышения уровня и качества обоб-

щения, усиления внимания к общим и типическим признакам эволюции культур, в связи с чем можно утверждать, что данной научной дисциплиной выработан ряд принципов, способных оказывать влияние не только на систему наук и представлений о культуре и обществе, но и на все научное знание в целом. Эти принципы проецируются в научные и социальные функции данной дисциплины.

В многообразии общегуманитарно значимых функций, выполняемых культурной антропологией, следует особо отметить распространение в мире представлений об отдельных этнических культурах как об уникальных и самоценных образованиях, значимых именно своей спецификой и непохожестью на другие. В число функций этой научной сферы можно включить и распространение сведений об уже нанесенном и возможном вреде отдельным культурам при бесконтрольной эксплуатации их ресурсов другими культурами, в связи с чем ресурсы материальной культуры – памятники зодчества, изобразительного искусства и т.д. – разрушаются, ресурсы духовной культуры обесцениваются и нивелируются, и даже сами люди – представители данной этнической культуры – теряют культурную и этническую идентичность. Таким образом, культурная антропология непосредственным образом ставит вопрос об этике культурных процессов в целом и процесса познания в частности, демонстрируя объективную зависимость процесса и результата человеческой деятельности, в том числе познавательной, от нравственных основ, заложенных, в числе прочего, и в теоретических посылках исследования.

Общегуманитарная и гносеологическая значимость культурной антропологии проявляется и в том, что данную научную сферу интересовал и продолжает интересоваться человек, существо которого часто пытаются раскрыть с помощью его культурной среды. Этот способ рассмотрения позволяет сравнить культурную антропологию современности с гуманистическими концепциями Ренессанса, постулировавшими примат значимости знания о человеке, для человека и сквозь призму человека. В связи с тем, что социальное и культурное, в широком понимании этих терминов, поведение человека складывается под воздействием культурной окружающей среды, культурная антропология поставила во главу угла вопрос о характерных чертах каждой культуры и культуры человечества в целом, соединив в своих подходах категориальную специфику единичного, общего и всеобщего. Культурная антропология, особенно последнее время, стремилась к анализу фундаментальных проблем, к построению предельно широких систематизированных концепций, объединяющих подчас далеко не смежные области. Исходя из этого, общим объектом культурной антропологии и теории межкультурных коммуникаций можно считать целостную специфику человека как биосо-

Таблица 1

Гносеологические характеристики культурной антропологии и теории межкультурных коммуникаций

Характеристика	Культурная антропология	Теория межкультурных коммуникаций
Объект	Локальные этнические культуры	Связи между культурами
Предмет	Аутентичность культур	Комплементарность культур
Базальная проблема	Этнические различия культур	Средства взаимодействия культур
Методология	Эволюционистская, компаративистская, функционалистская, дескриптивная	Компаративистская, герменевтическая, инструментальная, семиотическая
Ведущие философские основания	Постпозитивизм, анализ	Постпозитивизм, Постструктурализм

циального существа, создавшего культуру, во всем многообразии его аспектов. Приведем гносеологические характеристики и черты сходства и различия культурной антропологии и теории межкультурных коммуникаций (табл. 1).

Как можно убедиться, культурная антропология и теория межкультурных коммуникаций обладают достаточными основаниями для рассмотрения их в качестве взаимодополняющих социально-гуманитарных дисциплин высокой степени гносеологической актуальности. Описанные дисциплины представляют собой показательный срез гуманитарных наук, постоянно повышающих уровень теоретического обобщения и подходящих к возможности взвешенного и практико-ориентированного исследования такой сложной проблемы, как гармонизация межкультурного взаимодействия на основе полномасштабного учета специфики и различий национальных культур. Беспристрастность учета фактического материала в соединении с высоким гносеологическим потенциалом делает, по нашему мнению, данные дисциплины наиболее адекватным концептуальным ядром широкого спектра областей социально-гуманитарных исследований.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю.В. и др. Этносоциология. – М.: Аспект-пресс, 1998. – 271 с.
2. Диалог цивилизаций: базовые концепты, идеи, технологии: монография / Абдулатипов Р.Г. и др. – Н. Новгород: Растр-НН, 2006. – 472 с.
3. Ерасов Б.С. Социальная культурология. – Ч. 1. – М.: Аспект-пресс, 1994. – 384 с.
4. Марков Б.В. Философская антропология. Очерки истории и теории. – СПб.: Лань, 1997. – 366 с.
5. Оленев С.М. К вопросу об инфляции знаний в системе образования и науки // Вестник Владимирского государственного университета. Педагогические и психологические науки. – 2013. – № 12(31). – С. 12–17.
6. Тишков В.А. Этнология и политология. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
7. Токарев Р.А. Социально-гуманитарное знание. Проблемы поиска познавательных технологий: монография. – М.: Московский гос. вечерний металлургический ин-т, 2010. – 107 с.
8. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. – 320 с.

КУЛЬТУРФИЛОСОФИЯ РОМАНТИЗМА

В статье рассматриваются особенности романтического художественного сознания, представлена его философская основа.

Ключевые слова: романтизм, художественное сознание, абсолют, синтез, бесконечное.

В эволюции духовной культуры и мировоззренческих ориентаций общества существенный сдвиг в сравнении с эпохой Просвещения был обозначен Романтизмом. Романтизм как новое историческое мышление, как определенный тип культуры формируется в Европе в 90-е годы XIX века. Сложность, многогранность феномена «романтизм» породила постоянный интерес (более полутора веков) к этой проблеме. Исследователи романтизма неоднократно сталкивались с трудностями его однозначного, исчерпывающего определения.

Феномен романтизма чрезвычайно сложен в своей разноликости, многообразно разработан и, претендуя на создание целостного мировоззрения, может рассматриваться в качестве общекультурного движения, проявившегося во всех областях художественной жизни. Рассмотрим один из аспектов этого феномена – *романтизм как тип сознания*.

В искусстве духовное и практическое освоение мира осуществляется на основе и посредством особого сознания – *художественного*. В одном из современных исследований художественное сознание определяется как система идеальных структур, которая порождает, программирует художественную деятельность и ее продукты, осуществляет и обеспечивает художественное освоение мира во всей его специфике [6, с. 7, 59]. Данное определение существенно дополняется в другом исследовании: «...Художественное сознание фиксирует, интерпретирует, запечатлевает феноменальность мира и *самое себя как его части...*» (курсив мой. – А.Ш.). Автор утверждает, что своеобразие художественного сознания может быть описано из самого себя, из собственной судьбы вне прямой зависимости от уровня развития цивилизации [4, с. 14–15]. В основе любой реальной художественной общности лежит исторически определенный тип художественного сознания (например, барочный, классицистский или романтический типы), каждый из которых имеет свои особые характеристики. Художественное сознание каждого исторического этапа выражают художественные теории, на его формирование влияет также творческая практика всех видов искусств.

Романтический тип сознания (мироощущение, мирочувствие) нашел выражение в эстетических теориях и художественной практике романтиков

и в каждой стране имел свою специфику. Несмотря на множество «локальных» романтизмов, художественное сознание романтической эпохи характеризуется общими чертами, отличается особым типом чувствования, инвариантным для романтиков.

Наиболее важные положения романтической эстетики были поставлены и сформулированы в пору *ранней* фазы развития романтизма в Германии, Англии, Франции, особенно в немецком романтизме, ранний период которого связан в основном с деятельностью йенской школы (братья А. и Ф. Шлегели, Л. Тик, В. Ваккенродер, Новалис).

Философская основа

романтического художественного сознания

Эпоха романтизма отличается особым представлением о личности, ее возможностях, ее роли и месте в жизни. Акцентируется внимание на единичности, уникальности и неповторимости личности, углубляется традиция индивидуализации, идущая еще от Ренессанса. Обоснование романтического культа личности наиболее последовательно представлено в работах И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга (учение об Абсолюте), которые явились философской основой романтического искусства, романтического взгляда на мир.

Понятие «Абсолют» означает самодостаточность, вечность, бесконечность духовной реальности, которая является основой всего сущего. У Канта (1724–1804) идея абсолюта преломляется, в частности, в его рассуждениях об «идеале» чистого разума, о «вещи в себе». В «Критике чистого разума» (1781) И. Кант утверждает мысль о существовании мира вне пространства и времени, не зависящего от нашего сознания (от ощущений и мышления), лежащего вне границ сознания, то есть трансцендентного мира «вещей в себе». С другой стороны, все, существующее во времени и пространстве (и самое время и пространство), есть продукт познающего субъекта (Я), сознания [7, с. 320].

И.Г. Фихте (1762–1814) связывает идею абсолюта с «абсолютным Я». В ряде работ, объединенных общим названием «Наукоучение», Фихте, в отличие от Канта, не допускает существования «вещи в себе» независимо от сознания. «Вещи в себе» познаваемы. Единственная истинная и самостоятельная реальность – это *самосознающий субъект* (Я). Кроме исходного «Я» (абсолютного

субъекта), предполагается существование какого-то «не-Я» (природы, объекта). Природа, мир объектов является продуктом, результатом бессознательной деятельности абсолютного (мирового) «Я». Отличая индивидуальное «Я» от абсолютного «Я», Фихте утверждает единство этих противоположностей: каждый единичный субъект потенциально является абсолютным субъектом. Философ стремится возвысить единичного человека до абсолютного, показать, что он, в сущности, воплощает в себе все человечество.

Идея абсолюта у Шеллинга (1775–1854) выражена в «абсолютном тождестве субъекта и объекта». Ф.В.Й. Шеллинг (вслед за Фихте) в «Системе трансцендентального идеализма» (1800) считает главным инструментом познания продуктивное созерцание, непосредственное созерцание разумом самого предмета («интеллектуальная интуиция»), которое одновременно и познает предмет, и производит его. Это – абсолютный разум, в котором субъект и объект неразрывно связаны, первооснова, то первоначало, которое мыслится как абсолютное тождество (абсолютное единое начало). В его учении формируется понятие Абсолюта как бесконечного самосознания или абсолютной Личности.

Таким образом, взгляды философов, представленные в учении об Абсолюте, явились обоснованием романтического культа личности и сыграли значительную роль в формировании романтического художественного феномена.

Особенности романтического художественного сознания

1. Отличительной особенностью становится *субъективность* мировосприятия, мироощущения. Все сосредоточено на личности, на ее внутреннем мире, весь мир стянут к личности. Гегель писал: «Подлинным содержанием романтического служит абсолютная внутренняя жизнь, а соответствующей формой – духовная субъективность, постигающая свою самостоятельность и свободу» [2, с. 233]. Главным эстетическим критерием искусства является *субъективно-лирическое* переживание личностью окружающего мира.

В центре эстетики романтиков находится «Я» художника, на первый план выдвигается значимость, ценность самого субъекта, индивидуальная психология личности. «Человек... впервые открывает для себя свой внутренний мир – как именно свой, всецело принадлежащий ему, находящийся в ведении его самого и никому не подотчетный» [10, с. 22]. В художественном творчестве акцентируется внутренний мир человека, культивируются сильные страсти и лирические переживания, которые в то же время воплощают и некий универсальный опыт.

Особенность романтического мироощущения выражается в напряженном переживании *противоречия идеала и действительности*, их несовме-

стимости. В романтическом сознании раздваивается пространство жизни – на делящееся, связанное с идеальной стороной, и на дискретное, «разорванное», не дающее возможности воплотить мечту, прерывающее человеческие мысль и чувство. Романтик испытывает ощущение неудовлетворенности, *томление* по идеалу, в поисках которого заключается его реальная жизнь и жизнь в искусстве.

Обостряется ощущение *антиномичности* не только бытия, но и внутренней природы самой личности. Герой в романтизме всегда носит черты раздвоенности, неудовлетворенности (иначе это – не романтический герой). Такая характеристика относится и к активным, и к созерцательным персонажам. Конфликт разворачивается в рамках личностного мироощущения. Примирение здесь невозможно, ибо противоречие не снимается – сохраняется лишь констатация невозможности достижения идеала.

Двоемирие возникает как основная парадигма романтизма. Восприятие, мироощущение романтиков, перемещая центр тяжести на субъективно значимое начало, формируют идеальный мир, свой «космос души», противостоящий окружающему и возвышающийся над ним. В построении непротиворечивого романтического фантазийного мира романтики пытаются найти пути воплощения новой *целостной* личности.

Сознание рефлектирующего человека ищет смысл, свое место в жизни путем проникновения в трансцендентные (невыразимые) сущности, расширяя тем самым границы своего сознания. Бесконечность устремлений, творческих проявлений человеческого духа характеризует романтическую личность и связано с идеей философского мировосприятия романтиков – идеей *бесконечного*.

2. В результате деятельности субъекта, личности, а по учению Фихте, абсолютного «Я» (как органически развивающегося процесса) происходит становление нового мира. Романтики воспринимают мир в движении, включающем в себя бесконечность и тождественным с нею. «Бесконечность – особая любовь романтиков, быть может, главенствующая. Философы и поэты, для которых мир был развитием, не могли не завершать свой мир идеей бесконечности» [1, с. 23]. *Конечное* – замкнутое, имеющее границы, воплотившееся в конкретной телесной форме, тем самым утратившее движение, творчество. В бесконечном все нестабильно, изменчиво, находится в непрерывном движении. Единственный закон бесконечного – творчество. Немецкие романтики, прежде всего Ф. Шеллинг и Новалис, возродили идеи позднеантичного мистика Плотина о вечном стремлении души к бесконечности («бесконечное желание души»), к бесконечности, превосходящей любую форму (подразумевалась художественная форма классицизма). Для романтического мироощущения характерны глубоко

личное, субъективное, религиозное, интимное переживание непознанного, таинственного, религиозно-мистическое и поэтическое отношение к природе, мистическая окраска. Зарождение и развитие мистического чувства (бесконечного) в творческой интуиции романтиков и в их теоретических взглядах исследует в своей монографии В.М. Жирмунский [5]. Выявив истоки мистического чувства у романтиков, будущий академик описывает развитие этого чувства, начиная от созерцания природы и заканчивая воплощением его в высших формах культуры (мистика природы и любви, мистическая этика и философия истории, мистическая поэзия и новая религия).

Идея бесконечного и дихотомия «бесконечное – конечное» пронизывают все уровни романтического художественного сознания, выражаясь в оппозиции «хаос – гармония», «наивное – сентиментальное», в иерархии видов искусства и жанровых структурах, в теории романтической иронии и теории фрагмента.

На уровне видов искусств оппозиция «конечное – бесконечное» является оппозицией «скульптура – музыка». «Скульптура есть образная твердь. Музыка – образное текучее», то есть *бесконечное*, вечно движущееся [9, с. 137]. Живопись, по романтическим представлениям, находится между скульптурой и музыкой (В.Г. Ваккенродер). Ф.В.Й. Шеллинг выстраивает искусства в порядке восхождения: словесное искусство – изобразительное искусство – музыка.

3. Принцип бесконечного заложен в самом универсуме, едином, неделимом. Бесконечное мыслится как «некий универсальный синтез», подразумевающий существование *всего* в нерасчлененности, в целокупности, не имеющего границы, предела, воплощения. Стремление видеть в конечном бесконечное, созерцать, постигать мир (универсум) как целое, вновь обрести распавшееся единство, восстановить утраченную гармонию в жизни, обществе, стремление к охвату явлений в их взаимосвязи порождает близкую романтикам идею – *синтез всего сущего*. Идея синтеза осмысливается в естественных науках, в философском знании (Лейбниц, Кант, Шеллинг, Ф. Шлегель) и проецируется в область искусства.

В учении Г. Лейбница о монаде эта частица предстает, с одной стороны, как неделимая «простая субстанция», с другой, – будучи отражением, микрокосмом Вселенной, включает в себя многообразие этой Вселенной, то есть обладает *синтетическим* единством. Кроме того, она различима от других монад и может с ними соединяться, образуя *сложное единство* субстанций [8].

В «Критике чистого разума» (1781) Кант, развивая идеи Лейбница, представляет в качестве простой субстанции «вещь в себе» (та же монада), которая является движущей силой в процессе позна-

ния. Явление синтеза Кант вводит в процесс познания, объединяя чувственный опыт и рассудок (мышление, оперирующее понятиями), осуществляющий связывание (синтез) многообразного чувственного материала. Свои взгляды о единстве, синтезе Кант переносит в область искусства, высказывая мысль о возможности *сочетания* в одном произведении нескольких изящных искусств («Критика способности суждения»).

В разработку проблемы синтеза большой вклад внесли романтические философы Ф.В.Й. Шеллинг и Ф. Шлегель.

Первоначалом единства (синтеза), по Шеллингу, является Абсолют, представляющий собой тождество противоположных начал – природного и духовного мира, объективного и субъективного. Полному интерпретируя кантовскую «Критику способности суждения», Шеллинг видит в искусстве ту сферу, где осуществляется связь объективного и субъективного, где соединяется бессознательное божественное вдохновение с сознанием художника. Искусство, в представлении Шеллинга, – «абсолютный синтез», единственный путь постижения тождества бессознательного и сознательного, бесконечного и конечного. Философ рассматривает не только каждое искусство (музыку, живопись, пластику и поэзию), но устанавливает их внутреннюю связь. Будучи проявлением Универсума, каждое из искусств обладает внутренним единством и, соединяясь с другим искусством, способно рождать новую более сложную целостность. Шеллинг приходит к мысли о синтезе всех искусств в одном – в «явлении театрального искусства» (опера и ее предок – античная драма) [11, с. 444].

Предметом изображения в искусстве должно быть бесконечное, мировой синтез. Ф.В. Шлегель (1772–1829), теоретик романтического искусства, высказывает мысль о необходимости включить в искусство все формы поэзии и философии, всю совокупность жизненных элементов – «поэзию и прозу, гениальность и критику, искусственную и природную поэзию, то в смешении, то в соединении» [12, с. 116]. Не случайно, что именно романтиками было впервые актуализировано понятие *Gesamtkunstwerk* как некий продукт творческой деятельности. Позднее это понятие было осмыслено Р. Вагнером.

Таким образом, йенскими романтиками разрабатывалась новаторская концепция мировой литературы: соединение всех искусств в одно искусство, совмещение в одном произведении многих жанров. Это был «космос универсальности», который, по мысли романтиков, наиболее адекватно способен был воплотить всю полноту жизни.

4. С концепцией личности, с идеей бесконечного связана романтическая ирония.

Принцип иронии был сформулирован Ф. Шлегелем под влиянием философских идей Фихте. Ху-

дожник как высшее выражение личности, стремясь к полноте высказывания, никогда не сможет ее достичь и потому иронически относится ко всему изображаемому и к себе (самоирония). По мысли Шлегеля, предметом иронического воздействия, переосмысления является внешний мир (конечное), который нужно преодолеть и приблизить к бесконечности. В результате иронического переосмысления мир утрачивает свою традиционность, конечность, становится бесконечным.

Романтическая ирония имеет и другой смысл, который заключается в эстетической игре противоречиями. Романтики рассматривали жизнь и природу как *игру противоположностей*, как драму, как роман, то есть понимали жизнь с точки зрения эстетических категорий, что давало им возможность неожиданно и оригинально «синтезировать» жизненные противоречия. Новалис утверждает: «Мы живем в огромном (и в смысле целого, и в смысле частных) романе. Роман есть жизнь, принявшая форму книги» [9, с. 137].

Н.Я. Берковский трактует романтическую иронию как «развоплощение». Романтики оставляют развоплощение на виду: стремятся раскрыть все дурное и освободиться от него. Тогда скрытые возможности жизни, раскрепощенные, освобожденные от дурной плоти, поднимаются к свету сознания и ожидают нового, более прекрасного воплощения [1, с. 22, 65, 125, 131].

Раннеромантическая ирония не только отрицает, но и созидает, пересоздает мир. В основе иронии раннего романтизма – юмор (Ф. Шлегель, Л. Тик). Поздний романтизм порождает иронию саркастическую, иронию отрицания, но не преобразования (Э.Т.А. Гофман, Г. Гейне). Сталкивается высокое и низкое, антинормативное, соединяется несоединимое. Контрастные явления впитывают значения друг друга, высокое снимается низким.

5. Переживаемая романтиками утрата органической связи с музыкально-стихийным бытием выражается в «музыкализации» бытия и сознания. Романтический философ Ф.В.Й. Шеллинг ставит музыку выше всех искусств, в отличие от кантовской классификации, где музыка занимает последнее место среди других искусств. Стремление Шеллинга найти «органическую» связь искусств между собой выражается в тенденции «омузыкаливания» искусств. Так, *архитектура*, как музыка пластического искусства, имеет свою ритмическую, гармоническую и мелодическую сторону. Рисунок является ритмом *живописи*. *Пластическое* искусство рассматривается как содержащее в себе отдельные формы искусства – музыку, живопись и саму скульптуру. В области самого *музыкального* искусства Шеллинг рассматривает *ритм* как музыку, *гармонию* как живопись и *мелодию* как пластическое искусство [11, с. 205].

Романтики подчеркивали связь между музыкой природы, музыкой бытия и музыкой как художественным творчеством. Формы музыки тождественны формам бытия и жизни мировых тел, «поэтому музыка есть не что иное, как воспринимаемый ритм и гармония самой видимой вселенной» [11, с. 230]. Сущность всех вещей музыкальна («в каждой вещи спит струна» – Й. фон Эйхендорф). Романтическое вслушивание во внутреннюю, единую для всего, сущность вещей Г. Гегель обозначает как «музыка вещей» (*Musik der Dinge*). Философ осмысливает сущность музыки как явление, находящееся в движении, включенное в процесс исторического развития (музыке здесь присуждается второе место после поэзии как «наиболее духовного» искусства). Музыка обращается к слушателю со своим смыслом, а «смысл этот есть бесконечность созерцаемого содержания...» [3, с. 294].

По высказываниям многих романтиков (Э.Т.А. Гофман, Г. Гейне, позднее – Ф. Лист, Р. Вагнер и др.) музыка и является олицетворением романтизма. Через музыку все явления мира заявляют о себе как бесконечное. Все искусства обращаются к музыке, потому что «она – последнее дыхание души, более тонкое, чем слова, – может быть, даже более нежное, чем мысли». Йенцы «выставили идеал нового универсального искусства, слияния всех искусств и превращения их в музыку» [5, с. 32, 182].

Библиографический список

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 512 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х т. – М., 1969. – Т. 2. – 389 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х т. – М., 1971. – Т. 3. – 415 с.
4. Едошина И.А. Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы. – М.; Кострома, 2002. – 241 с.
5. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика / предисл. и коммент. А.Г. Аствацатурова. – СПб.: Аксиома, 1996. – 232 с.
6. Закс Л.А. Художественное сознание. – Свердловск: Изд. Урал. ун-та, 1990. – 212 с.
7. Кант Иммануил Собр. соч.: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 3. – 654 с.
8. Лейбниц Г.В. Монадология // Лейбниц Г.В. Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1. – 636 с.
9. Литературная теория немецкого романтизма / вступ. статья и коммент. Н.Я. Берковского – Л., 1934. – 350с.
10. Михайлов А.В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. – М.: Искусство, 1987. – С. 7–43.
11. Шеллинг Ф.В.Й. Философия искусства. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.
12. Шлегель Ф.В. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. – М., 1992. – Т. 1. – 527 с.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Aleksandr B. Belikhov
Nekrasov Kostroma State University
abb@ksu.edu.ru

Denis L. Legotin
Nekrasov Kostroma State University
dll@ksu.edu.ru

Andrey K. Sukhov
Nekrasov Kostroma State University
suhov_andrei@mail.ru

Computer simulation of atmospheric pollutants diffusion by SILAM system

In this paper, we regard the transfer processes of chemically inert dust produced as a result of natural and anthropogenic fires, with atmospheric masses, located in Kostroma Region, on air pollution in the region. The accounting period was accepted the interval of July—August 2010. Mathematical simulation was performed in the SILAM 5.2 using databases provided by the Finnish Meteorological Institute.

Keywords: computer modeling, meteorological data, atmosphere pollution, chemically inert dust.

Boris Yu. Kudryavtsev
Moscow State University of Mechanical Engineering
abit7@yandex.ru

Plate thickness' distribution optimization for panel flutter case

Stability of a rectangular plate with variable thickness, placed in the gas flow, was analyzed with application of the piston theory. A solution for optimization of the plate thickness' distribution was proposed. The critical velocity of the flow was obtained with binomial approximation using Galerkin method. Parametrical analysis was also carried out.

Keywords: flutter, supersonic gas flow, plate of variable thickness, stability.

Yevgeniy Yu. Lapko
Soviet Union Marshal Timoshenko Military Academy of Radiational, Chemic and Biologic Defense
y_lapko@mail.ru

Irina V. Lapko
Soviet Union Marshal Timoshenko Military Academy of Radiational, Chemic and Biologic Defense
i_lapko@mail.ru

Features of methodological approaches to the development of methods of sample preparation of environmental objects

Analysis of existing approaches to the development of methods of sample preparation of environmental objects samples for quantitative chemical analysis using chromatographic techniques is conducted by the authors.

Keywords: methodical approach, sample preparation, gas chromatographic analysis methods.

Yevgeniy V. Sal'nikov
Yaroslavl State Medic Academy
salnikov_evgeny@mail.ru

Igor' G. Mikhaylyuk
Yaroslavl State Medic Academy
dr-mig@mail.ru

Nikolay N. Spirin
Yaroslavl State Medic Academy
nnsplin@yandex.ru

Fyodor A. Kuz'min
Nekrasov Kostroma State University
kuzminmedico@yandex.ru

Features of mechanoreception in people and animals depending on age, sex and pathology

Mechanoreception thresholds of people and rats is investigated. Statistic significant increase of a light touch sensation threshold in the senior age groups in comparison with younger ones ($p < 0.05$) both in people and rats determined. Peripheral nervous system pathology diagnostics appear to be not of dependence upon these age changes.

Keywords: mechanoreception, threshold, monofilaments, carpal tunnel syndrome, peripheral nervous system.

Galina G. Toshchakova
Kostroma Centre on hydro-meteorology and environmental monitoring (branch of Central Board of hydro-meteorology and environmental monitoring)
tgg7@yandex.ru

Assessment of climatic changes in precipitation on the territory of Kostroma Region

The researches of climate change moisture regime on the territory of Kostroma Region during the period of instrumental observations by modern methods of statistics are conducted. It is defined that distribution of the highest amounts of annual rainfall with maximum in the Central and southern parts of Kostroma Region and minimum in the North, East and West is the uniform.

Keywords: climate change, humidity mode, precipitation amount, time series model.

SYSTEM ENGINEERING

Alexander V. Privalov, Anastasia A. Kovrizhnykh, Georgy M. Travin
Nekrasov Kostroma State University
ops@ksu.edu.ru

Methods and models of adaptation of the Inopererabatyvayushchy equipment under production of fabrics from hemp

Use of the equipment for processing of the flax adapted for fibers of hemp, opens prospect of release of new types of textile products. In article possible ways and methods of such adaptation within which the corresponding models are created are considered and possible real annexes of models to the concrete equipment are formulated.

Keywords: not narcocontaining hemp, the equipment for processing of flax, way, methods, adaptation models.

HISTORY

Aleksandr O. Gulin
Nekrasov Kostroma State University
holst90@mail.ru

The organization of health and social care of sick and wounded warriors in the first months of World War I (on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces). Part 1

This article addresses to development of medical and social care system at the beginning of World War I on examples of Kostroma and Yaroslavl provinces.

Keywords: World War I, evacuation, hospitals, All-Russia's Zemstvo and Municipal unions, charity.

Kirill A. Zverev
Nekrasov Kostroma State University
zverew.kir@yandex.ru

Orthodox church in independent Estonia

The article studies the situation with the Russian Orthodox Church in Estonia in relation to political changes in the country in the 1990s—2000s.

Keywords: Estonia, Russian-speaking population, Estonian Orthodox Church of Moscow Patriarchate, Estonian Apostolic Orthodox Church of Constantinople Patriarchate.

Sergey A. Kabatov
Nekrasov Kostroma State University
kabatov74@mail.ru

Zoomorphic decorations Kostroma Povolzhye

Zoomorphic ornaments presentation classified by belonging to different rural population groups of Kostroma Povolzhye (Kostroma burial mound culture) are the purpose of the article. Topicality is determined by the fact that the main base of sources (archaeological monuments – mound burials) in this area are irrevocably destroyed in recent decades under the influence of anthropogenic factors and powerful drastic evanescence of spiritual culture carriers.

Keywords: Finno-Ugrs, Slavs, zoomorphic decorations, pendant, steed, duck, production mode.

Nikolay V. Mukhachyov
Nekrasov Kostroma State University
kpc@kmtn.ru

Wine trade regulating in the Upper Volga provinces in the middle of the 19th—20th centuries

The article gives a general description of state system of licensing, excise duty and monopoly system over wine trade in the Upper Volga region in the middle of the 19th – 20th centuries.

Keywords: wine trade, wine monopoly, imbiberies, wholesale trade, retail trade, victualing trade enterprises.

Il'ya S. Nagradov
Nekrasov Kostroma State University
nastavnik_kim@rambler.ru

Grigoriy Klement'yevich Gorbunov – industrialist and philanthropist, Old Believer

The article presents data about the entrepreneur and the Old Believer G.K. Gorbunov, discusses his business activities. New information about his charity work is put into scientific circulation. The activity of G.K. Gorbunov as chairman of the Old Believer community is enlightened.

Keywords: G.K. Gorbunov, charity, Old Believers.

Sergiu Nazaria
State Institute for International Relations
of the Republic of Moldova
nastavnik_kim@rambler.ru

Power play in Bessarabia in late 1917 and calling Romanian interventionists into the land

In late 1917, Soviets and nationalist body Sfatul Țării pretended to the power over the land of Bessarabia (modern Moldova, with minor parts of the Ukraine). Under wraps, bewaring the own people most of all and totally lacking its support, they appealed to the Romanian ruling groups to direct its troops as interventionists.

Keywords: Bessarabia, power play, Soviets, bolshevization, Sfatul Țării.

Lev V. Pereskokov
Perm State Academy of Arts and Culture
voopikperm@yandex.ru

« - He is so credulous...»

Traits for historical portrait

of the Grand Duke Mikhail Alexandrovich

Grand Duke Mikhail Alexandrovich (22/11/1878—06/12/1918), the youngest of three sons of Emperor Alexander III, with the death of the middle brother George (1899), and due to illness of Tsarevich Alexei, became a real heir to the throne. On March 2 (old style), 1917, after Emperor Nicholas II had abdicated in his favor, Mikhail had the supreme authority in the country.

Keywords: Grand Duke Mikhail Alexandrovich, Russia 1900—1917 years, Russian Imperial House, Romanovs.

Yelena I. Pochivalova
Ivanovo State University
e_pochivalova@mail.ru

Kirill Ye. Baldin

Ivanovo State University
keballdin@mail.ru

Preconditions of creation higher school in Vladimir Province

The article discusses the history the organization of the higher school in Ivanovo-Voznesensk industrial area, which was included into Vladimir Province up to 1917. The authors study the conditions and prerequisite for the creation of the first universities

here, the process of nucleation of higher education in a major industrial region of pre-revolutionary Russia.

Keywords: textile industry, entrepreneurs in pre-revolutionary Russia, technical education, technical schools, colleges.

Dmitriy I. Sazonov

*Churchwide postgraduate and doctoral studies
of Saints Cyril and Methodius (Moscow)
sazonow63@mail.ru*

Vestry reform of the Russian Orthodox Church adopted by the Local Council of 1961 and its consequences

As a result of pressure from the state, the church was forced to a reform, which aimed at the removal of the rector of the parish. As a result of ill-concealed anti-religious policies of the Soviet power which was declaratively free of religious oppression, temples and monasteries were being closed, as the result of which irreparable damage not only to historically high religiosity of Russia and to its ethnographic rod – the village – has been done. Despite a difficult period for themselves, the Church survived, and in the Local Council of 1988, rules, according to which control returned to the church structure and through which a new type of relationship between the Church and the state became possible, were adopted.

Keywords: Church, parish administration reform, Local Council, insult to believers, believers.

Yevgeniy A. Fleyman

*Nekrasov Kostroma State University
istfak@ksu.edu.ru*

Aleksandr D. Shipilov

*Nekrasov Kostroma State University
istfak@ksu.edu.ru*

Kostroma scientific community on learning local land (1912—1930)

The article is devoted to a well-known in the Russian province public local history association. The authors focus on questions of formation and development of Kostroma scientific community.

Keywords: regional history, museum and archive keeping, local history associations, non-governmental organization.

ECONOMY

Igor' V. Dmitriyev

Nekrasov Kostroma State University

Zinaida V. Bragina

*Nekrasov Kostroma State University
bragzv@yandex.ru*

Control resources of protection of population and objects of economy from fires

The possibility of the multilevel statistical analysis as the main resource for efficient fire-prevention management concerning population and objects of economy has been considered.

Keywords: management, administrative resources, managerial decisions, managerial decision

preparation methods, indicative parameters, fire-prevention concerning population and economy objects.

Vadim A. Man'kovskiy

Nekrasov Kostroma State University

Agricultural sector and economic resources spatial distribution

Position that the distribution of economic resources in Kostroma Region might be more effective is substantiated in this paper basing on the spatial approach.

Keywords: agricultural production, economic resources, spatial approach, mesoeconomy.

Yelena V. Ponomarenko

DOSAAF of Russia

Zinaida V. Bragina

*Nekrasov Kostroma State University
bragzv@yandex.ru*

Unified information environment of DOSAAF of Russia as an effective management reserve

Management practices in the light of modern control theory are discussed in the article, parameters of efficiency of educational process of training recruits in military occupational specialties are justified, features of labour relations the conditions of distance learning are formulated; reserves of the effectiveness of teachers are shown, motivational manifestations of educational services are considered.

Keywords: integrated infomedia of voluntary community of army, aviation and fleet assistance; administrative practice; management efficiency; parameters of training efficiency; distance labour relationships; reserves for teachers' efficient work.

Aleksandr I. Subetto, Vasilii V. Chekmayrov

*Nekrasov Kostroma State University
tchekmar@ksu.edu.ru*

Economic science: morrow, or bloodily clad

The article is an extract from the report on the XV International scientific-practice conference «Economic science contributes to household practice», held on October 10, 2013. The authors analyze the state of economic science as it relates to the practice of creating regional development strategies of mesoeconomic systems.

Keywords: economic science, mesoeconomic systems, regional strategy system.

Galina M. Kurova

*Kostroma State Agricultural Academy
kurovashults@rambler.ru*

Interrelation of competitiveness and indices of development of partnership

Importance of partnership for management of competitiveness (profitability as its main index) is considered in the article. Codes of partnership developed by the author, the method of their calculation and general law partnerships are given.

Keywords: competitiveness, partnership, relationship, profitability, partnership index.

Vasiliy V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University
tchekmar@ksu.edu.ru

Synergy of economy and culture in the context of market competition

2014 is declared the year of Culture in Russia. According to the author, culture determines economic development, and the position of synergism of economy and culture is justified in the article.

Keywords: economy, culture, synergy, education, consumption.

PHILOSOPHY

Karine S. Arutyunyan
Ryazan State Radiotechnical University
carin@mail.ryazan.ru

Social integration as a way to overcome the social crisis of modernity

Crisis phenomena of public consciousness and society are considered in the article; social causes of the crisis and ways to overcome it in the conditions of modern Russian reality are identified. In particular, attention is given to cross-consensus as a means of integration of society, contribute to overcoming the social crisis.

Keywords: social awareness, integration, higher integrative values, value consensus, cross consensus.

Dmitriy N. Bukin
Volgograd State University
hetfeldukin@mail.ru

On mathematics objects existence

It is shown in the article that the problem of existence of objects of mathematics, not identical to the classical "problem of mathematics foundations", remains topical for modern philosophy. Terminological and methodological features of the ontological researches conducted in this direction are considered.

Keywords: ontology, existence, mathematics object, mathematical object, quantity.

Zhanna S. Kalust'yants
North-Caucasian mining and smelting institute
(state technological university)
(city of Vladikavkaz, autonomy
of North Ossetia – Alania, Russia)
linda543@mail.ru

Formation of the modern world's basic identity aspects: personal and social ones

The fundamental problem of modern philosophy, facing not only the scientific community, but the whole of humanity, is considered in the article. On successful resolution of the problem of personality, both in theoretical and practical terms, without exaggeration, the fate of humanity depends, for a unique personality acts the ideal of humanism and the foundation of European civilization.

Keywords: personality, freedom, determination, society, uniqueness, systemic approach, individualism.

Maksim S. Kozyrev
Russian State Social University (City of Moscow)
max-han@yandex.ru

Ideology historical development

Stages of historical development ideology are analyzed in the the article, the features of each of the stages, including modern one, are described.

Keywords: ideology, ideology development stages.

Larisa B. Rybina
Kostroma State Agricultural Academy
larisa.rybina.2014@mail.ru

The problem of the civil society ideal in the philosophy of Semyon Frank and Vladimir Solovyov

The article deals with the opinions of Russian philosophers Semyon Frank (1877—1950) and Vladimir Solovyov (1853—1900) on the solution of the problem of the ideal civil society structure. Some similar and distinguishing features in their conceptions of the civil society ideal are revealed. The conclusion is that Semyon Frank can partly be considered as a follower and successor of Vladimir Solovyov in the solution of this problem.

Keywords: Semyon Frank, Vladimir Solovyov, civil society ideal, theocracy, all-encompassing unity, personality, state and law.

SCIENCE OF LITERATURE

Tamara P. Batalova
Moscow State Regional Social-Humanitarian Institute
Motifs of despotism and sacrifice in poetry Nikolay Nekrasov 1840s

The author of this article analyses Nekrasov's poems "Before the Rain" and "Fatherland" and draws the conclusion that there is interconditionality of despotism and sacrifice; that despotism begets terror, which intensifies it.

Keywords: subject, motive, poem, despotism, sacrifice.

Ol'ga V. Belopukhova
Nekrasov Kostroma State University
klepa3367@mail.ru

Motifs of Schiller's „Ballad of Fridolin” in Ivan Turgenev's novel “A house of gentlefolk”

The author analyses the ballad „Ballad of Fridolin” by Schiller in which his ethnic and aesthetic views were fully reflected, and the forthcoming analysis of the novel “A house of gentlefolk” by Turgenev brings the influence of Schiller's ideas upon Turgenev's world outlook and artistic method, the collusion of the proximity of moral philosophic and aesthetic positions of the German and Russian writers.

Keywords: ballad, German Romanticism, poetic method, musician's image.

Dzhanetta K. Dreyeva

*Hetagurov North-Ossetian State University
dshanetta@mail.ru*

Aelita K. Mil'dzikhova

*Hetagurov North-Ossetian State University
aelita.mak@mail.ru*

**Free rhythms of the 20th — early 21st centuries
as adequate form of reflection of shifted view
of world in consciousness of a word artist
(on the example of analysis of poems
«Word Formation» and «Spring Poem»
by Hans Enzensberger)**

The reasons that led to the process of liberation from the formal dependence that characterizes modern lyrics are analyzed in the article. The presence of correlation between the world picture of the poet and the new forms of artistic representation of reality is shown on the example of a brief poetic-linguistic analysis of the poems by H.M. Enzensberger, built on the principle of “mounting”.

Keywords: free rhythms, world poetic picture, modern poetry, art form, mounting technique, poetic-linguistic analysis.

Nataliya G. Koptelova

*Nekrasov Kostroma State University
kaf_lit@ksu.edu.ru*

**«Saintly Blood» by Zinaida Gippius
and «The Snow Maiden» by Alexander Ostrovsky**

The article observes how the traditions of A.N. Ostrovsky's fairy-tale play «The Snow Maiden» are assimilated in Z.N. Gippius' drama «Saintly Blood».

Keywords: fairy-tale, drama, A.N. Ostrovsky, Z.N. Gippius, tradition, symbolism, images, motifs, paradox, artistic reflection.

Yelena A. Pozdnyakova

*Nekrasov Kostroma State University
leya-pozdnyakova@mail.ru*

**On genre originality of the plays
by Anton Chekhov**

The article considers the reasons of genre peculiarities of Anton Chekhov.

Keywords: genre, characters' duality, suspense, mood.

Viktoriya A. Tezina

*Nekrasov Kostroma State University
tezinava@mail.ru*

**At F.M. Dostoyevsky's and A.N. Ostrovsky's
dramaturgical talent formation background**

Genetic and typical relations of Fyodor Dostoyevsky and Alexander Ostrovsky are shown up in the moment their dramaturgical talent's forming.

Keywords: natural school, physiological essay, spiritual origin, ordinary man, drama, dialogue, Pushkin's tradition.

Vladimir V. Tikhomirov

Nekrasov Kostroma State University

**Petersburg Anthology (1846), published
by Nikolai Nekrasov, in the context
of Russian criticism and journalism of 1840s**

The author presents an objective role and place of Petersburg Anthology (1846) in Russian literary process in the perception of contemporaries.

Keywords: natural school and its opponents, literary positions variety.

Yelena P. Rashchevskaya

*Kostroma State Technological University
rashchevskaya@mail.ru*

**Daniil Andreyev's «transparent realism»:
tradition and innovation**

Place of "transparent realism" literary style designed by Daniil Andreyev and the prospect of its development is determined in a comparative linguo-cultural analysis. It creates a holistic concept of the so-called "messenger's" creative work, based on creator's mystical experience. Backgrounds of the «transparent realism» style in the field of Russian culture are revealed.

Keywords: Fin de siècle, sophiological world perception, organic ideation, symbolism, myths' creation, artist – messenger, mythical experience, «realistic symbolism», «mark-by» creative work principle.

Aleksey V. Ustinov

*Nekrasov Kostroma State University
1013801@mail.ru*

**Russian criticism reflection of Daniil Mordovtsev
(1831—1905) art and scientific creativity**

The article is devoted to the review of critical comments about Daniil Mordovtsev's literary work. This study revealed the originality of views on the artistic, scientific and journalistic writer's works.

Keywords: history of Russian criticism and journalism of second half of 19th century, Daniil Mordovtsev, Nikolay Mikhaylovsky, Nikolai Shelgunov, Nikolai Subbotin, Fyodor Dostoyevsky.

Tat'yana N. Khriptulova

*Tver State University
khriptulovatat@rambler.ru*

Concept «fool» in Nikolai Tryapkin's poetry

Typological features of image of fool in Nikolai Tryapkin's poetry are discussed in relation to the way of a fabulous fool, Ivan fool, or perhaps Yemelya (a young lazy peasant who was lucky enough to catch a magic pike which paid off its life with granting the fellow ability of getting anything he ever wanted) and as a special type of Russian mentality.

Keywords: Nikolai Tryapkin, concept, fool stock character, fabulous Ivan fool, other fabulous Russian fool – Yemelya.

Aleksandr K. Kotlov

*Nekrasov Kostroma State University
ak_kotlov@inbox.ru*

**"Karaganda ninth-day Requiem" by Oleg Pavlov:
artistic medium metaphysics**

Some peculiarities artistic-metaphysic medium of the story "Karaganda ninth-day Requiem" by Oleg Pavlov (2001) are discussed in the paper.

Keywords: Oleg Pavlov, "Karaganda ninth-day Requiem", header complex, image, symbol, chronotop, artistic metaphysics, existential and ontological motifs.

LINGUISTICS

Marina S. Achayeva

*Kazan University of Russian Federation, branch in the town
of Yelabuga, Tatarstan autonomy, Russia
marinachaeva@mail.ru*

**Derivational and semantic structure
of adjectival derivatives in the Russian
and the English languages**

(based on a family of words with the top "high")

This article is devoted to the study of word formation and semantic structure of the derivatives of a family of words with the top "high" in a comparative aspect. In the Russian and the English languages a family of words is characterized by specific character of its content and structural components.

Keywords: family of words, semantic structure, derivatives, specific internal form.

Anna A. Dmitriyeva

*Nekrasov Kostroma State University
anyadmitr87@gmail.com*

**"The semantic field "Family"
in "Memoirs" by Anna Dostoevskaya**

The article is devoted to the examination and analysis of the semantic field "Family", presented in the "Memoirs" by two microfields ("parent family" and "own family"), the semantic series of which reflect the pattern of development of event-driven narrative memoirist.

Keywords: semantic field, microfield, periphery, core, semantic series, structure, semantics, archeseme.

Yelena V. Nikora

*Kazan University of Russian Federation, branch
in the city of Naberezhnye Chelny, Tatarstan autonomy, Russia
h_e_l_e_n_a_@mail.ru*

**About the grammatical status of core means of
expressing repetition of action in the English language**

The functional-semantic field of repetition of action consists of a core and a periphery. Grammatical means present the core and all non-grammatical means constitute the periphery. In this article we've made an attempt to look into the grammatical means of expressing repetition of verbal action in English, which are built with the help of auxiliary verbs used to and would.

Keywords: functional-semantic field, verbal pluractionality, verbal action repetition.

Marina A. Novosyolova

*Nekrasov Kostroma State University
dream_comes_true@list.ru*

**The features of the usage of the Russian
phrasebooks with the emotional meaning
in children literature**

The article is devoted to the studying of the features of phraseologisms with the emotional meaning used by Russian and Soviet writers of the literature for children.

Keywords: emotions, emotivity, phraseological idiom, children's reading.

Irina V. Khokhlova

*Moscow State Pedagogic University
irinachochlova@gmail.com*

**Metaphors in the migration discourse of Germany
(demonstrated on press reports about refugees
at the time of „Arab spring”)**

Our knowledge about immigration is often based on media reports. This article presents the results of study that examined the way the issue of illegal immigrants and immigration to Europe is represented through the metaphors in German media discourse. The analysis of media reports during Arabic revolutions and mass immigration to Europe Union reveals the popular models by constructing metaphoric representation of immigrants.

Keywords: immigration, refugees, media discourse, metaphor, immigration representation, refugee, political metaphors.

Sergey A. Chelyshev

*Nekrasov Kostroma State University
chelishevs@gmail.com*

**The speech influence of headings of Kostroma
printing editions**

Various types of headings of Kostroma printing editions are examined in the article. The author also gives reasons for their classification and analyses speech levers on the reader.

Keywords: speech influence; factor of speech influence; verbal addressee; addresser; means of speech influence.

SOCIOLOGY

Aleksandr A. Markov

*Saint Petersburg State Economic University
dept.ksoimk@engec.ru*

**Some issues of the modern development
of postindustrial society**

This paper considers the functioning of the post-industrial society in the present conditions and trends of its development. Feature of the proposed topic is the analysis of the existing features in the functioning of the global and national information society that promotes, including the growth of information dangers and threats.

Keywords: information society, information security, information technology, global information.

POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaytsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru

Kostroma «greens» vs. Kostroma nuclear power plant: a chronicle of the conflict on a regional scale

The article describes the conflict confrontation that has been lasting for more than twenty years, between supporters and opponents of nuclear power plant construction in Kostroma Region. According to the author, to overcome the confrontation, to the parties in conflict must make greater use of dialogic interaction between the authorities and civil society organizations.

Keywords: power, referendum, civil society, environment, dialogue.

Vitaliy T. Chepil'
Nekrasov Kostroma State University

On the question of methodology of study of the international relations in the course of politology

The article is devoted to the problem of the methodology of study of the international relations in the course of politology. The author shows the essence of this phenomenon and gives some recommendations.

Keywords: nations, folks, national ethnic groups, national policy, international upbringing.

Vitalina V. Chepil'
Nekrasov Kostroma State University

The using of foreign experience as the necessary condition for the building of the most effective system of local government in Russia

The article is devoted to the problem of the possibility of using in Russia the most effective models of the organization of local government abroad.

Keywords: municipal government, people's sovereignty, effective models, democracy, foreign experience.

CULTURE SCIENCE. ART SCIENCE.

Anastasiya Ye. Gromova
Kostroma State Technological University
gromowa130176@yandex.ru

Spatial inculcation in the film "Mirror" by Andrei Tarkovsky and P. A. Florensky's philosophical ideas

The main idea of the article is to identify the spatio-temporal structure of Andrei Tarkovsky's cinematic

language for example the analysis of the film «Mirror». This problem is seen through the prism of the philosophical ideas of Pavel Florensky, concerning the spatial structure of the world, which included the concept of memory.

Keywords: root, ontology, imaginaries, chronotop, memory, Empyrean.

Dmitriy I. Ivanov
Ivanovo State University
ivan610@yandex.ru

Perceiving cognition of listener and spectator as a constituent element of the structure of synthetic language personality

The specificity of perceiving of listener and spectator is considered in this article, wrapped up in the space of rock music. Further, the mechanism of building and functioning of listener's perception in the structure of synthetic language personality is described.

Keywords: synthetic language personality, rock music, perceptively cognition, correlation diagram, applied cultural linguistics.

Nikolay N. Polosin
Moscow State University of Culture and Arts
vsevolod.romanov@yandex.ru

Cultural anthropology and the theory of intercultural communication

The article is devoted to analysis of theoretical grounds for the study of problems of intercultural communications and dialogue of cultures in the framework of the main theoretical priorities of cultural anthropology. The article discusses the epistemological features of the theory of intercultural communication and cultural anthropology.

Keywords: theory of culture, cultural studies, cultural anthropology, intercultural communication, gnoseology.

Aleksandra N. Shikina
Nekrasov Kostroma State University
ashikina@yandex.ru

Romanticism culturphilosophy

Special features of romantic art consciousness are considered in the article.

Keywords: romanticism, art consciousness, absolute, synthesis, something infinite.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. *Статьи* направляются в редакцию только в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют *отсканированный вариант рецензии* на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в формате, полностью совместимом с Word 97–2003. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 10 страниц текста.

5. **Библиографический список** должен быть представлен в алфавитном порядке. **Ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

6. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

7. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

8. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). (Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы)). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

9. **Формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

10. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова должны быть переведены на английский язык.

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
2. Фамилия, имя, отчество автора (полностью);
3. Ученая степень и ученое звание;
4. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора;
5. Адрес электронной почты для каждого автора;
6. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон;
7. Название статьи (сокращения в названии недопустимы)
8. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (не более 5 строк)
9. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)
10. На английском языке: Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова.
11. Текст статьи.
12. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов.

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy's and Fyodor Dostoyevsky's criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908.

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и том: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

**ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА**

2014 – Т. 20 – № 1

Учредитель

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

Главный редактор

Рассадин Николай Михайлович

ректор КГУ им. Н.А.Некрасова, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 12.02.2014
Дата выхода в свет 14.03.2014
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 30,16 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 27.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: (4942) 39-16-56, факс: (4942) 39-16-04,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная